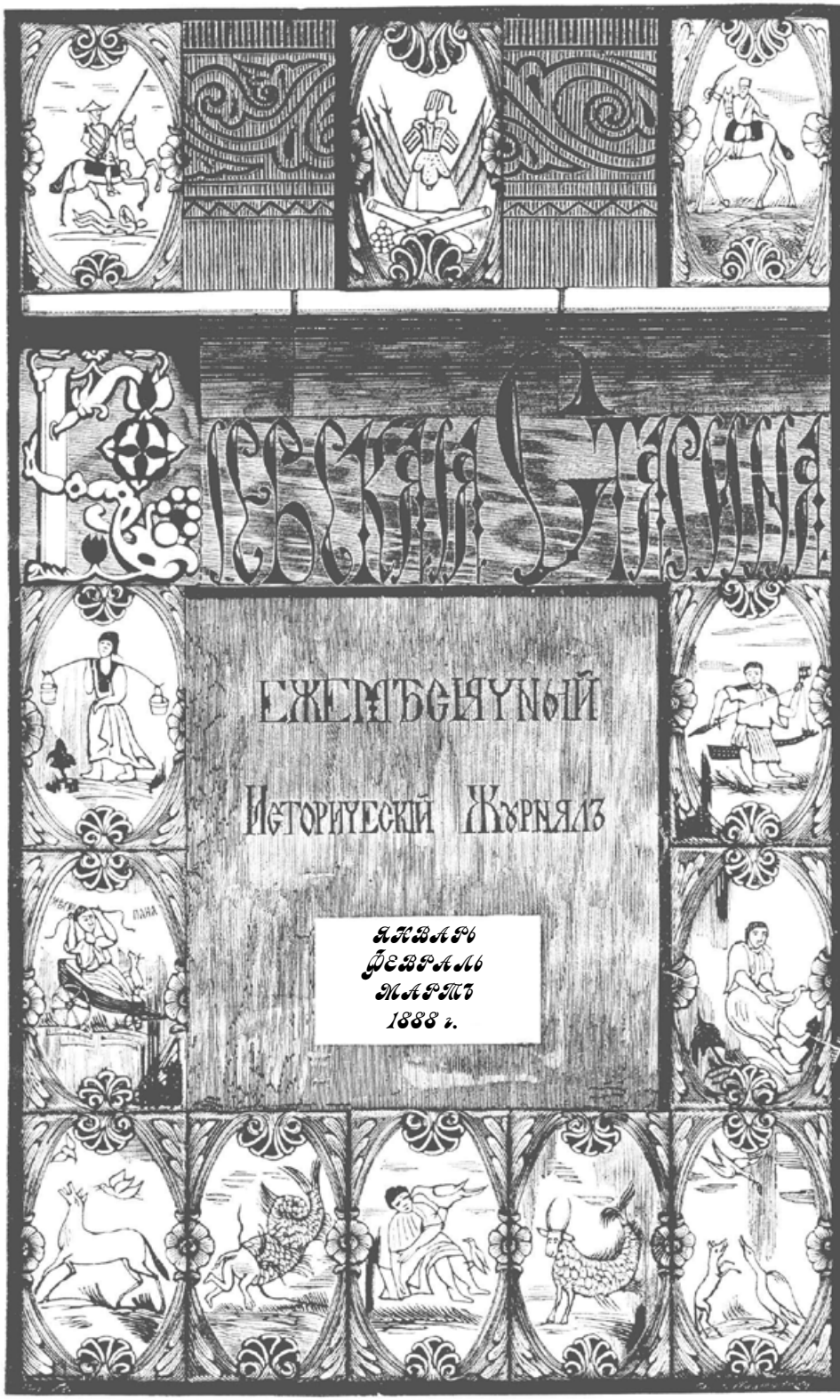


Кіевъ Въ типографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, Февраль и Мартъ, 1888 г.

	стр.
I. Кіевъ въ 1766 г. **И. Лучицкаго**	1— 74
Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины. **В. Антоновича**	75— 93
Ганна Монтовтъ. Изъ жизни волынск. дворянства XVI в. **О. Левицкаго**.	94—161
Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. Слав. рѣчь въ произв. малорусск. писат. XVII в. I. **П. Житецкаго**	162—179
На рубежѣ. I—III. Перев. съ польск. **К. М.**	180—243
Протестъ Слободск. Украины противъ реформы 1765 г. **Ив. Теличенка**	244—270
Къ литературѣ рождеств. и пасхальныхъ виршъ. **В. Науменка**	271—282
II. Критика. **В. К. Гульдманъ**. Справочная книжка подольской губ. **Н. Молчановскаго**. Корвинъ-Піотровскій. Черниговскій календарь на 1888 годъ. **П. Голубовскаго**. Ѳ. Лашковъ, Сельская Община въ Крымск. ханствѣ. **Его же**. Линниченко, Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси. **Завитневичъ**, О мѣстѣ и времени крещенія Св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ. **Его же**. Zbiór wiadomości do antropologji krajowej. Krakow. T. XI. **В. А.** Матеріалы для оцѣнки земельн. угодій, собранные черн. статист. отдѣленіемъ при губ. земской управѣ. Г. XV. **А. Русова.** Краткій историко-статистич. обзоръ екатер. гимназ. и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній. **Г. З** И. С. Левицкій, Кайдашева симя. **И. Ж.** Адресъ-календарь кіевской губ. на 1888 г.	1— 48

стр.

III. Документы, извѣстія и замѣтки: Процессы по дѣламъ объ азартной игрѣ. **В. А.** Иллюстраціи Шевченка. **В. Г--ко.** Малорусск. причитанія надъ умершими **Хр. Ящуржинскаго.** Письмо А. М. Милорадовича къ Н. М. Стороженку.—Привязываніе убійцы къ трупу убитаго. **М. Владимірскаго-Буданова.** Письмо С. А. Неплюева къ дочери. **В. Иконникова.** Сатира на дворянскихъ депутатовъ. — О дозволеніи сыновьямъ священниковъ вступать въ козачье сословіе. **Н. С—ко.** Споры луцкихъ евреевъ съ мѣщанами во второй полов. XVII в. Н. М.; Къ исторіи переяславск. семинаріи. **И. Л—ій** . . . . . 1— 39

IV. Для справокъ . . . . . 39— 40

V. Запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ. **П. Г.** . . . . 41— 48

VI. Библіографич. листокъ . . . . . 1— 18

VII. Указатель статей, помѣщенныхъ въ К. Старинѣ за 1882--87 гг. . . . . I—LXXX

Приложенія: 1) Запорожск. храмъ. Рисун. съ фот. 2) Наказы малорусск. депутатамъ. 1767 г.

Въ редакціи Кіевской Старины продаются:

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій (Выпускъ первый) Кіевъ. 1888. XVI+288 стр. Цѣна два рубля съ пересылкою.

Сулимовскій Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 8°. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

И. В. Лучицкій. Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ Полтавской губерніи XVIII в. Золотоношскій уѣздъ (козачьи владѣнія). Вып.I. Кіевъ. 1884.

— Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общинныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ. 1884.

— Малорусское сельское духовенство и община въ XVIII в. Полтава. 1883 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XX.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ.

1888 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го Марта 1888 г.

Кіевъ, Лит. Г. Т. Корчакъ Новицкаго.

Запорожскій Храмъ въ Новомосковскѣ.

Наканунѣ выхода въ свѣтъ первой книжки журнала получено въ редакціи печальное извѣстіе о кончинѣ Ѳеофана Гавриловича Лебединцева, создавшаго „Кіевскую Старину“, неустанно и съ честью потрудившагося надъ нею. Въ лицѣ покойнаго новая редакція понесла тяжелую утрату; она теряетъ въ немъ дѣятельнаго, талантливаго сотрудника и умудреннаго опытомъ благожелательнаго совѣтника.

Некрологъ и портретъ Ѳеофана Гавриловича редакція дастъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала.

Отъ редакціи.

Съ перемѣною редактора-издателя не измѣняются задачи и общій характеръ журнала. Въ самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, въ біографіяхъ и характеристикахъ, въ беллетристическихъ произведеніяхъ и разнообразныхъ матеріалахъ, въ критико-библіографическихъ статьяхъ о русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ, въ краткихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ редакція будетъ стремиться къ возможно болѣе всестороннему возстановленію мѣстной исторіи и къ выясненію характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія, художественнаго творчества и сложившихся исторически бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Такимъ образомъ цѣль нашего изданія—содѣйствовать по мѣрѣ силъ и возможности постановкѣ и систематической разработкѣ вопросовъ, которыми существующія нынѣ повременныя изданія занимаются лишь изрѣдка и болѣе или менѣе случайно, и разрѣшеніе которыхъ имѣетъ неоспоримое значеніе, не теоретическое только, но и практическое, для обширнаго географическаго района. Памятуя слова Карамзина, что исторія есть „изъясненіе настоящаго и дополненіе будущаго“, редакція будетъ стараться приблизить старину къ интересамъ и пониманію современнаго читателя и выяснять настоящее помощью историческаго освѣщенія прошлыхъ судебъ юга Россіи. Въ видахъ достиженія цѣли новая редакція „Кіевской Старины“ намѣрена пополнить отдѣлы этнографическій, экономическій, беллетристическій и библіографическій и привлекаетъ къ сотрудничеству новыя литературныя силы. Въ интересѣ полноты и своевременности свѣдѣній о томъ

что появляется въ текущей литературѣ по историческимъ, этнографическимъ и инымъ вопросамъ южной Руси, редакція будетъ давать кромѣ критическаго разбора книгъ, перечень статей, появляющихся въ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ съ краткимъ изложеніемъ содержанія ихъ.

Оставаясь слѣдовательно прежнею, программа нашего журнала будетъ обнимать исторію южной Руси, преимущественно бытовую, географію и этнографію ея, языкъ и литературу.

Въ изданіи „Кіевской Старины" примутъ участіе слѣдующія лица: *Андріевскій А. А., Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Бакай Н. Н., Беренштамъ В. Л., Бѣлозерскій Н. М., Василенко В. В., Веселовскій А. Н., Владимірскій-Будановъ М. Ф., Востоковъ А. А., Голубевъ С. Т., Голубовскій П. В., Горленко В. П., Дашкевичъ П. М., Ефименко А. Я., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Каманинъ И. М., Китицынъ П. А., Короленко В. Г., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ П. Г., Лебединцевъ Ѳ. Г., Левицкій О. И., Левицкій И. С., Линниченко И. А., Лучицкій И. В., Малышевскій И. И., Марковичъ А. И., Мачтетъ Г. А., Мельникъ К. Н., Мищенко Ѳ. Г., Молчановскій Н. В., Мордовцевъ Д. Л., Науменко В. П., Нейманъ Ц. Г., Новицкій Я. П., Оглоблинъ Н. Н., Падалка А. И., Петровъ Н. И., Познанскій Б. С., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Русовъ А. А., Рыльскій Ѳ. Р., Скальковскій А. А., Стороженко А. В., Стороженко Н. В., Стороженко Н. Н., Сумцовъ Н. Ѳ., Тарановскій Н. Ѳ., Теличенко И. В., Тепловъ В. В., Ханенко А. И., Червинскій П. П., Шабельская А. С., Шугуровъ Н. В., Янчукъ Н. А., Яцуржинскій Х. Б., и другіе.*

Объемъ, срокъ выхода, количество книжекъ и условія подписки остаются прежніе.

По причинѣ замедленія въ переходѣ изданія къ новому редактору-издателю редакція въ видахъ удовлетворенія подписчиковъ выпускаетъ въ первыхъ числахъ марта томъ въ тридцать съ лишнимъ листовъ.

Въ ближайшія книжки журнала войдутъ слѣдующія статьи:

„О первомъ кіевскомъ войтѣ" А. А. Андріевскаго, „Гайдамачина" В. Б. Антоновича, „Очеркъ исторіи козачества" его же,

„Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ“ А. Н. Веселовскаго, „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія П. И. Житецкаго, „Бѣлая Панна“ Г. А. Мачтета, „Ганна Монтовтъ“ О. И. Левицкаго, „Кіевъ въ 1766 году“ И. В. Лучицкаго, „Сельское духовенство и его экономическій бытъ въ XVIII в.“ его же, „Помѣщичье хозяйство въ лѣвобережной Украинѣ“ его же, „Къ исторіи семейныхъ отношеній въ Малороссіи“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, „Къ исторіи колонизаціи въ эпоху Хмельницкаго“ его же, „О собраніи малорусскихъ пѣсенъ Ходаковскаго начала XIX в.“ В. Н. Науменка, „О колонизаціи слободской Украйны“ Н. И. Петрова и др.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книжекъ съ приложеніями **8 р. 50 коп.** на мѣстѣ, съ доставкою на домъ и пересылкою **10 руб.**

Адресъ редакціи: Театральная ул., д. № 4. Подписка принимается въ редакціи и на Крещатикѣ въ магазинахъ писчебумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, и книжныхъ: г. Оглоблина, г. Розова и др.

Редакторъ-издатель А. ЛАШКЕВИЧЪ.

Дозв. ценз. Кіевъ, 22 Февраля, 1888 г. Кіевъ, тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВЪ ВЪ 1766 ГОДУ.

Изъ генеральной описи малороссійскихъ полковъ [1]), составленной въ 1766—68 гг. по распоряженію Румянцева, уцѣлѣло нѣсколько вѣдомостей, относящихся къ г. Кіеву или, вѣрнѣе, къ тѣмъ частямъ его, которыя въ наше время вошли въ составъ города. Эти вѣдомости вмѣстѣ съ приложенными къ нимъ копіями документовъ заключаютъ въ себѣ рядъ данныхъ настолько интересныхъ и даже, въ большей части случаевъ, совершенно новыхъ, что я счелъ далеко не лишнимъ познакомить съ ними читателей „Кіевской Старины“. Это—данныя, освѣщающія въ значительной степени не только топографію Кіева, но и характеризующія, нерѣдко въ деталяхъ, составъ населенія Кіева, занятія этого населенія, степень экономическаго развитія его и экономическія отношенія, сложившіяся тогда въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію, сохранилось описаніе не всего

[1]) Часть этой описи, именно: опись городовъ и селеній кіевскаго и переяславскаго полковъ и части лубенскаго полка (первопирятинской сотни) находится въ библіотекѣ кіевскаго университета и сохранилась, за немногими исключеніями, почти въ полномъ видѣ. Послѣ введенія намѣстничествъ въ концѣ XVIII в., она была сдана въ кіевскую Казенную Палату, откуда, вслѣдствіе ходатайства предсѣдателя той палаты, Ключарева, и распоряженія генералъ-губернатора Бибикова, ее передали въ 1855 году библіотекѣ университета. Но тогда лишь часть хранившейся въ архивѣ описи поступила въ университетъ, гдѣ нѣкоторыя связки были кѣмъ-то утеряны (описи Яготина, Березани, части Кіева и почти всей кіевской сотни). Не мало связокъ (ирклѣевская сотня, Золотоноша, домантовская и бубновская сотня и др) осталось въ архивѣ Казенной Палаты, откуда мнѣ

Кіева и его предмѣстій, а лишь нѣкоторыхъ частей его, и потому возстановленіе полной картины состоянія Кіева въ 1766 году оказывается совершенно невозможнымъ. Мнѣ приходится поэтому ограничиться описаніемъ только нѣкоторыхъ частей Кіева. Но, я думаю, интересъ и значеніе данныхъ этого описанія, впервые появляющихся на свѣтъ, помогутъ хоть отчасти вознаградить потерю цѣлаго. Я говорю: описаніе, такъ какъ цѣль моя—воспроизведеніе возможно болѣе полное и точное содержащихся въ описи данныхъ.

Необходимо сдѣлать впрочемъ одно предварительное замѣчаніе, касающееся характера описи. Дѣло въ томъ, что, несмотря на существованіе одной общей инструкціи, изданной Румянцевымъ въ руководство при составленіи описей, ее не вездѣ и не во всѣхъ случаяхъ выполняли одинаковымъ способомъ. Въ однихъ полкахъ ей слѣдовали буквально, до мелочей, въ другихъ—многія изъ предъявленныхъ инструкціей требованій остались безъ отвѣта. Изъ тѣхъ двухъ главныхъ группъ описей, которыя имѣются у меня подъ руками, одна, заключающая въ себѣ описаніе переяславскаго полка, значительно отличается отъ той, въ которой идетъ рѣчь о селеніяхъ кіевской сотни. Въ первой изъ нихъ, напримѣръ, описаніе ведется такъ, что изучающему его представляется полная возможность ознакомиться не только съ экономическимъ состояніемъ даннаго села, но и съ внѣшнимъ его видомъ. Ему не трудно, пользуясь указаніями описи, занести на планъ всѣ улицы даннаго селенія, отмѣтить точное положеніе каждаго двора, находящагося на извѣстной улицѣ. Опись ведется такимъ образомъ, что указываются вначалѣ направленіе улицы, а затѣмъ и мѣсто нахожденія двора, и въ рядъ, и по сторонамъ улицы, т. е. на правой или лѣвой сторонѣ ея. Не то въ описаніяхъ большей части селеній кіевской сотни и въ особенности въ тѣхъ, къ

удалось извлечь ихъ въ 1882 г. Эту справку я привелъ въ виду того, что въ литературѣ (и у г. Лазаревскаго, въ его работѣ о посполитыхъ, и въ недавно вышедшемъ трудѣ г. Червинскаго о кролевецкомъ уѣздѣ) сообщаются крайне неточныя свѣдѣнія на счетъ судьбы румянцевской описи.

которымъ относится настоящая замѣтка. Здѣсь нѣтъ указаній на улицы и ихъ направленіе. Описываются одни дворы, описываются несомнѣнно подъ рядъ, но такъ, что нѣтъ возможности опредѣлить, находятся ли они на одной и той же, или занимаютъ нѣсколько улицъ. Оттого о точной и полной картинѣ той или иной части города не можетъ быть и рѣчи. Все, что возможно сдѣлать, это—указать приблизительно мѣсто, гдѣ находилось данное поселеніе, а затѣмъ охарактеризовать экономическій бытъ его жителей.

Сказаннымъ объясняется характеръ изложенія настоящей замѣтки, отрывочность ея и нѣкоторая, невольная неполнота.

Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ намъ румянцевская опись для г. Кіева? Описи верхняго Кіева нѣтъ. Имѣется только вѣдомость о козачьихъ дворахъ, находившихся на Кіево-Подолѣ. Но затѣмъ обо всемъ почти поясѣ земель, окружавшихъ и Старый Городъ, и Кіево-Подолъ, эти двѣ главныя и единственныя части тогдашняго города, о весьма многихъ изъ существовавшихъ здѣсь поселковъ, даются нерѣдко подробныя описанія. Изобразивши состояніе кіево-подольскихъ козаковъ, премьеръ майоръ орловскаго пѣхотнаго полка Аршеневскій и бунчуковый товарищъ Савичъ, составители описи, ведутъ насъ сначала на нынѣшній Крещатикъ, а затѣмъ увлекаютъ влѣво на гору въ теперешній Печерскъ, заставляютъ спуститься до Днѣпра и до Выдубецкаго монастыря, гдѣ вводятъ въ рядъ селеній, совершенно неизвѣстныхъ прежде: въ слободку Солоную Горку, слободу Свято-Озерскую, затѣмъ въ Звѣринецъ. Оттуда, поворачивая на западъ, знакомятъ съ Ямками, пока не приводятъ къ Лыбеди и не входятъ въ Нижне-Лыбедское село. Изъ этого села совершается путешествіе по Лыбеди и по склону горы къ Лыбеди. Предъ вами проходятъ Нижне и Верхне-Лыбедскіе Дворцы, Панковщина, Шулжинское подворье. Здѣсь мы вступаемъ на дорогу въ Бѣлогородку, доходимъ до Львовскихъ воротъ и подлѣ нихъ попадаемъ въ слободу Высшій Кудрявецъ. Отсюда начинается спускъ внизъ, къ Подолу. Составители описи показываютъ слободку Нижній Кудрявецъ и, наконецъ, приводятъ въ

село Плоское, гдѣ и заканчиваютъ трудное и продолжительное путешествіе [1]).

Мнѣ остается совершить и съ читателями подобное же путешествіе, не всегда веселое и пріятное, но, быть можетъ, не безполезное, слѣдуя тому же маршруту, а затѣмъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о дѣятельности и характерѣ населенія пройденныхъ селеній вообще.

---

[1]) Для болѣе точнаго опредѣленія тѣхъ селеній, которыя находились въ 1766 году подъ самымъ Кіевомъ, привожу списокъ всѣхъ селъ, входившихъ тогда въ составъ кіевской сотни. Я беру его изъ „экстракта, коликое число въ сотни кіевской состоитъ по ревизіи 1766 г. козачьихъ и посполитыхъ дворовъ“, приложеннаго къ описи. Это—1) *Кіево-Подолъ*, 2) м. Триполье, 3) д. Злодѣевка, 4) с. Халепы, 5) с. Витачевъ, 6) Черняховъ, 7) Веремѣи, 8) Жуковцы, 9) д. Козѣевка, 10) Долина Монастырская, 11) с. Красное, 12) д. Германовка, 13) Деревяная, 14) с. Койловъ, 15) *Слобода Вышній Кудрявецъ*, 16) *Шульжинское подворье и Панковщина*, 17) с. Жиляны, 18) д. Малая Бугаевка, 19) с. Рославичи, 20) с. Янковичи, 21) д. Мархалевка, 22) д. Крушинка, 23) м. Бѣлогородка, 24) д. Бобрица, 25) с. Боярка, 26) Зазимье, 27) д. Погребы, 28) *м. Печерское*, 29) *Васильковскія Рогатки*, 30) *Печерскій Звѣринецъ*, 31) *Ямки*, 32) *сл. Солоная Горка*, 33) *сл. Свято-Озерская*, 34) *с. Нижне-Лыбедское*, 35) *Выше-Лыбедское*, 36) с. Хотовъ, 37) Голосѣевская пустынь, 38) с. Пирогово, 39) сл. Новая Вета, 40) сл. другая Вета, 41) д. Совки, 42) х. Козинъ, 43) с. Новые Безрадичи, 44) д. Старые Безрадичи, 45) м. Васильковъ, 46) Васильковскіе хутора, 47) с. Будаевка, 48) с. Кожуховка, 49) х. Любскій, 50) с. Романовка, 51) сл. Кухмистерская, 52) м. Стайки, 53) с. Борщаговка, 54) с. Плесецкое, 55) д. Перевозная, 56) д. Сподарецъ, 57) д. Офирное, 58) с. Мотовиловка, 59) д. Боровая, 60) сл. Салтановка, 61) х. Видлицы, 62) х. Которъ, 63) с. Мостище, 64) *Вышній Кудрявецъ и Крещатикъ*, 65) *Выше и Нижне-Лыбедскіе Дворцы*, 66) с. Глеваха, 67) х. Вета, 68) д. Борщаговка 69) д. Жарновка, 70) д. Заборья, 71) Онуфріевская пустынь, 72) д. Даниловка, 73) сл. Даниловка, 74) д. Малютинка, 75) д. Еревка, 76) с. Круковщина, 77) сл. Никольская, 78) с. Гатное, 79) с. Гвоздовъ, 80) д. Борщаговка, 81) *Выдубицкій Звѣринецъ*, 82) х. Баграновъ, 83) с. Лѣсники, 84) Межигорскій монастырь, 85) с. Вышгородъ, 86) с. Новые Петровцы, 87) д. Старые Петровцы, 88) д. Борки.

I.

Кіево-Подолъ представлялъ собою въ XVIII в. самую населенную часть Кіева. Составитель описанія Кіева 1784 года [1]) насчиталъ здѣсь до 1926 домовъ, не малая часть которыхъ принадлежала мѣщанамъ. Эти послѣдніе были преобладающимъ элементомъ въ мѣстной жизни. Имъ, въ лицѣ представлявшаго мѣщанство городоваго магистрата, принадлежала на правахъ собственности значительная часть территоріи Подола, у нихъ же въ рукахъ была вся торговля и шинки. „Въ нижнемъ городѣ все мѣщане; хохлы всѣ торговые люди; тутъ у нихъ и ратуша и ряды всѣ, всякіе торги, а стрѣльцамъ въ нижнемъ городѣ не даютъ хохлы въ лавкахъ сидѣть: только всякіе на себѣ товары въ разносъ продаютъ", читаемъ мы о Подолѣ въ разсказѣ извѣстнаго священника Лукьянова. Среди этой массы мѣщанства козачій элементъ совершенно терялся и исчезалъ и, повидимому, не могъ играть роли, имѣть вліянія.

И въ самомъ дѣлѣ, что представлялъ онъ собою въ описываемое время? Изъ всей массы подольскихъ домовъ лишь 45

89) д. Гуты, 90) с. Лютежъ, 91) х. Горенскій, 92) х. Мощунскій, 93) х. Староселье, 94) с. Великая Бугаевка, 95) сл. Копачевъ, 96) с. Ханбековъ, 97) с. Великіе Дмитровичи, 98) с. Малые Дмитровичи, 99) с. Подгорцы, 100) с. Ходосовка, 101) х. Липицкій, 102), м. Вровары, 103) *дворъ Больщижаго монастыря*, 104) д. Мышеловка, 105) д. *Плоское*, 106) с. Борщаговка, 107) с. Креничи, 108) с. Обуховъ, 109) с. Воскресенское, 110) с. Нещеревъ, 111) сл. Гудимовка, 112) х. Зурновщине, 113) *сл. Нижній Кудрявецъ* и 114) хутора близъ Василькова и Бугаевки. Изъ этихъ селеній означенныя курсивомъ вошли въ составъ Кіева. Изъ нихъ пропала лишь опись с. Выше-Лыбедскаго. Изъ остальныхъ селеній сохранились описи лишь небольшаго ихъ числа (именно: селеній подъ №№ 77, 102, 104 и 109), всѣ остальные утеряны. Изъ 113 селеній, около 80 принадлежали монастырямъ. Всего во всѣхъ селеніяхъ насчитывалось 3596 дворовъ, 282 бездв. хаты, съ населеніемъ въ 28877 душъ обоего пола (14564 мужеск. и 14313 женск). Всей пахатной земли насчитывалось 38484 дня (около 28863 дес), сѣнокосной на 1769 скирдъ, рогатаго скота: воловъ 6494 и коровъ 6296, лошадей 3572, свиней 10903.

[1]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева II, 131.

считались козачьими [1]). Но и изъ нихъ только 32 было собственно козачьими: 13 принадлежали козачьей старшинѣ [2]), т. е. сотнику, да сотеннымъ хорунжему, войсковому и значковымъ товарищамъ, писарю и т. д. Они образовывали войсковое начальство, командовавшее надъ козаками, число которыхъ доходило въ то время до самой ничтожной цифры. На дѣйствительной службѣ находилось тогда лишь 25 человѣкъ; остальные козачьи дворы были заняты либо козачьими вдовами, либо малолѣтними сыновьями умершихъ козаковъ. Козачье населеніе состояло всего изъ 114 душъ обоего пола, изъ которыхъ муж. пола отъ 1 до 15 л. было 13, отъ 15 до 60—35, престарѣлыхъ 3, женскаго п. отъ 1 до 15 л.—26, до 60 л.—35, престарѣлыхъ—2.

Эта малочисленность козачьяго сословія шла рука объ руку съ крайнею экономическою его слабостью. Упадокъ этого класса населенія въ Кіевѣ былъ полный. Ничего напоминающаго въ экономическомъ отношеніи козачество лѣваго берега, владѣвшаго землями, занятаго земледѣліемъ или промыслами, не существовало у кіевскихъ козаковъ. Ни пахатной земли, ни лѣсовъ у нихъ не было. Ни одинъ изъ нихъ не занимался ни земледѣліемъ, ни какимъ-либо промысломъ или ремесломъ [3]). Даже бо-

---

[1]) Привожу перечень владѣльцевъ этихъ дворовъ, какъ матеріалъ для исторіи кіевскаго козачьяго управленія. Одинъ дворъ принадлежалъ сотнику Михаилу Гудимѣ, три—полковому асаулу Павлу Гудимѣ; одинъ—полковому канцеляристу Ивану Гудимѣ; затѣмъ по одному двору находилось во владѣніи атамана городоваго Василія Блажевскаго, хорунжаго сотеннаго Елисѣя Недѣльскаго, войсковаго товарища Данила Березовскаго, значковыхъ товарищей: Григорія Демяновича и сына священника Остапа Ломачевскаго и сотеннаго писаря Павла Масловича. Сверхъ того держали козачьи дворы кіевскій возный Антонъ Чокало, козакъ, да абшитованный значковой товарищъ Григорій Голикъ.

[2]) Румянцовская опись, кіевск. сотня № 5.

[3]) Исключеніе составляли лишь два козака, одинъ—золотарь, а другой занимавшійся портняжествомъ, кравецкимъ ремесломъ, но онъ не былъ записанъ въ цехъ, и его ремесло, какъ видно, изъ описи, не давало ему никакого дохода.

лѣе: не смотря на то, что въ составѣ козачества было 19 мѣстныхъ уроженцевъ [1]), большинство не имѣло правъ собственности на усадьбы. Лишь 4 двора были козачьими, предковскими, остальные построены были на чужой землѣ, и козаки сидѣли на нихъ, уплачивая владѣльцамъ чиншъ. Правда, владѣніе было обезпеченное. Они могли даже продать усадьбу другому лицу, подъ условіемъ уплаты чинша собственнику, или купить ее подъ тѣмъ же условіемъ, какъ то видно изъ купчей 1763 г. Нѣкто гусаръ хорватскаго гусарскаго полка продаетъ сотнику Гудимѣ дворъ свой съ строеніемъ, „на землѣ куничной магистратской состоящій, за якую землю ежегодно въ оной магистратъ платилось и платитись должно куничныхъ денегъ по пятъ десятъ копеекъ“ [2]), и продаетъ за 200 р. [3]). Но покупка обходилась не дешево, а съ другой стороны требовалось взносить ежегодно опредѣленную сумму денегъ, добыть которые для козака было нелегко. Усадьбы, занятыя козаками, принадлежали различнымъ владѣльцамъ. На землѣ магистратской сидѣло 6 козаковъ, на мѣщанской—1, на монастырской, принадлежавшей Кіево-Братскому и Кирилловскому монастырямъ—8, на церковной, составлявшей собственность разныхъ церквей—13 [4]), на земляхъ част-

---

[1]) Пришлыхъ было изъ Черниговщины—5, изъ Полтавщины—3 и Польской области—6.

[2]) Купчая приложена къ описи. Румянцовск. опись, документы кіевской сотни.

[3]) Изъ документовъ, приложенныхъ къ описи, видѣнъ размѣръ стоимости продаваемыхъ дворовъ съ постройками, все равно продавался ли дворъ на „вольной“ или „куничной“ землѣ. За одинъ дворъ вольный съ постройками заплачено въ 1700 г. 400 злотыхъ, т. е. около 200 р. Площадь двора означена въ купчей: 5396 квадр. аршинъ. За другой—куничный, въ 1742 г.,—20½ р., за третій—вольный въ 1743 г.,—160 р.

[4]) Именно 9 церквей: св. Николая, св. Василія, Добраго Николая, Покровской, Рождественской, Борисоглѣбской, Вознесенской, Воскресенской и Притискаго Николая. Этотъ одинъ фактъ, указываетъ на крайнюю разбросанность козачьихъ дворовъ: козаки видимо, не жили вмѣстѣ, одною слободою.

ныхъ лицъ—5 [1]). Размѣръ годовой платы былъ различенъ и зависѣлъ отъ количества усадебной земли. Плата чинша колебалась отъ 20 к. до 2 р. 50 коп.. Но собственно козаки платили только отъ 20 к. до 1 р. Чиншъ свыше рубля платила мелкая старшина. Распредѣленіе этой чиншевой платы не лишено интереса: оно рисуетъ вполнѣ ясно размѣръ средствъ козаковъ того времени, и потому привожу цифры. Чиншъ въ 20 коп. платилъ одинъ козакъ, отъ 25 до 50 к. платило 10 козаковъ, отъ 50 до 60—13, 80 к.—2, 90 к.—1.

Что дѣйствительно экономическое положеніе козаковъ было незавидно, это доказывается и рядомъ другихъ данныхъ. Ни въ одномъ дворѣ не было ни рогатаго, ни мелкаго скота. Лошадь, эта необходимая принадлежность козака, отсутствовала у весьма многихъ. По одной только лошади имѣли 12 человѣкъ. Съ другой стороны и обстановка была не блестящая. Не во всѣхъ дворахъ были хозяйственныя постройки, амбары или сараи, не говоря уже о погребахъ и ледникахъ, которыхъ почти ни у кого изъ козаковъ не было. Въ 5 дворахъ кромѣ избы не существовало никакихъ другихъ построекъ; съ одною хозяйственною постройкою—8, съ двумя—8, съ тремя—6, съ четырьмя—4, съ пятью—2. Лишь у одного былъ деревянный погребъ, да у одного при домѣ комната.

Главнымъ рессурсомъ являлся для козаковъ лишь сѣнокосъ, находившійся вверхъ по Днѣпру между Десною и Днѣпромъ, въ 15 верстахъ отъ Кіева [2]), доставлявшій до тысячи копенъ сѣна и состоявшій въ общемъ ихъ владѣніи со старшиной. Но и этимъ сѣнокосомъ, который отведенъ былъ имъ по распоряженію гетмана Скоропадскаго въ 1713 году, имъ уда-

---

[1]) На земляхъ сотника опошнянскаго, Л. Быковскаго, сына священника и войсковаго канцеляриста, Ивана Гудимы, полковаго асаула Павла Гудимы, бунчуковаго товарища Савича.

[2]) Это—острова Маркова Голова и Казинъ, которымъ учинено въ 1713 году ограниченіе такое: „зъ одного боку Десна, а зъ другой озеро, прозиваемое Осецкое, с третяго Алексѣевъ перевалъ, изъ гори Десна, а знизу Днѣпръ“. Универсалъ гетмана Скоропадскаго 1713. Румянц. опись, докум. города Кіева.

лось окончательно завладѣть лишь съ 1760 года, въ силу новаго и рѣшительнаго предписанія гетмана Разумовскаго. Борьба изъ за него съ кіевскимъ магистратомъ обратилась въ XVIII в. въ хроническую. Кіевскіе мѣщане считали его своею собственностью и слышать ничего не хотѣли о какихъ-то правахъ на него козаковъ. Они „самовольно", такъ жаловались не разъ казаки, „становятся станами и развѣшуютъ неводы, забываючи лозовіе колля, отъ чего лоза растетъ, а сѣнокосъ пустѣетъ и лозою зарастаетъ, такъ что впредъ и прибыл получит съ оного мало можно". Этого мало. Сильные своею численностью, мѣщане прибѣгаютъ и къ прямому насилію. „Когда сторожа козачая поставляется, чтобъ трави не крадено и сѣнокосу не пустошенно, то оную сторожу набѣгши магистрата кіевского урядники зъ слугами зъ того сѣнокосу прогоняютъ и горѣлку забираютъ, которая болшею частью тамо на сѣнокосѣ лѣтнего и сѣнокосного времени содержится для их козачих надобностей и необходимыхъ нуждъ для косарей тѣхъ, кои тамо сѣно косятъ". Козакамъ отъ того „чинится великое разореніе и неправда". „Насъ лишаютъ", повторяли они неустанно, „утвержденныхъ высочайшими указами козачихъ вольностей, напрасно и крайне разоряютъ, ибо не имѣя никакого утвержденія и ни отъ кого дозволенія, в находячияся озера уступаютъ, также самоволно рыбу виловливаютъ". А главное не даютъ продавать „горѣлку", хотя острова находятся не подъ Кіевомъ, а „в двадцатъ верстъ разстояніемъ отъ онаго". Борьба за сѣнокосы приняла въ началѣ XVIII в., повидимому, весьма широкіе размѣры и вызвала вмѣшательство гетмана, назначившаго особую слѣдственную коммиссію и поручившаго войсковому хорунжему, Ивану Сулимѣ, произвести розыскъ. Изъ розыска и разспроса старшихъ людей обнаружилось, что оба сѣнокосные острова издавна принадлежали къ сотнѣ кіевской. Скоропадскій въ виду этого утвердилъ за козаками право их на эти острова. Но въ глазахъ мѣщанъ все это не имѣло значенія, и борьба не прекратилась и послѣ выдачи козакамъ универсала. Въ 1760 году козаки вынуждены были обратиться вновь къ гетману Разумовскому, на этотъ разъ поддерживаемые въ своей жалобѣ

и полковой старшиной, въ лицѣ полковника Дарагана. Гетманъ, руководясь тѣмъ же мотивомъ, какъ и его предшественникъ, а именно, что кіевскіе козаки отличаются своимъ „убожествомъ“ и противъ „протчихъ въ малой Россіи жительствующихъ козаковъ никакихъ грунтовъ и угодій в себе не имѣютъ“, подтвердилъ право козаковъ на сѣнокосъ и предписалъ магистрату не чинить имъ впредь никакихъ утѣсненій. Но насколько пользы принесло козакамъ владѣніе сѣнокосомъ, какую долю изъ тысячи копенъ получали они и какую сотенная старшина и сотникъ Гудимъ,—этого къ сожалѣнію мы не знаемъ.

Понятно, что эта экономическая необезпеченность козаковъ, отсутствіе у нихъ пахатныхъ земель и промысловъ, необходимо должны были побуждать ихъ искать какихъ-либо заработковъ во чтобы то ни стало. Заниматься торговлею было трудно; для этого нуженъ былъ капиталъ, да и торговля составляла монополію мѣщанъ. Оставалось шинкованіе, и къ нему обратились козаки, какъ къ единственному рессурсу. То была въ то время и ранѣе наиболѣе прибыльная статья. Всѣ жители Кіева стремились къ ней: фабрикація водки и напитковъ являлась главною и, можно сказать, единственною формою производства, существовавшаго въ Кіевѣ. Не могли не поддаться общему настроенію и козаки, тѣмъ болѣе, что они привыкли смотрѣть на винокуреніе, какъ на свободную профессію и право вольнаго козачества. Они упорно стояли всегда на томъ, что въ пунктахъ новопринедшаго подъ россійскую державу гетмана Богдана Хмельницкаго всѣ эти вольности даны и кіевскимъ козакамъ. Развѣ они не такъ же, какъ и прочіе козаки, служатъ во всѣхъ походахъ и притомъ на своемъ коштѣ безъ жалованья, развѣ поэтому и они не могутъ курить вино и шинковать? А у нихъ въ добавокъ нѣтъ ни земель, ни другихъ угодій, и они видятъ, что и монастыри, и другія лица то строятъ винокурни и бровары, то заводятъ шинки. Но на этомъ пути къ изысканію средствъ стояло для нихъ неодолимое препятствіе: продажа хлѣбнаго вина „квартами и чарками въ шинкахъ“ составляла привилегію кіевскаго магистрата, за пользованіе которою послѣдній уплачивалъ въ казну ежегодно по 600 р. и обязанъ былъ нести въ добавокъ

и разнаго рода натуральныя повинности. Уступать право исключительнаго шинкованія кому бы то ни было магистратъ и мѣщане и не думали, и не желали. Если они накладывали свою руку даже на продажу муки, воспрещали то тому или иному монастырю, то другимъ лицамъ покупать на подольскихъ базарахъ ржаную муку,—на что они не имѣли права, то тѣмъ съ большею энергіею защищали свое безспорное право. Экономическая борьба за существованіе въ буквальномъ смыслѣ этого слова была неизбѣжна, и между мѣщанами и козаками, занимавшимися корчемствомъ, и „неуказнымъ на подступъ мѣсту шинкованіемъ горѣлкою", она и не прекращалась въ теченіе почти всего XVIII в. Мы видѣли уже, что борьба эта велась даже на удаленныхъ на значительное разстояніе отъ Кіева мѣстахъ. Еще болѣе ожесточенною была она въ самомъ городѣ, гдѣ она создала длиннѣйшій мартирологъ „боевъ и дракъ", „увѣчій" и поврежденій тѣлъ, лицъ, смертоубійствъ и т. п., мартирологъ, небольшую часть котораго изобразилъ г. Андріевскій въ своихъ „историческихъ матеріалахъ". Въ самый почти моментъ составленія описи и не смотря на существованіе грозныхъ приказовъ, публикуемыхъ неоднократно съ барабаннымъ боемъ, о нещадномъ сѣченіи плетьми за корчемство, велось дѣло „о явившихся на Подолѣ въ неуказанномъ шинкованіи виномъ сотни кіевской козакѣ Филиппѣ Окунѣ и прочихъ".

Но корчемство все таки являлось дѣломъ опаснымъ, и доходъ съ него случайнымъ. Въ выигрышѣ въ концѣ концовъ были не козаки, а козачья старшина, обладавшая и бо́льшими экономическими средствами, и бо́льшею силою, вѣсомъ и значеніемъ, чѣмъ простые козаки, и потому смѣлѣе дѣйствовавшая. Козакамъ оставалось при такихъ условіяхъ являться лишь пособниками старшины и питаться крохами. И въ самомъ дѣлѣ, ни у одного изъ козаковъ опись не отмѣчаетъ существованія не только шинковъ, но даже и простыхъ солодовень для дозволенной варки меду или броваровъ для пива. Не то въ отношеніи старшины.

Еще дѣдъ полковаго асаула Павла Гудима, Петръ Левковичъ, простой мѣщанинъ подольскій, пріобрѣлъ въ 1666 году

у задолжавшагося своего собрата „пляцъ охрѣмовскій, тутъ же в мѣстѣ кіевскомъ над берегом реки Днѣпра лежачій... съ будынкомъ: избою, сѣнцами, свѣтлицею, комнатою, сѣнникомъ и лазнею“. Его потомки прикупили въ 1728 году пляцъ, лежавшій подлѣ указаннаго двора, на улицѣ, идущей вдоль берега къ Ильинской церкви, и мѣсто дворовое на мостовой большой улицѣ. Полковой асаулъ, Павелъ Гудимъ, умножилъ въ первомъ дворѣ, гдѣ онъ держалъ одного рабочаго за 2 р. въ годъ и двухъ работницъ за пропитаніе и одежду, число хозяйственныхъ построекъ, прибавивши къ прежнимъ одну людскую, два амбара и сарай, а на двухъ послѣднихъ устроилъ шинки. Въ обоихъ шинкахъ шла бойкая продажа питей, продававшихся гарнцами. Матеріалъ покупался, но водка производилась домашними средствами, и продажа доставляла Гудиму ежегодно чистаго дохода 40 р. (360 р [1]). Въ шинкахъ сидѣли шинкари, козакъ изъ Хорола съ семьею въ одномъ, уроженецъ польской области въ другомъ и тоже съ семьею и работницей, получавшіе вѣроятно такъ же какъ и монастырскіе шинкари, десятину отъ продажи водки.

Еще лучше поступилъ кіевскій сотникъ, извѣстный въ исторіи кіевскаго шинковаго дѣла, Михаилъ Гудимъ. Въ селѣ Плоскомъ, подлѣ Кіево-Подола, на землѣ, принадлежавшей Кирилловскому монастырю, онъ соорудилъ цѣлый дворъ, съ спеціальною цѣлью спекулировать водкой. Правда, ему приходилось платить монастырю за землю куничныя въ размѣрѣ 3 р. Но что значилъ этотъ расходъ при ожидаемыхъ и несомнѣнныхъ барышахъ, во много разъ превышавшихъ чиншъ.

Повидимому, предпріятіе это было задумано и выполнено не задолго до описываемаго времени, потому что опись говоритъ о дворѣ, какъ о чемъ то новомъ, недавно воздвигнутомъ. А дворъ былъ выстроенъ солиднымъ образомъ. Въ дворѣ стоялъ деревянный домъ о двухъ чистыхъ комнатахъ съ „пекарней“ и людской тутъ же напротивъ въ одной связи. Кругомъ него возвы-

---

[1]) Мы принимаемъ, слѣдуя г. Ключевскому, тогдашній рубль равнымъ 9 руб. нынѣшнимъ. См. статью его о русскомъ рублѣ въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др., 1884 г. № 1.

шался рядъ прочно выстроенныхъ хозяйственныхъ строеній: три амбара, рубленная новая конюшня, сарай и рубленный погребъ,—обстановка, по тому времени превосходившая средній уровень зажиточности. Но не въ ней была сила. Красу двора представляла винокурня, задуманная въ широкихъ размѣрахъ. Она была о 6 котлахъ, давала ежегодно 1200 ведеръ водки, сбываемой и въ Кіевъ, и въ другія мѣста, но требовала немалыхъ расходовъ. Нужно было покупать дрова и хлѣбъ, какъ въ Кіевѣ; такъ и заграницей", т. е. въ Польшѣ, а затѣмъ держать цѣлый штатъ рабочихъ и прислуги, который обходился недешево. Винокуреніе давало тогда хорошіе барыши, и уровень заработей платы по винокуренію стоялъ выше той, которую платили обыкновеннымъ рабочимъ. Требовался винокуръ, и ему приходилось платить по 25 коп. (2 р. 25 к. совр) ежедневно, да еще и кормить. Затѣмъ нужно было держать семь человѣкъ рабочихъ и прислуги, изъ которыхъ два получали по 8 р. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ, одинъ—7 р. съ харчами хозяйскими; одинъ работалъ поденно и получалъ по 5 коп. Двѣ работницы, находившіяся при дворѣ, были наняты на годъ за 2 р. и 1 р. 20 к. на платьѣ и пищѣ хозяйской [1]). И тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ расходы, предпріятіе было настолько выгодно, что не только покрывало все, но и доставляло Гудиму 50 р. (около 450 совр) ежегоднаго чистаго дохода. Сверхъ того, онъ могъ держать при винокурнѣ и выкармливать 19 воловъ, 30 свиней, 3 коровы, 5 телятъ и 5 лошадей.

Въ какомъ положеніи находилась мелкая сотенная старшина, т. е. атаманъ, хорунжій, значковые товарищи и писарь,—мы не знаемъ: опись не даетъ на это прямыхъ указаній. Но врядъ ли и ихъ положеніе было особенно блестящее. Они вышли изъ рядовъ простыхъ козаковъ,—одинъ изъ нихъ, напр., еще козакъ съ 1766 г., сдѣланъ былъ тотчасъ по окончаніи

[1]) Рабочіе были народъ пришлый: козакъ изъ черниговскаго полка (1), козакъ прилуцкій (1), посполитые польской области (3), посполитый переяславскаго полка, онъ же и винокуръ, Мосцѣпаненко (1). „Жена" работница была родомъ изъ Сумъ, а „девка" работница изъ Чернигова.

описи значковымъ товарищемъ,—и, естественно, мало чѣмъ отличались отъ остальныхъ козаковъ.

Такъ, у атамана городоваго, жившаго на церковной землѣ, за которую онъ платилъ чинша 90 к., было въ дворѣ всего двѣ избы, да одинъ амбаръ, да погребъ и рубленная конюшня („стайня"), и если онъ чѣмъ отличался отъ простыхъ козаковъ, то развѣ тѣмъ, что держалъ работника за 4 р. въ годъ и работницу, которой платилъ по 2 р. У хорунжаго Недѣльскаго, сидѣвшаго на монастырской землѣ, было 2 избы и 4 хозяйственныхъ постройки, въ томъ числѣ одинъ ледникъ, и онъ также какъ и атаманъ держалъ двое слугъ. Въ томъ же родѣ былъ и писарь, жившій впрочемъ на болѣе обширномъ по размѣрамъ дворѣ, за который онъ платилъ Леонтію Быковскому по 2 р. 50 к. ежегодно; но и онъ имѣлъ лишь тѣ же 2 избы, да 3 хозяйственныхъ постройки. Оба значковые товарища ничѣмъ не выдѣлялись изъ среды козаковъ.

II.

Крещатикъ[1]). Въ XVIII в Подолъ оканчивался, такъ же какъ и въ наше время, у самой подошвы Александровской горы, и церковь Рождества Христова представляла собою конечный пунктъ „нижняго города Подола". Начиная отсюда, все пространство земли, вверхъ до Царскаго сада и затѣмъ по склонамъ горъ вдоль до городской стѣны, окаймлявшей Михайловскій монастырь и Старый или верхній городъ, т. е. нынѣшній Александровскій спускъ и Крещатикъ, находилось внѣ города и было настоящимъ пустыремъ, заросшимъ въ большей своей части лѣсомъ. У подошвы той части городской стѣны, гдѣ существовали тогда Печерскія ворота, разстилалась узкая и длинная долина. То былъ нынѣшній Крещатикъ, состоявшій изъ главной долины и ряда боковыхъ: Евсейковой (гдѣ теперь даются спектакли драматическаго общества), Александровской (у подошвы горы, по которой стоитъ государственный банкъ, и т. д.).

[1]) Румянц. описн. ..кіевск. сотня, № 40.

Склонъ горы къ Подолу, также и берегъ рѣки съ пристанью, составляли въ XVIII в. одно цѣлое, носили одно общее названіе Крещатика, Крещатицкой земли, Крещатицкой пристани.

Небольшая тропинка, превращенная въ проѣздную дорогу лишь въ началѣ XVIII в. и идущая по теперешнимъ Александровскому спуску и Александровской улицѣ, служила единственнымъ путемъ, соединявшимъ Подолъ съ Печерскомъ. Здѣсь по пути къ Печерску она тянулась параллельно другой тропинкѣ, такъ называемой Старой Ивановской дорогѣ (нынѣ Институтской), связывавшей чрезъ Печерскія ворота Старо-Кіевскую и Печерскую крѣпости. Соединительной связи между ними не было. Крещатикъ въ этомъ мѣстѣ былъ несомнѣннымъ пустыремъ. Лишь у подошвы горы, при самомъ началѣ подъема съ Подола на Печерскъ, одно время стали было селиться бѣднѣйшіе жители Кіева. Къ 1745 году здѣсь, повидимому, успѣло образоваться цѣлое поселеніе, состоявшее изъ хатокъ, занимавшихъ каждая небольшой клочекъ земли съ платою по 10 к. чиншевыхъ или куничныхъ денегъ [1]). Но обвалы горы сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее существованіе поселка. Хаты снесены еще до 1745 года, и когда въ 1754 г. возникло дѣло о починкѣ Крещатицкаго взвоза, то оказалось, что „жилья здѣсь ничьего нѣтъ“, какъ нѣтъ его и близъ валу Старо-Кіевской крѣпости [2]).

Мѣстность эта принадлежала въ 1766 году, какъ кажется, только двумъ владѣльцамъ, двумъ кіевскимъ монастырямъ: Михайловскому и Кіево-Пустынно-Николаевскому. Я говорю: какъ кажется, такъ какъ споры между монастырями и кіевскими мѣщанами за эту землю были нерѣдки, и въ 1746 году велось, напр., дѣло о Крещатицкой землѣ между кіевскими мѣщанами и Михайловскимъ монастыремъ [3]). Изъ грамотъ, выданныхъ Михайловскому монастырю, равно и изъ показаній старожиловъ, показаній, данныхъ ими во время веденія только что упомянутаго дѣла, представляется возможнымъ до извѣстной степени

[1]) Андріевскій, III, 104.

[2]) Ibid., VII, 94.

[3]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева, III, 15—16.

опредѣлить границы владѣній Михайловскаго монастыря. Его владѣніе начиналось съ Евсейковой долины, шло долиною Крещатика и подгорьями, лежавшими у городской стѣны, затѣмъ спускалось по Крещатицкому взвозу и оканчивалось у берега р. Днѣпра противъ Рождественской церкви. Гораздо труднѣе указать ту мѣстность на Крещатикѣ, которая составляла собственность Пустынно-Николаевскаго монастыря. Въ грамотахъ, выданныхъ ему, нѣтъ прямыхъ указаній на Крещатицкую землю. Въ грамотѣ 1518 года говорится о нивѣ долгой, лежащей по лѣвой рукѣ, если въѣхать въ монастырь, и затѣмъ о другой, уступленной Лаврою и находящейся на пути къ Лыбеди и на правой и на лѣвой сторонѣ пути. Въ румянцевской описи не сохранилось описанія кіевскихъ мастностей Пустынно-Николаевскаго монастыря. Между тѣмъ имѣющаяся у меня „опись подробная дѣлу Кіево-Пустынно-Николаевскаго монастыря о содержаніи по контрактамъ... разными Кіево-Подольскими мѣщанами хуторовъ и винокурныхъ заводовъ съ 1725 по 1786 годъ“ прямо говоритъ о томъ, что эти хутора и винокурни устроены „на монастырской, прозываемой Крещатицкой землѣ, въ городѣ Кіевѣ надъ рѣкою Днѣпромъ противъ Печерскаго форштата лежащей“. Одно дѣло, возникшее 9 мая 1765 года, о порчѣ виноградника и огорода двумя неизвѣстными лошадьми, забравшимися въ Царскій садъ, даетъ нѣкоторое лишь слабое указаніе на этотъ счетъ. Мѣщанинъ, лошади котораго причинили вредъ саду, объяснилъ, что онъ всегда пасъ ихъ на монастырской землѣ, „въ дачахъ Пустынно-Николаевскаго монастыря“, смежной съ Царскимъ садомъ, и что въ этотъ разъ паслись они близъ Крещатицкой пристани на землѣ того же монастыря [1]). По всей вѣроятности, во владѣніи монастыря находилась полоса земли, начиная отъ Днѣпра чрезъ взгорье, гдѣ теперь находится заведеніе минеральныхъ водъ, и кончая Александровскою долиною и взгорьемъ, къ старой Ивановской дорогѣ.

На землѣ Михайловскаго монастыря, почти у самаго Подола, была нѣкогда выстроена казенная австерія и бровари съ

[1]) Дѣло о постройкѣ Кіевскаго дворца, ркп. университетской библіотеки.

солодовней, погребами и амбарами [1]). Существовала ли она въ 1766 году, неизвѣстно. Но еще въ 1745 Михайловскій монастырь, опираясь на жалованной грамотѣ на Крещатицкую землю, а также и на универсалѣ Мазепы, разрѣшившаго, какъ увидимъ, монастырю держать шинокъ, задумалъ воспользоваться принадлежавшею ему земельной собственностью въ видахъ снабженія своими напитками устроенныхъ имъ шинковъ. Тогда же приступилъ онъ къ постройкѣ бровара, воскобойни и винокурни. Но въ виду возникшаго дѣла съ мѣщанами о Крещатицкой землѣ, а также и указа императрицы Елисаветы, воспрещавшаго „какъ духовнымъ, такъ и мирскимъ всякаго чина людемъ, внѣ и внутрѣ города Кіева живущимъ, никому никакимъ путемъ отнюдь не шинковать и продажи не имѣть“, дальнѣйшая постройка по распоряженію губернатора Леонтьева была пріостановлена. Какъ и какимъ образомъ монастырю удалось устранить это предписаніе, намъ не извѣстно. Но къ 1766 году постройка была кончена, и производство шло полнымъ ходомъ. Въ это время „въ Кіево-Подолѣ на Крещатику“ стоялъ „ветхой пивоварной монастырской дворъ“ съ 2 хатами, баней съ избой, коморой и сараемъ. Въ немъ существовали: пивоварня, въ которой варили пиво изъ собственнаго солоду, а затѣмъ и винокурня. Послѣдняя была выстроена на 3 котла, дававшіе ежегодно 12 куфъ водки, вмѣстимостью каждая куфа въ 40 ведеръ, всего 480 ведеръ. Куреніе производилось и изъ собственнаго монастырскаго, и изъ покупнаго на кіевскомъ базарѣ хлѣба. Какъ велика была дѣятельность завода, видно изъ того, что въ одномъ только октябрѣ 1766 г. монастырь купилъ для завода 36 четвертей хлѣба. При винокурнѣ монахи держали на бардѣ 32 свиньи. Главнымъ надсмотрщикомъ на заводѣ былъ назначенный отъ монастыря монахъ.

Съ своей стороны не отставалъ въ столь важномъ для Кіева и почти единственномъ въ то время производствѣ и Пустынно-Николаевскій монастырь. На Крещатицкой же землѣ, но гдѣ и когда, не видно изъ дѣла, былъ выстроенъ монасты-

[1]) Андріевскій, Матер., III, 89—111. Дѣло о крещатицкой землѣ.

ремъ и собственный винокуренный заводъ. Съ 1751 года монастырь по неизвѣстнымъ намъ причинамъ пересталъ завѣдывать имъ и счелъ болѣе выгоднымъ для себя сдать его въ аренду мѣщанину Гриневичу, который обязался уплачивать монастырю ежегодно по 18 р (162 р).

Но то былъ не единственный винокуренный заводъ, стоявшій на этой землѣ. Кіевскіе мѣщане и купцы уже давно обращались къ монастырю съ просьбами объ отводѣ имъ земли подъ заводы и эксплуатировали свои заведенія весьма усерднымъ образомъ. Мало-по-малу здѣсь возникъ рядъ заводовъ, какъ кирпичныхъ и кожевенныхъ, такъ и винокуренныхъ. Первыхъ впрочемъ было только два: одинъ, основанный еще въ 1725 году, другой (кожевенный) въ 1753 г. Гораздо больше было винокурень: съ 1725 по 1766 годъ было основано разными лицами 14 винокурень [1]). Послѣ того, до 1778 г., прибавилось 8 винокурень и одинъ кирпичный заводъ.

Дѣятельность винокурная, повидимому, расширялась все болѣе и болѣе, и спросъ на землю былъ настолько значителенъ, что монастырь сталъ подымать плату за землю. Въ началѣ платили только за землю такъ называемыя куничныя въ размѣрѣ 2 р. за 100 кв. сажень. Въ сороковыхъ годахъ ее увеличили до 3 р. А съ пятидесятыхъ уже взимали отдѣльно куничныя деньги, отдѣльно—съ котла. Куничныя остались въ томъ же размѣрѣ, т. е. 3 р., съ котла же стали платить по 1 р., если они были ординарные, и по 2 р. съ двойныхъ. Монастырь зорко слѣдилъ за винокурнями и строго взыскивалъ арендныя деньги. Ежегодно являлся повѣренный отъ монастыря, монахъ, который и производилъ провѣрку. Арендаторы обязаны были почти ежегодно возобновлять контракты съ монастыремъ. Насколько быстро шло развитіе здѣсь винокуренія, можно заключить изъ того, что нерѣдко образовывались компаніи для устройства заводовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ 1765 г., напр., два мѣщанина, образовавшіе

[1]) Я привожу счетъ винокурень, руководясь лишь перечисленными въ описи контрактами. Изъ описи видно, что существовалъ списокъ всѣхъ винокурень, но самаго дѣла у меня нѣтъ. Оно находится, вѣроятно, въ архивѣ кіевской Казенной Палаты.

такую компанію и имѣвшіе каждый свою винокурню, устраиваютъ на монастырской землѣ, полученной ими отъ монастыря вдобавокъ къ той, которая была у нихъ уже въ пользованіи, новую и просятъ монастырь не взыскивать съ нихъ аренды за землю въ виду предпринятой ими полной перестройки завода.

Въ первое время основывались лишь одни винокурни. Жилья при нихъ не было, и только при одномъ былъ хуторъ, основанный съ винокурней въ 1758 г. Но послѣ 1766 г., въ особенности же съ 1769 г., все чаще и чаще попадаются контракты на винокурню и на жилыя помѣщенія и дома, состоящіе при заводѣ. Фраза: „жилой домъ съ винокурней“ становится обыкновенною.

Винокурни нерѣдко переходили изъ рукъ въ руки. Перемѣщеніе заводовъ, насколько можно судить изъ описи, представляетъ слѣдующую картину: изъ 14 винокурень, существовавшихъ по 1766 годъ, до этого года въ другія руки перешла лишь одна. Послѣ 1766 г. и по 1778 г. изъ тѣхъ же 14 винокурень уже пять перемѣнили владѣльцевъ. Большинство владѣльцевъ были изъ мѣщанъ и малороссовъ, всего 4 принадлежали къ великороссійскимъ людямъ (Ноздринъ, Стефанищевъ и т. д), одинъ былъ изъ числа священниковъ (іерей Клявѣнскій).

III.

Мѣстечко Печерское было въ разсматриваемое время совершенно новымъ поселеніемъ, не смотря на свою весьма почтенную древность. То было результатомъ постройки заново Печерской крѣпости въ 1707—16 году, произведшей полный переворотъ въ этой части Кіева. Земли, которыя принадлежали Лаврѣ, и на которыхъ сидѣли ея подданные, были отняты подъ крѣпость, и все населеніе прежняго мѣстечка, такъ же, какъ и лавки и проч., пришлось перенести либо на новыя мѣста, либо занять земли существовавшихъ уже поселеній. Вслѣдствіе этого возникаетъ вмѣсто одного прежняго мѣстечка цѣлый рядъ поселеній:

собственно Печерское мѣстечко, дворы, называемые Васильковскіе Рогатки, слободка Солоная Горка, слободка Свято-Озерская и т. д.

Когда по приказу Петра Великаго приступили къ сооруженію крѣпости, мѣстечко Печерское [1]) представляло такой видъ: въ поселеніи, по заявленію архимандрита Лавры, было подданныхъ монастырскихъ чиншевыхъ, которые имѣли торговые промыслы, 500 дворовъ, съ нихъ окладу 2000 р., ординарныхъ крестьянъ черной работы 390 дворовъ съ окладомъ въ 390 р., слугъ монастырскихъ для посылокъ и прочаго послушанія—65, итого 955 дворовъ. Послѣ переселенія вотъ что сталось съ жителями стараго мѣстечка, только частью переселившившимися въ новое мѣстечко Печерское. „Гдѣ нынѣ“, пишетъ архимандритъ Сенятовичъ въ 1719 году, „крѣпость своимъ въ ней строеніемъ и аммуниціею зостаетъ и где великороссійскіе люди населившіеся живутъ,... подданные монастырскіе бывали. А нынѣ развѣ десятая часть онаго множества бывшаго подданныхъ обрящется, изъ которыхъ многіе, не имѣючи себе за недостатокъ и убожество никакихъ промысловъ, для единого того в мазанкахъ и землянкахъ живутъ, которые с монастыря и хлебомъ питаютца, а монастырю никакихъ противъ прежняго податей не выстачаютъ“ [2]). И онъ проситъ, чтобы было послано въ м. Печерское довѣренное лицо, которое сдѣлало бы опись всѣхъ въ м. Печерскомъ „зостаючихъ монастырскихъ подданныхъ, такъ и угодия ихъ“. Исполнено ли было это требованіе Лавры, не извѣстно. Но въ 1766 г. была составлена наконецъ, хотя и для другихъ цѣлей, опись, и можно уже по ней видѣть, въ какомъ состояніи находились жившіе здѣсь монастырскіе подданные.

Собственно мѣстечко Печерское было перенесено на юго западъ отъ первоначальнаго своего мѣста, противъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, на гору вдоль долины, образуемой кловскимъ ручьемъ. Въ 1766 г. оно пріобрѣло сравнительно значительные размѣры и состояло изъ 6 большихъ проѣзжихъ

[1]) Румянц. опись, кіевская сотня подъ № 58.
[2]) Андріевскій, VII, 16—17.

улицъ и 8 малыхъ. На нихъ расположено было 62 посполитскихъ двора и нѣсколько дворовъ монастырскихъ, для послушниковъ и слугъ. Все населеніе подданническихъ дворовъ состояло изъ 304 человѣкъ, въ томъ числѣ мужеск. п. отъ 1 до 15 л.—48, отъ 15 до 60 л.—80, свыше 60 л.—16, женск. п. отъ 1 до 15 л.—61, отъ 15 до 60—83, свыше 60 л.—14. Если прибавить къ этому рабочихъ и послушниковъ, жившихъ въ монастырскихъ дворахъ, всего 27 чел. обоего пола, то все населеніе мѣстечка выразится въ цифрѣ 348 чел., цифрѣ, весьма далекой отъ той, какая приведена выше. Лишь 20 лѣтъ спустя населеніе мѣстечка значительно возросло: изъ ревизскихъ сказокъ 1785 г. видно, что лаврскихъ крестьянъ на Печерскѣ насчитывалось до 263 м. и 231 ж., т. е. до 494 человѣкъ.

Въ моментъ основанія мѣстечка положеніе дѣлъ было несомнѣнно значительно худшее, и что это такъ, въ томъ убѣждаетъ насъ составъ населенія въ 1766 году. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 62 дворовъ только 40 было такихъ, въ которыхъ сидѣли подданные монастырскіе мѣстные уроженцы. Остальные были населены пришлыми людьми, поступившими въ подданство монастырю лишь въ сравнительно недавнее время: изъ Польской Области было 21, изъ Черниговщины—6, изъ Полтавщины—6, изъ Слободской Украины—2, наконецъ одинъ былъ „волоской націи“.

Къ мѣстечку, построенному на монастырской землѣ, Лавра приписала пахатную песчаную землю, находившуюся въ 2 верстахъ отъ Кіева, мѣрою на 50 дней ($37^1/_2$ дес), но негодную для хлѣбопашества; затѣмъ громадный выгонъ на р. Лыбеди, мѣрою въ окружности верстъ на 7, и 2 сѣнокоса въ 8 верстахъ отъ Кіева на 5 и 6 тысячъ копенъ; наконецъ, 2 мельницы на Лыбеди въ 3 верстахъ отъ Кіева, одна на 4, другая на 2 камня. Но всѣ эти „принадлежитости“ не находились въ пользованіи посполитыхъ, подданныхъ Лавры, а лишь ея самой.

Три двора монастырскіе находились въ мѣстечкѣ: два, населенные послушниками и работниками, и одинъ, стоявшій впустѣ. Постройка ихъ обошлась Лаврѣ сравнительно немного: всего 600 р. Только въ одномъ былъ построенъ домъ о 3 гос-

подскихъ покояхъ, въ остальныхъ были людскія и затѣмъ рядъ хозяйственныхъ построекъ [1]).

Но если здѣсь, въ устройствѣ своихъ дворовъ, Лавра не обнаружила особенной щедрости, то иное дѣло было относительно другого двора, находившагося подлѣ мѣстечка, въ небольшомъ разстояніи отъ него, на Кловѣ. Я говорю объ извѣстномъ кловскомъ лаврскомъ дворѣ съ шелковичнымъ садомъ. Въ немъ сооруженъ былъ громадный по тому времени каменный домъ, заключавшій въ себѣ 20 комнатъ; затѣмъ построенъ былъ и деревянный флигель въ 5 комнатъ. Однихъ людскихъ было настроено 20. Все было разсчитано на широкую барскую ногу. За то хозяйственныхъ построекъ было немного: всего 2 амбара для поклажи, 2 сарая, 2 конюшни и 1 погребъ. При домѣ находилась и деревяная старая церковь во имя Положенія Ризы Пресв. Богородицы. Стоимость постройки была значительна и для того времени: всѣ сооруженія обошлись Лаврѣ въ 20 тысячъ рублей.

Сверхъ того въ самомъ мѣстечкѣ въ рукахъ Лавры находились наиболѣе доходныя въ то время статьи. На каждой изъ 14 улицъ для потребъ мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ на ярмарки Лавра держала по одному шинку. Одна улица не въ правѣ были завидовать другой, и каждая выпивала свободно, покупая вино и ведрами, и квартами, и чарками. А выпивалось не мало. Во время ярмарокъ, собиравшихся въ Кіевѣ, Лавра скупала привозимую „разныхъ чиновъ людьми“ водку, видимо, на большую сумму, такъ какъ на одни печерскіе кабаки отдавала 241 куфу, т. е., считая куфу въ 40 в., 9640 ведеръ или по 688 1/2 ведеръ на шинокъ. Пріобрѣтая такое количество водки, Лавра не бывала въ убыткѣ: печерскіе шинки давали ей доходъ въ 3342 р., т. е. 30 к. съ небольшимъ на ведро.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находились Лаврскіе подданные.

Несомнѣнно, что среди всѣхъ поселеній, окружавшихъ Кіевъ, мѣстечко рѣзко выдѣлялось своимъ характеромъ. Въ немъ

[1]) 7 амбаровъ, 8 сараевъ, 2 конюшни и 1 погребъ.

не было уже ни малѣйшихъ слѣдовъ земледѣльческаго поселенія. Лавра отвела своимъ подданнымъ лишь однѣ усадьбы; ни пахатью, ни сѣнокосомъ они надѣлены не были, и если все таки они обязаны были панщиною по 4 дня въ недѣлю, по одному человѣку отъ двора, то эту панщину они отбывали каждый помощью того ремесла, которымъ они занимались, либо дворовыми услугами, шинкарствомъ и т. д. Мѣстечко сдѣлалось почти городомъ по характеру занятій жителей. Большинство населенія состояло изъ ремесленниковъ, занятыхъ самыми разнообразными ремеслами, разумѣется, въ бо́льшей части случаевъ необходимыми для монастырскихъ надобностей. Разсматривая съ этой стороны составъ населенія, мы находимъ среди занятыхъ ремеслами 8 человѣкъ, занимавшихся переплетнымъ искусствомъ. Изъ нихъ 3 были обставлены сравнительно лучше: у одного было 3 ученика, у другаго—3 работника, получавшихъ отъ хозяина по 25 к. въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ, и у третьяго—одна работница; затѣмъ 5 сапожниковъ, 3 портныхъ (одинъ съ однимъ рабочимъ за 40 к), 3 иконописца (одинъ съ 2 рабочими), 2 „друкара“, работавшіе въ лаврской типографіи за панщину, наконецъ по одному золотыхъ дѣлъ мастеру, по одному серебряныхъ и по одному ткачу. Былъ и „чоботарь“, повидимому, заваленный работой, такъ какъ онъ держалъ 2 рабочихъ, изъ которыхъ одногон анималъ за 6 р. въ годъ, а другаго за одежду и пищу. Часть подданныхъ занялась торговлей; въ шинкахъ сидѣло 8 монастырскихъ подданныхъ, получавшихъ каждый въ свою пользу десятое ведро изъ проданной водки, что равнялось почти 15 р. въ годъ. Одинъ держалъ мясную лавку, другой посвятилъ себя мелочному торгу (масломъ, саломъ и проч), третій добывалъ средства къ жизни, занимаясь операціями съ дегтемъ. Почти всѣ они несли панщину своимъ ремесломъ или занятіемъ, и лишь одинъ сверхъ того обязанъ былъ и личнымъ четырехдневнымъ трудомъ. Что касается остальныхъ, то пять изъ нихъ работали въ Лаврѣ, кто какъ сторожъ (2), кто какъ поваръ монастырскій (1), кто какъ дьячокъ (1) или просто слуга, „въ боярской должности“. 25 не имѣли никакихъ опредѣленныхъ занятій, не знали ни ремесла, ни промысла и жили съ заработковъ, поден-

ной работой. Пять было освобождено отъ панщины, одинъ откупался отъ нея, уплачивая монастырю 2 р. къ годъ, 19 работали неукоснительно по 4 дня въ недѣлю.

Трудно рѣшить вопросъ, насколько были всѣ они обезпечены. Опись не даетъ прямыхъ указаній для этого. Но судя по тѣмъ косвеннымъ даннымъ, какія имѣются въ описи, мы врядъ ли ошибемся, если признаемъ экономическое положеніе населенія мѣстечка почти нищенскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая состояніе его съ точки зрѣнія суммы движимаго имущества, мы получаемъ для Печерска слѣдующую картину. На всѣ дворы насчитывалось всего 6 коровъ, 7 лошадей, да 3 свиньи. Скота вовсе не имѣлось въ 56 дворохъ. Все наличное количество скота, принадлежало хозяевамъ лишь 6 дворовъ. Изъ нихъ по 1 коровѣ имѣлъ одинъ хозяинъ, по 2—одинъ (онъ же и шинкарь), 3 коровы—одинъ, по 1 лошади—2, по 2 лошади тоже 2. Три свиньи принадлежали всѣ одному хозяину.

То же представляла собою и внѣшняя обстановка подданныхъ, ихъ жилье. Всѣ хаты были мазки. Никакихъ другихъ построекъ, кромѣ амбаровъ и сараевъ плетневыхъ, не было. Изъ всего количества дворовъ въ 3 не было никакихъ другихъ построекъ кромѣ избы; съ одной хозяйственной постройкой считалось 15 дворовъ, съ 2 постройками—23, съ 3 постройками—7, съ 4 постройками—9, съ пятью—только 2.

IV.

Почти непосредственно за васильковскими воротами печерской крѣпости, за такъ называемой васильковской рогаткой, расположено было другое поселеніе лаврскихъ подданныхъ. Въ настоящее время оно слилось съ печерскимъ мѣстечкомъ, тогда, въ 1766 г., оно составляло самостоятельное цѣлое и извѣстно было подъ именемъ дворовъ за васильковскою рогаткою или *Васильковскіе Рогатки*.

То было значительное по размѣрамъ поселеніе, мало чѣмъ уступавшее мѣстечку. Здѣсь насчитывалось 54 посполитскихъ

двора и 5 монастырскихъ. Въ началѣ, вскорѣ послѣ основанія крѣпости, поселокъ былъ гораздо меньше. Онъ состоялъ изъ 26 дворовъ, въ описи отмѣченныхъ, какъ старые. Къ 1766 г. число ихъ увеличилось 28 новыми дворами. Въ 64 хатахъ поселена была 71 семья. Все населеніе посполитское состояло изъ 265 д., въ томъ числѣ м. пола отъ 1 до 15 л.—44, отъ 15 до 60 л.—68, свыше 60 л.—4, жен. п. отъ 1 до 15 л.—56, отъ 15 до 60 л.—87, свыше 60 л.—6. Если прибавить 41 душу, жившихъ въ монастырскихъ дворахъ, т. е. послушниковъ и рабочихъ съ семьями, то все населеніе выразится въ ц. 298 д. По составу населеніе и здѣсь было смѣшанное: 45 были мѣстные уроженцы, остальные—пришлые: 13 изъ Черниговщины, 10—изъ Полтавщины, 10 изъ Польской Области, 1 изъ Слободской Украины.

Но здѣсь населеніе было гораздо бѣднѣе, чѣмъ на Печерскѣ. Поселокъ не имѣлъ земледѣльческаго характера: монастырь и здѣсь не надѣлилъ землею своихъ подданныхъ. Но въ смыслѣ ремесленной дѣятельности оно стояло ниже м. Печерска. Лишь 8 человѣкъ занимались ремесломъ и занимались сами, безъ рабочихъ. Да и ремесла были обыденные: кузнечное (1), сапожное (2), портняжное (1), гончарное (1), шаповальское (1), да переплетное (2). Затѣмъ 7 человѣкъ служили въ Лаврѣ и въ дворахъ монастырскихъ, въ качествѣ конюховъ. Всѣ остальные, за исключеніемъ 2, не имѣли никакихъ опредѣленныхъ занятій, кромѣ отбыванія панщины. Чѣмъ существовали они, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Тѣ же данныя, которыя мы привели для характеристики Печерска, послужатъ намъ и теперь мѣриломъ благосостоянія монастырскихъ подданныхъ. Никакого скота не имѣли 47 дворовъ. Только у 7 хозяевъ былъ скотъ. По 1 коровѣ—у одного, по 2 коровы—у 5, по 1 лошади—у 2, 3 лошади имѣлъ 1, 2 вола было у 1; по 2 свиньи—у 6. Одинъ имѣлъ 20 свиней. Это былъ тотъ самый, у котораго было 3 лошади и 2 коровы.

Въ отношеніи построекъ тоже, что и на Печерскѣ: тѣ же мазки, та же бѣдность построекъ. Безъ построекъ съ одною избою мы находимъ 4 двора, съ одной постройкой (преим.

клѣтью)—19, съ 2 постройками—23, съ 3—4, съ 4—3, съ 6 постройками (баней) и заводомъ—1.

Лишь два хозяина рѣзко выдѣлялись изъ среды подданныхъ, и это опять въ силу того, что они увлечены были общимъ кіевскимъ духомъ того времени. Одинъ былъ шинкарь, имѣвшій у себя и ледникъ, и 2 коровы и продававшій монастырскую водку. Онъ зарабатывалъ 15 р. ежегодно. Другой былъ нѣсколько богаче. Въ его дворѣ стояла винокурня на 2 котла, дававшая 100 ведеръ водки. Дрова и 50 четвертей хлѣба для нея владѣлецъ покупалъ на базарахъ. Выкуренное вино закупалъ у него монастырь, что давало ему 20 р. въ годъ. 12 рабочихъ работало у него на винокурнѣ. Бо́льшая часть была нанимаема понедѣльно, за 16 и 20 к. въ недѣлю, на хозяйскихъ харчахъ.

Монастырскіе дворы, находившіеся здѣсь же, существовали лишь для поселенія послушниковъ и рабочихъ. Одинъ дворъ носилъ названіе типографскаго двора, гдѣ жило 2 рабочихъ съ семьями, нанятые погодно за 8 р. и 5 р. на монастырской пищѣ, и нѣсколько послушниковъ, работавшихъ безъ найма. Въ дворѣ, кромѣ господскаго дома о 2 комнатахъ, были построены людская, 2 амбара, 1 конюшня и 2 сарая для скота монастырскаго: 9 воловъ, 4 коровы и 11 лошадей. Въ остальныхъ 3 дворахъ жили одни послушники, надзиравшіе за находившимся въ нихъ лаврскимъ скотомъ: 19 волами, 6 коровами, 17 лошадьми, 22 свиньями и 2 козами.

Пятый дворъ принадлежалъ Троицкому Больницкому монастырю. Здѣсь былъ шинокъ съ „ледовней“, господскій домъ, 3 людскихъ, амбаръ, конюшня и сарай, все стоимостью въ 250 р. 2 семьи нанятыхъ погодно рабочихъ, за 14 р. и 12 р., на одеждѣ и пищѣ монастырской, смотрѣли за дворомъ и вѣроятно продавали водку.

Дворы лаврскіе обошлись ей: типографскій въ 500 р., остальные три въ 300, 200 и 150 р.

V.

Слободка Солоная Горка. Гдѣ находилась эта слободка, мы не знаемъ съ точностью. Нигдѣ не встрѣчается о ней ни малѣйшихъ извѣстій, и, можно сказать, она впервые появляется на свѣтъ благодаря румянцевской описи. А между тѣмъ эта послѣдняя даетъ лишь самыя общія и весьма неопредѣленныя указанія на топографію слободки. Лежитъ она, сообщаетъ опись, „на прусскомъ близъ крѣпости". Только изъ данныхъ о характерѣ занятій жителей можно заключить, что то была прирѣчная слободка, что она прилегала къ самому Днѣпру и, вѣроятно, расположена была на одномъ изъ склоновъ, идущихъ отъ Печерска къ Днѣпру.

Кіево-Печерская Лавра, владѣтель Солоной Горки, повидимому, мало интересовалась слободкой. У нея не было здѣсь никакихъ хозяйственныхъ построекъ, и она ограничилась лишь тѣмъ, что отвела земли подъ дворы и поселила въ нихъ своихъ посполитыхъ, отбывавшихъ повинности натурой. Денежныхъ повинностей и чиншей въ пользу монастыря посполитые и здѣсь, какъ и въ мѣстечкѣ и въ Рогаткахъ, не платили, а обязаны были поставлять на панщину отъ двора по 1 человѣку, который долженъ былъ работать 4 дня въ недѣлю. Всего отведенныхъ Лаврою дворовъ насчитывалось здѣсь 20, жители которыхъ почти исключительно заняты были рыболовствомъ, составлявшимъ единственный источникъ ихъ существованія. Слободка является поэтому какъ чисто рыбачье, а не земледѣльческое село. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 20 хозяевъ слободки, 14 занимались либо ловлею, либо уженіемъ рыбы, одинъ—смоленіемъ лодокъ и байдаковъ, одинъ заработывалъ пропитаніе пиленіемъ дровъ, одинъ жилъ пасѣкой въ 10 пней и шинкованьемъ: продавалъ „бузу", и только 4 не имѣли никакихъ опредѣленныхъ занятій, жили поденнымъ трудомъ. О земледѣліи, земледѣльческомъ трудѣ не было здѣсь и помину: пахатной земли не было; монастырь не надѣлилъ ни ею, ни другими угодьями своихъ посполитыхъ, да кромѣ того, ни у одного изъ нихъ не было не только крупнаго, но даже и мелкаго скота. То были бобыли въ самомъ

широкомъ смыслѣ слова. Особенно интересно то обстоятельство, что здѣсь, въ этой слободкѣ, чуждаго пришлаго элемента было гораздо менѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ селеній, лѣпившихся вокругъ Кіева. Изъ всей суммы семей 22 были уроженцы Кіева и лишь одна семья—изъ пришлыхъ, именно изъ Козельца. Глава этой послѣдней занимался пилкою дровъ. Въ возрастномъ отношеніи населеніе группировалось слѣдующимъ образомъ: муж. пола отъ 1 до 15 л.—20, отъ 15 до 60—28, женск. пола отъ 1 до 15—15, отъ 15 до 60—31, свыше 60—1. Всего же жителей въ слободкѣ 95.

VI.

Нѣсколько западнѣе Солоной Горки, въ сторону отъ Днѣпра, существовала другая слободка, основанная на земляхъ Кіево-Печерской Лавры и входящая теперь въ составъ Звѣринца. Она расположена была, какъ кажется, около звѣринецкаго озера и носила названіе *Свято-Озерской слободки*.

О ней, такъ же какъ и о слободкѣ Солоной Горкѣ, мы встрѣчаемъ впервые упоминаніе лишь въ одной румянцевской описи, сообщающей глухо, что она лежитъ „близъ крѣпости Печерской“. Но одинъ фактъ, который мы находимъ въ описи, даетъ весьма ясное указаніе на мѣстность, гдѣ находилась слободка. Закревскій въ своемъ описаніи Кіева увѣряетъ, что церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, построенная въ началѣ XVIII вѣка подлѣ звѣринецкаго озера, находилась на Звѣринцѣ [1]). Между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается, что на Звѣринцѣ въ 1766 г. не было никакой церкви, церковь же Рождества Іоанна Предтечи была построена, по словамъ описи, въ слободкѣ Свято-Озерской. Въ то время церковь эта была еще новой и окружена была также новой деревянной оградой. Подлѣ церкви по обыкновенію выстроено было Лаврою двѣ хаты: школа „для обученія дѣтей разного чина“ и домъ священника, повидимому, не-

[1]) Закревскій, описаніе Кіева, II. глава о „Звѣринцѣ“

дорого обошедшіяся монастырю. Обѣ были мазки, стояли безъ двора и имѣли по амбару въ качествѣ хозяйственныхъ построекъ. Въ школѣ поселился дьячекъ, посполитый изъ за Днѣпра, вмѣстѣ и учитель, привезшій съ собою двухъ своихъ земляковъ, двухъ мальчиковъ—учениковъ 12 и 13 лѣтъ. Домъ священника не отличался ни внѣшностью, ни помѣстительностью: въ немъ была всего одна комната, да одна людская. Ни пахати, ни другихъ угодій священникъ не получалъ отъ монастыря, и видимо жилъ крайне бѣдно. Прислуги не было и съ нимъ жилъ лишь пономарь, пропитывавшійся такъ же, какъ и священникъ, доброхотными даяніями отъ парохіянъ. Единственнымъ постояннымъ доходомъ священника была плата по 2 р. съ каждаго изъ двухъ дворовъ, пожалованныхъ ему Лаврою и находившихся на печерскомъ Звѣринцѣ. Все небольшое хозяйство священника заключалось въ 3 коровахъ, 1 лошади, да двухъ свиньяхъ. Повидимому, онъ только недавно поставленъ былъ здѣсь для отправленія церковной службы, такъ какъ рядомъ съ новопостроеннымъ его домомъ мы находимъ дворъ умершаго священника той же церкви съ 2 избами, амбаромъ и клѣтью. Тутъ проживала вдова покойнаго, принявшая двухъ подсусѣдковъ, вдовъ съ дѣтьми.

Слободка эта, какъ и сосѣдняя съ нею, была основана не задолго до того и расширилась почти наканунѣ описи. Изъ 37 дворовъ, существовавшихъ въ ней въ 1766 году, только 18 названы старыми, 19 были устроены заново. Съ другой стороны, мы не встрѣчаемъ здѣсь ни одного мѣстнаго уроженца. Всѣ лаврскіе подданные или посполитые, сидѣвшіе въ этихъ дворахъ, или родомъ изъ Кіева (31), или пришли изъ Польской Области (6), Черниговщины (2), Полтавщины (2).

Въ 38 хатахъ поселено было Лаврою 45 семей, состоявшихъ изъ 190 д. обоего пола [1]) также мало обезпеченныхъ ею, какъ и жители Солоной Горки и др. Кромѣ усадьбы он и не владѣли ни клочкомъ пахатной, либо сѣнокосной земли и должны были искать средствъ къ жизни въ поденномъ трудѣ. Между тѣмъ и

---

[1]) М. пола отъ 1 до 15 л —37, отъ 15 до 60—48, выше 60 л.—2, ж. пола отъ 1 до 15 л.—41, отъ 15 до 60 л.—58, свыше 60 л.—4.

барщина въ видѣ четырехдневной работы въ недѣлю, и уплата съ хаты по 1 р. 2 коп. консистенціи ложились и на нихъ въ одинаковой мѣрѣ. Вообще и они не представляли собою ничего выходящаго изъ ряду той повальной бѣдности, которая является постояннымъ спутникомъ большинства, если не всѣхъ кіевскихъ селеній того времени. Кромѣ одного посполитаго, служившаго въ монастырѣ и получавшаго 12 р. въ годъ, всѣ остальные были почти полные бѣдняки. Занимавшихся ремесломъ или промысломъ было всего 8 [1]). 36 семьямъ приходилось заработывать содержаніе поденнымъ трудомъ, жить „съ заработковъ“. Мы не знаемъ, какъ велики могли быть они, но каковы бы они ни были, степень благосостоянія обусловливалась количествомъ свободной рабочей силы, которая могла явиться на рынокъ, не опасаясь наказанія за невыполненіе барщины. Что же представляла собою въ этомъ отношеніи Свято-Озерская слободка? Съ одною рабочею силою было 2 семьи, съ 2 (обоего пола)—14, съ 3—10, съ 4—4, съ 5—3, съ 6—2; съ одною мужескою рабочею силою—22, съ 2—8, съ 3—3, съ 4—только одна. Нанимать рабочихъ было не на что, и только у 4 семей мы находимъ малолѣтнихъ рабочихъ, служившихъ за пропитаніе. Количество движимости находилось въ соотвѣтствіи съ экономическимъ бытомъ населенія. Въ 22 дворахъ изъ 36 никакого скота не было. Изъ остальныхъ 14 только 8 имѣли относительно значительное количество скота, а именно: 5 штукъ рогатаго скота—1, 4—1, по 3—4, по 2—2. По 1 лошади находилось въ 6 дворахъ. По 1 свиньѣ приходилось на 6 дворовъ, по 2—на 5 дворовъ, 3 и 4 свиньи имѣло только 2 двора. Овецъ было всего 15 (10 и 5 въ двухъ дворахъ) и въ одномъ дворѣ—коза.

---

[1]) Въ слободкѣ существовало 2 переплетчика, 1 гончаръ, 1 ткачъ, 1 портной, 1 сапожникъ и 1 занимавшійся „муровчицкимъ“ ремесломъ. Въ одномъ дворѣ занимались печеніемъ и продажею бѣлаго хлѣба, въ другомъ жилъ рѣзникъ.

VII.

Звѣринецъ[1]) въ 1766 году состоялъ изъ двухъ поселковъ, раскинувшихся на всемъ пространствѣ, начиная отъ звѣринецкаго озера за Свято-Озерской Слободкой, и кончая Выдубецкимъ монастыремъ. То былъ, во-первыхъ, такъ называемый „Печерской Звѣринецъ", причисленный къ приходу Свято-Озерскому, а, во-вторыхъ, собственно Звѣринецъ, находившійся во владѣніи Выдубецкаго монастыря.

Первый былъ устроенъ на земляхъ Кіево-Печерской Лавры и былъ заселенъ исключительно одними лаврскими подданными. Лавра такъ же мало, повидимому, интересовалась землею, на которой стоялъ Звѣринецъ, какъ и тою, гдѣ построилась слободка Солоная Горка. Никакихъ построекъ и дворовъ лаврскихъ здѣсь не было. Не было равнымъ образомъ приписано къ поселенію ни пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, ни другихъ угодій. Лавра просто разбила звѣринецкую землю на дворы, предназначенные для подданныхъ, съ которыхъ и взималась панщина въ размѣрѣ общемъ для всѣхъ лаврскихъ подданныхъ. Какъ кажется, поселеніе существовало здѣсь уже съ давнихъ поръ и не было обязано своимъ возникновеніемъ возведенію печерской крѣпости. По крайней мѣрѣ большинство дворовъ означены какъ старинные, и кромѣ того изъ всей ихъ суммы—35 въ 22 жили мѣстные люди. Составъ населенія остальныхъ дворовъ былъ слѣдующій: изъ Польской Области—4, кіевскаго полка—3, изъ Черниговщины—3. Два двора стояли впустѣ.

Въ 30 хатахъ сидѣло 38 семей, всего 182 душъ обоего пола, изъ которыхъ мужск. пола было: отъ 1 до 15 лѣтъ—52, отъ 15 до 60 л.—37, свыше 60 л.—6, и женскаго:—отъ 1 до 15 л.—33, отъ 15 до 60—50, свыше 60—4. Въ экономическомъ отношеніи это населеніе было такъ же мало обезпечено, какъ и населеніе другихъ лаврскихъ селъ. Ихъ обстановка была крайне незавидна. Подданные четырехъ дворовъ не имѣли никакихъ построекъ кромѣ избы. Съ одной постройкой кромѣ хаты было

[1]) Румянц. опись, кіевская сотня, №№ 58 и 77.

8 дворовъ, съ двумя—13, съ тремя 5—7, съ пятью—только одна. Ту же и даже еще болѣе печальную картину представляло движимое имущество населенія. 24 двора изъ 33 не имѣли ни одной головы ни мелкаго, ни крупнаго скота; на остальные приходилось 6 воловъ, 9 коровъ, 6 лошадей, 4 свиньи, 50 овецъ. Только у одного было 4 вола, 2 коровы, 50 овецъ и 2 свиньи. По одной коровѣ было въ 5 дворахъ, да 2 коровы имѣлъ одинъ домохозяинъ. Заработки отъ занятія ремеслами достались на долю лишь немногихъ: только 9 семей содержались доходами отъ ремесла. Въ поселкѣ жило 5 гончарей, 2 иконописца, одинъ переплетчикъ и одинъ ткачъ. Наиболѣе зажиточнымъ и обезпеченнымъ былъ по обыкновенію шинкарь, подданный, сидѣвшій во дворѣ, который монастырь обратилъ въ шинокъ. Онъ получалъ изъ монастыря за оказываемыя Лаврѣ услуги 12 руб. въ годъ. Остальныя семьи жили съ заработковъ, содержа себя и семью на тѣ средства, какія могла дать поденная работа.

Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находилось другое поселеніе, собственно Звѣринецъ.

Къ деревнѣ было приписано монастыремъ не мало земель: во-первыхъ, выгонъ подлѣ деревни на 24 дня (18 десят), затѣмъ небольшая пахатная земля на 7 дней (5¼ д), островъ противъ устья Лыбеди, сверхъ того,—и это была земля, которою монастырь надѣлилъ своихъ подданныхъ,—сѣнокосъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ 15 верстахъ отъ деревни. Кромѣ того, подлѣ деревни монастырь завелъ мельницу на Лыбеди, доставлявшую монахамъ 4 четверти хлѣба въ годъ, и два кирпичныхъ завода,—все это въ видахъ приложенія возможно болѣе выгоднаго для монастыря даровой рабочей силы въ размѣрѣ 112 рабочихъ дней въ недѣлю, доставляемыхъ 29 дворами изъ 32 (два стояли впустѣ). Въ вознагражденіе за это монастырь отвелъ своимъ крестьянамъ сѣнокосы, которыми надѣлилъ отдѣльные дворы такимъ образомъ, что по 200 и по 100 копенъ сѣна получали два двора, 3 двора—по 60 коп., 14—по 50 коп., 2—по 40 коп., по 30, 25 и 15 копенъ—4 двора. Только восьми дворамъ не было дано участковъ въ монастырской сѣнокосной землѣ.

Впрочемъ, потеря на сѣнокосѣ восполнялась инымъ путемъ. Въ деревнѣ было 4 шинка. Одинъ внутри его, на 300 ведеръ водки, два на берегу Днѣпра и одинъ на Лыбеди на 100 ведеръ подлѣ перевоза, принадлежавшаго монастырю. Водка покупалась куфами, оптомъ, и продавалась чарками и квартами, и монастырь получалъ съ шинковъ 300 р. чистаго дохода въ годъ. Въ 1766 г. онъ повидимому держалъ самъ шинки, сажая въ нихъ своихъ посполитыхъ. Но бывали такіе годы, когда они сдавались въ аренду. Такъ было, напр., въ 1714 году, о чемъ свидѣтельствуетъ арендный контрактъ между монастыремъ и подданнымъ того же монастыря, „которому пустилимо", гласитъ актъ, приложенный къ описи, „въ аренду шинкъ всякого напитку, т. е. горѣлки, меду, пиво, такожъ деготь, сѣно и овесъ продавати позволилисмо на селѣ нашомъ выдубыцкомъ, прозываемомъ Зверинцу, и где имъ сподобится на всѣхъ грунтахъ выдубыцкихъ". Условія контракта настолько характерны, что мы приведемъ ихъ въ полномъ видѣ: они не требуютъ комментаріевъ и достаточно выясняютъ причину рѣзкой разницы въ экономическомъ отношеніи между винокурами и шинкарями съ одной стороны и остальнымъ посполитымъ людомъ съ другой. Шинки сняты за тысячу золотыхъ, т. е. 500 рублей, платежъ которыхъ раздѣленъ на 4 раты или срока. „Хто бы хотѣлъ", говорится въ актѣ, „под монастыремъ горѣлку и медъ шинковати, той повыненъ въ пана арендара на шинкъ брать напитокъ, албо чоповое ему заплатити; такожъ варуемъ, же нѣхто з подданнихъ нашихъ Зверинскихъ не важился на веселле, чили на крестини, чили на иніе значніе учти на сторонѣ, без вѣдома пана арендара, напитку брати, а панъ арендаръ повиненъ будетъ подданнимъ нашимъ на значную ихъ потребу дешевше осмакомъ кварту, нежели постороннымъ людемъ продавать". „А ежели бы, прибавлено въ актѣ, хто з подданнихъ нашихъ важился, потаемьне в дому своемъ напытокъ держати, на Зверинцу шинковать, таковой выну заплатить талярей десять на обитель нашу выдубицкую и на арендара такожъ талярей 10" [1]).

[1]) Румянц. опись, докум. кіев. сотни, подъ 1714 годомъ, 13 ноября.

Все населеніе деревни состояло изъ 161 души обоего пола въ 39 семьяхъ [1]), по составу своему распредѣлявшихся такъ: мѣстныхъ—13 семей, кіевскихъ—13, изъ Черниговщины—8, Польской Области—4 и Полтавщины—1. Небольшая часть населенія занималась ремесломъ. Четыре человѣка были портные, 2—ткачи. Сверхъ того тутъ жилъ одинъ гончаръ, одинъ стекольщикъ, да одинъ каменщикъ. Остальные работали на монастырь и свободныя рабочія силы пускали на поденные заработки.

Количество скота, которымъ владѣло населеніе, было впрочемъ весьма ограниченно. И это служитъ указаніемъ на плохое экономическое положеніе и населенія д. Звѣринца, не смотря на выданные сѣнокосные надѣлы. Въ 10 дворахъ вовсе не было скота. Всего скота насчитывалось въ деревнѣ: 11 коровъ и 8 лошадей. Затѣмъ мелкій скотъ представляли свиньи въ количествѣ 22, да козы въ числѣ 4. По одной коровѣ имѣло 5 дворовъ, по 2—3 двора; по 1 лошади также 5 дворовъ, по 2—1 дворъ. По одной свиньѣ насчитывалось въ 3 дворахъ, по 1—въ 6, по 3—въ 2. Обладателемъ 4 козъ былъ лишь одинъ дворъ.

VIII.

Ямки принадлежатъ къ числу поселеній, исчезнувшихъ на глазахъ еще живущаго поколѣнія. То былъ склонъ горы отъ Печерска къ югу, къ экспланадѣ, находившійся недалеко отъ нынѣшняго военнаго госпиталя. Въ XVIII в. они составляли собственность Лавры и одно изъ самыхъ доходныхъ ея имѣній. Тутъ не существовало какого-либо поселенія въ строгомъ смыслѣ слова: не было ни посполитыхъ, ни ихъ дворовъ и хатъ. Лавра устроила здѣсь лишь два двора: питейный и шинковой.

Въ одномъ изъ нихъ стоялъ старый питейный заводъ съ одной лишь господской комнатой, но за то съ 3 людскими, 2

---

[1]) Отъ 1—15 л.—37, отъ 15 до 60—38, свыше 60—1, а ж. пола: 1—15 л. 41, 15—60 л. 43, свыше 60 л.—1.

амбарами и 2 сараями для содержанія 23 воловъ и 5 лошадей, и сверхъ того тоже старый пивоваренный заводъ. Въ какихъ размѣрахъ производился здѣсь выкуръ водки и вываріваніе пива, опись не даетъ къ сожалѣнію отвѣта. Но судя по тому количеству рабочихъ, которые жили при этомъ дворѣ, несомнѣнно, что производство было значительное.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ 5 человѣкъ послушниковъ, бо́льшею частью престарѣлыхъ, монастырь держалъ 11 рабочихъ съ семьями и холостыхъ, которымъ платилъ наиболѣе значительную по тому времени плату. Minimum годовой платы, безразлично и для семейныхъ, и для холостыхъ, былъ 8 рубл. Восемь человѣкъ были договорены по этой нормѣ. Два наняты были по 12 р. и одинъ, очевидно главный, винокуръ, за 15 р. въ годъ. Всѣ ходили въ своемъ платьѣ, но получали пищу отъ монастыря. Составъ рабочихъ не лишенъ интереса. Козаковъ было 7 человѣкъ, посполитыхъ—4. Изъ нихъ уроженцевъ Полтавщины 5 человѣкъ, Черниговщины—3, Польской Области—2, Слободской Украины—1 [1]).

Второй дворъ, стоявшій рядомъ, составлялъ необходимое продолженіе и дополненіе къ первому. Часть того, что производилъ первый дворъ, быстро находила сбытъ во второмъ дворѣ, гдѣ выстроенъ былъ монастырскій шинокъ. Здѣсь были одна жилая изба и одинъ амбаръ, отданные въ распоряженіе природнаго лаврскаго подданнаго, кіевскаго уроженца, занимавшагося продажей монастырской водки и сверхъ того слесарнымъ ремесломъ. Какой доходъ приносилъ монастырю шинокъ, мы въ точности не знаемъ.

IX.

Владѣнія Кіево-Печерской Лавры въ Кіевѣ не ограничивались описанною уже мѣстностью. Они шли далѣе, распро-

[1]) Въ возрастномъ отношеніи дворъ состоялъ изъ мужчинъ отъ 1 до 15 л.—7, отъ 1 до 60—11, престарѣлыхъ 5, ж. пола отъ 1 до 15 л.—5, отъ 15 до 60 л.—8.

странялись до самой Лыбеди, и здѣсь, невдалекѣ отъ рѣки, и въ 2 верстахъ отъ стараго Кіева, основаны были, неизвѣстно лишь въ какое время, *Верхне-Лыбедской дворъ и село Нижне-Лыбедское* [1]).

Первый находился, какъ кажется, за Васильковской улицей, внѣ города на самой Лыбеди и примыкалъ къ пахатной землѣ, „пещаной“ и негодной для обработки, лежавшей въ урочищѣ по васильковскому тракту, мѣрою на 30 дней. Расходуя 100 рублей на устройство двора, и притомъ съ помощью даровыхъ рабочихъ изъ своихъ же посполитыхъ, монастырь имѣлъ прямой разсчетъ ставить его на одной изъ большихъ дорогъ, ведшихъ въ тогдашній Кіевъ. Во дворѣ былъ выстроенъ домъ съ 3 господскими и 2 людскими комнатами, 2 амбара для клажи, 1 клуня, пришедшая въ ветхость и, видимо, уже потерявшая прежнее значеніе. Хозяйство въ виду качествъ пахати вести было нельзя, и одну изъ людскихъ обратили въ шинокъ, въ которомъ сидѣлъ лаврскій посполитый, родомъ изъ с. Пирогова, продавшій лаврскую водку, за то освобожденный отъ панщины и получавшій десятую часть прибыли. Въ другой людской Лавра поселила другаго подданнаго, изъ Черниговщины, для надзора за мельницей, находившейся тутъ же въ дворѣ. Въ ней было два камня, но работала она только весною и осенью и притомъ исключительно для одного монастыря.

Гораздо бо́льшее значеніе для Лавры имѣло *Нижне-Лыбедское село*. Здѣсь монастырь выстроилъ огромный деревянный домъ въ 13 комнатъ съ домовою церковью во имя св. Харлампія. Дворъ былъ биткомъ набитъ массою всякаго рода хозяйственныхъ построекъ. Однѣхъ людскихъ избъ было 18. Затѣмъ тутъ же стояли 8 амбаровъ для поклажи, 2 конюшни, 4 сарая и погребъ. Строили все это опять посполитые, „майстери монастырскіе“, и тѣмъ не менѣе монастырь израсходовалъ на постройку 1500 рублей. Подлѣ двора возвышалась пустая винокурня, а на Лыбеди—двѣ мельницы, обѣ о двухъ колахъ, мучныхъ, и сверхъ того съ ступнымъ коломъ на одной изъ нихъ.

[1]) Румянц. опись, кіевская сотня, № 68.

Дохода мельницы не доставляли. И на этихъ мельницахъ мололи исключительно одну монастырскую муку. Для возки хлѣба монастырь держалъ 62 вола и 6 лошадей, сверхъ того для домашнихъ потребностей 6 коровъ и столько же свиней. Большой штатъ рабочихъ и послушниковъ состоялъ при этомъ дворѣ, какъ тѣхъ, которые жили въ самомъ дворѣ, въ людскихъ, такъ и поселенныхъ въ отдѣльно стоявшихъ хатахъ и дворахъ села. Въ дворѣ насчитывалось рабочихъ до 36, находившихся въ различныхъ отношеніяхъ къ монастырю. Часть изъ нихъ, послушники въ числѣ 18 человѣкъ, представляли собою даровую рабочую силу. Они жили безъ найма, за одно пропитаніе и одежду. Остальные получали по уговору различную годовую плату, начиная отъ 2 р. и до 12 р. 50 к. въ годъ на монастырскомъ коштѣ, т. е. одеждѣ и пищѣ. Поденныхъ рабочихъ Лавра не держала: для этого у нея всегда былъ подъ рукою запасъ подданныхъ. Мы не знаемъ къ сожалѣнію, какого рода работы обязаны были выполнять годовые рабочіе. Извѣстно лишь, что они должны были работать ежедневно и исполнять все, что бы ни предписалъ имъ монастырь. Но тѣмъ не менѣе не лишне привести хотя бы и простой перечень размѣра заработей платы для характеристики того времени. За 2 р. 50 к. въ годъ былъ нанятъ 1 рабочій, за 3 р.—1, за 4 р.—1, за 4 р. 50 к.—7, за 7 р.—2, за 8 р.—3, за 8 р. 50 к.—1, за 10 р.—1, за 10 р. 50 к.—1, за 12 р. 50 к.—1. Внѣ двора жило 4 рабочихъ, изъ которыхъ 2 получало по 4 р. 50 к., а два по 5 и 6 р. въ годъ. Данныя эти показываютъ, что женскій трудъ цѣнился ниже мужскаго при равныхъ условіяхъ здоровья. Наемная женщина получала только 3 р., а нормальная плата годовому холостому и одиночному рабочему была 4 р. 50 к. и возвышалась, если нанимавшійся имѣлъ семью и обязывался работать съ женою. Отчего зависѣла неравномѣрность повышенія платы, колебавшейся отъ 5 до 12 р. 50 к., опись намъ не объясняетъ.

Рабочіе эти представляли собою самое разношерстное населеніе: тутъ были и холостые обоего пола, и женатые, были и семейные (10), были и козаки (2), и сыновья священниковъ (1), и мужичьи дѣти; стекались они въ монастырскій дворъ изъ

всѣхъ концовъ Малороссіи. Мѣстныхъ уроженцевъ было 4, кіевлянъ—5, изъ Польской Области—8, изъ полтавскаго полка—5, черниговскаго—4, изъ Слободской Украины—2. Были даже пришлые изъ Дубна—1, а изъ „польской націи“—5 [1]).

Внѣ двора въ самомъ селѣ жило смѣшанное населеніе, состоявшее изъ подданныхъ, послушниковъ и наемныхъ рабочихъ. Для нихъ монастырь отвелъ 8 дворовъ и 2 бездворныхъ хаты. Въ одной изъ послѣднихъ было построено нѣчто въ родѣ казармы: 4 хаты въ одной связи для рабочихъ. Всего избъ было 17, и въ нихъ ютились 15 семей и много холостого люда. Собственно подданныхъ монастырскихъ было 8 семей. По возрасту населеніе села дѣлилось слѣдующимъ образомъ: мужч. отъ 1 до 15 л.—13, отъ 15 до 60—30, свыше 60—1, женскаго пола отъ 1 до 15—18, отъ 15 до 60—15, свыше 60—2, а всего 79, а съ рабочими при дворѣ—142 души [2]). По происхожденію населеніе отличалось и здѣсь смѣшаннымъ характеромъ. Мѣстныхъ уроженцевъ было всего 3, собственно кіевлянъ—4, изъ Польской Области—14, изъ Полтавщины—5, изъ Нѣжина—5, да 2 изъ Слободской Украйны.

Работали на монастырь всѣ: подданные по 4 дня въ недѣлю, послушники и наемные рабочіе ежедневно по указанію монастыря. Первые не были надѣлены землей и должны были искать средствъ къ жизни въ ручномъ трудѣ и въ заработкѣ. Но развитіе здѣсь кузнечнаго ремесла обезпечивало нѣкоторую часть семей. Пять семей, жившихъ въ 3 дворахъ, заняты были ремесломъ, и повидимому положеніе ихъ было сравнительно хорошее. Каждый изъ кузнецовъ держалъ у себя рабочихъ за плату, такъ какъ работы было не мало и работы не для монастыря только, но и на сторону. Мы говоримъ такъ потому, что

---

[1]) Возрастное отношеніе было слѣд.: мужск. пола отъ 1 до 15 лѣтъ—9, отъ 15 до 60 л.—29, выше 60 л.—4; женскаго пола отъ 1 до 15 л.—6, отъ 15 до 60—12, выше 60—3. Одна была больна французскою болѣзнью.

[2]) 19 лѣтъ позже, по ревизіи 1785 года, въ с. Ниже-Лыбедскомъ насчитывалось уже 158 душъ обоего пола: 78 мужч. и 80 женщинъ. Описаніе Кіево-Печерской Лавры. Кіевъ, 1847 г. стр. 276.

одинъ изъ кузнецовъ былъ освобожденъ отъ панщины, ее несли въ пользу монастыря только двое. У одного былъ нанятъ одинъ рабочій за 5 р. въ годъ, на одеждѣ и пищѣ хозяйской; у другаго было 2 рабочихъ по 5 р. въ годъ; наконецъ, у третьяго состояло при кузницѣ 3 рабочихъ въ 6, 5 и 3 р. годовой платы и также съ одеждой и пищей. Этотъ послѣдній добывалъ средства къ жизни сверхъ того и тѣмъ, что торговалъ монастырскимъ виномъ, что освобождало его отъ панщины и доставляло ему доходъ отъ каждаго десятаго проданнаго имъ ведра водки. Остальные 3 семьи посполитыхъ жили съ заработковъ, но почти всѣ имѣли хоть по 1 коровѣ.

Для удовлетворенія потребностей какъ всего населенія села и двора, такъ и проѣзжавшихъ по васильковскому тракту, Лавра содержала особый шинокъ, построенный при въѣздѣ въ село изъ Кіева.

X.

Выше и Ниже Лыбедскіе Дворцы [1]) принадлежали Михайловскому монастырю и находились при р. Лыбеди, повидимому невдалекѣ отъ нынѣшнихъ Жилянской и Васильковской улицъ. Опись помѣщаетъ ихъ „на ровномъ мѣстѣ при реки Либеды“ и въ двухъ-верстномъ разстояніи отъ Кіева. Съ другой стороны, отъ „Ориновской“ горы, принадлежавшей тоже Михайловскому монастырю, они были удалены на версту (Гора эта была единственною нагорною землею, которою владѣлъ монастырь въ предѣлахъ нынѣшняго Кіева). Земля не отличалась своими качествами: она была песчаная, но заключала въ себѣ 100 дней оранки, т. е. около 75 десятинъ, и повидимому обрабатывалась монастыремъ. Ежегодно засѣвали на ней 15 четвертей ржи, по 1 четверти пшеницы и ячменя и 4 четверти овса.

[1]) Одинъ изъ нихъ находился на Лыбеди прямо противъ Нижне-Владимірской ул. и разрушенъ всего лѣтъ 10 назадъ.

Очевидно для обработки этой-то земли и было основано монастыремъ поселеніе *Выше-Лыбедской дворецъ*[1]) среди дубоваго дровянаго лѣса, обнимавшаго пространство земли на 8 верстъ въ окружности. Выстроенный здѣсь монастырскій домъ былъ небольшихъ размѣровъ, всего въ 2 „господскихъ покоя“ съ 2 людскими; сверхъ того подлѣ него устроенъ и сарай для одной лошади, которую держалъ здѣсь монастырь. Онъ и былъ предназначенъ для лѣтней загородной резиденціи и обошелся монастырю всего въ 80 рублей (720 р). Близь двора на Лыбеди стояла большая мельница на 3 камня съ амбаромъ, предназначенная исключительно для монастырскаго хлѣба.

Въ дворѣ монастырь поселилъ двухъ послушниковъ, мельника, родомъ изъ польской націи, и сверхъ того семейнаго наемнаго рабочаго, мѣстнаго кіевскаго уроженца, которому платилъ по 6 рублей въ годъ. Одежду и пищу всѣ они получали отъ монастыря. Что касается до посполитыхъ, то ихъ было не много. Монастырь устроилъ для нихъ только 4 двора, построилъ въ каждомъ по избѣ и поселилъ въ нихъ 5 семей. Населеніе было немногочисленно: взрослыхъ мужчинъ насчитывалось всего 3, взрослыхъ женщинъ—6, малолѣтнихъ обоего пола 8, увѣчныхъ—1. Двое изъ подданныхъ забрели изъ переяславскаго полка, одинъ былъ родомъ полякъ, о двухъ не имѣется извѣстій. На нихъ лежала вся тяжесть панщины, которая была тѣмъ болѣе чувствительна, что монастырь обратилъ одинъ дворъ въ шинковое заведеніе. Сидѣвшая въ этомъ дворѣ посполитая—вдова „шынковала выномъ монастырскимъ, получала десятое ведро и с того пропитанне имѣла“. Панщину приходилось отбывать только 3 дворамъ, и потому монастырь распредѣлилъ ее слѣдующимъ образомъ: отъ двора, гдѣ жило 2 семьи, онъ требовалъ пятидневной панщины въ недѣлю, отъ двухъ другихъ, гдѣ жило по одной семьѣ—по 4 дня въ недѣлю. Посполитые были настоящими бобылями: у нихъ не было ни скота, ни пахати для собственныхъ нуждъ; всѣ однако обложены были кон-

[1]) Румянц. опись, кіевск. сотня, № 38.

систентскою дачею въ размѣрѣ 1 р. отъ хаты. Двѣ копѣйки, вѣроятно, доплачивалъ монастырь.

Дворецъ Ниже-Лыбедской, повидимому, находился дальше къ югу отъ Верхне-Лыбедскаго и, какъ кажется, на мѣстѣ нынѣшнихъ кирпичныхъ заводовъ, такъ какъ здѣсь вѣроятно существовалъ кирпичный монастырскій заводъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того обстоятельства, что все посполитское населеніе, подвластное монастырю, занято было кирпичнымъ ремесломъ и работало по 4 дня въ недѣлю на монастырь. Всѣхъ посполитскихъ дворовъ было здѣсь 6, изъ которыхъ два стояли впустѣ. Въ остальныхъ четырехъ съ одной избой въ каждомъ ютилось 6 семей, всѣ пришлыя, кто изъ сумскаго полка (1), кто изъ лубенскаго (2) или стародубскаго полковъ (2), кто изъ Польской Области (1). Взрослыхъ рабочихъ муж. пола насчитывалось 5 человѣкъ, женск. пола—6, малолѣтокъ обоего пола 8. Ни пахати, ни другихъ угодій, ни скота посполитые не имѣли. Монастырь имѣлъ здѣсь свой недавно выстроенный домъ, постройка котораго обошлась ему въ 100 р. Въ немъ было два господскихъ покоя и 2 людскихъ. Особо стоялъ рубленный сарай. Для надзора нанята была кіевлянка—вдова, съ сыномъ и 2 дочерьми, получавшая по 6 р. въ годъ, одежду и пищу отъ монастыря; у себя она пріютила старуху вдову, тоже кіевлянку.

XI.

Мѣстность, находящаяся за университетомъ и ботаническимъ садомъ по склону горы вплоть до Лыбеди и затѣмъ до рощи, гдѣ теперь кадетскій корпусъ, такъ же какъ и земля, на которой построенъ университетъ, принадлежали въ разсматриваемое время Кіево-Софійскому монастырю, который былъ повидимому собственникомъ всей почти юго-западной территоріи нынѣшняго Кіева. Владѣнія монастыря доходили до южной городской стѣны, и здѣсь основано было два поселенія, два *подворья*:

Шулжинское и *Панковщина* [1]), „лежавшія близъ самого города Кіева, при р. Лыбеди, которая течетъ съ запада на востокъ", „на схибистомъ мѣстѣ". Первое изъ нихъ было настоящимъ селомъ, хотя и небольшимъ по размѣрамъ; монастырь устроилъ въ немъ церковь во имя царя Владиміра, хотя и не назначилъ къ ней особаго священника. Она служила домовой церковью, построена было особо отъ новаго дома, стоявшаго, какъ и церковь, въ одной оградѣ, опоясывавшей также и садъ, разведенный здѣсь монастыремъ. Домъ былъ устроенъ въ довольно широкихъ размѣрахъ и предназначался повидимому для лѣтней резиденціи митрополита. Въ немъ было 6 покоевъ съ галлереей („галдареей"), выходившей въ садъ. Подлѣ дома группировался рядъ хозяйственныхъ построекъ. Дворъ былъ наполненъ ими: тутъ было и 4 людскихъ, и два ледника, и погребъ съ деревяннымъ выходомъ, и конюшня, и рубленный сарай для колясокъ. Все было заведено на широкую ногу и недешево обошлось монастырю: „оной дворъ", гласитъ опись, „построенъ монастыремъ ценою на двѣ тисычи пятьсотъ рублевъ". Хозяйственныхъ цѣлей при устройствѣ усадьбы монастырь не преслѣдовалъ: пахатной земли не было. Дворъ былъ устроенъ въ лѣсу. Со всѣхъ сторонъ и на большомъ протяженіи окружали его дубы и березы. Въ окружности лѣсъ имѣлъ до 5 верстъ и примыкалъ къ другому еще болѣе обширному въ 30 верстъ въ окружности лѣсу, выходившему за предѣлы нынѣшняго Кіева [2]). Отсюда монастырь добывалъ топливо, отсюда же бралъ и строевой лѣсъ, главнымъ образомъ кровы; этотъ же лѣсъ послужилъ и удобнымъ мѣстомъ для пасѣки. Она устроена была внѣ двора, при ней находилась хата для пасѣчника и рубленный погребъ для „поставки пчелы". Ульевъ насчитывалось до 80, по полу-

[1]) Повидимому Шулявщина. См. Закревскій, II, 878. Онъ ошибается вмѣстѣ съ Аскоченскимъ, утверждая, что здѣсь была домовая церковь во имя Бориса и Глѣба. — Румянц. опись, кіевская сотня, № 17.

[2]) Опись при опредѣленіи пространства даннаго лѣса всегда указываетъ на окружность его, не давая другихъ болѣе точныхъ данныхъ для измѣренія.

чаемый воскъ и медъ не пускали въ продажу, а отправляли въ Кіевъ, въ монастырь. Да и пасѣчникъ былъ даровой—послушникъ, мѣщанинъ изъ Глухова.

Протекавшая невдалекѣ Лыбедь представляла немалыя выгоды для монастыря. Ея берега были обращены въ сѣнокосъ, дававшій ежегодно до 30 копенъ сѣна, сама же рѣка служила и для ловли рыбы, и для устройства мельницъ. Оба берега принадлежали монастырю, и поэтому ему одному принадлежало и исключительное право ловли рыбы. Ловили здѣсь и карася, и лина, и плотву, и все это, какъ и медъ, отвозили въ монастырь на монашескую потребу. Водяныхъ мельницъ было двѣ, объ одномъ камнѣ каждая и съ толчеей на одной изъ нихъ. Здѣсь мололи и монастырскую муку, и муку „чужимъ людямъ", и мололи повидимому успѣшно, ибо монастырь ежегодно вписывалъ въ свои доходы по 10 четвертей ржаной муки, по 2 четверти крупъ и столько же пшена, какъ вознагражденіе за помолъ чужаго хлѣба.

Но монастырь не брезгалъ и денежными доходами со статьи, составлявшей въ то время главный источникъ доходовъ. Онъ держалъ здѣсь шинкъ, но не въ самомъ селѣ, а внѣ его, подлѣ дороги, идущей изъ Кіева на Бѣлогородку: разсчетъ былъ, видимо, на проѣзжающихъ. Тутъ шла продажа и ведрами, и квартами, и чарками, продажа своего, а не покупнаго вина, и ежегодно монастырь выручалъ до 10 „рублевъ" (90 р).

Для надсмотра за домомъ и постройками, для ухода за садомъ и парою лошадей, предназначенныхъ для поѣздокъ, монастырь держалъ наемную прислугу. Въ одной изъ людскихъ помѣщалась цѣлая семья, глава которой, уроженецъ Кіева, получалъ за себя и дѣтей (1 мальчикъ и 3 дѣвочки) по 12 р. въ годъ на монастырской пищѣ. Съ нею жила и другая семья: вдова съ дѣтьми, нанятая за 6 р. въ годъ и на одеждѣ и пищѣ отъ монастыря.

Особо, но на какомъ разстояніи отъ описаннаго двора, мы не знаемъ, стоялъ другой монастырскій дворъ, носившій названіе Панковщина, находившійся въ мѣстности, примыкающей съ юга къ университету. Онъ былъ устроенъ на болѣе широ

кую ногу, чѣмъ первый. Большое хорошее строеніе возвышалось среди двора. То былъ домъ о 10 комнатахъ съ галереей и особыми людскими на 3 комнаты. Особо стояли деревянные вновь выстроенные конюшня для 2 лошадей и сарай на 19 воловъ. Сооруженія были сдѣланы на славу. Монастырь не пожалѣлъ денегъ и уплатилъ за все 5200 р (около 47 т. на теперешніе деньги). Но здѣсь монастырь, видимо, сталъ преслѣдовать и хозяйственныя цѣли. Въ томъ же дворѣ начата была постройка винокурни и бровара, которые не были еще окончены въ 1766 году. Къ двору примыкалъ окружавшій его лѣсъ въ 150 сажень въ окружности и сѣнокосъ на Лыбеди на 300 копенъ. Какъ и въ первомъ дворѣ, здѣсь эксплуатировалась рѣка тѣми же способами: ловили рыбу, „болше рибъ карасевъ“, а на мельницѣ о 2 камняхъ мололи монастырскую муку.

То былъ особый, самостоятельный дворъ. Никакого поселенія вокругъ него не существовало, и единственными и постоянными его обитателями были наемные рабочіе, всего 6 семей. Лишь одна семья была изъ числа кіевскихъ уроженцевъ; остальныя состояли изъ пришельцевъ, изъ Польской Области (4), изъ Кобижчи (кіевскаго полка) одна; послѣдняя изъ козачьихъ. Взрослое населеніе состояло изъ 7 мужчинъ и 9 женщинъ. Наемная плата была сравнительно весьма высокою для того времени. Двѣ семьи, жившія вмѣстѣ, нанимались за 24 р. въ годъ на одеждѣ и пищѣ монастырской. Имъ принадлежалъ повидимому главный надзоръ за дворомъ. Затѣмъ мельникъ и еще одинъ рабочій получали по 12 р. въ годъ. Изъ двухъ остальныхъ одной платили 9 р., а другой—5 р. Всѣ они получали кромѣ того одежду и пищу отъ монастыря.

Монастырь владѣлъ сверхъ того и посполитыми, но всѣ они поселены были на Шулжинскомъ подворьѣ. Онъ отвелъ своимъ крестьянамъ 12 дворовъ и 2 бездворныя хаты и поселилъ здѣсь 18 семей въ 15 избахъ. Населеніе по возрасту группировалось слѣдующимъ образомъ: мужчинъ отъ 1 до 15 л.—23, отъ 15 до 60—16, свыше 60—1, женщинъ отъ 1 до 15—21, отъ 15 до 60—20, свыше 60—4. По составу населеніе включало въ себѣ 7 семей мѣстныхъ уроженцевъ (Кіева и со-

сѣднихъ селъ: Обухова и др), 7 уроженцевъ Польской области, 3—Полтавщины и 1—Черниговщины. Всѣ они по происхожденію были „мужичьи сини“ и лишь одна (изъ Лохвицы)—козачьяго роду.

Монастырь надѣлилъ ихъ пахатною землею и предоставилъ право въѣзда въ лѣсъ за дровами. Пахати дано было на 28 дней или около $21^1/_2$ десятины, такъ что на дворъ приходилось около $1^1/_2$ десятины. Для обработки этой земли крестьяне располагали всего 10 волами и 4 лошадьми. Количество домашняго скота было у нихъ незначительно: 10 коровъ, 10 козъ, да 24 свиньи. Но въ общемъ положеніе здѣсь крестьянъ было нѣсколько лучше сравнительно съ положеніемъ ихъ собратьевъ въ другихъ описываемыхъ мѣстностяхъ, хотя при этомъ они несли по отношенію къ монастырю тѣ же повинности и въ томъ же размѣрѣ, какъ и всѣ вообще монастырскіе крестьяне, т. е. четырехдневную барщину. Изъ 14 домохозяевъ у 6 была земля, у остальныхъ ея не было, но только 6 жили съ заработковъ, одинъ занимался ткацкимъ ремесломъ и одинъ состоялъ при мельницѣ, за что былъ освобожденъ отъ панщины и получалъ сверхъ того извѣстную часть отъ помола. Надѣлы пашенныхъ крестьянъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: у 3 домохозяевъ было по 2 дня земли (около $1^1/_2$ дес), причемъ каждый имѣлъ по 2 вола, а одинъ сверхъ того еще и лошадь, у 2 по 3 дня (около $2^1/_4$ д), у одного—10 дней ($7^1/_2$), для обработки которыхъ онъ держалъ 4 вола. Земля отстояла отъ поселка въ 2 верстахъ, въ Шулявщинѣ. Изъ непашенныхъ крестьянъ, такихъ, которые вовсе не имѣли скота, было 3, владѣвшихъ одною свиньею—одинъ, только 2 свиньями—тоже одинъ.

XII.

Вся та часть современнаго Кіева, которая расположена по Вознесенскому спуску, по части Житомірской улицы и Сѣнной площади, въ описываемое время находилась, какъ извѣстно, внѣ городской стѣны. Отъ такъ называемыхъ Львовскихъ воротъ,

гдѣ начиналась дорога на Бѣлогородку, до воротъ Софійскихъ или Батыевыхъ, городская стѣна шла въ направленіи почти перпендикулярномъ къ теченію Днѣпра. Двѣ улицы отдѣляли ее отъ церкви Іоанна Златоуста (еще недавно существовавшей), изъ которыхъ одна, нынѣшняя Житомірская, оканчивалась у площади передъ церковью Срѣтенія противъ Львовскихъ воротъ. За этою-то стѣною и вдоль ея, почти непосредственно за ней расположено было на возвышенномъ мѣстѣ два поселенія, носившія одно общее названіе „*Слободка Вишней или Вишшей Кудравецъ*[1])“. Одно изъ нихъ принадлежало Михайловскому монастырю, другое, стоявшее далѣе отъ стѣны, составляло вмѣстѣ съ прилегавшими къ нему землями собственность Софійскаго монастыря.

Положеніе перваго довольно опредѣленно выясняется изъ извѣстныхъ грамотъ, данныхъ монастырю, какъ короля Сигизмунда 1522 и 23 гг., такъ и подтвердительной короля Сигизмунда Августа 1570 г. и др. Изъ нихъ видно, что монастырю принадлежало пространство земли подлѣ пробитаго вала, за Львовскими воротами и до „Кудравца“, а затѣмъ „у верхъ Кудравцомъ (рѣчкой) до долины Глубокое“, наконецъ, „отъ долины Глубокое въ Лыбедь до Софійской долины“[2]), т. е. до выше описанныхъ владѣній Софійскаго монастыря. То была „пашня“, расположенная по обѣ стороны дороги на Бѣлогородку. Здѣсь то и возникла слободка „Вишней Кудравецъ“, населенная посполитыми. Къ сожалѣнію, имѣющіяся у меня данныя не позволяютъ опредѣлить съ точностью время возникновенія слободки. Вѣрно только, что до конца XVII вѣка мѣстность эта была пустыремъ, на что указываетъ и самое названіе земли: „пашня“, и тотъ фактъ, что мѣстность внутри городской стѣны отъ Софійскаго собора до стѣны была заселена лишь въ концѣ XVI вѣка[3]), и фраза универсала Мазепы отъ 1699 года: „на поля и

[1]) Румянц. опись, кіевская сотня, подъ № 15 и 40.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Кіева, 3 часть, 20, 22, 38 и 123.

[3]) Ibid., „жалоба кіевскихъ мѣщанъ на слободу, основанную княземъ Острожскимъ въ 1586 г.“, № 29, стр. 50.

нивы подъ городомъ за воротами Лвувскими“ [1]). По всей вѣроятности слободка возникла въ началѣ XVIII в. и только къ 1766 году выработалась въ настоящую деревню. Въ это время большая часть земли была уже занята дворами: къ селенію принадлежала лишь одна пахать, да и то въ ничтожномъ количествѣ 10 дней или около 7½ дес. Ни сѣнокосовъ, ни лѣсовъ, приписанныхъ этому владѣнію монастыря, уже не значилось въ описи.

Но монастырь инымъ способомъ извлекалъ доходы изъ этой мѣстности. По универсалу Мазепы 1699 года онъ получилъ право на своемъ дворѣ, „подлѣ монастыря будучимъ“, „всякое питіе, медъ, пиво и горѣлку ешелякимъ разнымъ государскимъ, тамъ живучимъ и инымъ приходячимъ людемъ держати и продавати на монастырскую потребу“. Выгодное положеніе слободки подлѣ городскихъ воротъ и на бойкой дорогѣ побудило монастырь возвести и здѣсь шинкъ. „Въ верхнемъ городѣ Кіевѣ“, гласитъ опись, „имѣется дворъ, устроенный для содержанія въ немъ шинку“. Монастырь построилъ для него 2 хаты и посадилъ въ него шинкаря, посполитого, зашедшаго изъ черниговскаго полка въ Кіевъ. Онъ былъ освобожденъ отъ всякаго рода платежей и повинностей (панщины) въ пользу монастыря и обязанъ былъ лишь постоянно сидѣть въ шинкѣ и соблюдать монастырскую потребу, „шинкуя выдаваемымъ изъ Михайловскаго монастыря виномъ, медомъ и пивомъ, выкуриваемымъ, какъ намъ извѣстно, самимъ монастыремъ. Продажа производилась распивочно, „квартами и чарками“, и производилась не безъ успѣха, такъ какъ монастырь вносилъ въ счетную свою книгу доходъ съ шинка въ размѣрѣ 50 р (т. е. около 450 р). На другомъ концѣ селенія существовалъ и другой шинкъ, предназначенный уже для мѣстныхъ потребителей, монастырскихъ посполитыхъ. Одинъ изъ посполитскихъ дворовъ былъ обращенъ въ шинковое заведеніе, и въ немъ сидѣлъ въ качествѣ шинкаря кіевоподольскій мѣщанинъ, которому отпускалась изъ монастыря небольшое количество водки для роспивочной продажи. Предпрія-

[1]) Ibid., стр. 123.

тіе было не изъ крупныхъ: доходъ сравнительно небольшой, всего 10 р (90 р).

Слободка состояла изъ 7 дворовъ, изъ которыхъ лишь въ 5 сидѣли посполитые. Одинъ дворъ лежалъ впустѣ, другой былъ подъ шинкомъ. Посполитскихъ семей въ этихъ 5 дворахъ было 10, и въ нихъ насчитывалось 11 душъ мужчинъ взрослыхъ и 12 взрослыхъ же женщинъ, сверхъ того 6 дѣтей мужеск. и 8 женскаго пола, всего 37 душъ. Какъ вообще въ подгородныхъ кіевскихъ селеніяхъ, и здѣсь населеніе носило смѣшанный характеръ. Большинство, именно 6 семей, были мѣстнаго происхожденія; изъ пришлыхъ двѣ явились изъ Черниговщины, 2—изъ Полтавщины.

Слободка однако не вполнѣ утратила земледѣльческій характеръ. Монастырь отвелъ принадлежавшую ему пахать (т. е. 10 дней), лежавшую за версту отъ поселенія, тремъ дворамъ, надѣливъ ихъ весьма неравномѣрно. Одному двору, повидимому старинному, занятому старымъ монастырскимъ посполитымъ, было дано земли на 5 дней (около 4 дес), другому — 3 дня (около 3 дес) и третьему, пришлому изъ Прилукъ,—2 дня (1½ дес). Только у этихъ однихъ пашенныхъ крестьянъ былъ скотъ, необходимый для обработки земли. У перваго изъ только что указанныхъ посполитыхъ было 3 лошади и 3 свиньи, у втораго—2 лошади, 1 корова и 2 свиньи, у третьяго—2 быка и 1 свинья. Остальные никакихъ угодій, кромѣ усадебной земли, не имѣли, и единственнымъ средствомъ пропитанія служила либо поденная работа, либо ремесло Въ одномъ дворѣ занимались ткацкимъ ремесломъ, въ одномъ—выдѣлываніемъ кошелей. Но повидимому дѣятельность двухъ послѣднихъ не была значительною: они не были записаны въ цехъ и не имѣли ни работниковъ, ни учениковъ. Какъ и откуда могли добывать они средства къ жизни, трудно вѣрить. Только объ одномъ дворѣ лишь сообщаетъ, что домохозяинъ имѣлъ 2 коровы.

Но монастырь смотрѣлъ на посполитыхъ какъ на постоянную рабочую силу и требовалъ отъ нихъ панщину въ обыкновенномъ для монастырей размѣрѣ, т. е. по 4 дня въ недѣлю. Сверхъ того, какъ и всѣ вообще посполитые, и посполитые сло-

бодки обложены были консистентской дачей по 1 р. 2 к. отъ хаты, распредѣленіемъ которой по семьямъ распоряжался монастырь.

„Близь верхняго же города Кіева, на гористомъ мѣстѣ“, находилось и поселеніе: слободка Вышней Кудравецъ, собственность Кіево-Софійскаго монастыря. Какъ и когда возникла эта слободка, какимъ образомъ попала она во владѣніе монастыря, отвѣта на эти вопросы мы не можемъ дать: документовъ на владѣніе нѣтъ [1]), и приходится ограничиться лишь описаніемъ слободки по даннымъ описи.

Центромъ поселенія была церковь Вознесенія Христова, находившаяся при началѣ нынѣшняго Вознесенскаго спуска. То была деревянная постройка, пришедшая уже въ ветхость въ 1766 году. Отдѣльно отъ нея возвышалась деревянная и тоже ветхая колокольня, обнесенная вмѣстѣ съ церковью ветхой деревянной оградой. Тутъ же, подлѣ ограды, монастырь построилъ маленькій домикъ о „двухъ господскихъ покояхъ“ для священника, не получившаго отъ монастыря ни пахатной земли, ни другихъ угодій. Хозяйствомъ священникъ заниматься не могъ: кромѣ 2 коровъ и 1 свиньи никакого скота у него не было, и единственнымъ источникомъ доходовъ являлось для него полученіе платы за требы отъ жителей слободы, тоже не отличавшихся благосостояніемъ. Нѣсколько далѣе стояла ветхая деревянная школа, эта необходимая принадлежность всѣхъ церквей во всѣхъ почти селеніяхъ старой Малороссіи. Какъ и домъ священника, она была выстроена „коштомъ монастыря“, и въ ней поселился дьячокъ, выходецъ изъ Польской области, „мужичей сынъ, питавшійся отъ парахіи“.

Мѣсто, занятое церковью, было окружено монастырскими хозяйственными постройками. При входѣ въ слободку находился дворъ монастыря, носившій названіе „волового двора“. Въ немъ стоялъ монастырскій деревянный домъ съ тремя „господскими покоями“, а по бокамъ выстроены были людскія (3), сараи (2)

[1]) Документы приложены къ описи имѣній Софійскаго монастыря, находившихся въ м. Трипольѣ, но и они, и опись пропали.

и амбаръ, что все обошлось монастырю въ 500 руб. То былъ скотный монастырскій дворъ: монастырь держалъ здѣсь 30 воловъ и 1 лошадь для поѣздокъ. Надсмотръ за скотомъ и дворомъ порученъ былъ наемнымъ рабочимъ, поселеннымъ въ людскихъ. Это—пришлые люди, изъ Городни (черниг. полка) и изъ Ахтырки, явившіеся въ Кіевъ съ семьями и поступившіе на службу монастырю по договору, обезпечивавшему одному изъ нихъ годовую плату въ 13 р., а другому—10 р. Оба одѣвались на свой счетъ, но пищу получали отъ монастыря.

Нѣсколько далѣе, но рядомъ съ только что описаннымъ дворомъ находился другой, гдѣ построенъ былъ большой двухъэтажный деревянный домъ. Нижній этажъ состоялъ изъ 6 комнатъ, на верхнемъ устроена была домовая церковь во имя св. Варлаама и Іоасафа. Повидимому, то былъ именно тотъ домъ и та домовая церковь, которые по словамъ Закревскаго были выстроены митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ въ 1718 г. Сооруженіе ихъ обошлось монастырю всего въ 90 р (?).

По другую сторону церкви находилось зданіе монастырскаго шинка. Подъ него отведено было 2 хаты и цѣлый рядъ хозяйственныхъ построекъ: амбаръ, ледникъ, сарай. Здѣсь производилась ежедневно продажа водки, доставляемой изъ монастыря, что поручено было кіевскому мѣщанину и доставляло монастырю по 60 р (540 р) ежегодно.

Непосредственно за шинкомъ начиналось поселеніе, состоявшее изъ 21 двора и 2 бездворныхъ хатъ. Они были заняты монастырскими посполитыми, то коренными жителями Кіева (12 семей), то пришлыми: изъ Польской области (7), изъ Полтавщины (6), Черниговщины (4), Слободской Украины (Ахтырки—1). По поламъ и возрастамъ населеніе распредѣлялось такъ: м. пола отъ 1 до 15 л.—28, отъ 15 до 60—36, свыше 60—2, ж. п. отъ 1 до 15—28, отъ 15 до 60 л.—37, свыше 60—5, а всего 136 душъ. Этимъ посполитымъ монастырь отвелъ пахатную землю въ количествѣ 42 дней (около 31 десятины), разбросанную въ разныхъ мѣстахъ: то подлѣ „архіерейской рощи“ (кадетской рощи), то на Шулявщинѣ (17 дней), то у

„тѣсныхъ улицъ“ (7 дней) [1]), то у Лыбеди (11 дней). На дворъ могло приходиться среднимъ числомъ по одной съ небольшимъ десятинѣ, но въ дѣйствительности дѣло стояло иначе. Пашенныхъ дворовъ было всего 9, да и тѣ пользовались землею крайне неравномѣрно. Такъ, одинъ дворъ получилъ въ надѣлъ лишь 2 дня (около 1½ дес), три двора—по 3 дня (около 2 дес), одинъ—4 дня (3 дес), два—по 5 дней (3¾ д), одинъ—8 дней (6 дес) и одинъ—9 дней (6¾ д). Въ остальныхъ сидѣли бобыли, изъ которыхъ только 5 занимались ремесломъ. Изъ нихъ ткацкимъ ремесломъ занимались въ одной семьѣ, кузнечнымъ въ четырехъ (одинъ кузнецъ былъ надѣленъ землею), и въ одной гончарнымъ промысломъ. Но лишь занятіе кузнечнымъ промысломъ давало кое-какія средства къ жизни, остальные были малодоходны. Во-первыхъ, ни у кого, кромѣ одного кузнеца, не было ни рабочихъ, ни учениковъ, а во-вторыхъ, размѣръ консистентской дачи былъ неравномѣрно разложенъ: съ кузнецовъ взимали по 1 р. 20 к., съ гончара и ткача всего 1 р., т. е. ту же сумму, которую платили и наиболѣе слабые экономически, жившіе одними заработками.

Каково было вообще экономическое состояніе населенія, видно изъ того количества скота, которымъ владѣли посполитые. Воловъ было всего 12, коровъ—8, лошадей—5 и свиней—21, т. е. на дворъ приходилось менѣе чѣмъ по 1 свиньѣ, около ½ вола, ⅓ коровы. Но въ 11 дворахъ не было никакого скота; по 1 коровѣ имѣли 6 дворовъ, по 2—одинъ дворъ, по 1 лошади насчитывалось у 5 дворовъ, по 2 вола имѣли 6 дворовъ. Что касается свиней, то по 1 свиньѣ имѣлъ 1 дворъ, по 2—8 дворовъ, по 4—2 двора. Избы, въ которыхъ жили посполитые, были все мазки, большею частью „ветхія“. Въ большинствѣ дворовъ не было хозяйственныхъ построекъ, лишь въ нѣкоторыхъ было по амбару, а въ 13—по сараю, изъ которыхъ одинъ былъ рубленный. И при такихъ условіяхъ нѣкоторые хозяева находили возможнымъ пріютить у себя нищихъ, да еще съ семьями. Въ

[1]) Гдѣ находились „тѣсныя улицы“, съ точностью неизвѣстно. См. Закревскій, II, 515.

двухъ хатахъ мы находимъ по „сусѣду“ и „сусѣдкѣ“, въ двухъ—по нищему.

Обязанности по отношенію къ монастырю были тѣ же, какъ и въ другихъ монастырскихъ селахъ. Но въ чемъ выражалась панщина, мы не знаемъ. Къ монастырскому двору приписана была, правда, пахать на 25 дней: одна часть на 15 дней за бродомъ подлѣ рощи, а другая на 10 дней на Шулевой дорогѣ); но неизвѣстно, обрабатывалъ ли ее монастырь.

XIII.

Слобода Нижній Кудрявецъ [1]). Объ этой слободѣ изслѣдованія о Кіевѣ не упоминаютъ ни однимъ словомъ: ея существованіе, повидимому, не было извѣстно историкамъ. Гдѣ находилась она, съ точностью опредѣлить трудно. Опись даетъ неопредѣленное указаніе, что она расположена въ 2 верстахъ отъ печерской крѣпости, на гористомъ мѣстѣ. Насколько можно судить по немногимъ документамъ, относящимся къ слободѣ, по нѣсколько неопредѣленнымъ выраженіямъ гетманскихъ универсаловъ, она выстроена была по теченію исчезнувшаго ручья Кудрявца и прилегала къ Кіево-Подолу со стороны глубочицкаго ручья. Возникла она въ XVII в. и была обязана своимъ существованіемъ нѣкоему обывателю г. Кіева, Ивану Юрковичу Гризкому, который устроилъ на р. Кудрявцѣ мельницу, „подъ мѣстомъ Кіевомъ стоячую“, а также и хуторъ съ огородами и занятыми къ нему сѣножатями. Въ 1671 году, какъ то видно изъ универсала гетмана Многогрѣшнаго отъ 7 февраля, хуторъ съ мельницей и сѣнокосами находился уже во владѣніи новаго лица: его купилъ кіевскій бурмистръ, Янъ Демидовичъ Быковичъ, за 800 злотыхъ. Эта-то продажа и утверждена гетманомъ [2]). Новый владѣлецъ значительно расши-

---

[1]) Румянц. опись, кіевск. сотня, № 85.

[2]) „Объявлялъ намъ панъ Янъ Демидовичъ Биковичъ, бурмистръ Киевский на змерлого Ивана Юрковича Гризкого, обивателя тожъ киевскаго в мѣсти Киеви кгрунта лежачіе и за гроши з млиновъ,

рилъ хозяйство, завелъ новыя хозяйственныя постройки и, повидимому, увеличилъ и самое поселеніе. Новый гетманъ, Самойловичъ, въ своемъ универсалѣ Быковичу уже утверждаетъ за нимъ право собственности не только на то, что утвердилъ Многогрѣшный, но и на винницу, солодовню, сушню, хаты, огороды подъ горою, сажалки на ручьѣ и т. п. [1]). Къ концу XVII в., при Мазепѣ, сынъ Яна Быковича, Ѳедоръ Ивановичъ Быковскій, войтъ кіевскій, получилъ возможность увеличить доходность имѣнія. Гетманъ въ награду „за сталую вѣрность“ отца пожаловалъ сына новымъ универсаломъ, по которому предоставилъ ему право для продажи выдѣлываемой имъ въ слободѣ водки „дворъ шинковій в мѣстѣ Киевѣ и в немъ шинкъ винній, медовій и пивній свободно держаты“ [2]). Тогда же были расширены и земельныя владѣнія хутора: до 1699 года Ѳедоръ Быковскій скупилъ нѣсколько огородовъ, принадлежавшихъ кіевскимъ мѣщанкамъ [3]).

Мы не знаемъ, какова была дальнѣйшая судьба и слободы, и рода Быковскихъ. Но въ 1766 году, во время составленія описи, потомокъ Яна Быковича, Леонтій Быковскій, уже не жилъ въ Кіевѣ. Мы застаемъ его сотникомъ въ опошнянской сотнѣ гадяцкаго полка, а его имѣніе, слободу Нижній Кудрявецъ, въ рукахъ какихъ-то кіевскихъ мѣщанъ, ежегодно снимающихъ его въ арендy. Хозяйственная дѣятельность съ выѣздомъ владѣльца, повидимому, остановилась. Неизвѣстно, когда начата была постройка большаго каменнаго дома въ 10 комнатъ, но затѣмъ брошена, и въ 1766 году онъ стоялъ не достроеннымъ и только подлѣ него торчало 2 людскихъ. Мельница приносила ничтожный доходъ. Она стояла на „ровчакѣ,

---

на реци Кудравци стоячимъ, якъ въ собѣ мѣетъ, футоромъ, огородами, займищами и сѣножатми въ ограниченю купленніе“ и т. д. Румянц. опись, докум. кіевской сотни.

[1]) Универсалъ отъ 11 іюля 1682 г., ibid.

[2]) Универсалъ 1699 г. 11 іюля, ibid.

[3]) „Огородамы въ оцеркливаню одномъ найдуючимися, в мещанокъ киевскихъ, Ксеніи Прокоповичовни Климовой і Зѣни Климовичовны Павловой купленіи“. Ibid.

прозиваемомъ Кирпичномъ", и дѣйствовала только весною при весеннемъ половодьѣ. Винокурни и другихъ хозяйственныхъ построекъ не существовало болѣе. Исчезла и земля сѣнокосная съ лѣсками: вся она была занята подъ поселеніе, роздана посполитымъ. Эти послѣдніе группировались въ 18 дворахъ и 4 бездворныхъ хатахъ и не пользовались ни пахатью, ни сѣнокосомъ, ни лѣсами, за отсутствіемъ ихъ у владѣльца. Населеніе состояло изъ 25 душъ м. пола въ возрастѣ отъ 15 до 60 л., 25 ж. пола (отъ 15 до 60), 20 подростковъ и дѣтей муж. п. и 25 ж. пола, а всего изъ 96 душъ. По составу оно было смѣшанное. Лишь 4 семьи принадлежали къ кіевскимъ уроженцамъ. Остальныя явились частью изъ Польской области (5), частью изъ праваго берега (Черкассъ, Василькова и т. п) и такихъ было 6, частью изъ Черниговщины (6) и Полтавщины (2). Въ какихъ отношеніяхъ находились посполитые къ владѣльцу, какія повинности несли они въ его пользу, изъ описи не видно, но несомнѣнно они представляли собою настоящихъ нищихъ, добывавшихъ пропитаніе лишь поденной работой („съ заработковъ"). Только 7 человѣкъ добывали средства къ жизни тканьемъ, да одинъ былъ кушниръ. Но врядъ ли размѣръ ихъ дѣятельности былъ особенно значителенъ. Консистентскую дачу платили всѣ поровну, по 1 р. 2 к. отъ хаты. Затѣмъ только у двухъ ткачей мы находимъ наемныхъ рабочихъ и учениковъ: у одного—2 рабочихъ, у другаго—1 рабочаго и 2 учениковъ, да у кушнира—одного ученика. Всѣ остальные, записанные такъ же, какъ и первые, въ цехъ, работали сами безъ чужой помощи. Нанятые рабочіе работали „съ половины" и получали лишь одну пищу отъ хозяина. Какъ незначительно было благосостояніе посполитыхъ, обнаруживается вполнѣ ясно изъ описи скота, которымъ они владѣли. Вовсе не имѣли скота 17 семей; у 4 семей было по 1, 2 и 3 свиньи, и только у одной—корова, лошадь и 3 свиньи.

XIV.

Д. Плоское. Старинная Бискупья улица, прорѣзывавшая Подолъ у подножья Щекавицы, заканчивалась у Іорданскихъ воротъ, составлявшихъ крайнюю с.-з. оконечность Кіево-Подола. Отъ нихъ почти въ прямомъ направленіи къ Днѣпру шла стѣна или вѣрнѣе частоколъ, „валокъ", представлявшій собою въ описываемое время с. границу Подола. За воротами лежали земли, не входившія въ составъ города и составлявшія собственность Кирилловскаго монастыря. Здѣсь-то, непосредственно за воротами, по взгорьямъ и расположена была д. Плоское.

Территорія, на которой выстроилось село, такъ же какъ и окрестныя земли повидимому съ незапамятныхъ временъ принадлежали Кирилловскому монастырю. Еще въ 1530 году по повелѣнію князя Владиміра Юрьевича Доброницкаго Голшанскаго, „справцы воеводства кіевскаго", Себастьянъ Яблонскій, „маршалокъ воеводы кіевскаго князя Януша Юрьевича Гольшанскаго", Иванъ Вялковичъ, намѣстникъ кіевскій и „Василей Панковичъ, земянинъ повѣту кіевскаго", обвели и обозначили гранями эту территорію, завладѣть которою пытались тогда и Лавра, и нѣкоторыя отдѣльныя лица. Граница эта по ихъ указанію, шла по р. Сырцу, потомъ „чрезъ лозу промежъ Борковъ, ручаемъ у озеро Долгое, з давнихъ часовъ называемое езеро Кирилское, которое озеро прилегло концемъ ку Почайне речце, гдѣ и другая речка, Кривая Почайна, зишлась, с той речки Почайни у озеро Ерданское, изъ того озера смуговиною долиною, называемою Турецъ, а зъ Турца черезъ Болоне просто к валку старожитному, тимъ валкомъ у Юрковъ ставокъ" [1]). Все, лежавшее внутри этихъ границъ, „въ одномъ обрубѣ", было признано собственностью церкви св. Кирилла.

Но пользы изъ этого акта церковь не получила никакой. Землю эту въ XVI в. и въ началѣ XVII считали пустопорожнею и никому не принадлежавшей; ею пользовался всякій, кто

[1]) Румянц. опись, докум. кіевской сотни: „выпись зъ книгъ головнихъ трибунальскихъ воеводства Киевскаго".

хотѣлъ. А отсюда вытекали постоянныя ссоры и побоища изъ за сѣножатей, рыбныхъ ловель и т. п., длившіяся въ теченіе всей второй половины XVI в., пока ихъ не прекратилъ Филонъ Стрибылъ, чашникъ кіевскій. Онъ, какъ читаемъ мы въ его заявленіи [1]), „за прозбою иншихъ нѣкоторихъ людей, а вѣдомости певное не маючи“, кому принадлежала земля, „на новихъ плецахъ, за валкомъ отъ Юркова ставку, отъ улици и плецовъ бѣскупства Кіевскаго уз гору ку светому Кирилу“... позволилъ „людямъ огорода займовати и на тихъ плецахъ се будовати“ и далъ „людемъ тамъ оседаючимъ на слободу для побудоване волности“. Повидимому, поселилось здѣсь не мало разнаго рода лицъ, „килко десять человѣка“, въ томъ числѣ и нѣкто „панъ Соколовскій“, обвиненный авторомъ описанія Кіева Берлинскимъ въ яко бы насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ Кирилловскаго монастыря, а въ дѣйствительности занявшій эти земли съ согласія князя Острожскаго, какъ замковыя пустыя, и получившій на то разрѣшеніе отъ варшавскаго сейма [2]).

Это разрѣшеніе основать слободу было дано какъ разъ въ то время, когда Василій Красовскій явился въ Кіевъ игуменомъ Кирилловскаго монастыря. На распоряженіе Стрибыла онъ посмотрѣлъ, какъ на нарушеніе правъ церковной собственности, и поднялъ на ноги почти весь Кіевъ. Онъ добылъ изъ архива кіевскаго трибунала копію межевого акта 1530 г., приведеннаго выше, и, опираясь на него, заставилъ священниковъ и крилошанъ кіевскихъ подать протестъ противъ дѣйствій Стрибыла. Этого мало. Въ 1608 году онъ побудилъ и весь кіевскій магистратъ и всѣхъ земянъ кіевскихъ вмѣшаться въ дѣло и подтвердить права монастыря. Войтъ кіевскій, Яцко Балика, бурмистры, райцы, лавники и все поспольство и мѣщане кіевскіе, въ числѣ болѣе чѣмъ пятидесяти человѣкъ, выдали за своею подписью составленный въ ратушѣ актъ, въ которомъ до-

---

[1]) Ibid., актъ, выданный игумену Василію Красовскому Филономъ Стрибыломъ въ 1609 году.

[2]) См. ib., актъ войта кіевскаго и др. гдѣ подробно изложена эта исторія съ Соколовскимъ.

казывалось неоспоримое право Кирилловскаго монастыря на землю, за бискупскими плецами лежащую до р. Сырця. Такого же рода заявленіе было дано три года спустя, въ 1608 году, и отъ „дигнитаровъ, урядниковъ, рицерства, шляхты, обивателей земли кіевской“ [1]). Въ немъ кіевское земство между прочимъ писало, что „за збуреніемъ отъ непріятеля крижа светого земля Кіевская у великихъ небезпеченствахъ тривала... і спустошона была, і церкви в запустѣлости заставали, яко манастир стого Кирила за нефундованими настоятелми, же одне кгрунты мало не всѣ пожитки за недозоромъ поодлегали і разобраны были“. Но вотъ, продолжаютъ они, явился отецъ Василій Красовскій, а съ нимъ „порядокъ добрый зачался“. Онъ „тую запустѣлую и заваленную отъ давнихъ часовъ церковъ працею и стараніемъ своими, муры обваленние, верхъ самой диравой працею, коштомъ і накладомъ своимъ оправилъ, к ухвале пану Богу“. Тронутые энергіею отца Василія, они и выдали ему удостовѣреніе на право владѣнія территоріею „починающеюся отъ предмѣстія Кіевскаго отъ улици бискупей, от валка і ставку Юркова, гдѣ панъ Войтехъ Соколовскій мешкаетъ и не мало людей, от того валку... гдѣ цеголню і плитищи побудовани.... по самую рѣчку Сирецъ“ и т. д.

Монастырь вступилъ теперь въ права полнаго собственника описанной территоріи и сталъ пользоваться ею почти до конца XVII в., когда ему пришлось второй разъ вступить въ упорную борьбу за свою землю, но уже съ тѣмъ же магистратомъ, который 90 лѣтъ назадъ самъ подтвердилъ ее за монастыремъ. Мѣщане кіевскіе и войтъ кіевскій Иванъ Быковскій заявили притязаніе на земли, лежавшія подлѣ городской стѣны. Но въ лицѣ игумена монастыря Иннокентія, они встрѣтили личность, не менѣе энергическую въ дѣлѣ защиты монастырской собственности, какъ и его предшественникъ, Красовскій.

[1]) Оба акта были занесены въ земскія судовыя книги кіевскаго воеводства въ 1617 году 9 октября. Румянц. опись, ib. Въ числѣ подписавшихъ второй актъ мы находимъ подписи Лукаша Сапѣги (на польск. яз), Фридриха Тышкевича (тоже), Михаила Новицкаго, судьи гродскаго (на русск. яз) и массу другихъ.

Онъ подалъ жалобу царямъ Іоанну и Петру на дѣйствія войта и выигралъ дѣло. Боярину князю Михаилу Ромодановскому было предписано произвести разслѣдованіе и затѣмъ размежевать земли, принадлежащія монастырю [1]). Въ 1691 году присланный Ромодановскимъ дьякъ Алферьевъ съ товарищами и понятыми, въ томъ числѣ бывшимъ кіевскимъ сотникомъ Саввою Тупталомъ, жителями *слободы Плосколѣской*, войтомъ Быковскимъ и др., повершилъ дѣло и составилъ подробный межевой актъ владѣній Кириловскаго монастыря [2]).

---

[1]) Румянц. опись, ib. Грамота царей Іоанна и Петра 1691 г., 26 сентября.

[2]) Актъ этотъ настолько интересенъ въ топографическомъ отношеніи и заключаетъ такую массу данныхъ для топографіи Кіева, что я считаю небезполезнымъ привести его почти цѣликомъ и тѣмъ дать матеріалъ для изслѣдователей топографіи Кіева.

Сразу же оказалось, несмотря на протесты мѣщанъ, что старожитный валокъ и есть межа между магистратской и монастырской землей. Войтъ съ мѣщанами указалъ было на мѣсто на пятнадцать сажень впередъ, но тамъ не только валка, но и слѣда его не оказалось, а найдены лишь жилища воловиковъ, монастырскихъ подданныхъ. Здѣсь у валка „у дороги и по другую сторону той дороги отъ горы Шковики“ былъ поставленъ столбъ. Оттуда межевщики направились къ Юрковому ставку“ и верхъ того ставку чрезъ гору Шковицу долиною на гору, идучи на низовое чрезъ дорогу... изъ нижняго гор. Кіева по горѣ Шковицѣ въ Чортову долину, въ рѣчку Кудрявецъ... и по конецъ валка надъ байракомъ“ (300 саж). Земля по лѣвую сторону признана мѣщанскою, по правую этой грани—монастырскою. Отъ байрака старожилы повели Алферьева рытвинами чрезъ р. Кудрявецъ до Хвощовой долины, пока не вывели на дорогу къ Святошицкому бору, дорогу, которою „ездятъ изъ Бѣлогородки въ Кіевъ“ (неизвѣстно количество сажень). Межу затѣмъ повели дорогой до „Данилова креста и поганыхъ лозъ“ (300 саж), отдѣляя здѣсь земли Кирилловскаго монастыря отъ земель Софійскаго и Михайловскаго. Отсюда добрались до вершины р. Сырца (1300 с). Отъ вершины Сырца былъ совершенъ поворотъ къ Кирилловскому монастырю, и межа поведена по теченію рѣчки до мельницы кирилловской (1500 с). Все на правой сторонѣ отдано монастырю, земля влѣво признана была собственностью кіевскихъ козаковъ. На сорокъ шесть сажень ниже мельницы былъ опять поставленъ межевой столбъ и отъ него грань

Уже тогда, когда шло это межеваніе, существовало на земляхъ монастыря поселеніе посполитыхъ монастырскихъ, носившее названіе слободы Плосколѣской. Оно было основано по всей вѣроятности не ранѣе половины XVII в. Столѣтіе спустя оно изъ слободы превратилось уже въ деревню, состоявшую изъ 51 двора и населенную монастырскими подданными, и ряда дворовъ, устроенныхъ здѣсь же частными лицами: священни-

повели къ Пунищамъ. Кіевскіе мѣщане въ актѣ, выданномъ Кирилловскому монастырю въ 1605 году, сообщаютъ, что „кгди замокъ кіевскій будовано, теди на томъ месцу, что зовутъ Пунищами, на воли робочіе пороблени были пуни, ис тихъ причинъ тое месце зовутъ пунищами". (505 с). Отъ Пунищъ межа идетъ до впаденія Сырца въ Кирилловское долгое озеро (475 с.), отдѣляя монастырскую землю отъ мѣщанской за Сырцемъ. По озеру грань направляется къ Почайнѣ при сліяніи съ Кривой Почайной противъ Іорданскаго монастыря (925 с), по краю выгонной мѣщанской земли, прилегающей къ Днѣпру. Отсюда путь по Іорданскому озеру къ смуговинѣ Турецъ, затѣмъ назадъ вдоль Кирилловскаго озера выше устья Сырца до средней дороги въ Вышгородъ (275 с) Отъ этой дороги, направляясь по ней къ другой смуговинѣ, положена грань, отдѣляющая сѣнокосъ Кирилловскаго монастыря отъ сѣнокосовъ Николая Притискаго, которыми завладѣли мѣщане (475 с). Межа направилась далѣе чрезъ лозы до креста, поставленнаго здѣсь въ 1672 году воеводою княземъ Григоріемъ Козловскимъ (200 с). На лѣво отъ этой межи находился выгонъ мѣщанъ кіевскихъ. Отъ креста грань пошла къ Кирилловскому озеру противъ устья Сырца по болоту Михайловское озеро (905 с). Здѣсь, по правую сторону дороги лежали кирилловскія земли, на лѣво къ Днѣпру по пути въ Кіевъ земли Михайловскаго монастыря и бывшаго войта, Ждана Тадрики. Отъ Іорданскаго озера отмѣчена сверхъ того грань по долинѣ Турецъ и по направленію къ дорогѣ изъ Кіева въ боръ (330 с). Отсюда межа идетъ уже прямо къ старожитному валку (270 с), отдѣляя землю Кирилловскаго монаст., лежащую на право, отъ мѣщанскаго выгона. Наконецъ, по валку повели Алферьева къ дорогѣ изъ нижняго Кіева чрезъ городскія ворота въ Кирилловскій монастырь (130 с. длина валки) и здѣсь закончили межеваніе, давшее въ результатѣ длину всей окружности монастырскихъ земель, 8 верстъ 971 с (по 1 т. сажень на версту). Этимъ межеваніемъ Высочайше утвержденнымъ, споръ съ мѣщанами не кончился. Дѣло возобновилось въ 1747 г. См. Андріевскій, матеріалы, VI, стр. 25 и сл.

комъ подольскимъ церкви св. Василія, сотникомъ Михаиломъ Гудимомъ и др [1]).

Монастырь завелъ здѣсь довольно обширное хозяйство. Онъ приписалъ къ деревнѣ пахатную землю на 150 дней (112½ дес), которую обработывалъ своими подданными и въ свою пользу. Ежегодно высѣвалось на ней 30 четвертей ржи и 7 четвертей гречки. Затѣмъ къ той же деревнѣ принадлежали: сѣнокосъ близъ Іорданскаго озера на 3 тыс. копенъ сѣна, поступавшаго цѣлостью въ монастырь, и дровяной лѣсъ въ три версты длиной и полторы въ ширину. Но этимъ не исчерпывалась хозяйственная дѣятельность монастыря. Онъ получалъ крупный доходъ съ 5 мельницъ, находившихся въ разстояніи 1 в. отъ деревни. Мельницы, правда, мололи лишь лѣтомъ да весною, но тѣмъ не менѣе доставляли монастырю за одинъ помолъ 200 четвертей хлѣба ежегодно. Сверхъ того,—и то было наиболѣе крупною статьею,—существовалъ винокуренный заводъ на два котла. Хлѣбъ на вино и дрова монастырь употреблялъ свои, рабочихъ нанимать было не для чего: подданныхъ было не мало. Выцѣживалось 1000 ведеръ и отвозилось по мѣрѣ приготовленія въ монастырскіе шинки, числомъ 3, стоявшіе „въ оной деревнѣ па проезжихъ улицяхъ“. Какъ великъ былъ доходъ отъ этой продажи въ розницу, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ 1768 г. въ шинкахъ, содержимыхъ въ Золотоношѣ и др. городахъ, на откупѣ маіоромъ Скоропадскимъ и нѣкіимъ Долинскимъ [2]), водка продавалась по 1 руб. 20 к. ведро. Принимая ту же цѣну ведра и для д. Плоское, мы получимъ 1200 руб. за водку, выцѣживаемую въ винокурнѣ. Шинкарямъ и въ шинкахъ Скоропадскаго, и во всѣхъ другихъ шинкахъ отдавали десятую долю прибыли, т. е. въ данномъ случаѣ 120 руб. Монастырю оставалось ежегодно записать въ доходъ 1080 р.

---

[1]) Дворовъ „штабъ и оберъ афицерскихъ“ было 6, мѣщанскихъ—18; за нихъ монастырь взималъ чиншъ, размѣръ котораго не показанъ.

[2]) Дѣло по счетной части малороссійской коллегіи № 7, ркп. университетской библіотеки.

Ничего подобнаго не могли дать тогда никакіе другіе фабрики и заводы. Монастырь устроилъ, напр., въ той же деревнѣ кирпичный заводъ. Онъ отдалъ его въ аренду мѣщанамъ, но получалъ за него въ годъ всего лишь 10 р.

Посмотримъ теперь, что представляла собою деревня, въ какомъ положеніи находились посполитые, подданные монастыря.

Въ 51 дворѣ находилось 59 хатъ, въ которыхъ помѣщались 65 семей. Населеніе подданныхъ монастырскихъ состояло изъ 267 душъ обоего пола, изъ которыхъ муж. пола отъ 1 до 15 л. было 45, отъ 15 до 60 л.—79, свыше 60—9, жен. пола отъ 1—15 л.—50, отъ 15 до 60 л.—77, свыше 60 л.—9. Около половины семей были мѣстные уроженцы или кіевляне (30), остальныя—пришлыя: изъ Польской области—15, изъ селеній кіевскаго полка—7, изъ Полтавщины—9, изъ Черниговщины—2, неизвѣстнаго происхожденія—1.

Ни одна изъ этихъ семей не получила отъ монастыря никакихъ угодій: ни пахатныхъ или сѣнокосныхъ земель, ни лѣсовъ. Имъ отведены были лишь усадьбы съ небольшимъ количествомъ хозяйственныхъ построекъ или даже безъ нихъ. Въ 24 дворахъ стояли однѣ лишь избы и ни одной хозяйственной постройки. Съ одной хозяйственной постройкой насчитывалось 16 дворовъ, съ 2 постройками—8, съ 3 постройками—1, да одинъ дворъ съ 7 постройками (3 амбарами, 1 стайней, сажемъ рубленнымъ, 2 сараями).

Но это не вліяло на отношенія къ монастырю. Панщина отбывалась всѣми въ обыкновенномъ въ монастырскихъ селахъ размѣрѣ, и только 9 дворовъ откупились отъ панщины, замѣнивъ ее денежнымъ взносомъ. Съ нѣкоторыхъ изъ этихъ дворовъ монастырь получалъ 32 р. 50 к. То были несомнѣнно наиболѣе зажиточные люди, и поэтому прежде всего обратимся къ нимъ.

Плата отъ двора была различна, начиная отъ 1 р. и до 8 р. Максимальную плату монастырь взималъ съ 3 дворовъ, въ размѣрѣ 4, 7 р. 50 к. и 8 р. Достаточно заглянуть въ опись, чтобы понять въ чемъ причина такой высокой платы. Оказывается, что каждый былъ занятъ наиболѣе прибыльнымъ въ то

время дѣломъ, т. е. винокуреніемъ. Въ 4 дворахъ существовало по винокурнѣ: одна на 2 котла, одна на 3 и двѣ на 4 котла, изъ которыхъ выцѣживалось водки 150 ведеръ въ одной винокурнѣ, 200—въ другой и по 300 въ двухъ остальныхъ. Если мы примемъ цѣну ведра только въ 1 р., согласно той цѣнѣ, которая въ шинкахъ Скоропадскаго принята за полугаръ, то валовой доходъ каждаго хозяина выразится въ томъ же количествѣ рублей, сколько выкуривалось ведеръ. Но не имѣя угодій и лѣса, они должны были покупать дрова и хлѣбъ на Подолѣ, да сверхъ того нанимать рабочихъ. Въ одной винокурнѣ, напр. вырабатывавшей 300 ведеръ, нанятъ былъ рабочій по 10 к. отъ кадки на хозяйскихъ харчахъ, да работница за 2 р. въ годъ на одеждѣ и пищѣ хозяйской. Въ другой штатъ рабочихъ былъ еще больше: здѣсь панято было 4 рабочихъ, изъ которыхъ главному уплачивали 4 рубля въ годъ, двумъ другимъ по 1 р. 50 к. и одной по 1 р. на всемъ готовомъ. Но не смотря на всѣ эти расходы, не мало, должно быть, оставалось денегъ въ видѣ чистаго дохода, если владѣльцы винокурень не только уплачивали указанныя суммы монастырю [1]), но и взносили на консистенцію по 1 р. 50 к вмѣсто нормальныхъ 1 р. 2 к. съ хаты. Что они были зажиточнѣе другихъ односельчанъ, въ этомъ можно убѣдиться изъ данныхъ объ ихъ движимости. На всю деревню имѣлось скота слѣдующее количество: воловъ—8, коровъ—25, лошадей—17, свиней 25. Изъ этого количества у 4 хозяевъ винокурень насчитывалось 6 воловъ, 10 коровъ, 2 лошади и 77 свиней. Чтобы нагляднѣе показать значеніе этого факта, приводимъ распредѣленіе скота между остальными дворами. Въ 27 дворахъ не было ни рогатаго скота, ни свиней; по 1 лошади имѣло 11 дворовъ, по 2—2 двора; по 1 коровѣ—3 двора, по 2 коровы—6 дворовъ; 2 вола—въ одномъ дворѣ; по 1 свиньѣ—4 двора, по 2—2, по 4—одинъ.

Изъ другихъ лицъ, замѣнившихъ панщину денежнымъ взносомъ, самая высшая плата была наложена на два двора,

---

[1]) Лишь одинъ винокуръ не платилъ денегъ въ монастырь, а отбывалъ панщину натурою.

5 и 4 р. Обитатели перваго жили съ заработковъ, въ дворѣ было 7 взрослыхъ рабочихъ; обитатели втораго занимались продажею въ городѣ рыбы. Два остальные тоже жили съ заработковъ и платили: одинъ 3 р., другой рубль. Два были освобождены отъ всякаго рода повинностей и платежей, ибо состояли шинкарями и были вполнѣ обезпеченными людьми. Одинъ былъ также освобожденъ, но видимо вслѣдствіе старости и полной нищеты.

Изъ подданныхъ, обязанныхъ нести панщину, лишь немногіе имѣли постоянные источники дохода. Ремесломъ занималось лишь 6 домохозяевъ: ткацкимъ—3, портняжествомъ—1, гончарствомъ 1 и бондарствомъ—1. Какъ велики были ихъ доходы, опредѣлить нѣтъ возможности, но вотъ данныя, указывающія, на различіе въ ихъ экономическомъ положеніи. 4 изъ нихъ вносили консистентскую плату лишь по 1 р., одинъ уплачивалъ 1 р. 20 к. и одинъ—2 р. Сверхъ того, пять работали сами безъ рабочихъ. У двухъ мы находимъ помощниковъ. Портной, напр., держалъ 2 рабочихъ: одному платилъ въ годъ 5 р., другаго, ученика, держалъ безъ платы, но оба были на его харчахъ. Ткачъ, державшій одного рабочаго, кормилъ его и отдавалъ ему половину всѣхъ полученныхъ доходовъ.

XV.

Слободка Никольской Полик[1]), владѣніе Пустынно-Николаевскаго монастыря, возникла повидимому вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя привели къ перенесенію и мѣстечка Печерское на новое мѣсто, т. е. вслѣдствіе постройки печерской крѣпости. Крайняя разношерстность населенія ея, отсутствіе хотя одной семьи, которая числилась бы въ разрядѣ аборигеновъ слободки, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ недавняго

---

[1]) Уже когда статья была почти написана и набрана, я случайно нашелъ въ одной изъ связокъ Р. О. козелецкой сотни опись слободки. Оттого настоящая глава помѣщается, не въ томъ порядкѣ, въ какомъ бы слѣдовало.

ея возникновенія. Съ другой стороны, на то же указываетъ и то обстоятельство, что въ грамотѣ 1689 года, выданной Николаевскому Пустынному монастырю царями Іоанномъ и Петромъ и царевной Софіей и приложенной къ описи слободки, ни слова не говорится о поселкѣ, а лишь о землѣ, на которой стоялъ монастырь, и о землѣ, купленной монастыремъ у кіевскихъ мѣщанъ Григорьевыхъ.

Монастырь владѣлъ въ Кіевѣ весьма значительною территоріей. Начиная отъ того мѣста, гдѣ онъ выстроенъ, владѣнія его тянулись вдоль Днѣпра до самаго Крещатика, соприкасаясь то съ лаврскими землями, то съ землями, принадлежавшими Михайловскому монастырю. Здѣсь-то, на этой территоріи и устроилось подлѣ самаго монастыря поселеніе, получившее названіе Слободка Никольской Поликъ. Оно состояло изъ трехъ группъ, то была, во-первыхъ, Солдатская слободка. Въ силу именныхъ указовъ, вѣроятно Петра I и Елисаветы Петровны, значительная часть монастырской земли была нанята у монастыря правительствомъ. На ней построены были избы для солдатъ и артиллерійскихъ служителей, дворъ полевой артиллеріи и дворъ, гдѣ устроенъ былъ лазаретъ для кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ. Въ какомъ именно мѣстѣ находились всѣ эти постройки, опись не разъясняетъ: она ограничивается простымъ указаніемъ, вовсе не давая описанія ихъ. За этою частью монастырской территоріи вся мѣстность, занятая дворцовымъ садомъ, была также нанята у монастыря подъ виноградный садъ, такъ что монастырь удержалъ за собою лишь ту полосу земли подлѣ Крещатика и на Крещатикѣ, гдѣ стояли, какъ мы видѣли, винокурни. Ежегодно въ кіевскую губернскую канцелярію исправно являлся уполномоченный отъ монастыря монахъ за полученіемъ 200 р. за нанятую землю.

Затѣмъ, сюда же перенесены были и лавки Печерскаго монастыря, вслѣдствіе сноса мѣстечка для расчистки мѣстности подъ крѣпость [1]).

Наконецъ, третью группу представляла слободка Никольской Поликъ, выстроенная на свободной монастырской землѣ и

[1]) Андріевскій, VII, 41.

подлѣ самаго монастыря. Здѣсь, ближе къ монастырю, устроенъ былъ громадный монастырскій дворъ съ большимъ деревяннымъ домомъ изъ 8 комнатъ, съ чуланами и 8 людскими. Сверхъ того подлѣ дома выстроено было 3 амбара, баня и пивоварня. Въ отдаленіи стояла конюшня съ двумя рубленными избами для конюховъ. Дворъ былъ биткомъ набитъ всякаго рода людомъ. Тутъ жили и послушники, и наемные рабочіе, все это съ женами и дѣтьми. Со всѣхъ сторонъ стеклось сюда самое разношерстное населеніе, состоявшее изъ 57 душъ: 30 взрослыхъ (21 м. и 9 женщ), 16 дѣтей (7 м. п. и 9 ж) и 11 увѣчныхъ (1 м. и 10 ж), негодныхъ ни къ какой работѣ, страдавшихъ „падучою, чорною“ и иными болѣзнями, хромыхъ, безногихъ и т. д. Тутъ были уроженцы и Кіева и его окрестностей (8), и Польской области (14), и Черниговщины (6), и Полтавщины (12), и Слободской Украины (1). Большинство жило на счетъ монастыря, на его одеждѣ и пищѣ, изъ одного „послушания“, не получая отъ монастыря ничего деньгами. Нанято было лишь нѣсколько душъ. Монастырь держалъ при дворѣ кузнеца, которому платилъ 10 р. въ годъ и сверхъ того давалъ ему одежду и пищу, затѣмъ каретника („стельмаха“) за 9 р., одежду и пищу и трехъ конюховъ за 8, 7 и 5 р. съ одеждой и пищей.

За дворомъ начиналось поселеніе монастырскихъ посполитыхъ, состоявшее изъ 23 дворовъ и 3 бездворныхъ хатъ. По своему характеру, по образу жизни населявшихъ его посполитыхъ людей, подданныхъ монастыря, оно вполнѣ подходило къ сосѣднимъ съ нимъ селеніямъ, занимая среднее мѣсто между м. Печерское и селеніе Васильковскія Рогатки. Въ немъ не было и признаковъ, свойственныхъ земледѣльческому поселку: монастырь, требуя отъ 23 дворовъ по 2 дня панщины въ недѣлю, отъ одного—по 6 дней, взымая съ одного панщину его ремесломъ, наконецъ освобождая еще одного отъ панщины за труды его въ монастырскомъ шинкѣ, не надѣлилъ ихъ ни пахатью, ни другими угодьями. Единственнымъ рессурсомъ и источникомъ дохода и существованія являлись либо поденный трудъ, либо занятіе ремесломъ. Это послѣднее было значительно развито въ слободкѣ. Изъ 32 семей 17 считались ремесленниками, но не

записанными въ цехъ. Преобладающую роль играло здѣсь гончарное ремесло, которымъ занято было 10 семей. Нѣкоторыя изъ нихъ вели дѣло въ довольно обширныхъ повидимому размѣрахъ. Такъ, у одного гончара мы находимъ двухъ наемныхъ рабочихъ, получавшихъ въ годъ 5 р. и 2½ р., одежду и пищу, и сверхъ того въ дворѣ 2 лошади. Другой держалъ одного рабочаго за 8 р., но безъ одежды,—фактъ, указывающій на стоимость годовой одежды, представлявшую сумму около 3 р., и другаго рабочаго на половинѣ дохода. Два гончара имѣли, видимо, меньшій заработокъ: они держали по 1 рабочему на условіи раздѣла пополамъ получаемого дохода, при чемъ хозяинъ обязывался лишь кормить рабочаго. Остальные гончары работали сами безъ помощи наемныхъ рабочихъ. Въ сравнительно выгодномъ положеніи находился и единственный въ слободкѣ сапожникъ, дѣла котораго шли настолько хорошо, что онъ могъ не только держать рабочаго, но и платить ему 7 р. въ годъ и давать одежду и пищу. Въ слободкѣ было еще 2 ткача, 2 каменьщика, 1 кушнеръ, 1 рымаръ (шорникъ), но всѣ они работали сами, безъ помощи наемной рабочей силы. 15 семьямъ приходилось жить съ заработковъ, поденнымъ трудомъ.

Населеніе слободки состояло при 127 д. обоего пола, изъ которыхъ муж. пола отъ 1—15 л. было 26, отъ 15—60 л.—36, свыше 60—2, женск. п. отъ 1 до 15 л.—25, отъ 15—60 л.—36, свыше 60—1. Сверхъ того насчитывалось 10 взрослыхъ рабочихъ: 8 мущ. и 2 женщины. По составу оно представляло слѣдующую картину: уроженцевъ Кіева—12, Печерска—2, Польской Области—8, кіевскаго полка—5 и 6 изъ разныхъ мѣстъ Полтавщины и Черниговщины (миргородскаго, переяславскаго, стародубскаго и др. полковъ). Лишь два принадлежали къ козачьему званію, да одинъ былъ изъ мѣщанъ. Среди рабочихъ—тоже разнообразіе: 3 изъ Печерска, одинъ—Польской области, одинъ—Черниговщины, два—Полтавщины и одинъ—кіевскаго полка.

Житейская обстановка и здѣсь была крайне незавидна, почти нищенская. Въ 16 дворахъ изъ 26 вовсе не было скота; по одной штукѣ имѣло 2 двора, по 2—3 двора, 5 штукъ—1

дворъ. По одной коровѣ насчитывалось въ 7 дворахъ, по 1 лошади—въ 5, по 2—въ 1 дворѣ; по 1 свиньѣ—въ 2 дворахъ и по 2—въ одномъ. Дворовъ безъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ было 7, съ одной—13, съ двумя—6. Не велико было также и количество рабочихъ силъ въ каждомъ дворѣ. Безъ рабочихъ силъ считался одинъ дворъ; съ 1 мужескою рабочею силою—15, съ 2—9, съ 3—1 дворъ; съ 1 женскою—17 дворовъ, съ 2—15 дворовъ и съ 3—только три двора.

XVI.

Намъ остается лишь подвести итоги по даннымъ, касающимся всѣхъ разсмотрѣнныхъ селеній. Для бо́льшей наглядности я постараюсь, гдѣ это возможно, представить эти итоги въ видѣ таблицъ, которыя почти не потребуютъ комментаріевъ.

Начнемъ съ населенія. Все количество его въ 1766 г., во всѣхъ извѣстныхъ намъ селеніяхъ, доходило всего до 2600 д. обоего пола. По возрастамъ все оно, считая осѣдлыхъ и рабочихъ, распредѣлялось слѣд. образомъ:

Мужескаго пола			Женскаго пола		
отъ 1—16	отъ 15—60	свыше 60	1—15	15—60	свыше 60
481	724	62	538	720	75

На осѣдлое населеніе, состоявшее, какъ изъ козаковъ, такъ и изъ посполитыхъ, приходилось:

Мужескаго пола			Женскаго пола		
1—15	15—60	свыше 60	1—15	15—60	свыше 60
432	575	54	482	628	57

Собственно козачье населеніе, какъ намъ извѣстно, состояло изъ 114 душъ обоего пола. Число посполитыхъ доходило, слѣ-

довательно, почти до 2½ тысячъ душъ, т. е. было преобладающимъ въ то время въ Кіевѣ.

По своему составу это осѣдлое населеніе представляло слѣдующую картину:

Общее число семействъ.	Мѣстныхъ	Польск. обл.	П о л к о в ъ											Чужестранц.	Неизв. проис.
			кіевск.	черниг.	пѣжинск.	старод.	прилуц.	переясл.	лубенск.	миргород.	полтавск.	гадяцк.	слободск.		
559	272	101	94	13	8	4	14	26	10	5	2	3	6	1	2

Такимъ образомъ, коренное населеніе, населеніе мѣстнаго происхожденія, составляло въ XVIII в. лишь около 49% общаго числа семей, 51% приходилось на долю пришлаго элемента. Населеніе Кіева пополнялось слѣдовательно извнѣ, и мѣстный элементъ далеко не опредѣлялъ собою физіономіи будущаго города.

Еще рѣзче это сказывается на той части населенія, которая не имѣла опредѣленной осѣдлости, т. е. на рабочихъ. Число этихъ послѣднихъ (не включая сюда дѣтей и ненанятыхъ женъ рабочихъ) доходило до 315 человѣкъ обоего пола, слѣдующаго состава:

Мѣстныхъ.	Польск. Обл.	П о л к о в ъ										Изъ Австріи.	Неизв. происхожд.	Великорос.
		кіевск.	черниг.	пѣжинск.	старод.	прилуц.	переясл.	лубенск.	миргор.	полтавск.	гадячск.	слободск.			
66	82	37	20	15	3	10	9	7	3	3	8	24	3	7	1

Мѣстный элементъ составлялъ такимъ образомъ едва ¼ всего числа рабочихъ, 78½% общаго числа рабочихъ были пришлые. Больше всего, 26, 62%, доставляли села и деревни окрестностей Кіева, находившіяся тогда въ предѣлахъ Польши; за тѣмъ слѣдовалъ кіевскій полкъ (12,01%). Остальные полки давали сравнительно немного, и тѣмъ меньше, чѣмъ больше были удалены отъ Кіева. Исключеніе представляла Слободская Украина: число рабочихъ, доставляемыхъ ею, составляло 7,79% всего числа рабочихъ.

Изъ этого числа рабочихъ, такихъ, которые нанимались у посполитыхъ было всего 95 чел. обоего пола [1]), т. е. около 31% всѣхъ рабочихъ. Да притомъ изъ этихъ послѣднихъ 40 человѣкъ состояли либо при ремесленникахъ, въ качествѣ то рабочихъ, то учениковъ, либо при промышленникахъ, и только 25, главнымъ образомъ женщины, рабочими при семьяхъ посполитыхъ, не занятыхъ ремеслами, т. е. на 398 семьи.

Отношеніе этихъ послѣднихъ рабочихъ къ нанимавшимъ ихъ посполитымъ выражалось главнымъ образомъ тѣмъ, что семья давала имъ отъ себя одежду и пищу. Плата деньгами была сравнительно рѣдкимъ явленіемъ. Изъ 22 рабочихъ 9 получали отъ хозяина лишь одежду и пищу. Рабочую плату сверхъ того получали 18 человѣкъ, причемъ она колебалась между 40 к. и 2 р. 50 к. въ годъ [2]). Заработая плата возвышалась для лицъ мужескаго пола безусловно, а для женщинъ лишь отчасти при наймѣ для занятій ремесломъ или промысломъ. Она колебалась между 2 р. 50 к. и 6 рублями въ годъ, смотря по ремеслу. Дороже всего оплачивали посполитые трудъ кузнеца. Годичная плата взрослому рабочему равнялась 5 р (въ 4 случаяхъ) и 6 р (въ 1 случаѣ), подростку—3 р. Рабочая плата на винокурнѣ установилась для женщинъ въ 2 р. 50 к., падая до 1 р. 50 к.; для взрослыхъ рабочихъ она составляла 4 рубля годовыхъ или 16 к. или 20 к. недѣльныхъ, т. е. около 8 р. и 10 р. годичныхъ. 200 рабочихъ нанимались въ монастыри и къ козачьей старшинѣ, причемъ часть ихъ работала безплатно, въ качествѣ послушниковъ при монастыряхъ, главнымъ образомъ при Лаврѣ (79 чел) и при Михайловскомъ монастырѣ (3). Положеніе ихъ было гораздо болѣе обезпеченнымъ и выгоднымъ, чѣмъ тѣхъ, которые работали у посполитыхъ. Не получавшіе платы жили на всемъ готовомъ: одежду и пищу поставляли имъ монастыри. Тѣ, которые сверхъ этого получали денежное вознагражденіе,

[1]) Отъ 1 до 15—10, отъ 15 до 60—51, женск. п. отъ 1 до 15—13, отъ 15 до 60—21.

[2]) 40 к. получалъ одинъ малолѣтній, 80 к. (тоже малол.)—1, по 1 р. 50 к.—8 (взрослыя женщины), по 2 р. (взр. женщины)—4, 2 р. 50 к.—одинъ взрослый мужчина, и т. д.

заработывали ежегодно болѣе, чѣмъ вдвое противъ рабочихъ у посполитыхъ. Женская прислуга, состоявшая какъ и у посполитыхъ, на пищѣ и одеждѣ хозяйскихъ, установила нормальную годовую плату въ 2 р., все равно, приходилось ли ей работать на Подолѣ, или гдѣ нибудь въ Нижне-Лыбедскомъ селѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ впрочемъ плата возвышалась до 3 р (2 случая) и 4 р (1 случай). Заработная плата лицъ мужескаго пола колебалась между 4 р. 50 к. и 15 въ годъ. Отъ 4 р. 50 к. до 6 рублей получали за обыкновенный трудъ по дому и двору. Работа на винокурняхъ оцѣнивалась въ 7, 8 и до 11 рублей. Обыкновенный рабочій на винокурнѣ получалъ 5 к. поденной платы; главный винокуръ—по 25 коп. въ день. Максимальную плату получали нанятые для надсмотра надъ всѣмъ хозяйствомъ даннаго двора, садомъ и проч. или состоявшіе въ званіи шинкаря. Плата эта колебалась между 12 и 15 рублями [1]). Въ большей части случаевъ всѣ они получали одежду и пищу отъ хозяевъ: лишь немногіе изъ нихъ нанимались на своей одеждѣ. Пища хозяйская всегда и во всѣхъ случаяхъ была обязательнымъ условіемъ.

Такимъ образомъ наиболѣе обезпеченнымъ въ экономическомъ отношеніи являлся безспорно классъ вольныхъ рабочихъ, свободныхъ людей, не состоявшихъ въ чьемъ-либо подданствѣ. Его заработная плата обращалась почти цѣликомъ въ капиталъ, такъ какъ рабочему нечего было тратить ни на наемъ помѣщенія,—всѣ рабочіе жили въ хозяйскихъ избахъ или людскихъ,—ни на пищу [2]). При существовавшей въ то время дешевизнѣ и одежды, и съѣстныхъ припасовъ, рабочій, даже оставшійся безъ

---

[1]) По 2 р. получало—9 лицъ, нанятыхъ старшиной коз. или монастырями, 2 р. 50 к.—1, 3 р,—2 и 4 р.—1 лицо женск. пола. По 4 р. 50 к. получало 9 человѣкъ, по 5 р.—2, по 6 р.—10, по 7—5, по 8 и 8 р. 50 к. до 9 р.—19, по 10 до 12 р. 50 к.—13 чел., по 13, 14 и 15 р. по одному человѣку.

[2]) Мы будемъ имѣть случай вернуться къ вопросу о заработной платѣ въ XVIII в. въ спеціальной статьѣ, и потому ограничиваемся здѣсь лишь общими данными.

работы, могъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ содержать себя въ теченіе почти цѣлаго года полученною годовою денежною платою.

Для посполитыхъ этотъ пришлый элементъ представлялъ такого соперника, бороться съ которымъ было невозможно. Преобладавшій тогда обычай найма рабочихъ на годъ ставилъ непреодолимыя препятствія для посполитаго, обязаннаго отбываніемъ панщины. Поденная работа представляла поэтому для него единственный выходъ, но и ею въ значительной мѣрѣ не могъ онъ заниматься. Въ самомъ дѣлѣ, какое количество силъ могъ отпустить на рынокъ посполитскій дворъ того времени? Опись даетъ намъ на это отвѣтъ совершенно ясный. Съ одною рабочею силою насчитывалось во всѣхъ селеніяхъ 34 двора, съ 2 (т. е. преимущественно мужемъ и женою)—143, съ 3—90, съ 4—71, съ 5—26, съ 7—5, съ 8—1. Лишь въ одномъ насчитывалось 15 душъ, за то было 7 дворовъ такихъ, гдѣ не было вовсе рабочихъ силъ, а одни престарѣлые и увѣчные. Послѣдніе впрочемъ были освобождены отъ панщины. Слѣдовательно только 193 обладали способностью и отбывать панщину, и идти на рынокъ съ предложеніемъ своихъ рукъ.

Часть изъ только что указанныхъ дворовъ должна быть впрочемъ исключена. Были ремесленники, шинкари, лица, занимавшіяся промысломъ или земледѣліемъ. Но такихъ было сравнительно немного. Только въ 70 дворахъ мы находимъ ремесленниковъ разнаго рода [1]), въ 16 дворахъ—лицъ, занимавшихся рыбною ловлею и продажею рыбы; въ 9 дворахъ—разныхъ мелкихъ торговцевъ; въ 18 дв.—лицъ, занятыхъ различными работами при владѣльцахъ. Дворовъ, надѣленныхъ пахатью, насчитывалось всего 19, въ званіи шинкарей состояло 13 человѣкъ посполитыхъ, а собственныя винокурни имѣли всего 5 человѣкъ. На 379 дворовъ приходилось лишь 150, населеніе которыхъ

[1]) Ткачей—19, переплетчиковъ—13, портныхъ—10, гончарей—18, сапожниковъ—8, кузнецовъ—6, кирпичниковъ—5, иконописцевъ—4, каменьщиковъ—5, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ—2, друкарей—2, кушнировъ—2, стекольщиковъ, бондарей, корзинщиковъ, шаповаловъ, чоботарей, швецовъ по 1.

имѣло опредѣленныя занятія или промыслы. Жители 229 дворовъ вынуждены были жить съ заработковъ, быть „поденниками“, какъ сами они называли себя. Но и изъ посполитыхъ съ опредѣленными занятіями только 18 могли считать себя болѣе обезпеченными. Я говорю о шинкаряхъ и винокурахъ, получавшихъ, какъ намъ извѣстно уже, отъ 12 до 20 р. и болѣе чистой прибыли ежегодно.

Главное обезпеченіе для посполитыхъ, шинкъ и винокурня, были также самою крупною и самою главною статьею дохода и для владѣльцевъ. Это обстоятельство не представляетъ ничего удивительнаго для того времени. Малороссія была исключительно земледѣльческою страною. Промышленная, фабричная дѣятельность среди ея обитателей совсѣмъ отсутствовала. Во всемъ, напр., черниговскомъ намѣстничествѣ въ 1786 году, судя по даннымъ, представленнымъ Шафонскимъ, существовало всего около 25 кирпичныхъ заводовъ, 12 стекляныхъ, 2 бумажныхъ, да 3 мыльныхъ, которые вдобавокъ имѣли весьма малый сбытъ и, какъ мы уже видѣли относительно кирпичныхъ, приносили самый небольшой доходъ. Таможенныя книги и отчеты за 1762 и 1785 гг. [1]), показываютъ, что вывозъ изъ Малороссіи былъ самый ничтожный, главнымъ образомъ состоявшій изъ заячьихъ и иныхъ мѣховъ, соленой рыбы, а изъ обработанныхъ продуктовъ, преимущественно крашенины и шерстяныхъ „коцей“ (одѣялъ), да поясовъ. Всѣ мануфактурныя произведенія: англійскія и силезскія сукна, разныя льняныя и шелковыя матеріи и т. п. доставлялись изъ за границы. За одинъ 1762 г. по межигорской таможнѣ значилось въ доходѣ 4685 р. съ ввозныхъ пошлинъ и всего 860 р. съ вывозныхъ. Съ другой стороны потребности большинства земледѣльческаго класса были крайне ограниченны и вполнѣ удовлетворялись домашнимъ производствомъ.

Кіевъ являлся тогда полнымъ отраженіемъ страны въ отношеніи производства. Заводовъ и фабрикъ, за ничтожными исключеніями, не существовало въ немъ. А между тѣмъ, онъ

[1]) Изъ моего архива.

не могъ сдѣлаться подобно многимъ городамъ лѣваго берега Днѣпра чисто земледѣльческимъ поселеніемъ: мѣшала почва, песчаная въ большей своей части, негодная для обработки. Единственнымъ рессурсомъ являлся поэтому тотъ же родъ промышленной дѣятельности, который въ земледѣльческой полосѣ Малороссіи былъ главнымъ и почти единственнымъ, который одинъ среди преобладающаго натуральнаго хозяйства служилъ источникомъ пріобрѣтенія. Я говорю о винокуреніи, сильно развитомъ тогда въ Малороссіи. Тамъ заводы существовали почти въ каждомъ селѣ, являясь подспорьемъ для хозяйства. Здѣсь въ Кіевѣ они естественно должны были обратиться въ главный источникъ существованія и крупныхъ доходовъ. Всякій, кто обладалъ хоть небольшими средствами и желалъ обезпечить себя, тотчасъ же заводилъ винокурню или шинокъ. Крещатикъ, какъ мы видѣли, былъ обращенъ чуть не въ сплошную винокурную слободку. Винокурни разбросаны были почти вокругъ всего Кіева. Въ двухъ, напр., предмѣстьяхъ Кіева, Преоркѣ и Куреневкѣ, гдѣ сидѣли хуторами кіевскіе мѣщане, изъ 84 извѣстныхъ намъ хуторовъ, въ 62 было по винокурнѣ [1]), а на Сырцѣ устроено было разными лицами 29 винокурень [2]). Мы знаемъ изъ данныхъ, приведенныхъ выше, что доходы были здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ какой-либо другой отрасли дѣятельности. Да иначе и быть не могло, такъ какъ, напр., на одномъ Подолѣ въ магистратскихъ шинкахъ выпивалось ежегодно отъ 25 до 30 тысячъ ведеръ водки, что доставляло магистрату доходъ въ 9—10 тыс. рублей [3]). Понятно отсюда, почему Кіевъ былъ городомъ винокуренія и только винокуренія; понятно, почему винокуреніе вызывало тогда въ Кіевѣ такую ожесточенную борьбу между мѣщанами и козаками, магистратомъ и монастырями. Понятнымъ станетъ также, въ виду массы шинковъ, которые украшали тогда почти всѣ улицы и го́рода, и предмѣстій, смыслъ фразы извѣстнаго

---

[1]) Андріевскій, матеріалы, III, 39 и слѣд.

[2]) Вѣдомость о числѣ десятинъ магистр. земли. Рук. дѣло 1785 г.—въ моемъ архивѣ.

[3]) „Кіевская Старина 1887 г.“, № 6—7, стр. 579.

священника Лукьянова: „на Подолѣ строеніе узорочное; тщательны, лихоманы и много у нихъ чудотворныхъ иконъ, а письмо иное кажется живопись; сердечная вѣра у нихъ велія къ Богу; и къ нищимъ податливы вельми. Да шинки ихъ въ конецъ разворили, да кобы изъ того у нихъ сильно скаредно; и добрый человѣкъ худымъ будетъ".

И. Лучицкій.

ГРАНОВЩИНА.

(Эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины).

Послѣ татарскаго разоренія во второй половинѣ XV столѣтія Брацлавщина, наравнѣ со всею южною окраиною литовско-русскаго государства, пришла въ совершенное почти запустѣніе. Не смотря на энергическія усилія винницкихъ и брацлавскихъ старостъ, пытавшихся во главѣ мѣстныхъ малочисленныхъ земянъ отражать татарскіе набѣги, въ первой половинѣ XVI столѣтія безопасность края была весьма мало обезпечена, и земледѣльческое населеніе неохотно возвращалось на разоренныя пепелища Описанія винницкаго и брацлавскаго замковъ, составленныя въ 1545—1552 годахъ, сохранили данныя, свидѣтельствующія о крайне слабой населенности края; люстраторы помѣтили во всемъ винницкомъ повѣтѣ только 2 замковыхъ села и 17 земянскихъ и упомянули о 15 пустыхъ селищахъ[1]); въ брацлавскомъ повѣтѣ, обнимавшемъ всю южную половину нынѣшней подольской губерніи и юго-западную четверть кіевской, они нашли 23 человѣка старшихъ земянъ (землевладѣльцевъ) и 14 земянъ „подлѣйшихъ“, о которыхъ старшіе отозвались: „што они ихъ братьею соби не менуютъ, а не знають отколь суть“. Какъ тѣ, такъ и другіе земяне владѣли дворищами и селищами, но люстраторы оговорились, что селища эти далеко не составляли благоустроенныхъ и населенныхъ имѣній; сравнивая эти помѣстья съ пасѣками, которыми владѣли брацлавскіе мѣщане, люстраторы отдаютъ предпочтеніе послѣднимъ, утверждая, что „и три селища за одну пасеку не стоятъ“.[2])

[1]) Архивъ юго-западной Россіи часть VII, т. I, стр. 598 - 611.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи часть VI, т. I, стр. 26.

Только въ послѣдней четверти XVI столѣтія народонаселеніе Брацлавщины стало быстро возрастать, благодаря стеченію двухъ важныхъ для судьбы края историческихъ событій: съ одной стороны въ самой Украинѣ старосты нашли средство вызвать силы достаточныя для защиты страны: не полагаясь на малочисленныя земянскія ополченія, они организовали сельскія свободныя общины и возложили на нихъ обязанность доставлять военные контингенты для борьбы съ татарами, чѣмъ положили начало козачеству; послѣднее, быстро развиваясь въ теченіе XVI столѣтія, не только давало возможность противодѣйствовать татарскимъ набѣгамъ и отражать ихъ успѣшно, но стало переходить изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе и за каждый набѣгъ татаръ платило такимъ-же набѣгомъ на турецкія и татарскія владѣнія.

Въ послѣдней четверти XVI столѣтія, послѣ того какъ состоялась Люблинская унія, крестьянское населеніе литовско-русскихъ областей было поставлено въ весьма невыгодныя юридическія условія: оно повсемѣстно было прикрѣплено къ землѣ и подчинено дворянамъ. Вслѣдствіе этого является общее стремленіе сойти со стараго мѣста жительства, поискать свободной „безпанской“ земли. И единично, и толпами крестьяне уходятъ въ украинныя воеводства въ разсчетѣ на то, что они примкнутъ къ козацкой организаціи, заселятъ пустыя, никому не принадлежащія земли и за отбываніе военной повинности въ пользу государства будутъ пользоваться личною свободою и самоуправленіемъ.

Но крестьяне обманулись въ своихъ надеждахъ: дворяне раньше ихъ обратили вниманіе на измѣнившіяся условія быта въ Украинѣ, на водворившуюся въ странѣ относительную безопасность и на постоянный приливъ рабочаго населенія. Они тщательно разыскиваютъ въ семейныхъ архивахъ старые документы на право владѣнія землями недоступной для нихъ до того времени и брошенной на произволъ судьбы плодородной Украины, они предъявляютъ эти документы и отправляются сами или посылаютъ слугъ разыскивать свои пустыя селища, къ которымъ прихватываютъ побольше окрестныхъ пустопорожнихъ, никѣмъ не обмежеванныхъ земель. Другіе, у кото-

рыхъ не было старыхъ документовъ, выпрашиваютъ у короля и сеймовъ новые дарственныя привилегіи на обширныя пространства и захватываютъ ихъ въ потомственную собственность [1]).

Очевидно интересы дворянъ сталкиваются въ Украинѣ съ интересами стремившихся на вольныя земли крестьянъ, а изъ столкновенія этого выростаетъ главный мотивъ будущей вѣковой кровавой козацко-польской борьбы. Въ началѣ XVII столѣтія борьба эта еще не имѣла характера острой непримиримой вражды; обѣ стороны стараются отложить, смягчить ее, ищутъ средняго, болѣе миролюбиваго выхода изъ роковаго положенія: старое козачество пытается уложиться въ рамки, указанныя ему правительствомъ въ „реестрѣ“ и ограничиться въ территоріальной полосѣ, отведенной ему въ королевскихъ староствахъ средняго Приднѣпровья. Не попавшіе въ реестръ крестьяне идутъ дальше за предѣлы панской Украины, въ дикую степь, стараются свить гнѣздо въ Запорожьѣ и оправдать передъ государствомъ зарожденіе новаго, непризнаннаго правительствомъ козачества, усиленною борьбою съ татарами.

Съ другой стороны шляхтичи, чувствуя невозможность сразу закрѣпостить выходцевъ, поселившихся и продолжавшихъ селиться на земляхъ, принадлежавшихъ дворянамъ въ силу документовъ и привилегій, прибѣгаютъ къ широкому примѣненію права «слободы»; они до извѣстнаго довольно продолжительнаго срока, или вовсе не требуютъ съ поселенцевъ барщины и повинностей, или ограничиваются взиманіемъ легкой дани и требованіемъ незначительныхъ услугъ.

Конечно всѣ эти палліятивныя мѣры не предотвратили, а лишь нѣсколько оттянули роковое столкновеніе: ни дворяне не пожелали отказаться навсегда отъ крупныхъ доходовъ изъ богатыхъ помѣстій и отъ утвержденнаго закономъ своего права на крѣпостной трудъ населившихъ эти имѣнія крестьянъ, ни реестровые козаки не могли оторваться въ приднѣпровской полосѣ отъ массы народонасе-

[1]) Такъ напримѣръ Валентинъ-Александръ Калиновскій получилъ въ 1609 году по постановленію сейма въ подарокъ „пустыню Умань“, т. е. весь нынѣшній Уманскій уѣздъ. Volumina legum II, стр. 466.

ленія, окружавшей ихъ и тѣсно связанной съ ними общими чертами этнографическими, общимъ происхожденіемъ, національностью и религіозными интересами, ни Запорожье не успѣло упрочить на новой территоріи новаго типа свободнаго козачества. Его безпрестанная, несмолкавшая борьба съ татарами и турками, хотя и приносила пользу государству, доставляя безопасность южнымъ предѣламъ Рѣчи-Посполитой, велась по собственной иниціативѣ, не регулировалась дипломатическими соображеніями центральнаго правительства, и не дозволяла послѣднему установить прочныя отношенія къ турецкому правительству; притомъ Запорожье въ глазахъ шляхты, руководившей дѣйствіями правительства, представлялось помѣхою для введенія въ Украинѣ нормальныхъ крѣпостныхъ порядковъ, вѣчною угрозою противъ полнаго водворенія помѣщичьяго права, постояннымъ соблазномъ для крестьянъ, и безъ того трудно укладывавшихся въ начертанныя имъ закономъ условія. Такимъ образомъ въ первой четверти XVII столѣтія отношенія на Украинѣ не вполнѣ еще опредѣлившись, въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время то смягчаясь, то обостряясь.

Усилія дворянъ утвердить за собою право землевладѣнія направлены были съ одинаковой энергіей не на всѣ части территоріи Украины. Въ восточной половинѣ области, въ той, которая прилегала къ Днѣпру, дворяне рѣже и менѣе охотно выпрашивали земли. Территорія этой полосы входила въ составъ староствъ, т. е. составляла крупныя государственныя имущества. Въ староствахъ размѣщались старыя козацкія поселенія, признанныя легальными при королѣ Стефанѣ [1]). Какъ сосѣдство козацкихъ поселеній, такъ и препятствія со стороны правительства относительно раздачи земель въ этой полосѣ, заставили шляхту менѣе настойчиво выпрашивать

[1]) Здѣсь существовали какъ старыя староства, давно, еще въ литовское время правильно устроенныя: остерское, переяславское, бѣлоцерковское, каневское, черкасское, такъ и новыя: чигиринское, корсунское и звенигородское, возникшія на земляхъ, выдѣленныхъ изъ старыхъ староствъ; правительство смотрѣло на эти староства какъ на установившійся нормальный источникъ доходовъ и потому менѣе охотно отчуждало въ частныя руки принадлежавшія къ нимъ земли; только далѣе къ востоку, за предѣлами переяславскаго староства, лежали не изслѣдованныя и не

помѣстья въ этой полосѣ. Въ иномъ положеніи находилась Брацлавщина. Здѣсь существовали только два староства винницкое и брацлавское, къ которымъ тянули весьма обширныя, до недавняго еще времени пустынныя земли; Брацлавщина притомъ подвергалась гораздо болѣе чувствительнымъ ударамъ со стороны татаръ, чѣмъ Украина приднѣпровская: она не только сама по себѣ служила цѣлью для хищническихъ набѣговъ, но по ней орда должна была проходить каждый разъ, когда загоны ея устремлялись на Волынь, Червоную Русь или южную Польшу. По Брацлавщинѣ пролегали два искони извѣданные татарами пути ихъ набѣговъ: на восточной закраинѣ ея лежалъ „Черный шляхъ", приводившій татаръ на Волынь, Полѣсье, Подляхію; между Днѣстромъ и Бугомъ тянулся „шляхъ Кучманскій", по которому татары двигались въ Червоную Русь и Малую Польшу. Ежегодно, а иногда нѣсколько разъ въ годъ Брацлавщину посѣщали злые гости и естественно, что на прохожей дорогѣ хищниковъ трудно было усидѣть мирному земледѣльческому населенію. Не смотря на энергію брацлавскихъ и винницкихъ старостъ: князей Острожскихъ, Сангушковъ, Збаражскихъ и т. д., имъ не удалось организовать козацкихъ полковъ, и страна лежала еще почти въ совершенномъ запустѣніи во второй половинѣ XVI столѣтія, правительство не извлекало почти никакого дохода изъ обширныхъ земель брацлавскихъ староствъ и потому не дорожило ими; когда въ исходѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, знатныя лица стали осаждать короля просьбами о пожалованіи земель въ Украинѣ, король и сеймы весьма охотно раздавали огромныя, не размежеванныя и никѣмъ не промѣренныя пространства въ Брацлавщинѣ. Такимъ образомъ здѣсь сразу возникаютъ крупныя магнатскія помѣстья, которыя располагаются на обширныхъ, плодородныхъ степныхъ пространствахъ. Если въ сѣверномъ углу Брацлавщины, особенно въ районѣ винницкаго замка и уцѣлѣла болѣе мелкая собственность, въ рукахъ нѣсколькихъ десятковъ представителей старыхъ земянскихъ

приведенныя въ извѣстность обширныя земли и уходы нынѣшней полтавской губерніи, которыя правительство, не пользовавшееся ими, раздавало щедрою рукою Вишневецкимъ, Пясочинскимъ, Конецпольскимъ и т. д.

родовъ, то въ обширной полосѣ, лежавшей къ югу отъ Брацлава до Днѣстра и дикихъ полей, мы встрѣчаемъ въ началѣ XVII столѣтія почти исключительно крупныя помѣстья магнатовъ: Калиновскихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Замойскихъ и т. д.

Въ средѣ магнатскихъ родовъ, водворившихся въ Брацлавщинѣ, весьма видное мѣсто занимали Сенявскіе. Родъ этотъ возникъ въ XV столѣтіи, отдѣлившись какъ самостоятельная вѣтвь отъ рода Грановскихъ; послѣдніе происходили изъ великой Польши, они возвысились богатствомъ и значеніемъ въ XIV столѣтіи, главнымъ образомъ благодаря тому, что получили отъ польскихъ королей обширныя земли въ ново-пріобрѣтенной Червоной Руси; они достигли высшей степени знатности въ царствованіе Владислава Ягайлы, съ которымъ даже породнились: третья жена этого короля Елизавета, была раньше замужемъ за Викентіемъ Грановскимъ [1]). Въ это-же время одинъ изъ Грановскихъ переселился въ Подольскую землю, гдѣ въ теченіи нѣкотораго времени занималъ должность старосты Каменецкаго. Пребывая въ Подольской землѣ, отъ которой въ то время Брацлавщина еще не была отдѣлена, Грановскіе успѣли пріобрѣсти здѣсь обширныя помѣстья, разсѣянныя въ районѣ замковъ: Каменецкаго, Летичевскаго и Брацлавскаго; въ послѣднемъ повѣтѣ имъ принадлежала обширная волость на берегахъ рѣки Вербича; главное поселеніе ея носившее также имя *Вербичъ*, они преобразовали въ городъ и назвали Грановымъ.

Въ половинѣ XV столѣтія родъ Грановскихъ раздѣлился на двѣ линіи; представитель одной изъ нихъ Рафаилъ, владѣвшій мѣстечкомъ Сенявою въ Червоной Руси надъ Саномъ, первый принялъ фамилію Сенявскаго и былъ родоначальникомъ этого магнатскаго рода. Въ теченіе XVI столѣтія Сенявскіе встрѣчаются постоянно въ рядахъ польской знати: двое изъ нихъ были Русскими (т. е. Червонорусскими) воеводами; двое другихъ кастелянами Каменецкими и т. д. Занимая важныя должности, Сенявскіе въ то же время

[1]) Gołembiowski, Panowanie Władysława Jagiełły. стр. 467.

заботились объ умноженіи своихъ поземельныхъ владѣній; къ концу XVI столѣтія они обладаютъ уже многочисленными помѣстьями, разбросанными въ Червоной Руси и подольскомъ воеводствѣ. Кромѣ ихъ родоваго имѣнія Сенявы надъ Саномъ, въ Галицкой Руси имъ принадлежатъ: городъ Бережаны, мѣстечко Олешицы, городъ Поморяны и многочисленныя тянувшія къ нимъ села; въ Подоліи— мѣстечко Сатановъ съ волостью на Збручѣ и большое Межибожское имѣніе въ Летичевскомъ повѣтѣ; на земляхъ, принадлежавшихъ къ Межибожской волости, владѣльцы основали два новыя городскія поселенія: Старую и Новую Сеняву, лежавшія уже на рубежѣ Брацлавщины. Въ началѣ XVII столѣтія Сенявскіе принимаютъ участіе въ общемъ стремленіи польской знати къ пріобрѣтенію поземельной собственности въ Брацлавщинѣ: они разыскали въ своемъ семейномъ архивѣ права, которыя нѣкогда пріобрѣли ихъ предки Грановскіе на грановскую волость, стремятся заявить эти права и войти во владѣніе давно забытымъ имѣніемъ; но на первыхъ же порахъ встрѣчаютъ нѣкоторое затрудненіе: оказалось, что о грановскомъ имѣніи раньше Сенявскихъ позаботились князья Четвертинскіе и успѣли выхлопотать себѣ право на владѣніе имъ; обѣимъ сторонамъ предстоялъ такимъ образомъ многолѣтній дорогой и трудный процессъ, со всѣми неминуемыми въ то время послѣдствіями: баниціями, заѣздами, апелляціями и т. д. Тѣмъ не менѣе Сенявскіе пошли храбро навстрѣчу неожиданному осложненію и успѣли запугать своихъ противниковъ. Четвертинскіе отступили передъ болѣе знатными, богатыми и вліятельными соперниками, и дѣло кончилось мировою сдѣлкою: въ 1605 году Гіеронимъ Сенявскій уплатилъ кн. Ярошу Четвертинскому 3,000 злотыхъ и получилъ отъ него такъ называемую „цессію“, т. е. уступку всѣхъ правъ на Грановъ „cum attinentiis“ [1]).

Добившись такимъ образомъ неоспоримаго права на владѣніе обширнымъ помѣстьемъ (весь сѣверный уголъ нынѣшняго гайсинскаго уѣзда), Сенявскіе постарались привлечь въ него возможно большее количество поселенцевъ; кромѣ весьма льготныхъ условій „слободы“

[1]) Руликовскій, Брацлавщина, въ альманахѣ „Kuriały i swoci“, стр. 294.

объявленной ими на 30 лѣтъ, они позаботились о привлеченіи въ грановскую волость стремившихся въ Брацлавщину крестьянъ; съ этою цѣлью они испросили для вновь возникавшихъ на ихъ земляхъ поселеній городскія привилегіи, которыя гарантировали населенію, хотя въ ограниченныхъ размѣрахъ, право на самоуправленіе. Въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія, кромѣ Стараго Гранова, мы встрѣчаемъ въ его окрестности еще три новыя городскія поселенія: Новый Грановъ, Левухи и Городокъ; въ каждомъ изъ этихъ мѣстечекъ возведенъ владѣльцами „замокъ", т. е. небольшая крѣпостца, обнесенная рвомъ, валомъ и палисадомъ, вооруженная гаковницами и мушкетами и вмѣщавшая въ себѣ экономическія постройки и управленіе.

Около 1640 года представителемъ рода Сенявскихъ и владѣтелемъ Грановщины былъ Адамъ-Гіеронимъ Сенявскій, графъ на Шкловѣ и Мыши, писарь польный коронный; подобно другимъ владѣльцамъ крупныхъ имѣній въ Брацлавщинѣ и Украинѣ онъ принималъ постоянно самое дѣятельное участіе въ походахъ на козаковъ и татаръ, и не мудрено: отъ исхода этой борьбы съ врагами внутренними и внѣшними зависѣло и процвѣтаніе и доходность брацлавскихъ помѣстій; успѣшное отраженіе татаръ гарантировало возможность вести въ нихъ прочное сельское хозяйство и вмѣстѣ съ тѣмъ сберегало населеніе, необходимое для обработки обширныхъ черноземныхъ полей; смиреніе „козацкой гидры", какъ тогда выражались шляхтичи, было необходимо для того, чтобы удержать населеніе во власти пана и по истеченіи слободскихъ льготныхъ лѣтъ упрочить въ полной силѣ крѣпостное право. Естественно поэтому, во всѣхъ походахъ съ 1630 по 1650 г. мы встрѣчаемъ въ рядахъ польскаго войска многочисленныя хоругви, доставленныя на свой счетъ владѣльцами крупныхъ помѣстій въ южной Брацлавщинѣ, и нерѣдко самихъ владѣльцевъ, лично предводительствующихъ этими хоругвями. Адамъ Сенявскій принимаетъ во главѣ своей милиціи личное участіе въ битвѣ подъ Ахматовымъ (1644 г), въ которой отбитъ былъ сильный загонъ орды, надвигавшейся на Брацлавщину; затѣмъ въ 1646 году онъ ходилъ съ гетманомъ Николаемъ Потоцкимъ въ

отдаленный, но несчастный походъ на берега р. Мерла, имѣвшій цѣлью встрѣтить на границѣ Рѣчи-Посполитой новый татарскій набѣгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять козаковъ, собиравшихся, какъ о томъ доходили вѣсти до польскаго гетмана, своевольными купами на верховьяхъ Ворсклы. Какъ извѣстно, походъ этотъ вслѣдствіе упрямства и нераспорядительности Потоцкаго кончился тѣмъ, что значительная часть польскаго войска погибла отъ мороза въ безлюдной тогда степи нынѣшней харьковской губерніи.

Однако въ общей сложности походы противъ татаръ и козаковъ принесли желанную пользу брацлавскимъ помѣщикамъ; имѣнія ихъ наполнялись поселенцами и по мѣрѣ того, какъ истекали слободскіе сроки, приносили все болѣе и болѣе крупные доходы. Примѣръ этого мы видимъ на грановскомъ имѣніи. Возвратившись изъ неудачнаго похода на Мерло, Сенявскій занялся приведеніемъ въ извѣстность положенія своего помѣстья [1]); оказалось, что слободскіе сроки уже истекали для большинства поселянъ, и имѣніе могло давать доходъ не только отъ найма земли, но и отъ найма даровато труда населенія, жившаго на ней. Сенявскій объявилъ, что онъ готовъ отдать имѣніе въ аренду и немедленно нашелъ охотника въ лицѣ великопольскаго шляхтича, забившагося въ далекую Украину съ цѣлью быстраго обогащенія въ этой странѣ, „млекомъ и медомъ текущей“, какъ говорили о ней тогда шляхтичи въ коренныхъ польскихъ областяхъ. Въ томъ же 1646 году Адамъ Сенявскій заключилъ контрактъ съ паномъ Бартошомъ Важинскимъ, по которому отдалъ ему за 40,000 злотыхъ въ аренду на 4 года свои города: Старый Грановъ alias Вербичъ, Новый Грановъ, Городокъ и Левухи со всѣми селами, поселками, хуторами и пр.

Бартошъ Важинскій былъ человѣкъ энергическій, предпріимчивый и опытный хозяинъ; самъ онъ поселился въ замкѣ въ Левухахъ, который былъ лучше другихъ укрѣпленъ и вооруженъ гаковницами; въ каждомъ городѣ онъ устроилъ отдѣльную экономію и постарался

[1]) Послѣдующіе факты заимствованы изъ документовъ, внесенныхъ въ Винницкую гродскую книгу 1652 года, хранящуюся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ подъ № 4598.

повести хозяйство такъ, чтобы оно отвѣчало рабочимъ силамъ и мѣнія и доставляло ему такіе продукты, сбытъ которыхъ былъ бы наиболѣе обезпеченъ. Изъ подробнаго перечня его имущества мы можемъ составить понятіе о типѣ хозяйства, установившагося въ крупныхъ помѣстьяхъ Брацлавщины, именно: мы видимъ, что Важинскій только небольшую относительно часть обширныхъ полей Грановщины распахивалъ подъ хлѣбъ, вѣроятно съ одной стороны по недостатку рабочихъ рукъ, съ другой вслѣдствіе трудности сбывать громоздкій продуктъ; полученный съ запашекъ хлѣбъ, какъ можно судить изъ описи его имущества, онъ не сбывалъ въ зернѣ, а частью превращалъ въ муку и крупу, частью употреблялъ на откармливаніе животныхъ и птицъ, большею же частью превращалъ въ горячіе напитки. Во всѣхъ экономіяхъ у него было много „горѣлчаныхъ и пивныхъ котловъ и алембиковъ“, и въ подвалахъ его стояли многочисленные „куфы, бочки и полубочки“ пива, горѣлки и спирта. Остальныя поля онъ обратилъ въ пастбища и откармливалъ огромное количество воловъ, коровъ, овецъ, козъ и свиней, и большими транспортами сбывалъ сало, шерсть, кожи и молочные продукты, которыми переполнены были его амбары. Значительный доходъ владѣлецъ извлекалъ изъ домашней птицы; во всѣхъ экономіяхъ онъ разводилъ въ широкихъ размѣрахъ куръ, гусей, утокъ, индюковъ, приготовлялъ каплуновъ, сотни которыхъ откармливались на его птичьихъ дворахъ, собиралъ бочки гусинаго „смальцу“ и т. п. Наконецъ важную отраслъ хозяйства представляло пчеловодство: въ кладовыхъ Важинскаго мы находимъ цѣлые ряды бочекъ и полубочекъ питнаго и прѣснаго меда и большіе запасы воску, сплавленнаго въ круги и обращеннаго уже въ свѣчи. За то, не смотря на мелочной перечень всѣхъ отраслей хозяйства, мы не встрѣчаемъ ни одного намека на огородничество и садоводство.

Стараясь придать продуктамъ своего хозяйства по мѣрѣ возможности меньшій объемъ и перерабатывая ихъ въ возможно болѣе цѣнные предметы, Важинскій отправлялъ большіе транспорты на далекіе рынки внутренней Польши и Пруссіи; особенно оживленныя торговыя сношенія онъ завелъ съ Данцигомъ. Въ сараяхъ его стояли

десятки кованыхъ „коломыйскихъ возовъ съ ланцухами“, и въ большомъ порядкѣ хранилась прочная упряжь; раза два въ годъ онъ снаряжалъ „валки“ (транспорты), которые везли на далекое Балтійское поморье подольскій медъ и воскъ, шерсть и сало, кожи и водку. Въ обмѣнъ за эти продукты Важинскій получалъ купленныя за границей пряности, вина, сахаръ, столовую посуду, ткани, металлическія издѣлія, земледѣльческія орудія и т. п. и съ большою выгодою сбывалъ ихъ въ сосѣдніе панскіе дворы и экономіи.

Благодаря предпріимчивости и умѣнію понять экономическое состояніе края, Важинскій сталъ быстро богатѣть, причемъ то направленіе, которое онъ далъ своему хозяйству, дозволяло ему стать въ довольно сносныя отношенія къ крестьянамъ; этому послѣднему обстоятельству Важинскій былъ обязанъ спасеніемъ своей жизни въ минуту неожиданно вспыхнувшей грозы.

Весною 1648 года кончилось 2 года его аренды, хозяйство его процвѣтало; амбары, кладовыя, скотные дворы, гумна и „шивницы“ были переполнены всякимъ добромъ.

Утромъ 29 мая арендаторъ суетился на дворѣ левухскаго замка, занятый осмотромъ и разборомъ только что пришедшаго изъ Данцига транспорта съ пряностями и сахаромъ. Въ это время совершенно для него неожиданно въ замковой дворъ явилась въ полномъ сборѣ левухская „громада“. Занятый своимъ дѣломъ, Важинскій собирался отослать посѣтителей, назначивъ имъ другое болѣе свободное время для разговора, но его поразилъ необычно торжественный видъ пришедшихъ; на вопросъ, по какому дѣлу явилась громада, крестьяне заявили, что они, питая къ нему расположеніе, пришли предостеречь его по очень важному дѣлу: ночью въ Левухи пріѣхали развѣдчики Хмельницкаго, они привезли вѣсть о разгромѣ польскаго войска подъ Корсунемъ (случившемся 26 мая) и объявили, что вслѣдъ за ними появятся передовые отряды козаковъ и татаръ; въ виду этихъ извѣстій громада совѣтуетъ Важинскому бѣжать немедленно, пока еще не явились нежданные гости. Сообщеніемъ громады Важинскій былъ пораженъ какъ громомъ. Онъ конечно зналъ, что гетманы заняты походомъ

противъ новаго козацкаго возстанія, но былъ вполнѣ увѣренъ въ своей безопасности; онъ полагался на силу и опытность польскаго войска и ожидалъ, что по примѣру прежнихъ лѣтъ послѣ болѣе или менѣе продолжительной кампаніи козаки будутъ усмирены и наказаны. Между тѣмъ весь этотъ разсчетъ былъ уничтоженъ однимъ ударомъ, и онъ безъ всякаго приготовленія очутился вдругъ передъ лицомъ непосредственно угрожавшей опасности. Думать о защитѣ было немыслимо; хотя въ его распоряженіи и имѣлось нѣсколько замковъ, хорошо вооруженныхъ и снабженныхъ достаточнымъ количествомъ гаковницъ, мушкетовъ, ядеръ, пороха и т. п., но гарнизона въ нихъ не было; вся надворная милиція Сенявскаго ушла вмѣстѣ съ паномъ въ лагерь гетмановъ, громада же оказала ему возможную долю снисхожденія, предупреждая о близкой опасности, но конечно не намѣрена была взяться за оружіе противъ своихъ единоплеменниковъ для защиты имущества арендатора. Впопыхахъ Важинскій сдѣлалъ послѣднія распоряженія; онъ поручилъ попеченіе надъ своимъ имуществомъ двумъ приближеннымъ лицамъ, войту и писарю, захватилъ чересъ съ червонцами и, приказавъ осѣдлать коня, „жалобно заплакавъ и бросивъ на произволъ судьбы все свое богатство“, ускакалъ въ сосѣднее арендуемое имъ имѣніе, Городокъ; для безопасности нѣсколько человѣкъ изъ Левухской громады проводили его верхомъ. Но и въ Городкѣ положеніе его оказалось не лучше, здѣсь также громадѣ извѣстно уже было положеніе дѣлъ; проѣзжая черезъ мѣстечко, онъ замѣтилъ, что крестьяне вооружились, и разставили вокругъ мѣстечка стражу. Въ замокъ, гдѣ остановился Важинскій, явились евреи, жившіе въ Городкѣ, съ жалобою на то, что крестьяне не даютъ имъ выѣзжать изъ мѣстечка; арендаторъ попытался было вступиться за нихъ, но громада объявила, что до появленія козаковъ не выпуститъ изъ мѣстечка не только евреевъ, но и его самого; только послѣ долгихъ переговоровъ Важинскому удалось выхлопотать пропускъ для себя. Уѣзжая, онъ поручилъ свое имущество попеченію войта и бурмистровъ, и просьбу о томъ же переслалъ въ грановскій магистратъ, такъ какъ ѣхать въ Грановъ не рѣшился. Затѣмъ снова

сѣлъ на свою верховую лошадь и направился безъ опредѣленной цѣли на западъ. Черезъ недѣлю Важинскій черезъ Баръ и Каменецъ достигъ наконецъ болѣе спокойнаго убѣжища во Львовѣ [1]).

Остановившись въ этомъ городѣ, Важинскій поджидалъ пріѣзда Сенявскаго съ тѣмъ, чтобы потребовать отъ него или возврата арендной суммы, согласно условіямъ контракта, или по крайней мѣрѣ получить въ замѣнъ утраченной аренды на тѣхъ же условіяхъ другія имѣнія въ Червоной Руси или Малой Польшѣ. Сенявскій дѣйствительно находился уже во Львовѣ, но ему было не до грановскаго арендатора: во время корсунской битвы онъ вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ польской арміи былъ взятъ въ плѣнъ и отданъ татарамъ. Тугай-бей помчалъ его въ Крымъ, но на пути плѣнникъ заключилъ съ мурзою условія, представлявшія нѣкоторыя выгоды для обѣихъ сторонъ. Тугай-бей сообразилъ, что онъ долженъ будетъ въ Крыму представить знатныхъ плѣнниковъ хану, и получить на свою долю, только тѣхъ, которыхъ ханъ ему пожалуетъ; потому мурза рѣшился увеличить эту долю до пріѣзда въ Бахчисарай. Онъ предложилъ Сенявскому, богатство котораго было ему извѣстно, отпустить его на волю за выкупъ въ 20,000 червонцевъ

[1]) Характерныя черты бѣгства грановскаго арендатора: неожиданность появленія козаковъ, сочувствіе къ нимъ крестьянъ, сознаніе безсилія со стороны шляхты передъ лицомъ раздраженнаго народонаселенія и „жалобный плачъ“ по поводу оставленнаго имущества, повторяются во всѣхъ аналогическихъ случаяхъ этого времени; чертами этими изобилуютъ актовыя свидѣтельства, онѣ ясны и въ запискахъ современниковъ. Для образца приведемъ два примѣра. Въ „Лѣтописцѣ“ Іоакима Ерлича мы встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ: „Хмельницкій изъ подъ Паволочи разослалъ свои полки въ разныя стороны, въ томъ числѣ и въ Полѣсье, гдѣ и меня, Іоакима Ерлича, они чуть было не захватили въ Кочеревѣ; спасая жизнь, я долженъ былъ бѣжать въ лѣсъ ...и пѣшкомъ пришелъ въ Печерскій монастырь“. Latopisiec Jerlicza, т. 1, стр. 69. Другой современникъ, также житель Брацлавщины, извѣстный польскій анналистъ Самуилъ Твардовскій, такъ описываетъ свое бѣгство изъ хутора, который ему принадлежалъ у села Зарубинецъ (нынѣ липовецкаго уѣзда): „Подобно другимъ и я, не ожидая дальнѣйшихъ событій, бѣжалъ не съ меньшею чѣмъ сосѣди поспѣшностью, захвативъ лишь съ собою коробокъ съ болѣе цѣннымъ имуществомъ и съ моими рукописями... съ грустью теперь вспоминаю о своемъ наслѣдственномъ хуторѣ, о своей пасѣкѣ, которая была мнѣ дороже Гибли, теперь же осталась далеко, брошенная своимъ хозяиномъ“. (Twardovski—Wojna domowa, часть II, стр. 36).

и распустилъ слухъ между татарами, что онъ освобождаетъ плѣнника даромъ изъ за благодарности, ибо нѣкогда, также точно попавши въ плѣнъ къ отцу Сенявскаго Прокопу, онъ былъ послѣднимъ выпущенъ изъ плѣна. Сенявскій принялъ предложенныя условія, за скорую же и точную уплату выкупа поручились оставшіеся въ плѣну гетманы. 4 іюня онъ уже былъ во Львовѣ и дѣятельно собиралъ свой выкупъ, который вскорѣ и отправилъ, отдавъ его татарамъ, грабившимъ въ то время окрестности Межибожа [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Сенявскій собралъ изъ доходовъ своихъ имѣній и занялъ у львовскихъ мѣщанъ значительныя суммы и сталъ на эти средства вооружать новый полкъ для продолженія борьбы съ козаками. Важинскому онъ совѣтовалъ потерпѣть, пока кончится кампанія, обѣщая послѣ усмиренія козаковъ вознаградить его убытки: или продливъ срокъ грановской аренды на нѣсколько лѣтъ или возвративъ взятыя у него 40,000 злотыхъ. Съ собраннымъ полкомъ Сенявскій отправился въ польскую армію, двигавшуюся противъ Хмельницкаго въ полной увѣренности въ побѣдѣ; извѣстно, что походъ этотъ кончился печальнымъ погромомъ у Пилявецъ. Самоувѣренная армія разсѣялась безъ бою, обратившись въ стремительное бѣгство подъ впечатлѣніемъ паническаго страха. Сенявскій, не смотря на громкій эпитетъ „польскаго Ахиллеса", которымъ наградилъ его Несецкій, раздѣлилъ общую участь: полкъ его разсѣялся, и онъ вновь оказался во Львовѣ безъ средствъ и на этотъ разъ безъ надежды на скорое подавленіе козацкаго возстанія.

Въ слѣдующемъ году война съ Хмельницкимъ возгорѣлась съ новою силою. Сенявскій, обременивъ новыми долгами свои помѣстья, опять вооружилъ полкъ и соединился съ войскомъ регименторей; вмѣстѣ съ ними онъ былъ осажденъ у Збаража. Сенявскаго судьба вообще не баловала въ военныхъ походахъ; подъ Збаражемъ же ему особенно не повезло; полку его достался постъ, болѣе всего подвергавшійся выстрѣламъ козацкой артиллеріи, и потому большая

[1]) Лѣтопись Яна Юзефовича, стр. 128; Michałowski,—Xięga pamiętnicza, стр. 31, 39, 51.

часть его была перебита во время осады; одинъ изъ выстрѣловъ опрокинулъ его палатку и т. п. [1]). Самъ Сенявскій не выдержалъ шестинедѣльной осады; удрученный голодомъ, недостаткомъ воды и спокойствія, онъ палъ духомъ и тяжело заболѣлъ. Когда наконецъ осада была снята вслѣдствіе Зборовскаго договора, онъ не имѣлъ силы подняться съ постели и былъ вынесенъ изъ лагеря на носилкахъ; поболѣвъ затѣмъ 8 мѣсяцевъ, Сенявскій умеръ.

Между тѣмъ по силѣ статей того же Зборовскаго договора грановское имѣніе Сенявскихъ оказалось въ той части Украины, которая была уступлена козакамъ. Въ имѣніи этомъ послѣ поспѣшнаго выѣзда изъ него арендатора крестьяне радостно встрѣтили козаковъ и стали въ ихъ ряды. При формировкѣ козацкихъ полковъ мѣстечка грановской волости вошли въ составъ Кальницкаго полка; Левухи приписались къ Терлицкой сотнѣ, Городокъ и вѣроятно Грановъ къ Дашевской [2]). Все добро, оставленное Важинскимъ, сдѣлалось добычею козаковъ и крестьянъ; въ Левухахъ на первыхъ порахъ довѣренные люди его, войтъ и писарь, попытались было укрыть болѣе цѣнное имущество; они свалили его въ бочки и затопили въ прудъ, но попытка эта сдѣлалась извѣстною односельцамъ; послѣ прихода козаковъ они раскопали плотину, спустили воду пруда и овладѣли потопленными бочками; писарь и войтъ за излишнюю преданность панскимъ интересамъ и за дѣйствія несогласныя съ требованіями громады были казнены смертью.

Послѣ Зборовскаго договора возвратъ Грановщины во власть помѣщиковъ и ихъ арендаторовъ сдѣлался весьма сомнительнымъ; впрочемъ черезъ два года послѣ смерти Адама-Гіеронима Сенявскаго наслѣдникамъ его на короткое время улыбнулась надежда. Послѣ Берестецкой битвы заключенъ былъ невыгодный для козаковъ Бѣлоцерковскій договоръ, въ силу котораго районъ Украины, уступленный козакамъ, былъ сокращенъ до предѣловъ Кіевскаго воеводства; Брацлавщину заняли польскія войска; въ томъ числѣ въ

[1]) Michałowski, Xięga pamiętnicza, стр. 415 и 454.

[2]) Акты Южной и Западной Рос., т. X, стр. 298—299. Регестры войска Запорожскаго, стр. XIV.

Грановѣ и его окрестностяхъ размѣстился полкъ нѣмецкой пѣхоты подъ начальствомъ Крейца [1]). Въ Винницѣ вновь открылось присутствіе гродскаго суда Брацлавскаго воеводства; земскіе польскіе чиновники вступили въ управленіе воеводствомъ, и подъ прикрытіемъ ихъ власти и находившагося въ воеводствѣ войска стали возвращаться помѣщики и ихъ „офиціалисты“ и арендаторы; въ числѣ послѣднихъ пріѣхалъ и Бартошъ Важинскій. Онъ явился въ Грановъ съ надеждою вновь получить въ свое владѣніе богатую аренду и взыскать съ жителей понесенные убытки; но надежды его не сбылись. По смерти Сенявскаго наслѣдникомъ имѣнія остался его малолѣтній сынъ Николай-Гіеронимъ, состоявшій подъ опекою матери Елены Сенявской, дочери коронаго гетмана Станислава Потоцкаго и многочисленныхъ опекуновъ, распредѣлившихъ между собою завѣдываніе разбросанными въ разныхъ воеводствахъ помѣстьями. Попеченіе надъ брацлавскими имѣніями выпало на долю мѣстныхъ землевладѣльцевъ: брацлавскаго стольника Людвика Незабитовскаго и брата его Яна. Опекуны вслѣдъ за появленіемъ польскаго войска приняли въ свое управленіе Грановщину и, когда явился Важинскій, отказали въ удовлетвореніи его претензій на томъ основаніи, что заключенный имъ срокъ четырехлѣтняго контракта уже истекъ, опекуны же не имѣли документальныхъ свидѣтельствъ объ изустныхъ переговорахъ, которыя велъ во Львовѣ Важинскій съ покойнымъ Сенявскимъ. Слѣдуя инструкціи опекуновъ, войты мѣстечекъ не допустили бывшаго арендатора ни въ одинъ изъ замковъ; онъ долженъ былъ возвратиться въ Винницу и начать юридическій процессъ. 20 Марта 1652 года онъ подалъ жалобу въ винницкій гродскій судъ, требуя съ одной стороны отъ наслѣдниковъ Сенявскаго вознагражденія за два года аренды, въ теченіе которыхъ онъ имъ не пользовался, съ другой взысканія съ крестьянъ и мѣщанъ Грановщины стоимости оставленнаго имъ въ имѣніи движимаго имущества. Вѣроятно возникъ бы многолѣтній процессъ, еслибы онъ въ самомъ началѣ не былъ прерванъ теченіемъ общихъ историческихъ событій. 2 Іюня новый

[1]) Памятники Кіевской коммиссіи, т. II, отд. II, стр. 98.

погромъ уничтожилъ всю польскую армію: произошла роковая битва на Батогѣ, надолго рѣшившая судьбу Брацлавщины; польскіе суды, урядники, помѣщики, арендаторы и оффиціалисты исчезли съ гораздо большею поспѣшностью, чѣмъ появились въ началѣ года. Козацкіе порядки стали твердою ногою въ Брацлавщинѣ; впрочемъ порядки эти не принесли краю желаннаго спокойствія; козачество было достаточно сильно для того, чтобы опрокинуть враговъ, но оно не стояло на той степени культурнаго развитія, которая была необходима для правильнаго устройства нормальной гражданской жизни. Начался длинный періодъ печальныхъ смутъ, извѣстный въ народной памяти подъ именемъ „руины“, превратившій наконецъ въ пустыню всю западную половину Украины. Вмѣшательство иноземцевъ,—поляковъ, турковъ, татаръ,—и внутреннія распри козацкихъ партій, зазывавшихъ на помощь то тѣхъ, то другихъ сосѣдей, сдѣлали вскорѣ невозможнымъ развитіе сколько-нибудь правильной жизни въ краѣ; испытывая грабежи, пожары, нападенія отъ чужихъ и своихъ, угоняемые толпами въ татарскій полонъ, жители Брацлавщины теряютъ всякую надежду на возможность отстоять свои осѣдлости. Въ 1674 г. утомленные неопредѣленнымъ и опаснымъ положеніемъ, козаки и посполитые мѣстечекъ и селъ Кальницкаго полка поднялись массою и пошли отыскивать новыхъ, болѣе спокойныхъ мѣстъ для жительства; они поселились на берегу Орели, въ нынѣшнихъ уѣздахъ кобыляцкомъ и константиноградскомъ полтавской губерніи [1]). Такимъ образомъ къ концу XVI столѣтія Брацлавщина опустѣла еще разъ точно такъ же, какъ нѣкогда послѣ Менгли-Гиреевскаго разоренія. Только сорокъ лѣтъ спустя, когда вслѣдствіе Прутскаго договора шляхтичи опять получили возможность явиться въ свои имѣнія, Брацлавская украина стала вновь медленно населяться; въ ней повторились еще разъ тѣ же колонизаціонные пріемы, которые были испробованы полтора столѣтія назадъ; вновь объявлены были долгосрочныя слободы, вновь помѣщики стали

[1]) Лѣтопись Величка II, 355—356.

вести по преимуществу скотоводное хозяйство, отдавать въ аренду имѣнія предпріимчивымъ спекулянтамъ и т. п.

Когда послѣдній потомокъ Сенявскихъ, гетманъ Адамъ-Николай, явился въ Грановщину въ 1714 году, онъ засталъ совершенную пустыню; вскорѣ онъ возобновилъ замокъ и возстановилъ городскія права только въ одномъ Грановѣ; Левухи и Городокъ оставлены были въ положеніи слободъ. Впрочемъ Сенявскій не особенно заботился о преуспѣяніи своихъ имѣній, онъ былъ старъ и потомковъ мужескаго пола у него не было, не было и наслѣдниковъ по боковымъ линіямъ, которые продолжили бы выгасавшій родъ Сенявскихъ. Старый гетманъ занялся исключительно благочестіемъ, истратилъ огромныя средства на устройство католическихъ монастырей, 200,000 червонцевъ употребилъ на выкупъ плѣнныхъ изъ татарской неволи и прославился у современниковъ кротостью и добротою нрава, не мѣшавшею ему впрочемъ сажать на колъ крестьянъ при первой попыткѣ протеста противъ панской власти [1]). Въ 1726 году онъ скончался, и его обширныя владѣнія перешли въ наслѣдство по женской линіи къ Чарторійскимъ. Послѣдніе управляли грановскимъ имѣніемъ при посредствѣ „губернаторовъ", т. е. управляющихъ. Не смотря на безконтрольное почти положеніе послѣднихъ, на богатой почвѣ Грановщины вскорѣ вновь сгустилось населеніе, и доходность имѣнія стала быстро возрастать. Въ концѣ XVIII столѣтія въ волости числилось уже кромѣ города Гранова 25 большихъ селъ. Чарторійскіе особенно щеголяли въ то время своею надворною козацкою милиціею, славившеюся красотою и дородствомъ людей, богатствомъ костюмовъ и строгою дисциплиною. Въ теченіе XVIII столѣтія два раза только Грановъ былъ серьезно потревоженъ; въ 1738 г. въ городъ ворвался отрядъ гайдамаковъ, перебилъ евреевъ, умертвилъ губернатора и ограбилъ экономію, костелъ и лавки; тридцать лѣтъ спустя, въ 1768 г., послѣ взятія Умани вновь Гранову пришлось испытать крутную расправу сподвижниковъ Желѣзняка [2]); но это было уже послѣднее насиліе, ис-

[1]) Żegota Pauli—Żywoty hetmanów, стр. 88.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. III, т. III, стр. 289. Записки Липомана, стр. 39.

пытанное мѣстечкомъ; съ того времени жизнь потекла мирно, но долго еще, почти цѣлое столѣтіе массѣ населенія жилось довольно тяжело. Послѣ подавленія коліивщины помѣщики почувствовали себя болѣе безопасными, и условія крѣпостнаго быта стали тяжелѣе для крестьянъ; еще болѣе власть помѣщиковъ усилилась подъ конецъ столѣтія, когда имъ можно было опереться на прочный государственный строй, признававшій законность ихъ власти. Грановщина оставалась во владѣніи Чарторійскихъ до 1831 года; только благодаря участію, какое принялъ князь Адамъ Чарторійскій, въ политическихъ событіяхъ того времени родовыя имѣнія его были конфискованы. Казалось бы, что жители должны наконецъ отдохнуть на свободѣ въ качествѣ государственныхъ крестьянъ послѣ вѣковыхъ волненій, смѣнявшихся подневольнымъ тяжелымъ трудомъ. Но судьба еще хранила для нихъ послѣднее испытаніе: Грановщина причислена была къ району тѣхъ государственныхъ имѣній южнаго края, въ которыхъ рѣшено было организовать военныя поселенія. Внутренняя исторія этихъ поселеній, безполезность ихъ въ военномъ отношеніи и способъ ихъ организаціи, ихъ экономическая непроизводительность, а также неимовѣрно тяжелое положеніе жителей, населявшихъ имѣнія, включенныя въ районъ поселеній,—это предметы хорошо извѣстные въ нашей исторической литературѣ, и потому мы можемъ не останавливаться на нихъ.

Только въ 1860 году, въ періодъ благодѣтельныхъ реформъ, коснувшихся всѣхъ сторонъ внутренней жизни края, уничтоженъ былъ институтъ военныхъ поселеній, и для Грановщины кончился наконецъ многовѣковой періодъ волненій и страданій.

В. Антоновичъ.

Ганна Монтовтъ.

(Историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства XVI в).

Верстахъ въ десяти отъ г. Дубно, внизъ по р. Иквѣ, на правомъ берегу ея, расположено село Коблинъ. Теперь Коблинъ—незначительное поселеніе, въ которомъ едва насчитывается сотни четыре жителей. Не такимъ онъ былъ триста лѣтъ назадъ. Въ XVI ст. Коблинъ считался не селомъ, какъ нынѣ, а *„мѣстомъ“*, т. е. городомъ, имѣлъ торги и ярмарки, былъ защищенъ замкомъ и дѣлился на двѣ части: „старое мѣсто“ и „новое“. Правда, въ то время легко было самую ничтожную деревню превратить въ „городъ“: стоило лишь владѣльцу объявить, что въ видахъ обезпеченія мѣстности отъ „поганства татаръ“ онъ хочетъ въ своемъ имѣніи „власнымъ коштомъ и накладомъ замокъ заложити и збудовати и мѣсто осадити“, чтобы правительство, ни о чемъ такъ не заботившееся, какъ именно о военной защитѣ края, безпрестанно разоряемаго татарами, охотно дало разрѣшеніе на переименованіе деревни въ „мѣсто“, дозволило вызовъ новыхъ поселенцевъ, „купцовъ и ремесниковъ“, только бы „изъ людей вольныхъ и иныхъ всякихъ прихожихъ“, разрѣшило учредить ярмарки и торги, дало, „вольность въ томъ мѣстечку корчмы будовати и усякіи трунки: медъ, пиво, горѣлку держати, и всякими куплями, якъ звыклый обычай есть, шинковати, продавати и куповати и пожитки усякіи собѣ оттоль привлащати и примножати“; а если владѣлецъ сверхъ того желалъ имѣть въ новомъ „мѣстѣ“ самоуправляющуюся городскую общину и надѣлить мѣщанъ магдебургскимъ правомъ, то и въ этомъ не могло быть отказа Съ другой стороны спокойная жизнь подъ защитою замка и разныя льготы, какіе обыкновенно были

предоставляемы новымъ поселенцамъ, толпами привлекали жителей въ новую „осаду“, и если только владѣлецъ ея умно велъ дѣло и не очень отягощалъ поселенцевъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ данями и повинностями, то бывшая деревня въ короткое время выростала въ цвѣтущій городокъ съ многочисленнымъ торговымъ и промышленнымъ населеніемъ. Таково было происхожденіе почти всѣхъ нынѣшнихъ мѣстечекъ на Волыни, въ Подоліи и на Украинѣ и большей части уѣздныхъ городовъ; такимъ же путемъ возникло въ первой половинѣ XVI ст. и „мѣсто“ Коблинъ благодаря заботамъ своего владѣльца пана Монтовта.

Коблинскій замокъ былъ расположенъ на небольшой возвышенности на берегу болотистой Иквы. Онъ имѣлъ форму неправильнаго многоугольника, окруженнаго земляным валомъ; по гребню вала тянулся „острогъ“, или палисадъ изъ дубовыхъ колодъ; щели между ними обмазаны были глиной. По линіи палисада, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, возвышались, „вежи“ или „башты“ (башни), срубленныя изъ дубовыхъ брусьевъ и крытыя гонтомъ. Нижніе этажи башенъ служили складомъ оружія и военныхъ припасовъ, а съ верхнихъ стрѣляли въ непріятеля и наблюдали за его движеніемъ. Вокругъ замокъ былъ опоясанъ глубокимъ рвомъ, куда проведена была вода изъ рѣки. Единственный въѣздъ въ замокъ находился со стороны мѣстечка. Здѣсь устроена была „брама“, т. е. ворота, и передъ нею подъемный мостъ черезъ ровъ. Надъ воротами также возвышалась „вежа“, гдѣ жилъ „воротный“, на обязанности котораго лежало наблюденіе затѣмъ, чтобы никто чужой не могъ проникнуть въ замокъ. Массивныя дубовыя ворота рѣдко отпирались, а для входа въ замокъ служила обыкновенно „фортка“, ключъ отъ которой хранился у воротнаго.

Вооруженіе замка было незначительно: такъ называемая тогда „стрельба огнистая“ состояла всего изъ 4-хъ пушекъ, 52-хъ „ручницъ“ и 20 „гаковницъ“ (крѣпостныя ружья), къ нимъ было 2 бочки пороху, 5 „барилъ куль до гаковницъ“ и пушекъ, бочка селитры и полбочки сѣры. Далѣе шло холодное оружіе: сабли, мечи, луки со стрѣлами „пятигорскими“, рога-

тины, ощепы козацкіе и кошубскіе, кончиры, чеканы, „сокиры военныя“; здѣсь же была „зброя“: панцыри, бехтеры, прилбицы, „шишаки козацкіе“, кирасы и „тарчи (щиты) полосатые, чирвоне по биломъ“.

Таковъ былъ традиціонный типъ украинскаго замка въ XVI в., унаслѣдованный еще со временъ Данила Галицкаго. Лишь въ болѣе значительныхъ пунктахъ, какъ въ Луцкѣ, Острогѣ, Дубнѣ, Кременцѣ, существовали большіе каменные замки, построенные по типу западно-европейскому и снабженные достаточнымъ запасомъ артиллеріи; въ остальныхъ же владѣльческихъ и даже въ королевскихъ городахъ замки были деревянные того же типа, что въ Коблинѣ, отличаясь отъ него лишь бо́льшими размѣрами и бо́льшимъ запасомъ оружія. И тѣмъ не менѣе эти ничтожныя крѣпостцы прекрасно исполняли свое назначеніе, благодаря неумѣлости кочевниковъ въ осадѣ стѣнъ.

Внутри замка, вдоль стѣнъ палисада, кругомъ расположены были небольшія пристройки, такъ называемыя „городни“, куда жители сносили на храненіе имущество и гдѣ сами они и ихъ семейства находили безопасное помѣщеніе во время непріятельскихъ нападеній. Здѣсь же находились хозяйственныя службы: стайни, оборы, шпихлиры, спижарни, возовни, пивницы и т. под. Остальная площадь замка тѣсно застроена была домами: одни предназначались для пріѣзда гостей, въ другихъ жилъ многочисленный штатъ „служебниковъ и служебницъ“ и „челяди“, въ третьихъ помѣщались „пекарни“.

Въ самомъ центрѣ замка, лицомъ къ въѣзднымъ воротамъ, стоялъ одноэтажный деревянный домъ, въ которомъ жилъ владѣлецъ, панъ Монтовтъ. Какъ и всѣ постройки въ замкѣ, домъ былъ обмазанъ бѣлою глиною и крытъ гонтомъ. Узкія, продолговатыя окна въ немъ были со стеклами, вправленными въ олово, тогда какъ въ домахъ, гдѣ помѣщалась прислуга, лишь на половину были „оболоны шкляные“, остальныя же „паперовыя“. Домъ былъ построенъ на высокомъ каменномъ фундаментѣ, подъ нимъ находились погреба и кладовыя. Входя въ домъ надо было подняться по ступенькамъ на крыльцо или „ганокъ“ со столбами, поддерживавшими „дахъ“; съ крыльца былъ входъ

въ обширныя свѣтлыя сѣни съ кафельными печами. Сѣни были проходныя и выводили на такой же „ганокъ“ съ противоположной стороны дома. Тяжелая дубовая дверь на прочныхъ желѣзныхъ завѣсахъ вводило изъ сѣней въ просторную „свѣтлицу“, служившую пріемной. Лѣвый уголъ ея занятъ былъ печью изъ поливяныхъ зеленыхъ изразцовъ съ розовыми разводами; вдоль стѣнъ тянулись липовыя „лавы“, покрытыя „полавочниками“ изъ краснаго сукна, и такіе же „услоны“ (скамейки), замѣнявшіе стулья; полъ былъ устланъ коврами. Въ углу подъ образами стоялъ большой столъ, покрытый дорогимъ турецкимъ ковромъ; въ другомъ углу находился меньшій столъ на точеныхъ ножкахъ, сдѣланный изъ кусковъ различныхъ породъ дерева, подобранныхъ по цвѣту такъ искусно, что онъ казался разноцвѣтнымъ, какъ бы въ узорахъ. Такая мебель очень цѣнилась въ то время и называлась „флядровою“ (отъ нѣмецк. Flader). Ее никогда не красили, лишь слегка полировали. Рядомъ съ „свѣтлицей“ находилась меньшая комната—„свѣтлочка“, почти такъ же убранная, какъ и предыдущая, только въ ней вмѣсто „услоновъ“ были простые деревянные „зыкгли“ (стулья), тогда только что начинавшіе входить въ употребленіе на Волыни; тутъ же на полкахъ вдоль стѣнъ разставлена была дорогая посуда: ковши „черленые“, мисы и „талѣрки“ сребряныя, кубки „позлотистые Нюремберской роботы“, глеки и жбаны черленые, чарки, коновочки и т. под. Далѣе слѣдовала опять большая комната—„покой“, т. е. спальня хозяина. Здѣсь стѣны сплошь обиты были коврами, а на нихъ развѣшено дорогое оружіе: сабли, корды (родъ меча), чеканы, булава—все это въ серебряной оправѣ съ дорогими камнями; здѣсь же висѣла „квинтарна“ и „кобза турецкая“. Массивное дубовое „ложко“ (кровать), съ цѣлой горой подушекъ, расшитыхъ „чирвонымъ“ шелкомъ, покрыто было „колдрой (одѣяломъ) одомашки червонои, зеленою китайкою вколо обшитою“. Тутъ же стояли окованныя желѣзомъ „скрыни“ съ денежной казной и разными драгоцѣнностями, и „скрынки зъ справами“, т. е. документами. Въ другой половинѣ дома расположены были: „изба великая“, служившая рабочей и вмѣстѣ столовою комнатою, „гридня“, гдѣ помѣща-

лась комнатная прислуга, и наконецъ „комора“, въ которой хранились сундуки съ платьемъ, бѣльемъ и разною домашнею утварью.

Такова была домашняя обстановка волынскаго пана въ XVI ст. Не блистала она роскошью, не отличалась и особымъ комфортомъ. Люди того вѣка умѣли жить не хуже другихъ: сладко ѣли, много пили, роскошно одѣвались; но въ устройствѣ и убранствѣ жилищъ соблюдали скромность и простоту, завѣщанную отцами. Нѣкоторыя заимствованія изъ быта другихъ европейскихъ народовъ и тогда уже были, но они касались преимущественно вооруженія, экипажей и уборовъ, особенно женскихъ; что же касается собственно домашней обстановки, то здѣсь иноземное вліяніе и въ послѣдующіе вѣка долго не имѣло рѣшительнаго перевѣса надъ мѣстными „старосвѣцкими звычаями“.

Пора однако познакомиться намъ съ владѣльцемъ коблинскаго замка, паномъ Монтовтомъ и его дочерью.

I.

Родъ Монтовтовичей, или Монтовтовъ принадлежалъ къ числу знатныхъ литовскихъ фамилій. Родоначальникомъ его былъ Монтовтъ, староста жмудскій, жившій въ первой половинѣ XV ст. Одинъ изъ сыновей его, Михаилъ Монтовтовичъ, въ 1463—75 гг. былъ старостою луцкимъ, и хотя самъ онъ кончилъ жизнь въ родной Литвѣ, въ званіи каштеляна троцкаго, но его потомки навсегда осѣлись на Руси и занимали здѣсь видныя должности. То было время, когда южнорусскія земли были еще недоступны для поляковъ, и когда здѣсь могли распоряжаться только русинъ, да литвинъ. Старшій сынъ Михаила, Юрій Монтовтовичъ былъ сначала намѣстникомъ или старостой кременецкимъ, а въ 1507 г. перешелъ отсюда на болѣе высокій урядъ—воеводы кіевскаго, передавъ кременецкое староство младшему брату Якубу Михайловичу. Занимая столь видные уряды, не трудно было разжиться и на маетности, которыхъ пока у ли-

товскихъ выходцевъ не было на Руси. И вотъ въ 1508 г. Якубъ Монтовтъ получаетъ отъ Сигизмунда I жалованную грамоту на имѣніе Млыновъ (близь Дубна) съ волостью; а когда сорокъ лѣтъ спустя сыновья Якуба, Андрей и Янъ, дѣлились отчизною, то на долю одного лишь младшаго брата достались слѣдующія имѣнія на Волыни: Коблинъ съ замкомъ, Подгайцы, Оршичинъ, Олѣевъ, Млыновъ, Пекаловъ, Беневщина, Кобаковъ, Хорупанъ, Золочевъ и Липая [1]). Какъ видимъ, въ 40 лѣтъ совершилось достаточное округленіе границъ первоначальной маетности, млыновской волости. Какими путями оно было достигнуто, можно отчасти судить по тому, что молодымъ Монтовтовичамъ пришлось вести судебный процессъ съ родною матерью, обвинявшею ихъ въ отнятіи имѣній, записанныхъ ей въ вѣно отцомъ ихъ.

Молодость свою Янъ Монтовтовичъ провелъ при дворѣ литовскаго великаго князя и вмѣстѣ польскаго короля Сигизмунда I, но почему-то не съумѣлъ или не хотѣлъ двинуться по служебной лѣстницѣ, а такъ и остался навсегда при скромномъ званіи „господарскаго дворянина“. Проживая подолгу въ Вильнѣ при дворѣ, онъ сблизился съ „дьякомъ“ великокняжеской канцеляріи Андреемъ Мацковичемъ, небогатымъ православнымъ шляхтичемъ изъ Бѣлоруссіи, у котораго была дочь Олена. Тихая, робкая, безотвѣтная, она именно тѣмъ и понравилась Монтовтовичу, что представляла во всемъ полный контрастъ его пылкой, своенравной, необузданной натурѣ. Въ 1546 г. онъ женился на ней, причемъ мать невѣсты отца уже не было въ живыхъ Богдана Юрьевна, женщина очень набожная, поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы дѣти, имѣющія произойти отъ этого брака, были крещены въ греческую вѣру матери, а не въ латинскую отца. Влюбленный женихъ охотно согласился внести это условіе въ предбрачную запись и положилъ на себя большую денежную „заруку“ въ случаѣ нарушенія условія.

---

[1]) Всѣ эти поселенія подъ тѣми же или немного измѣненными именами находятся и нынѣ въ дубенскомъ уѣздѣ волынской губ. и расположены по рр. Иквѣ и Стырѣ.

Невеселая жизнь выпала на долю молодой Оленѣ въ замужествѣ за богатымъ, но своенравнымъ литвиномъ. Непрерывныя попойки съ пріятелями, драки и ссоры съ сосѣдями, да еще охота—вотъ что наполняло праздную жизнь ея мужа въ Коблинскомъ замкѣ. Самая его привязанность къ женѣ имѣла крайне неровный характеръ и не отличалась постоянствомъ: то онъ величался красавицею женою передъ пріятелями и надоѣдалъ ей чрезмѣрными ласками, то вдругъ безъ всякаго повода поносилъ ее „хлопкой“ и „схизматичкой“, оскорблялъ бранью, нерѣдко подъ пьяную руку наносилъ ей побои и почти на глазахъ ея предавался распутству. Мѣстныя волынянки, подруги и родственницы молодой Монтовтовой, съ ужасомъ выслушивали повѣсть о ея страданіяхъ и не могли надивиться ея долготерпѣнію: сами онѣ не стали бы выносить и десятой доли подобныхъ оскорбленій отъ своихъ мужей.

Но вотъ и для бѣдной страдалицы, хоть на короткое время, настали лучшіе дни: она почувствовала себя матерью. Мужъ не чуялъ подъ собою земли отъ радости, пересталъ пьянствовать, мучился раскаяніемъ за прошлое и далъ женѣ клятвенное обѣщаніе, что, если она родитъ дитя „ку подобенству его“, то онъ щедро одаритъ и ее, и ребенка. Жданное дитя наконецъ появилось на свѣтъ и оказалось точнымъ подобіемъ отца, даже съ такими же родимыми знаками на тѣлѣ, какіе были у него. Счастливый отецъ въ тотъ же день послалъ гонца въ далекую Бѣлоруссію къ тещѣ и шурьямъ съ извѣстіемъ о радостномъ событіи и съ приглашеніемъ прибыть на „хрестины“, а самъ по цѣлымъ часамъ не отходилъ отъ „колыбки“ ненагляднаго первенца. Тѣмъ временемъ съѣхались „на родины“ родственники и пріятели Монтовта, все больше его единовѣрцы, и хотя всѣ они были плохіе католики, наполовину зараженные реформатскимъ вольномысліемъ, но подъ вліяніемъ „мальвазіи“, „ренского“ и „угорского“ принялись на всѣ лады дебатировать вопросъ: прилично ли Яну Монтовтову, „господарскому дворянину“, внуку троцкаго каштеляна, крестить своего первенца въ ту вѣру, отъ которой его предки отступили еще при Ягайлѣ?

Подъ вліяніемъ такихъ рѣчей пьяный хозяинъ пришелъ въ азартъ: не бывать-де тому, чего требуетъ отъ него теща, старая схизматичка! И тотчасъ послалъ за ксендзомъ. Не смотря на мольбы и рыданія жены, не смотря на напоминанія болѣе трезвыхъ и разсудительныхъ гостей о данномъ имъ предбрачномъ обязательствѣ, упрямый литвинъ въ тотъ же день окрестилъ новорожденную Ганну по обряду римской церкви и задалъ по этому случаю бѣшеный „бенкетъ“, длившійся цѣлую недѣлю. Осмѣянная и поруганная въ самыхъ дорогихъ своихъ чувствахъ, мать слегла въ постель и едва не поплатилась жизнью за самодурство мужа.

Между тѣмъ прибыла въ Коблинъ теща Монтовта, Богдана Юрьевна съ сыномъ и привезла, по обычаю того вѣка, новорожденной внучкѣ дорогой „повивачъ“. Узнавъ о случившимся, она подняла „галасъ“ и „лементъ“ и осыпала зятя упреками:

„Злый а необачный человѣче! Що есь учинилъ? Християнскую детыну въ бисовую ляхивку претворил-есь! Мусишъ еи вдругое, въ греческую вѣру охрестити!“

Но бывшій съ нею сынъ ея Василій, господарскій дворянинъ и большой законовѣдъ, хорошо понималъ, что мать требуетъ невозможнаго, и сказалъ:

„Що ся стало, тое ся уже не можетъ розстати. Только тое вѣдай, пане зятю, ижъ (что) тые заруки, которыми ся описалъ есь въ листѣ, опису твоемъ: на господаря его милость пятьсотъ копъ грошей, а на насъ, сторону, другую сумму пятьсотъ копъ грошей, маешъ заплатити—тое тебе обминути не можетъ; а до заплаченя тоеи суммы мусишъ пустити намъ увязаня (т. е. вводъ во владѣніе) въ маетности твои отчизные и набытые (благопріобрѣтенныя)“.

Монтовтъ хорошо зналъ своего шурина. Онъ помнилъ, какъ тотъ недавно еще выигралъ для него же одинъ изъ такихъ процессовъ, отъ веденія котораго отказались лучшіе виленскіе юристы, считая дѣло вполнѣ безнадежнымъ; поэтому сомнѣваться въ томъ, что онъ исполнитъ свою угрозу, не было ни малѣйшаго основанія. При томъ же въ данномъ дѣлѣ были примѣшаны личные интересы короля, такъ какъ

въ случаѣ утвержденія иска половина „заручной“ суммы должна была поступить въ королевскую казну; а въ подобныхъ случаяхъ и не такіе безспорные иски, какъ настоящій, были утверждаемы королевскимъ судомъ безапелляціонно. А „шкоды и наклады“, которые предстояло возмѣстить противнику въ случаѣ проигрыша дѣла! Вѣдь платить ихъ нужно было „на голое реченье слова“ его, т. е. сумма платежа не обусловливалась ничѣмъ, кромѣ чувства великодушія со стороны противника. Уплатить развѣ немедленно „заруку“, не доводя дѣла до суда? Но надо знать, что въ то время въ Литовскомъ государствѣ деньги стоили очень дорого, и наличная сумма въ 1000 копъ грошей [1]) составляла такой крупный капиталъ, которымъ не всегда могли располагать и люди далеко побогаче пана Монтовта. Если же должникъ не могъ въ требуемый моментъ сполна уплатить свой долгъ, то онъ обязанъ былъ, по литовскому статуту, уступить истцу въ пользованіе одно или нѣсколько, смотря по суммѣ взысканія, своихъ имѣній впредь до уплаты долга; причемъ, если истецъ оказывался человѣкомъ ловкимъ, онъ легко могъ безсрочно удерживать въ своемъ распоряженіи заложенное имѣніе, уклоняясь подъ разными законными предлогами отъ полученія своего долга; а часто случалось, что подобныя имѣнія такъ и не возвращались уже болѣе въ руки перваго владѣльца.

Монтовтъ понималъ безвыходность положенія. Ему оставалось одно: „съ покорою уклониться“ тещѣ и шурину и вступить въ компромиссъ съ ними. Результатомъ состоявшагося компромисса была слѣдующая запись, которую Монтовтъ въ декабрѣ 1547 г. лично „созналъ“ въ луцкомъ гродскомъ судѣ и внесъ въ замковыя книги:

„Я, Янъ Якубовичъ Монтовтъ, вызнаваю самъ на себе тымъ моимъ листомъ, ижъ што зъ справы Божои а съ призрѣня Духа Святого, такъ съ порады и дозволеня панеи матки моеи и иншихъ кревныхъ своихъ, понялъ и взялъ есми за себе

[1]) Копа грошей литовскихъ въ половинѣ XVI в. равнялась приблизительно 3¹/₄ русск. серебр. рублямъ.

у станъ малженскій (супружескій) дочку небожчика Андрея Мацковича панну Олену, а хотячи еи ку собѣ тымъ хутливишую въ милости (любви) малженскои учинити, где жъ она ку мнѣ такъ ся заховала, якъ на почтивую панюю зъ народу зацного пристоитъ, а я противко неи такъ ся не заховалъ, якъ на станъ еи пристоитъ, але еи колько разовъ безвинне съ пьянства своего о горло мало не приправилъ, што она мнѣ, яко цнотливая, вѣрная а поволная (расположенная) малжонка отпустила; а мешкаючи зо мною цнотливо, сплодила и на свѣтъ породила мнѣ детя милое, панну Ганну, тымъ именемъ охрыщоную по обычаю римскому, которая подлугъ (сообразно) опису и постановеня моего, которое я учинилъ при змовинахъ изъ ее милостю панею тещею своею, мила быти охрыщона по вѣрѣ матки своеи, по обычаю греческому, и въ томъ я выступилъ якъ противко малжонки моеи, такъ и противъ еи милости панеи тещи своеи и сыновъ ее. А такъ я, уваживши у себе тые вси помененые речи, а найболшей то, ижъ малжонка моя вѣрне милая уродила мнѣ зо мною спложеную дочку панну Ганну, першую въ народѣ моемъ, которая ся во всемъ тѣлѣ своемъ, такъ въ лицу, яко и въ знакахъ, которые у мене есть, притрафила и уродила, я маючи на те добрую память, а хотячи малжонку мою милую, такъ и приятелей еи, утѣшити, приставуючи тежъ до обычаевъ зацныхъ паповъ, памятаючи на те, што цнотливымъ словомъ малжонцѣ моей милой обѣщалъ, ижъ еслибы ку подобенству моему дытя мнѣ, такъ сына, або дочку, уродила, тогды тое дытя мѣло быти отъ мене добре обдаровано, нижъ иншие дѣти,—даю, дарую тоей дочцѣ моей милой, ново мнѣ нарожоной, паннѣ Ганнѣ имѣня мои: Млыновъ, Озліевъ, Пекаловъ, Беневщину и половину Оршичина, которые маю и повиненъ буду передъ вижемъ луцкимъ поступити и въ держанье дати тоей дочцѣ моей милой. А коли я тое учиню, маетъ мнѣ ее милость пани теща моя опять вси тые именя дочки моеи поступити и въ держанье подати только до живота моего, а уже одъ того часу тыхъ именей не могу а ни маю моцы (силы) заставляти и кому иншому записовати и до рукъ пущати“...

Какъ видимъ, Монтовтъ довольно благополучно вышелъ изъ затруднительнаго положенія, въ какое поставилъ себя, самовольно окрестивъ ненаглядную дочку въ свою вѣру: онъ записалъ ей въ даръ свои имѣнія, но фактически остался пожизненно ихъ владѣльцемъ, хотя и безъ права отчужденія ихъ. Впослѣдствіи увидимъ, что онъ нарушилъ и это ограниченіе.

II.

Такъ появилась на свѣтъ героиня нашего разсказа Ганна Монтовтовна. Уже на первомъ году своей жизни она стала формально владѣлицей значительныхъ имѣній.

Воспитаніе ея совершалось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Мать не могла имѣть на нее никакого вліянія, отчасти вслѣдствіе разности исповѣданія, а еще болѣе потому, что положеніе самой матери въ семьѣ годъ отъ году становилось невыносимѣе. По мѣрѣ того, какъ уходили молодые годы, разница характеровъ, національныхъ симпатій, вкусовъ и привычекъ, наконецъ вѣроисповѣдное различіе между мужемъ и женою чувствовались все рѣзче и съ каждымъ днемъ обостряли ихъ взаимныя отношенія. Грубый Монтовтъ не стѣснялся на каждомъ шагу высказывать презрѣніе ко всему, что было свято въ глазахъ жены: къ ея вѣрѣ, языку, старался внушить такія же чувства дочери и систематически удалялъ ее отъ сообщества матери. Онъ нерѣдко попрекалъ жену, что она-де не способна дать приличное „выхованье“ и „цвиченье“ дочери, что она, пожалуй, воспитаетъ изъ нея такую-же „хлопку“, какъ сама, между тѣмъ какъ онъ желаетъ видѣть ее блестящею панною, съ которою не стыдно было бы показаться и при королевскомъ дворѣ. Въ пьяную минуту, когда имъ овладѣвало бѣшенство, онъ не стѣснялся тиранить жену на глазахъ дочери. Слабая натура несчастной женщины не могла долго выносить такую ужасную жизнь, и Ганнѣ не было еще и семи лѣтъ, какъ она лишилась матери. Тогда Монтовтъ привезъ изъ Литвы какую-то родственницу и поручилъ ей воспитаніе дѣвочки. Новая

воспитательница не въ состояніи была передать ей что-либо другое, кромѣ польской грамоты,—русской грамотѣ Ганна не научилась и вослѣдствіи,—да еще цѣлаго кодекса свѣтскихъ пріемовъ и обычаевъ, которые въ то время вводила въ высшее польское общество королева Бона и ея италіянскій дворъ.

Вообще, что касается нравственныхъ правилъ, молодой Ганнѣ Монтовтовнѣ не у кого было поучиться имъ. Ни самъ отецъ ея, ни тѣ люди, съ которыми преимущественно водилъ онъ дружбу и знакомство, и которыхъ принималъ въ своемъ домѣ, не могли служить Ганнѣ добрымъ примѣромъ. Въ этой средѣ ополяченныхъ литвиновъ или даже природныхъ поляковъ находилось не мало разнаго рода авантюристовъ, тайныхъ „банитовъ", т. е. приговоренныхъ къ лишенію гражданскихъ правъ и къ изгнанію изъ предѣловъ отечества, и тому подобныхъ темныхъ личностей, а большинство состояло изъ людей, прогорѣвшихъ у себя на родинѣ и являвшихся на Русь съ цѣлью поправить свои дѣла. Обладая внѣшнимъ лоскомъ, а иные и нѣкоторымъ образованіемъ, не стѣсняясь никакими нравственными принципами, такіе выходцы промышляли всѣмъ, что только сулило наживу: поступали на службу къ богатымъ панамъ, брали на себя веденіе въ судахъ тяжебныхъ дѣлъ, причемъ не отказывались поддѣлывать документы, продавать своихъ довѣрителей, и вообще практиковали такіе смѣлые пріемы въ адвокатской практикѣ, какіе и на умъ не приходили мѣстнымъ юристамъ; брали въ аренду имѣнія, которыя нерѣдко какимъ-то чудомъ переходили въ собственность арендаторовъ; они же являлись предпринимателями по устройству въ имѣніяхъ мѣстныхъ пановъ разныхъ промысловъ, особенно лѣсныхъ: гонки смолы, выдѣлки поташа и т. под., причемъ, съ помощью цѣлаго ряда юридическихъ ухищреній, по большей части вели дѣло такъ, что имъ доставались барыши, а владѣлецъ терпѣлъ убытки и разореніе. Вообще изобрѣтательности ихъ въ средствахъ къ легкой наживѣ не было предѣловъ. Но главною и конечною цѣлью вожделѣній всѣхъ этихъ залетныхъ неудачниковъ было пріисканіе на Руси богатыхъ невѣстъ. Въ этомъ отношеніи имъ много помогалъ внѣшній свѣтскій лоскъ, при помощи котораго

они легко овладѣвали сердцами иныхъ перезрѣлыхъ лѣтами, но состоятельныхъ вдовъ-русинокъ, затмевая собою въ ихъ глазахъ мѣстныхъ жениховъ, людей, можетъ быть, и достойныхъ, но простоватыхъ, ни ступить, ни молвить „по-дворскому“ не умѣвшихъ. Сколько ужасныхъ семейныхъ драмъ давали въ результатѣ подобные браки! И однако они рѣдко служили предостереженіемъ для русинокъ, въ средѣ коихъ въ теченіе всего XVI ст. не переводились жертвы подобнаго рода иноземныхъ ловеласовъ, пока послѣдніе не встрѣтили опасныхъ соперниковъ въ русинахъ, успѣвшихъ воспитаться въ польскихъ школахъ и перенявшихъ пріемы и обычаи польскихъ шляхтичей.

Таковъ былъ кругъ людей, въ которомъ росла Ганна Монтовтовна. Могла ли она чему-нибудь путному научиться отъ нихъ? Еслибы природа одарила ее сильнымъ характеромъ, изъ нея могло бы выйти чудовище; но Ганна унаслѣдовала мягкую, пассивную натуру матери, и изъ нея выросла безличная, легкомысленная и недалекая панночка, рѣшительно неспособная на иниціативу и обѣщавшая безъ сопротивленія идти туда, куда поведетъ ее болѣе энергичная рука.

Но Ганна была красива и богата: у Монтовта не было больше дѣтей, и ей предстояло въ будущемъ унаслѣдовать все его состояніе. Она едва вышла изъ дѣтскаго возраста, какъ за нее посватался женихъ, такой знатный и богатый, что отецъ, боясь упустить выгодную партію, не сталъ ждать совершеннолѣтія дочери и на пятнадцатомъ году выдалъ ее замужъ: женихъ этотъ—волынскій князь Богушъ Дмитровичъ Любецкій.

III.

Князья Любецкіе были вѣтвью старинной княжеской фамиліи Друцкихъ, несомнѣнныхъ потомковъ Рюриковичей. Въ концѣ XV ст. они переселились на Волынь и получили новое фамильное прозвище отъ имѣнія м. Любча [1]), которое имъ за-

[1]) Нынѣ—с. лукк. у., недалеко отъ м. Рожища.

писала ихъ родственница пани Федька, вдова старосты луцкаго Олизара Шиловича. Первыми владѣльцами Любча были дѣдъ Богуша, князь Романъ Васильевичъ, и его братъ Богданъ. Послѣдній не оставилъ потомства; за то у Романа было пять сыновей, изъ коихъ старшій Дмитро пріумножилъ свое состояніе женитьбой на Феннѣ Полозовнѣ, дочери п. Сенька Ѳедоровича Полозовича, ключника кіевскаго и потомъ намѣстника овручскаго и рѣчицкаго, за которою взялъ много имѣній въ повѣтахъ кіевскомъ, овручскомъ и житомирскомъ: м. Хабное съ замкомъ, с. Ставки, Гладковичи, Деречинъ, Гостомль и др. По смерти Дмитра всѣ эти имѣнія достались его сыну князю Богушу, мужу Ганны Монтовтовны. О личности этого князя, по существующимъ источникамъ, трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Онъ не занималъ никакихъ должностей и не игралъ видной роли въ политикѣ, а судя по лицамъ, съ которыми Богушъ водилъ дружбу, можно заключать, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ южно-русскихъ людей XVI в., которые, оставаясь вѣрными отцовской религіи, были достаточно пріобщены польской культурѣ и до извѣстной степени представляли передовую часть своего общества. Во дворѣ Богуша мы встрѣчаемъ какого-то шляхтича Закревскаго, который состоялъ у него въ должности „органиста“; очевидно, князь былъ любителемъ музыки и завелъ у себя модный въ то время въ Европѣ музыкальный инструментъ, органъ.

Шумно и „гучно“ отпразднована была въ Коблинскомъ замкѣ свадьба молодой Ганны. Старый Монтовтъ не пожалѣлъ казны и далъ за любимою дочкою богатый „посагъ“: тысячу копъ грошей литовскихъ наличными и на такую же сумму „выправу“, т. е. собственно приданое, состоявшее по обычаю того времени въ золотѣ, серебрѣ, „перлахъ“ (жемчугѣ) и „иншихъ клейнодахъ“, въ мѣдной и оловяной посудѣ, бѣльѣ и платьѣ, въ лошадяхъ, экипажахъ и иной движимости. Все это при особомъ „реестрѣ“ было вручено въ день свадьбы жениху, который согласно обычаю обязанъ былъ въ тотъ же день записать невѣстѣ „вѣно“ съ „привѣнкомъ“, т. е. денежную сумму въ два раза превышавшую стоимость приданаго, обезпечивъ эту

сумму третьей частью своихъ имѣній. Свадьба была сыграна съ соблюденіемъ всѣхъ мѣстныхъ волынскихъ обрядовъ и „звычаевъ“, весьма сходныхъ съ нынѣшнимъ ритуаломъ малорусскаго „весилья“. Въ день свадьбы женихъ прибылъ въ сопровожденіи „бояръ“ и привезъ невѣстѣ драгоцѣнный „вѣнецъ“ изъ крупнаго жемчуга съ „дияментами“, а она повязала его шелковою „хусткою“, расшитою золотомъ и жемчугомъ. На другой день, утромъ, едва невѣста-ребенокъ съ зардѣвшимся отъ смущенія лицомъ и калиновою вѣткою въ рукахъ показалась гостямъ, женихъ покрылъ ей голову бѣлымъ газовымъ „завитьемъ“ и возложилъ на шею золотую цѣпь: этимъ торжественно, предъ всѣми онъ свидѣтельствовалъ ея цѣломудріе и непорочность; послѣ чего гости поздравляли молодыхъ „по доброй ночи“ и подносили имъ дары. Независимо отъ этого князь Богушъ въ тотъ же день выдалъ женѣ дарственную запись, въ которой писалъ, что „взнавши по малжонцѣ своей милой княгинѣ Ганнѣ Монтовтовнѣ доброе, вѣрное и цнотливое въ еи паненствѣ заховань ку собѣ, ижъ она, яко зацного отца и почтивои матки своеи дочка, вышла, ни въ чомъ стану а особы паненства своего не нарушила, але все те, што доброй а цнотливой паненцѣ належало, мнѣ въ станъ святобливый малженскій принесла и оказала, а такъ я, познавши по ней, малжонцѣ моей милой княгинѣ Ганнѣ, такую вѣрность и учтивое заховань ку собѣ, а будучи тому вдяченъ не помалу, и съ тои вдячности моеи отцу еи великое подякованье мое вчинилъ, а ей, малжонцѣ моей милой, дарую и записую двѣстѣ золотыхъ угорскихъ“.

IV.

Брачная жизнь съ такимъ благодушнымъ мужемъ, повидимому, сулила счастье молодой Ганнѣ, но увы! дни счастья миновали скоро, и въ іюлѣ 1564 г. семнадцатилѣтняя княгиня осталась вдовою.

Наканунѣ смерти князь Богушъ, „милуючи“, какъ онъ писалъ, „малжонку свою милую и хотячи за вѣрные а цнотливые

послуги ее въ станѣ малженскомъ ласкою малженскою ее нагородити и во всемъ отъ приятель а кревныхъ убезпечити, ижъбы (чтобы) ей, малжонцѣ моей милой, по животѣ моемъ якои трудности не чинили", выдалъ ей нѣсколько дарственныхъ записей: на половину мѣстечка и замка Любча, на села: Рудку, Красную-Волю, Соловьино, Ставъ, Залѣсцы, Мыльско, Невольное, Левковичи, половину Лопатина и на все движимое имущество; сверхъ того выдалъ ей „заставную" (залоговую) запись въ 2000 копъ грошей на свои материнскія имѣнія: м. Хабное съ замкомъ и волостью, с. Бѣговичи, Гладковичи и на дворъ въ г. Овручѣ; словомъ, за исключеніемъ имѣній: Лешницы, Загородья, Остроглядовичъ и части въ г. Овручѣ, доставшихся сестрѣ Богуша княжнѣ Феннѣ, бывшей за п. Малхеромъ Носиловскимъ, все остальное его состояніе должно было перейти къ его вдовѣ. Въ самый день смерти князь Богушъ подписалъ „тестаментъ", т. е. духовное завѣщаніе, и въ присутствіи вознаго [1]) лично вручилъ его „до рукъ малжонки своеи, абы она не была ни въ чимъ порушона, якъ въ тыхъ (т. е. предыдущихъ) записехъ, такъ и въ потверженю ихъ тымъ тестаментомъ". По силѣ этого завѣщанія, молодая вдова вмѣстѣ съ оставленнымъ ей богатымъ наслѣдствомъ была поручена въ опеку своему отцу Яну Якубовичу Монтовту. Судя по той поспѣшности, съ какою послѣдній на другой же день послѣ смерти зятя предъявилъ въ луцкомъ гродскомъ судѣ означенныя записи, можно полагать, что въ нихъ не все писано было „зъ доброго умыслу и власнои воли" завѣщателя, а многое—и подъ диктовку тестя. Такое подозрѣніе высказывали впослѣдствіи родственники князя Любецкаго, упорно оспаривая права вдовы на наслѣдство.

Князь Богушъ выразилъ предсмертное желаніе быть погребеннымъ въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей [2]). Таковъ

---

[1]) Возными назывались чиновники, по кругу своихъ дѣйствій нѣсколько соотвѣтствующіе нынѣшнимъ судебнымъ приставамъ.

[2]) Вѣроятно, это былъ Пустынно-Никольскій монастырь, въ числѣ благодѣтелей котораго упоминаются нерѣдко Полозовичи, родственники по матери князя Богуша Любецкаго.

былъ обычай у тогдашнихъ православныхъ вельможъ, и церковные склепы Печерской Лавры и другихъ кіевскихъ обителей въ XVI—XVII ст. буквально были переполнены костями благочестивыхъ князей, знатныхъ пановъ и даже состоятельныхъ мѣщанъ, останки которыхъ перевозились изъ отдаленныхъ мѣстъ Волыни, Полѣсья и Бѣлоруссіи. Исполняя волю мужа, молодая вдова, въ сопровожденіи слугъ покойнаго, должна была совершить съ дорогимъ прахомъ трудный и далекій путь къ мѣсту вѣчнаго его упокоенія.

Медленно двигался печальный поѣздъ по сѣверной части волынскаго Полѣсья, гдѣ и въ настоящее время пути сообщенія не могутъ назваться удобными. Дорога почти непрерывно тянулась дѣвственными лѣсами, въ которыхъ безъ проводниковъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, легко было заблудиться. Препятствія встрѣчались на каждомъ шагу: то сломанное бурею дерево загораживало путь, то вдругъ неожиданно зіялъ впереди глубокій провалъ, размытый недавнимъ дождемъ. Днемъ кое-какъ подвигались впередъ, съ наступленіемъ же вечера дѣлали привалъ и всю ночь жгли костры, такъ какъ лѣсная глушь безпрерывно оглашалась волчьимъ воемъ и невдалекѣ слышенъ былъ по временамъ трескъ валежника подъ ногами медвѣдей и дикихъ кабановъ. Поселенія были крайне рѣдки; случалось, что на протяженіи сотни верстъ путники не встрѣчали живой души въ этихъ вѣковѣчныхъ „пущахъ“, а если иногда и показывался бродячій охотникъ или бортникъ, то при видѣ толпы вооруженныхъ всадниковъ въ страхѣ исчезалъ въ лѣсной чащѣ. По временамъ боръ прерывался, и на десятки верстъ тянулись топи и болота, поросшія тощимъ лозняком и не просыхавшія въ самую жаркую пору года. Здѣсь ѣзда становилась еще затруднительнѣе: лошади вязли въ трясинѣ, а миріады комаровъ и мошекъ тучами носились надъ людьми и животными и не давали имъ покоя. Вотъ наконецъ Горынь, а за ней Случъ и цѣлый рядъ другихъ рѣчекъ, пересѣкающихъ путь нашимъ странникамъ. Тутъ наступали для нихъ новыя заботы: нерѣдко въ цѣлой деревнѣ не находилось ни парома, ни даже лодокъ, годныхъ для переправы экипажей. Приходилось останавливаться и по нѣ-

скольку дней ждать, пока рубили лѣсъ и снаряжали надежный плотъ, на которомъ совершалась переправа.

Но вотъ поѣздъ вступилъ въ предѣлы овручскаго повѣта. Здѣсь мѣстность становилась все выше и суше, поселенія встрѣчались чаще, а главное—дальнѣйшій путь лежалъ по линіи, гдѣ находились имѣнія покойнаго князя Любецкаго. Въ каждой деревнѣ крестьяне толпами выходили встрѣчать гробъ бывшаго своего владѣльца, котораго ни разу не приходилось имъ видѣть при жизни, и съ почетомъ принимали его вдову, новую „дѣдичку". Такъ прибыли наконецъ въ м. Хабное [1]), которое, какъ мы знаемъ, записано было княземъ Богушемъ женѣ въ заставное владѣніе. Здѣсь княгиня Ганна разсчитывала остановиться на нѣсколько дней для отдыха и вмѣстѣ для того, чтобы принять въ управленіе богатую вотчину. Но едва она расположилась съ своей свитой въ Хабенскомъ замкѣ, какъ явился сюда п. Мальхеръ Носиловскій, зять князя Богуша, и настойчиво потребовалъ, чтобы княгиня немедленно оставила замокъ, угрожая въ случаѣ упорства удалить ее силою. Малочисленная свита княгини не осмѣлилась помѣряться силами съ толпою вооруженныхъ людей, предводительствуемыхъ Носиловскимъ,—и печальный кортежъ тронулся далѣе по направленію къ Кіеву.

V.

Утомленная долгой, трудной дорогой, удрученная обидой, какую передъ тѣмъ пришлось испытать ей, княгиня Ганна сильно нуждалась въ отдыхѣ. Похоронивъ мужа, она заѣхала на обратномъ пути изъ Кіева въ м. Черняховъ [2]) къ близкому пріятелю покойнаго пану Іосифу Немиричу. Немиричъ радушно пріютилъ у себя вдову пріятеля, а для компаніи ей и утѣшенія въ горестяхъ пригласилъ изъ Коростышева своего родственника, молодого Ивана Олизаровича, сына старосты чернобыльскаго

---

[1]) М. Хабное находится въ нынѣшн. радомысльскомъ у., на границѣ съ овручскимъ.

[2]) Нынѣ тоже мѣстечко въ житом уѣздѣ.

Олизара Волчковича, родоначальника нынѣшнихъ графовъ Олизаровъ. Олизаровичу понравилась интересная молодая вдова: онъ только что пріобрѣлъ тогда имѣніе Коростышевъ, и его очень соблазняла мысль, какъ хорошо было бы присоединить къ этому имѣнію тѣ многочисленныя маетности, которыя принадлежали уже юной несчастливицѣ и въ будущемъ должны были еще пріумножиться. Мысль эту Олизаровичъ открылъ Немиричу, который вполнѣ одобрилъ ее и обѣщалъ всѣми мѣрами содѣйствовать ея осуществленію. Приступили къ дѣлу. Какъ и слѣдовало ожидать, юная вдова не оказала большого сопротивленія соединенной атакѣ, направленной на ея слабую головку и легкомысленное сердце, и отважилась на какой-то весьма рѣшительный шагъ, почему Олизаровичъ считалъ себя въ правѣ титуловать Ганну Монтовтъ своею „малжонкою“ и хвалился впослѣдствіи, что имѣетъ отъ нея какія-то важныя записи. Что именно тогда произошло въ замкѣ Черняховскомъ: были ли молодые обвѣнчаны, или же только „змовлены“ и „заручены“, и какія именно записи невѣста выдала жениху, въ нашихъ матеріалахъ имѣются на это къ сожалѣнію одни лишь намеки.

Когда въ Коблинъ пришла вѣсть о томъ, что происходитъ въ Черняховѣ, старый Монтовтъ пораженъ былъ какъ громомъ. Онъ хорошо понималъ, что семнадцатилѣтняя вдова никакъ не справится съ новымъ своимъ положеніемъ, особенно же трудно было бы справиться ей въ роли владѣлицы многочисленныхъ имѣній, разбросанныхъ на значительныхъ пространствахъ и оспариваемыхъ родственниками покойнаго мужа. Хабенская исторія ясно показала это на дѣлѣ. Очевидно, нужно было искать поскорѣе для дочери жениха. И такой женихъ былъ у Монтовта уже на готовѣ; онъ хотѣлъ лишь выждать освященнаго обычаемъ полугодичнаго срока, въ теченіе котораго вдовѣ не подобало вступать въ новый бракъ. Женихомъ выбранъ былъ князь Василій Солтановичъ Сокольскій.

Старинная южно-русская фамилія князей Сокольскихъ если уступала въ чемъ князьямъ Любецкимъ, то только въ богатствѣ, но не въ знатности и древности рода [1]). Отецъ Василія, князь

[1]) Князья Сокольскіе были вѣтвью рода князей Четвертинскихъ, потомковъ рюриковичей.

Солтанъ Михайловичъ Сокольскій, не смотря на свое странное имя, человѣкъ православный, какъ и всѣ члены его рода, занималъ въ 1541—1544 гг. должность хорунжаго волынскаго. Родовымъ гнѣздомъ князей Сокольскихъ издревле было м. Соколь [1]) съ небольшой волостью, въ составъ которой входили села и деревни: Божевъ, Михлинъ, Трестенецъ, Холпневъ и Островъ; теперь эта родовая вотчина, раздѣленная между сыновьями Солтана, Василіемъ и Маркомъ, и двоюродными ихъ братьями, Максимомъ и Остафіемъ Васильевичами Сокольскими, оказывалась для нихъ слишкомъ тѣсною. Вотъ почему для князя Василія такая жена, какъ Ганна Монтовтовна, вдова и наслѣдница князя Любецкаго, являлась сущимъ кладомъ. Съ другой стороны и для Монтовта князь Василій былъ желаннымъ зятемъ: все-таки это былъ представитель стариннаго, хотя и захудалаго княжескаго рода, и ему гораздо болѣе пристало владѣть наслѣдіемъ и рукою вдовы князя Любецкаго, нежели какому-нибудь овручскому земянину Олизаровичу. Къ тому же князь Василій Сокольскій приходился близкимъ родственникомъ князьямъ Любецкимъ: его старшая сестра Олена Солтановна была замужемъ за княземъ Иваномъ Романовичемъ Любецкимъ, роднымъ дядею князя Богуша, и теперь, оставшись вдовою, проживала вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ Григоріемъ въ Соколѣ у своихъ братьевъ [2]). Эти родственныя отношенія давали Монтовту основаніе надѣяться, что, какъ скоро князь Василій Сокольскій станетъ его зятемъ, дѣло о наслѣдствѣ имѣніями Богуша Любецкаго, сулившее въ будущемъ много хлопотъ уладится само собою.

Неужели всѣмъ этимъ планамъ суждено разлетѣться прахомъ отъ легкомыслія дочери, которой вскружилъ голову какой-то Олизаровичъ! Нѣтъ, старый Монтовтъ никогда не допуститъ до этого! Вѣдь дочь отдана ему въ опеку и слѣдова-

[1]) Нынѣ м. *Сокуль*, луцк. у. на р. Стырѣ, недалеко отъ Любча.

[2]) Въ 1574 г. она вторично вышла замужъ за волынскаго земянина Василія Тяпинскаго, памятнаго въ исторіи книгопечатанія тѣмъ, что имъ заведена была гдѣ-то на Волыни типографія, изъ произведеній которой сохранилось лишь одно евангеліе, напечатанное въ два столбца на двухъ языкахъ: славянскомъ и южнорусскомъ. Экземпляръ этого евангелія хранится въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

тельно по закону не имѣетъ права безъ его вѣдома и согласія вступить въ бракъ. Какъ отецъ и опекунъ, онъ имѣетъ двойное право распорядиться судьбою дочери, и чтобы ни случилось тамъ, въ Черняховѣ, онъ настоитъ на своемъ и не отступитъ отъ слова, даннаго князю Сокольскому. Только бы вырвать какъ-нибудь легкомысленную вдову изъ рукъ Олизаровича! Но это ужъ дѣло жениха: кому же, какъ не ему, славному рыцарю, добыть свою невѣсту изъ рукъ соперника? Подобные романическіе эпизоды въ то время не были рѣдкостью не только въ быту князей и знатныхъ пановъ, но и среди простыхъ земянъ и бояръ.

И вотъ въ Коблинскомъ замкѣ и въ Соколѣ начались спѣшныя военныя приготовленія, точно собирались выступать противъ крымцевъ. Самъ князь Василій Сокольскій, правду сказать, былъ плохой воинъ, да и годы его были не тѣ, чтобы перспектива опаснаго дѣла могла пріятно волновать его остывшую душу; но у него былъ младшій братъ князь Марко, пылкая натура, только и мечтавшій о рыцарскихъ подвигахъ; да среди слугъ пана Монтовта, предоставленныхъ въ распоряженіе нареченному зятю для затѣянной экспедиціи, находилось не мало отчаянныхъ головъ, готовыхъ на самыя смѣлыя предпріятія.

Черезъ нѣсколько дней экспедиція была окончена. Князь Сокольскій благополучно возвратился въ Коблинъ и доставилъ Монтовту заблудшую дочь. Никто изъ его отряда не былъ убитъ, хотя не мало было раненныхъ; за то въ королевскомъ судѣ начатъ былъ процессъ по обвиненію князя Василія Сокольскаго съ помощниками въ *„кваптовномъ взятіи жоны Ивана Олизаровича* и забраньи всеи маетности его“. Какъ и гдѣ произошло это насильственное похищеніе,—въ Черняховѣ, Коростышовѣ, или въ иномъ мѣстѣ, а главное, какую роль въ этой исторіи играла лично княгиня Ганна,—объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ нашихъ источникахъ.

VI.

Какъ бы то ни было, но разъ прекрасная плѣнница была освобождена изъ рукъ околдовавшаго ее чародѣя, надо было немедленно же принять мѣры къ тому, чтобы онъ снова не овладѣлъ ею, если не чарами, такъ съ помощью королевскаго декрета. И вотъ 26 сентября того же 1564 г. старый Монтовтъ явился вмѣстѣ съ дочерью въ луцкій замокъ и заявилъ предъ гродскимъ урядомъ, что онъ, „зъ ласки и призрѣня Божого, змовилъ дочку свою Ганну въ малженство за князя Василя Солтановича Сокольского“, и при этомъ потребовалъ, чтобы послѣдняя въ присутствіи суда была спрошена: не обѣщала-ли она „зъ намовы або порады чиеи, або зъ милости (любви) своеи“, кому-либо другому своей руки, „або вже за кого ся не отдала?“ И стоя передъ урядомъ, Ганна заявила: „Я никгды (никогда) ни за кого въ малженство пойти не пошлюбовала а ни ся ни за кого не отдавала, одно жъ теперъ то собѣ вмыслила и позволяю съ правого умыслу сердца моего мѣти собѣ за малжонка его милость князя Василя Солтановича Сокольского, съ которымъ и животъ свой хочу доконати; яко жъ есми и передъ Паномъ Богомъ то его милости пошлюбовала его за малжонка собѣ мѣти[1])“. Понятно, что эта декларація, по лит. статуту вовсе необязательная для невѣсты, тѣмъ болѣе послѣ вѣнчанія, дѣлалась, такъ сказать, ad hominem, по адресу Олизаровича. Но вѣдь у послѣдняго, кромѣ словесныхъ обѣщаній, могли быть и формальные юридическіе документы, скрѣпленные именною печатью непостоянной красавицы, и по своему содержанію, можетъ быть, какъ разъ противные смыслу настоящей

---

[1]) Слѣдовательно, въ это время Ганна была уже обвѣнчана съ княземъ Сокольскимъ, не смотря на то, что со дня смерти перваго мужа ея прошло не болѣе двухъ мѣсяцевъ. По понятіямъ того вѣка, выходъ вдовы замужъ, „не высидѣвши по смерти мужа шести мѣсяцевъ, то есть полъроки“, почитался „свовольствомъ, запомненьемъ боязни Божои и права посполитого а встыду своего“, и за такой поступокъ вдова могла быть даже привлечена къ суду родственниками прежняго мужа. Въ данномъ случаѣ такая поспѣшность со стороны Ганны вызывалась единственно исключительностью условій, при которыхъ она вступала въ бракъ съ княземъ Сокольскимъ.

ся деклараціи. На такой случай дочь Монтовта по внушенію отца въ тотъ же день и передъ тѣмъ же судомъ занесла „плачливую“ жалобу слѣдующаго содержанія: будучи изгнана п. Носиловскимъ изъ м. Хабного и „не маючи ся где подѣти“, она пріѣхала въ домъ п. Немирича, „сподѣваючися на захованье (дружбу), которое мѣлъ зъ нимъ небощикъ“ мужъ ея, князь Богушъ Любецкій. „И будучи мнѣ въ дому его томъ, панъ Немиричъ, невѣдомо зъ якои причины, самъ черезъ себе и черезъ иные люде добрые почалъ намовляти а праве примушати мене до того, а быхъ я заручона была за его повиноватого (т. е. родственника), за пана Ивана Олизаровича; на што я не позволяючи, заразъ, яко могучи, ледве зъ дому Немиричова въехала, оставивши тамъ скрынку зъ листами и печать мою сребреную зъ гербомъ. Постерегаючи, абы съ того листы якие не показалися, а хотя бы ся въ кого и показали, абы жаднои моцы (силы) и вѣры мѣти не могли“, жалобщица просила судъ принять къ свѣдѣнію настоящее заявленіе ея, дабы въ случаѣ надобности она могла опереться на него.

Подобными юридическими фортелями кое-какъ обезпечивъ себя со стороны Олизаровича, новобрачная чета князей Сокольскихъ однако не особенно спокойно провела медовой мѣсяцъ, такъ какъ, кромѣ тяжбы съ Олизаровичемъ, приходилось ежеминутно опасаться всякаго рода непріятностей со стороны наслѣдниковъ князя Богуша Любецкаго.

Недѣли двѣ послѣ свадьбы князь Василій пригласилъ къ себѣ въ Соколь знатныхъ гостей: нареченнаго владыку луцкаго и острожскаго пана Марка Жоравницкаго, архимандрита жидичинскаго о. Іону, судью луцкаго Василія Бокія, хорунжаго волынскаго Михайла Сербина, писаря замковаго луцкаго Ѳедора Русина, да двоюроднаго своего брата князя Остафія Васильевича Сокольскаго. Стараго Монтовта не было въ то время на Волыни; онъ поѣхалъ къ королю по другимъ дѣламъ. За обѣдомъ рѣчь зашла между прочимъ объ Олизаровичѣ: что-то онъ намѣренъ предпринять въ своемъ забавномъ положеніи неудачника-мужа, о которомъ и пѣсня сложилась, какъ онъ „оженився-утратився, а жинкы катъ-мае?“... Недавно возвратившій-

ся изъ Варшавы панъ хоружій сообщилъ, что видѣлъ тамъ Олизаровича, прибывшаго съ намѣреніемъ жаловаться самому королю на князя Сокольскаго и хвалившагося, будто онъ имѣетъ какія-то записи на любецкое имѣніе. Вѣсть эта видимо смутила хозяевъ, и гости принялись всячески успокаивать ихъ. Кто-то изъ гостей подалъ совѣтъ, чтобы молодая княгиня записала любецкое имѣніе въ даръ своему мужу: Олизаровичу труднѣе будетъ вырвать его изъ вторыхъ рукъ. Совѣтъ былъ одобренъ присутствовавшими юристами. Спросили мнѣніе самой княгини; она несмѣло замѣтила, нельзя ли отложить это дѣло до возвращенія ея отца; но когда ей возразили, что надо торопиться, она отвѣтила, что согласна на все. Замковый писарь п. Русинъ тутъ же составилъ текстъ дарственной записи, которую всѣ присутствовавшіе скрѣпили подписями и печатями, а на другой день запись была предъявлена суду и внесена въ актовыя книги. „Я Ганна Монтовтовна“, стояло въ этой записи, „княгиня Василевая Солтановича Сокольская чиню вѣдомо: узнавши ку собѣ вѣрную милость и великое добродѣйство и учтивое захованье малжонка моего князя Василя Солтановича Сокольского и хотячи еще собѣ у его милости склоннѣйшую милость, ласку и приязнь болшую напредъ мѣти, а зъ особливои милости своеи, которую къ нему, малжонку моему милому, маю, даю, дарую на вѣчные часы и заразъ въ моцъ и въ держанье подаю ему все имѣніе мое Любецкое, што зъ ласки и милости небожчика князя Богуша Любецкаго, першого малжонка моего, за почтивые а вѣрные службы мои мѣла. А естлибы Панъ Богъ, зъ ласки своеи святои, мнѣ зъ малжонкомъ моимъ милымъ княземъ Василемъ потомство сплодити дати рачилъ, тогды его милость отъ того потомства тыхъ имѣней Любецкихъ отдаляти а ни отписовати не маетъ“.

Увы! Великодушный даръ любящей супруги не стоилъ бумаги, на которой былъ записанъ: спустя короткое время, тотъ же самый Мальхеръ Войтеховичъ Носиловскій, что раньше выгналъ княгиню Ганну изъ хабенскаго замка, вооруженною рукою отобралъ и любецкія имѣнія, за что князь Василій съ женою позвалъ его къ суду.

VII.

Чего опасались Сокольскіе, то и случилось. Спустя шесть недѣль послѣ брака, въ одно не особенно прекрасное ноябрьское утро пріѣхалъ въ Соколь королевскій дворянинъ Богушъ Васильевичъ Древинскій и вручилъ князю Василію: а) „мандатъ“, т. е. позовъ къ королевскому суду по дѣлу „о квалтовномъ взятьи жоны пана Олизаровича и о забраньи всеи маетности его“, и б) королевскій „заручный листъ“, воспрещающій князю Василію впредь посягать на жизнь и здоровье п. Олизаровича и его слугъ подъ „зарукою“ 10,000 копъ грошей, т. е. подъ угрозою взысканія этой суммы въ случаѣ нарушенія означеннаго запрещенія. Въ то время чиновники, развозившіе подобныя бумаги, обыкновенно были принимаемы какъ незванные гости, о которыхъ сложилась поговорка, что они „горше татаръ“: храбрецы и буяны встрѣчали ихъ какъ враговъ и чинили надъ ними всякія насилія [1]), люди же малодушные обыкновенно прятались отъ нихъ, куда попало, причемъ нерѣдко происходили весьма комическія сцены. Князь Василій Сокольскій принадлежалъ къ людямъ послѣдней категоріи: завидѣвъ входившаго къ нему въ домъ королевскаго дворянина въ сопровожденіи вознаго и понятыхъ, онъ вздумалъ было дать стречка; но гость окликнулъ хозяина въ сѣняхъ, когда тотъ старался ускользнуть въ противоположную дверь (сѣни были проходныя), и смущенному хозяину ничего не оставалось дѣлать, какъ пригласить гостей въ „свѣтлицу“. Съ подобающимъ почтеніемъ выслушавъ королевскіе листы и получивъ съ нихъ копіи, князь Василій отвѣтилъ, что въ точности исполнитъ „господарскую“ волю и въ назначенный четырехъ-недѣльный срокъ самъ лично станетъ и жену „поставитъ“ на судъ его королевской милости.

---

[1]) Особенно доставалось возным: ихъ часто сажали въ заключеніе, травили собаками, били кіями, принуждая взять обратно суд. позвы; бывало и такъ, что доставленными позвами затыкали ротъ возному и съ кіемъ въ рукахъ заставляли несчастнаго съѣдать ихъ. Вотъ почему возные рѣдко осмѣливались лично вручать позвы завѣдомымъ буянамъ, а втыкали ихъ „у ворота“, сами же поспѣшно уходили прочь.

Срокъ этотъ наступилъ, а князь Сокольскій и не думалъ приводить въ исполненіе даннаго обязательства; вмѣсто того онъ послалъ увѣдомленіе о болѣзни жены, якобы препятствующей ей пуститься въ далекій путь. Вѣроятно, противная сторона имѣла данныя сомнѣваться въ правдивости этого заявленія и настояла на томъ, что король командировалъ одного изъ своихъ дворянъ съ нарочитымъ порученіемъ лично освидѣтельствовать состояніе здоровья княгини Сокольской. По этому поводу произошелъ эпизодъ настолько забавный, что мы, въ виду его характерности, не можемъ не воспроизвести его, придерживаясь возможно ближе источника.

Это было въ январѣ 1565 г. Королевскій дворянинъ Якимъ Любецкій пріѣхалъ въ Соколь и вручилъ князю Василію открытый королевскій листъ, въ которомъ подробно было объяснено данное ему порученіе. Князь видимо былъ приготовленъ къ пріѣзду гостя, учтиво принялъ отъ него листъ и по прочтеніи отвѣтилъ:

„Я воли и росказаню его королевскои милости противенъ быти не хочу. Твоя милость до малжонки моеи, до свѣтлочки тои, где она хора лежитъ, пойди и росказаню господарскому досыть чини“.

Дворянинъ въ сопровожденіи вижа и понятыхъ пошелъ за княземъ въ указанную ему „свѣтлочку“ и нашелъ тамъ княгиню „на ложку лежачую и стогнучую“. Въ комнатѣ царилъ таинственный полумракъ, настолько сильный, что вошедшіе едва могли различать предметы, такъ какъ оконныя ставни были полузакрыты. Не приступая къ экспертизѣ, недовѣрчивый чиновникъ прежде всего потребовалъ, чтобы открыли ставни. Когда это было сдѣлано, онъ подошелъ къ больной и началъ всматриваться въ ея лицо, а затѣмъ, обращаясь къ вижу и понятымъ, сказалъ:

„Есть княгиня Василевая Сокольская шефраномъ на обличью натерта! Потреба, хустку змочивши водою, по твари (лицу) ей потерти, досвѣтчаючи, чи есть на ней шефранъ?“

Услышавъ это, князь вспыхнулъ и сталъ энергично опровергать подозрѣніе дворянина; но присутствовавшая здѣсь сестра его Олена, вдова по князѣ Иванѣ Любецкомъ, созналась:

„Правда, ижъ (что) мы ее, невѣстку нашу княгиню Ганну, змывши зъ оцтомъ, шефраномъ тварь и руки ей намазали, але тое учинили есмо для млости еи“ (т. е. слабости и дурноты).

— „Я пакъ самъ не вѣдаю, што ей тутъ за раду давали!“ пробормоталъ смущенный супругъ.

Но дворянинъ попрежнему настаивалъ на томъ, чтобы дали воды, намѣреваясь омыть княгинѣ лицо и отказываясь безъ того приступить къ дальнѣйшей медицинской экспертизѣ. Тогда мужъ вмѣстѣ съ сестрами принялся самъ изслѣдовать больную на глазахъ чиновниковъ: щупалъ ей пульсъ, „до уха еи ся прихилялъ“. Ничто не помогало: упрямый дворянинъ не переставалъ требовать воды и „хустки“.

„Ты, пане дворянине, болшей ся не домышляй (т. е. не выдумывай пустяковъ)!“ вскричалъ выведенный изъ терпѣнія князь и послалъ закрыть ставни. Королевскій чиновникъ поднялся съ мѣста и вышелъ изъ комнаты, отказываясь отъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Хозяинъ спохватился, что сдѣлалъ промахъ, догналъ его въ сѣняхъ и сталъ упрашивать:

„Вернись, пане дворянине! Жона моя будетъ омыта!“

Тотъ не хотѣлъ слушать ничего.

„Вернись и принаймней ѣжъ у мене хлѣба!“

Дворянинъ подумалъ и не рѣшился оскорбить гостепріимнаго хозяина отказомъ; однако, откушавъ хлѣба соли, онъ все таки отказался продолжить изслѣдованіе и ушелъ ночевать въ село, „до господы“ (на квартиру).

Утромъ на другой день дворянинъ заѣхалъ на дворъ къ Сокольскому, чтобы взять съ собою вижа, остановившагося ночевать здѣсь. Вышелъ къ нему самъ князь и сталъ упрашивать зайти къ больной.

„Малжонка моя вже есть омыта, яко-сь повѣдилъ вчора: шефраномъ натерта; ино твоя милость пойди и смотри“.

Снова всѣ пошли „до свѣтлочки“. Тамъ не было уже вчерашняго полумрака, но княгиня попрежнему лежала „на ложку“ и „стогнала“. Лицо ея не было такимъ желтымъ, какъ наканунѣ; но всѣ замѣтили, что она была „барзо блида и на обличью спала“. Дворянинъ обратился къ ней съ вопросомъ:

„Повѣдай ми, оспоже княгине, на што бы твоя милость хвора быти мѣла и на якую хворобу?“

— „Болшей нижли шести недѣль не могу и въ постели лежу; а тое ся стало ми за збитьемъ зъ воза и выбитьемъ ребра, ажъ и до того часу естемъ обложною хоробою [1]) вся хвора“, слабымъ голосомъ отвѣтила больная.

Видя, что дѣло принимаетъ благопріятный оборотъ, князь Василій, для большей убѣдительности экспертовъ, обратился къ женѣ съ такимъ воззваніемъ:

„Прошу, абы ты, не оглядаючи на жадную боязнь а ни мнѣ фолкгуючи (мирволя), одно справедливе повѣдила тому посланцу господарскому, который на то есть высланъ: чи есь правдиве хвора? и на тотъ рокъ (срокъ судебный) ку его королевской милости до Петрокова чи можешъ ѣхати?“

— „Якъ перво пану дворянину повѣдила“, отвѣчала больная, „такъ и теперъ то повѣдаю, иж-емъ есть съ призрѣня Божого правдиве хвора, и быхъ здорова была, не мала быхъ ся кого въ томъ бояти и выстерегати. Не только ѣхати, але и зъ ложка рушитися не могу“.

На томъ экспертиза окончилась.

Дворянинъ остался отобѣдать. Онъ уѣхалъ почти убѣжденный въ томъ, что княгиня точно больна, и лишь не зналъ, что думать объ эпизодѣ съ шафраномъ; а находившійся при немъ вижъ въ тотъ же день подробно донесъ суду обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ.

На этотъ разъ Сокольскимъ удалось отсрочить непріятную явку въ королевскій судъ, но совсѣмъ избѣжать ея они не могли. Назначенъ былъ новый срокъ, и князь Василій съ женою отправились въ Петроковъ, гдѣ въ то время находился дворъ, прожили тамъ „колькопадцать“ недѣль, издержали „на справу и на иншие потребы“ нѣсколько сотъ грошей и, потерявъ надежду на благопріятный исходъ судебнаго дѣла, заключили съ п. Олизаровичемъ мировую сдѣлку, уплативъ ему до-

[1]) „Обложная хороба“—всякая болѣзнь, удерживающая больного въ постели.

бровольно 1200 копъ грошей, за что онъ навсегда отрекся отъ своихъ якобы „маляженскихъ“ правъ на особу княгини Ганны.

Такъ же неудаченъ былъ и процессъ, начатый Сокольскими съ п. Носиловскимъ изъ-за любецкихъ имѣній. Проживъ „часъ не малый“ въ Вильнѣ и убѣдившись, что дѣло ихъ въ юридическомъ отношеніи безнадежно, они согласились передать его на рѣшеніе „пріятелей“, выбранныхъ каждою изъ сторонъ въ одинаковомъ числѣ. Полюбовные судьи присудили такъ, что всѣ имѣнія князя Богуша Любецкаго, какъ незаконно отчужденныя имъ въ пользу бездѣтной своей жены, помимо прямыхъ наслѣдниковъ, должны считаться собственностью его сестры Фенны Носиловской, а эта послѣдняя обязана уплатить своей бывшей невѣсткѣ 2700 копъ грошей литовскихъ. Какъ ни мало выгодно было для Сокольскихъ такое рѣшеніе, но имъ надоѣло „правоватися“, и потому Сокольскіе готовы были на все, лишь бы только какъ-нибудь развязаться съ судебною волокитою, которой не предвидѣлось конца.

VIII.

Прошло еще два года. Княгинѣ Ганнѣ едва исполнилось двадцать лѣтъ, какъ она вторично должна была одѣться въ „жалобное“ платье и оплакивать благодушнаго своего мужа, князя Василія Солтановича Сокольскаго. Добрый, хотя нѣсколько слабохарактерный, онъ заслужилъ ея слезы, и если Ганна, быть можетъ, не вполнѣ была довольна своею жизнью въ Соколѣ, особенно въ послѣднее время, то виною тому былъ не столько мужъ, сколько его мать и сестры. Старуха-свекровь Ганны, княгиня Олена Сокольская, была, что называется, женщина стараго покроя. Она строго хранила старинныя преданія своего рода, была очень набожна, ревниво берегла старо-русскіе обычаи, ни слова не умѣла по польски,—и естественно не долюбливала молодой невѣстки, считая ее „ляхивкою“; такъ же относились къ Ганнѣ и ея золовки, воспитанныя въ понятіяхъ матери. Въ первое время онѣ старались снисходительно относиться

къ ея иновѣрію и „ляшскимъ звычаямъ“, помня о тѣхъ богатствахъ, какія Ганна внесла въ ихъ домъ; но послѣ неудачнаго исхода процесса о наслѣдствѣ князя Любецкаго у нихъ не было болѣе причинъ сдерживать природную антипатію къ ней, какъ къ женщинѣ иной вѣры, чужого племени и воспитанія. При томъ же, въ ихъ глазахъ она не заслуживала уваженія и потому еще, что не выполнила провиденціальнаго предназначенія жены—не дала потомства своему мужу, а это по тогдашнимъ понятіямъ было явнымъ знакомъ неблаговоленія небесъ къ супружеству.

Зная объ этихъ отношеніяхъ, князь Василій, умирая, завѣщалъ младшему брату Марку не дозволять никому обижать его жену, не препятствовать ей до выхода замужъ пользоваться третьей частью его имѣній, па которой онъ записалъ ей вѣно, а когда она захочетъ выйти замужъ, выдать ей тысячу копъ грошей вѣна и возвратить все ея приданое.

За кого же въ третій разъ пойдетъ замужъ наша героиня, вдова двухъ князей? Конечно, и теперь не будетъ недостатка въ искателяхъ руки, но все это будутъ женихи, какъ выражаются поляки, podlejszego gatunku сравнительно съ прежними. Дѣло въ томъ, что имущественное положеніе княгини Ганны было уже далеко не то, что послѣ смерти перваго мужа. Многочисленныя имѣнія, записанныя ей княземъ Любецкимъ, всѣ отошли отъ нея въ руки его родственниковъ: одни отобраны были силою, другія—па основаніи судебныхъ декретовъ, а за третьи пришлось лишь получить ей денежный выкупъ. Правда, она по прежнему считалась собственницею имѣній, записанныхъ ей отцомъ еще при ея рожденіи; но вѣдь имѣнія не раньше перейдутъ въ ея руки, какъ лишь по его смерти; а это когда-то еще будетъ! Да вѣдь и невѣдомо, перейдутъ ли они къ ней когда-нибудь? Дѣйствительно, старый Монтовтъ недавно еще женился на склонѣ дней своихъ на молодой женщинѣ, княжнѣ Варварѣ Александровнѣ Порыцкой, представительницѣ хотя и захудалаго, но древняго и знатнаго княжескаго рода, единокровнаго съ домами князей Збаражскихъ, Вишневецкихъ и Воронецкихъ. И какъ рѣшились выдать ее за такого стараго

сумасброда! Она можетъ обольстить его молодыми ласками, а старикъ возьметъ да и запишетъ ей все состояніе! Съ чѣмъ тогда останется вдова двухъ князей, уродившаяся „во всѣхъ подобенствахъ“ въ своего отца? Все, чѣмъ Ганна владѣла въ данное время, это была богатая движимость, подаренная ей первымъ мужемъ и увеличенная при второмъ, да еще наличный капиталъ, образовавшійся изъ выкупной платы за отошедшія имѣнія, съ прибавленіемъ къ тому вѣна втораго мужа. Конечно, и съ такимъ приданымъ можно бы сдѣлать приличную партію, только хорошаго-то жениха и въ то время надо было поискать; да искать его было некому. Первыхъ двухъ мужей нашелъ ей отецъ; но ему теперь было не до того: старый Монтовтъ до такой степени отдавался супружескому счастію въ объятіяхъ молодой жены, что едвали даже помнилъ о существованіи дочери. Когда она вторично овдовѣла, онъ даже не взялъ ее въ свой домъ, а оставилъ жить въ Соколѣ, въ домѣ деверя, князя Марка Сокольскаго. Конечно, послѣдній въ качествѣ ближайшаго родственника также не отказался бы найти ей приличнаго жениха; но онъ навѣрное выберетъ своего земляка и единовѣрца, а ей и безъ того памятно, что значитъ жить въ русинской „схизматицкой“ семьѣ, соблюдать „хлопскіе“ обычаи и слышать вѣчные попреки на счетъ ея „ляхивства“. Нѣтъ, ужъ лучше она сама выберетъ себѣ мужа по душѣ, по своему „умыслу“, и непремѣнно поляка или литвина, только бы не русина!

Такой женихъ скоро нашелся.

Это былъ нѣкто Казимиръ Ледницкій, шляхтичъ изъ сѣрадскаго воеводства, типичный представитель того сорта польскихъ выходцевъ, съ которымъ мы уже раньше познакомили читателя. Впервые мы встрѣчаемъ Ледницкаго на Волыни въ 1565 г. въ качествѣ слуги у п. Фальчевскаго, родственника бывшаго бискупа луцкаго, затѣмъ онъ является урядникомъ въ одномъ изъ имѣній Фальчевскаго, причемъ затѣваетъ безпрестанныя ссоры и драки съ сосѣдними владѣльцами, за что одинъ изъ нихъ, п. Петръ Борзобогатый, покушается убить его „якъ пса“, а князь Дмитрій Козѣка обзываетъ его „нечистого ложа

сыномъ", не признаетъ за нимъ шляхетскаго достоинства и также грозитъ ему „шибеницею". Въ 1567 г. Ледницкій сближается съ такимъ же авантюристомъ, какъ и самъ, только покрупнѣе, съ п. Станиславомъ Граевскимъ, и тотъ переуступаетъ ему заставное право на имѣніе совмѣстно ими одураченнаго луцкаго земянина Ѳедора Бѣлинскаго, дер. Любинъ. Едва переселился Ледницкій въ это имѣніе, какъ сосѣдка, земянка Раина Тупичевская, позвала его въ судъ по обвиненію въ томъ, что онъ изнасиловалъ ея дворовую дѣвушку Вивдю, затѣмъ выкралъ ее и обратилъ въ свою наложницу. Далѣе мы видимъ Ледницкаго арендаторомъ имѣнія Бруховичъ, при чемъ крестьяне жалуются, что, когда имѣніе перешло въ другія руки и аренда Ледницкаго должна была прекратиться, то онъ безжалостно ограбилъ ихъ до тла. Помимо службы у пановъ и арендованія имѣній, Ледницкій занимался также адвокатурою и даже въ одно время состоялъ королевскимъ „мѣрчимъ" (т. е. межевщикомъ) на Волыни, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ обладалъ нѣкоторымъ образованіемъ. О томъ же свидѣтельствуетъ отчасти и фактъ принадлежности Ледницкаго къ протестантскому исповѣданію, которое въ то время въ Польшѣ находило своихъ послѣдователей преимущественно въ рядахъ людей образованныхъ.

Старый Монтовтъ со времени женитьбы на княжнѣ Порыцкой сталъ совершенно равнодушенъ къ судьбѣ дочери и апатично относился къ дѣлу сватовства на ней Ледницкаго; за то родные бывшаго ея мужа, князья Сокольскіе, употребляли всѣ усилія, чтобы отговорить ее отъ задуманнаго брака, не скрывали отъ нея неприглядныхъ чертъ характера ея жениха, рисовали въ мрачныхъ краскахъ будущую ея супружескую жизнь. Ничто не помогало. Едва удалось настоять на томъ, чтобы Ганна Сокольская выждала по крайней мѣрѣ „пристойне звыклый" траурный срокъ, а не поторопилась бы такъ, какъ въ предыдущій разъ, не успѣвъ износить даже башмаковъ, въ которыхъ шла за гробомъ прежняго мужа.

Но вотъ положенный срокъ миновалъ, и днемъ свадьбы назначено было воскресеніе 20 февраля 1569 года. Вѣнчанье

должно было происходить въ Соколѣ, въ домѣ, за неимѣніемъ по близости костела. Съѣхалось много гостей, только старый Монтовтъ не прибылъ, а прислалъ вмѣсто себя одного изъ слугъ. И вотъ въ тотъ моментъ, когда невѣста готовилась подойти къ аналою, ее остановилъ князь Марко Сокольскій, явившійся въ сопровожденіи урядового вознаго и понятыхъ, и громкимъ голосомъ предъ лицомъ всѣхъ присутствовавшихъ обратился къ ней съ такими словами:

„Оспоже княгине невѣстко! Прошу твою милость, ознайми передъ вознымъ, передъ всими приятели моими и твоими: чи твоя милость идешъ замужъ за пана Ледницкого за намовою моею, або тежъ и за примушеньемъ якимъ?“

Между присутствовавшими, большинство коихъ состояло изъ родственниковъ и пріятелей князей Сокольскихъ, послышалось одобреніе словамъ князя Марка. Они, конечно, знали весь ходъ дѣла и находили этотъ торжественный опросъ далеко не лишнимъ. Невѣста вспыхнула вся при словахъ Марка и, гордо поднявъ голову, отвѣтила не безъ раздраженія:

— „Коли я теперъ иду въ малженство за пана Ледницкого, то не за жаднымъ примушеньемъ а ни за намовою вашои милости, княже деверю, одно по доброй воли своей а за позволеньемъ отца моего. Ведже (однако), хотя бысь мя ваша милость хотѣлъ въ томъ гамовати (удерживать), теды мя ваша милость, княже деверю, вгамовати не можешъ, бо ми отецъ мой на то позволилъ. А естли же о бочку меду або о хлѣбъ ти идетъ, што тутъ его зъедятъ на тотъ часъ приятели пана моего, который ми маетъ быти малжонкомъ,—я его могу индей где въ приятеля моего достати“.

Князь Марко вполнѣ былъ удовлетворенъ отвѣтомъ невѣстки и только пригласилъ вознаго и понятыхъ запомнить хорошо то, что они сейчасъ слышали. Да, теперь онъ могъ бы потребовать воды и по примѣру Пилата предъ всѣми умыть руки. Отнынѣ пусть будетъ, что будетъ; но по крайней мѣрѣ никто не можетъ попрекнуть князей Сокольскихъ, будто они равнодушно допустили „занапастить“ молодой вѣкъ своей невѣстки, или даже, что еще хуже, сами привели ее къ тому.

Въ тотъ же часъ бывшая княгиня въ четвертый разъ повторила супружескіе обѣты и отнынѣ стала титуловаться просто „панею Казимеровою Ледницкою“.

IX.

Послѣ брака молодые поѣхали въ Коблинъ, къ тестю. Старый Монтовтъ принялъ ихъ ласково, хотя сдержанно: за то молодая жена его встрѣтила довольно сухо падчерицу, свою ровесницу, а что касается ея мужа, то гордая княжна едва выносила его присутствіе за однимъ столомъ. Подъ предлогомъ болѣзненнаго состоянія супруга-старца, на окружила его такимъ неусыпнымъ надзоромъ, что дочь и зять могли видѣться съ нимъ не иначе, какъ только въ ея присутствіи.

Послѣ первыхъ дней гощенія Ледницкій издалека завелъ рѣчь съ тестемъ о необезпечности своего положенія и сталъ просить, чтобы тотъ уступилъ своей дочери по крайней мѣрѣ тѣ имѣнія, на которыхъ записано вѣно ея матери. Монтовтъ сухо отвѣтилъ, что послѣ его смерти дочь сдѣлается наслѣдницею почти всего его состоянія, а до тѣхъ поръ онъ хочетъ оставаться полнымъ владѣльцемъ своей отчины; на замѣчаніе же зятя, что пока имъ негдѣ даже жить, такъ какъ ни у него, ни у жены нѣтъ недвижимой собственности, тесть согласился подарить имъ домъ въ Луцкѣ, но съ условіемъ, чтобы зять обязался вести въ судахъ его дѣла, обѣщая вознаградить его за то по своему усмотрѣнію.

И вотъ молодые супруги поселились въ Луцкѣ. Не прошло года, какъ члены магистрата луцкаго: лантвойтъ, бурмистры и радцы занесли жалобу, что Ледницкій посягаетъ на ихъ особы и грозитъ лишить ихъ здоровья и даже жизни.

Случилось какъ-то Ледницкому по дѣламъ тестя побывать въ Вильнѣ. По пути онъ разыскалъ дядей своей жены пановъ Мацковичей и добылъ отъ нихъ подлинную дарственную запись Яна Монтовта, выданную на имя малолѣтней Ганны еще въ 1547 году. Воспользовавшись однажды пріѣздомъ тестя въ Луцкъ,

онъ упросилъ его подтвердить эту запись и вторично внести ее въ судебныя книги. Старикъ пріѣхалъ одинъ, безъ жены, былъ отлично принятъ зятемъ и дочерью, и долженъ былъ уступить ихъ просьбамъ. Послѣ этого Ледницкій вздохнулъ спокойнѣе; но не надолго.

Въ октябрѣ 1570 года прошли слухи, что старый Монтовтъ боленъ, почти при смерти, и что онъ выдалъ какія-то записи своей женѣ на имѣнія. Встревоженный Ледницкій послалъ жену справиться, что дѣлается въ Коблинѣ. Та возвратилась и сообщила, что въ Коблинъ съѣхалось много родственниковъ ея мачехи: князья Вишневецкіе, Воронецкіе, Збаражскіе, что отецъ дѣйствительно боленъ, но ея даже не допустили къ нему подъ предлогомъ, чтобы не тревожить больнаго, и что на вопросъ ея относительно записей мачеха отвѣтила, будто ей ничего объ этомъ неизвѣстно. Идетъ Ледницкій въ замокъ, къ подстаростѣ— а тамъ сидитъ князь Александръ Вишневецкій и вписываетъ въ актовыя книги: а) дарственную запись Яна Монтовта женѣ своей княжнѣ Варварѣ Порыцкой на имѣнія: Млыновъ, Хорупанъ, Кобаковщину, Пекаловъ, Озліевъ, Ужинець и Беневщину въ вѣчное владѣніе на правахъ собственности, съ устраненіемъ дочери своей Ганны отъ наслѣдственныхъ правъ на эти имѣнія и съ наложеніемъ на нее заруки 6,000 копъ грошей въ томъ случаѣ, еслибы она вздумала оспаривать силу этой записи; б) его же дарственную запись женѣ на право „доживотья“, т. е. пожизненнаго владѣнія другими его имѣніями: м. Коблиномъ съ замкомъ, с. Подгайцами и Оршичиномъ, на коихъ онъ раньше записалъ ей вѣно съ привѣнкомъ въ суммѣ 4000 копъ грошей; в) дарственную запись ей же на все движимое имущество; и г) дарственную запись, выданную Варварою Монтовтовою княжною Порыцкою, по которой она, „маючи увагу на особливую ласку и милость“ со стороны мужа къ ней, „жонѣ а служебницѣ своей“, и желая его за то посильно „отдячити“, съ своей стороны даритъ ему свое вѣно и всѣ тѣ имѣнія и „речи рухомые“, которыя онъ только что записалъ ей „на вѣчность“,—но какъ даритъ? „еслибы Панъ Богъ на мене первей смерть допустити рачилъ, ижъ быхъ я первей, нижли онъ, зъ сего свѣта зошла“,

въ такомъ случаѣ онъ долженъ наслѣдовать и тѣ имѣнія, и все вѣно и „внесенье“ (приданое) ея. Замѣтьте, это говоритъ молодая женщина о старцѣ, лежащемъ на смертномъ одрѣ! Это— одинъ изъ рѣдкихъ образцовъ документальнаго лицемѣрія въ XVIст.

Какъ увидѣлъ Ледницкій эти записи, такъ у него и въ глазахъ потемнѣло. Онъ требуетъ у подстаросты вознаго, беретъ съ собою жену, пріятелей и скачетъ въ Коблинъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тутъ кроется предательская интрига со стороны княжны Порыцкой и ея родственниковъ, что умирающій старикъ навѣрное ничего не знаетъ объ этихъ запискахъ,— и спѣшилъ всенародно изобличить наглыхъ фальсификаторовъ. Стремительно ворвался онъ въ комнату больнаго, въ сопровожденіи вознаго и свидѣтелей, и задыхающимся голосомъ обратился къ старцу:

„Пане тестю! Ознайми мнѣ передъ вознымъ и передъ шляхтою, людьми добрыми: чи то за волею а вѣдомостью твоеи милости дѣется великая кривда дочцѣ твоеи милости а малжонцѣ моей?“

И онъ передалъ тестю содержаніе записей, какія отъ его имени предъявлены уже въ луцкомъ урядѣ, припомнилъ ему и ту запись, какую двадцать четыре года назадъ онъ выдалъ своей дочери и еще недавно самъ вторично подтвердилъ ее передъ урядомъ, напомнилъ и о томъ, что эта дочь, какъ единственный „потомокъ“ его, по всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ должна оставаться полною и единственною наслѣдницею всей „дѣдизны и отчизны своей“.

Умирающій старикъ, весь „спухлый“,—онъ страдалъ водянкою,—лежалъ съ закрытыми глазами и, казалось, плохо слышалъ страстную рѣчь зятя и плачъ дочери. Наконецъ онъ открылъ глаза и едва слышнымъ голосомъ промолвилъ:

— „Естли-мъ которые записы учинилъ, тые ся покажутъ, коли теперъ съ того свѣта зыйду“,—и снова закрылъ глаза.

Такъ и уѣхалъ Ледницкій, не добившись разъясненія неопредѣленнаго отвѣта, но на всякій случай потребовалъ, чтобы возный записалъ въ судебныя книги точное донесеніе обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

X.

Ровно черезъ недѣлю послѣ описаннаго, въ Коблинѣ происходили торжественныя похороны Яна Монтовта. Съѣхалось много знати, друзей и родственниковъ покойнаго, а еще больше его жены. Пріѣхали князья Вишневецкіе: Андрей, каштелянъ волынскій, и Константинъ Ивановичи, родные братья знаменитаго героя князя Дмитра-Байды, незадолго предъ тѣмъ погибшаго въ Цареградѣ, и двоюродный ихъ братъ князь Александръ Александровичъ Вишневецкій; пріѣхалъ князь Миколай Андреевичъ Збаражскій, староста кременецкій, и его сынъ Янушъ; прибыли князья Воронецкіе: Якубъ Юрьевичъ, пробощъ Ласскій и Скерневицкій, что былъ впослѣдствіи бискупомъ кіевскимъ; и его двоюродный братъ князь Матушъ Войничъ Воронецкій, пріѣхалъ родной братъ Монтовтовой, князь Александръ Александровичъ Порыцкій съ матерью. Тутъ же находился князь Романъ Ѳедоровичъ Сангушко, знаменитый гетманъ литовскій, князья Гольшанскіе-Дубровицкіе и много другихъ знатныхъ пановъ.

Похороны совершалъ бискупъ луцкій Янъ Андрушевичъ со всею капитулою. Во время отпѣванія, передъ тѣмъ, какъ нужно было опустить гробъ въ могилу, по обычаю того времени былъ прочтенъ вслухъ „тестаментъ“ покойнаго: „Во имя святои и живоначальнои Тройцы станься, аминь. Я Янъ Якубовичъ Монтовтъ ознаймую и чиню явно всимъ посполито, кому того потреба будеть вѣдати, што жъ зъ навѣженя Божого будучи ми хорымъ и розумѣючи, то, ижъ кождый человѣкъ есть смертельный,—который ся на свѣтъ народилъ, тотъ и умретъ,—и чуючи то, ижъ съ тои хворобы живъ не могу быти, а будучи еще въ доброи памяти, цѣломъ и зуполномъ розумѣ, хочу ознаймити остатнюю волю свою не на словахъ только, што зъ часомъ съ памяти людскои сплываетъ, але на писмѣ. Наперед, душу свою поручаю и даю въ руки Богу Сотворителю, въ Тройцѣ единому, а тѣло маетъ малжонка моя милая Барбара Александровна княжна Порыцкая, якъ найрихлей (найскорѣе) на старомъ мѣстѣ (городѣ) въ Коблинѣ костелъ збудовавши, по-

гребсти зо всѣми церемоніями ведлугъ закону римского". Опекунами вдовы назначались князья Константинъ и Александръ Вишневецкіе. Далѣе слѣдовало подтвержденіе вѣна княжны Порыцкой и всѣхъ незадолго предъ тѣмъ выданныхъ ей дарственныхъ записей на имѣнія. Ей же записывались всѣ „речи рухомые" и даже домъ въ Луцкѣ, тотъ самый, что незадолго передъ тѣмъ былъ подаренъ зятю и дочери. Не забыты были Монтовтомъ и родственники: „братаничамъ" своимъ, т. е. сыновьямъ брата, Андрею и Яну Монтовтамъ предоставлялось право выплатить вдовѣ вѣно въ суммѣ 4000 копъ и взять себѣ тѣ имѣнія, на которыхъ эта сумма была записана; какому-то Андрею Кгесинскому, „сестренцу" (т. е. сыну сестры), Монтовтъ дарилъ имѣніе Золочевъ. Забыта лишь была имъ родная дочь Ганна: ей назначалась всего одна небольшая деревенька Липая, но и то съ такимъ условіемъ: „еслибы дѣти мѣла"—на вѣчность, въ противномъ же случаѣ только „до живота".

Затѣмъ выполненъ былъ другой обрядъ, обязательный въ то время при похоронахъ. Предъявлена была присутствовавшимъ именная печать покойнаго съ его гербомъ и затѣмъ здѣсь же, у гроба ея владѣльца, на глазахъ всѣхъ была „збита", т. е. превращена въ безформенную массу, она была золотая, и въ такомъ видѣ возвращена вдовѣ. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы никто не могъ впослѣдствіи воспользоваться печатью покойника для составленія какихъ-либо подложныхъ документовъ отъ его имени. Послѣ того гробъ, имѣвшій въ XVI ст. обыкновенно форму колоды изъ дубоваго дерева, выдолбленной внутри, былъ закрытъ, обтянутъ желѣзными обручами, облитъ растопленною смолою и тогда уже былъ опущенъ въ заранѣе приготовленный каменный склепъ, надъ которымъ впослѣдствіи имѣлъ быть воздвигнутъ костелъ.

Ганна Ледницкая также присутствовала на похоронахъ отца и оплакала его едва ли не искреннѣе всѣхъ. Во время чтенія завѣщанія, когда было упомянуто ея имя, она съ воплемъ припала къ гробу, да такъ и застыла въ конвульсивныхъ рыданіяхъ,—не потому, чтобы ее огорчила отцовская несправедливость,—она даже не успѣла разслышать, что именно сказано было о

ней въ завѣщаніи,—а просто потому, что была сильно потрясена всѣмъ происходившимъ, и въ ту минуту, когда произнесено было ея имя, Ганнѣ вдругъ стало нестерпимо жаль и отца, и самой себя. Въ присутствовавшихъ она возбуждала почти единодушное чувство сожалѣнія: слишкомъ ужъ очевидна была для всѣхъ вопіющая несправедливость къ ней со стороны отца. Со всѣхъ сторонъ ей выражали знаки участія. Даже мачеха старалась оказывать ей теперь небывалое вниманіе: въ ея сердцѣ и въ самомъ дѣлѣ зашевелилось что-то въ родѣ угрызенія совѣсти и сожалѣнія къ бѣдной, ограбленной наслѣдницѣ богатаго отца. А та въ отвѣтъ на первое ласковое слово, услышанное изъ устъ мачехи, съ рыданіемъ припала къ ея груди, забывъ все прошлое. Княжна Порыцкая и нѣкоторые изъ родни ея были растроганы. Въ интимной семейной бесѣдѣ, за поминальнымъ столомъ, Ганнѣ дали понять, что ея не оставятъ безъ родственнаго попеченія, что великодушная княжна, помня „добродѣйство и ласку“ покойнаго мужа, не допуститъ, чтобы дочь его терпѣла нужду, и со временемъ не откажется наградить ее коечѣмъ изъ отцовскаго наслѣдства. Конечно, она отчасти въ правѣ считать себя обиженною; но кто же виною тому? Развѣ не было бы все иначе, еслибъ у нея былъ не такой мужъ? Онъ своимъ дурнымъ поведеніемъ, пьянствомъ, непокорностью, своею назойливою требовательностью, наконецъ тою грубою, возмутительною сценою, какую онъ осмѣлился устроить у постели умирающаго старика, онъ такъ возмутилъ и оскорбилъ отца, что тотъ рѣшилъ было вовсе устранить ее отъ наслѣдства, и только усиленныя просьбы и ходатайство мачехи побудили его хотя отчасти измѣнить свое рѣшеніе. Да, наградилъ ее Господь муженькомъ! И какъ хватаетъ у нея силъ выносить сожительство съ такимъ грубымъ человѣкомъ! „Это Господь караетъ ее“, вставилъ двоюродный братъ Порыцкой, князь Якубъ Воронецкій, пробощъ ласскій и скерневицкій, „за то, что она, будучи доброй католичкой, дерзнула отдать свою руку гнусному еретику, лютому врагу св. римской церкви и ея главы, намѣстника Христова! Нечестивые не имутъ наслѣдія купно съ вѣрными и на небѣ, и на землѣ!“

Ганна только плакала, слушая эти рѣчи. Ей было странно и вмѣстѣ пріятно сознавать, что люди, до сихъ поръ чужіе для нея, почти враги, вдругъ сдѣлались въ ея глазахъ такими близкими, родными, что они такъ искренно расположены къ ней, принимаютъ такое родственное участіе въ ея положеніи. Ей захотѣлось излить предъ ними свою душу. Правда, она не особенно счастлива съ мужемъ. Онъ прожилъ ея деньги и теперь заставляетъ ее терпѣть такую нужду, какой она не испытывала никогда въ жизни. Такъ ли она жила за прежними мужьями! Положимъ, къ вѣрѣ своей онъ пока не приневоливаетъ ея; но вообще обращается съ нею грубо. Вѣчно попрекаетъ ее тѣмъ, что она нищая, что отецъ-де обманулъ его, ревнуетъ ее къ слугамъ, подозрѣваетъ въ самыхъ дурныхъ поступкахъ, а иногда—къ чему таиться—бранитъ ее послѣдними словами и даже бьетъ подъ пьяную руку... Да, она ясно видитъ теперь, что сдѣлала непростительную ошибку, связавъ свою жизнь съ грубымъ пьяницею; но развѣ онъ былъ такимъ, когда искалъ ея руки?..

Откровенная исповѣдь, невольно вылившаяся изъ устъ молодой женщины, согрѣтой неожиданною лаской и вниманіемъ, вызвала бурю негодованія среди собесѣдниковъ. Какъ! Неужели этотъ шляхтичъ, ничтожный человѣкъ сомнительнаго происхожденія, осмѣливается даже бить ее, дочь Монтовта, бывшую княгиню Любецкую и Сокольскую!.. Почему же она раньше не сказала имъ объ этомъ? О, она не должна забывать, что у нея есть могущественные родственники: князья Порыцкіе, князья Воронецкіе, князья Вишневецкіе, Збаражскіе и другіе; они не могутъ допустить, чтобы она терпѣла такія обиды и униженіе! Можно вѣдь наконецъ и развести ее съ недостойнымъ мужемъ; „особливо“, вставилъ князь-пробощъ Якубъ Воронецкій, „ежели поставить на видъ духовной власти, что мужъ приневоливаетъ ее къ своей еретической вѣрѣ и въ ея присутствіи осмѣливается поносить св. католическую церковь и ея достойныхъ всякаго уваженія пастырей, Божьихъ служителей“. Пусть же знаетъ она, что отнынѣ въ Коблинскомъ замкѣ, въ домѣ ея мачехи, всегда найдется для нея родственный пріютъ и защита отъ ти-

рана-мужа, а въ благодарность за то пусть она внимательно наблюдаетъ за его поступками и обо всемъ тотчасъ извѣщаетъ мачеху: онъ такъ пороченъ, что навѣрное и теперь затѣваетъ что-нибудь недоброе противъ ея благодѣтельницы.

Обласканная, успокоенная и даже кое-чѣмъ обдаренная, уѣхала Ганна изъ отцовскаго дома съ твердою рѣшимостью не покоряться болѣе постылому мужу, единственному виновнику ея злоключеній.

XI.

Казиміръ Ледницкій не ѣздилъ на похороны тестя: онъ и безъ того зналъ содержаніе его завѣщанія, потому что предусмотрительные душеприкащики поспѣшили внести этотъ документъ въ актовыя книги чуть ли не въ самый день смерти завѣщателя. Онъ сидѣлъ теперь надъ Статутомъ и совѣтовался съ лучшими законовѣдами въ Луцкѣ. Въ самый день похоронъ Ледницкій занесъ въ судѣ протестъ противъ законности оставленнаго Монтовтомъ завѣщанія и его дарственныхъ записей, приводя такія юридическія основанія: а) всѣ свои имѣнія Монтовтъ гораздо раньше записалъ первой женѣ и единственной дочери Ганнѣ, на которую и помимо того, по силѣ закона, „вся дѣдизна и отчизна правомъ прирожонымъ спасти мѣла по его животѣ“; б) всѣ знаютъ, что Монтовтъ, пока былъ „добре здоровъ и зуполный на умыслѣ и розумѣ“, не выдавалъ княжнѣ Порыцкой никакихъ записей, кромѣ вѣновной, а въ тѣ дни, какими датированы послѣднія его записи, онъ находился совсѣмъ при смерти, весь „схухлый и ни розуму, ни смыслу зуполного уже не мѣлъ“, что можетъ подтвердить возный, съ которымъ Ледницкій посѣщалъ тестя за недѣлю до его смерти; в) подлинное завѣщаніе не имѣетъ подписи завѣщателя, а въ числѣ свидѣтелей поименованы и такія лица, печатей которыхъ нѣтъ на самомъ актѣ, слѣдовательно лица эти не присутствовали при совершеніи завѣщанія. Конечно, эти основанія были бы достаточны, чтобы съ успѣхомъ оспаривать законную силу документа, еслибы противникомъ былъ какой-нибудь земянинъ средней

руки; а Ледницкому приходилось имѣть противъ себя людей съ сильными связями. Вотъ и сейчасъ передавали ему въ гродской канцеляріи, будто князь Александръ Порыцкій, братъ Монтовтовой, на дняхъ ѣдетъ къ королю просить, чтобы онъ лично утвердилъ оставленное Монтовтомъ завѣщаніе. Если это будетъ сдѣлано, тогда нечего Ледницкому надѣяться на благопріятный исходъ начатаго процесса.

Въ трудныя минуты Ледницкій, для возбужденія бодрости душевной, имѣлъ слабость прибѣгать къ „оковитой“; но на этотъ разъ и „оковитая“ мало помогала: вмѣсто ожидаемой бодрости, чувство ожесточенія и мучительнаго недовольства собою все больше овладѣвало всѣмъ существомъ его. Итакъ, ничтожная деревушка Липая—вотъ конечный результатъ трудовъ, лишеній и надеждъ всей его жизни! Даже этотъ домъ, въ которомъ онъ живетъ, и который еще вчера считался его собственностью, и тотъ не принадлежитъ ему болѣе! Нечего сказать, завидное наслѣдство послѣ богатаго тестя! Да еслибъ онъ могъ предвидѣть, что такъ случится, онъ двадцать разъ успѣлъ бы уже выгодно жениться на вдовѣ-русинкѣ, не титулованной, но съ достаткомъ, и жилъ бы теперь припѣваючи, какъ живутъ нѣкоторые земляки его, такъ именно устроившіе свою судьбу, не сталъ бы заискивать и столько выслуживаться передъ безсовѣстнымъ литвиномъ и его ясновельможною дочкою! И что особеннаго нашелъ онъ въ ней! Красоту, что ли? Такъ и та дворовая дѣвка Вивдя, которую онъ выкралъ когда-то у пани Тупичовской, тоже была не послѣдняя красавица. Про умъ, образованіе и упоминать не стоитъ: заядлая паністка—и ничего больше! Къ работѣ никакой неспособна, а привычки и заманки—чисто княжескія! Нѣтъ, коли ты нищая, такъ ты и „примхи“ княжескія позабудь, а работай какъ простая мѣщанка! Отнынѣ онъ не станетъ потакать баловству бывшей княгини, и докажетъ ей, что она такая же нищая шляхтянка, какъ и онъ самъ, но безъ тѣхъ личныхъ достоинствъ и талантовъ, какими обладаетъ онъ—юристъ, агрономъ, землемѣръ и проч.

Въ этомъ ожесточенномъ настроеніи застала мужа Ганна по возвращеніи изъ Коблина. Онъ какъ-бы обрадовался, что

ему теперь есть на комъ излить душившую его злобу, и съ перваго же слова повелъ съ женою рѣчь въ ѣдкомъ и злобномъ тонѣ объ ея отцѣ, мачехѣ, о наслѣдствѣ, о своихъ обманутыхъ надеждахъ. Въ другое время Ганна, быть можетъ, и смолчала бы, видя, что мужъ находится въ состояніи близкомъ къ невмѣняемости; но теперь она припомнила недавнія рѣчи родственниковъ и нашла, что они тысячу разъ правы, что она дѣйствительно несчастная жертва тирана и пьяницы, и что она ненавидитъ своего мучителя. Съ отчаянною рѣшимостью, дрожа отъ негодованія, она въ глаза высказала ему все это. Тотъ въ первую минуту даже остолбенѣлъ отъ изумленія: никогда еще жена не говорила съ нимъ въ такомъ тонѣ! „А, такъ это тебя подстроили ясновельможные твои родичи!“ зарычалъ обезумѣвшій супругъ,—и черезъ минуту домъ огласился отчаяннымъ воплями несчастной жертвы... Еслибы не вмѣшались въ дѣло слуги и сбѣжавшіеся на крикъ сосѣди, пьяный Ледницкій навѣрное убилъ бы или по меньшей мѣрѣ искалѣчилъ свою жену.

Подобныя дикія сцены повторялись все чаще. Ледницкій пилъ больше прежняго. Онъ строго запретилъ женѣ посѣщать мачеху, а переселившись въ Липую, учредилъ надъ нею систематическій надзоръ, такъ какъ отсюда Коблинъ былъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ. Когда же ему донесли, что слуги Барбары Монтовтовой часто стали показываться въ Липой, Ледницкій догадался, къ чему клонятся эти загадочныя посѣщенія—и отвезъ жену въ отдаленный Киселинъ [1]), который онъ арендовалъ у п. Олизара Кирдѣя-Мыльскаго. Здѣсь, въ этомъ глухомъ, лѣсномъ углу онъ оставилъ ее на жительство, а самъ возвратился снова въ Липую, гдѣ у него были большіе запасы хлѣба, приготовленные для отправки въ Полѣсье. Ледницкій занимался торговыми хлѣбными операціями. Но, спустя нѣсколько недѣль, въ январѣ 1571 года онъ получилъ извѣстіе, что слуги Барбары Монтовтовой неожиданно проникли въ Киселинъ и похитили его жену. Ледницкій немедленно занесъ объ этомъ жалобу въ судъ, выражая подозрѣніе, какъ бы пани

[1]) Нынѣ мѣст. владиміръ-волынскаго уѣзда.

Монтовтова и ея родственники „о смерть не приправили“ (не умертвили) его жены изъ страха, чтобы впослѣдствіи она, „коли будеть мнѣ привернена, того зо мною, яко зъ мужемъ своимъ, на нихъ не попирала“, т. е. не искала судебнаго удовлетворенія за свое похищеніе,—„бо того знаки суть, же (что) служебниковъ моихъ двохъ, зъ двора моего кгвалтовне взявши, невѣдомо, чи ихъ забити, або втопити, або где индей подѣти велѣли“.

Бѣдный супругъ еще не терялъ надежды, что его жена будетъ „привернена“ ему. Увы, только онъ ее и видѣлъ!

XII.

Вдова Монтовта и ея опекуны конечно и не думали, вопреки наивнымъ опасеніямъ Ледницкаго, его жену „о смерть приправовати“, а на другой же день привезли ее въ Луцкъ и поставили въ судъ гродскій. Здѣсь Ганна прежде всего сдѣлала заявленіе, что „за великими втисками (притѣсненіями)“ отъ п. Ледницкаго, „малжонка ея *бывшого*“, какія отъ него „вставичне (постоянно) и на кождый день и кождого часу мѣла“, она вынуждена была оставить его и „въ одной шубцѣ, ничого не беручи маетности“, искать пріюта у своей мачехи. „Онъ мя примушалъ“, жаловалась она далѣе, вѣроятно по наущенію князя-пробоща Воронецкаго, „и частокротъ бивалъ, абымъ я тую жъ вѣру еретицкую, которую онъ маетъ, держала, уводячи мене отъ костелу повшехного, на законъ и вѣру мою христіянскую приналежачого. И того я добре свѣдома, што панъ Ледницкій, по смерти вже небожчика отца моего, листовъ змышленыхъ (фальшивыхъ) не мало справилъ, а меновите: якобы небожчикъ мѣлъ якіесь листы або записы матцѣ моей а малжонцѣ своей першой Оленѣ Мацковичовнѣ и дядкамъ моимъ, также и мнѣ самой, дочцѣ своей, на йменя свои отчизные дати; о чомъ я николи не вѣдала а ни мнѣ того отецъ мой повѣдилъ. И коли я пана Ледницкого одъ того есми отводила, абы онъ таковыхъ змышленыхъ листовъ не справовалъ, тогды онъ мене за то билъ,

мордовалъ, а иныхъ вчинковъ его, для встыду передъ вашею милостью (судьями), и вымовити на сей часъ не могу, але часу своего ему самому очевисто (лично) повѣдити хочу".

Вотъ она—месть легкомысленной женщины! Чтобъ только досадить мужу, Ганна рѣшается объявить подложнымъ документъ, который обезпечивалъ ея же личныя имущественныя права, и въ подлинности котораго не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ онъ два раза былъ внесенъ въ актовыя книги лично ея отцомъ. Но и на этомъ женская месть не остановилась.

Въ тотъ же день Ганна выдала мачехѣ и лично предъявила въ судѣ нѣсколько записей, въ которыхъ формально и навсегда отреклась въ ея пользу отъ правъ наслѣдства на отцовское состояніе и наложила „заруку" въ 1000 копъ грошей на себя и на „бывшого" своего мужа, и на всякаго другаго, кто только осмѣлился бы оспаривать законность владѣльческихъ правъ ея мачехи на это состояніе. Всѣ свои записи она подписала такъ: „Ганна Монтовтовна, бывшая Казимерова Ледницкая".— „Будто нѣякая вдова Ледницкая!" сострилъ по этому поводу Ледницкій въ своемъ протестѣ по поводу этихъ записей.

А Ганнѣ, ослѣпленной чувствомъ мести, все еще казалось, будто она недостаточно насолила „бывшему малжонку". Вѣдь имѣніе ея, деревня Липая, осталось въ его рукахъ; какъ прогнать его оттуда? Развѣ поступить такъ, какъ совѣтуетъ одинъ изъ опекуновъ ея мачехи, князь Александръ Вишневецкій: записать ему имѣніе якобы въ „заставу", а онъ ужъ съумѣетъ выкурить оттуда пана Ледницкаго! Сказано—сдѣлано, и въ тотъ же день Ганна внесла въ судебныя книги запись о томъ, будто она, „маючи пильную потребу въ пенязехъ, взяла и позычила у его милости князя Александра Вишневецкого тысячу копъ грошей литовскихъ" и въ этой суммѣ „заставила" ему на три года имѣніе Липую.

Получивъ копію этого документа и взявъ съ собою урядоваго вознаго, князь Вишневецкій тотчасъ поскакалъ въ Коблинъ, чтобы надлежащимъ образомъ приготовиться ко вступленію во владѣніе заставленною ему маетностью.

XIII.

Ничего этого не зналъ и не вѣдалъ Казимиръ Ледницкій. Онъ весь день провелъ въ хлопотахъ, намѣреваясь на завтра выслать нѣсколько десятковъ подводъ съ хлѣбомъ въ Дубровицу, на Полѣсье, и легъ озабоченный мыслью, какъ-бы наступившая внезапно оттепель не испортила дороги.

Рано утромъ его разбудили встревоженные слуги: „Вставай, панс! Идетъ на насъ якоесь войско!“

Выбѣжалъ Ледницкій на дворъ и видитъ: съ противоположной стороны р. Стыра приближается вооруженный отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ конныхъ и пѣшихъ. Тамъ были слуги князей Александра и Константина Вишневецкихъ, и слуги Барбары Монтовтовой, и слуги князя-пробощa Якуба Воронецкаго и его брата князя Матуша, и слуги п. Богдана Кгесинскаго, и множество вооруженныхъ кольями и дубинами крестьянъ. На челѣ отряда ѣхалъ новый владѣлецъ Липой, князь Александръ Вишневецкій. Едва Ледницкій успѣлъ распорядиться, чтобы заперли ворота, какъ изъ-за рѣки „почали зъ гаковницъ и зъ ручницъ стреляти“. Что оставалось предпринять Ледницкому, имѣвшему при себѣ лишь нѣсколько слугъ да съ полсотни подводчиковъ, вооруженныхъ оглоблями! А тутъ вдругъ доносятъ ему, что и съ противоположной стороны двора, отъ воротъ „килка-сотъ человѣка збройныхъ дорогу заступили“.

„Бый, забый такого а овакого сына!“ раздается вдругъ у самаго забора команда князя Вишневецкаго.

Выстрѣлы участились. Пули попадаютъ въ окна панскаго дома, и „шкляные оболоны“ со звономъ разсыпаются по полу. Видитъ Ледницкій, что нечего и думать о сопротивленіи; остается позаботиться, какъ-бы „горло свое“ отсюда цѣлымъ „вынести“. Въ одну минуту онъ переодѣвается въ крестьянское платье, незамѣтно, черезъ садъ, пробирается въ сосѣднюю усадьбу и вмѣстѣ съ подданными, которые, заслышавъ ружейную пальбу въ панскомъ дворѣ, стали разбѣгаться, кто куда могъ, скрывается въ ближайшемъ лѣсу.

Черезъ нѣсколько минутъ осада была кончена. Торжествующій побѣдитель вступалъ во владѣніе завоеванною деревнею и ужасно злился, что врагъ ускользнулъ изъ его рукъ. Вишневецкому конечно не нужна была голова Ледницкаго, но онъ разсчитывалъ вынудить отъ него формальную росписку въ томъ, будто послѣдній уступилъ ему имѣніе добровольно и не будетъ имѣть къ нему никакихъ претензій. Этимъ былъ бы устраненъ непріятный и хлопотливый, хотя бы и для самого князя Вишневецкаго, судебный процессъ.

Такой процессъ, дѣйствительно, начатъ былъ Ледницкимъ, и черезъ полтора мѣсяца назначенъ разборъ этого дѣла въ луцкомъ гродскомъ судѣ. Истецъ заблаговременно прибылъ въ Луцкъ и, узнавъ, что князья Вишневецкіе въ городѣ, боялся выходить изъ квартиры. Тѣ какъ-то узнали его адресъ и прислали къ нему съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ окончить дѣло миромъ, не прибѣгая къ суду. Ледницкій отвѣтилъ, что готовъ прекратить дѣло, если только ему возвращена будетъ жена и отнятое имѣніе, но идти лично къ князьямъ для переговоровъ опасается, зная, что съ ними прибыло множество „збройныхъ“ слугъ, а приглашаетъ-де ихъ милость пожаловать „для чиненья угоды и еднанья“ въ за́мокъ королевскій. Черезъ часъ пришелъ къ Ледницкому гродскій судья Титъ Хомякъ съ порученіемъ отъ Вишневецкихъ и сталъ убѣждать, чтобы онъ не опасался ничего худаго и шелъ бы съ нимъ и съ пріятелями своими „до госпо́ды“ княжеской:

„Княжата ихъ милость тое прирекли и шлюбовали ми виляхетнымъ словомъ своимъ, ижъ ты, пане Ледницкий, съ пріятелями твоими спокойне и безпечне прийти и одыйти отъ нихъ маешъ, и руку на то ми дали“.

— А ты, пане судья, чи даешъ ми при возномъ и при людехъ добрыхъ руку на то, ижъ мене ничого злого не споткаетъ тамъ у княжатъ ихъ милостей?—спросилъ осторожный Ледницкій.

Хомякъ охотно согласился исполнить это требованіе и въ присутствіи приглашеннаго нарочито вознаго и свидѣтелей подалъ Ледницкому руку, объявляя, что своею головою ручается за его полную безопасность.

Едва Ледницкій, въ сопровожденіи Хомяка и трехъ человѣкъ пріятелей своихъ, вступилъ „до госпо́ды“ противниковъ, къ нему вышелъ князь Константинъ Вишневецкій и категорически потребовалъ, чтобы онъ прежде всего взялъ назадъ свой „позовъ“, которымъ позвалъ на судъ князя Александра, а за то, что осмѣлился позвать, чтобы добровольно сѣлъ въ замковое заключеніе на четыре недѣли, а высидѣвъ назначенный срокъ, торжественно „перепросилъ бы его милость“ за нанесенное ему тѣмъ „неслушнымъ позвомъ“ оскорбленіе и тогда уже просилъ бы „о еднанье“, и если „ихъ милости всхочутъ, то еднанье зъ нимъ учинятъ“. Судя по тону этого требованія, Ледницкому не трудно было понять, что нечего полагаться на княжеское слово, а нужно думать о томъ, какъ-бы уйти отсюда подобру-поздорову. Ни слова не возражая противъ предъявленнаго требованія, онъ сталъ просить, чтобы ему дали извѣстный срокъ для размышленія и позволили „пойти до госпо́ды своеи порадитися съ пріятелями“. Князья согласились. Но едва Ледницкій вышелъ со двора, они спохватились, что напрасно выпустили лисицу изъ рукъ, и тотчасъ послали вслѣдъ толпу слугъ. Тѣ настигли Ледницкаго у воротъ его квартиры и, „не мовячи доброго слова“, стали бить его и тащить обратно. Ледницкому удалось какъ-то вырваться и укрыться въ за́мокъ. Слуги Вишневецкихъ бросились за нимъ, и еслибы „воротный“ не успѣлъ „прудко взвести взводъ“ (подъемный мостъ), они ворвались бы и въ замокъ, не взирая на законъ, грозившій карой всякому, кто во время судебныхъ „рочковъ“ (сессій) осмѣлится входить въ замокъ съ оружіемъ. Мало того, когда на помощь первой толпѣ подоспѣлъ новый отрядъ княжескихъ слугъ, они начали добиваться, чтобы ихъ впустили въ замокъ, а другіе, „съ тылу форткою увошедши и дирами влѣзши“, принялись повсюду искать бѣглеца, и узнавъ, что онъ скрывается въ домѣ архимандрита Жидичинскаго монастыря, отбили и „порубали двери, шукаючи по коморахъ“ свою жертву.

Въ тотъ же день возный свидѣтельствовалъ Ледницкаго и нашелъ у него: на головѣ три раны „рубаные“, на губѣ рану „кривавую“, на рукѣ рану „колотую“ и на боку рану „битую, синюю“.

Въ луцкомъ судѣ начатъ былъ новый процессъ между Ледницкимъ и Вишневецкими, не доведенный однако до конца, какъ и предыдущій. Скоро Ледницкій совсѣмъ спился съ кругу, уѣхалъ въ Польшу и черезъ годъ умеръ.

XIV.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ганна Монтовтъ была увезена изъ Киселина и поселилась въ Коблинѣ, ей казалось, будто она вновь на свѣтъ народилась. Мачеха ласкала ее, какъ родную, дѣлала ей подарки, сулила всякія блага въ будущемъ; такъ же хорошо относились къ ней и родственники княжны Порыцкой. Когда Ганна по ихъ внушеніямъ отреклась въ пользу мачехи отъ наслѣдственныхъ правъ на отцовскія имѣнія, ее увѣрили, что это—не болѣе, какъ юридическая формальность, очень непріятная для Ледницкаго, но совершенно безразличная для нея, такъ какъ княжна Порыцкая, въ награду за ея родственное расположеніе, „зъ доброи воли и ласки своеи“ подѣлится съ нею наслѣдствомъ.

Ганна вѣрила этимъ обѣщаніямъ и не настаивала на ихъ исполненіи.—благо, она ни въ чемъ не терпѣла нужды. Имѣніе Липую ей возвратили, отобравъ у Ледницкаго, причемъ она не только получила обратно хранившееся тамъ свое имущество, но еще кое-что и изъ имущества мужа. Выразила она желаніе быть разведенною съ Ледницкимъ—и заботливые родственники тотчасъ начали хлопотать о томъ въ духовномъ судѣ, и хотя скоро позабыли объ этомъ дѣлѣ, но Ганна не особенно настаивала на его продолженіи, убѣдившись, что Ледницкому и безъ того не вырвать ее изъ надежнаго убѣжища. Скоро Ледницкій удалился изъ Волыни, и Ганна поспѣшила забыть о его существованіи. Привольная, безпечная жизнь въ старомъ отцовскомъ домѣ, ласки и вниманіе окружающихъ—все это переносило ее въ счастливое прошлое, въ годы ея дѣтства. Иногда Ганнѣ казалось, будто она никогда не покидала родительскаго дома, и все, пережитое ею въ послѣднее десятилѣтіе, представ-

лялось какъ-бы сновидѣніемъ, отъ котораго въ памяти остались безсвязные отрывки. Не думая о прошломъ, не заглядывая въ будущее, Ганна старалась жить настоящимъ. Ей шелъ всего двадцать пятый годъ, и она съ жадностью женщины, не извѣдавшей счастья, спѣшила пользоваться всѣмъ, чѣмъ дарила ее судьба.

А въ Коблинскомъ замкѣ жилось въ то время очень весело. Княжна Порыцкая любила жить на широкую ногу. Не проходило дня, чтобы не навѣдался гость. Многочисленная родня княжны почти безвыѣздно проживала въ Коблинѣ; когда же молодая вдова сняла трауръ, стали навѣдываться и женихи. Впрочемъ и безъ гостей въ замкѣ не знали скуки. По обычаю знатныхъ пановъ того вѣка, княжна Порыцкая держала у себя многочисленный штатъ „служебниковъ“ или, какъ ихъ называли поляки, „дворянъ“. Это не были слуги въ нашемъ смыслѣ. То были по большей части молодые шляхтичи, составлявшіе почетную свиту при особѣ пана и при случаѣ исполнявшіе разнообразныя порученія: одни ходили съ нимъ на войну, другіе по его довѣренностямъ ѣздили по судамъ, всѣ же сопровождали его при выѣздахъ и на охотѣ, а дома развлекали отъ скуки. По тогдашнимъ понятіямъ, это была не столько служба, сколько школа, въ которой молодые люди практически учились рыцарскому искусству, хорошему тону, свѣтскимъ манерамъ и вообще, какъ тогда говорили, „набирались полёру и добрыхъ звычаевъ“. Конечно, на практикѣ все зависѣло отъ личности самого пана: у иного служебники пріучались лишь къ пьянству, игрѣ въ карты и въ кости, къ разбоямъ, къ праздности и разгулу. Старые русины, воспитанные въ отцовскихъ преданіяхъ, весьма неодобрительно относились къ заимствованному изъ Польши обычаю держать праздную толпу слугъ: особенно не долюбливали слугъ-поляковъ, на которыхъ существовала въ то время на Руси своего рода мода. Въ одной сеймовой рѣчи 1589 года указывается на этотъ обычай, какъ на общественное зло для русскихъ областей: „И то, милостивые панове, не малая шкода, што слуги ховаемъ ляхи. Давай же ему сукню фалендышовую (т. е. изъ голландскаго сукна), корми жъ его

тлусто, а службы зъ нихъ не пытай, бо только убравшися, на высокихъ подковкахъ до дѣвокъ дыбле а зъ великого кубка трубитъ. Ты, пане, за столъ, а слуга собѣ за столъ; ты за борщикъ, а слуга за пукатую штуку (большой кусокъ) мяса; ты за фляшку, а онъ за другую, а коли слабо держишъ, то онъ и ту зъ рукъ вырветъ! Только и пильнуетъ: скоро панъ зъ дому, то онъ моучкомъ прыласкается до жонки... А коло дѣвокъ якъ жеребецъ ржетъ. Прийми жъ къ нему двохъ литвиновъ на стражъ, бо и самъ дѣдько не упильнуетъ!"

Но если „служебники" не всегда годились для серьезнаго дѣла, то съ другой стороны тамъ, гдѣ отъ нихъ требовалась лишь потѣха и развлеченіе, они были на высотѣ своей задачи и не даромъ ѣли панскій хлѣбъ. Многіе изъ нихъ были мастера играть на кобзѣ и квинтарнѣ, всѣ были превосходные танцоры, иные славились какъ остроумные разскащики, беззаботные гуляки и мастера ухаживать за женщинами.

Въ такомъ веселомъ обществѣ Ганна скоро совсѣмъ потеряла голову въ непрерывномъ праздникѣ, въ вихрѣ всевозможныхъ удовольствій и развлеченій. Могла ли она, при своемъ природномъ легкомыслін, удержаться въ предѣлахъ благоразумія, окруженная всевозможными соблазнами! „Дворскіе звычаи" не отличались скромностью, а самая неопредѣленность семейнаго положенія Ганны—не то замужней женщины, не то разведенной дамы—какъ-бы поощряла молодыхъ повѣсъ быть съ нею смѣлѣе и развязнѣе.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось для Ганны, еслибъ ея мачеха въ скорости не вышла замужъ, что существенно измѣнило положеніе нашей героини.

XV.

Второй мужъ княжны Порыцкой, Александръ Богдановичъ Семашко, принадлежалъ къ числу тѣхъ русиновъ, о которыхъ впослѣдствіи сложилась въ Малороссіи поговорка, что у нихъ „русская кость обросла лядскимъ мясомъ". Такіе „перевертни"

стали заводиться въ южной Руси еще до появленія здѣсь іезуитовъ и задолго до открытія іезуитскихъ школъ.

Семашко происходилъ изъ небогатаго православнаго рода волынскихъ дворянъ, который велъ свое начало отъ нѣкоего Семашка (т. е. Семена) Епимаховича, волынскаго земянина. При литовскомъ князѣ Казимірѣ онъ выслужилъ имѣнія Рыканы и Добрятинъ, въ нынѣшнемъ дубенскомъ уѣздѣ. Одинъ изъ его сыновей Михайло Семашковичъ былъ уже хорунжимъ волынскимъ (въ 1524 г), а дѣти послѣдняго пошли еще дальше: младшій, Петръ, служилъ королю и дослужился до уряда старосты кременецкаго (въ 1552—1559 гг), а старшій, Богданъ, отецъ Александра, всю жизнь вѣрою и правдою служилъ королевѣ Бонѣ, сначала въ званіи ея дворянина, затѣмъ писаря и наконецъ старосты въ ея удѣльныхъ имѣніяхъ. Благодаря этому, сынъ его имѣлъ возможность получить воспитаніе при дворѣ королевы и, кажется, слушалъ курсъ наукъ въ краковской академіи. Блестящее образованіе и связи при дворѣ сами по себѣ открывали молодому Семашку широкую дорогу на служебномъ поприщѣ, а онъ къ тому еще заискивалъ передъ всѣми, всячески старался угодить королю и заявить себя ревностнымъ сторонникомъ его политики. Съ такимъ разсчетомъ Семашко перешелъ въ католицизмъ, когда природные поляки толпами покидали свою церковь и становились протестантами. Сигизмундъ-Августъ самъ былъ плохимъ католикомъ, но, задумавъ политическую унію Литвы и Руси съ Польшею, онъ долженъ былъ поощрять такихъ русиновъ, которые не только не противились его объединительнымъ намѣреніямъ, но сами добровольно готовы были претвориться въ „ляховъ“. Усердіе Семашка не осталось безъ соотвѣтственнаго вознагражденія: въ самый годъ Люблинской уніи король возвелъ его въ должность владимірскаго подкоморія. Отсюда открывалась прямая дорога къ старосту, каштелянству и сенаторскому креслу; всего этого Семашко и достигъ впослѣдствіи.

Сдѣлавшись вельможнымъ паномъ, Семашко энергично занялся увеличеніемъ своего состоянія, которое до тѣхъ поръ далеко не отвѣчало его честолюбію. Случилось такъ, что мать его,

урожденная княжна Путятична, вторично вышла замужъ за князя Андрея Петровича Масальскаго и, овдовѣвъ, унаслѣдовала его громадное состояніе. Семашко разсудилъ, что старухѣ матери не къ лицу владѣть такимъ богатствомъ,—и преспокойно внесъ въ судебныя книги, яко бы отъ ея имени, нѣсколько дарственныхъ записей въ свою пользу на часть имѣній, завѣщанныхъ ей княземъ Масальскимъ. Старуха предъявила искъ о подлогѣ, но Семашко съумѣлъ такъ повернуть дѣло, что мать вынуждена была пойти на мировую и едва получила обратно половину отнятаго. Былъ и другой случай въ томъ же родѣ. Единственная дочь князя Масальскаго княжна Марухна, сводная сестра Семашка, выходила замужъ за Еловича-Малинскаго и должна была принести ему въ приданое многочисленныя отцовскія имѣнія. Семашко былъ противъ этого брака, такъ какъ Еловичъ отказался заручиться его согласіемъ цѣною уступки ему нѣсколькихъ имѣній невѣсты. Свадьбу сыграли безъ участія вельможнаго родственника, и молодая поселилась вмѣстѣ съ мужемъ. Что же дѣлаетъ Семашко? Воспользовавшись отсутствіемъ Еловича, онъ совершаетъ наѣздъ на его домъ, увозитъ его жену, держитъ ее въ суровомъ заключеніи и соглашается освободить подъ тѣмъ лишь условіемъ, если плѣнница и ея мужъ запишутъ ему третью часть наслѣдственныхъ ея имѣній, въ противномъ случаѣ онъ отказывается признать законнымъ ихъ бракъ и въ качествѣ близкаго родственника и какъ-бы опекуна сочтетъ себя въ правѣ по своему усмотрѣнію распорядиться рукою сводной сестры: прикажетъ насильно обвѣнчать ее съ кѣмъ-либо изъ своихъ слугъ, „который ся не третеи только части, але и всеи отчины отречетъ“. И что же! Какъ ни упорствовала плѣнная княжна, а кончила тѣмъ, что выдала требуемую запись и мужа упросила сдѣлать то же: „бо Семашко“, жаловалась она впослѣдствіи „приходячи до мене до вязеня (мѣста заключенія), тымъ мене страшилъ: я тебе за машталѣра своего выдамъ!“

Подобными путями Семашко въ короткое время составилъ весьма порядочное состояніе. Теперь онъ увеличилъ его почти вдвое женитьбой на богатой вдовѣ. Человѣкъ крутаго нрава, онъ скоро прибралъ къ рукамъ жену и ея состояніе, сократилъ

штатъ слугъ и завелъ въ ея имѣніяхъ строгій порядокъ и экономію. Ганнѣ Монтовтъ онъ на первыхъ же порахъ далъ понять, что для нея нѣтъ мѣста въ Коблинскомъ замкѣ, и что приличнѣе было бы ей находиться въ своемъ имѣніи и заниматься дѣломъ, чѣмъ жить въ праздности на чужихъ хлѣбахъ. Когда Ганна робко напомнила о томъ, что мачеха обѣщала выдѣлить ей часть отцовскихъ имѣній, взбѣшенный Семашко приказалъ было прогнать ее съ позоромъ изъ замка и, только уступая настоятельнымъ просьбамъ жены, согласился выдать Ганнѣ триста копъ грошей и кое-что изъ отцовской движимости, но при этомъ строго наказалъ ей помнить разъ навсегда, что у нея нѣтъ болѣе никакихъ правъ на отцовское наслѣдство, что сама же она добровольно отреклась отъ нихъ въ пользу мачехи.

Поселившись въ Липой, Ганна вздумала продолжать ту же веселую жизнь, какая полюбилась ей такъ въ Коблинскомъ замкѣ. Многіе изъ прежнихъ друзей ея, удаленныхъ Семашкомъ изъ Коблина, перешли къ ней на службу или же просто на жительство. Явились и родственники—двоюродные братья Ганны, Янъ и Андрей Монтовты, буйныя головы, славившіеся на всю Волынь разгуломъ и разбойничьими похожденіями. Ужъ на что князь Андрей Курбскій, ихъ отчимъ, былъ человѣкъ неустрашимаго нрава, но и тотъ иногда пасовалъ передъ ними и по цѣлымъ недѣлямъ не выѣзжалъ бывало изъ Ковельскаго замка, какъ только доходили къ нему вѣсти, что пасынки похваляются „голову ему отсѣкши, до князя великого московского у тайстрѣ (въ мѣшкѣ) въ подарунокъ отослати“. Спустивъ на половину родовыя свои маетности, Монтовты промышляли разными аферами, не исключая и поддѣлки фальшивыхъ документовъ. Прослышавъ, что кузина получила отъ мачехи крупную сумму и ведетъ веселую жизнь, они стали часто навѣщать ее, иногда въ сообществѣ какихъ-то темныхъ личностей, выдаваемыхъ ими то за выгодныхъ женіховъ, то за опытныхъ юристовъ, которые если захотятъ, могутъ-де оттягать въ ея пользу хоть половину состоянія мачехи. Скоро Ганна совсѣмъ подчинилась вліянію братьевъ и готова была покорно слѣдовать ихъ внушеніямъ.

Въ Коблинъ стали доходить слухи, что въ Липой творится что-то неладное. Въ цѣломъ повѣтѣ заговорили, что тамъ происходятъ безпрерывныя оргіи, что разные проходимцы безсовѣстно обираютъ неопытную вдову, что ей въ скорости угрожаетъ потеря послѣдняго состоянія. Ходили дурные слухи и относительно ея личнаго поведенія... Многіе сожалѣли о легкомысленной женщинѣ, лишенной добрыхъ совѣтниковъ и руководителей и совращаемой злыми братьями на путь погибели. Семашко не раздѣлялъ этихъ сожалѣній: „Нехай злый много не живетъ на свѣтѣ!“ говаривалъ онъ обыкновенно по этому поводу. Вообще же онъ мало интересовался судьбою падчерицы своей жены.

Но разъ получено было извѣстіе, которое привело его въ неописанную ярость. Семашку донесли, что Ганна Монтовтъ, прибывъ въ луцкій судъ, формально уничтожила выданныя ею раньше княжнѣ Порыцкой записи объ отреченіи отъ правъ наслѣдства съ такимъ объясненіемъ, будто записи эти были вынуждены отъ нея мачехой и ея родственниками, и что она попрежнему считаетъ себя единственною законною наслѣдницею отцовскаго состоянія и намѣрена судебнымъ порядкомъ искать возстановленія нарушеннаго права.

Семашко рѣшился примѣрно наказать коварную женщину и, узнавъ, что она не возвратилась еще изъ Луцка, велѣлъ разставить по дорогѣ „шпѣговъ“, которые обязаны были дать знать о ея проѣздѣ.

На другой день, когда Ганна въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ возвращалась изъ города, вдругъ изъ лѣсу выѣхала толпа вооруженныхъ всадниковъ и съ криками: „галла! галла!“ бросилась за нею. Слуги мгновенно разбѣжались, а ее полумертвую отъ испуга одинъ изъ разбойниковъ взялъ къ себѣ на сѣдло, и затѣмъ отрядъ во весь опоръ помчался въ лѣсъ, въ сторону отъ дороги. Ганна едва помнила себя. Ей мерещилась уже Кафа, невольничій рынокъ, цѣпи, „чирвоная таволга“ и позоръ положенія татарской рабыни-наложницы. Очнувшись, она увидѣла себя въ какой-то коморкѣ, слабо освѣщенной едва мерцавшимъ на полкѣ „каганцемъ“. У Ганны горѣла голова,

ее томила сильная жажда; долго никто не являлся. Но вотъ послышались шаги, и въ коморку вошла женщина, въ которой Ганна съ изумленіемъ узнала свою пріятельницу Доротку, „служебницу“ княжны Порыцкой. Тутъ только Ганна узнала, что находится въ Коблинскомъ замкѣ, хотя Доротка не могла сообщить ей главнаго—чего хотятъ отъ нея. Вскорѣ и это объяснилось: утромъ навѣстилъ плѣнницу самъ панъ Семашко. Пылая гнѣвомъ, онъ осыпалъ ее грубою бранью, „соромотилъ ущипливыми словами“, упрекалъ въ неблагодарности и наконецъ потребовалъ, чтобы она ѣхала съ нимъ въ судъ и безпрекословно исполнила все, что онъ прикажетъ ей сдѣлать. Ганна, помня внушенія братьевъ, отказалась выполнить требуемое.

— „Такъ не выйдешъ же ты отсюль“, пригрозилъ ей Семашко, „ажъ се умыслу моему досыть станетъ: ижъ ми мусишъ листы такие на себе подавати, якихъ отъ тебе потребую!“

Два дня ничего не давали Ганнѣ, кромѣ воды и хлѣба; она все не сдавалась. На третій день снова пришелъ Семашко и объявилъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго ея упорства онъ обойдется и безъ нея: прикажетъ Дороткѣ назваться ея именемъ—и дѣло будетъ сдѣлано; а ей вѣдомо, что въ Кременцѣ старостой состоитъ князь Збаражскій, близкій родственникъ его жены, который поэтому не станетъ разбирать, точно-ли передъ нимъ находится подлинная Ганна Монтовтъ, или кто другой подъ ея именемъ. За то съ нею онъ, Семашко, расквитается по своему!

Ганна подумала—и объявила, что согласна ѣхать въ Кременецъ.

Тамъ она прежде всего подъ диктовку Семашка „скасовала“ послѣднее свое заявленіе въ луцкомъ судѣ, объяснивъ, будто она „учинила тое зъ намовы а праве зъ примушенья злыхъ людей“—братьевъ Монтовтовъ; затѣмъ подтвердила прежнія записи объ отреченіи въ пользу мачехи, такъ какъ-де „ихъ милости (т. е. мачеха и ея мужъ) зъ ласки и доброты своеи дати рачили“ ей за то болѣе 8-ми тысячъ копъ грошей, каковую сумму она, „вдячно принявши, на потребу свою обернула“; далѣе, выдала Семашку запродажную запись на единственное имѣніе свое, деревню Липую, за сумму 4000 копъ грошей,

будто бы ей сполна уже уплаченную; наконецъ внесла въ судебныя книги протестъ противъ пущенныхъ какими-то „злыми людьми“ „прожныхъ (пустыхъ), змышленныхъ и неправдивыхъ“ слуховъ, „якобы его милость панъ Семашко и малжонка его милости мѣли“ ее, Ганну, „въ якомъ-сь вязеню держати и до записовъ якихъ-сь поневольно примушати“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она „не только отъ ихъ милостей николи жадного примушенья або зневоленья ни въ чомъ не мѣла“, а совсѣмъ напротивъ—„завжды великои ласки, добротливости, ратунку и вспоможенья по вси прошлые и теперешние часы отъ ихъ милостей уживала и теперъ уживаетъ“.

XVI.

Лишенная собственнаго угла, Ганна снова поселилась въ Коблинскомъ замкѣ, но уже не какъ гостья и близкая родственница хозяйки, а въ качествѣ приживалки, терпимой въ домѣ не столько изъ милости, сколько изъ опасенія, какъ бы она, выгнанная на улицу, не причинила хлопотъ хозяевамъ. Здѣсь и въ поминѣ не было прежняго веселья, а если Семашко по временамъ и устраивалъ для своихъ пріятелей „учты“ и „бéсѣды“, то Ганна не участвовала въ нихъ. Жила она вмѣстѣ съ слугами, въ ихъ обществѣ проводила время и наравнѣ съ ними же не смѣла сѣсть въ присутствіи „вельможнаго панства“, слѣдуя польскому этикету, заведенному новымъ владѣльцемъ замка. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ положеніе ея было даже хуже положенія слугъ: надъ нею тяготѣлъ строгій надзоръ, такъ что даже выйти за ворота замка она не могла безъ особаго на то разрѣшенія.

Такъ прошло около полугода. Ганна понемногу стала уже свыкаться съ своимъ положеніемъ, такъ какъ выхода изъ него не видѣла.

Но вотъ однажды по какому-то дѣлу пріѣхалъ къ Семашку возный въ сопровожденіи двухъ шляхтичей, какъ того требовалъ законъ. Однимъ изъ нихъ оказался Свеховскій, служебникъ

Яна Монтовта, нарочно подосланный къ Ганнѣ. Онъ сообщилъ ей, что Монтовты долгое время считали ее похищенной татарами, какъ о томъ ходила молва, и только недавно провѣдали, гдѣ она находится, что они придумали уже средство освободить ее изъ неволи и желаютъ лишь заручиться ея согласіемъ. Разумѣется, Ганна отвѣтила на это лишь слезами благодарности и просьбой, чтобы братья и впредь не забывали о ней и сдѣлали все, что найдутъ нужнымъ для ея освобожденія: пусть жалуются королю, или пусть доставятъ ей средства къ побѣгу—она согласна на все. Спустя нѣкоторое время Свеховскій ухитрился вторично проникнуть въ замокъ и повидаться съ Ганной, но за третьимъ разомъ былъ задержанъ, представленъ Семашку и подъ угрозою пытки сознался, съ какими порученіями являлся сюда. При немъ нашли „цедулу фальшивую“, текстъ записи, составленной Монтовтами и присланной для подписи. Въ этой „цедулѣ“ значилось, будто Ганна еще въ то время, когда была за княземъ Любецкимъ, „за радою и намовою небожчика отца своего“, отреклась отъ правъ наслѣдства на м. Млыновъ и другія отцовскія имѣнія „и то все на пана Яна и пана Андрея Монтовтовъ влила и имъ то даровала и на вѣчность записала“. Цѣною подтвержденія этой записи Ганна, по увѣренію братьевъ, могла съ ихъ помощью получить свободу.

Семашко пришелъ въ такое неистовство, что собственноручно избилъ Ганну и приказалъ посадить ее въ „вежу“. Два дня не выходилъ онъ изъ „покоевъ“ и все раздумывалъ, какъ поступить ему съ „гадиной“. Оставить ее въ прежнемъ положеніи нельзя: звѣрь останется звѣремъ и все будетъ въ лѣсъ глядѣть; да и Монтовты, конечно, не оставятъ ее въ покоѣ. Развѣ совсѣмъ сжить ее со свѣта? Чтожъ! Онъ не задумался бы и надъ этимъ. Но тогда тѣ же Монтовты поднимутъ такой шумъ! Станутъ жаловаться королю, испросятъ у него назначеніе чрезвычайной коммиссіи для разслѣдованія дѣла. А король Степанъ не любитъ потакать шляхетскому своеволію и за подобное дѣло не спуститъ любому магнату, а не только пану подкоморію. Ужъ не выдать ли ее замужъ, только бы за человѣка надеж-

наго и вполнѣ ему преданнаго! Это было бы не дурно! Мужъ—лучшій стражъ своей жены, ея естественный опекунъ, безъ воли и согласія котораго, по смыслу Статута, не могутъ быть совершаемы ею никакія юридическія сдѣлки,—значитъ и „фальшивыхъ цедулъ“ нечего впредь опасаться.

На третій день Ганну вывели изъ заключенія и велѣли одѣться какъ-бы къ вѣнцу. Она не понимала, что хотятъ съ нею дѣлать.

— Пойдешъ до шлюбу!—Объясняли ей служебницы княжны Порыцкой.

Ганна полагала, что съ нею шутятъ.

Но вотъ ввели ее въ панскую свѣтлицу. Тамъ уже собралась вся дворня, и стоялъ ксендзъ въ облаченіи. У Ганны упало сердце. На встрѣчу ей вышелъ Семашко, взялъ за руку и подвелъ къ аналою. Въ эту минуту кто-то выступилъ изъ толпы и сталъ рядомъ съ нею. „Неужели женихъ?!“ мелькнуло въ сознаніи Ганны. Она подняла глаза... и свѣтлица огласилась неистовымъ крикомъ: рядомъ съ нею стоялъ „машталѣръ“ (конюшій) пана Семашка, старый, безобразный и глуповатый панъ Згличинскій! Онъ титуловался шляхтичемъ откуда-то изъ коренной Польши, пользовался большимъ расположеніемъ Семашка и съ своей стороны былъ рабски преданъ ему; но вся дворня не терпѣла его за нелѣпую спесь, дразнила его панскимъ шпіономъ и безжалостно трунила надъ его старикоескими странностями и причудами. И этотъ жалкій шутъ стоялъ теперь подъ вѣнцомъ рядомъ съ молодой женщиной, бывшей княгиней Любецкой и Сокольской!..

Невѣста кричала, что не хочетъ этого брака, падала на землю, рвалась вонъ, но ее удерживали мощныя руки. Начался обрядъ, но Ганна не хотѣла отвѣчать на вопросы священника. Самъ Семашко произносилъ за нее формулу супружеской присяги и торопилъ ксендза поскорѣе кончить обрядъ, такъ какъ невѣста видимо теряла сознаніе. Наконецъ произнесена была заключительная молитва—и Ганну безъ чувствъ вынесли изъ свѣтлицы.

Семашко устроилъ настоящій свадебный „бенкетъ“, самъ вызвался быть посаженнымъ у молодыхъ и, когда пришло время

дарить жениха и невѣсту, положилъ на подносъ сто копъ грошей и объявилъ, что даритъ имъ фольваркъ въ одномъ изъ своихъ имѣній.

Нѣсколько дней спустя Згличинскій объѣздилъ ближайшіе уряды, луцкій, кременецкій и владимірскій, и внесъ въ актовыя книги заявленія, что онъ, въ качествѣ законнаго опекуна своей жены, вполнѣ одобряетъ и подтверждаетъ всѣ записи, какія раньше были выданы ею пану Семашку и „малжонцѣ его милости".

XVII.

Съ тѣхъ поръ минуло около пяти лѣтъ.

Былъ іюнь 1580 года. Въ Луцкѣ происходили „рочки земскіе", т. е. сессія земскаго суда; по этому случаю въ городѣ былъ большой съѣздъ дворянъ.

Въ то время судъ отправлялся публично, и залы судебныхъ засѣданій всегда были наполнены публикой: одни ожидали своей очереди, а большинство являлось послушать извѣстныхъ адвокатовъ или же просто изъ желанія знать, кто, съ кѣмъ и какія имѣетъ дѣла. Это не было дѣломъ пустаго любопытства. Въ то время существеннымъ элементомъ образованія признавалось изученіе законовъ страны, знаніе Статута, и тотъ, кто былъ „не свѣдомъ права посполитого и обычаевъ правныхъ", считался невѣждой. Этого требовали и условія тогдашней общественной жизни. Каждый шляхтичъ могъ быть выбранъ на должность судьи въ земскій, гродскій, каптуровый и даже трибунальскій судъ; еще чаще ему приходилось быть приглашаему въ третейскіе или полюбовные судьи; дома, у себя онъ по праву владѣльца былъ обязанъ творить судъ надъ своими слугами и крестьянами; наконецъ, при общемъ тогда пристрастіи къ тяжбамъ и слабомъ уваженіи къ чужому праву, самый миролюбивый человѣкъ не могъ избѣжать, чтобы время отъ времени не являться въ судѣ въ роли истца или отвѣтчика. Для всего этого требовалось знаніе „права посполитого", хоть въ общихъ чертахъ, и знакомство

съ формами и порядками юридическими. Лучшей практической школой для того и служили судебныя засѣданія. Роль публики при тогдашнемъ судопроизводствѣ не была пассивной въ такой мѣрѣ, какъ въ наше время. При разборѣ сколько-нибудь важнаго или затруднительнаго дѣла, болѣе почетныя и свѣдущія въ „правѣ“ лица изъ присутствовавшихъ бывали обыкновенно приглашаемы предсѣдателемъ къ участію въ судебномъ засѣданіи, и при составленіи рѣшенія имъ предоставлялся совѣщательный голосъ; кромѣ того, каждый изъ публики, если ему было извѣстно что-нибудь по данному дѣлу, имѣлъ право потребовать слова и сообщить суду, что́ находилъ нужнымъ, хотя бы онъ и не числился въ спискѣ свидѣтелей.

Обыкновенно судебныя засѣданія происходили въ особомъ зданіи, помѣщавшемся въ замкѣ; но теперь, по причинѣ жаркаго времени и большого стеченія публики, судьи расположились на открытомъ воздухѣ, у притвора замковой каѳедральной церкви св. Іоанна Богослова. На площадкѣ церковнаго крыльца („кганка“), подъ тѣнью колонады, уставленъ былъ столъ, на которомъ лежалъ экземпляръ Статута, а за столомъ возсѣдали: судья, подсудокъ, писарь и почетныя лица изъ постороннихъ; остальная публика толпилась вокругъ „кганка“. Передъ началомъ каждаго дѣла возный по распоряженію судьи громкимъ голосомъ вызывалъ истцовъ и отвѣтчиковъ, и тѣ, въ сопровожденіи своихъ повѣренныхъ, всходили на „кганокъ“ и занимали мѣста по правую и по лѣвую сторону площадки.

Была уже обѣденная пора. Тѣнь отъ церковнаго зданія значительно укоротилась. Солнце стояло почти въ зенитѣ и немилосердно жгло присутствующихъ. Разбиралось какое-то маловажное дѣло, и публика наполовину разбрелась вокругъ церкви, ища прохлады; иные уже уходили.

Въ это время въ воротахъ замка показался владимірскій подкоморій Александръ Семашко въ сопровожденіи свиты изъ нѣсколькихъ человѣкъ; между ними была женщина, вся въ черномъ, съ длиннымъ покрываломъ на головѣ, полузакрывавшимъ ея лицо. Ни съ кѣмъ не здороваясь, Семашко взошелъ на крыльцо и сталъ о чемъ-то шептаться съ судьей. Въ ту же минуту

среди публики суетливо забѣгали адвокаты или по тогдашнему „прокураторы“, уже успѣвшіе провѣдать, что сейчасъ начнется интересное дѣло. Заслышавъ, о томъ, панскіе слуги стремглавъ поскакали въ городъ извѣстить своихъ господъ. Изъ сосѣдняго съ церковью старостинскаго дома вышла группа сановныхъ людей въ сопровожденіи блестящей толпы слугъ. Впереди медленно шелъ, опираясь на палку, небольшаго роста благообразный старикъ съ умнымъ, красивымъ лицомъ и круглою сѣдою бородою. Едва онъ приблизился къ церкви, какъ судья и подсудокъ сошли ему навстрѣчу, помогли подняться по ступенькамъ крыльца и усадили на почетномъ мѣстѣ за судейскимъ столомъ; съ такимъ же почетомъ приняты были и его спутники. Старикъ былъ знаменитый князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій и маршалокъ Волынской земли, а его спутники— князь Андрей Ивановичъ Вишневецкій, воевода волынскій, и Александръ Жоравницкій, староста луцкій. Между тѣмъ замокъ постепенно наполнялся шляхетствомъ, и не болѣе какъ черезъ четверть часа огромная толпа сплошною стѣною облегала церковное крыльцо, забывъ объ обѣдѣ и не обращая вниманія на полуденный припекъ.

По знаку, данному Семашкомъ, изъ числа прибывшихъ съ нимъ людей взошелъ на крыльцо низенькій пожилой человѣкъ въ костюмѣ польскаго „дворянина“: это былъ знакомый уже намъ „машталѣръ“ пана Семашки, шляхтичъ Зглічинскій. Поклонившись судьямъ, онъ робкимъ голосомъ, поминутно заикаясь, объяснилъ, что явился съ жалобою, но что, слабо владѣя русскимъ языкомъ, онъ не въ состояніи изложить ее на словахъ, а проситъ принять отъ него „цедулу, польскимъ письмомъ писаную“ и внести ее въ судебныя книги. Судья передалъ эту „цедулу“ писарю и велѣлъ громко прочесть ее. Среди присутствовавшихъ водворилась мертвая тишина, нарушаемая лишь громкимъ чиликаньемъ воробьевъ, доносившимся изъ-подъ церковной кровли.

Вотъ что гласила „цедула“ пана Зглічинскаго:

„Милостивые панове судьи! Должно быть извѣстно уже цѣлой Волыни, а не только вашимъ милостямъ, что жена моя

Ганна Монтовтовна почти во всю жизнь свою ведетъ себя развратно и распутно, не такъ, какъ должно вести себя честной женщинѣ. Еще въ недавнее время вотъ до чего она довела меня своимъ развратомъ и распутною жизнью: Получивъ деньги, которыя долженъ былъ намъ его милость панъ подкоморій владимірскій (т. е. Семашко) и жена его милости, она отправилась съ тѣми деньгами въ Соколь на ярмарку и тамъ связалась съ какимъ-то жолнеромъ Николаемъ Ковнацкимъ, которому отдала всѣ деньги, лошадей и бывшее при ней мое имущество, а сама, забывъ страхъ Божій и стыдъ, осталась съ Ковнацкимъ. Объ этомъ я имѣлъ съ Ковнацкимъ расправу предъ королемъ его милостью. Потомъ, когда Ковнацкій выдалъ мнѣ ее, жену мою, то, по просьбѣ ихъ милостей пана подкоморія и его жены, я простилъ ей, чтобы она, какъ родовитая шляхтянка, не срамила себя еще болѣе. Но она, развратница и распутница (прошу извиненія у вашихъ милостей на этомъ словѣ!) въ нынѣшнемъ 1580 году, на Ѳоминой недѣлѣ, съ понедѣльника на вторникъ, въ мое отсутствіе бѣжала съ мальчишкою Андрейкомъ Менькомъ, слугою пана подкоморія, забравъ послѣднее мое имущество. Возвратившись домой, я пустился въ погоню и догналъ ее въ с. Сенинѣ. Прошу васъ, моихъ милостивыхъ пановъ, допросить ее о причинѣ этого побѣга и измѣны; прошу также судить по закону эту развратную и распутную женщину, которая была моей женой, пока не измѣнила мнѣ и не совершила прелюбодѣянія. Пусть понесетъ она заслуженное наказаніе!“

Лишь только писарь кончилъ чтеніе жалобы, изъ среды публики вышла женщина въ черномъ платьѣ, та самая, что прибыла вмѣстѣ съ Семашкомъ. Всѣ присутствовавшіе давно знали, что это была обвиняемая, Ганна Монтовтъ. Трудно было узнать въ ней молодую, тридцати двухъ-лѣтнюю женщину—такъ она постарѣла и осунулась! Не твердою поступью взошла она по ступенькамъ крыльца и подала судьямъ записку, писанную по-польски.

„То есть власное рукописаня мое“, проговорила она сдавленнымъ голосомъ. „Што въ той цедулѣ написано есть, до того ся всего знаю (т. е. подтверждаю) и прошу вашихъ милостей, абы тая цедула была вычитана и до книгъ уписана“.

Видя, что обвиняемая отъ слабости едва держится на ногахъ, судья велѣлъ подать ей скамейку. Писарь снова началъ чтеніе:

„Милостивые панове судьи! Въ чемъ мужъ мой панъ Згличинскій обвиняетъ меня предъ вашими милостями, во всемъ томъ я признаю себя виновною. Винюсь ему во всемъ: въ томъ, что прежде убѣжала съ жолнеромъ Ковнацкимъ и растратила имущество, и въ томъ, что въ недавнее время бѣжала я съ Андрейкомъ Менькомъ. Все это я дѣлала по совѣтамъ и наущенію злыхъ людей, пана Яна и Андрея Монтовтовъ, братьевъ моихъ, которые привели меня къ тому частыми письмами и убѣжденіями. Уже прошло тому не мало времени, какъ Янъ Монтовтъ присылалъ ко мнѣ письмо слугою своимъ Свеховскимъ и увѣдомлялъ, что онъ поручилъ ему на словахъ переговорить со мной. Свеховскій, отъ имени своего пана, убѣждалъ, чтобы я уговорила своего мужа ѣхать къ Яну Монтовту, обѣщая намъ ласковый пріемъ. Онъ уговаривалъ также, чтобы я отреклась отъ записей, данныхъ мною пану подкоморію и женѣ его милости на имѣнія: Коблинъ, Млыновъ и Липую. Сказывалъ также Свеховскій, что паны Монтовты написали на свое имя крѣпости и записи съ тѣмъ, чтобы я объявила ихъ выданными раньше всѣхъ другихъ, будто бы отецъ мой съ ихъ отцомъ имѣлъ какія-то юридическія сдѣлки. Панъ Згличинскій тотчасъ пошелъ и отдалъ пану подкоморію листы, привезенные Свеховскимъ, и не согласился на предложенія моихъ братьевъ, когда я уговаривала его, а сказалъ: „я не хочу измѣнить пану подкоморію, потому что ты получила отъ него деньги“. Послѣ того Андрей Монтовтъ безпрестанно подсылалъ ко мнѣ, уговаривая меня бросить мужа и пріѣхать къ нему съ кѣмъ-нибудь. Поэтому я и пристала къ Ковнацкому; но Ковнацкій держалъ меня за крѣпкою стражею, какъ только узналъ, что панъ Згличинскій подалъ на него жалобу. Послѣ того, какъ панъ Згличинскій отобралъ меня отъ Ковнацкаго, Янъ и Андрей Монтовты, сведя знакомство съ Андрейкомъ Менькомъ, съ которымъ я и прежде имѣла связь, противную Богу и долгу супружескому, уговорили меня чрезъ того жъ Андрейка Менька, чтобъ я пану подкоморію и его женѣ дала отраву. И тотъ Менько

самъ принесъ мнѣ черную ящерицу, которую мы въ мѣшечкѣ приправили и при содѣйствіи Янка, бывшаго въ то время старшимъ на кухнѣ, подали на ужинъ въ рыбѣ, въ лещѣ, въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ. И того леща ѣли всѣ, сидѣвшіе въ то время за столомъ, а я своими руками подала пану Згличинскому, и онъ ѣлъ; а Андрейко кромѣ того далъ отраву пану подкоморію въ питьѣ, а Доротка подала пани подкомориной въ кувшинѣ съ медомъ. Въ тотъ же день панъ Янъ и Андрей Монтовты, за помощью того же Менька, надѣялись достать записи, данныя моей мачехѣ покойнымъ отцомъ моимъ, а также выданныя мною записи на отцовскія имѣнія и листы, полученные мною отъ отца на тѣ же имѣнія. Монтовты уговорили меня чрезъ того же Менька дать согласіе на похищеніе исчисленныхъ документовъ и убѣждали, чтобы всѣ записи, данныя мною пану подкоморію и его женѣ, я какъ можно скорѣе объявила недѣйствительными—сначала въ Пинскомъ урядѣ, а потомъ и вездѣ, а признала бы имѣющимп силу лишь тѣ записи, которыя они написали въ свою пользу. За это они обѣщали дать мнѣ имѣніе въ Литвѣ. Съ тою цѣлью Менько и привезъ меня въ Сенинъ, чтобъ я ожидала тамъ отъ братьевъ своихъ, пановъ Монтовтовъ, экипажа и слугъ, которые должны были доставить меня въ Дубровицу; а самъ Менько остался для похищенія документовъ, сговорившись съ Ядвигою и Дороткою, которыя въ ту же ночь должны были выдать шкатулку въ окно черезъ сѣни. Но не знаю, какъ Богъ открылъ злой замыселъ, вѣрно за благодѣянія, которыя оказывали мнѣ ихъ милости, давъ мнѣ не мало имущества. Все это имущество я потеряла, слушая злыхъ совѣтовъ Яна и Андрея Монтовтовъ. Теперь прошу васъ, милостивыхъ пановъ, ради Господа Бога, будьте моими ходатаями передъ паномъ Згличинскимъ, чтобъ не быть мнѣ въ рукахъ палача. Пусть онъ отпуститъ меня въ монастырь, гдѣ я буду каяться въ грѣхахъ моихъ и молиться о панѣ Згличинскомъ, чтобъ наградилъ его Господь Богъ за то, что онъ не далъ меня въ руки палача. А тѣмъ злымъ людямъ, братьямъ моимъ Монтовтамъ, пусть воздастъ Господь Богъ за то, что они довели меня до такого преступленія!“

По обычному порядку тогдашняго судопроизводства, должны были слѣдовать далѣе „контроверсіи“, т. е. судебныя пренія между сторонами или ихъ повѣренными; но какія возможны были „контроверсіи“ въ данномъ дѣлѣ, когда обвиняемая не только повинилась во всемъ, но еще созналась въ цѣломъ рядѣ новыхъ преступленій: покушеніи на отраву и воровство, въ соучастіи въ поддѣлкѣ документовъ, о чемъ вовсе не упоминалось въ обвиненіи! Оставалось примѣнить соотвѣтствующія дѣлу статьи закона; но судья медлилъ. Онъ обратился къ обвинителю съ предложеніемъ, не желаетъ ли тотъ простить жену.

— „Проше, жебы ведлугъ заслуги свей каранье взѣла!“ проговорилъ какимъ-то словно заученнымъ тономъ Згличинскій.

Всѣ обратились въ сторону обвиняемой. Блѣдная, безъ кровинки въ лицѣ, съ опущенными глазами, она, казалось, не замѣчала ничего, что вокругъ нея творилось. Когда судья спросилъ, не имѣетъ-ли она сказать что-нибудь въ дополненіе къ своей запискѣ, Ганна не тотчасъ отвѣтила: казалось, пересохшія губы и языхъ плохо повиновались ей.

— „Рачте ся, ваша милость“, прошептала она прерывающимся голосомъ, „примовити до пана Згличинского, абы-мъ отъ него зъ малженства была вольна; нехай бы-мъ пошла до кляштора, покутовала за грѣхи свои и за него Пана Бога просила, же (что) не далъ мене въ катовские руки за мои выступки!“

Только теперь Ганна будто очнулась и начала тихо плакать.

Все смолкло. Судьи задумались. Каждому невольно пришла на память прошлая жизнь обвиняемой, полная превратностей, обильная несчастіями. Было нѣчто трагическое въ судьбѣ этой женщины, нѣкогда княгини, а теперь преступной жены панскаго конюшаго, доведенной до этого жалкаго положенія не столько собственнымъ легкомысліемъ, сколько ненасытною алчностью и безсердечіемъ окружающихъ. На ея жизненномъ пути, вначалѣ легкомъ и удобномъ, постепенно скоплялись такія препятствія, что одолѣть ихъ было бы подъ силу развѣ женщинѣ большого ума и необычайной энергіи, а ужъ никакъ не ей— утлому челноку, безъ руля и безъ вѣтрилъ пущенному въ откры-

тое море. Винить ли ее за то, что природа отказала ей въ качествахъ, столь необходимыхъ въ ея превратной долѣ?

„Иже есть безъ грѣха въ васъ, первѣе верзи камень на ню“, послышалось вдругъ среди общаго безмолвія. Это произнесъ, размышляя вслухъ, князь Острожскій. Онъ сидѣлъ, низко опустивъ сѣдую голову.

Всѣ какъ-бы очнулись. „Правду мовитъ его милость князь воевода киевский!“ отвѣтили нѣкоторые изъ публики.

Краснорѣчивое слово даровитаго защитника не было бы въ состояніи вызвать среди присутствовавшихъ такое единодушное настроеніе въ пользу обвиняемой, какъ тѣ немногія слова, которыя такъ кстати произнесъ набожный князь. Они живо напомнили каждому трогательную евангельскую сцену, которая теперь какъ бы воочію повторялась передъ зрителями. Подъ знойными лучами полуденнаго солнца, у притвора храма, собралась толпа народа, а среди нея блѣдная и трепещущая стояла блудница, съ смертнымъ страхомъ ожидавшая рѣшенія своей участи. И какъ бы для полноты сходства, въ эту минуту панъ Семашко съ недовольнымъ видомъ поднялся съ своего мѣста и молча оставилъ собраніе; за нимъ послѣдовала его свита. „Фарисеи же изыдоша единъ по единому“... невольно подумалось каждому. А наклонненая фигура престарѣлаго князя оставалась все въ томъ же положеніи, и каждый мимовольно ждалъ, что вотъ сейчасъ услышитъ онъ заключительныя слова: „Иди и ктому не согрѣшай“.

Слова эти наконецъ раздались, хотя въ другой формѣ. Судья поднялся съ своего мѣста и объявилъ декретъ:

„Мы, судъ, видячи тое, иже тая справа не нашому судови належитъ, але духовному, отсылаемо есми то до суду належного, духовного“.

Это означало, что судъ не нашелъ въ дѣлѣ преступленія, подлежащаго его карѣ, а раскрылъ лишь факты, по понятіямъ того времени вполнѣ достаточные для расторженія брака; но такъ какъ послѣднее дѣйствіе выходило за предѣлы компетенціи свѣтскаго суда, то онъ съ этою цѣлью и постановилъ передать дѣло суду духовному.

Этимъ мы и закончимъ нашъ очеркъ, такъ какъ дальнѣйшая судьба Ганны Монтовтовны намъ не извѣстна. Надо полагать, что ея бракъ былъ расторгнутъ, и что Семашку удалось упрятать ее въ кляшторъ гдѣ-нибудь въ коренной Польшѣ, подальше отъ родины. По крайней мѣрѣ съ этой поры имя Ганны не встрѣчается болѣе въ актовыхъ книгахъ волынскихъ судовъ. откуда мы заимствовали не только фактическій матеріалъ для настоящаго очерка, но мелкія подробности тогдашняго быта, стараясь по возможности не сходить съ почвы документальныхъ фактовъ на путь вымысла.

О. Левицкій.

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ ВЪ XVII В.

Матеріалы, на которые сдѣланы указанія и ссылки въ нашемъ изслѣдованіи, съ объясненіемъ принятыхъ нами сокращеній:

1) АЗР. = Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I, II.

2) АЮР. = Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, т. I.

3) Алек. = „Александрія"—списокъ съ рукописи 1697 г. изъ Румянцевскаго музея.

4) Апок. = **Апокрисисъ албо ѿповѣть на книжки о съборѣ берестейскомъ**: старопечатная книга не позже 1597 г. Заглавіе приведено по Описанію славянорусскихъ книгъ Каратаева. Въ подлинникѣ, которымъ мы пользовались, недостаетъ заглавнаго листа.

5) Вир. Сак. = Вирши, сочиненныя Кассіяномъ Саковичемъ по случаю погребенія гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго въ 1622 г., издан. Голубевымъ въ приложеніяхъ къ Исторіи кіевской академіи 1887 г.

6) Г. К. = Іоанникія Галятовскаго **Ключъ разумѣнїя**, изд. кіево-печерской лавры 1660 г.

7) Г. Наука = его же **Наука албо способъ зложенія казанія**, изд. кіево-печерской лавры 1659 г.

8) Г. М. = его же **Месїа праведный**, изд. кіево-печерской лавры 1664 г.

9) Г. Чуд. = его же **Чуда пр҃тои Бг҃ородицы**, изд. кіево-печерской лавры 1660 г.

10) **Грамматики славенскиа правильнѣе Сѵнтагма, потщанїемъ многогрѣшнаго Мнїха Мелетїа Смотрискаго.. .. въ Евю**, 1619 г.

11) Гол. гр. №...= Головацкаго Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго, 1867 г.

12) Гол. = Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ, 4 т. 1878 г.

13) Густ. л. = Густынская лѣтопись, изд. Археограф. коммиссіей, т. II. 1843 г.

14) Діар. А. Ф. = Діаріушъ Берестейскаго игумена Аѳанасія Филипповича 1646 г., изд. Археограф. коммиссіей: Русская историческая биліотека т. IV, 1878 г.

15) Дум. = Народныя малорусскія думы разныхъ изданій.

16) Εὐχαριστήριον албо вдячность... в друкарни монастира печ: к: Року ҂ахлв.

17) Ж. Ѳ. = Житіе Ѳеодосія: Чтенія въ императ. обществѣ исторіи и древностей 1880 г. изд. Попова.

18) Іоанна Вишенскаго посланія: Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи т. II.

19) Ипат. = Лѣтопись по ипатскому списку, изд. Археографическою коммиссіей 1871 г.

20) Казаньє двоє .Леонтія Карповича 1615 г., изд. въ Чтеніяхъ импер. общества исторіи и древностей, 1875 г.

21) Кіевская лѣтопись (1241 — 1621): Сборникъ лѣтописей, изданный кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, 1888 г.

22) К. Х. = Кіевская хроника, принадлежитъ В. П. Науменку.

23) Кирилла Транквилліона Зерцало богословїи выдруковано к манастыру почаевском року ҂ахнї.

24) Лекс. Бер. = Лексіконъ славенорωсскїи... Памвою Берындою... згромажєный... Кутеинское изд. 1653 г.

25) Луц. ев. XIV в. = Луцкое евангеліе XIV в.: Очерки изъ исторіи русскаго языка Соболевскаго 1883 г.

26) Ляментъ людей побожныхъ, що ся стало въ Литовской земли: Южнорусскія лѣтописи, изд. Бѣлозерскимъ въ 1856 г.

27) Ляментъ ω прыгодѣ нещаснои ω з живота и модерствѣ мечанъ Ωстрозких. . ро Бжына ҂ахлз: рукопись принадлежитъ автору.

28) Льв. л. = Львовская лѣтопись, изд. А. Петрушевичемъ.

29) Меж. л. = Межигорская лѣтопись (1608—1700 г.): Сборникъ лѣтописей, изданный кіевскою коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, 1888 г.

30) Мечъ Б. = Мечъ Духвны еже есть глъ Бжїи Лазаря Барановича, изд. кіево-печерской лавры, 1666 г.

31) Пал. З. К. = Палинодія Захаріи Копыстенскаго 1621 года, изд. Археографическою коммиссіей: Русская историческая библіотека т. IV.

32) Петра Могилы „Собственноручныя записки“: Архивъ Юго-Западной Россіи, изд. коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, ч. I, т. VII. 1887 г.

33) Перес. = Описаніе Пересопницкой рукописи. Кіевъ. 1876 г.

34) Пис. Б. Х. = Письма Богдана Хмельницкаго къ разнымъ лицамъ по спискамъ съ подлинниковъ, хранящихся въ Главномъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

35) Рад. Ог. = Радивиловскаго Ѡгородокъ Мрїи Бцы, изд. кіево-печерской лавры, 1676 г.

36) Сбор. 1073 г. = Изборникъ Святослава 1073 г., изд. Морозовымъ.

37) Сбор. ц. ар. м. = Сборникъ церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи № 441.

38) Син. = Сѵнѻѱїсъ, изд. кіево-печерской лавры 1678 г.

39) Стр. = Страсти Христовы, рук. XVII в.

40) Тр. п. = Тріодь постная, изд. кіево-печерской лавры, 1627 г.

41) Уч. Ев. = Учительное Евангеліе, рукоп. кіево-михайловскаго монастыря, 1604 г.

42) Хм. л, = Хмельницкая лѣтопись, изд. кіевс. археографической коммиссіей, 1875 г.

43) Чуб. = Пѣсни, собранныя и изданныя Чубинскимъ въ Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, т. V.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы не имѣли возможности воспользоваться нѣкоторыми рукописями и старопечатными книгами, на которыя дѣлаемъ ссылки въ своемъ изслѣдованіи, поэтому мы были вынуждены въ подобныхъ случаяхъ приводить текстъ памятниковъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были изданы въ наше время, т. е.—въ большинствѣ случаевъ—безъ соблюденія стариннаго правописанія. Можно пожалѣть о томъ, что этотъ способъ изданія старинныхъ памятниковъ нашихъ считается, по видимому, правильнымъ съ научной точки зрѣнія.

Славянская рѣчь въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка.

I.

Колебанія въ выборѣ литературнаго языка во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.—Соображенія южнорусскихъ писателей въ пользу славянскаго языка.—Недовѣріе къ „латинской наукѣ" со стороны народа и православнаго духовенства.—Водвореніе ея въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ.—Признаніе славянскаго языка объединяющимъ началомъ умственной жизни.

Въ XIV вѣкѣ Южная Русь вошла въ составъ литовскаго государства, но только въ XV вѣкѣ сознано было въ ней объединяющее начало политической жизни, когда Витовтъ поставилъ крымское ханство въ ленную зависимость отъ себя, а внутри страны, въ замѣнъ удѣльнаго порядка, державшагося при Ольгердѣ, началъ проводить систему государственнаго единства. Послѣ паденія демократической — собственно литовской партіи въ лицѣ Сигизмунда Кейстутовича, а также удѣльно-княжеской въ лицѣ Свидригайла, выступили на сцену *земяне*, подготовлявшіе шляхетскій строй въ литовско-русскихъ земляхъ. Эта смѣна одного порядка вещей другимъ ставила Южную Русь въ выжидательное положеніе и не давала возможности заложить въ ней основы прочной культуры. Древнерусскія книжныя преданія тянулись только въ богослужебномъ обрядѣ православной церкви, да въ старинной письменной рѣчи, которая принята была въ канцеляріяхъ литовскихъ князей. Встрѣчаются въ ней особенности то малорусскаго, то бѣлорусскаго нарѣчій, но случайно и болѣе или менѣе безсознательно.

Съ сороковыхъ годовъ XVI вѣка въ Литву начали проникать идеи реформаціи, а вслѣдъ затѣмъ идеи кальвинизма и социніанства. Онѣ коснулись и Южной Руси и вызвали здѣсь вниманіе книжныхъ людей къ народному языку, которое выразилось въ цѣломъ рядѣ переводовъ Евангелія и другихъ священныхъ книгъ „изъ ѧзыка блѣгарского̀ на мовоу роу́скоую̀", или „с полскаго ꙗзыка на речь рускую". Явилась такимъ образомъ потребность создать письменную русскую рѣчь, какъ отдѣльное цѣлое, отличное отъ рѣчи славянской и польской. Тѣмъ не ме-

нѣе переводчики не могли отрѣшиться въ трудахъ своихъ отъ языка своихъ подлинниковъ. Сравнивая два перевода, которые мы имѣли подъ руками, мы должны отдать предпочтеніе тому изъ нихъ, который сдѣланъ „изъ языка блъгарскаго“. Въ такой книгѣ, какъ Евангеліе, славянская рѣчь не можетъ быть совершенно лишнею, лишь бы она выражена была понятнымъ образомъ, въ духѣ народной фонетики и фразеологіи. Таковъ именно стиль Пересопницкаго Евангелія (1556—1561 г). Что касается до другаго Евангелія—Хорошевскаго (1681 г) [1]), то въ немъ польскій текстъ почти дословно переданъ русскими буквами: устранена только польская фонетика, фразеологія же вся почти оставлена польская [2]).

Какъ бы то ни было, начало было сдѣлано: народная рѣчь была допущена въ священныя книги. Въ такъ называемыхъ „Учительныхъ Евангеліяхъ“, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, мы нерѣдко встрѣчали переложенія на народную рѣчь отрывковъ изъ книгъ новозавѣтныхъ и даже ветхозавѣтныхъ [3]). Къ XVI в. относится также переводъ всей книги „Пѣснь пѣсней [4]), къ концу XVI или къ началу XVII в.—переводъ Псалтири на малорусское нарѣчіе [5]).

Но не таковы были условія общественной жизни, чтобы эта мысль безъ колебаній и сомнѣній могла войти въ сознаніе южнорусскихъ грамотныхъ людей.

---

[1]) Переведено Валентиномъ Невгалевскимъ въ мѣстечкѣ Хорошевѣ на Волыни. Рукопись хранится въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря подъ № 1636.

[2]) Подробнѣе объ этихъ переводахъ—въ Описаніи Пересопницкой рукописи (Кіевъ 1876 г.), а такъ же въ статьѣ: „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ“ (Кіевская Старина 1882 г. Ноябрь).

[3]) Таково, напримѣръ, Учительное Евангеліе 1604 г.—въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря, рукопись подъ № 1643, или же Учительное Евангеліе, напечатанное при Петрѣ Могилѣ въ 1637 г. (есть въ библіотекѣ кіево-печерской лавры).

[4]) См. Описаніе рукописей московской синодальной библіотеки Горскаго и Невоструева. Отд. II кн. 3. № 331. Переводъ сдѣланъ съ латинскаго. Текстъ священной книги оканчивается цѣлымъ рядомъ статей, представляющихъ духовное руководство къ возбужденію въ человѣкѣ любви къ Богу. Вторая и третья статья имѣютъ видъ молитвенныхъ воззваній.

[5]) Рукопись хранится въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 1017. Нѣкоторымъ изъ псалмовъ, начиная съ 37, предпосланы краткія введенія, въ которыхъ излагается въ немногихъ словахъ содержаніе псалма.

Прежде всего она казалась благочестивымъ людямъ орудіемъ обоюдуострымъ. Хотѣли они говорить съ народомъ на понятномъ для него языкѣ, но боялись проговориться. Такъ, гетманъ Ходкевичъ въ предисловіи къ изданному имъ въ 1568—1569 гг. „Учительному Евангелію“ говоритъ, что онъ хотѣлъ-было переложить эту книгу „вырозумѣнія ради простыхъ людей“ на „простую молву“, но посовѣтовали ему „люди мудрые, втомъ писмѣ оучоные, иже прекладаніемъ здавныхъ пословицъ на новые, помылка чинится немалая. Якоже и нынѣ обрѣтаетсѧ вкнигахъ новаго переводу“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, не легко было писателю того времени найти въ народной рѣчи точныя выраженія для всякаго рода богословскихъ положеній, которыя были тогда предметомъ горячей полемики. Да и самая рѣчь эта звучала неодинаково въ разныхъ краяхъ литовскаго государства: это была то малорусская, то бѣлорусская рѣчь, а та и другая въ свою очередь распадалась на множество отдѣльныхъ говоровъ. Поэтому можно вообразить себѣ, какія затрудненія встрѣтилъ-бы писатель, если-бы онъ рѣшился говорить чистымъ народнымъ языкомъ, не занявшись предварительно изученіемъ народныхъ нарѣчій, которое въ XVI в. не мыслимо было не только у насъ, но и въ Европѣ. Понятно такимъ образомъ, почему мысль о народной рѣчи скользнула, такъ сказать, въ умѣ книжныхъ людей, не получивъ тотчасъ надлежащаго примѣненія. Они спѣшили организовать литературную рѣчь на готовой почвѣ книжныхъ преданій, спѣшили найти въ нихъ объединяющій фокусъ, что бы не растеряться въ массѣ діалектическихъ подробностей. Такимъ литературнымъ фокусомъ былъ для нихъ церковно-славянскій языкъ. Это была своего рода униформа для всѣхъ народныхъ нарѣчій, освобождавшая, какъ писателя, такъ и читателей, отъ непосредственнаго знакомства съ этими нарѣчіями,—мало того—расчитанная не на одну Русь, но и на другихъ славянъ греческаго исповѣданія. „Русинъ либо сербинъ, или болгаринъ“, говорится въ одномъ полемическомъ сочиненіи начала XVII в., „въ разумѣ языка славенскаго вѣ-

[1]) Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491—1730 гг. Каратаева. Вып. I, стр. 144.

даетъ и разумѣетъ, чѣмъ спастися можетъ“ [1]),—а въ книгѣ „Тріодіонъ“, изданной въ кіево-печерской лаврѣ въ 1627 г., издатели просятъ другихъ славянъ, чтобы они не нарекали на нихъ за переводъ синаксарей „на россійскую бесѣду общую“ [2]). Очевидно, славянскій языкъ считался неприкосновенною собственностію всего православнаго славянства, въ противоположность латинскому языку, который былъ органомъ католическаго славянства. Достоинство славянскаго языка, по мнѣнію защитниковъ его, заключалось въ томъ, что онъ по своей конструкціи ближе стоялъ къ греческому языку, чѣмъ языкъ латинскій. Мысль эта, въ послѣдствіи развитая Ломоносовымъ, въ первый разъ высказана была извѣстнымъ Захаріей Копыстенскимъ. Въ „Предмовѣ“ къ толкованію Іоанна Златоустаго на 14 бесѣдъ Апостола Павла (1623 г.) онъ утверждаетъ, что, за вычетомъ греческихъ словъ, существующихъ въ языкѣ латинскомъ для выраженія „трудныхъ рѣчій“, латинскій языкъ окажется „недоволный и недостаточный“. „Зъ вѣку заисте, продолжаетъ ученый авторъ „Палинодіи“, той славенскій языкъ есть знаменитъ, котораго Іафетъ и его поколѣніе уживало: широко и далеко ся ростяглъ, и славный былъ: для чего отъ славы славенскимъ названный есть, гды отъ Заходу Бѣлаго моря и Венецкихъ и Рымскихъ ся тыкаетъ границъ, а отъ полудня зъ Греціею въ сусѣдствѣ и братерствѣ живетъ; надъ сходъ зась солнца надъ Чернымъ моремъ до Персіи притагаетъ, а у Ледовитого моря ся опираетъ“ [3]) Еще рѣшительнѣе въ этомъ направленіи высказывались менѣе ученые современники Захаріи Копыстенскаго. „Языкъ славянскій“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „правдою Божіею основанъ, збудованъ и огороженъ есть“, а въ латинскомъ языкѣ „только лжа, поганская хитрость и фарисейство сѣдитъ, почиваетъ и обладаетъ“ [4]). Страстная полемика велась въ то время изъ-за славянскаго языка. Многіе питали мистическую вѣру въ его чудодѣйственную силу. „Въ родѣ Латинскомъ“, говоритъ тотъ-же авторъ,

[1]) Петръ Могила, Голубева. Приложенія стр. 92.
[2]) Ibid. 399.
[3]) Исторія кіевской академіи, Голубева, вып. 1, стр. 182.
[4]) Петръ Могила, Голубева 92.

„нѣтъ ни единаго человѣка святаго, который бы добронравіе и запахъ красный и любимый отъ своего тѣла по смерти испустилъ и знакъ святости показалъ, но всѣ смердятъ, яко гнилые псы“:— между тѣмъ, посредствомъ славянскаго языка многіе спасли душу свою, о чемъ свидѣтельствуютъ житія „оныхъ святыхъ мужей, чудотворцевъ великихъ, которые и по смерти бѣсныхъ исцѣляли“ [1]).

Нужно замѣтить, что это не былъ уже тотъ славянскій языкъ, который мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности, напр. въ Остромировомъ Евангеліи. Онъ далеко стоялъ отъ живой народной рѣчи, которая давно уже утратила многіе звуки и формы, роднившія ее нѣкогда съ старинным славянскимъ языкомъ. Положительно можно сказать, что этого стариннаго языка никто надлежащимъ образомъ не зналъ ни въ Южной, ни въ Сѣверной Руси. Въ богослужебныхъ книгахъ господствовалъ уже новый славянскій языкъ, который въ теченіи многихъ вѣковъ измѣнялся подъ вліяніемъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, поэтому славянскія рукописи того времени отличаются синкретизмомъ, т. е. наслоеніями всякаго рода не только діалектическими, но и хронологическими. Такимъ образомъ и новый славянскій языкъ, благодаря *перусской* примѣси, былъ мало понятенъ народу, представляя и для книжныхъ людей образцы, не совсѣмъ удобные для подражанія. Они всѣми силами стремились усвоить литературные способы выраженія, допускаемые въ славянскихъ книгахъ,—и все таки не могли отрѣшиться отъ стихійнаго вліянія народной рѣчи, которая постоянно вторгалась въ славянскую рѣчь, какъ ясный лучъ солнца въ темное, обветшалое зданіе. Это особенно замѣтно въ раннихъ полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ Уніи, напр., въ посланіи І. Вишенскаго, который, не смотря на свое религіозное уваженіе къ славянскому языку, не могъ справиться съ его тяжеловѣсной фразеологіей, то передѣлывая ее въ народномъ вкусѣ, то перемѣшивая ее съ народными словами и выраженіями, исполненными крѣпкаго малорусскаго юмора. Но въ то время какъ одни, желая писать пославянски, не могли овладѣть славянскою рѣчью,

[1]) Петръ Могила, Голубева. Приложенія 92—73.

другіе—наоборотъ, желая держаться народной рѣчи, не могли обойтись безъ славянскихъ словъ и выраженій. Такъ, Кириллъ Транквилліонъ въ „Зерцалѣ Богословія“ (1618 г.) извиняется предъ читателемъ, что онъ не все писалъ „попро́стꙋ“, а вынужденъ былъ „вто́й кни́зѣ покладати просты̑ ꙗзы́къ и̑ слове́нскїй“: причина въ томъ, что многія слова славянскія не переводимы на простой языкъ,—а впрочемъ, съ огорченіемъ прибавляетъ онъ, „простако́ви все кри́во, хотѧ̑ и̑ наи̑простѣ́йше, а̑ моу́дрїи и̑ криво́е спра́вити мо́же“ [1]).

Но „простаковъ“ было больше, чѣмъ „мудрыхъ“. Нужно было такъ или иначе согласить умственные интересы тѣхъ и другихъ, а для этого нужно было создать нѣчто среднее между рѣчью славянскою и народною. Сознаніе этой нужды выразилось въ особенной терминологіи для названія народа русскаго, страны русской, рѣчи русской. Еше въ первой половинѣ XV в., подъ вліяніемъ высшей церковной іерархіи греческаго происхожденія, появились въ Юго-Западной Россіи отъ греческаго слова Ρῶς производныя слова: *Росея* и *Росія, роскій* и *россійскій* вмѣсто старинныхъ *Русь, руський* [2]). Въ концѣ XVI в. эти слова съ прибавкой родоваго понятія *Славенороссkій, славенороссійскій* получили особенное распространеніе [3]). Казалось книжнымъ людямъ того времени, что въ греческой передѣлкѣ эти слова болѣе соотвѣтствуютъ вѣроисповѣдному чувству русскихъ людей, говорившихъ разными нарѣчіями, которыя желательно было соединить въ одной общей литературной рѣчи для подобающаго выраженія этого чувства. Но оно уже было выражено въ церковныхъ книгахъ,—поэтому, какъ ни мудрили „мудрые“, а все-же отрѣшиться отъ славянскаго языка они не могли.

На сторонѣ славянскаго языка были и вѣковыя привычки народа, который вовсе не смущался загадочной темнотой церковныхъ словъ и выраженій, видя въ ней естественное свойство священнаго языка, стоящаго выше ежедневнаго употребленія.

---

[1]) Изъ Библ. кіевск. духовной академіи кн. подъ № 402.

[2]) Галицкій Литерат. Сборникъ 1859 г. Вып. II, 256. Ст. А. Петрушевича.

[3]) Собраніе соч. Максимовича т. II. 307—311.

Выходила путаница въ понятіяхъ и стремленіяхъ: тѣ, которые болѣе или менѣе понимали церковно-славянскій языкъ, не чужды были стремленія къ народной рѣчи,—самъ-же народъ готовъ былъ поддерживать церковно-славянскій языкъ вовсе не потому, что онъ былъ для него понятенъ, а наоборотъ—потому, что онъ возвышался надъ уровнемъ его обыкновенныхъ понятій. Многіе такъ сжились съ этимъ порядкомъ вещей, что не считали возможнымъ желать чего нибудь лучшаго, отстаивая вмѣстѣ съ славянскимъ языкомъ и темноту народныхъ массъ. Извѣстный іезуитъ Скарга доказывалъ, что Русь сама не знаетъ славянскаго языка,—да и знать его не стоитъ, потому что онъ никогда не былъ языкомъ науки [1]). Мнѣніе это вызвало отвѣтъ со стороны неизвѣстнаго намъ ревнителя православія, который „отъ своее простоты“, какъ онъ говоритъ, „и глупства славянскаго языка“ [2]) пишетъ: „мы глупая Русь... глупыми быти по разсужденію свѣта сего, изволяемо, яко да спасеніе душевное получимъ“ [3]). Онъ совѣтуетъ учить дѣтей „богомолебному и праведному часословцу во мѣсто діалектики, которая зъ бѣлаго черное, а зъ чернаго бѣлое претворяетъ“ [4]). Онъ предостерегаетъ православныхъ отъ увлеченія латинской наукой примѣромъ тѣхъ епископовъ, которые „лакомячися на латинскую хитрость, мудрость, славу свѣтскую и тѣлесное покоище, пострадаша“ [5]). И нужно сказать, что въ этихъ убѣжденіяхъ звучала нота, симпатическая для народа, который смутно понималъ, что „латинская наука“ посягаетъ на свободу его совѣсти. „И гдѣ еси“, обращается тотъ же авторъ къ Скаргѣ, „то въ евангеліи и апостольской наукѣ нашелъ и начиталъ, яко да учитель наказаніемъ и порадою власть свѣтскую понуждаетъ, да плѣнитъ и неволитъ волныхъ и свободныхъ“ [6])? Въ самомъ дѣлѣ, это не была та

---

[1]) Это сочиненіе въ первый разъ издано было въ 1577 г. См. Петръ Могила, Голубева. Прилож. 145.

[2]) Ibid. 7—4.

[3]) Ibid. 76—77.

[4]) Ibid. 73.

[5]) Ibid. 69.

[6]) Ibid. 117.

наука, которая, развиваясь на почвѣ свободной мысли, содѣйствуетъ въ свою очередь ея развитію. Напротивъ того, она не довѣряла разуму и боялась его безстрастныхъ приговоровъ. Она сторонилась отъ всего, что могло нарушить покой вѣрующаго сердца, и заботилась только о томъ, что-бы одѣть готовое знаніе во всеоружіе логическихъ построеній. Она чуждалась самостоятельнаго творчества, предпочитая форму мысли дѣйствительному ея содержанію. Однимъ словомъ, это была извѣстная ancilla теологіи—схоластическая наука, выдвинутая іезуитами для защиты католичества. Противъ этой науки возставало инстиктивное чувство народа—не потому, что-бы онъ отчетливо представлялъ ея сущность, но потому, что онъ видѣлъ ея деморализующее вліяніе въ своей же собственной средѣ. Довольно вспомнить только многіе эпизоды изъ исторіи Уніи. Не повторяя того, что болѣе или менѣе всякому извѣстно объ этомъ, скажемъ только, что Унія, поддерживая авторитетъ іерархіи, подрывала соборное начало церковной жизни, которое вполнѣ соотвѣтствовало основнымъ воззрѣніямъ народа на общественную жизнь во всѣхъ возможныхъ ея проявленіяхъ. Устами одного изъ лучшихъ своихъ представителей, Іова Борецкаго, народъ высказался за право мирянъ предлагать совѣты пастырямъ церкви: „тогда, говоритъ Іовъ, „отцы въ сынахъ и сыны въ отцахъ пребывать будутъ“, и такимъ образомъ „послѣдуетъ согласіе и приверженность къ намъ народа“ [1]). Между тѣмъ, опираясь на государственную поддержку, Унія, вопреки своему названію, вносила рознь въ народное общежитіе, отъ котораго отставали люди, любившіе плыть по теченію. Они, обыкновенно, извлекали изъ своего положенія всякія выгоды и свысока смотрѣли на младшую братію. „Вы брата своего уничижаете, обращается къ нимъ Іоаннъ Вишенскій, „хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе называете. Добре, нехай будетъ хлопъ, кожемяка, сѣдельникъ и швець, але вспомяните, яко братъ вамъ родный во всемъ есть“ [2]). Такимъ обра-

---

[2]) Обзоръ рус. духовной литературы, Филарета. 178.

[1]) Акты Южной и Западной Россіи. II. 239.

зомъ, „латинская наука“ являлась передъ народомъ въ видѣ несимпатической для него Уніи.

Но какова-бы ни была „латинская наука“, во всякомъ случаѣ она была организованная умственная сила, съ которою можно было бороться такою же силой. Это было понято на югѣ Руси скоро послѣ появленія іезуитовъ въ Польшѣ [1]). Первая школа съ научнымъ характеромъ основана была въ 1580 г. княземъ К. К. Острожскимъ въ Острогѣ,—затѣмъ появились такія же школы и въ другихъ городахъ югозападной Руси. Въ противовѣсъ латинскому языку выдвинутъ былъ въ этихъ школахъ греческій языкъ. Въ уставѣ львовской школы (1586 г.) ничего не сказано о латинскомъ языкѣ,—называлась она школою *греческаго* и *славянскаго письма* [2]) По всему видно, что на первыхъ порахъ науку хотѣли почерпнуть изъ болѣе чистаго вѣроисповѣднаго источника. Но, по мѣрѣ открытія подобныхъ школъ, въ нихъ появляется и латинскій языкъ. Такъ, въ уставѣ виленскаго братства (1588 г.) упоминаются уже языки латинскій и польскій, хотя оба они поставлены послѣ русскаго и греческаго [3]). Изъ грамоты патріарха Ѳеофана кіевскому братству видно, что оно завело школу наукъ еллинославянскаго и *латинскаго* письма [4]),—однако же въ письмѣ къ Михаилу Ѳеодоровичу само братство называетъ свою школу „училищемъ языка *славянорусскаго, еллиногреческаго* и прочихъ дидаскаловъ“ [5]). Оно благоразумно умолчало о латинскомъ языкѣ, не жалая набрасывать на свою школу тѣнь подозрѣнія въ православной Москвѣ.

А между тѣмъ сила вещей брала свое. Само собою понятно, что въ польскомъ государствѣ нужно было учиться попольски. Что касается до латинскаго языка, то онъ былъ въ старинной Польшѣ языкомъ церкви и школы, языкомъ гражданскихъ и политическихъ понятій, — поэтому онъ входилъ въ

---

[1]) Іезуиты водворились въ Польшѣ въ 1564 г., а въ Вильнѣ въ 1569 г.—въ годъ Люблинской Уніи.

[2]) Исторія рус. церкви, Макарія IX. 415.

[3]) Ibid. 419.

[4]) Петръ Могила, Голубева. 296.

[5]) Ibid. 290.

самое существо польскаго общежитія, составляя необходимую приправу польской рѣчи въ кругу сколько-нибудь образованныхъ людей. Можно ли было послѣ этого южно-русской школѣ ограничиться изученіемъ языковъ греческаго и славянскаго? Очевидно, разъ сознана была на югѣ Руси необходимость въ школахъ, онѣ должны были рано или поздно сдѣлаться *латинскими школами*. „Самая главная надобность въ латинскихъ школахъ, говоритъ Сильвестръ Косовъ [1]), та, что-бы бѣдной Руси нашей не называли глупою Русью. Поѣдетъ бѣдняга Русинъ на трибуналъ, на сеймъ, или на сеймикъ, въ уѣздный городской судъ или земскій,—bez łaciny płaci winy! Ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла. Смотритъ только то на того, то на другаго, вытаращивъ глаза, какъ коршунъ“ [2]). Это уже вовсе не то, что мы слышали раньше—отъ старшаго поколѣнія южно-русскихъ писателей, которые, съ своей точки зрѣнія, были совершенно равнодушны къ словамъ „глупая Русь“. Это голосъ окрѣпшаго національнаго самосознанія, которое не хочетъ мириться съ приниженнымъ положеніемъ въ государствѣ. Весь вопросъ въ томъ, удастся-ли новому поколѣнію защитниковъ „бѣдной Руси“ сохранить свѣжесть народнаго чувства и не усвоить вмѣстѣ съ „латинской наукой“ тѣхъ понятій, которыя чужды были народному духу.

Что бы видѣть, какъ рѣшали въ то время поставленный нами вопросъ, прежде всего обратимся къ программѣ просвѣтительной дѣятельности, которая начертана была въ тридцатыхъ годахъ XVII в. знаменитымъ Петромъ Могилою. Опираясь на симпатіи народа къ „древнему благочестію“, онъ всѣми силами старался поставить его подъ защиту науки, что-бы установить его догматическія начала, объяснить смыслъ богослужебныхъ обрядовъ, очистить ихъ отъ всякой посторонней примѣси. Нельзя сказать, что бы эта программа соотвѣтствовала всѣмъ потребностямъ жизни малорусскаго народа, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что творецъ ея не могъ найти въ условіяхъ своего времени твердой точки опоры для составленія программы

[1]) Elegesis abo danie sprawy o szkolach Kiowskich i Winnickich, w Lawrze. 1635 r.

[2]) Исторія кіевской академіи, Макарія. 76.

болѣе обширной. На первыхъ порахъ нужно было отстоять право народа держаться „древняго благочестія“, которое подвергалось самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны враговъ. Всякое отклоненіе отъ этого пункта могло бы только ослабить силы, способныя къ просвѣтительной дѣятельности. Мы вовсе не желаемъ сказать этимъ, что Петръ Могила руководствовался такимъ именно расчетомъ: мы только указываемъ на историческую логику событій, которая была обязательна для него, если только онъ желалъ добиться какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ. И нужно сказать, что на отмежованной имъ почвѣ онъ въ короткое время добился этихъ результатовъ. Подъ его вліяніемъ составленъ былъ сводъ основныхъ положеній православной догматики[1]), приведено было въ порядокъ богослуженіе православной церкви[2]). Понимая историческое значеніе святынь кіевскихъ, онъ поднялъ изъ развалинъ нѣкоторые храмы кіевскіе, другіе-же обновилъ и украсилъ. Но главнымъ дѣломъ его жизни, излюбленнымъ дѣтищемъ его души, была основанная имъ школа въ кіево-печерской лаврѣ (1631 г.), которую онъ вскорѣ соединилъ съ школой Богоявленскаго братства на Подолѣ (1632 г.). Такъ появилась знаменитая кіево-могилянская коллегія, переименованная при Петрѣ Великомъ въ академію (1701 г.). Она дала Кіеву умственный перевѣсъ надъ всѣми южнорусскими городами. Какъ во дни Владиміра Равноапостольнаго, Кіевъ снова сдѣлался центромъ просвѣщенія не только для Южной Руси, но и для Сѣверной. Правда, оно было взято не изъ перваго источника—не изъ гуманизма европейскаго, который на Западѣ стремился къ освобожденію мысли отъ подавляющаго авторитета средневѣковой теологіи, не изъ новыхъ воззрѣній Бекона на первоосновы человѣческаго знанія. Но, при оцѣнкѣ всякаго умственнаго движенія, не нужно забывать хронологіи. Беконъ умеръ въ то время, когда Петръ Могила выступилъ на общественное поприще. Ре-

---

[1]) Краткій катихизисъ подъ заглавіемъ: „Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской. Перев. изд. въ Кіевѣ 1645 г.

[2]) Требникъ Петра Могилы (Евхологіонъ). Первое изд. тоже въ Кіевѣ 1646 г.

ализмъ Бекона не успѣлъ еще проникнуть тогда и въ европейскія школы. Что касается до гуманизма, то онъ въ школьной обстановкѣ потерялъ ту остроту и ѣдкость, которою проникнуты были литературныя произведенія гуманистовъ. Вліяніе его ограничилось здѣсь смѣной средневѣковой латыни на классическую, при чемъ средневѣковые trivium и quadrivium остались въ полной неприкосновенности—съ тѣмъ-же преобладаніемъ наукъ trivium'а, т. е. грамматики, діалектики и риторики, надъ науками quadrivium'а, съ тою-же односторонностію метода, расчитаннаго на развитіе формальныхъ сторонъ мысли, выраженной въ изящной формѣ классической латыни. Сообразно съ этою цѣлью, изученіе классическихъ писателей не шло дальше упражненій въ слогѣ, которыя развивали механизмъ рѣчи въ ущербъ ея содержанію. Господство классической латыни давало ей видъ *втораго отечественнаго языка*, настоящій-же отечественный языкъ находился въ полномъ пренебреженіи. Такъ было всюду въ Европѣ—не только въ католическихъ школахъ, но и въ протестантскихъ, не только въ XVI в,, но и въ первой половинѣ XVII в., пока идеи Амоса Коменскаго не утвердились въ школьной практикѣ. А это произошло уже послѣ Вестфальскаго мира, т. е. спустя почти двадцать лѣтъ послѣ основанія кіево-могилянской коллегіи. Само собою разумѣется, что Петру Могилѣ не оставалось ничего другаго, какъ принять за образецъ своей школы обычный въ то время типъ *латинской* школы. Такъ онъ и сдѣлалъ, насадивъ, какъ сказано въ панегирикѣ ему, **Геликѡнъ, то єстъ, садъ ѹмѣєтности, "семь наѹкъ к себѣ маючїй"**. Кромѣ извѣстныхъ наукъ trivium'а, въ панигирикѣ исчисляются и науки quadrivium'а—ариѳметика, музыка, геометрія и астрономія. Всѣ онѣ подчиняются *Ѳеологіи*, иоторая есть „**корень и верхъ всѣхъ наѹкъ и ѹмѣєтностїй**" [1]). Нечего и говорить о томъ, что въ этомъ „Геликонѣ" могъ процвѣтать не иной методъ воздѣлыванія наукъ, какъ только схоластическій. Насажденъ былъ „Геликонъ" для того, что-бы облечь древнее благочестіе во всеоружіе науки. Весь вопросъ такимъ образомъ сводился къ

---

[1]) Изъ Библіотеки кіевс. дух. академіи, кн. подъ № 3051.

усвоенію научной техники. Отсюда всякаго рода риторическія упражненія и диспуты,— отсюда-же и господство латинскаго языка, который въ то время былъ обязателенъ въ наукѣ.

Такимъ образомъ заслуга Петра Могилы заключается въ томъ, что онъ отстоялъ въ Южной Руси право научнаго знанія, не опасаясь того, что оно происходило изъ иновѣрныхъ источниковъ. Конечно, это было одностороннее знаніе, но все-таки оно пріучало мысль къ опредѣленному методу, который во всякомъ случаѣ могъ служить твердой точкой опоры для дальнѣйшаго движенія мысли. Важно уже было то, что схоластическая наука располагала людей уважать эту самую мысль и не бояться ея логической силы. Она была водворена въ Южной Руси не для подрыва мѣстныхъ началъ жизни, а для развитія народнаго самосознанія въ средѣ тѣхъ людей, которые, за недостаткомъ мѣстной образованности, увлекались чуженародною— польскою. На стражѣ этого самосознанія поставленъ былъ славянскій языкъ, какъ богослужебный органъ „древняго благочестія". Самъ Петръ Могила заботился о томъ, что-бы въ богослужебныхъ книгахъ строго соблюдалась орфографія „грамматичнаа діалекту словенскаго пространнаго и всякоя благости и сладости преисполненнаго" [1]). Для приведенія въ систему вѣроученія и обрядовъ православной церкви требовалось, сверхъ обширной богословской учености, грамматическое знаніе церковно-славянскаго языка. Тутъ мало было простаго навыка къ славянской рѣчи,— нуженъ былъ научный методъ ея литературной обработки, нужны были талантливые представители этого метода. Однимъ изъ этихъ представителей былъ знаменитый Епифаній Славинецкій. Онъ учился въ кіевской коллегіи въ то самое время, когда учителя его, подъ руководствомъ Петра Могилы, подвизались на церковно-литературномъ поприщѣ [2]). Какъ извѣстно, Славинецкій вызванъ былъ въ Москву (1649 г.), гдѣ поручено было ему исправленіе богослужебныхъ книгъ. Онъ исполнилъ это дѣло

[1]) Петръ Могила, Голубева. 376.

[2]) Это были слѣдовавшіе одинъ за другимъ ректора коллегіи: Исаія Трофимовичъ (1632—1638), Софроній Початскій (1638—1640), Игнатій Оксеновичъ (1640—1642), Іосифъ Кононовичъ (1642—1646), Иннокентій Гизель (1646—1650).

съ излишнимъ буквализмомъ, опасаясь, можетъ быть, придирчивой критики со стороны возникавшаго тогда раскола. Такъ можно думать, между прочимъ, потому что въ собственныхъ сочиненіяхъ Славинецкаго славянская рѣчь совсѣмъ иная: она не только правильна и вразумительна, но даже отличается нѣкоторымъ изяществомъ. Какъ бы то ни было, на этомъ скромномъ труженикѣ стояло тогда все дѣло патріарха Никона. Славинецкій установилъ текстъ богослужебныхъ книгъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ употребляются во всей Россіи и даже у другихъ православныхъ славянъ. Это могъ сдѣлать только человѣкъ съ серіознымъ филологическимъ образованіемъ. Современники по всей справедливости называли его „изящнымъ дидаскаломъ, искуснѣйшимъ въ еллино-греческомъ и славянскомъ діалектахъ“ [1]).

Славинецкій былъ піонеромъ южнорусскаго просвѣщенія въ Москвѣ,—въ самомъ-же Кіевѣ оставалось не мало „дидаскаловъ“, которые не уступали ему въ знаніи церковно-славянскаго языка. Таковъ былъ Лазарь Барановичъ, первый ректоръ кіевскаго коллегіума изъ его воспитанниковъ (1650—1657). Это былъ громозвучный витія своего времени, любившій вносить въ свои проповѣди пышныя декораціи славянской рѣчи [2]). Она считалась умѣстной не только въ богословскихъ сочиненіяхъ, но даже въ историческихъ. Извѣстный „Синопсисъ“, приписываемый Иннокентію Гизелю, а также Густынская лѣтопись, написаны по церковно-славянски [3]). Очевидно, въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ многіе раздѣляли убѣжденіе, что церковно-славянскій языкъ годится для всѣхъ родовъ сочиненій, что на немъ можно выражать не только всѣ тонкости богословской мысли, но и бытовыя подробности жизни. Въ виду разногласія въ мнѣніяхъ и стремленіяхъ, которое часто доходило въ то время до кровавыхъ столкновеній, представители кіевской учености болѣе или менѣе чувствовали нужду въ объединяющемъ началѣ умственной жизни,

---

[1]) Обзоръ русской духовной литературы, Филарета. 234.

[2]) О стилѣ Л. Барановича можно уже судить изъ самыхъ заглавій его проповѣдей: *Мечъ духовный* (перв. изд. 1666 г.), *Трубы словесъ* (перв. изд. 1674 г.).

[3]) Синопсисъ имѣлъ много изданій въ XVIII в.; въ первый разъ напечатанъ былъ въ Кіевѣ въ 1674 г. Послѣднее его изданіе относится къ 1823 г.

поэтому многіе изъ нихъ держались за славянскій языкъ, какъ за якорь спасенія, утвержденный на религіозномъ чувствѣ народныхъ массъ, стараясь убѣдить себя и другихъ въ томъ, что народная рѣчь немногимъ отличается отъ славянской: „а҆́ще в҆ нѣ́кихъ стра́нахъ ма́лѡ что въ словесе́хъ и премѣни́сѧ, говоритъ составитель Синопсиса, ѡ҆ба́че е҆ди́нымъ славе́нскимъ ѧ҆зы́комъ гл҃ютъ“[1]) — не только Русь, но и другіе славяне.

Каковы-же были черты этого „еди́наго славе́нскаго ѧ҆зыка“, возстановленнаго малорусскими писателями, получившими образованіе въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ? Откуда почерпали они увѣренность въ томъ, что они знаютъ этотъ языкъ въ подлинномъ его видѣ?

Обратимся сперва къ самимъ источникамъ ихъ знанія.

П. Житецкій.

---

[1]) Изъ Библ. кіевской дух. академіи, изданіе 1678 г. стр. 12.

НА РУБЕЖѢ.[1]

(Переводъ съ польскаго).

Сюжетъ предлагаемой въ переводѣ повѣсти польскаго писателя г. Равиты „На рубежѣ“ (Na Kresach) заимствованъ изъ исторической жизни южно-русскаго края въ XVIII столѣтіи. Мы не будемъ останавливаться на внѣшней сторонѣ этой работы, на художественныхъ достоинствахъ изложенія, предоставляя оцѣнку читателямъ; вниманіе наше повѣсть обратила на себя другою, весьма важною по нашему мнѣнію стороною въ ея содержаніи и обработкѣ сюжета.

Со времени возрожденія польской ли тературы подъ вліяніемъ романтизма, въ польской беллетристикѣ очень часто появлялись художественныя произведенія — поэмы и повѣсти, — сюжетами для которыхъ служили историческіе мотивы, заимствованные изъ жизни южно-русскаго края. Существовала даже цѣлая польско-украинская литературная школа, числившая въ своихъ рядахъ значительные таланты: Мальчевскій, Гощинскій, Богданъ Залѣскій, Чайковскій, Падалица, Олизаровскій, Крашевскій, въ послѣднее время Ежъ, Сенькевичъ и многіе другіе съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ пытались возсоздать въ польской беллетристикѣ разные историческіе моменты изъ жизни нашего края. Красота и богатство южно-русской природы, характеристическія, исполненныя своеобразной эстетики этнографическія осо-

[1]) Предлагаемая въ переводѣ повѣсть была помѣщена въ газетѣ „Przegląd Tygodniowy“ за 1886-й годъ.

бенности бытовой народной жизни, полная драматизма исторія края и наконецъ то обстоятельство, что весьма многіе писатели, причисляя себя къ польской народности, были уроженцами южной Руси и гораздо лучше знали его природу и народонаселеніе, чѣмъ топографію и этнографію самой Польши,—вѣроятно всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя повліяли на зарожденіе польско-украинской школы и продлили ея существованіе. Впрочемъ писатели этой школы, иногда весьма талантливые, почти всѣ безъ исключенія страдали однимъ общимъ недостаткомъ: въ силу установившихся въ польскомъ обществѣ извѣстныхъ политическихъ идеаловъ, въ силу желанія видѣть въ своемъ прошломъ однѣ только положительныя стороны политической и общественной жизни, упомянутые писатели представляли историческіе образы въ тенденціозномъ одностороннемъ освѣщеніи. Задача для польскихъ беллетристовъ была трудная, такъ какъ историческіе сюжеты не всегда легко поддавались подобному искуственному освѣщенію. Каждый писатель по своему смягчалъ или обходилъ встрѣтившуюся трудность: Залѣскій, по характеру своего таланта,—чисто лирическаго, избѣжалъ ея тѣмъ, что совсѣмъ не затрогивалъ ни историческихъ сюжетовъ, ни гражданскихъ международныхъ отношеній въ краѣ. Онъ ограничился изображеніемъ прекрасныхъ картинъ природы, создавалъ фантастическіе разсказы изъ миѳическаго міра русалокъ и едва набросалъ два-три неясные силуэта нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей края (Косинскій. Мазепа, Лянцкоронскій), не касаясь вовсе значенія ихъ исторической дѣятельности.

Но подобное направленіе, возможное для лирическаго поэта, становится немыслимымъ для эпическихъ писателей: этихъ послѣднихъ манили исполненные драматизма сюжеты изъ прошлой жизни края, но отталкивала историческая постановка вопроса, плохо мирившаяся съ ихъ патріотическими идеалами. Дѣйствительно мы видимъ.

какъ они пытаются выйти изъ затруднительнаго положенія путемъ искуственныхъ, ими же самими созданныхъ апріорныхъ положеній. Широкое примѣненіе подобнаго пріема можно видѣть, напримѣръ, у Чайковскаго. Этотъ талантливый писатель старается представить дѣло такъ, какъ будто въ прошедшемъ козачество являлось не чѣмъ инымъ, какъ одною изъ категорій шляхетства, отличавшеюся отъ прочихъ группъ шляхты только тѣмъ, что она обитала на Украинѣ и спеціализировала свою военную дѣятельность въ борьбѣ съ татарами. По его мнѣнію козаки, подобно шляхтичамъ, преданы Рѣчи-Посполитой и ея порядкамъ, кладутъ за нее весьма охотно свои головы и видятъ въ ней образцовое государство. Польскіе паны трактуютъ козаковъ, какъ ровню („Гетманъ Украины"); магнаты отдаютъ своихъ дочерей замужъ за козаковъ („Шведы въ Польшѣ"); запорожскіе атаманы—это сыновья крупныхъ помѣщиковъ, которые отправляются въ степи добывать рыцарской славы („Вернигора") и т. д. Если встрѣчается по временамъ необходимость указать на рѣзкій протестъ украинскаго народа противъ полонизма, то этотъ протестъ представляется результатомъ вліянія постороннихъ интригъ, вводившихъ въ заблужденіе менѣе просвѣщенную часть народонаселенія, а не естественнымъ послѣдствіемъ внутреннихъ ненормальныхъ отношеній въ краѣ. Разумѣется, при такой постановкѣ вопроса можно было рисовать очень красивыя, фантастическія картинки, но повѣсть переставала уже быть исторической, несмотря на приведенныя въ ней собственныя имена и хронологическія даты.

Впрочемъ нужно замѣтить, что манера Чайковскаго, возможная еще около 1840 года, становится уже немыслимою въ наше время въ виду успѣховъ, сдѣланныхъ за послѣдніе 40 лѣтъ исторической наукою; даже попытка смягчить пріемы Чайковскаго и найти для нихъ, хотя бы въ видѣ исключеній, болѣе реальную почву (Ежъ—„Исторія прапрадѣда") не увѣнчалась успѣхомъ и только раз-

слабляющимъ образомъ подѣйствовала на довольно крупный талантъ автора.

Въ виду невозможности держаться долѣе въ туманѣ, что было слѣдствіемъ не реальной, фантастической постановки вопроса, явилась новая попытка выйти изъ затрудненія. Обладая выдающимся художественнымъ талантомъ и полагаясь на его силу, Сенькевичъ рѣшился покончить дѣло просто. Онъ откровенно призналъ существованіе въ прошедшемъ рѣзкаго и продолжительнаго конфликта между шляхетскою Рѣчью-Посполитою и южнорусскимъ народомъ и такъ же откровенно пояснилъ значеніе этого конфликта съ своей точки зрѣнія. По мнѣнію автора „Огнемъ и мечемъ“ шляхетское начало было символомъ цивилизаціи, гражданственности, культуры, между тѣмъ какъ протестъ украинскаго народа былъ результатомъ его дикости и враждебнаго, органическаго отвращенія ко всякому порядку. Если по временамъ шляхта бывала побѣждена и страдала въ этомъ конфликтѣ, то лишь потому, что приносила себя въ добровольную жертву цивилизаторской миссіи.

Точка зрѣнія Сенькевича, этотъ оригинальный Drang nach Osten, поставленный на почву давно отжившихъ шляхетскихъ принциповъ XVII столѣтія, при значительномъ талантѣ автора, произвели довольно глубокое впечатлѣніе на польскую публику. Между тѣмъ какъ консервативное большинство встрѣтило новое произведеніе чрезмѣрными оваціями, прогрессивное и просвѣщенное меньшинство отнеслось къ нему неодобрительно; оно указало на историческую фальшь и вредную тенденціозность, невыгодно вліяющую на развитіе трезваго народнаго самопознанія въ средѣ самого польскаго общества. Для болѣе прогрессивной части этого общества пріемъ Сенькевича не только оказался неудовлетворительнымъ, но и возбудилъ въ немъ желаніе поставить въ литературѣ вообще, и въ частности въ беллетристикѣ, историческія отношенія двухъ народностей по мѣрѣ возможности на реальную, объективную

почву. Первую попытку въ этомъ направленіи представляетъ предлагаемая повѣсть г. Равиты. Конечно, это только эскизъ, но мы не можемъ не отмѣтить въ немъ новаго, весьма отраднаго, по нашему мнѣнію, явленія въ польской литературѣ. Г. Равита съ полнымъ безпристрастіемъ признаетъ гражданскія стремленія южно-русскаго народа и его національную физіономію, признаетъ за нимъ право протеста противъ иноземнаго насилія, симпатизируетъ этому протесту, если его проявленія основываются на общихъ гуманныхъ началахъ. Среди столкновенія двухъ народностей г. Равита избѣгаетъ господствующихъ въ литературѣ общихъ взглядовъ, онъ не порицаетъ a priori ни той, ни другой стороны и остается объективнымъ художникомъ, заинтересованнымъ въ давно минувшемъ спорѣ только съ точки зрѣнія этической.

Не имѣя въ виду сравнивать повѣсть г. Равиты съ произведеніями его предшественниковъ со стороны художественной, мы не можемъ не отмѣтить ея, какъ новый шагъ впередъ въ серьезномъ развитіи этическихъ воззрѣній, руководящихъ польскими беллетристами.

Сюжетомъ повѣсти авторъ избралъ одно изъ крупныхъ гайдамацкихъ движеній прошлаго столѣтія (1733—1734 гг). Пользуясь правомъ беллетриста, онъ сгруппировалъ въ избранномъ имъ моментѣ нѣкоторыя выдающіяся личности и болѣе характерные факты временъ гайдамачества не вполнѣ одновременные и нѣсколько видоизмѣнилъ судьбу дѣйствующихъ лицъ. Разумѣется, отъ художественнаго произведенія мы не въ правѣ требовать документальной исторической точности, лишь бы только оно въ основѣ не расходилось съ дѣйствительностью, да по мѣрѣ возможности согласовалось съ бытовою обстановкою даннаго времени,—а трудъ г. Равиты вполнѣ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Мы считаемъ однако не безполезнымъ возстановить точнѣе нѣкоторые историческіе факты, перестановка которыхъ была необходима автору для художественнаго построенія фабулы.

Представленный въ повѣсти моментъ,—это попытка къ возстанію, вспыхнувшая въ юго-западномъ краѣ во время безкоролевья послѣ смерти Августа II: Шаргородскій полковникъ Верланъ и запорожецъ Грыва—личности дѣйствительно стоявшія во главѣ этого возстанія. Ни одинъ изъ нихъ впрочемъ не погибъ при подавленіи движенія: Верланъ съ своимъ полкомъ и примкнувшими къ нему подолянами переправился за Днѣстръ и нашелъ пріютъ въ Молдавіи. Грыва пытался продолжать борьбу и еще въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ держалъ въ страхѣ губернаторовъ панскихъ имѣній и пограничныя команды польскаго войска. Засѣвши на берегахъ р. Цыбульника (въ сѣверной части нынѣшней херсонской губерніи), онъ каждую зиму организовалъ отборный гайдамацкій отрядъ, съ которымъ весною врывался въ Кіевщину или Брацлавщину, наводя ужасъ на шляхтичей и евреевъ. Изъ числа предпринятыхъ имъ набѣговъ особенно памятенъ былъ набѣгъ 1736 года, когда Грыва, въ сообществѣ нѣсколькихъ другихъ гайдамацкихъ ватажковъ, взялъ приступомъ замки въ Паволочи и Погребыщахъ и овладѣлъ въ нихъ владѣческими кассами князей Любомирскихъ и Вишневецкихъ. Только въ 1737 году исчезъ этотъ ватажокъ, „сошелъ безвѣстно и въ сыску понынѣ не явился", какъ доносили о немъ русскія пограничныя власти.

Другой современникъ описываемыхъ событій, Савва Чалый, въ то время, когда происходитъ дѣйствіе повѣсти, не занималъ еще столь виднаго положенія и еще не расходился такъ рѣзко съ народнымъ теченіемъ. Въ 1734 году Савва Чалый является однимъ изъ второстепенныхъ предводителей возстанія; его переходъ на службу къ гетману Іосифу Потоцкому, довольно блестящая карьера при содѣйствіи этого пана, нападеніе на бывшихъ сотоварищей и месть послѣднихъ—все это относится къ болѣе позднему времени. Савва Чалый погибъ отъ руки Игната Голаго, весьма предпріимчиваго гайдамацкаго ватажка, только семь лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ событій,

въ 1741 году. Вообще авторъ не всегда справляется съ хронологіей: такъ напримѣръ, если принять его хронологію, то Гордій Грыва, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, долженъ былъ бы пятидесяти лѣтъ слишкомъ поступить ученикомъ въ низшіе классы кіево-могилянской академіи и выйти оттуда молодымъ человѣкомъ; а отецъ его служилъ еще при Сагайдачномъ и погибъ при Жолтыхъ Водахъ и т. п.

При переводѣ мы старались по возможности сгладить мелкія историческія и этнографическія погрѣшности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это можно было сдѣлать безъ ущерба для развитія созданной авторомъ фабулы.

Мы не можемъ не замѣтить однако, что при всей прогрессивности взгляда г. Равита, можетъ быть, въ виду предубѣжденій, установившихся въ томъ обществѣ, для котораго онъ пишетъ, можетъ быть, отчасти и по личному настроенію удержалъ нѣкоторую долю воззрѣній своихъ предшественниковъ. Признавая вполнѣ гражданскія права и стремленія значительной доли болѣе культурныхъ южно-руссовъ, онъ тѣмъ не менѣе не удержался отъ старыхъ общихъ мѣстъ относительно „черни“, по отношенію къ которой не скупится на бранные эпитеты и упреки въ пьянствѣ, лѣни и даже отвращеніи отъ труда „въ пользу свою и другихъ“ (не панщины-ли?). Впрочемъ подобнаго рода тирады встрѣчаются у него относительно рѣдко и то болѣе въ его разсужденіяхъ, нежели въ самомъ повѣствованіи. Намъ кажется, что эти тирады не болѣе какъ „пережитки“, ходячія мѣста, можетъ быть просто подвернувшіяся подъ перо автора безъ предвзятаго съ его стороны намѣренія: настолько онѣ не согласуются съ стоящими рядомъ положительными картинами. Такъ напримѣръ, маленькая подробность, вѣроятно даже не замѣченная самимъ авторомъ, бросается въ глаза и невольно смущаетъ посторонняго читателя: Савва Чалый—личность, антипатичная автору изъ чисто этическихъ соображеній, и вотъ на протяженіи цѣлой книжки

онъ ни разу не названъ полнымъ именемъ; говорятъ-ли о немъ козаки, или поляки, враги или друзья, онъ вездѣ неизмѣнно называется Савка. Разумѣется, это такая мелочь, которая навѣрно прошла незамѣченною тою публикою, для которой пишетъ г. Равита, но намъ, болѣе привыкшимъ видѣть въ своей литературѣ объективное и безпристрастное отношеніе ко всевозможнымъ историческимъ дѣятелямъ, какъ симпатичнымъ, такъ и антипатичнымъ, она рѣчко бросается въ глаза. Никому изъ нашихъ писателей не придетъ въ голову называть уничижительными именами Чарнецкихъ, Вишневецкихъ, Потоцкихъ и другихъ крупныхъ и мелкихъ ненавистниковъ и угнетателей нашего народа, имя которымъ легіонъ,—черезъ какіе-нибудь полтораста—двѣсти лѣтъ послѣ ихъ смерти. Мы позволили себѣ при переводѣ нѣсколько сгладить и сократить подобныя шероховатости, какъ совершенно не отвѣчающія болѣе объективному настроенію нашихъ читателей [1]).

К. М.

Верстахъ въ двухъ трехъ къ югу отъ мѣстечка Мошенъ, на влажной равнинѣ, прилегающей къ Днѣпру и покрытой прудами и болотами, пріютилось небольшое сельцо Сокирна. Укрывшись между зелеными вербами, стояло оно тихо и спокойно; ни поляки, ни татары, ни русскіе войска никогда не заглядывали сюда; правда, что и доступа для постороннихъ почти не было. Съ восточной стороны разстилалось широкое, необозримое русло Днѣпра, на сѣверъ и сѣверо-востокъ—пруды и трясины, а на западъ сосновый лѣсъ, еще не тронутый топоромъ, тянулся внизъ по Днѣпру, по песчанымъ буграмъ и на-

---

[1]) О литературныхъ отношеніяхъ малорусско-польскихъ и въ частности о романахъ Сенькевича см. интересныя статьи А. Н. Пыпина въ «Вѣстникѣ Европы» 1886 г., февр., мартъ. 1888 г., февр.— *Ред.*

носамъ до самыхъ Черкасъ. Не смотря на близкое сосѣдство съ Мошнами, Сокирна лежала совершенно въ сторонѣ и даже не соединялась съ мѣстечкомъ проѣзжею дорогою. На пути изъ Мошенъ въ Черкасы виднѣлась, правда, въ сторонѣ среди болотъ группа зеленыхъ вербъ, нависшихъ надъ прудами и озерами, но никто не отгадалъ бы между ними поселка. Только приглядѣвшись внимательно къ болотистому лугу, можно было замѣтить мѣстами какъ бы слѣды колесъ и копытъ, конскихъ и воловьихъ, наполненные водою, но дороги не было видно нигдѣ.

За то изъ Сокирной ясно виднѣлась черкасская дорога, пролегавшая черезъ лѣсъ, или скорѣе начало ея, такъ какъ, едва показавшись подъ горой узкою полосою, она исчезала въ лѣсу и тянулась вдоль Днѣпра, то приближаясь, то удаляясь отъ берега. Съ горы видно было, какъ она вьется на пескѣ между соснами; по временамъ сверкали на солнцѣ воды Днѣпра, мелькали зеленые острова, оглашаемыя непрерывными хорами соловьевъ. Правда, это была соловьиная пора, май мѣсяцъ. На третьей верстѣ отъ Мошенъ по черкасской дорогѣ стояла небольшая, грязная корчма, выходившая изъ лѣсу на песчаную полянку, поросшую молодыми соснами и другими зарослями, которые почти совсѣмъ закрывали ее отъ глазъ. Избушка была малая и неприглядная, на половину деревянная, на половину вырытая въ землѣ, крыша также засыпана пескомъ, и вся она какъ бы вросла въ землю. Возлѣ корчмы стоялъ осѣдланный конь, привязанный у огромнаго столба, вбитаго въ землю; видно всадникъ зашелъ въ корчму.

Было уже за полдень. Въ корчмѣ за столомъ сидѣлъ довольно пожилой, но все еще красивый козакъ, попивая медъ изъ жестяной кружки. Въ концѣ стола, почтительно склонившись передъ нимъ, стоялъ еврей, хозяинъ корчмы, разговаривалъ съ козакомъ и по временамъ, искоса бросалъ на него испытующіе взоры.

— А выглянь-ка, жидъ, не отвязался-ли тамъ мой конь?

— Ну... чего бы ему отвязываться?

— Чего? не знаю, а все таки можетъ.

Еврей приблизился къ маленькому окошечку и смотрѣлъ, совершенно закрывъ его головою.

— Конь-то есть... стоитъ... а только ..—Орунъ внимательно вглядывался въ даль.

— Только что?

— Будетъ что-то недоброе.

Еврей отошелъ отъ окна, а козакъ поднялся изъ-за стола, выглянулъ въ свою очередь, протеръ глаза и посмотрѣлъ въ другой разъ.

— Тьфу, нечистая сила! точно кто на дубахъ переправляется... что-ли?

Оба вышли изъ корчмы и смотрѣли на Днѣпръ. Черезъ рѣку переправлялся какой-то вооруженный отрядъ. Три баркаса, сцѣпленные бокъ о бокъ, покрытые сверху однимъ общимъ деревяннымъ помостомъ съ оградою по краямъ на подобіе плетня, представляли нѣчто въ родѣ парома съ тою разницею, что переправа совершалась не по канату, а на веслахъ. Въ двухъ крайнихъ баркасахъ сидѣло съ каждой стороны по три гребца: паромъ медленно двигался по направленію къ корчмѣ. Видно, что имъ управляли люди бывалые, знакомые съ мѣстностью, если знали, что подъ Сокирной съ песчанымъ берегомъ была пристань. Посерединѣ парома стояло въ кучѣ нѣсколько десятковъ лошадей, которыхъ держали подъ уздцы спѣшившіеся козаки. По мѣрѣ приближенія къ пристани все отчетливѣе рисовались высокія бараньи шапки съ краснымъ *еломомъ* (высокимъ дномъ, свѣшеннымъ на бокъ), красные пояса и синіе кафтаны.

— Реестровцы, произнесъ проѣзжій гость, не спуская глазъ съ парома. Орунъ покачалъ головою.

— Нѣтъ...

— Тебѣ лучше знать... твои глаза лучше...

— Изъ надворныхъ, произнесъ еврей какъ бы про себя.

Въ эту минуту паромъ причалилъ къ берегу, поэтому оба, и проѣзжій козакъ, и хозяинъ воротились въ избу. Вскорѣ предъ корчмою послышался смѣшанный шумъ: конскій топотъ, громкіе голоса, отрывистыя восклицанія, глухое бряцанье сабель.

Орунъ чувствовалъ, что ему обязательно нужно выйти и привѣтствовать гостей. Рѣдко заѣзжали въ его корчму чужіе люди, а тѣмъ болѣе вооруженные и въ такомъ количествѣ; поэтому еврей, хотя и сильно встревоженный, рѣшился встрѣтить ихъ на дворѣ. Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ порога, онъ кланялся, изъ подлобья поглядывая на отрядъ. Одинъ изъ козаковъ носилъ знаки отличія войсковой старшины; ему повиновались всѣ остальные, повидимому обыкновенные надворные козаки. Молча привязывали они лошадей, изрѣдка обмѣниваясь обыденными замѣчаніями.

— А откуда Богъ несетъ? спросилъ Орунъ самымъ сладкимъ голосомъ.

— Изъ-за Днѣпра!—сухо отвѣтилъ предводитель отряда.

Еврей погладилъ пейсы и сдѣлалъ видъ, будто совершенно удовлетворился; но уклончивый отвѣтъ видимо не понравился ему, и онъ попробовалъ еще разъ съ другаго конца.

— Далеко Богъ несетъ?

— Далеко!—былъ спокойный отвѣтъ. Еврей почесалъ въ ермолкѣ.

— Полковникъ!—отозвался одинъ изъ отряда.—Если воля ваша остаться здѣсь подольше, то можно бы засыпать лошадямъ овса.

Полковникъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на солнце, какъ бы что-то соображая.

— Хорошо... можно засыпать... Потомъ обратился къ еврею: а что, будетъ у тебя хорошій медъ?

— Почему нѣтъ! У меня есть медъ изъ Канева, изъ Черкасъ, а если угодно вашей милости, то и винницкій найдется...

— Такъ показывай, куда входить въ твою будку!

Орунъ пошелъ впередъ, а за нимъ, нагибаясь въ низенькихъ дверяхъ, вслѣдъ за полковникомъ одинъ за другимъ входили козаки.

Увидѣвъ сидѣвшаго за столомъ козака съ кружкой меда, полковникъ кивнулъ ему головою.

— Челомъ!

— Челомъ!—обмѣнялись они привѣтствіями.

Тѣсный шинокъ сразу наполнился народомъ. Иные размѣстились вокругъ стола рядомъ съ проѣзжимъ, два-три козака прохаживались по комнатѣ; остальные, замѣтивши, что и такъ тѣсно, вышли во дворъ, потребовали себѣ меду и, разостлавши на землѣ бурки, усѣлись возлѣ лошадей.

Подавши всѣмъ по кружкѣ меду, Орунъ сталъ въ сторонѣ, около бочки, и обводилъ собраніе тревожнымъ недовѣрчивымъ взглядомъ.

— А далеко до Мошенъ? обратился къ нему полковникъ.

Еврей вопросительно посмотрѣлъ на козака, сидѣвшаго рядомъ съ полковникомъ.

— До Мошенъ?... недалеко... не знаю, будетъ-ли версты три. А ваша милость ѣдетъ въ Мошны?

— Нѣтъ...

— Вотъ, выѣдете изъ лѣсу, спуститесь съ горы и первое мѣстечко справа въ долинѣ—это и будетъ Мошны,— отозвался проѣзжій козакъ.

— Вы можетъ быть сами изъ Мошенъ?

— Изъ Мошенъ!

— Домой, или изъ дому?

— Домой, изъ Черкасъ ѣду.

— Будетъ-ли тамъ гдѣ переночевать и помѣстить лошадей?—разспрашивалъ полковникъ.

— Почему нѣтъ, это не послѣднее мѣстечко.

Оба отпили меду.

— Что-же тамъ слышно за Днѣпромъ?—обратился проѣзжій къ полковнику. Тотъ омочилъ усы въ кружку и пилъ медленными глотками; потомъ вытеръ рукою губы.

— Гдѣ за Днѣпромъ?

— Въ Гетманщинѣ...

— Тамъ... что-жь бы тамъ было?... хозяйничаетъ начальство!

— Должно быть хорошо?

— А хорошо... завоевываютъ нашимъ войскомъ татарскіе города; уже и Перекопъ, и Козловъ [1]), и Бахчисарай взяли, а теперь никто не знаетъ, куда направить ихъ Минихъ.

Проѣзжій покачалъ головою.

— Странно... Былъ гетманомъ Апостолъ, все равно что баба въ юбкѣ; сидѣлъ себѣ дома, да молился, а солдаты хозяйничали; теперь Апостола не стало, и еще хуже...

— Съ чего было бы лучше?—замѣтилъ полковникъ—Миниху столько дѣла до Украины, какъ мнѣ до турецкаго султана. Говорятъ, будто ему хочется быть княземъ украинскимъ, а если онъ дѣйствительно хочетъ этого, то конечно не для того, чтобы расширить наши вольности.

Собесѣдники хлебнули меду и молчали. Проѣзжій козакъ смотрѣлъ впередъ неподвижнымъ взглядомъ, какъ бы что-то соображая или припоминая.

— Еслибы снова явился Хмельницкій,—замѣтилъ онъ.

— Не много пользы было бы отъ него Украинѣ!—возразилъ полковникъ съ неудовольствіемъ.—Онъ какъ вьюнъ кружился на всѣ стороны. Кланялся и татарамъ, и туркамъ, и Польшѣ, и Россіи; думалъ всѣхъ провести, выбирая, гдѣ лучше.

— Нѣтъ, ваша милость слишкомъ нападаете на стараго Хмеля... вѣдь онъ по всему свѣту разнесъ славу Украины...

— Разнесъ-то разнесъ, да только и всего.

Проѣзжій недовѣрчиво взглянулъ на полковника.

— Какъ такъ?

— А такъ... еслибы онъ поступалъ благоразумно, то Украина послѣ него процвѣтала бы и развивилась на свободѣ... А теперь, какая свобода досталась ей на долю!

---

1) Нынѣшняя Евпаторія

Что пользы въ минувшей славѣ, когда теперь нами и здѣсь, и тамъ пренебрегаютъ. И что это за свобода, если мы должны трудиться для другихъ, а не для себя. Хмель былъ уменъ, но нерѣшителенъ и выпивалъ лишнее; имѣлъ силу, и самъ ея не сознавалъ.

Собесѣдники допили свои ковши и потребовали по другому; пили медленно, не торопясь; спѣшить было некуда: Мошны лежали въ долинѣ.

— А здѣсь что слышно? спросилъ полковникъ послѣ минутнаго молчанія.

— Здѣсь... тоже, что и тамъ...

— Плохо...

— Ой, плохо!... Народъ вездѣ шумитъ, словно пчелы къ веснѣ... То здѣсь, то тамъ подымутся крестьяне и начнутъ по обычаю разбивать панскіе дворы и замки...

— По обычаю!... повторилъ полковникъ какъ бы про себя.

Проѣзжій козакъ не обратилъ вниманія на эти слова и продолжалъ:

— Чуется гроза въ воздухѣ... одна шляхта держитъ сторону Лещинскаго, другая—Августа Саксонскаго... а москали пришли мирить ихъ.

— Пускай себѣ мирятъ... нужно помирить, чтобы потомъ и тѣмъ и другимъ, вотъ такъ!..

Тѣмъ временемъ выпили и по другому ковшу.

— Пріятно мнѣ съ вами поговорить, да пора въ путь. Хотѣлось бы еще до вечера остановиться въ Мошнахъ,— сказалъ полковникъ. Проѣзжій поднялся въ свою очередь.

— Благодарю за пріятную компанію, а бесѣду мы можемъ продолжать. Намъ одна дорога; ваша милость ѣдете въ Мошны и я въ Мошны.

— Я только на ночлегъ.

— А я домой; у меня семья и домъ въ Мошнахъ.

— Вотъ и прекрасно... можемъ еще немного поговорить дорогою.

— Можетъ быть вамъ и усадьба моя будетъ по пути... въ такомъ случаѣ я просилъ бы къ себѣ заночевать, на

хлѣбъ и соль... Въ Мошнахъ всѣ знаютъ усадьбу Гордія Грывы.

Полковникъ посмотрѣлъ на Гордія съ видимымъ интересомъ.

— А, пане сотнику, знаютъ васъ не только въ Мошнахъ. Слава Богу, что довелось насъ встрѣтиться. Принимаю съ благодарностью ваше приглашеніе, хлѣбъ и соль.

— Какъ же прикажете величать вашу милость?

— Полковникъ надворной милиціи князя Любомірскаго въ Шаргородѣ, Верланъ.

— Такъ сдѣлайте милость, пріймите мое приглашеніе,— произнесъ Гордій съ поклономъ.

Вышли изъ корчмы козаки подтянули отпущенныя подпруги у лошадей и отрядъ былъ готовъ въ путь; всадники тронулись по-парно, выѣхали на узкую лѣсную дорогу и вскорѣ исчезли въ яру. Гордій съ Верланомъ ѣхали впереди. Пока отрядъ достигнетъ Мошенъ, читатели успѣютъ познакомиться съ двумя личностями, случайно встрѣтившимися въ сокирненской корчмѣ.

Гордій Грыва, выше названный сотникомъ, имѣлъ въ Мошнахъ богатую усадьбу, въ которой съ дѣда и прадѣда проживалъ весь его родъ. Дѣдъ его служилъ когда-то при Сагайдачномъ, участвовалъ въ хотинскомъ походѣ, потомъ въ возстаніи Хмельницкаго и погибъ при Желтыхъ Водахъ. Отецъ въ молодости служилъ въ сердюкахъ Дорошенка, потомъ при Самусѣ былъ сотникомъ въ Богуславскомъ полку и погибъ въ сѣчѣ съ татарами на Кодымѣ. Это былъ человѣкъ бывалый, развитой, понатершійся между людьми и, хоть самъ не грамотный, выступая въ походъ завѣщалъ женѣ отдать Гордія въ школу, когда подрастетъ. Время было бурное, тревожное, онъ не надѣялся воротиться изъ похода; такъ и случилось. Послѣ него осталось хорошо устроенное хозяйство, пасѣки и стада по степнымъ урочищамъ, а въ Мошнахъ большая усадьба. Согласно послѣдней волѣ покойника, мать отдала подростающаго Гордія въ науку въ кіево-

могилянскую академію, которая была въ то время разсадникомъ просвѣщенія на Украинѣ. Тамъ прошелъ онъ грамматику, риторику, и философію; въ званіи философа возвратился домой, пахалъ и сѣялъ отцовскія поля, объѣзжалъ лошадей, пока не наскучило. Мать не дала ему долго забавляться или скучать, женила, а вслѣдъ за женитьбою пошли домашнія заботы, явилась дочь Маруся, затѣмъ наступила шведская война.

Какъ человѣкъ весьма образованный для своего времени, воспитанный еще въ традиціяхъ стараго козачества, Гордій недолго колебался. Школа шире раскрыла ему глаза на существующія въ краѣ отношенія, заронила въ душу какое-то зерно, котораго не подозрѣвали ни самъ онъ, ни школа: то была сознательная любовь къ родному краю. Правда, случилось это невольно и неожиданно. Школа ни мало не заботилась о томъ, чтобы поселить любовь къ родинѣ въ молодой душѣ; ей нужно было только, чтобы ученикъ хорошо усвоилъ грамматическія формулы и схоластическую философію, да, чтобы увѣнчать дѣло, зналъ немного Цицерона и Тита Ливія. Изучалъ онъ машинально, на память этихъ авторовъ, какъ учили ихъ повсюду въ то время, т. е. настолько, чтобы при случаѣ блеснуть удачною цитатою; но не разъ тѣ или другія мысли писателей глубже западали ему въ душу, порождая вопросы: зачѣмъ Цицеронъ защищалъ свободу гражданъ, зачѣмъ и для кого разсказывалъ Ливій исторію Рима. Такъ, мало-по-малу росли и сознавались шире и яснѣе понятія о любви къ родинѣ, свободѣ и гражданскихъ обязанностяхъ. Что козаки сражались съ поляками, татарами, турками, нерѣдко сражались со славою — оно хорошо, но привело-ли это къ желаннымъ результатамъ? Кому была польза отъ такой борьбы? Выигралъ ли отъ нея весь народъ, или только враги да одно господствующее сословіе? Такіе вопросы одинъ за другимъ ставила живая дѣйствительность, и въ молодомъ умѣ мало-по-малу сознавалась потребность болѣе разумной

борьбы во имя опредѣленныхъ общихъ цѣлей, а не для удовлетворенія чисто стихійныхъ, хотя бы и несомнѣнно честныхъ стремленій. Такія мысли склонили его на сторону Мазепы. Онъ не любилъ гетмана за его гордость и шляхетскія стремленія, но лишь только тотъ принялъ сторону Карла XII, цѣль его становилась яснѣе. Что создастъ онъ въ случаѣ удачи, этого никто не зналъ, многіе надѣялись, на что-то лучшее, а Гордій, не спрашивая у другихъ совѣта, оставилъ жену и ребенка и примкнулъ къ Мазепѣ. Когда все кончилось, онъ возвратился домой къ семьѣ и прежнимъ занятіямъ; отъ похода осталось ему только званіе сотника, да слава между козаками, какъ человѣка смѣлаго и искуснаго въ письмѣ, а въ глубинѣ души продолжали жить прежнія мечты и надежды. Онъ несомнѣнно могъ бы достигнуть высшихъ должностей, еслибы захотѣлъ этого, но онъ упорно отказывался служить, только внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило вокругъ: въ Батуринѣ, въ Полтавѣ и на Украинѣ. Если ему говорили:

— Почему не съѣздишь къ гетману? онъ далъ бы тебѣ полкъ. Вѣдь лучше служить, чѣмъ сидѣть за печкой.... Гордій спокойно отвѣчалъ на это:

— Кому я буду служить? За кусокъ земли и шубу, какъ служитъ старшина въ Гетманщинѣ,—не стоитъ; земли у меня довольно, хлѣба, скота и всего прочаго больше чѣмъ нужно; въ шубахъ я не нуждаюсь, мнѣ и въ кожухѣ тепло. Когда-то и я служилъ и, если дастъ Богъ опять такое время, не полѣнюсь, не пожалѣю крови для Украины...

Такъ спокойно проходили годы; отцовская усадьба застроилась, разрослись вокругъ нея высокіе вербы и осокоры, самъ Гордій начиналъ старѣться, жена его умерла, дочь выросла и сдѣлалась красивою дивчиною, а желанное время, о которомъ мечталъ сотникъ, не приходило.

Верланъ былъ однихъ лѣтъ съ Гордіемъ, ему тоже было подъ пятьдесятъ. Его загорѣлое лицо, испещренное

сабельными ударами, украшенное длинными, сѣдыми усами, имѣло видъ суровый и оригинальный. Круглые, сѣрые ястребиные глаза глядѣли быстро и хитро; иногда взглядъ ихъ мелькнетъ какъ молнія и тотчасъ скроется въ глубинѣ души. Ходили слухи, что человѣкъ этотъ родился гдѣ-то въ степныхъ камышахъ, какъ волкъ, и потому всю жизнь гонялся по степи за татарами. Еще въ самой ранней юности поступилъ онъ въ шаргородскую козацкую милицію и въ безпрерывныхъ стычкахъ съ татарами и разнымъ сбродомъ мало-по-малу дослужился до чина полковника. Зналъ онъ въ совершенствѣ и Черный, и Кучманскій шляхи, зналъ всѣ татарскіе броды и убѣжища и цѣлое Поднѣстровье отъ Орынинскихъ до Буджацкихъ степей. Рубилъ онъ направо и налѣво въ непрерывныхъ схваткахъ, рубили и его.

Насколько Гордія удовлетворяла отцовская усадьба въ Мошнахъ, настолько свѣтъ казался тѣснымъ Верлану. Его страстная, порывистая натура влекла его постоянно въ борьбу; подъ звѣзднымъ покровомъ неба на ночлегахъ въ степи, при воѣ степнаго вѣтра, подъ шелестъ камышей засыпалъ онъ однимъ глазомъ, какъ журавль, просыпаясь при малѣйшемъ звукѣ, не похожемъ на тѣ, что убаюкивали его. Энергичная, дѣятельная натура не давала ему ни минуты покоя.

Теперь онъ возвращался изъ Полтавы. Зачѣмъ онъ ѣздилъ туда, этого никто не зналъ, а должно быть ѣздилъ не напрасно. Говорили, что онъ видѣлся то съ тѣмъ, то съ другимъ, о чемъ-то совѣщался, толковалъ и какъ пріѣхалъ, неизвѣстно зачѣмъ, такъ и уѣхалъ, неизвѣстно куда.

— Вотъ и Мошны! сказалъ Гордій, когда отрядъ спустился съ песчаной горы въ широкую, необозримую долину.

— Не знаю, будетъ ли верста!

— „Блызько бачиты, та далеко дыбаты“... замѣтилъ Гордій.

Среди болотъ, прудовъ и ручьевъ, впадающихъ въ Днѣпръ и сверкающихъ при заходящемъ солнцѣ, выдѣлялась группа зеленыхъ вербъ и осокоровъ, а между ними высились, уходя въ небо, прямые какъ свѣчи итальянскіе пирамидальные тополи. Между деревьевъ виднѣлся зеленый куполъ церкви съ мерцающимъ на солнцѣ позолоченнымъ крестомъ. Вотъ бѣлѣла лысая вершина песчанаго пригорка, поросшаго молочаемъ и чебрецомъ, а еще дальше выглядывали изъ-за деревьевъ бѣлыя хаты, расписанныя цвѣтною глиною. Всадники приблизились къ мѣстечку, и теперь оно было видно какъ на ладони. Посерединѣ кучка темныхъ, сѣрыхъ домиковъ, крытыхъ соломою, грязныхъ, съ ободранными стѣнами, прижавшихся другъ къ другу, словно испуганныя овцы, доказывала, что это и есть самый центръ торговли и движенія, еврейская часть мѣстечка. Едва только показался вдали отрядъ вооруженныхъ людей, какъ между евреями поднялся невообразимый шумъ и тревога, точно въ судный день. Въ большомъ четыре-угольномъ зданіи, возвышавшемся посерединѣ рынка,—такъ называемой ратушѣ,—въ которомъ помѣщались еврейскія лавки, начали закладывать болтами и запирать всѣ двери. Мелочныя торговки, закинувъ на плечи свои лотки или корзины съ товаромъ, съ крикомъ и воплями бросились въ разсыпную. Въ домахъ запирали двери и оконицы желѣзными засовами. Женщины и дѣти съ громкимъ плачемъ кричали:

— Гайдамаки! Гайдамаки!...

И этотъ крикъ, казалось, еще больше утиливалъ всеобщую панику.

Нѣсколько русскихъ торговокъ побѣднѣе и болѣе смѣлыхъ, у которыхъ только и было для продажи немного пряниковъ или баранковъ, спокойно остались на мѣстѣ. Страхъ и смятеніе овладѣли цѣлымъ мѣстечкомъ, такъ что испуганный священникъ приказалъ ударить въ набатъ. Жалобный звонъ колокола, повторяемый эхомъ долины, еще болѣе усиливалъ впечатлѣніе страшной вѣсти: „гай-

дамаки идутъ", которая съ быстротою молніи облетѣла мѣстечко. При такомъ то всеобщемъ настроеніи мѣстныхъ жителей отрядъ Верлана совершилъ свой въѣздъ въ Мошны. Улицы тихія и пустынныя, какъ въ глухую ночь; замкнутыя наглухо двери и окна домовъ, отсутствіе люда и движенія—все это производило впечатлѣніе, словно мѣстечко недавно посѣтила чума. Кое-гдѣ можно было замѣтить фигуру еврея, который очевидно не успѣлъ спастись во-время и теперь бѣжалъ во весь духъ, со страхомъ озираясь назадъ и придерживая руками фалды халата. Тамъ и сямъ слышался плачъ забытаго на улицѣ ребенка, который никакъ не могъ попасть домой. За то въ болѣе отдаленныхъ козацкихъ и крестьянскихъ хатамъ нерѣдко показывалась въ окно любопытная физіономія, провожая глазами всадниковъ. Не могли только объяснить себѣ присутствія Гордія въ отрядѣ гайдамаковъ, а что это были гайдамаки, въ томъ никто не сомнѣвался [1]). Между тѣмъ козаки спокойно, не торопясь, съ пѣснями проѣхали мѣстечко и своротили налѣво, по дорогѣ въ Таращу. Ровная и прямая какъ стрѣла, окаймленная раскидистыми вербами, тянулась эта дорога дальше по долинѣ, а по сторонамъ ея среди густой зелени выглядывали опрятныя бѣлыя хаты.

— Вотъ мы и дома. Это моя усадьба,—сказалъ Гордій, указывая рукою на лѣво, гдѣ изъ-за густой зелени фруктовыхъ деревьевъ виднѣлся бѣлый фасадъ дома и соломенныя крыши хозяйственныхъ построекъ. Въ это время всадникамъ перерѣзала дорогу стройная женская фигура. Заслышавъ пѣніе, молодая дѣвушка не утерпѣла, выскочила изъ хаты и, очутившись передъ отрядомъ козаковъ, остановилась на секунду, окинула всѣхъ однимъ взгля-

---

1) Намъ кажется, что авторъ нѣсколько сгущаетъ краски, такъ какъ отрядъ надворной милиціи, одѣтый въ мундиры, какъ видно изъ разсказа, народонаселеніе ни въ какомъ случаѣ не могло смѣшать съ гайдамаками; напротивъ, извѣстно, что эти милиціи употреблялись для отраженія гайдамацкихъ отрядовъ.—*Пер.*

домъ черныхъ глазъ и стрѣлою пустилась черезъ улицу въ сосѣдній дворъ, почти подъ ноги лошадей, на бѣгу кивнувъ головою.

— Добрый вечеръ, дядьку!

— Добрый вечеръ, голубко! — отвѣчалъ Гордій. — Куда это ты такъ спѣшишь?

— Куда?... Да къ вамъ же, къ Марусѣ...

Мелькнула какъ тѣнь передъ лошадьми, и уже далеко впереди развивалась по вѣтру ея длинная коса съ вплетенными на концѣ цвѣтными лентами. Въ догонку ей дружнымъ хоромъ полетѣла пѣсня:

„Ой, дивчыно, дивчыно куды йдешъ?
„Скажы мени правдоньку, де жывешъ?
„Ой, дивчыно, дивчыно. чыя ты?
„Чы ты выйдешъ на вулыцю гуляты?
„Не пытайся, козаченько, чыя я,
„Якъ ты пійдешъ на вулыцю, пійду й я".

Еще эхо отъ пѣсни не улеглось въ долинѣ, а уже запыхавшаяся дѣвушка вбѣжала въ домъ сотника.

— А гдѣ Маруся?—обратилась она съ вопросомъ къ пожилой женщинѣ, сидѣвшей на „ганку", и не успѣла поклониться, какъ на порогѣ показалась красивая русая головка съ прекрасно прорѣзанными большими бирюзовыми глазами.

— Гости къ вамъ ѣдутъ!...

— Какіе гости? Гдѣ? Откуда?—допрашивала старуха.

— Не знаю, какіе и откуда! Гости... и только... а такіе чернобровые хлопци, что хоть воды напиться...

— Да разсказывай толкомъ, сорока!

— Ѣдутъ... вотъ они можетъ быть уже у воротъ.

Дѣвушка эта была сверстница и подруга Маруси, Гандзя Бондаривна, ея ближайшая сосѣдка. Не успѣла она договорить послѣднихъ словъ, какъ залаялъ Сирко и бросился къ воротамъ, у которыхъ одинъ за другимъ останавливались козаки.

— Титко! откройте ка ворота,—окликнулъ Гордій.

Старуха поднялась съ мѣста и не безъ удивленія посмотрѣла на прибывшихъ.

— Вотъ бѣда!—проговорила она про себя.—а у меня ни печенаго, ни варенаго про нихъ нѣтъ.

Пока отпирали ворота, Верланъ обратился къ хозяину:

— Я принимаю ваше гостепріимство, пане сотнику, и благодарю за него, а молодцовъ отошлю въ мѣстечко; двухъ только при себѣ оставлю.

— Какъ вамъ угодно, полковникъ... хоть у меня и мѣста, и хлѣба-соли достало бы на всѣхъ.

Верланъ отъѣхалъ въ сторону, отдалъ распоряженія, приказалъ не нарушать общественнаго спокойствія и въѣхалъ во дворъ; лошадей поставили въ конюшню, а сами пошли въ домъ. Это не была простая крестьянская хата какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему устройству, а скорѣе домъ, выстроенный въ общемъ стилѣ домовъ мелкихъ дворянъ XVIII столѣтія. Свѣтлица была убрана съ большою простотою: въ переднемъ углу большой дубовый столъ; надъ нимъ множество иконъ съ лампадами передъ ними, съ восковыми голубями, пучками свѣжихъ и искусственныхъ цвѣтовъ и другими украшеніями; вдоль стѣнъ бѣлыя липовыя лавки, чисто вымытыя, покрытыя коврами, нѣсколько скамеекъ; возлѣ стола небольшой шкапикъ съ книгами—вотъ и вся мебель. Зато противоположная стѣна представляла собою цѣлый домашній арсеналъ. Здѣсь были развѣшены въ извѣстномъ порядкѣ, не лишенномъ симметріи, самопалы, пистолеты, копья, сабли въ „ящурахъ", турецкіе кинжалы, короткіе татарскіе ножи въ ножнахъ, пороховницы, лядунки для готовыхъ зарядовъ, а выше, надъ всѣмъ этимъ, на огромной шкурѣ дикаго кабана, которая одна занимала полстѣны, висѣла стальная кольчуга съ такою-же круглою, плоскою шапкою.

Хозяинъ усадилъ гостей за столъ. Вошла хозяйка, тетка Гордія, которая по смерти жены воспитывала ре-

бенка и завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ; она поклонилась и привѣтствовала гостей обычными словами:

— Дай Боже здоровья.

— Дай Боже и вамъ,—былъ отвѣтъ.

— Ну, тетка,—обратился къ ней сотникъ,—если Богъ далъ гостей, то нужно ихъ накормить и напоить.

— Ахъ, Боже мой! а у меня то ничего не приготовлено.

Но это было только обычнымъ выраженіемъ скромности учтивой хозяйки, потому что не прошло и четверти часа, какъ столъ былъ весь уставленъ яствами. Накрывши столъ бѣлою льняною скатертью, служанка прежде всего положила посерединѣ хлѣбъ и соль, затѣмъ поставила стеклянный „ведмедыкъ“ съ водкою и чарку, разставила приборы для однихъ мущинъ и начала одно за другимъ подавать кушанья. Чуть гости принялись за колбасу, какъ на столѣ появилась миска съ борщемъ, затѣмъ жареный гусь, вареники въ маслѣ и т. д.

Гости съ своей стороны отдали должное заботливости хозяйки — ѣли съ усердіемъ и перекидывались остроумными шутками. Въ половинѣ ужина въ комнату смѣло вошли два веселые, молодые козака. Они казались братьями, но на самомъ дѣлѣ были только пріятели и ровесники: одинъ назывался Грыць Остапенко, другой Игнатъ Голый. Оба были козаками по рожденію, одѣвались по козацки и жили на земляхъ, принадлежащихъ имъ въ Мошнахъ. Гордій ласково привѣтствовалъ ихъ и пригласилъ къ столу.

— Садитесь за работу, хлопци,—сказалъ онъ, подвигая имъ миску съ варениками.

Верланъ время отъ времени окидывалъ ихъ быстрымъ какъ молнія, проницательнымъ взглядомъ, отъ котораго ничто не ускользало. Между тѣмъ время шло, день клонился къ вечеру, солнце садилось. Вошла служанка съ новою перемѣною.

— А скажи тамъ Марусѣ, пусть наточитъ для гостей добраго меду,—обратился къ ней хозяинъ.

— Надо еще показать вашей милости мою дочку...— наклонился онъ къ Верлану.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла Маруся съ жбаномъ въ рукахъ, за нею служанка несла стаканы. Молодая хозяйка налила каждому по стакану и подала съ поклономъ.

— Пейте на здоровье!

Гости благодарили. Окончивъ обрядъ угощенія, она поставила жбанъ передъ отцомъ и вышла. Тогда старый Гордій замѣтилъ не безъ гордости:

— Это нашъ домашній соловей... Она намъ такія пѣсни поетъ, что я и состарѣлся, а лучшихъ не слыхалъ даже отъ бандуристовъ... и сама складываетъ ихъ какъ птичка.

— Такъ поетъ, что любо послушать,—отозвался Грыць съ видимымъ восхищеніемъ.

Въ комнатѣ становилось темно и душно.

— Пока ужинали, то надо было сидѣть въ свѣтлицѣ, а пить медъ можно и на дворѣ,—обратился Гордій къ присутствующимъ;—садъ около дому, есть тамъ и столъ, и скамьи, туда подадутъ намъ меду, а свѣтить намъ будетъ мѣсяцъ и звѣзды. Прошу дорогихъ гостей въ садъ.

Всѣ поднялись изъ-за стола; хозяинъ показывалъ дорогу. Пріѣзжіе козаки быстро перезнакомились съ Игнатомъ и Грыцькомъ; между ними уже завязалась непринужденія бесѣда. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ясно, въ саду царила такая пріятная прохлада, что всѣ остались довольны предложеніемъ хозяина. Вышла Маруся съ подругою и обѣ издали поглядывали на компанію: при блѣдномъ сіяніи луны дѣвушка казалась еще прекраснѣе, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ; козаки не сводили съ нея глазъ.

— Спой, моя голубко, и гостямъ, и отцу, давненько я тебя слышалъ.

— Что-же вамъ спѣть, татуню?

— Что хочешь, дытыно, мы все будемъ слушать.

Дѣвушка въ смущеніи опустила голову, но не смѣла ослушаться отца и черезъ минуту раздался ея сильный,

чистый голосъ, а грустный мотивъ пѣсни далеко разносился среди весенней мглы.

„Стойить явиръ надъ водою,
Въ воду похилывся,
На козака прыгодонька,
Козакъ зажурывся.

Не радъ явиръ хилытыся—
Вода корень мыйе,
Не радъ козакъ журытыся,
Такъ серденько ные.

„Уродывся козаченько,
Уродывся—вдався,
А у степу пры дорози
Въ неволю дистався..."

Пѣла она дальше печальную судьбу козака. Кончивши пѣсню, дѣвушка поклонилась, пожелала отцу спокойной ночи и ушла въ комнаты. Никто не благодарилъ, а ей и въ голову не приходило, чтобы нужно было благодарить ее за доставленное удовольствіе. Послѣ ухода дѣвушки Верланъ наклонился къ хозяину и замѣтилъ въ полголоса:

— Вотъ такая теперь и наша доля, какъ того козака. Цѣлый свой вѣкъ не зналъ покоя, воевалъ и съ поляками, и съ татарами, и съ турками—

„А у степу край дорогы
Въ неволю дистався..."

— Богъ дастъ, можетъ все это какъ-нибудь и добромъ кончится... Что-то дѣлается вокругъ, неизвѣстно еще покамѣсть. Подождемъ-увидимъ.

— Какъ неизвѣстно?—Отозвался молчавшій до тѣхъ поръ Игнатъ Голый.—Народъ повсюду подымается противъ поляковъ, будетъ то же самое, что и при Хмельницкомъ.

— А другой Хмельницкій есть?—спросилъ Верланъ.

— Найдется...

— Вотъ сегодня еще было извѣстіе, что гайдамаки похозяйничали въ Ставищахъ, замѣтилъ Грыць.

— Что пользы во всемъ этомъ?—отозвался Верланъ.— Это не войско, а толпа, случайный сбродъ; они сами не знаютъ, куда идти и чего добиваться, потому и гибнутъ безъ пользы. Чтобы противостоять насилію, нужно сознавать свои силы.

Аргументы были серьезны, всѣ молчали.

— Правду говоришь, полковникъ,—сказалъ Гордій;—но если есть люди, то есть и сила, а если есть сила, то всегда найдется тотъ, кто и направитъ ее на дѣло.

Слова эти видимо понравились Верлану; онъ внимательно слушалъ дальше.

— Говорятъ, что въ Мотроненскомъ монастырѣ записываются охотники, а въ Кіевѣ въ Михайловскомъ монастырѣ монахи святятъ сабли и копья... что-то готовится... Подождемъ...

— Подождемъ... подождемъ... — подтвердилъ спокойно Верланъ,—а вы, хлопци,—обратился онъ къ молодымъ козакамъ,—готовьте коня, сабли и самопалъ.

— Нечего готовить, мы уже давно готовы.

— Вотъ и прекрасно! изъ васъ выйдутъ козаки на славу!

Верланъ отослалъ своихъ товарищей спать; Игнатъ и Грыць разошлись по домамъ, старики остались одни. Долго еще бесѣдовали они съ глазу на глазъ; о чемъ, этого никто не зналъ. Было уже около полуночи, когда они отправились ко сну. Утренняя заря еще свѣтила на небѣ, когда полковникъ проснулся и разбудилъ своихъ спутниковъ. Вскорѣ подошли и прочіе козаки, которые ночевали въ мѣстечкѣ и теперь ожидали у воротъ сигнала къ выступленію. За часъ до разсвѣта отрядъ выступилъ изъ мѣстечка по таращанской дорогѣ.

II.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней по отъѣздѣ Верлана Гордій ходилъ самъ не свой; очевидно, какія-то тяжелыя думы преслѣдовали его. Онъ что-то взвѣшивалъ, обдумывалъ, соображалъ,—всѣ замѣчали это, но никто не смѣлъ спросить о причинахъ такой глубокой задумчивости. До сихъ поръ одна Маруся въ цѣломъ домѣ умѣла своими пѣснями вызвать у него улыбку въ такія минуты, теперь же и ея пѣсни не могли развеселить Гордія; видно, причины его задумчивости были на этотъ разъ серьезнѣе обыкновеннаго. Какъ ни старались домашніе отгадать эти причины, всѣ ихъ догадки и предположенія были безуспѣшны. На Марусю засматривался Грыць Остапенко, и Маруся не оставалась равнодушна къ его взглядамъ, а люди,—извѣстно, какъ люди,—шептали что-то о сватахъ; тетка Ярына тоже знала объ этомъ; можетъ быть это и было одною изъ причинъ задумчивости сотника. Судьба единственной дочери етественно должна была тревожить отца,—тутъ было надъ чѣмъ подумать. А вокругъ народъ начиналъ волноваться, какъ бы пробуждаясь отъ долгаго сна; ходили слухи о гайдамакахъ, о Запорожьѣ, откуда время отъ времени выѣзжала на Украину сотня другая козаковъ, которые появлялись неожиданно то въ Брацлавѣ, то въ Шаргородѣ, иногда доходили до самаго Кіева. Время было тревожное. Достаточно было небольшой кучкѣ запорожцевъ появиться въ краѣ или только издали показаться въ степи, чтобы вокругъ подымались села и хутора, яры и степи оглашались пѣснями свободы и, хотя горсть возставшихъ вскорѣ разбивали или разгоняли, но броженіе не унималось. Народъ чего-то ожидалъ, къ чему-то готовился въ тишинѣ; на старыхъ пепелищахъ козацкой славы воскресали насильно похороненныя традиціи Хмельниччины о борьбѣ съ поляками за свои человѣческія права. Въ сердцахъ закрѣпощеннаго люда, который хоть и ходилъ въ полѣ за чужимъ плугомъ, но

у себя дома пряталъ отцовскія сабли и копья, еще живы были вѣковыя стремленія, подкрѣпленныя былыми успѣхами Хмельницкаго. Всѣ были на сторожѣ и, заслышавъ далекіе пушечные выстрѣлы въ степи или колокольный звонъ, бѣжали на эти призывные сигналы. Одни бѣжали за Днѣстръ въ Молдавію и тамъ находили личную и имущественную свободу, другіе, предпочитавшіе исполненную военныхъ тревогъ жизнь, находили ее на Запорожьѣ. Иные уходили за Днѣпръ въ Батуринъ, но многіе возвращались оттуда разочарованные и тогда спасались въ Кіевъ, за предѣлы Рѣчи-Посполитой; скрывались тамъ въ продолженіи зимы, а весною, собравшись съ силами и и выждавъ удобную минуту, предпринимали въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ набѣги на панскія имѣнія.

Случалось не разъ, что и черезъ Мошны промчится отрядъ гайдамакъ—нестройная толпа, собранная случайно и также случайно вооруженная, безъ предводителя и безъ опредѣленной цѣли. То были потомки отцовъ, боровшихся за тѣ же начала подъ знаменами Хмельницкаго; но времена измѣнились. Теперь гайдамаки бродили въ одиночку, какъ волки въ степи, иногда собирались кучками, предпочитая терпѣть голодъ, холодъ и всѣ невзгоды и случайности такой жизни внѣ закона, лишь бы избѣгнуть ненавистной панщины и насилія надъ свободою совѣсти. Броженіе расло и усиливалось, но не было ясно намѣченной и опредѣленной программы, и не были подготовлены средства къ ея осуществленію.

Можетъ быть, это печальное состояніе края, которое Гордій видѣлъ и сознавалъ, волновало его такъ сильно.

Всѣ въ домѣ притихли, какъ бы чего-то ждали, и и тревожное настроеніе еще болѣе усилилось, когда старый сотникъ началъ собираться въ дорогу. Эта мысль пришла ему какъ бы внезапно. Сидѣли всею семьею за ужиномъ въ саду, разговаривая о томъ—о семъ. Вдругъ Гордій поднялъ голову и обратился къ теткѣ Ярынѣ.

— А прикажите, титко, приготовить мнѣ на дорогу колбасъ и пару паляныць!

Старуха посмотрѣла на него въ недоумѣніи.

— Цуръ тоби! Не успѣлъ воротиться изъ Черкасъ и снова...

— И снова..

— Да какъ-же, сейчасъ, или завтра, или когда?

— Завтра, не завтра, а пусть лучше колбасы и паляныци ожидаютъ меня, чѣмъ я буду ихъ ждать.

— Татуню! куда же вы это?—отозвалась Маруся.

— Далеко, дочко...

— Можетъ быть въ Кіевъ?

Гордій улыбнулся: дѣвушка угадала.

— Да, въ Кіевъ... поклонюсь святымъ угодникамъ печерскимъ... да и дѣло есть,—прибавилъ онъ черезъ минуту.

Очевидно, намѣреніе было серьезное, потому что въ тотъ же вечеръ Гордій отдалъ распоряженіе, чтобы рано утромъ были пригнаны верховые кони изъ табуна. Случалось иногда, хотя довольно рѣдко, что Гордій или самъ объѣзжалъ лошадей, или заставлялъ объѣзжать при себѣ. Обыкновенно онъ указывалъ, какого именно коня привести изъ степи; на этотъ разъ ничего не сказалъ, и работникъ въ недоумѣніи почесывалъ въ затылкѣ.

— Ну Ярема, какого бы коня ты выбралъ?

Ярема искоса посмотрѣлъ на хозяина.

— Почемъ я знаю... Да какъ-же вамъ, проѣздить только, что-ли?—спросилъ онъ не смѣло.

— Нѣтъ, въ дорогу нужно!—весело отвѣчалъ Гордій.

Ярема снова почесалъ въ головѣ.

— Почемъ я знаю... Можно мышастаго отъ лисички? то крѣпкій коникъ.

Гордій махнулъ рукою.

— Ну козакъ изъ тебя! мышастаго въ дорогу? чтобъ околѣлъ гдѣ нибудь въ степи? мышастый конь въ дорогѣ

все равно, что панна на работѣ, будетъ прыгать, брыкаться, а тамъ и ноги протянетъ! [1])

Ярема стоялъ пристыженный.

— Не знаю... Дастъ Богъ дождать утра, пригоню вамъ всѣхъ, выбирайте сами...

— Смотри же, чтобъ съ разсвѣтомъ лошади были на дворѣ.

Рано утромъ выглянулъ Гордій въ окно; пять молодыхъ лошадей ржали и брыкались передъ домомъ, а у воротъ Ярема разговаривалъ съ пастухомъ.

— Опять въ дорогу, что-ли? спрашивалъ пастухъ.

— А кто его знаетъ... какъ будто въ дорогу.

Пастухъ поглядывалъ на лошадей и сосалъ трубку, нажимая пальцемъ табакъ, и сплевывалъ сквозь зубы.

— Опять начинаютъ ѣздить... Быть войнѣ... Гайдамаки бродятъ въ степяхъ; и къ намъ вчера заглядывало двое, нюхали вокругъ табуна; какъ бы не пришли большею кучкою, да не забрали. Нужно будетъ загонять на ночь въ *Бисывъ яръ*, тамъ и самъ чортъ не сыщетъ...

Ярема толкнулъ его локтемъ.

— Тише!

На порогѣ стоялъ Гордій и внимательно осматривалъ рѣзвящихся лошадей, одну за другою, опытнымъ глазомъ знатока.

— А поймайте-ка мнѣ Лысаго!

— Отъ Вѣдьмы?

— Нѣтъ, нѣтъ... того, отъ Козачки!

Поймали Лысаго и подвели къ Гордію. Сотникъ еще разъ внимательно осмотрѣлъ его и что-то бормоталъ про себя. Это былъ спокойный на видъ, шестилѣтній конь, средняго роста, но его широкія кости и крѣпкая мускулатура обращали на себя вниманіе; голова была краси-

[1]) *Мышастыя*—сѣрыя, стальной масти лошади въ нашемъ краѣ—потомки тарпановъ, дикихъ степныхъ лошадей; они меньше ростомъ и слабѣе другихъ породъ и потому не годятся для тяжелой работы или дальней дороги.—*Пер.*

вая, съ бѣлымъ пятномъ на лбу, откуда и кличка его. Конь этотъ былъ уже испытанный, нрава ретиваго и кроткаго, крѣпкій въ ногахъ, выносливый въ дорогѣ и хорошо ходилъ подъ сѣдломъ.

— Поставьте его въ конюшню, а прочихъ въ табунъ! приказалъ хозяинъ. Джура[1]) Ярема повелъ его въ стойло, насыпалъ вдоволь овса и началъ проѣзживать нѣсколько разъ въ день. Итакъ, дорога была дѣломъ рѣшеннымъ, но впередъ какъ-то не загадывали. Гордій никому не говорилъ ни слова, а пока Ярема выѣзжалъ и выкармливалъ коня, онъ разбиралъ самопалы и пистолеты, чистилъ, смазывалъ оливою и складывалъ снова, насыпалъ пороховницы, отлилъ сотни двѣ пуль, отточилъ саблю,—все это заняло нѣсколько дней. Снарядившись совсѣмъ, онъ опять за ужиномъ напомнилъ о выѣздѣ.

— Такъ слышите, титко, приготовьте на завтра все, что думаете дать мнѣ въ дорогу; я рано утромъ ѣду.

— Такъ какъ-же, съ Яремой, или одинъ?

— Одинъ.

— Какъ-же такъ, одному? Это вѣдь не въ Черкасы, что сегодня выѣхалъ, а завтра воротился.... Надо вѣдь и припасовъ взять, и услугу имѣть въ дорогѣ.... Какъ же одному?

— Обойдусь и безъ слуги!—рѣшилъ хозяинъ.

Тетка Ярына ничего не могла понять, пожимала плечами, и время отъ времени, незамѣтно для нея самой, вырывалось восклицаніе недоумѣнія.

— А когда-же будете обратно, татуню?

Гордѣй уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта.

— Не знаю еще.... у меня тамъ разныя дѣла...

Дѣвушка подсѣла къ отцу и начала ласкаться какъ кошечка.

— А мнѣ, татуню, не забудьте гостинца привезти.

— Вотъ, вотъ, что у тебя на умѣ?—старикъ наклонился и поцѣловалъ русую головку.—А чего бъ ты хотѣла?

[1]) *Джу́ра,* или *чу́ра*—оруженосецъ, вѣрный слуга.—*Ред.*

— Что захотите, татуню... адамашку на кунтушъ... а если нѣтъ, такъ хоть лентъ новыхъ. Тетка Ярына говоритъ, что моихъ и носить уже нельзя.

— Ну, ну... Вы какъ начнете выдумывать съ теткой Ярыной, такъ мнѣ пожалуй еще и джуру придется взять съ собою.

— Такъ, какъ же! Не берешь Яремы? Вѣдь надо что-нибудь приготовить, то для одного, или для двухъ?

— Одинъ поѣду!—отвѣтилъ Гордій коротко.

Сборы были не долгіе. Старуха уложила въ одинъ мѣшокъ пару рубахъ на перемѣну, въ другой нѣсколько паляницъ, соли, кусокъ сала, колбасу, бутылку водки—и все было готово. Ярема еще съ вечера взялъ сѣдло, чуть свѣтъ осѣдлалъ Лысаго, привязалъ мѣшки съ припасами и овсомъ и подошелъ къ окну разбудить хозяина, но Гордій уже не спалъ. Онъ читалъ въ слухъ молитвы, заряжая пистолеты; потомъ надѣлъ саблю, заложилъ пистолеты за поясъ, опоясалъ чересъ и былъ готовъ; ни ружья, ни пики не бралъ съ собою, чтобы каждый могъ видѣть, что онъ ѣдетъ не на войну.

Тѣмъ временемъ поднялись и женщины. Прощаніе было короткое. Гордій обнялъ дочку и тетку и вскочилъ на коня. Ярема бросился открывать ворота, а старый сотникъ снялъ шапку, перекрестился, кивнулъ головою обѣимъ женщинамъ, которыя стояли и смотрѣли, сложа руки у пояса, и сказалъ еще разъ:

— Будьте здоровы!... берегите хату...

Лысый, словно догадавшись, что стоять долго нечего, обернулся къ воротамъ и тронулся шагомъ. Ярына съ Марусею проводили Гордія черезъ дворъ, у воротъ остановились и глядѣли ему вслѣдъ, пока онъ скрылся съ глазъ при поворотѣ улицы.

— Идемъ въ хату!—сказала старуха и направилась къ дому; Маруся молча пошла за нею.

Ярема заложилъ ворота, но не шелъ домой а стоя у перелаза, смотрѣлъ на тихую, пустынную улицу. Онъ

сообразилъ, что не въ Черкасы уѣхалъ сотникъ на этотъ разъ—куда же въ такомъ случаѣ? въ Каневъ, въ Триполье... а можетъ быть даже въ Кіевъ или въ Москву. Но зачѣмъ? Какъ ни старался Ярема, но и на этотъ вопросъ не могъ придумать отвѣта.

Между тѣмъ наступило утро; на горизонтѣ потянулись съ востока легкія, прозрачныя розовыя облачка, какъ бы убѣгая отъ солнца; окрестные сады огласились веселымъ щебетаніемъ птицъ; наконецъ со всѣхъ дворовъ стали выгонять на улицу коровъ, овецъ и козъ, а со стороны мѣстечка долеталъ глухой гулъ людскихъ голосовъ.

Ярема все стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, смотрѣлъ на дорогу, стараясь выяснить себѣ причины поѣздки, и ни до чего не могъ додуматься. Наконецъ голосъ тетки Ярыны вывелъ его изъ задумчивости.

— Яремо! иди завтракать!

Тотъ медленно обернулся на зовъ. Хозяйка стояла на порогѣ дома.

— Иди-же!—повторила она нетерпѣливо,—будешь стоять до полудня, считать воронъ.

Ярема что-то проворчалъ про себя, перешагнулъ черезъ перелазъ и направился къ дому.

Важныя обстоятельства побуждали сотника отправиться въ Кіевъ. Встрѣча съ Верланомъ и откровенная бесѣда съ нимъ съ глазу на глазъ пробудили дремлющую энергію Гордія, а намекъ проѣзжаго полковника на то, что въ Михайловскомъ монастырѣ что-то подготовляется, вызвалъ желаніе развѣдать на мѣстѣ, въ чемъ дѣло. Хотя на правой сторонѣ Днѣпра народонаселеніе было малочисленнѣе, нежели на противоположной, русской, но здѣсь жили еще въ народѣ старыя преданія о Павлюкѣ, Хмельницкомъ и еще свѣжія, недавнія воспоминанія о палівщинѣ. Безсильная Рѣчь-Посполитая не въ состояніи была защищать свои предѣлы даже отъ гайдамацкихъ отрядовъ, которые бродили въ Кіевщинѣ и на глазахъ у польскихъ

регментарей жгли и грабили панскіе дворы и замки. Теперь къ нему доходили неясные слухи о томъ, что на самой границѣ съ Польшею, въ Кіевѣ, идутъ приготовленія къ войнѣ, сюда стекаются охотники, святятъ сабли... Съ другой стороны Верланъ подавалъ ему какія-то надежды—даже больше. Онъ говоритъ ясно и опредѣленно, что можетъ быть никогда не представится болѣе удобнаго времени, чтобы поднять оружіе, собрать всѣ разрозненные кучки гайдамаковъ, организовать ихъ въ одно сильное войско и вдохновить одною общею идеею. Верланъ въ добрый часъ подсказалъ ему ту самую мысль, которую Гордій лелѣялъ въ тишинѣ своей уединенной жизни; оба пришли къ убѣжденію, что именно теперь нужно было дѣйствовать, но на этотъ разъ дѣйствовать иначе, нежели до тѣхъ поръ. Верланъ не напрасно ѣздилъ въ Батуринъ, Переяславъ, Полтаву, ко всему присматривался, обо всемъ разспрашивалъ, подсказывалъ свои мысли и мало-по-малу приходилъ къ убѣжденію, что на лѣвобережныхъ полковниковъ разсчитывать нечего: они заботились только о своемъ личномъ обогащеніи и съ этою цѣлью занимались постоянными доносами другъ на друга, и всѣми правдами и неправдами старались закрѣпостить ввѣренный имъ народъ. Крестьяне, доведенные до отчаянія, уходили за Днѣпръ и приставали къ гайдамакамъ.

Грустный и разочарованный возвращался Верланъ изъ Гетманщины, когда, встрѣтивъ созвучную почву, подѣлился впечатлѣніями съ Гордіемъ. Оба они стремились къ одной цѣли. Оба сознавали, что наступило время, когда можно что-нибудь сдѣлать для родины, сознавали, что нужно пустить въ ходъ всѣ пружины для того, чтобы воспользоваться съ возможно большею выгодою внутренними неурядицами въ Рѣчи-Посполитой. Нужно было разузнать на мѣстѣ, что за приготовленія дѣлались въ Кіевѣ подъ знаменемъ вѣры, кто эти новые рыцари-крестоносцы, освящающіе оружіе для борьбы, и нельзя ли привлечь ихъ къ участію въ общемъ дѣлѣ. Съ каждымъ

днемъ приближался Гордій къ цѣли своего путешествія и съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда при выѣздѣ изъ Голосѣевскаго лѣса засіяютъ передъ нимъ золотые купола и кресты кіевскихъ монастырей.

По мѣрѣ приближенія къ границамъ Рѣчи-Посполитой, все чаще и чаще попадались на встрѣчу какіе-то подозрительные люди; приставали по пути къ Гордію, разспрашивали его, но какъ-то мало удовлетворяясь, незамѣтно приближались и также незамѣтно отставали. Иной разъ остановятся въ степи попасти лошадей, товарищъ отправится будто поискать водопоя—и исчезнетъ безъ слѣда. Такъ помаленьку добрался Гордій до Триполья. Здѣсь обстановка еще больше измѣнилась.

Хотя до захода солнца оставалось еще около двухъ часовъ, но и лошадь пристала, и самому Гордію хотѣлось отдохнуть; онъ остановился у корчмы подъ лѣсомъ, возлѣ самаго мѣстечка. Еврей былъ услужливый, въ корчмѣ спокойно; разнуздавши коня, всадникъ привязалъ его передъ жолобомъ, насыпалъ овса, а самъ пошелъ въ избу перекусить и отдохнуть. Едва расположился онъ съ своими припасами, какъ начали подходить посѣтители, и вскорѣ корчма наполнилась людьми, которые не слишкомъ понравились старому сотнику. Полу-козацкая, полу-крестьянская одежда, нѣсколько случайное, разнообразное вооруженіе—все свидѣтельствовало о томъ, что эти люди занимались вольнымъ военнымъ промысломъ. Входили съ шумомъ, требовали водки, меду, держали себя развязно. Шинкарь прислуживалъ охотно, подавалъ жбаны, приговаривалъ и припрашивалъ, наливая стаканы; по всему видно было, что это постоянные и выгодные посѣтители, обмѣнивавшіе здѣсь на напитки все, что удавалось добыть свободнымъ промысломъ.

Сидя за столомъ, Гордій ѣлъ не торопясь, поглядывалъ на веселую, поминутно прибывавшую компанію, но не принималъ участія въ разговорѣ. Онъ догадывался только, что эта корчма должна была служить сборнымъ

пунктомъ, въ которомъ происходила какая-то вербовка. Изъ толпы выдѣлялся человѣкъ, одѣтый по-козацки, еще молодой, лѣтъ около тридцати, который изо всѣхъ силъ проклиналъ поляковъ и татаръ и до небесъ превозносилъ Запорожье. Повидимому это былъ предводитель; онъ всему давалъ тонъ, угощалъ, кидался во всѣ стороны; назывался онъ Демьянъ. Искоса поглядывалъ онъ на Гордія, хотѣлъ заговорить съ нимъ и не смѣлъ; еврей поминутно доливалъ ему стаканъ, а Демьяна все больше и больше раздражало молчаніе незнакомаго путника. Присутствіе его стѣсняло всѣхъ, пока не вышли за предѣлы осторожности. Поводъ подалъ самъ хозяинъ; доливая меду въ стаканъ Демьяну, еврей пріятельски улыбнулся ему и спросилъ:

— А когда-же въ походъ, пане отамане?

Демьянъ пріосанился.

— А! Куда? въ какой походъ?

Осторожный шинкарь кивнулъ головою по направленію польской границы. Демьянъ обвелъ корчму глазами и отвѣчалъ съ пренебреженіемъ:

— Воевать! съ кѣмъ? Здѣсь не то, что у насъ, гдѣ „Лугъ батько, а Сичъ маты“...

Еврей не унимался и, наливая порожніе стаканы, продолжалъ убѣдительно.

— Не годится, пане отамане! Какъ же такъ? Неужели эти „лыцари“ такъ и не погуляютъ на той сторонѣ?...

—Погоди! Придетъ время, нужно больше людей...

— Можетъ быть уже и время...—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Вѣроятно панъ отаманъ не считаетъ насъ за людей, если твердитъ постоянно: не время, не время... нужно людей...

Человѣкъ, котораго величали атаманомъ, былъ нѣкоторое время братчикомъ въ одномъ изъ запорожскихъ куреней, но ушелъ оттуда и уже другой годъ гайдамачилъ на границахъ Рѣчи-Посполитой. Обернувшись лицомъ къ недовольнымъ, онъ подбоченился, надвинулъ шапку на лобъ и началъ убѣждать:

— Повремените... вотъ уже идутъ подкрѣпленія изъ Сѣчи... идетъ Дабижа... Было извѣстіе, что онъ уже взялъ Марковку... Еще нѣсколько дней—и загуляемъ всѣ вмѣстѣ...

Затѣмъ, желая перемѣнить разговоръ, Демьянъ кивнулъ головою еврею, наклонившемуся надъ бочкою, и запѣлъ, притопывая ногою:

„Гей ты, жыде, гей ты Юдко,
„Сыпъ горилки, та сыпъ хутко!...

Потомъ обратился къ Гордію.

— А ты съ нами?

Тотъ спокойно смѣрилъ атамана глазами.

— Можетъ быть и съ вами...

— Откуда и куда?

— Изъ Мошенъ... въ Кіевъ...

Демьянъ по-пріятельски ударилъ старика по плечу.

— Такъ намъ одна дорога; и я завтра ѣду въ Кіевъ. Ты куда?

— Въ Лавру...

— А я въ Михайловскій монастырь, къ игумену Досифею, коли знаешь?

Гордій еще не зналъ его, но желалъ узнать, для того и предпринялъ поѣздку. Демьянъ прибавилъ, желая похвастать знакомствомъ:

— Этотъ вырѣзалъ бы всѣхъ ляховъ!

Гордій сдѣлалъ видъ, будто ни о чемъ не догадывается.

— А вы на кого собрались?

— На ляховъ! не на кого... Подумай, тай гайда съ нами!

— Можно и съ вами, почему нѣтъ; пускай еще увидимся, поговоримъ въ Кіевѣ. Биться, такъ биться. Если суждено быть волѣ на Украинѣ, пусть будетъ воля, лишь бы не было своеволія!

Подгулявшая компанія не слишкомъ вникала въ смыслъ словъ Гордія, а Демьянъ радовался, что завербовалъ новаго „лыцаря“. Всѣ опасенія исчезли, рюмки и стаканы свободнѣе заходили по столу. Атаманъ сдвинулъ шапку

на затылокъ, подтянулъ поясъ и пустился танцовать разудалаго козачка, сопровождая танецъ веселою шуточною пѣсенкою. Гайдамаки окружили танцующаго, любуясь пляскою; подошелъ къ нимъ и Гордій и вмѣшался въ разговоръ. Шумъ въ корчмѣ увеличивался; пѣсни, восклицанія, споры, брань—все смѣшалось въ одинъ невообразимый гулъ, отъ котораго дрожали окна. Хозяинъ, видимо привычный къ такимъ сценамъ, сидѣлъ невозмутимо въ своемъ углу у бочки, разливалъ и подавалъ кружки съ напитками, по временамъ окидывалъ компанію презрительнымъ взглядомъ, поглаживалъ бороду и принималъ прежнюю позу безучастнаго посторонняго зрителя. Разговоры становились все смѣлѣе и откровеннѣе, теперь уже высказывались безъ опасенія, а на Гордія смотрѣли какъ на товарища.

Было около полуночи, а гайдамаки и не думали расходиться. Еврей готовъ былъ бы просить ихъ оставить корчму, но не смѣлъ, опасаясь оскорбить постоянныхъ и щедрыхъ посѣтителей. Молча сидѣлъ онъ между бочками, зѣвая по временамъ. Вдругъ на дворѣ запѣли пѣтухи: вздремнувшій было хозяинъ протеръ глаза, зѣвнулъ и любезно обратился къ Демьяну:

— Пане отамане! Можетъ быть пора бы отдохнуть... Берегите здоровье...

— Такъ, такъ, пора! вѣдь завтра чуть свѣтъ ѣдемъ въ Кіевъ,—вмѣшался и Гордій.

Какъ-бы въ отвѣтъ на это Демьянъ затянулъ пѣсню; товарищи вторили ему нетвердыми голосами:

„Де мы будемъ ночуваты?
У дивчыны Насти!
Що мы будемъ вечеряты?
Вареныки въ масли...

Это было финаломъ веселаго вечера. Разбудивши дремавшихъ по угламъ, гайдамаки начали понемногу выходить изъ корчмы и, кто пѣшій, кто верхомъ, разбрелись въ разныя стороны. Демьянъ сопровождалъ стараго Грыву

на ночлегъ на хуторъ, въ которомъ проживалъ самъ. Дорога лежала черезъ лѣсъ, до хутора было довольно далеко; лошади шли шагомъ въ темнотѣ, между всадниками завязалась бесѣда.

— Ты изъ Мошенъ?

— Изъ Мошенъ...

— Что же ты ничего не разсказалъ намъ?

— О чемъ?—спросилъ сотникъ, нѣсколько удивленный вопросомъ.

— Говорятъ, что тамъ у васъ поляки вѣшаютъ священниковъ.

— Вѣшать не вѣшаютъ, а уніатская коммиссія разъѣзжаетъ по сосѣднимъ селамъ, отбираетъ церкви и побоями принуждаетъ и прихожанъ, и священника принимать унію. Въ Мошнахъ пока спокойно, но можетъ быть коммиссія скоро заглянетъ и туда...

— Такъ!... Мнѣ самъ говорилъ игуменъ Досифей, что не въ однихъ Мошнахъ притѣсняютъ православныхъ; разсказываютъ люди, что въ Ставищахъ и въ Паволочи еще хуже...

Гордій молча покачалъ головою; его собесѣдникъ понялъ этотъ жестъ, какъ выраженіе недовѣрія.

— Должно быть правда, если говорятъ. Игуменъ лучше насъ знаетъ. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что тамъ народъ подымается противъ поляковъ...

Всадники остановились у воротъ лѣснаго хутора, и разговоръ былъ прерванъ. Въ темнотѣ едва можно было различить плетень, за нимъ хлѣвъ или вѣрнѣе „обору“, также оплетенную хворостомъ, а дальше въ глубинѣ двора, на темномъ фонѣ лѣса, бѣлѣли стѣны низенькой хаты. Собака бросилась на нихъ съ оглушительнымъ лаемъ, но вскорѣ затихла, очевидно узнавши Демьяна. Демьянъ пропустилъ товарища, заперъ за собою ворота, и оба направились къ „оборѣ“, кое-какъ нащупали дверь, вошли вмѣстѣ съ лошадьми и, не теряя времени въ разговорахъ, улеглись на соломѣ; надо было отдохнуть, потому что рано утромъ оба выѣзжали въ Кіевъ.

Послѣднія слова атамана возбудили нѣкоторыя сомнѣнія въ умѣ стараго сотника. Онъ не безъ цѣли разговорился съ Демьяномъ, иногда поддакивалъ ему, согласился ночевать съ нимъ и вмѣстѣ продолжать дальнѣйшій путь: для него было чрезвычайно важно узнать какъ истинныя цѣли и планы гайдамаковъ, такъ и средства къ осуществленію ихъ, чего нельзя было угадать по ихъ поведенію къ корчмѣ.

Рано утромъ путники оставили хуторъ, а вечеромъ уже приближались къ Кіеву; Демьянъ остался въ Голосѣевѣ, на монастырскомъ хуторѣ, а Гордій Грыва черезъ Печерскъ и Хрещатый Яръ выѣхалъ на старый городъ и остановился у школьнаго товарища на Рейтарской улицѣ. На слѣдующее утро онъ слушалъ богослуженіе въ Михайловскомъ монастырѣ, былъ на исповѣди и затѣмъ отправился къ игумену. Тотъ принялъ его въ келіи.

Это былъ человѣкъ уже немолодой, худощавый, съ впалыми глазами, сверкавшими какъ два угля изъ подъ нависшихъ бровей, съ длинною рыжею бородою, въ которой уже пробивалась сѣдина. Когда сотникъ подошелъ подъ благословеніе, игуменъ окинулъ его быстрымъ, пытливымъ взглядомъ и сразу узналъ человѣка бывалаго.

— Прихожу за совѣтомъ, отче игумене,—почтительно началъ Гордій,—и добровольно предлагаю свою службу.

— Имѣешь какое горе?

— Слыхалъ я, что подъ вашею защитою собираются люди въ походъ противъ поляковъ; я тоже хотѣлъ бы послужить родной землѣ и сложить за нее старую голову.

Игуменъ искоса взглянулъ на говорившаго, придалъ лицу выраженіе торжественности и вторично осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ.

— Да поможетъ тебѣ Богъ въ борьбѣ за святую вѣру и Русь. Не съ ляхами католиками и съ турками бусурманами слѣдуетъ вамъ заключать союзы, не отъ нихъ ожидать поддержки, а отъ Россіи, которая будетъ защищать и васъ, и вмѣстѣ съ вами православную Христову

вѣру. Вы должны приставать къ Россіи, соединиться съ нею, и только подъ ея покровительствомъ и охраною засіяетъ вамъ слава и свобода.

Гордій слушалъ молча, а игуменъ продолжалъ убѣждать:

— Вамъ самимъ не справиться съ поляками, нужно просить помощи... Ты, я вижу, не послѣдній человѣкъ въ краѣ... изберите депутатовъ, составьте посольство въ Москву, я самъ готовъ написать для васъ письма въ приказъ, чтобы видно было, съ чѣмъ вы приходите; тамъ получите вы и совѣтъ, и деньги. Спасайте свою свободу и душу, пока есть ещѐ время. Еслибы вы раньше обратились къ Россіи, то не достались бы теперь въ поруганіе полякамъ и евреямъ, которые наперерывъ другъ передъ другомъ терзаютъ и грабятъ Украину... Говорятъ, въ Варшавѣ уже вышелъ указъ о томъ, чтобы окончательно и повсемѣстно введена была унія. А зачѣмъ она вамъ? Отцы и дѣды ваши сражались за вѣру, а вамъ теперь приказываютъ молиться по латинскому обряду...

Гордій все слушалъ безмолвно, не возражая ни однимъ словомъ. Игуменъ наконецъ замѣтилъ это, остановился и рѣзко перемѣнилъ разговоръ.

— А тебя откуда Богъ привелъ?

— Изъ Мошенъ!

— И давно изъ Мошенъ?

— Четвертый день.

— Ну, какъ же тамъ?

— Тихо, отче! благодареніе Богу пока спокойно, но во время мира нужно думать о войнѣ. Теперь какъ разъ сами поляки взялись за чубы, можетъ быть и намъ пора бы подумать о себѣ.

— Добрая это мысль,—подтвердилъ игуменъ,—но гдѣже вамъ самимъ о себѣ думать! вы еще слишкомъ слабы: не имѣете ни войска, ни денегъ; вамъ необходима посторонняя помощь.

— Отче игумене! мы не дадимъ своей вѣры на поруганіе, но защищать ее должны сами. Да правду сказать,

помощь и не нужна. Если мы не можемъ сами постоять за себя, а должны добывать свободу чужими силами, то лучше обойтись безъ помощи, а выждать, пока народъ болѣе окрѣпнетъ.

Отецъ Досифей вспыхнулъ.

— Вотъ, видишь! самъ приходишь ко мнѣ за совѣтомъ, а между тѣмъ не хочешь слушать. Нужно защищаться отъ непріятеля такъ же точно, какъ онъ на васъ нападаетъ. Поляки такіе же невѣрные, какъ татары и турки, ихъ нужно истреблять такъ же, какъ и тѣхъ. Люди богобоязненные дѣлаютъ въ монастырь вклады на борьбу съ невѣрными, эти пожертвованія въ моихъ рукахъ, а а рука моя всегда открыта для тѣхъ, кто станетъ на защиту Христовой вѣры... Ты, какъ я вижу, человѣкъ военный, навербуй охотниковъ,—немного уже собрано, никто не помѣшаетъ вамъ собираться здѣсь; у насъ найдете и продовольствіе, и военные запасы,—да и выступайте съ Богомъ противъ поляковъ... честнымъ крестомъ благословлю васъ на святое дѣло.

Гордій задумался.

— Какая же польза будетъ для Украины отъ этой новой рѣзни, отче игумене? И теперь говорятъ, будто мы ищемъ путемъ войны не свободы, а одного грабежа. Когда мы выведемъ въ поле такое войско, которое въ состояніи будетъ помѣряться силами съ поляками, тогда мы громко и открыто можемъ сказать, чего хотимъ, а такой походъ, какъ ты совѣтуешь, отче, ни къ чему не приведетъ: никто не захочетъ съ нами говорить, мы сами будемъ бѣгать отъ войска, гайдамачить въ плохо защищенныхъ имѣніяхъ и вмѣсто того, чтобы добыть у поляковъ свободу, добудемъ развѣ только ихъ имущество....

Игуменъ не ожидалъ такого отпора со стороны Гордія; онъ успокоился и заговорилъ въ болѣе миролюбивомъ тонѣ:

— Никто не запрещаетъ тебѣ набрать войска, сколько найдешь возможнымъ и необходимымъ, но, выступая въ

походъ, всегда лучше имѣть кого-нибудь готоваго оказать вамъ помощь. „Тамъ,—указалъ онъ на востокъ,—не желаютъ для себя ничего, никакихъ выгодъ, а готовы помочь вамъ единственно изъ состраданія, видя, какія преслѣдованія терпите за вѣру, и еслибъ вы даже не хотѣли этого, они все таки должны выступить на защиту святой вѣры, потому что борьба съ латинниками—ихъ христіанская обязанность.

— Подумай, сынъ мой, обо всемъ, что я тебѣ говорилъ... Богъ надѣлилъ тебя горячимъ сердцемъ, нужно направить его на пользу своего народа. Ты хочешь войны съ врагами русскаго народа и его вѣры, дѣло доброе... у меня найдешь и необходимую денежную помощь, и пріютъ для твоихъ людей... Подумай, сынъ мой!

Сотникъ поклонился и поцѣловалъ руку игумена.

— Подумаю, отче... зайду къ тебѣ еще разъ, если позволишь.

Онъ вышелъ отъ игумена не успокоенный, не съ лучшими надеждами на будущее, какъ того желалъ, а напротивъ еще съ большею тревогою въ сердцѣ.

— Довольно, уже довольно...—говорилъ онъ про себя, возвращаясь въ домъ пріятеля, и въ тотъ-же день выѣхалъ обратно въ Мошны.

III.

Сотнику было извѣстно, что какіе-то подозрительные люди подкрадывались къ его табунамъ; поэтому на выѣздѣ онъ приказалъ Яремѣ ночевать вмѣстѣ съ пастухомъ въ степи, а на всякій случай далъ имъ по самопалу, пороху и свинцу для пуль. Джура въ тотъ же день отправился на мѣсто. Это былъ вторникъ, день, въ который пастухъ обыкновенно приходилъ за припасами на цѣлую недѣлю; теперь-же ему приказано было немедленно возвращаться къ стаду, а провизію долженъ былъ принести

Ярема попозже. Тетка Ярына насыпала въ одинъ мѣшочекъ пшена, въ другой гречневыхъ крупъ, пшеничной муки, въ особый узелочекъ положила соли, отрѣзала кусокъ сала, все это сложила въ одинъ мѣшокъ, прибавила нѣсколько хлѣбовъ и паляницъ: это было недѣльное продовольствіе пастуховъ съ прибавкою на долю Яремы.

— А забирай мѣшокъ, хлопче, и съ Богомъ!—окликнула его тетка Ярына, когда все было готово.

Ярема взвалилъ мѣшокъ на плечи.

— А котелокъ есть?—вспомнила старуха.

— Долженъ быть... вѣдь они тамъ въ чемъ-нибудь готовятъ.

— Уменъ ты, какъ я вижу!—замѣтила она съ нѣкоторымъ раздраженіемъ,—изъ одного котелка втроемъ не наѣдитесь.

Погоди, нужно взять большій. Маруся!—позвала она. Дѣвушка откликнулась изъ огорода.

— Сбѣгай, дитя мое, въ комору, достань тотъ котелокъ, что виситъ на стѣнѣ.

Маруся подала котелъ, Ярема привязалъ его къ мѣшку и, навьюченый такимъ образомъ, медленнымъ шагомъ направился въ степь по таращанской дорогѣ.

Солнце уже садилось, когда онъ свернулъ съ дороги вправо и скрылся въ степной травѣ. Какъ шелъ онъ и куда, это зналъ онъ одинъ, потому что не было и слѣда какой-нибудь тропинки. Шелъ онъ медленно, озираясь по сторонамъ, только изрѣдка мелькала въ травѣ его голова въ соломенномъ брылѣ а взглядъ разбѣгался далеко по степи, какъ бы выискивая, на чемъ остановиться.

Роса уже спустилась на землю, повисла на желтыхъ чашечкахъ медвѣжьяго уха, на розовыхъ головкахъ будяка, на мелкихъ звѣздахъ волошекъ, и съ каждымъ шагомъ, при малѣйшемъ прикосновеніи осыпала брызгами его одежду, лицо и руки. По временамъ выскочитъ изъ подъ ногъ испуганый заяцъ и промчится что есть духу, только трава колышется, или степной орелъ, намѣтивъ добычу, стрѣлою падаетъ на него съ высоты. Вотъ стадо куропатокъ, встревоженное внезапнымъ появленіемъ человѣка,

съ крикомъ бросилось въ разсыпную; Ярема на все это смотрѣлъ равнодушнымъ взглядомъ. Вотъ промелькнула въ спокойномъ вечернемъ воздухѣ стая дикихъ утокъ и упала, неизвѣстно куда.

Солнце скрылось за горизонтомъ, оставивъ за собою пурпуровую дугу, которая росла, ширилась и въ то же время становилась все блѣднѣе и блѣднѣе, пока наконецъ блѣдно-розовыя края ея не слились съ общею синевою небесъ, на которой черезъ минуту должны заблистать звѣзды. Ярема спокойно брелъ по травѣ, глядя только впередъ, время отъ времени останавливался, что-то бормоча про себя, потомъ сворачивалъ вправо или влѣво и шелъ дальше. Вдругъ онъ замѣтилъ вдали какъ бы повисшія надъ степью черныя точки, улыбнулся и проговорилъ:

— Ага! теперь уже нельзя заблудиться.

Повидимому эта мысль придала ему бодрости, онъ шелъ быстрѣе и все посматривалъ на эти черныя точки; по мѣрѣ приближенія къ нимъ можно было различать все яснѣе, что онѣ не стояли на одномъ мѣстѣ, но двигались въ воздухѣ; наконецъ загадка объяснилась: это вороны и галки стаями кружились надъ однимъ мѣстомъ, которое избрали себѣ на ночлегъ. То былъ Бисивъ яръ, куда угонялся на ночь табунъ Гордія Грывы; туда и направился Ярема. Гдѣ-то вдали раздавались голоса дикихъ утокъ, перекликались въ травѣ перепелки, а время отъ времени къ этимъ звукамъ примѣшивалось отдаленное конское ржаніе и собачій лай. Трудно было угадать, откуда шли эти голоса, свидѣтельствующіе о близости человѣка, такъ какъ вокругъ разстилалась безбрежная степная равнина. Но вотъ поверхность степи начала понемногу понижаться, затѣмъ склонъ пошелъ вправо и передъ глазами открылась широкая балка, надъ которою ложился клубами вечерній туманъ. Ущелье съуживалось какъ лейка, а въ концѣ виднѣлась группа зеленыхъ деревьевъ, замыкавшихъ съ запада глубокій „Бисивъ яръ“.

На склонѣ балки виднѣлись, одинъ возлѣ другаго, нѣсколько загоновъ, оплетенныхъ хворостомъ; въ одномъ запирались кобылы съ молодыми лошатами, въ другомъ лошата постарше и „стрыгуны", въ третьемъ остальныя лошади.

Въ сторонѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, виднѣлась вырытая въ горѣ землянка съ плоскою земляною крышею, на которой роскошно разростались кусты полыни и деревію, да покачивались на высокихъ стебляхъ нѣсколько колосьевъ ржи; запиралась она тесовою дверью съ прорѣзаннымъ вверху маленькимъ окошечкомъ. Землянка предназначалась для склада провизіи, посуды, лѣкарствъ, для лошадей, одежды и оружія; пастухи ночевали подъ открытымъ небомъ, возлѣ табуна и только во время дождя или непогоды прятались въ землянку. Нѣсколько ниже, въ самой глубинѣ яра, находилась крыныця съ журавлемъ и длиннымъ рядомъ корытъ для лошадей.

Въ ту минуту, когда Ярема началъ спускаться въ ущелье, старшій пастухъ доканчивалъ прилаживать дверь къ землянкѣ и весь погруженъ былъ въ работу.

Вдругъ собаки кинулись съ неистовымъ лаемъ всѣ въ одну сторону, но черезъ минуту лай смѣнился радостнымъ визгомъ; онѣ побѣжали назадъ, привѣтливо махая хвостомъ. Все это привлекло наконецъ вниманіе Григорія; онъ поднялъ голову и началъ всматриваться; по соломенному брылю, колыхавшемуся поверхъ травы, онъ узналъ Ярему и крикнулъ, чтобы дать знать о себѣ:

— Го! Го!

Эхо повторило восклицаніе, отражаясь отъ стѣнъ оврага. Вскорѣ на тропинкѣ, вытоптаной лошадьми, показался Ярема, согнувшійся подъ тяжестью ноши. Собаки бросились къ нему навстрѣчу, обнюхали мѣшки и съ веселымъ лаемъ и прыжками проводили до самой землянки.

Едва дойдя до порога, онъ спустилъ на землю свою ношу и вздохнулъ легче.

— А, нехай ему! Усталъ, словно цѣлый день молотилъ!— и во всю длину растянулся на травѣ.

— А я думалъ, что тебя уже не будетъ... жду... жду, не могу дождаться!—замѣтилъ пастухъ и обратился къ мальчику, своему помощнику:

— А, ну, хлопче, пора готовить ужинъ! Бери котелъ и маршъ по воду, а я разведу огонь.

Пока мальчикъ вернулся отъ колодца, пастухъ забилъ въ землю три палки, пригнулъ ихъ, связалъ вверху и приготовилъ кучу хвороста; затѣмъ повѣсилъ на цѣпочкѣ котелъ съ водою, вынулъ и разобралъ принесенную провизію, насыпалъ въ миску пшена, сполоснулъ водою и бросилъ въ котелъ.

Ярема тѣмъ временемъ отдохнулъ; оба закурили трубки и улеглись на животѣ, повернувшись головою къ огню, пока мальчикъ наблюдалъ за котломъ. Такъ лежали они опершись на локоть, сосали короткія изогнутыя люльки и бесѣдовали въ ожиданіи горячаго кулиша. Тутъ же рядомъ сидѣли собаки на заднихъ лапахъ, смотрѣли на огонь, нюхали аппетитный запахъ и ждали терпѣливо, не достанется ли и имъ какая корка хлѣба.

Наконецъ ужинъ былъ готовъ, а тѣмъ временемъ и ночь наступила. Григорій въ качествѣ хозяина приказалъ мальчику собрать хворосту и поддерживать огонь, а самъ вынесъ изъ землянки миску и ложки и налилъ кулишу. За неимѣніемъ стола сдѣлано было особое приспособленіе для того, чтобы удобнѣе было ѣсть всѣмъ вмѣстѣ. Въ землѣ вырыта кольцеобразная канавка, глубиною примѣрно по колѣни, такъ что середина круга немного возвышалась надъ землею; на этотъ импровизированный столъ поставили миску съ кушаньемъ, всѣ усѣлись вокругъ, спустивши ноги въ канавку, и взялись за ложки. Огонь тлѣлъ и дымился на нѣкоторомъ разстояніи, дымъ разносился вѣтромъ и разгонялъ комаровъ, которые роями кружились надъ людьми.

Было уже поздно, когда пастухи расположились на ночлегъ у входа въ землянку на разостланныхъ свиткахъ, какъ вдругъ собаки залаяли, обратившись къ востоку.

— Должно быть волки.—шепнулъ Ярема.

— Или гайдамаки... одинъ разъ уже заглядывали ко мнѣ въ степи, доберутся и сюда...

— А было бы чѣмъ поживиться,—замѣтилъ первый.

— Цуръ ему! Тогда сотникъ такъ почиститъ намъ кожу, что будешь дуть цѣлый мѣсяцъ.

Очевидно аргументъ былъ убѣдительный, оба молча вошли въ землянку осмотрѣть оружіе на всякій случай. Самопалы были уже заряжены, оставалось только подсыпать свѣжаго пороху и поправить кремни; затѣмъ ружья поставили въ углу наготовѣ, а сами улеглись снова и начали прислушиваться. Собаки продолжали лаять, но не такъ, какъ на врага, а какъ бы въ знакъ предостереженія. Казалось, будто вѣтеръ доноситъ изъ степи какой-то иной шелестъ, а не колыханіе травы, но собаки вели себя успокаивающе: онѣ не бѣжали противъ непріятеля, какъ бываетъ обыкновенно, а сидя на заднихъ лапахъ, лаяли мѣрнымъ, спокойнымъ лаемъ, потомъ вдругъ вскочили, побѣжали вверхъ по тропинкѣ и опять воротились назадъ. Пастухи поднялись на локтяхъ и, обернувшись въ ту сторону, прислушивались; теперь, въ ночной тишинѣ, ясно можно было различить человѣческіе шаги.

Ярема осторожно ползкомъ добрался до куреня и взялъ ружья, но едва успѣлъ воротиться на мѣсто такимъ же порядкомъ, какъ на дорожкѣ показалась человѣческая фигура.

— Это не гайдамаки,—шепнулъ Григорій,—Они въ одиночку не ходятъ...

— Можетъ, бѣглый какой?

Между тѣмъ человѣкъ приближался прямо къ куреню, какъ будто зналъ дорогу. Было уже около полуночи, мѣсяцъ скрылся, но тысячи звѣздъ свѣтили на небѣ и позволяли довольно ясно различать предметы.

— Кто идетъ?—окликнулъ Григорій.—Говори, не то выстрѣлю!

— Дѣдъ,—отозвался голосъ съ тропинки.—Не бойтесь... свой... И не смущаясь, подходилъ все ближе и ближе.

— А чего же ты шатаешься ночью по степи?

— Шатаюсь... значитъ нужно! А вы зачѣмъ спите ночью — потому что такъ нужно. Вамъ лучше бодрствовать днемъ, а мнѣ ночью.

Пастухи встали, чтобы разглядѣть дѣда. То былъ старикъ, еще крѣпкій и бодрый и, хотя повидимому слѣпой, онъ шелъ быстро, опираясь на палку. Голова его была открыта, а широкій соломенный брыль висѣлъ на шнуркѣ у пояса; въ рукахъ держалъ онъ длинную суковатую палку и прикрывалъ что-то сбоку полою изорванной свиты. Худощавое лицо его, съ высокимъ, правильнымъ лбомъ, было красиво не смотря на преклонныя лѣта, а лысую голову окаймляли длинныя, сѣдыя кудри, свободно развѣвавшіеся по вѣтру.

Поровнявшись съ пастухами, старикъ произнесъ обычное привѣтствіе.

— Вотъ, шелъ за вѣтромъ и сюда зашелъ,—замѣтилъ онъ какъ бы про себя.—А когда уже забрелъ, такъ позвольте переночевать съ вами до утра.

— Мѣста довольно...

— Спасибо! А вы что за люди? На хуторахъ сидите, что-ли?

— Какіе тутъ хутора... Когда-то здѣсь точно былъ хуторъ, да какъ-то разъ ночевали поляки, дѣда съ бабою повѣсили, воловъ зарѣзали и съѣли, и хутора не стало; вотъ нѣсколько вишень и сливъ, что растутъ на косогорѣ, это и вся память отъ хутора.

— А что же вы тутъ дѣлаете?—разспрашивалъ старикъ съ любопытствомъ.

— Стережемъ Грывино стадо.

— Грывино? Какого это Грывы? Можетъ сотника изъ Мошенъ?

— Его самого!

— Добрая душа! Не разъ случалось ѣсть у него хлѣбъ-соль... Помню его еще при Мазепѣ... Слыхалъ я отъ людей, что онъ въ Мошнахъ, да не надѣялся, что приведетъ Богъ встрѣтиться... Нужно зайти къ нему.

— А вы, диду, какъ же, въ козакахъ служили съ сотникомъ, что-ли?

— Нѣтъ, не служилъ... а такъ знаю... Вотъ, играю людямъ на бандурѣ, и кормятъ старика.

Ярема тоже вмѣшался въ разговоръ.

— Теперь хоть пойдете въ Мошны, хоть нѣтъ—все равно: не застанете сотника. Выѣхалъ сегодня на разсвѣтѣ и развѣ только черезъ недѣлю воротится...

Старикъ почесалъ въ затылкѣ; очевидно извѣстіе это непріятно поразило его.

— Богъ знаетъ еще, когда пойду къ нему... и такъ едва передвигаю ноги, пидтоптався...

— А вы откуда, диду?

— Изъ далека,—отвѣчалъ старикъ въ раздумьѣ и прибавилъ какъ бы нехотя:—Вотъ такъ, хожу себѣ по свѣту, извѣстно старый, слѣпой...

Закурили трубки, и сонъ прошелъ. Дѣдъ снялъ съ плеча свою походную сумку, досталъ кусокъ хлѣба и соль, завязанную въ тряпочкѣ, очистилъ зубокъ чесноку, натеръ имъ хлѣбъ, посолилъ и началъ медленно пережевывать.

— Проголодался какъ собака; все спѣшилъ, шелъ то степями, то ярами, некогда было и хлѣба поѣсть.

— Спѣшили?—Куда?

— На прощу въ Мотроненскій монастырь, да..—онъ остановился, какъ бы соображая что-то, потомъ прибавилъ:—да заблудился... Де Крымъ, де Рымъ, де Бабынски корчмы! Такъ подбился, что не знаю, оправлюсь-ли и за недѣлю. Еслибы можно идти дорогою, то еще полбѣды, все таки встрѣтилась бы какая корчма по пути, какое жилье, какая-нибудь человѣческая душа, которая дала бы хоть ложку чего горячаго, а то бродишь цѣлые дни какъ волкъ степями да чагарями, прячешься отъ людей...

— Почему такъ? отозвался Ярема.

Старикъ кивнулъ головою на лежавшую около бандуру.

— А вотъ почему!.. такія теперь времена настали... лишь бы кого поймали съ бандурою, сейчасъ бандуру въ куски, а дѣда на веревку...

— Тутъ васъ и самъ куцый не отыщетъ.

— Цуръ ему!—старикъ перекрестился.

— А какъ же васъ звать, диду?—спросилъ Григорій.

— Какъ звать? Люди зовутъ меня слѣпымъ Матвѣемъ, то и вы такъ называйте...

— Ну, когда такъ, диду Матвію, то подкрѣпились немного, а теперь пора спать: намъ чуть свѣтъ надо выгонять табунъ въ степь на росу...

Матвѣй дѣйствительно только что кончилъ свой ужинъ, крехтя поднялся на ноги и трижды перекрестился на востокъ.

— А что, хлопци, курень есть?

— Есть! вотъ онъ передъ нами.

— Не вижу... Если есть, то и прекрасно, спрячьте мнѣ въ курень сумку и вѣрную бандуру... нужно беречь ее, потому что она меня кормитъ...

Вскорѣ возлѣ куреня слышался только мѣрный храпъ четырехъ голосовъ. Спали недолго. Чуть забрезжился свѣтъ, пастухи уже были на ногахъ. Григорій съ мальчикомъ сѣли на лошадей и погнали табунъ въ степь. Ярема остался съ гостемъ и занялся приготовленіемъ кулишу.

— А вы, диду, какой любите?

— Какой даютъ, такой и ѣмъ...

— Пшенный любите?

— Ой, ой!.. лишь бы былъ...

— А можетъ гречневый?—допрашивалъ Ярема.

— Ой, голубчику, еслибъ гречневый! Я уже должно быть съ мѣсяцъ не пробовалъ его, а такъ поѣлъ-бы .. это мнѣ какъ разъ по зубамъ.

— Ну, такъ я сварю для васъ гречневый, если любите... Намъ все равно, вчера ужинали пшенный, а сегодня пусть будетъ гречневый для перемѣны ..

— Спасибо, спасибо! вы добрые хлопцы, съ вами какъ то легче жить на свѣтѣ..

Вскорѣ воротился Григорій, оставивши табунъ подъ наблюденіемъ мальчика, и всѣ трое усѣлись за обѣдъ. Когда кулишъ былъ съѣденъ и закурены трубки, старикъ обратился къ пастухамъ:

— Накормили, спасибо вамъ за это... а теперь-то развѣ сами прогоните меня отсюда: ей Богу не въ силахъ идти дальше; не знаю, дойду ли и до Мошенъ.

Онъ развязалъ постолы и показалъ ноги, мѣстами натертыя и покраснѣвшія, но не настолько, чтобъ нельзя уже ходить. Можетъ быть, старикъ хотѣлъ отдохнуть, можетъ быть, были какія-нибудь другія причины, но почему-то ему не хотѣлось уходить.

— А кто-же васъ гонитъ, диду?—отозвался Ярема.— Отдохните себѣ немного, если утомлены, полежите нѣсколько дней въ куренѣ, а тамъ съ Богомъ, куда вамъ путь лежитъ.

Такъ и остался дѣдъ Матвій въ Бисовомъ яру и никто не жалѣлъ объ этомъ. Днемъ онъ сторожилъ землянку въ отсутствіе пастуховъ, по вечерамъ пѣлъ имъ грустныя козацкія думы подъ аккомпаниментъ бандуры, а иногда послѣ ужина наигрывалъ такого залихватскаго козачка, что ни одинъ не могъ усидѣть на мѣстѣ: выстаптывали и вырывали съ корнемъ траву подъ ногами, выдѣлывая различныя фигуры и припѣвая подъ звуки музыки:

Поки була молода,
Була и урода.
А теперъ на биду,
И въ люстерку не знайду...

— Хорошо работаете ногами, отлично, и на Запорожьѣ лучше не умѣютъ. Правду сказать, не тутъ бы вамъ сидѣть... вамъ бы не съ нагайкою, а съ копьемъ и самопаломъ летать по степи...

— Придетъ время и для этого...

— О, конечно... можетъ быть и скоро уже... — произнесъ старикъ съ удареніемъ, возбудившимъ вниманіе молодыхъ людей.

— А что же тамъ слышно на свѣтѣ, диду? Вы ходите. Богъ знаетъ, какими сторонами, до васъ скорѣе дойдетъ какая-нибудь вѣсть, чѣмъ до насъ.

Старикъ сразу присмирѣлъ.

— Развѣ мнѣ кто разскажетъ, что дѣлается на свѣтѣ? Кто станетъ говорить объ этомъ съ слѣпымъ старикомъ? Развѣ самъ услышу то то, то другое,—только и всего.

Разговоръ прервался на минуту; старикъ какъ бы придумывалъ, что сказать; его собесѣдники молчали въ надеждѣ услышать что-нибудь интересное.

— Говорятъ, около Умани стоятъ русскія войска... Богъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они стоятъ... Должно быть смотрятъ, какъ ляхи бьются между собою...

— А за что же они бьются?

— Кто ихъ знаетъ... Одни хотятъ одного короля, другіе другаго, да и берутся за чубы: извѣстно съ жиру.

— Пускай себѣ дерутся, лишь бы насъ не трогали.

— Въ томъ то и бѣда, что мы съ ними, какъ тѣ два воза, что ѣдутъ одною дорогою: если умные погонщики, то и возы разойдутся въ цѣлости, а если глупые, то и оси поломаютъ, и сами подерутся.

Старику однако не столько хотѣлось разсказывать самому, сколько вывѣдать у нихъ о чемъ-то; послѣ минутнаго молчанія онъ прямо спросилъ:

— А у васъ что слышно?

— У насъ? Вотъ какъ въ этомъ котлѣ, готовится что-то... Григорій указалъ рукою на котелъ, въ которомъ кипѣла вода. Толкуютъ по хатамъ, будто царица нанимаетъ людей противъ поляковъ, гайдамаки кучками ходятъ по степи среди бѣлаго дня, а если удается составить большій отрядъ, нападаютъ на панскіе дворы и замки...

— Въ томъ-то и бѣда! Они хотятъ чего-то, а чего—сами не знаютъ и изъ защитниковъ свободы становятся простыми разбойниками...

Когда кулишъ былъ готовъ и всѣ взялись за ложки, дѣдъ Матвій поднялъ голову и началъ прислушиваться; большая стая воронъ съ громкимъ карканьемъ въ безпорядкѣ пронеслась надъ головою и полетѣла на западъ.

— Ого! собрались въ путь вороны къ самой ночи, должно быть гдѣ-то готовъ для нихъ добрый завтракъ...

— На ночлегъ летятъ, диду,—замѣтилъ Ярема

— Нѣтъ, сынку! вороны уже спятъ. а тѣ, что пролетѣли, видно собрались куда-то далеко.

— Пускай и такъ будетъ...

На слѣдующее утро предсказаніе Матвія повторилось. Высоко въ небѣ летѣло стадо ястребовъ, но острый слухъ старика различилъ ихъ отдаленный полетъ.

— А посмотри-ка, сыну,—обратился онъ къ Яремѣ:—правда, что это шуляки летятъ?

Ярема поднялъ голову къ солнцу.

— А шуляки...

— Есть тамъ и для нихъ что-то.

Послѣ полудня старикъ началъ собираться въ путь.

— Довольно сидѣть! уже чуть не цѣлую недѣлю ѣмъ вашъ кулишъ и вашъ хлѣбъ жую; пора идти дальше. Пойду на Мошны, а тамъ разспрошу дорогу въ Мотроненскій монастырь.

— Диду! переждите еще день, да и пойдемъ вмѣстѣ;—уговаривалъ Ярема;—если захотите, провожу васъ къ сотнику; можетъ быть онъ уже воротился.

— Не могу, сынку, мои старыя ноги не сойдутъ съ твоими. Побреду самъ помаленьку, а къ сотнику зайду непремѣнно—можетъ быть хоть переночую у него.

Не смотря на всѣ просьбы старикъ заупрямился и ушелъ—видно торопился куда-то. Хотя онъ жаловался и на ноги, и на здоровье, но на самомъ дѣлѣ у него не было недостатка ни въ здоровьѣ, ни въ силахъ. Правда, шелъ онъ медленно, пробуя палкою на всѣ стороны, какъ бы отыскивая дорогу, пока не вышелъ изъ оврага, но, разъ очутившись на степномъ просторѣ, пошелъ впередъ

прямо и свободно, точно имѣлъ прекрасное зрѣніе. Между бандуристами случались иногда и настоящіе слѣпцы, но въ большинствѣ случаевъ слѣпота бывала искусственная, производимая посредствомъ подрѣзыванія мускуловъ, приводящихъ въ движеніе вѣко, безъ ущерба для самаго глаза. Съ помощью подобной операціи можно было произвести кажущуюся слѣпоту, состоявшую въ закатываніи глазъ такъ, что видны были одни бѣлки, а зрачокъ оставался невредимымъ. Такого рода увѣчье, хотя искусственное и чисто мнимое, возбуждало въ сердцахъ простаго народа состраданіе къ бандуристамъ, а во-вторыхъ давало имъ возможность распространять въ этой средѣ славу любимыхъ козацкихъ героевъ и облегчало дѣло объединенія народной массы для борьбы съ поляками.

Отъ Бисоваго яру до Мошенъ степью напрямикъ было не больше мили, а не смотря на то немногіе въ мѣстечкѣ знали о его существованіи, во-первыхъ потому, что этотъ степной участокъ принадлежалъ Гордію, а главнымъ образомъ потому, что лежалъ онъ въ сторонѣ отъ дороги. Въ тѣ времена рѣдко кто отваживался углубляться въ степи далеко отъ проѣзжаго пути; исключеніе составляли развѣ какой-нибудь козацкій отрядъ или кучка гайдамаковъ, да и тѣ имѣли свои опредѣленныя, извѣстныя имъ однимъ урочища, гдѣ и собирались. Какимъ образомъ могъ попасть сюда слѣпой бандуристъ, одинъ, безъ проводника? Этого вопроса не задавали себѣ ни Григорій, ни Ярема, да впрочемъ ни одинъ не могъ бы дать на него удовлетворительнаго отвѣта.

Часа за два до захода солнца дѣдъ Матвій былъ уже подлѣ мѣстечка; теперь онъ пошелъ медленно вдоль плетней, осторожно ощупывая палкою дорогу; затѣмъ, миновавши первыя хаты, остановился у воротъ не то большой хаты, не то шляхетскаго дома,—какъ разъ у жилища Гордія Грывы,—досталъ изъ подъ полы бандуру и запѣлъ „Лазаря“. То былъ обычный пріемъ, чтобы вызвать кого-нибудь изъ дома. Дѣйствительно, на порогѣ показа-

лась тетка Ярына и слушала, набожно скрестивши руки. Изъ сада выглянула свѣтлая голова Маруси.

— Титко! а попросите дѣда въ хату: не хорошо играть за воротами... Можетъ быть онъ голоденъ, такъ и на кормить нужно.

— Тебѣ только бы съ нищими возиться; сейчасъ будешь пробовать бандуру, правда?

— Тамъ уже какъ придется,—возразила Маруся и пошла отпереть калитку.—Зайдите, диду, отдохните немного.

Старикъ вошелъ и послѣдовалъ за нею, палкою ощупывая дорогу.

— А къ кому-же это я зашелъ?—спросилъ онъ.—Надо знать, кого благодарить за хлѣбъ-за соль.

— Ого! а вы откуда, диду, что не знаете? Дѣвушка внимательнѣе посмотрѣла на него: дѣдъ былъ незнакомый.

— Я? извѣстно, какъ дѣдъ, скитаюсь по всему свѣту; ни кола, ни двора, ни роду, ни племени, гдѣ накормятъ, тамъ сижу и пою.

— Ахъ! жаль, что отца нѣтъ дома,—сказала Маруся.—Онъ охотникъ и до пѣсенъ, и до разсказовъ...

Матвій поднялъ на нее свои бѣлки.

— А какъ же звать отца?

— Гордій Грыва.

— Гордій Грыва!—повторилъ старикъ, какъ-бы удивленный.—Вотъ ужь именно случай: и ночевалъ я у него на хуторѣ, и теперь прямо къ нему попалъ; вѣдь это старый знакомый. А теперь его должно быть дома нѣтъ?—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ, но мы уже другой день ожидаемъ его назадъ...

— Уѣхалъ, куда же?—допрашивалъстарикъ.

— Уѣхалъ... а куда, никому не сказалъ... какъ будто въ Кіевъ.

Пока Маруся разговаривала съ дѣдомъ, тетка Ярына поставила на столъ закуску, принесла миску варениковъ, оставшихся отъ полдника, и пригласила старика къ столу. Между тѣмъ звуки бандуры привлекли въ хату нежданныхъ гостей; первая прибѣжала Гандзя.

— А ты уже тутъ?—встрѣтила ее тетка Ярына.

— Ой, титко, ей Богу не могу выдержать; какъ услышу музыку, то кажется, воротилась бы съ того свѣта...

— Ой, дивчыно! вѣдь это пѣсни божественныя, а не какія-нибудь..

— Такъ что-жъ?—быстро возразила Гандзя.—Кто умѣетъ божественныя, тотъ можетъ и козачка съиграть...

— Эгъ! у тебя вѣчно пустяки на умѣ!—замѣтила тетка Ярына и махнула рукою съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Ей Богу, титко, какъ услышала бандуру, то и сапа изъ рукъ выпала, а я какъ разъ буряки сапала... Не могу выдержать, да и только!

При этихъ словахъ дверь отворилась, и вошелъ Грыць.

— Цуръ вамъ!—крикнула Ярына.—Развѣ вамъ дѣлать нечего, что ли? Точно сегодня воскресеніе или какой праздникъ, чтобы ходить въ гости?

— Титко, не сердитесь... я возвращался съ сѣнокоса... вижу, что другіе идутъ, и самъ зашелъ.

— А кто-же это другіе? Одна Гандзя пришла—и только,—отозвалась Маруся.

— А кого ему нужно больше? И почему вы уже не поженитесь,—продолжала Ярына.—Цѣлый свѣтъ исходить, а такой пары не найти... Танцовали бы себѣ вдвоемъ отъ воскресенья до воскресенья—и больше ничего.

Гандзя искоса глянула на подругу, потомъ на Грыцька и отвѣчала съ веселымъ смѣхомъ.

— И я тоже говорю... да что дѣлать—рушныки еще не готовы...

— Поспѣши!

— Къ чему?—и затѣмъ прибавила недовольнымъ тономъ:—пускай себѣ другую поищетъ, можетъ быть лучше найдетъ.

— Не далеко искать,—замѣтилъ Грыць и заговорилъ съ Марусею о прохожемъ бандуристѣ.

Грыць ухаживалъ за Марусею, которая тоже не оставалась равнодушною къ молодому, красивому парубку, но

тетка Ярына не упускала случая сдѣлать на его счетъ насмѣшливое замѣчаніе: легкомысленный, любящій развлеченія Грыць совсѣмъ не нравился ей. Онъ думалъ свататься, и мать его тоже не разъ намекала Ярынѣ о томъ, что слѣдовало бы женить ея единственнаго сына на единственной дочери Гордія; но Грыць точно также любезничалъ и съ Гандзею, которая платила ему взаимностью и даже сама заигрывала съ нимъ. Маруся, разумѣется, не могла не видѣть этихъ улыбокъ и взглядовъ, но объясняла все это его живымъ темпераментомъ; вѣдь самъ онъ говорилъ, что вскорѣ пришлетъ сватовъ и все будетъ кончено, а она не имѣла повода сомнѣваться.

Между тѣмъ Матвій кончилъ ужинъ и въ свою очередь вмѣшался въ разговоръ.

— Что значитъ молодость... только танцы да любовь на умѣ, о чемъ же имъ говорить больше? Не сердитесь, хозяйка.

Но старуха продолжала сердиться.

— Этъ, уже! и говорить нечего... На работу идти нѣтъ времени, а зубы скалить да гоцоньки выбивать, такъ хоть съ утра до поздней ночи!

— А хлопець молодой?—спросилъ Матвій.

— Еще не старый,—отвѣчалъ тотъ весело.—Двадцать пятый годъ пошелъ.

— Мои были бы немного старше...

Кобзарь грустно покачалъ головою и задумался, а двѣ слезы медленно катились по его морщинистому лицу. Должно быть, старикъ не чувствовалъ этихъ слезъ, потому что и не отиралъ ихъ, только глубоко вздохнулъ; видно имя и лѣта молодаго парубка пробудили въ немъ живое, еще не угасшее воспоминаніе о какой-то сердечной утратѣ. Для того ли, чтобы скрыть овладѣвшее имъ волненіе, или желая поблагодарить хозяйку за пріемъ, онъ взялъ бандуру и началъ наигрывать. Впрочемъ, волненіе старика не укрылось отъ вниманія присутствующихъ: они смолкли и прислушивались къ звукамъ бандуры.

— А вы, диду, одни на свѣтѣ, ни роду, ни племени?— спросила Ярына, видимо растроганная.

— Вотъ такъ, какъ видите... были когда-то и жена, и дѣти... а теперь остался одинъ,—прибавилъ онъ грустно, и снова началъ наигрывать мотивъ, какъ бы припоминая слова.

Дверь отворилась, и вошелъ Игнатъ, поклонился присутствующимъ и посмотрѣлъ на слѣпаго музыканта.

— А что, дѣдъ игралъ уже, или еще будетъ играть?

Матвій обернулся на звуки новаго голоса.

— Нужно играть, козаче, благодарить за хлѣбъ-за соль...

— Да кто задыхается теперь въ хатѣ, когда на дворѣ такъ хорошо...—замѣтилъ Игнатъ и обратился къ хозяйкѣ.

— Титко! не просить ли дида въ садокъ... тамъ и свободнѣе, и легче пѣть на воздухѣ.

— Такъ, такъ!—отвѣчала Ярына.—А, ну, хлопци, выносите скамьи и проводите дида.

Въ одну минуту хата опустѣла. Старика усадили на прызьбѣ, около него помѣстились на скамьѣ Ярына съ Марусею и Игнатъ, дальше стали полукругомъ нѣсколько дѣвушекъ и женщинъ, которыя при первыхъ звукахъ музыки выбѣжали изъ сосѣднихъ хатъ; множество ребятишекъ разнаго возраста протискались впередъ и, держась за плахты матерей, съ любопытствомъ смотрѣли на музыканта. Позади всѣхъ стояли подъ вишнею Грыць и Гандзя, обмѣниваясь вызывающими взглядами, шептались и пересмѣивались.

Старикъ настроилъ бандуру, сыгралъ прелюдію, откашлялся и сильнымъ еще голосомъ запѣлъ длинную импровизацію о томъ, какъ охотники собирались на соколиную охоту, и какъ одинъ изъ соколовъ стосковался за минувшей свободой, за роднымъ гнѣздомъ, за вольными степями; жалобно стоналъ онъ, пробуя крылья, и думалъ, что ужъ навѣки утратилъ всѣ свои силы и быстрый полетъ на подневольной панской службѣ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что не умерли и не ослабѣли его прежнія силы, вздохнулъ

полною грудью, свободно распустилъ крылья и исчезъ въ синемъ небѣ, а охотники такъ и не дождались его возвращенія.

— То не ясный соколъ тосковалъ за вольною степью, то козакъ, рожденный въ неволѣ, вспомнилъ на панщинѣ, что отецъ его былъ когда-то свободнымъ, а сына заставляютъ пахать плугомъ ту землю, которую отецъ пахалъ копьемъ, боронилъ конскими копытами, поливалъ своею кровью и сѣялъ волю, а вмѣсто нея выросла панщина. И не въ-терпежъ стало козаку. Темною ночью разбудилъ онъ жену и дѣтей, наполнилъ мѣшки хлѣбомъ, и пошли въ степь, къ морю, къ Великому Лугу. Долго шли они, терпя и голодъ, и непогоду; наступила зима, припасы давно истощились, дѣти выбились изъ силъ и съ трудомъ передвигали опухшіи ноги, а они все шли да шли, далеко обходя людскія поселенія изъ страха, чтобы кто-нибудь не выдалъ ихъ полякамъ. Хотѣлось прилечь и не двигаться съ мѣста, но голодъ и стужа гнали ихъ дальше.

Однажды пришли они въ лѣсъ на ночлегъ, вырыли въ снѣгу яму и развели костеръ; дѣти лежали какъ полумертвыя и уже не просили ни ѣсть, ни пить, и огонь не согрѣвалъ ихъ. Вдали стояла корчма. И жаль стало бѣглецамъ теплаго угла, хоть и въ панской неволѣ, жаль не для себя, а для дѣтей, и начали совѣтоваться отецъ съ матерью, какъ быть: до Сичи далеко, а въ корчмѣ все-таки живутъ люди. Досталъ козакъ послѣдній грошъ и пошелъ купить для дѣтей хлѣба. Шелъ онъ долго,—заблудился въ лѣсу, а когда возвратился на мѣсто, костеръ уже угасалъ, а вокругъ, сидѣла стая волковъ. Волки разбѣжались; началъ козакъ будить жену и дѣтей, но не могъ добудиться — они замерзли у огня.

На утро снова отправился бѣдняга въ корчму просить топора и заступа, вырылъ глубокую яму, своими руками схоронилъ все, что было у него дорогаго на землѣ, и съ отчаяніемъ въ душѣ побрелъ одинъ на Сичъ.

Голосъ старика дрожалъ отъ слезъ, онъ едва выговаривалъ послѣднія слова, какъ бы подавленный ужасомъ картины, которую нарисовалъ своимъ слушателямъ; старикъ сложилъ руки на бандурѣ и отдыхалъ. Казалось, онъ пѣлъ о своемъ несчастьѣ. Вокругъ царило глубокое молчаніе, даже дѣти стояли неподвижно, а женщины потихоньку утирали слезы.

— Такъ-то изводятъ ляхи нашего брата! — отозвался Игнатъ —Когда бы поскорѣе дошло дѣло до разсчета— всѣхъ вырѣжемъ!

Старикъ покачалъ головою и произнесъ какъ бы про себя:

— Придутъ другіе!

— Нужно, чтобы никто не приходилъ! Выгнать ихъ такъ, какъ Хмельницкій гналъ, чтобъ и духу ихъ не осталось на Украинѣ!...

— Этихъ не будетъ—прибудутъ другіе... Биться не штука, мириться трудно. У насъ съ ними такъ, какъ съ тѣмъ подсусидкомъ, что живетъ съ хозяиномъ въ одной хатѣ: и ссорятся, и дерутся, но если люди толковые, то придутъ наконецъ къ соглашенію, потому что невозможно жить вмѣстѣ въ непрерывной враждѣ; а если смысла нѣтъ и оба люди упрямые, то будутъ драться, пока одинъ другаго не убьетъ...

— Эй, диду! хорошо вамъ говорить... а тутъ какъ подумаешь, что не сегодня-завтра запрягутъ въ панскій плугъ, такъ вся кровь и закипитъ!...

— Ой, ой, ой! какой горячій! который это такъ?

— Игнатъ!

— Голый?

— Да! а вы откуда знаете мое имя?

— Отца твоего знавалъ, сыну... Ушелъ съ Мазепою за Дунай... правда?

— Должно быть, правда... людита къ говорятъ...

— Тамъ и погибъ онъ, отъ лихорадки... Помню—разсказывалъ, что оставилъ малютку сына, Игната по имени... помню..

Мало-по-малу слушатели расходились, время было позднее, хозяйкамъ пора было готовить ужинъ, а завтра нужно съ разсвѣтомъ подыматься на работу. Матвій тоже побрелъ на ночлегъ,—ему указали на току стогъ сѣна, который только что начали складывать.

— Хорошо, хорошо... благодарю... на сѣнѣ и мягко, и молодые годы припомню.

— И мнѣ пора, — замѣтила Гандзя, и обратилась къ Грыцьку.—Проводилъ бы меня до хаты, тебѣ вѣдь по дорогѣ...

— Вотъ еще!—отозвалась Маруся,—на край мѣстечка идти, что-ли, что еще нужно провожатаго.

— Все равно, по дорогѣ,—возразилъ Грыць.

Марусѣ сдѣлалось больно, что подруга такъ открыто заигрываетъ съ ея женихомъ, но она промолчала. Гандзя искоса бросила на нее злобный взглядъ.

— Вотъ какъ! хочешь привязать къ себѣ Грыцька, что-ли? Погоди, пускай женится; еще насмотритесь другъ на друга, такъ что надоѣстъ..

Маруся старалась принять равнодушный тонъ.

— Голубко! идите, идите съ Богомъ...

Молодые люди вмѣстѣ вышли со двора и пошли вдоль улицы. Ревность не давала покоя Марусѣ. Она воротилась въ хату, но спать не могла: улыбки и взгляды Гандзи гнали сонъ. Вдругъ какая-то мысль промелькнула въ головѣ и сдавила ея сердце; потихоньку встала она съ постели, набросила свитку и неслышными шагами вышла изъ хаты, на леваду. Длинная левада, обсаженная со стороны дороги частыми вербами и кустами орѣшника, тянулась отъ дома вдоль улицы почти до самаго мѣстечка; здѣсь, по другую сторону дороги стояла гандзина хата. Дѣвушка тихо пробиралась впередъ между огромными лопухами, по временамъ останавливалась, раздвигала густыя вѣтви орѣшника и бросала взглядъ на дорогу. Было уже поздно. Изъ за Днѣпра подымался круглый, огненный мѣсяцъ, и широкая полоса свѣта легла на дорогу.

Маруся остановилась въ концѣ левады и снова поглядѣла въ щелку. На противоположной сторонѣ улицы темнѣли двѣ человѣческія фигуры, раздѣленныя однимъ перелазомъ; на улицѣ стоялъ Грыць, по ту сторону перелаза—ея соперница и, облокотившись о плетень, разговаривали въ полголоса. Среди ночной тишины Маруся могла различить каждое слово.

— Иди уже домой, иди...—шептала Гандзя взволнованнымъ голосомъ.—Вотъ еслибы Маруся услышала, досталось бы тебѣ...

— Ей Богу, правду говорю!

— Отстань! И мнѣ правду говоришь, и ей, а кто тебя знаетъ, гдѣ правда? Обѣщалъ вѣдь прислать къ ней сватовъ.

— Этъ! мать разсказываетъ, потому что ей самой того хочется.

— Не лги, не запирайся! точно я сама не вижу... глазъ у меня нѣтъ, что-ли?..

Грыць наклонился къ ней черезъ плетень.

— Отстань! иди уже...—прошептала она въ полголоса,—еще увидятъ. Но сама не отходила отъ перелаза. Молодой козакъ еще больше подался впередъ, она отступила на шагъ.

— Манишь къ себѣ глазами, а сама отталкиваешь,—произнесъ онъ съ упрекомъ.

— Оставь меня въ покоѣ! иди себѣ къ своей... Покойной ночи!

Дѣвушка убѣжала въ хату, на порогѣ остановилась, обернулась еще разъ, потомъ отодвинула засовъ въ дверяхъ и исчезла.

Грыць еще оставался на мѣстѣ, какъ бы поджидая, не выйдетъ ли она снова, но Гандзя не выходила; онъ медленнымъ шагомъ направился домой.

Маруся смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся изъ глазъ, а сердце ея усиленно билось. Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что подруга отбивала у нея

жениха, играла съ нимъ, то завлекая, то отталкивая, сводила съ ума того, кого она такъ любила. Оставалась еще слабая надежда на дружбу Гандзи, которая можетъ быть не захочетъ окончательно разлучить ее съ дорогимъ человѣкомъ. Напрасно старалась Маруся утѣшить себя этою надеждою, а сама возвращалась въ хату съ цѣлою бурею въ сердцѣ...

Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду познакомить читателя на основаніи архивныхъ данныхъ съ протестомъ слободской старшины и простаго населенія противъ реформъ Екатерины II въ Слободской Украинѣ.

Въ 1765 г. рукою Екатерины II произведенъ крупный переломъ въ жизни слободско-украинскаго козачества: всѣ пять полковъ выборныхъ козаковъ были уничтожены, а на ихъ мѣсто сформировано столько же гусарскихъ; области Слободской Украины, именовавшіяся полками, превращены въ провинціи, а полковыя канцеляріи обращены въ провинціальныя. Вновь образованныя провинціи, бывшіе полки: харьковскій, изюмскій, ахтырскій, сумскій и острогожскій составили одну губернію, названную Слободско-Украинскою. Губернскимъ городомъ назначенъ Харьковъ. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ козачьей службы и управленія были отмѣнены и давнія „старочеркаскія обыкности", утвержденныя жалованными грамотами предыдущихъ московскихъ царей и царицъ. Упраздняя въ нашемъ краѣ козачью службу, реформа обратила бывшихъ казаковъ въ войсковыхъ обывателей, изъ коихъ надлежало рекрутировать пять гусарскихъ полковъ; бывшей же козачьей старшинѣ было предложено переименоваться въ дворяне съ присвоеніемъ себѣ великороссійскихъ чиновъ. Словомъ, императрица распространяла на Слободскую Украину общее гражданское управленіе Имперіи. Поводомъ къ реформѣ, какъ объявлялъ манифестъ, были многія неустройства, происходившія отъ смѣшаннаго воинскаго и гражданскаго управленія, тягостное содержаніе и безполезность козачьей службы въ связи

съ развивавшимся утѣсненіемъ народа. Императрица, скорбя о нарушаемыхъ интересахъ населенія, и „желая изъявить“ свое материнское къ народу милосердіе, рѣшила произвести указанную реформу. Дѣлалось это, какъ сообщалъ тотъ же манифестъ 1765 г., „совокупно съ общею и собственною пользою народа“. Но не такъ взглянуло на желанія Екатерины II само Черкасское населеніе. Вводимыми преобразованіями была недовольна прежде всего козацкая старшина, ибо изъ рукъ ея уходили управленіе и вліяніе; непріязненно смотрѣлъ на преобразованія и народъ, такъ какъ реформы отнимали его вольности и привилегіи. Однако недовольство не вызвало въ населеніи сколько-нибудь рѣзкаго протеста. Слободская старшина и народъ уже привыкли видѣть себя въ подданствѣ и послушаніи русскихъ государей, а потому и не ссылались теперь на свое иноземчество, какъ поступили они за полвѣка до того по поводу гораздо менѣе важному. „Наш малороссійскій народ“, писали изюмскіе полчане въ челобитной 1710 года, „за не извычай иноземства, противъ русскихъ, такихъ тягостей на себѣ (оброковъ на промыслы) понести отнюдь не можетъ и отъ того пойдутъ всѣ въ свободные гетманскіе города, а иные и пошли уже за Днѣпръ въ новостроющіеся города“ [1]).

Въ 1765 году слобожане не только не ссылаются на свое иноземчество при упраздненіи козачества, но даже не рѣшаются послать въ Петербургъ ходатая съ челоботными.

Предлагаемый здѣсь очеркъ протестовъ старшины и населенія представляетъ описаніе довольно скромныхъ въ сущности проявленій неудовольствія.

Среди старшины враждебное реформѣ движеніе обнаружилось еще во время подготовки преобразованій и должно была выразиться въ посылкѣ депутатовъ въ Петербургъ съ просьбою объ удержаніи statu quo; въ массѣ населенія недовольство проявилось послѣ преобразованій во время сбора и раскладки новаго оклада, и выразилось въ упорномъ нежеланіи платить упомяну-

[1]) *Очеркъ изъ исторіи колонизаціи и быта*. Т. I, М. 1887. Д. Н. Багалѣй. Стр. 458.

тый окладъ. Виновникомъ оживленія и броженія среди слободской старшины былъ изюмскій полковникъ Ѳедоръ Ѳомичъ Краснокутскій. Своими письмами изъ Петербурга онъ призывалъ изюмскую старшину къ согласію и единодушію, умолялъ ее „даже съ употребленіемъ слезъ“ немедлено выбирать представителей отъ полковъ и обывателей и отправлять ихъ въ Петербургъ для хлопотъ объ удержаніи старыхъ козацкихъ правъ и привилегій. Письма полковника Краснокутскаго нашли себѣ большое сочувствіе среди слобожанъ, а потому въ копіяхъ и подражаніяхъ, написанныхъ „въ совсѣмъ иныхъ терминахъ“, ходили по рукамъ читателей и могли бы достигнуть своей цѣли, если-бы въ скорости не сдѣлались предметомъ сыска, а распространители ихъ не были арестованы, какъ политическіе преступники. Краснокутскій былъ признанъ виновнымъ въ противной законамъ перепискѣ, клонящейся къ возмущенію народа и затрудняющей „произведеніе о слободскихъ полкахъ учрежденій“, а потому и былъ взятъ подъ караулъ. Другія лица, распространявшія письма Краснокутскаго, были также арестованы и штрафованы. Въ виду того, что до сего времени объ этомъ дѣлѣ почти ничего неизвѣстно, если не считать краткихъ замѣчаній по этому поводу пр. Филарета и Головинскаго, автора исторіи слободскихъ козачьихъ полковъ, мы считаемъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя подробности на основаніи имѣющагося у насъ слѣдственнаго дѣла изъ бумагъ харьковскаго архива.

Что же касается до протеста населенія, такъ называемыхъ войсковыхъ обывателей, то таковой обнаружился только со времени примѣненія къ нимъ новшествъ, именно при взиманіи новоустановленнаго 95 и 85 копѣечнаго сбора. Народъ былъ тихъ и спокоенъ, когда подготовлялась реформа, когда среди знатныхъ людей уже было броженіе, но онъ сталъ протестовать, когда у него на дѣлѣ отнимались старыя вольности и его приводили къ присягѣ по случаю вновь положеннаго налога.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію самыхъ архивныхъ данныхъ, я долженъ напомнить, каково было передъ реформою положеніе Сл. Украины, какія у нея имѣлись особыя права и вольности, на защиту которыхъ пытались было выступить нѣкоторые значные и простые люди.

Пустынный край, занимаемый теперь харьковской и острогожскимъ уѣздомъ Воронежской губ., со второй половины XVII вѣка сталъ усиленно населяться выходцами изъ Польской Украины. Эти выходцы, селясь въ степяхъ вблизи Бѣлгородской черты, окаймлявшей юго-восточную часть Московскаго государства, прикрывали собой московскія границы отъ набѣговъ и опустошеній крымскихъ татаръ. Украинцы съ радушіемъ принимались московскимъ правительствомъ и, быстро умножаясь въ числѣ, скоро обратили пустынную степь въ населенную мѣстность.

Первыя поселенія украинцевъ получили названія „слободъ", такъ какъ они были свободны отъ обложенія податьми и пошлинами; населеніе, удержавъ за собою названіе козаковъ, присоединило къ нему имя слободскихъ, а московскія канцеляріи окрестили новыхъ переселенцевъ черкасами.

Первые поселенцы козаки, покидая прежнюю родину, искали въ новой землѣ той свободы и вольностей, которыхъ они не могли добиться въ Польской Украинѣ; ради нихъ они рѣшались подвергаться постоянной опасности, провѣдывая о злыхъ замыслахъ ногайскихъ и крымскихъ татаръ. Дѣйствительно, первые поселившіеся козаки, образовавши острогожскій полкъ съ собственнымъ устройствомъ и управленіемъ, достигли желаннаго: московское правительство признало за ними полную свободу самоуправленія, предоставило имъ безоброчно владѣть отведенными землями, рѣчками, рыбными ловлями, бобровыми гонами, прудами, перевозами, звѣриными промыслами и всякими угодьями. Кромѣ того, имъ дано очень важное право торговать виномъ, пивомъ и медомъ безпошлинно и безъявочно [1]).

Такой благосклонный пріемъ привлекалъ въ пустынныя мѣста все новыхъ выходцевъ. Мало-по-малу заселились берега рѣкъ Выри, Псла, Ворсклы, Мерлы, Удъ, Лопани, Харькова, Мжи, Коломака, Донца, Оскола, Торца и пр.; слобожане, переселившись въ новыя мѣста съ привычками и обычаями поднѣпровской Украины, завели у себя во всемъ и поднѣпровскій порядокъ. Послѣ острогожскаго полка такимъ же образомъ были сформи-

[1]) Головинскій, *Исторія слободскихъ козачьихъ полковъ*. СПБ. 1864, стр. 63.

рованы новые: сумской, ахтырскій и харьковскій; послѣднимъ полкомъ былъ изюмскій. Начальникомъ каждаго изъ нихъ былъ особый ни отъ кого не зависѣвшій полковникъ. Образовавшіеся вновь полки пользовались такими же вольностями со стороны московскаго правительства, какъ и полкъ острогожскій; жалованныя грамоты 17 вѣка такъ или иначе высказываютъ царское благоволеніе и милость слобожанамъ, обнадеживая ихъ этимъ и на будущее время. Такія грамоты на имя каждаго полка повторялись довольно часто, общей же грамоты, опредѣляющей устройство слободскаго козачества и его отношенія къ Москвѣ, никогда даровано не было; все опредѣлялось обычаемъ и стариной. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ полки въ порядкѣ, такъ сказать, высшаго надзора и управленія были причислены къ Бѣлгородскому Разряду, а область, занятая ими, получила названіе Слободской Украины.

Устройство Украины имѣло военный характеръ: все народонаселеніе полка дѣлилось на сотни, т. е. извѣстные округи, состоявшіе изъ слободъ и хуторовъ и управлявшіеся сотниками и сотенной старшиной. Старшина состояла изъ сотника, атамана, эсаула, хорунжаго и писарей. Управленіе всѣмъ полкомъ сосредоточивалось въ рукахъ полковой старшины, состоявшей изъ полковника, полковаго обознаго, судьи, хорунжаго и писарей; власть главнаго начальника, т. е. полковника, была довольно широка: устройство полка, командованіе войскомъ, утвержденіе приговоровъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, раздача земель и пр... Всѣ упомянутыя должности, кромѣ низшихъ, были выборныя. Вотъ все не хитрое устройство слобожанъ, которое съ небольшими измѣненіями удержалось до 1765 г.

Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что явившіеся поселенцы не начинали *ab ovo* государственной жизни, они принесли ее съ собою и въ своемъ устройствѣ воспроизвели типъ покинутаго ими государственнаго строя. Пришедшія съ поднѣпровья дворянскія фамиліи образовали изъ себя ядро будущаго панства или шляхетства; часть его владѣла крестьянами, поселенными на захваченныхъ ими земляхъ, другая часть—простые паны, какъ выражается Головинскій, не имѣя крестьянъ полу-

чали ихъ только на время отправленія службы вмѣсто жалованья деньгами, котораго не полагалось. Духовенство, если оно было изъ дворянъ, пользовалось тѣми же правами, что и паны. Остальное населеніе дѣлилось на мѣщанъ, козаковъ и селянъ. Козаки выбирались изъ селянъ, несли военную службу и были свободны отъ всякихъ повинностей; остальные селяне, не попавшіе въ категорію реестровыхъ козаковъ, составляли классъ подпомощниковъ, съ которыхъ собирались средства для содержанія выборныхъ козаковъ; тѣ же изъ подпомощниковъ, которые не имѣли хозяйствъ и не могли взносить денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, проживали при козацкихъ семьяхъ, работали на нихъ и назывались подсосѣдками. Кромѣ упомянутыхъ разрядовъ, были еще крестьяне, назначенные полковнику и старшинѣ въ видѣ жалованья за ихъ труды; эти крестьяне съ развитіемъ злоупотребленій старшинскою властью мало-по-малу перешли во владѣльческіе и въ концѣ 18 вѣка были признаны таковыми.

Изъ этого краткаго очерка видно, что положеніе низшихъ слоевъ населенія уже и въ первое время было незавидно; правда, не было крѣпостныхъ людей, потому что крестьяне, селившіеся за кѣмъ-нибудь, не теряли права перехода съ мѣста на мѣсто, какъ это и явствуетъ изъ приведенной нами челобитной 1710 года, но за то фактически зависимость слабыхъ и бѣдныхъ отъ богатыхъ и сильныхъ была велика, а злоупотребленія старшины еще болѣе ухудшали ихъ положеніе. При всемъ томъ населеніе имѣло земли вдоволь, ибо было допущено свободное занятіе пустопорожнихъ земель, у него было свое козацкое устройство и свои выборные козаки, свободные отъ строевой службы, повинностей и налоговъ на право промысловъ торговли. Особенно цѣнилось малороссіянами право свободнаго винокуренія и продажи питей. Такъ дѣло шло до 1655 г., когда московское правительство вздумало обложить промыслы слобожанъ по окладу Бѣлгородскаго разряда; черкасы съ неудовольствіемъ платили оброчныя деньги, оставляя ежегодно за собою большія недоимки, такъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ (1659 г) самые налоги были отмѣнены, недоимки прощены и подтверждены прежнія вольности. Въ 17 вѣкѣ можно насчитать еще очень много жалован-

ныхъ грамотъ, выданныхъ на имя разныхъ полковъ или полковниковъ; различаясь въ подробностяхъ, всѣ онѣ имѣютъ одно и то же содержаніе—подтвержденіе перечисленныхъ выше привилегій малороссійскаго народа. 28 февраля 1700 года всѣ слободскіе полки снова получили жалованныя грамоты, которыми послѣ обычнаго подтвержденія прежнихъ правъ и по отмѣнѣ установленнаго съ 1697 года рублеваго оклада давалось болѣе правильное устройство козакамъ, ихъ подпомощникамъ и подсосѣдкамъ. Кромѣ грамоты 1700 года, въ царствованіе Петра слободскіе полки въ награду за вѣрную службу получили еще нѣсколько таковыхъ, но послѣ Петра слобожане потеряли многія льготы, и только Елизавета Петровна, ненавидѣвшая преобразованія предшественницы, указомъ 22 ноября 1743 года возстановила бывшій при Петрѣ Великомъ порядокъ. Этимъ же указомъ всѣ слободскіе полки въ военномъ отношеніи были поставлены подъ начальство русскаго генерала, командовавшаго украинскою дивизіей, и кромѣ того подчинены Военной Коллегіи. Въ гражданскомъ отношеніи по суднымъ и розыскнымъ дѣламъ назначена была по прежнему Бѣлгородская губернская канцелярія, изъ которой дѣла по аппелляціи переносились въ Юстицъ-Коллегію а изъ нея въ Правительствующій Сенатъ. Указомъ 1744 года велѣно слободскихъ полковъ всякаго званія чинамъ взыскивать за безчестье по ихъ малороссійскимъ правамъ. Вотъ въ общихъ чертахъ положеніе Слободской Украины при Елизаветѣ Петровнѣ. Въ такомъ состояніи пребывала она до самой реформы 1765 года, уничтожившей козацкое управленіе и замѣнившей его общегражданскимъ.

Мы уже знаемъ, что первый протестъ противъ преобразованія козаковъ въ гусары исходилъ отъ Краснокутскаго; своими письмами изъ Петербурга онъ желалъ разбудить въ старшинѣ и населеніи духъ протеста и побудить ихъ къ отправкѣ въ столицу депутатовъ съ челобитными за сохраненіе statu quo.

Относительно Краснокутскаго мы встрѣчаемъ небольшія замѣчанія у Головинскаго и пр. Филарета, но они во-первыхъ

не полны, а во-вторыхъ, не вѣрны. Такъ напримѣръ, Головинскій на 213 стр. пишетъ: „нашлись пылкія головы, которыя сразу не могли освоиться съ такимъ порядкомъ вещей и гласно говорили о томъ съ ропотомъ, нашлись и такіе, какъ напримѣръ изюмскій полковникъ Краснокутскій, которые рѣшались даже сопротивляться введенію новаго порядка. Краснокутскій сосланъ въ Казань; другіе еще дальше". Пр. Филаретъ по этому же случаю говоритъ въ своемъ описаніи харьковской епархіи: „послѣднимъ полковникомъ слободскаго изюмскаго полка былъ Ѳеодоръ Ѳомичъ Краснокутскій, человѣкъ умный, энергическій, но иногда необузданный въ порывахъ самовластія. За рѣзкіе отзывы о новомъ намѣстническомъ управленіи онъ былъ сосланъ въ Казань".

У обоихъ авторовъ, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, недостаетъ подробнаго изложенія дѣла, такъ какъ имъ не было извѣстно то „слѣдственное дѣло о нѣкоемъ письмѣ для народнаго объявленія", которое даетъ подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ Краснокутскаго. На основаніи этого документа все дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Реформѣ слободскихъ полковъ предшествовало наряженіе коммиссіи подъ предсѣдательствомъ генерала Щербинина для изслѣдованія положенія дѣлъ въ Слободской Украинѣ. Когда коммиссія окончила свои занятія на мѣстѣ, то труды по преобразованію были поручены новой военной коммиссіи подъ верховнымъ надзоромъ Военной Коллегіи. Работы Военной Коллегіи происходили въ 1764 году въ С.-Петербургѣ, гдѣ въ это время находился по своимъ дѣламъ Ѳ. Краснокутскій. Характеръ будущихъ преобразованій не былъ тайною для изюмскаго полковника, а потому, зная судьбу, грозившую его родинѣ и стремясь поддержать въ ней прежній порядокъ, во всякомъ случаѣ выгодный для старшины, Краснокутскій обратился къ ней съ письмомъ и двумя „цидулками", призывая въ нихъ изюмскую старшину къ солидарности и защитѣ своихъ интересовъ. Такъ какъ въ слѣдственномъ дѣлѣ находятся копіи этихъ писемъ, то мы и приведемъ ихъ дословно. Первое письмо, адресованное „милостивымъ государямъ господамъ старшинамъ всего изюмскаго полку", содержитъ въ себѣ краткія свѣдѣнія о лицахъ, составлявшихъ военную ком-

миссію по преобразованію козачьихъ полковъ въ гусарскіе, и побужденіе, не теряя времени, посылать ходатаевъ въ Петербургъ съ прошеніями.

„Милостивые государи мои, господа старшина всего изюмскаго полку.

При сей певной окказіи не применусь всемъ симъ моимъ писаніемъ посетить с объявленіемъ, что я приехалъ въ С.-Петербургъ во всемъ благополучно: и ещо до приезду моего вся камисія поручена въ расмотреніе господамъ сенаторамъ князю Я. П. Шаховскому, Адаму Васильевичу Алсуфьеву и П. Ив. Панину и что то имъ не показуется и странніемъ ученіемъ задивляютца, но больше утверждаютъ камисиянты о нашихъ винностяхъ и яко бы о желаніи нашемъ въ извѣстномъ бытіи впред что явная неправда, да какъ же быть нѣково всехъ полковъ нѣтъ и малого прошенія не токмо подать но и внушить нѣкому, одна токмо канѣвецкого жена прошеніями своими у Высочайшей Особы подаетъ онымъ господамъ сенаторамъ разсужденіе не такъ какъ камисіянты сделали и за дивляютца: что нѣково нѣтъ. И чтобъ же неспѣшно следовало къ найшей бѣдности: я много увѣринъ что по первой дороги доволно менѣе 50 будетъ со всехъ полковъ старшинъ и обывателей ежели не ошибусь чрезъ одни нежеланія ваши, а какъ бы ваше согласіе съ протчими и приехали сюда ей ничего бъ худого не было и было бъ по старому мнѣ же уступитца какъ совѣстью сами изволите признать никакъ страховательныя мнѣнія и унилость и приять бодрость и смѣлость самимъ съ обывателями ехать не облѣнитца; и къ другимъ въ Харковъ и далѣе подать совѣтъ чрезъ нарочныхъ скоростью ибо ей ей дѣло наше совсемъ еще хороше и неиспорченное: можете сами признать что яко не по законамъ дѣлано тако и нѣчего, но одна важность чтобъ было прошеніе нежели нашимъ упущеніемъ оставимо безплодно тяжкой грѣхъ от бога понесемъ... (одно слово неразобрано) со употребленіем слезъ сугубо прошу о неупущеніи сегодняшняго времени, съ моимъ почтеніемъ остаюсь.

Вашихъ благородій моих приятелей покорливый слуга
Ѳ. Краснокутскій.

1764 г. Окт. 31.

Вотъ первое письмо Краснокутскаго; насколько можно понять изъ него, изюмскій полковникъ, побуждая свою старшину съ употребленіемъ слезъ „пріять бодрость и смѣлость", желалъ одного—вывести старшину и обывателей изъ безучастнаго и покорнаго отношенія къ судьбѣ и указать имъ путь, которымъ можно достигнуть удержанія старины. Тонъ письма вовсе не страстный и не горячій; замѣтны небольшая грусть и сокрушеніе, вызванныя недовѣріемъ къ старшинѣ, ея халатностью и и непониманіемъ собственныхъ интересовъ. Краснокутскій груститъ, что такъ долго нѣтъ ни одного прошенія въ столицѣ въ защиту прежнихъ порядковъ, а между тѣмъ „коммисіянты" несправедливо утверждаютъ о виновностяхъ старшинъ, и нѣтъ ни одного человѣка изъ Украины, который бы опровергъ это. Краснокутскій увѣряетъ свою старшину, что успѣхъ дѣла въ ихъ рукахъ, и зависитъ отъ ихъ согласія и единодушія: „а какъ бы ваше согласіе съ протчими и прислали сюда, ей ничего б худого не было, а было бъ все по старому"; словомъ письмо не призываетъ населеніе къ противодѣйствію реформѣ правительства, а только совѣтуетъ просить законнымъ порядкомъ объ удержаніи statu quo.

Кромѣ приведеннаго письма, при слѣдственномъ дѣлѣ приложены еще копіи двухъ цидулокъ, писанныхъ тѣмъ же Краснокутскимъ. Обѣ цидулки по существу сходны съ письмомъ, но отличаются отъ него болѣе интимнымъ тономъ и бо́льшимъ паѳосомъ. Изъ первой цидулки мы узнаемъ, что Краснокутскій обнадеживалъ *патроновъ*, что по первой дорогѣ въ Петербургъ явится много просителей изъ Украины; но можетъ ли его надежда оправдаться, онъ не знаетъ, ибо, по его выраженію, „всѣ наши от согласія развратились и тамо ихъ страхъ, идѣ же не бѣ и не мало не слѣдовало, токмо за гнѣвъ божій причитать должно", т. е. среди старшины теперь нѣтъ единодушія, а развитъ страхъ даже тамъ, гдѣ для него нѣтъ причинъ. Гораздо интереснѣе вторая цидулка:

„Не токмо сердечно, но и душевно соболѣзную о худыхъ поступкахъ старшинъ и обывателей слободскихъ полковъ, какъ они не видятъ, что сдѣлалось съ нами, и какъ они не разсудятъ,

что мы сего по невинности нашей не достойны, здѣсь же никого просящихъ не видно, а затвержено, будто старшина и обыватели сами желаютъ, а вступиться некому, все сидитъ, а какую надеждишку имѣютъ, дознаться не можно, да и въ той совсѣмъ ошибутся, а что наши привилегіи отъ сего неполезного случаю и вѣчного плачу ограняютъ, того наши не сдумаютъ; егда бъ изъ полковъ, забравъ грамоты, хотя бъ 2 или по 3 человѣкъ пріѣхали: ей ничего б сего не было, ибо хотя умніе и добрые люди и признаютъ, что непорядочно сдѣлано, но безъ прошенія дознаться не могутъ, а оны утверждаютъ: яко бы по желаніямъ нашимъ, явная неправда и зло да берутъ верхъ свой за простоту и безуміе наше. Пущай Богъ взыщетъ слезы бѣдного народа на нашихъ, ибо старшиновать умѣли, а при худомъ случаѣ и перстом двигнуть не хотят". Тонъ настоящей цидулки уже выше и рѣзче, чѣмъ въ первомъ письмѣ, требованія Краснокутскаго яснѣе и громче, а упреки старшинѣ объясняются бездѣйствіемъ ея, обнаруженнымъ и въ этомъ случаѣ.

Вотъ тѣ три документа, которые, давши толчекъ къ протесту старшины и обывателей, составили потомъ матеріалъ для обвиненія Краснокутскаго въ агитаціи съ политическими цѣлями. Для того, чтобы познакомиться съ результатами этой агитаціи, мы должны прослѣдить судьбу приведенныхъ писемъ и ихъ вліяніе на обывателей, насколько это позволяетъ имѣющійся матеріалъ. Прежде всего замѣтимъ, что мы точно не знаемъ, какое дѣйствіе произвели письма Краснокутскаго на изюмскую старшину и козаковъ, къ коимъ онѣ обращались. Существуетъ однако отношеніе полковой изюмской канцеляріи въ харьковскую, которымъ утверждается, что никакихъ писемъ Краснокутскаго старшина не получала, но это едва-ли справедливо. Во-первыхъ, изюмская старшина, видя, что письмамъ и всему дѣлу приданъ характеръ политическій, могла скрыть полученіе писемъ и знакомство съ ними; во-вторыхъ, этому противорѣчитъ доношеніе изюмскаго полковника Милорадовича о какомъ то письмѣ, составленномъ двумя жителями-изюмцами, и объ объявленіи тамошнимъ обывателямъ „о бытіи въ Петербургѣ", т. е. о необходимости поѣздки въ С.-Петербургъ. На эту поѣздку уже начиналъ

чиниться сборъ съ обывателей, опредѣленный въ 700 рублей, но къ сожалѣнію мы не знаемъ, былъ ли доведенъ этотъ сборъ до конца или нѣтъ. Судя по указу Военной Коллегіи, предписывавшему прекратить сборы, мы думаемъ, что населеніе откликулось сочувственно, и сборъ чинился (изъ указа Воен. Кол. на имя генерала Бринка).

Кромѣ того, намъ извѣстно, что въ Изюмѣ ходили по рукамъ письма, составленныя какими-то обывателями, Торяникомъ и Лебединскимъ, и переписанныя писаремъ Гречкой, который для вящей убѣдительности „и руку свою на нихъ приложилъ". Вѣроятно, авторы письма, упоминаемаго полк. Милорадовичемъ, и сейчасъ приведенныя лица—одни и тѣ же; не можетъ быть также никакого сомнѣнія, что ихъ письма, составленныя „въ иныхъ терминахъ" представляютъ подражаніе письмамъ Краснокутскаго, а можетъ быть перефразировку ихъ. На основаніи этого можно заключить, что письма Краснокутскаго были распространены въ изюмскомъ полку; однако фактъ тотъ, что никакого слѣдственнаго дѣла по ихъ поводу въ Изюмѣ не возникло, между тѣмъ какъ въ валковской сотнѣ харьковскаго полка онѣ дали матеріалъ для политическаго процесса. Попали же письма изюмскаго полковника въ валковскую сотню слѣдующимъ образомъ: сотникъ изюмскаго полка Александръ Двигубскій, пріѣхалъ въ село Ракитное харьковскаго полковника Куликовскаго и, не заставши послѣдняго дома, далъ имѣвшіяся у него письма Краснокутскаго для списыванія служителю Куликовскаго, нѣкоему Татаринову: очевидно письма Краснокутскаго пропагандировались изюмской старшиной. Татариновъ снялъ копіи съ письма и 2-хъ цидулокъ и сообщилъ ихъ при случаѣ отставному валковскому подпрапорному Данилу Сухомлину; Сухомлинъ же, получивши копіи, именующіяся въ перепискахъ канцелярій *„нѣкимъ письмомъ для народнаго объявленія"*, правильно понялъ ихъ назначеніе и сталъ распространять среди валковской сотни.

Происходило дѣло такимъ образомъ: отставной подпрапорный Сухомлинъ, собравши на рожденственскихъ праздникахъ у себя гостей—валковской сотни атамана Ив. Васильковскаго, подпрапорнаго Андрея Пащинскаго, казачьяго свой-

ственника Шевченка и перекопской сотни козачьяго свойственника Луценка, бесѣдовалъ съ ними объ ожидаемыхъ преобразованіяхъ, порицалъ ихъ и наконецъ объявилъ имъ письмо Краснокутскаго „съ прочетомъ“ и отдалъ его Васильковскому, какъ атаману сотни, для народнаго объявленія. Здѣсь впрочемъ есть небольшое разногласіе: Васильковскій на слѣдствіи утверждалъ, что письмо дано было ему Сухомлиномъ для народнаго объявленія; другіе же свидѣтели и Сухомлинъ показали, что Васильковскій самъ взялъ письмо для снятія копіи и распространенія его въ народѣ. Послѣднее намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ Васильковскій зналъ, что Сухомлинъ, находясь въ отставкѣ, не можетъ давать ему, валковскому атаману, никакихъ приказаній или порученій по службѣ. Какъ бы то ни было, письмо было взято атаманомъ съ цѣлью распространенія и призыва обывателей къ сбору денегъ и выбору представителей для отправленія ихъ въ столицу. Въ этомъ насъ убѣждаютъ показанія валковскихъ жителей, привлекавшихся къ слѣдствію. Они показали, что, находясь 29 декабря 1764 года на базарѣ въ мѣстечкѣ Валкахъ, они были созваны въ ратушу атаманомъ Васильковскимъ, и имъ было прочтено писаремъ означенное письмо для народнаго объявленія. При этомъ самъ атаманъ вѣроятно для большей убѣдительности добавилъ отъ себя, что письмо взято имъ у Сухомлина, и толковалъ собраннымъ въ ратушу обывателямъ, что ихъ ожидаетъ четвертное землевладѣніе, рублевый окладъ и отмѣна всѣхъ настоящихъ вольностей; закончилъ же свою рѣчь Васильковскій убѣжденіемъ и просьбой населенія о немедленномъ сборѣ денегъ для посылки ходатаевъ.

Собранные въ ратушѣ валковцы не хотѣли вѣрить въ мрачныя предсказанія своего атамана, а отвѣчали, что, если это письмо не изъ полковой канцеляріи, то они его и слушать не хотятъ, а пусть-де атаманъ сначала объявитъ его въ полковой канцеляріи и отправится для этого въ Харьковъ, а потомъ обращается къ нимъ за сборомъ денегъ. Такъ свидѣтельствуютъ одни; писарь же Фесенко, читавшій письмо, далъ другое показаніе. По его словамъ собранные жители объявили, что для обнародованія столь важнаго письма нужно собрать поболѣе народа, и тогда

только можно будетъ рѣшить вопросъ о сборѣ денегъ; на это онъ, писарь Фесенко, замѣтилъ собравшимся, что безъ приказа полковой канцеляріи таковаго сбора чинить не слѣдуетъ, а для соблюденія закона нужно атаману, хотя бы съ однимъ изъ жителей, отправиться въ Харьковъ и разузнать тамъ сущность дѣла. Словомъ, оба показанія утверждаютъ, что сочувствіе населенія къ письму Краснокутскаго было условное: населеніе не прочь было сдѣлать сборъ и послать ходатая, но только въ томъ случаѣ, если содержаніе прочитаннаго письма будетъ подтверждено полковой канцеляріей. Недовѣріе простыхъ козаковъ къ старшинѣ и рознь, господствовавшая между ними дѣлали невозможнымъ довѣрчивое отношеніе населенія къ призыву начальника. Обывателей не разъ обманывала старшина относительно всякихъ сборовъ, а потому теперь они не повѣрили письму Краснокутскаго, какъ не вѣрили и въ добавленія самого Васильковскаго о четвертной землѣ, рублевомъ окладѣ и отмѣнѣ вольностей...

Итакъ, первый опытъ атамана былъ неудаченъ, но атаманъ рѣшилъ дѣйствовать энергично и отправился съ какимъ-то валковцемъ въ Харьковъ, въ надеждѣ найти тамъ поддержку и совѣтъ, но здѣсь произошло нѣчто довольно странное: Васильковскій изъ агитатора и пропагатора обратился въ доносителя на самого себя и своихъ товарищей. Произошло это, какъ намъ думается, потому что Васильковскій не нашелъ поддержки въ Харьковѣ, а напротивъ убѣдился, что затѣваемое имъ дѣло сочтется преступленіемъ,—и вотъ, чтобы избѣжать наказанія, представляетъ въ полковую, канцелярію копіи съ читанныхъ въ ратушѣ писемъ и указываетъ источникъ ихъ. Что доносъ Васильковскаго не былъ искреннимъ, а только хитростью съ его стороны, съ этимъ согласенъ и генералъ Зоричъ, по мнѣнію коего, Васильковскій не донесъ бы, „ежели бы въ то время писарь валковскій ему атаману Васильковскому запрещенія не объявилъ, которое его привело въ сумнѣніе, и принужденъ уже тогда а не по своей волѣ и должности по командѣ представить, когда всѣмъ обывателямъ въ разглашеніе подалъ оное письмо".

Харьковская канцелярія придала дѣлу важное значеніе и распорядилась о сыскѣ Д. Сухомлина, Андр. Пащинскаго и

самого Васильковскаго; кромѣ того, всѣ сотни харьковскаго полка получили инструкцію усиленно наблюдать, не появлялись-ли гдѣ нибудь „разгласительныя и вымышленныя къ народному возмущенію письма?“ Разумѣется, каждый сотникъ поспѣшилъ увѣдомить полковую канцелярію, что у него все обстоитъ благополучно, и никакихъ писемъ къ народному возмущенію не имѣется; конечно, довѣрять этимъ доношеніямъ сотниковъ можно столько же, какъ и изюмской полковой канцеляріи. Не смотря на благопріятныя свѣдѣнія, полученныя отъ сотенъ, дѣло, поднятое харьковской полковой канцеляріей, получило немедленное движеніе: требуемыя лица были сысканы, началось слѣдствіе, съ нѣкоторыми подробностями коего мы и познакомимъ читателя. Атаманъ Васильковскій при допросѣ показалъ, что онъ былъ на все это „непристойное дѣло“ настроенъ отставнымъ подпрапорнымъ Сухомлиномъ, который-де, собравъ у себя гостей, прочелъ имъ письмо Краснокутскаго и увѣрялъ словесно въ томъ, что скоро у всѣхъ слободскихъ полковъ отнимутся козачьи вольности и права, а между тѣмъ они спятъ и ничего не знаютъ. Кромѣ того, по словамъ Васильковскаго, Сухомлинъ утверждалъ, что жители изюмскаго полка уже побуждены этимъ письмомъ къ сбору денегъ и посылкѣ ходатая съ прошеніемъ въ Петербургъ. Далѣе, „если валковскіе жители пожелаютъ“, продолжалъ Сухомлинъ, „то слѣдуетъ собрать и съ валковской сотни рублей 50 кошту, и съ этими деньгами отправить кого-нибудь изъ обывателей въ Петербургъ. Здѣсь же имъ былъ произведенъ и разсчетъ причитающагося съ каждаго козака платежа, опредѣленнаго Сухомлиномъ въ 50 к. съ души; кромѣ козаковъ къ складкѣ намѣревались привлечь валковскихъ священниковъ и прочихъ обывателей, имѣющихъ винокуреніе. Конечно, и самъ Сухомлинъ обѣщалъ оказать посильную помощь въ сборѣ необходимаго кошту.

Находившійся при этомъ атаманъ Васильковскій отнесся весьма сочувственно къ рѣчамъ Сухомлина, какъ показали другіе свидѣтели, и выразилъ желаніе отправиться въ Петербургъ, если ему будетъ собрано 100 руб., между тѣмъ другіе присутствовавшіе и Сухомлинъ находили достаточнымъ и 50-ти. Данило Сухомлинъ при допросѣ показывалъ, что онъ дѣйствительно го-

ворилъ собравшимся у него гостямъ о сборѣ въ изюмскомъ полку денегъ для ходатайства о своихъ привилегіяхъ, сообщилъ имъ и письмо Краснокутскаго, но никому не приказывалъ и не запрещалъ объявлять письма, а положился въ этомъ на волю каждаго, въ томъ числѣ и Васильковскаго. Андрей Пащинскій, командующій валковской сотней, признавая себя виновнымъ въ непринятіи мѣръ противъ распространенія письма, объяснялъ это своимъ отсутствіемъ въ мѣстечкѣ Валкахъ, хотя справедливость требуетъ добавить, что во время чтенія письма Пащинскій ничего не возражалъ Сухомлину, а соглашался съ приводимыми въ немъ резонами. Вообще на допросахъ каждый старался свалить вину на другаго, между тѣмъ какъ во время объявленія письма Сухомлиномъ всѣ сочувствовали мыслямъ читавшаго и никто не возразилъ ни одного слова. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ подлинныхъ отвѣтовъ, данныхъ на допросѣ самимъ Краснокутскимъ, такъ какъ его дѣло велось Военной Коллегіей и допросъ производился въ Петербургѣ; но о нихъ можно извлечь нѣкоторыя подробности изъ указа Гоударственной Военной Коллегіи на имя генерала Бринка. Изъ этого указа явствуетъ, что Краснокутскій ни въ чемъ себя виновнымъ не призналъ, а утверждалъ, будто письмо и цидулки писаны имъ не въ томъ разумѣ, чтобъ возмутить народъ къ непринятію на себя рублеваго оклада, а только, чтобъ невинные и отрѣшенные отъ мѣстъ полковники и старшины пріѣзжали въ С.-Петербургъ и просили-бы по прежнему объ опредѣленіи къ должностямъ, а „мельницы, шинки и протчее въ сходство ихъ привилегій отъемлены и въ оброкъ положены не были". Желаніе изюмскаго полковника выпутаться изъ бѣды заставило его погрѣшить не только противъ совѣсти, но и противъ логики. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему обывателямъ собирать деньги и ѣхать въ столицу, если дѣло касается только увольненія старшины?

Въ добавокъ Краснокутскій объяснилъ, что, вопервыхъ, писалъ онъ тѣ письма подъ вліяніемъ генерала Щербинина, который ему говорилъ: „для чего бѣдные и невинные сюда не ѣдутъ, а въ жалобахъ своихъ время упускаютъ"; а во-вторыхъ, объ отпускѣ изъ слободскихъ полковъ въ военную коммиссію человѣка по два-по три отъ каждаго самъ Щербининъ писалъ ге-

неральъ-маіору Олицу. Однако эти оправданія не спасли Краснокутскаго, и Военная Коллегія признала его виновнымъ въ умышленномъ возмущеніи народа и въ стремленіи къ ниспроверженію существующаго порядка, „посему онаго полковника Краснокутскаго за такой его вымышленный поступокъ и противныя законамъ переписки, склоняющіяся къ возмущенію народа, въ разсужденіи что чрезъ оныя никакого вреда не произошло по силѣ вышеписаннаго указа и по старости лѣтъ, коихъ имѣетъ 61, не чиня ему пристрастныхъ допросовъ, а въ сходствіѣ военнаго 135 артикула, лиша чиновъ отправить за карауломъ къ слободскимъ полкамъ и тамъ при собраніи всѣхъ чиновныхъ и рядовыхъ козаковъ *наказать публично плетьми*". Но въ виду того, что 135 артикулъ говоритъ о бунтѣ и о возмущеніи, чего въ дѣлѣ Краснокутскаго не произошло, а найдена только непристойная переписка, то предыдущее наказаніе замѣнено лишеніемъ чиновъ и ссылкой въ Казань на жительство черезъ гарнизоную команду. Что же касается до прочихъ лицъ, привлекавшихся по дѣлу Краснокутскаго, то Военная Коллегія предоставила наказать ихъ самому генералитету, ссылаясь на то обстоятельство, „что всѣ они такіе чины, кои отъ ихъ конфирмаціи въ силѣ указовъ зависятъ". Генеральъ-маіоръ Бринкъ ордеромъ 1-го іюня 1765 года распорядился Сухомлина и Пащинскаго, дабы они „впредь таковыхъ постороннихъ и сумнительныхъ писемъ не принимали въ дѣйство и по онымъ не исполняли", штрафовать палками Пащинскаго до 25-ти, а Сухомлина, какъ болѣе виновнаго, до 50 ударовъ, а потомъ отдать сабли и опредѣлить къ прежнимъ должностямъ. Атамана же Васильковскаго, не представившаго письма по командѣ ранѣе его разглашенія, уважая, что чрезъ сіе разглашеніе не произошло худыхъ послѣдствій, рѣшено лишить атаманской должности и при полковой канцеляріи наказать плетьми нещадно и быть въ томъ званіи, въ коемъ онъ въ атаманы вступилъ. Какъ видно изъ приговора генералитета, Васильковскій былъ покаранъ строже всѣхъ, не смотря на свой доносъ, правда запоздалый. Далѣе, жителямъ города Изюма, Торянику съ Лебединскимъ и писарю Гречкѣ, приложившему къ письму свою руку, за ихъ вины постановлено учинить жестокое наказаніе плетьми

предъ народнымъ собраніемъ, о чемъ и предложено Бринкомъ въ изюмскую полковую канцелярію. Наконецъ, этимъ же ордеромъ Бринка предписывалось, буде гдѣ появятся письма полковника Краснокутскаго или начнутъ чиниться сборы, или еще только вознамѣрятся, тотчасъ доносить по командѣ, а сборы немедленно прекратить. Этимъ, собственно говоря, заканчивается дѣло Краснокутскаго; наказаніе плетьми и палками завершило собою оживленіе, поднявшееся было въ нѣкоторыхъ сотняхъ благодаря письмамъ Краснокутскаго. Насколько можно было узнать изъ слѣдственнаго дѣла, письма пользовались сочувствіемъ въ Слободской Украйнѣ: ихъ переписывали, копировали, даже подражали имъ, но успѣхъ, дѣйствіе ихъ на населеніе и эффектъ были не велики. Объясняется это отсутствіемъ въ слободскихъ полкахъ человѣка, способнаго повести дѣло толково на легальной почвѣ, во-вторыхъ, разладомъ между старшиной, т. е. чиновными козаками, и простыми. Сухомлинъ и Васильковскій, неумѣючи взявшись за дѣло, погубили его; населеніе отнеслось къ нимъ подозрительно и тѣмъ ускорило ихъ погибель.

Дѣло въ томъ, что, когда харьковская полковая канцелярія получила ордеръ наказать находившихся подъ слѣдствіемъ указанныхъ лицъ, то она исполнить этого согласно предписанію не могла, ибо Сухомлинъ, Пащинскій и Васильковскій по винѣ самой канцеляріи оказались въ отсутствіи. Генералъ-маіору Бринку было тотчасъ же репортовано, что Пащинскій отправленъ въ Бахмутъ съ командою, Сухомлинъ отсутствуетъ по случаю взиманія дистриктовой доимки, а Васильковскій не задолго предъ этимъ отпущенъ въ Кіевъ на богомолье, поэтому полковая канцелярія теперь можетъ распорядиться только о сыскѣ ихъ, а не объ исполненіи наказанія. Генералъ Бринкъ въ этомъ и предыдущихъ неисправностяхъ усмотрѣлъ покровительство полковой канцеляріи осужденнымъ лицамъ и призналъ, что всѣ они отпущены неправильно, а единственно въ „защищеніе отъ наказаній и въ ослушаніе его ордера.“ Кромѣ того, обративъ вниманіе харьковской канцеляріи на ея непорядки, онъ указалъ, что канцелярія никакъ не должна была отправить въ командировку лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, а относительно Васильковскаго заподо-

зрилъ даже, что онъ былъ отпущенъ послѣ полученія его ордера. Вообще какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ производствѣ слѣдствія, Бринкъ усматривалъ тайное сочувствіе осужденнымъ и желаніе харьковской канцеляріи какъ-нибудь облегчить ихъ участь и едвали въ этомъ ошибался. Послѣ приличнаго выговора и угрозы въ случаѣ неисполненія распоряженій представить объ этомъ въ Государственную В. Коллегію, Бринкъ требовалъ строжайшаго и неупустительнаго сыска и наказанія всѣхъ трехъ лицъ. Особенно не повезло теперь Васильковскому. Считая, что онъ своевольно отпущенъ канцеляріей въ явное пренебреженіе его распоряженія, Бринкъ предписалъ сыскать его черезъ нарочно посланныхъ гонцовъ, гдѣ бы ни находился, не принимая никакихъ возраженій. Дѣйствительно, вездѣ въ Слободской Украинѣ по дорогѣ въ Кіевъ были разставлены караулы, дабы захватить возвращающагося съ богомолья Васильковскаго, пока онъ не былъ арестованъ въ мѣстечкѣ Рублевкѣ ахтырскаго полка и не отправленъ за карауломъ въ Харьковъ. Но не такъ то легко оказалось доставить Васильковскаго въ Харьковъ. Когда караульные подвозили его къ Валкамъ, то за три версты до мѣстечка ему удалось выскочить изъ экипажа и невѣдомо куда скрыться, оставивъ свои пожитки и служителя. Потомъ, когда караульные, продолжавшіе везти въ Харьковъ служителя Васильковскаго и его пожитки, выѣхали за Люботинъ, то внезапно появился Васильковскій съ какими-то людьми, одѣтыми въ сѣряки, отбилъ ось въ экипажѣ и, захвативши свои пожитки и служителя, опять неизвѣстно куда скрылся. Что дальше происходило съ нимъ, мы не знаемъ.

Изъ приложеннаго въ концѣ дѣла прошенія Васильковскаго на Высочайшее имя видно, что онъ аппеллировалъ на рѣшеніе Бринка, считая его пристрастнымъ и жестокимъ, назначеннымъ ему не по винѣ, а къ одному только уязвленію доносителя за правый доносъ. Изложивши въ прошеніи свое дѣло и личное мнѣніе, что наказаніе, назначенное ему Бринкомъ, клонится къ тому, что всѣ доносители, боясь незаслуженныхъ мученій, въ концѣ концовъ не отважатся доносить, Васильковскій просилъ Ея Величество Всемилостивѣйшую Государыню „о нечиненіе на-

казанія, отъ должности о неотрѣшеніи, а равно и въ порокъ оного о непоставленіи.“ Какая послѣдовала резолюція на это прошеніе, не извѣстно. Этимъ заканчиваются всѣ наши свѣдѣнія о дѣлѣ Краснокутскаго. Преосв. Филаретъ въ статистическомъ описаніи харьковской епархіи прибавляетъ, что впослѣдствіи по ходатайству своей жены, энергической казачки, Краснокутскій былъ возвращенъ въ Слободскую Украину, гдѣ скоро и скончался, не получивъ чиновъ. Фамильная лѣтопись Квитокъ добавляетъ, что его жена лично ходатайствовала предъ Государемъ, и часть имѣній была возвращена ей.

Переходимъ теперь къ протестамъ войсковыхъ обывателей, бывшихъ козаковъ, подпомощниковъ и подсосѣдковъ, выраженнымъ ими въ формѣ сопротивленія властямъ и бунтѣ. Хотя прямой связи между распространеніемъ письма Краснокутскаго и протестомъ войсковыхъ обывателей нѣтъ, но и этотъ послѣдній вызванъ тѣми же преобразованіями. Изъ предыдущаго уже извѣстно, что козацкое населеніе Слободской Украины было обращено въ воинскихъ казенныхъ обывателей; указомъ 1765 г. Ея Императорскаго Величества велѣно было чинить сборы съ обывателей, пользующихся правомъ винокуренія и продажей вина, по 95 к. съ души, а съ непользующихся по 85 к. Указъ этотъ съ инструкціями взиманія сборовъ былъ разосланъ во всѣ коммиссарства Слободско-Украинской губерніи, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вызвалъ бурю негодованія и вражды. Я не буду приводить всѣхъ подробностей крестьянскихъ возмущеній, такъ какъ онѣ вездѣ одинаковы, воздержусь также и отъ изложенія канцелярской переписки, ибо она скучна, а перечислю вкратцѣ тѣ села, гдѣ указъ былъ принятъ враждебно, и отмѣчу наиболѣе интересные моменты.

I. Жители Мерефянскаго коммиссарства, казеннаго мѣстечка Соколова, собранные по указу для выбора раскладчиковъ новоположеннаго сбора [1]), не захотѣли никого выбирать, а подняли

[1]) 95 к. и 85 к. представляютъ цифру душевнаго оклада, на основаніи коего составлялся податной контингентъ даннаго села или мѣстечка; распредѣлялся же весь контингентъ между жителями совѣстными людьми, раскладчиками, сообразно съ имуществомъ каждаго.

по этому поводу крикъ, шумъ, гамъ и не пошли въ ратушу, гдѣ надлежало избрать раскладчиковъ. Коммиссаромъ была потребована для усмиренія буяновъ военная команда; при ея приближеніи нѣкоторые изъ возмутившихся тайкомъ ушли, а другіе были принуждены силою войти въ ратушу и приступить къ избранію окладчиковъ, но присягать никто не пожелалъ. Десять человѣкъ зачинщиковъ по усмиреніи возмущенія были отправлены въ харьковскую губернскую канцелярію, одиннадцатый же бѣжалъ. Допрашиваемые въ канцеляріи показали, что къ присягѣ они не пришли, потому что посланный ими въ Харьковъ человѣкъ для освѣдомленія, была-ли тамъ присяга, отвѣчалъ отрицательно. Узналъ же это ихъ посланецъ въ Харьковѣ отъ соколовскаго жителя Ив. Миргорода, который потомъ неизвѣстно куда скрылся. Другіе на допросѣ говорили, что не присягали они единственно по своей простотѣ и неразумію. Послѣ допроса всѣ были отосланы къ мерефянскому коммиссару Квиткѣ и штрафованы при народномъ собраніи плетьми, кромѣ исчезнувшихъ Миргорода и Дьяченка.

II. Второй случай неповиновенія войсковыхъ обывателей представляетъ село Андреевка, жители которой не захотѣли ни платить вновь положеннаго оклада, ни присягать. Здѣсь обстоятельства возмущенія обывателей нѣсколько осложнились тѣмъ, что жители не допустили у себя не только выбора раскладчиковъ, но и продажи лошадей, оказавшихся негодными по упраздненіи козачьей службы. 14-го декабря 1765 года къ подпрапорному Лисаневичу для увѣщанія и усмиренія обывателей былъ посланъ сотникъ Быстрицкій, а 18-го числа послѣдній по принятой присягѣ на должность, какъ выражается слѣдственное дѣло, увѣщевалъ жителей Андреевки и доказывалъ имъ, что противъ прежней козачьей службы они должны остаться въ облегченіи; изъяснялъ это Быстрицкій краткимъ и доказательнымъ образомъ, но андреевцы безъ всякой учтивости и съ великимъ крикомъ отвѣчали, что поступать въ окладъ они не желаютъ и къ продажѣ лошадей не допустятъ, потому что лошади принадлежатъ имъ, а не казнѣ; наконецъ ослушники объявили, что вся настоящая реформа чинится не завѣдомо Ея Императорскаго Величества, а

потому они не желаютъ повиноваться. Возникла между андреевцами эта послѣдняя мысль такимъ образомъ: когда указъ Императрицы былъ прочтенъ передъ народомъ Лисаневичемъ, то нѣкій андреевскій обыватель Строгій заявилъ громогласно, что это не указъ, а ордеръ, а потому они платить не желаютъ, прежде чѣмъ имъ не покажутъ печатный указъ. Собравшееся населеніе нашло въ заявленіи Строгаго сильную поддержку своему нежеланію платить новые сборы и вмѣсто избранія раскладчиковъ подняло шумъ и крикъ. Когда увѣщанія Быстрицкаго оказались безплодными, то о неповиновеніи и бунтѣ войсковыхъ обывателей было репортовано въ слободскую губернскую канцелярію; канцелярія рѣшила строго покарать ослушниковъ Императорскаго указа и послала въ Андреевку для усмиренія обывателей приличную военную команду. На будущее время ею рѣшено было поступать такъ же, требуя для усмиренія военную помощь отъ бригадира Зорича.

На этотъ разъ для расправы съ андреевцами слободской канцеляріей были командированы два эскадрона солдатъ подъ начальствомъ капитана Ивановича: явившись въ Андреевку, онъ вмѣстѣ съ Лисаневичемъ отправился къ собравшемуся въ большомъ числѣ у ратуши народу и началъ допытывать народъ, кто былъ зачинщикомъ возмущенія. Обыватели единодушно отвѣчали: „всѣ“, и не выдали зкчинщиковъ. Тогда Ивановичъ, видя упорное сопротивленіе обывателей, распорядился арестовать собравшихся, но замногочисленностью арестовать всѣхъ оказалось невозможнымъ; оставшіеся на свободѣ ходили съ дубинами по улицамъ, пѣли и кричали непристойнымъ образомъ. Потребовалась новая помощь въ размѣрѣ двухъ ротъ солдатъ для умиротвореній расходившагося населенія.

По прибытіи этихъ 2-хъ ротъ и по успокоеніи населенія возникъ очень трудный вопросъ: что дѣлать съ массой арестованнаго народа? Вести всѣхъ въ изюмскую провинціальную канцелярію было невозможно вслѣдствіе ихъ многочисленности, а посему капитанъ Ивановичъ предложилъ репортомъ губернской канцеляріи наказать ослушныхъ жителей въ самой Андреевкѣ, мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что „протчіе на то смотря

отъ непристойности унимутся и предъ того дѣлать не отважутся, да и скорѣйшій платежъ казеннымъ податямъ послѣдуетъ". На это предложеніе губернская канцелярія отвѣчала: 1) тѣхъ, кои были первыми зачинщиками при требованіи коммиссаромъ окладу человѣкъ десять, отправить въ колодкахъ въ губернскую канцелярію, а остальныхъ наказать на мѣстѣ; 2-ое) лицъ, ходящихъ по улицамъ съ дубинами и безчинствующихъ, арестовать и держать подъ карауломъ, и такъ какъ всѣ уличныя безчинства, по мнѣнію канцеляріи, происходятъ отъ пьянства, то опечатать все вино; если происходитъ винная ситка, то и котлы отобрать впредь до указу. Послѣднее распоряженіе объ опечатаніи вина и котловъ не коснулось лицъ, не участвовавшихъ въ безпорядкахъ. Котловъ было отобрано десять, вина опечатано двадцать ведеръ. Изъ слѣдственнаго дѣла нельзя узнать, прекратились ли волненія среди обывателей послѣ этой мѣры, но полагаемъ, что нѣтъ, такъ какъ новое лицо Бедряга, отправленное въ Андреевку для той же цѣли, что и Ивановичъ, доносило о поголовномъ бунтѣ и возмущеніи всего населенія. Мѣра губернской канцеляріи о наказаніи бунтовщиковъ на мѣстѣ въ виду враждебнаго настроенія всего селенія была признана неумѣстной, и 213 человѣкъ для изолированія отъ прочихъ были отправлены въ Изюмъ при ста гусарахъ. Прибывшимъ 209 человѣкамъ въ Изюмѣ былъ учиненъ строжайшій допросъ; на немъ 176 показали, что они за скудостью своею не могутъ платить требуемаго оклада, и объявляютъ желаніе свое служить по прежнему. Остальные 33 показали, что ослушностей они не чинили, а будутъ платить окладъ безотговорочно, присутствовали же они въ толпѣ возмутившихся единственно по глупости. Первые 176 чел. были признаны изюмской канцеляріей виновными и приговорены къ битью плетьми, остальные 33, присутствовавшіе по глупости, были освобождены отъ наказанія и отпущены обратно. Кромѣ того, изюмская канцелярія, помня приказъ губернской харьковской канцеляріи прислать ей человѣкъ 10 зачинщиковъ, нашла таковыхъ въ числѣ первыхъ 176-ти и отправила въ Харьковъ. Наконецъ, изъ 176-ти приговоренныхъ къ битью плетьми, были биты въ дѣйствительности только 25, остальные освобождены отъ наказанія.

III. Въ то время, какъ въ Андреевкѣ шло усмиреніе возмутившихся, въ слободѣ Балаклеѣ, отстоящей недалеко отъ первой, повторилась та же исторія, что и въ Андреевкѣ. Балаклейскіе жители по примѣру своихъ сосѣдей возмутились, своевольно перемѣнили своего атамана Ив. Мироненка и вновь положеннаго оклада платить не пожелали. Зачинщики неповиновенія указу были взяты подъ караулъ и отправлены въ Изюмъ. Судя по тому, что возмущеніе балаклейскихъ обывателей не вызвало особаго слѣдственнаго дѣла, а о немъ упомянуто въ дѣлѣ о возмущеніи андреевцевъ, мы полагаемъ, что оно имѣло незначительные размѣры и скоро было прекращено.

IV. Четвертый случай неповиновенія крестьянъ при сборѣ податей произошелъ въ слободѣ Левковкѣ того же изюмскаго уѣзда.

Для умиротворенія обывателей была потребована военная команда подъ начальствомъ оберъ-офицера курскаго полка, стоявшаго въ то время въ Изюмѣ на временныхъ квартирахъ. Отрядъ былъ посланъ забрать буяновъ, не смотря ни на какія отговорки, и представить ихъ въ изюмскую канцелярію для наказанія плетьми. Большихъ подробностей относительно Левковки не имѣется.

V. Однородная исторія произошла и въ перекопскомъ коммиссарствѣ, въ мѣстечкѣ Угольцахъ, въ вѣдѣніи коего состояли села Одринки и Черемушная. Капитанъ Бѣляевъ, получивши новый указъ, приступилъ къ избранію раскладчиковъ, „довольно знающихъ и совѣстныхъ людей, коихъ должность въ томъ, чтобъ богатыхъ не защищали, а на убогихъ лишняго не полагали“ и приказалъ выбранныхъ привести къ присягѣ. Угольчане исполнили требованіе капитана Бѣляева и избрали раскладчиковъ, но послѣдніе къ присягѣ идти не пожелали, а когда капитанъ хотѣлъ склонить ихъ къ этому угрозами и страхомъ, то всѣ жители окружили его съ такимъ крикомъ и бранью, что онъ едва спасся бѣгствомъ. Послѣ этого конечно не оставалось ничего, какъ потребовать оберъ-офицера съ ротной командой для усмиренія ослушества и невѣжества, взятія подъ караулъ зачинщиковъ и чиненія раскладокъ по справедливости по полугодіямъ. Арестованные ослушники на допросѣ показали, что все происшедшее сдѣлано

ими по скудоумію, и принесли извиненіе въ своей неумышленности и простотѣ, тѣмъ не менѣе семь зачинщиковъ „къ лучшему ихъ поправленію и въ страхъ другимъ“ были наказаны.

Вотъ всѣ факты протеста со стороны войсковыхъ обывателей, которые мы могли извлечь изъ дѣлъ слободскаго архива, но надо думать, что въ дѣйствительности подобныхъ случаевъ больше, ибо въ архивъ попали только тѣ дѣла, по коимъ было слѣдственное производство, всѣ мелкіе случаи остались неизвѣстными. Сопротивленіе войсковыхъ обывателей при первомъ же сборѣ новыхъ податей вызвало слѣдующее распоряженіе правительства отъ 24 декабря 1765 г.

Слободско-Украинской губернской канцеляріи по Высочайшей конфирмаціи отъ Ея Императорскаго Величества данной изъ Правительствующаго Сената слободской губерніи съ губернскою и провинціальными канцеляріями инструкціи повелѣно конфирмованный отъ Ея Императорскаго Величества окладъ собрать въ двѣ половины... При такомъ нужномъ дѣлѣ, гдѣ медлительно въ томъ исполненіе или коммиссарамъ и атаманамъ остановка и ослушаніе происходитъ буде возможно было и имъ чинить понужденіе и куда надобно онъ позоветъ употребить нарочныхъ необходимо потребно споможеніе отъ воинскихъ командъ приказали въ экспедицію о формированіи слободскихъ гусарскихъ полковъ о томъ представить и о дачѣ по требованію провинціальныхъ и опредѣленію коммиссаровъ сколько къ скорѣйшему сбору казеннаго оклада надобно будетъ отъ состоящихъ въ тѣхъ и ближнихъ къ нимъ мѣстахъ воинскихъ командъ куда надлежитъ требовать предложенія, а о томъ для вѣдома въ провинціальныя канцеляріи и чтобы по коммиссарствамъ дано было знать тож и въ здѣшніе 6 коммиссарствъ изъ губ. канцеляріи указы послать.“ Это длиннословное распоряженіе показываетъ, что возмущенію обывателей было придано серьезное значеніе, и оно обезпокоило правительственныя сферы.

Теперь намъ остается еще упомянуть объ одномъ случаѣ выраженіи неудовольствія новой реформой, происшедшемъ [1]) уже

[1]) въ Межиричѣ Лебединскаго уѣзда.

въ 1767 г. при выборѣ повѣреннаго для избранія депутата въ Екатерининскую Коммиссію. Этотъ случай вѣрно характеризуетъ отношеніе бывшихъ козаковъ къ преобразованіямъ, и мы изложимъ его, пользуясь статьей пр. Багалѣя „Къ исторіи Екатерининской Коммисіи".

Когда инструкція о выборѣ повѣреннаго отъ войсковыхъ обывателей была получена въ Межиричѣ, и дѣло дошло до составленія наказа и заявленія общественныхъ нуждъ, то всѣ почти бывшіе въ сборѣ говорили объ отмѣнѣ новоположеннаго оклада и возвращеніи козачьей службы, а одинъ изъ обывателей, Яковъ Гринченко, громко сказалъ: „кто сей новый окладъ положилъ, тотъ чтобы пропалъ навѣки." Начальствовавшій въ собраніи мѣстный коммиссаръ, сотникъ Селеховскій, послѣ этого собраніе закрылъ и донесъ о случившемся воеводѣ Лосеву, а тотъ въ свою очередь губернатору Щербинину. По распоряженію губернатора Гринченко закованъ въ кандалы, а 15 обывателей взято подъ караулъ для допроса, по чьему наущенію они дозволили себѣ такое противодѣйствіе властямъ. На допросѣ выяснилось, что главнымъ виновникомъ случившагося былъ самъ коммиссаръ Селеховскій, внушившій межиричанамъ мысль просить о свободномъ ввозѣ въ сумскую провинцію крымской соли и объ освобожденіи дѣтей ихъ до 7-лѣтняго возраста отъ подушнаго оклада. Обвиняемый Я. Гринченко показалъ, что приписываемыя ему слова онъ сказалъ спьяна, другіе сказали, что они не въ состояніи платить положеннаго на нихъ оклада. Мы не будемъ вдаваться въ другія подробности, которыя можно найти въ статьѣ пр. Багалѣя; скажемъ только, что губернская слободская канцелярія, на усмотрѣніе которой было отдано это дѣло, отнеслась къ виновнымъ сравнительно мягко; она рѣшила: Гринченка наказать плетьми, а Вечѣрка батожьемъ, другіе обвиняемые были освобождены, какъ дѣйствовавшіе не умышленно, а по простотѣ.

Въ заключеніе добавимъ нѣсколько строкъ о сопротивленіи войсковыхъ обывателей вообще.

Какъ ни скудно было число случаевъ сопротивленія новымъ реформамъ, но въ нихъ ясно выразилась народная точка зрѣнія: на преобразованія смотрѣли враждебно, потому что они, уни-

чтожая традиціонные завѣты старины, вводили тягости и въ новомъ родѣ военной службы, и въ новомъ видѣ податей и повинностей. Войсковые обыватели непріязнено относились къ своимъ землякамъ, попавшимъ въ гусары, безсознательно перенося на нихъ неудовольствіе новыми порядками. Главными мотивами вражды и протеста нужно считать экономическую несостоятельность населенія платить денежныя повинности. Въ то время, какъ козачья служба требовала натуральнаго отбыванія, указъ 1765 года замѣнилъ натуральные сборы денежными и поставилъ населеніе въ двойныя невыгоды: во-первыхъ, простому селянину всегда труднѣе уплатить деньгами, чѣмъ натурою, а во-вторыхъ, размѣръ платежа иногда колебался по усмотрѣнію и пристрастію раскладчиковъ къ невыгодѣ отдѣльныхъ плательщиковъ.

Конечно, ни слабая попытка старшины, ни незначительныя возмущенія обывателей не могли остановить новаго теченія въ Слободской Украинѣ, и козачество перестало существовать.

Ив. Теличенко.

Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ.

Обыкновенно къ отдѣлу духовныхъ стиховъ причисляются и такъ называемыя южно-русскія рожденственскія и пасхальныя вирши, которыя имѣютъ свою самостоятельную и притомъ очень своеобразную исторію, и которыя, по нашему мнѣнію, должны быть разсматриваемы, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части ихъ, совершенно отдѣльно, какъ явившіяся совсѣмъ при другихъ условіяхъ и по инымъ мотивамъ сравнительно съ духовными стихами. Еслибы такое обособленіе этихъ виршъ было принято въ разсчетъ, и еслибъ понятіе о духовныхъ стихахъ было значительно съужено, то вѣроятно намъ не пришлосьбы встрѣтить такихъ строкъ, какія читаемъ по этому поводу въ извѣстномъ изслѣдованіи П. Безсонова „Калѣки Перехожіе“: „мы не въ состояніи восхищаться всѣми этими заносными произведеніями (говорится о южно-русскихъ псальмахъ и кантахъ, занесенныхъ въ 17 и началѣ 18 в. въ Великороссію), и даже такіе стихи, какъ стихи Ѳеофана Прокоповича, усердно печатаемые нынѣшними почтенными Малороссами и начинающіеся словами—за честь твоего солоду лобызаемъ твою бороду,—не производятъ на насъ ни малѣйшаго увлекательнаго впечатлѣнія; съ другой стороны, относясь ко всему этому съ полнымъ безпристрастіемъ, какъ къ прошлому въ нашей жизни, не позволяемъ себѣ для глумленія выписывать съ рукописей мнимыя остроты, шутки, тонкости и ловкости фразъ, ибо намъ, Великоруссамъ, онѣ кажутся совершенными дикостями, странностями, даже неприличіемъ въ столь высокомъ дѣлѣ, какъ Стихи“ [1]). Впрочемъ въ изслѣдованіи автора сейчасъ-же вслѣдъ

[1]) Калѣки Перехожіе, вып. IV, стр. XL.

за этими строками признается, что происхожденіе псальмъ и кантовъ имѣетъ свою самобытную и очень важную причину, иными словами—они возникли совсѣмъ при другихъ условіяхъ, нажели духовные стихи (и не великорусскіе только, но и малорусскіе), а слѣдовательно—зачѣмъ-же брать для сравненій и выводовъ несоизмѣримыя величины? Объяснимся.

Если ужъ принимать терминъ „духовные стихи“ такъ широко, что даже характерныя колядки и щедровки попадаютъ въ число ихъ (какъ это видимъ у Безсонова), то во всякомъ случаѣ надо установить, что типичными формами духовныхъ стиховъ могутъ быть посчитаны два близкихъ другъ къ другу рода произведеній. Первый изъ нихъ—это произведенія, возникшія и выработавшіяся среди самого-же народа подъ вліяніемъ проникавшаго въ жизнь христіанскаго начала и знакомства съ священнымъ писаніемъ; другой—это произведенія книжниковъ, настолько по тону и духу приближающіяся къ первымъ, что народъ воспринялъ ихъ въ себя и пустилъ ихъ въ обиходъ наравнѣ съ своими собственными. Эти два рода духовныхъ стиховъ, такъ сказать, шли навстрѣчу другъ другу и сошлись такъ близко, что иногда нельзя даже опредѣлить точной границы, гдѣ кончаются одни и начинаются другіе. Эти два типичные представителя духовныхъ стиховъ могутъ быть отмѣчены, какъ факты народнаго творчества у всѣхъ трехъ русскихъ народностей, хотя малоруссы даютъ ихъ сравнительно меньше по причинамъ, не разъ уже отмѣченнымъ изслѣдователями, а именно: впечатлѣнія козацкой эпохи были настолько сильны, что въ значительной мѣрѣ отодвигали на второй планъ всѣ другіе мотивы и сюжеты; хотя и до сихъ поръ, не говоря о напечатанныхъ малорусскихъ варьянтахъ, можно слышать слѣпца-лирника, распѣвающаго длиннѣйшій текстъ стиха о Лазарѣ убогомъ.

Совершенно иного происхожденія, склада и типа тѣ виршевыя произведенія, которыя появились въ южной Руси въ XVII и XVIII вѣкахъ, какъ результатъ школьной науки и школьнаго искусства слагать стихи на разные случаи. Эти вирши, насколько свидѣтельствуютъ обнародованные литературные

факты прошедшаго южной Руси, имѣли два теченія. Первое изъ нихъ характеризуется строгой выдержанностью схоластической формы, прежде всего обусловленной серьезностью самаго сюжета. Въ такихъ произведеніяхъ вы всегда найдете, при самомъ разнообразномъ содержаніи—богословскомъ, историческомъ, нравоучительномъ,—серьезный тонъ, не допускающій никакихъ шутокъ, даже простодушнаго, такъ свойственнаго малороссу отношенія къ фактамъ и ихъ объясненію; напротивъ, въ нихъ всегда замѣчается нѣкоторая высокопарность, дѣлающая ихъ утомительно-однообразными. Въ языкѣ, которымъ они написаны, очень рѣзко бросается въ глаза основа церковной рѣчи съ слабымъ наклоненіемъ къ мѣстному народному элементу. Это—произведенія книжниковъ, всецѣло погрузившихся въ школьную науку и, по крайней мѣрѣ въ моментъ своего творчества, совершенно порвавшихъ связь съ народнымъ складомъ пѣснопѣнія и со всѣмъ народнымъ умонастроеніемъ. Но на ряду съ такимъ теченіемъ было и другое. Среди тѣхъ-же книжниковъ были люди, которые, при всей своей схоластической учености, чувствовали потребность иногда покинуть сухую форму книжнаго писанія и приблизиться къ тону народному, но не тому, которымъ народъ большею частью поетъ и разсказываетъ о сюжетахъ важныхъ, а тому добродушно-юмористическому, который въ иныхъ случаяхъ сказывается у народа со всей силой, а въ другихъ—только вскользь, мимоходомъ.

Конечно, это была односторонность въ направленіи такихъ писателей, такъ какъ народное творчество представляло гораздо болѣе обширный матеріалъ, на почвѣ котораго могла вырабатываться культурная поэзія, но во всякомъ случаѣ произведенія ихъ составляютъ особую группу въ литературѣ прошлаго столѣтія, группу, представители которой могутъ быть названы національной школой въ южно-русскій литературѣ прошлаго вѣка. Школа эта больше всего обнаружила себя въ интермедіяхъ, написанныхъ совершенно въ духѣ народныхъ умозрѣній, а также въ самыхъ разнобразныхъ виршахъ. Къ этому-то послѣднему отдѣлу и относятся тѣ рожденственскіе и пасхальные вирши, по поводу которыхъ мы высказались выше.

Трудно сказать, всегда ли такіе вирши слагались съ цѣлью привѣтствія въ день Рождества и Пасхи, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ мы не знаемъ даже авторовъ ихъ; но несомнѣнно, что, вошедши въ жизнь, они приняли характеръ привѣтственныхъ. По крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуютъ заключительные стихи во многихъ изъ нихъ, въ родѣ тѣхъ, какіе видимъ въ концѣ пасхальной вирши, печатаемой ниже. Далѣе, очевидно, что они усвоивались не народомъ, а только болѣе или менѣе „письмѣнными“ людьми, такъ какъ мы не знаемъ ни одного варьянта ихъ, записаннаго отъ народа. Вѣроятно этому препятствовало то, что у народа были свои спеціальныя пѣснопѣнія праздничныя, которыя стояли на первомъ планѣ и не пускали на смѣну себя произведеній, не имѣвшихъ ничего общаго съ этими пѣснопѣніями (колядки).

Всѣхъ до сихъ поръ напечатанныхъ виршей этого типа мы можемъ указать немного, а именно:

Рождественскіе 1) „Здорови будьте зъ тимъ, пани“—въ „Основѣ“ 1862 г. № 6; „Зъ народнихъ устъ“ Коховскаго, стр. 44—49; записана „отъ Ив. Мих. Полторацького зъ хутора Головинського“. 2) „Чи чулы вы, панове, зъ роду“—въ „Кіевск. Стар.“ 1882 г. № 11, стр. 398; записана В. Лавровскимъ, безъ означенія, мѣста, времени и обстоятельствъ записи. 3) „Хрыстосъ родывсь, мыръ звеселывсь: сегоднишнимы часы“—въ Кіев. Стар.“ 1882 г. № 12, стр. 624—626; сообщилъ С. Пономаревъ безъ означенія мѣста, времени и обстоятельствъ записи. 4) „Хрыстосъ народывся, весь мыръ возвеселывся“—у Безсонова „Калѣки перехожіе“, вып. 4-й, стр. 27; почти въ томъ же видѣ у Терещенка „Бытъ русскаго народа, ч. 7-я, стр. 68—69.

Пасхальные 1) „Егда Іуда Христа жидамъ продавъ“—въ „Основѣ“ 1862 г. № 6, стр. 49—53; записана отъ Ив. Мих. Полторацького зъ хутора Головинського. 2) „Хрыстосъ воскресъ радъ мыръ увесь“—въ „Кіевск. Стар.“ 1882 г. № 4, стр. 169—171; напечатана по двумъ варьянтамъ: одинъ сообщенъ А. Скальковскимъ, другой записанъ рукою Н. Гоголя и сообщенъ С. Пономаревымъ. Это извѣстная вирша, говоренная черноморскими козаками въ видѣ привѣта гетману Потемкину; сочиненіе

ея приписывается войсковому судьѣ Головатому. Дополненіе къ ней напечатано въ „Кіевск. Стар.“ 1882 г. № 9, стр. 567—571; записано Д. Морозомъ. Варьянты этой вирши напечатаны: у Терещенка „Бытъ русск. народа“, ч. 6-я, стр. 112—115; въ „Кіевск. Епарх. Вѣд.“ 1877 г. № 7.

Изъ печатаемыхъ теперь двухъ виршъ одна—пасхальная—не была помѣщена нигдѣ, а другая—рождественская—въ неполномъ видѣ была напечатана у Терещенка „Бытъ русскаго народа“ и перепечатана почти въ томъ же видѣ у Безсонова „Калѣки перехожіе“ (см. выше). Обѣ эти вирши сообщены намъ И. М. Звониковымъ, записавшимъ ихъ въ 40-хъ годахъ, одну отъ мѣщанина кіевскаго Плекуна, учившагося въ концѣ 30-хъ годовъ въ уѣздномъ училищѣ, человѣка веселаго и хорошаго пѣвца, другую отъ г. Гулака-Артемовскаго, около 1848 года.

Рождественскую виршу, частью напечатанную, мы помѣщаемъ теперь въ цѣльномъ видѣ, обозначая курсивомъ тѣ куплеты, которые не вошли въ указанные сборники.

В. Науменко.

Рождественская вирша.

Хрыстосъ народывся, щобъ мыръ звеселывся
Писля Адомового гриха;
Родывся-жъ въ Виѳлеоми, въ стайни, а не въ доми—
Отъ дыковына яка!
Звизда ясненька, гарна, круленька
Прыкотылась надъ Виѳлеомъ,
И тамъ стала, де вже знала,
Освитыла стайню круомъ.
Пастухы изъ степу прыбиглы къ вертепу,
Да и по ягнятку прынеслы;
На дудкы гралы, якои зналы,
Тай знову до стада пишлы.
Янголы святыи, крылати, чудныи
Та такъ-же то лепсько спивалы,

Що мы и породылысь, та вже й поженылысь,
А далеби, що такъ не чувалы.
Вилъ и оселъ стоять у яселъ,
Отъ-же й воны Хрыста пизналы,
Бо дышуть на ёго и знають на кого,
Щей навколишкы сталы.
А тры цари прынеслы дары
А одинъ одъ востока;
Тутъ ихъ поклалы и поздоровлялы
По-пысьменьски, звысока.
Иcько старенькій имъ бувъ раденькій,
Гостынци прынявъ
Да и каже: сидайте въ насъ, почастуемъ васъ,
Чымъ Богъ намъ давъ.
По каганцю сывухы, по кухлыку варенухы
Имъ якъ пидсулывъ;
Якъ-же хлыснулы, сыдячи й поснулы,
А Иcько и свичку погасывъ.
Янголь Божій, ясный згожій
Царямъ во сни на ухо шепнувъ:
До дому махайте, Ирода обмынайте,
Щобъ винъ цёго не чувъ!
Цари схопылысь, перехрестылысь
И до дому почухралы;
Вливо повернулы, якъ одъ янголя почулы—
Оттакъ Ирода ошповалы.
Маріи-жъ и Иcьку особу звистку
Янголь у сни вищае:
Въ Египетъ тикайте и часу не гайте,
Бо вже Иродъ дитей убывае!
Иcько схопывся, водою умывся
Ослыцю осидлавъ, Марію взявъ;
Дуже поспишався и не оглядався,—
Такъ пятамы накывавъ.
Иродъ дожыдався, въ викно прыглядався,—
Думавъ, що цари прыйдуть до ёго;

А писля схаменувся, мовъ видъ сна прочнувся,
И вгадавъ, що глузують зъ ёго.
Зразъ мудрыхъ мудрыцивъ, свитськихъ, панъ-отцивъ
Якъ постягавъ,
Щобъ ему сказалы и прослебезувалы,
Де Хрыстосъ родыться мавъ.
Такъ воны по правди, пры усій громади,
Мовъ у око влипылы ему,
Що въ Вивлееми цее родыться такее,
Що не буде ривни ему.
Такъ Иродъ такъ злякався, що ажъ укалявся,
Бо стоявъ довго безъ ума;
Деретця рукамы, скрегоче зубамы,
А речи зовсимъ нема.
А дали якъ почавъ, то зразъ закрычавъ:
Війська! до Вивлеему махайте,
Да малыхъ дитей одъ матернихъ грудей
До щырця убывайте!
Якъ-же въ Вивлеомъ у жодный домъ
Війська понабигалы,
То покололы дитей одъ матернихъ грудей,
А де-якыхъ пороздыралы.
Вивлеемскій крыкъ такъ бувъ велыкъ,
Що ажъ до Саваохта дойшовъ:
Винъ на Ирода кару посылае псю-пару
За дытячу невынну кровъ.
Въ голови зашумило, въ животи забуркотило,
Якъ сосновый лисъ.
Ёму дуже мутыло, коло серця нудыло,
Бо прыступывъ до серця бисъ.
По грудяхъ болячкы, по спыни чырячкы,
А въ бровахъ гныды народылысь;
Очы позападалы, ковтуны въ чуби сталы,
А ззаду червы заплодылысь.
Пидъ очыма позеленило, пидъ носомъ почорнило,
Якъ у собакы пидъ хвостомъ;

Ёму дуже мутыло, коло серця нудыло,
Щобъ не ганявся за Хрыстомъ.
Ризачка до пупа докучала, дуже въ жывоти бурчало,
Бо часто на двиръ выбигавъ;
А свыни слидомъ, крычатъ гуртомъ,
Щобъ швыдче винъ сидавъ.
Ликаривъ прызывалы, пластырь клалы,
Капли въ горло лылы:
Зубы рвалы, жывитъ направлялы,
Да ничого не помоглы.
А дали загынувъ и царство покынувъ
Діявольскій гайдамака;
Не вмивъ хлиба исты, пропавъ безъ висты,
Мовъ у ярмарку собака.
У пекло попався, мижъ чорты вбрався,
Тай хлыще гарячу смолу;
Пальци кусае, та проклынае
Тую, що родывся, пору.
Нехай загыбае, на викъ пропадае,
А мы звеселымся;
Хрыстову Рожеству и его Божеству
Поклонимся.
А винъ намъ изъ неба дасть, чого треба:
Винъ батько не скупый.
Хто до его, то й винъ до того—
Отъ винъ якый!

Вирша на Велыкъ-день.

Кажуть, буцимъ молодыци
Негодяйки, ледащыци
И пуглыви, якъ зайци,—
Ажъ неправда, молодци.

Се-жъ Марія середъ ночы
Пустылася зо всій мочы
Плакаты на гробъ Хрыстовъ,
На Голгофу мижъ кустовъ.

Не боялась Синагогы,
Подряпала вельмы ногы
И попала тамъ Хрыста.
Винъ-же ій сказавъ спроста:

Чого, Марусе, такъ ты плачешъ?
Я воскресъ—сама ты бачышъ.
Жыды-же ажъ на пупъ крычать,
Що не рушена печать.

Задалы жовнирамъ плату,
Щобъ сбрехалы тамъ Пылату,
Буцимъ змигъ ихъ крипкый сонъ,
А Хрыста хто-сь вынисъ вонъ.

А Хрыстосъ бувъ на роботи,—
Попалывъ соби чоботы,
Покиль пекло погасывъ
И Адама воскресывъ.

Смерть сыдила у куточку,
Рвала на соби сорочку,
Надулася и сопла
И на Бога що-сь говпла.

Куца сатана почула,
Що и смерть уже заснула;
А Адамъ сміяться ставъ,
А Мойсей и засвыставъ.

Прыбигъ швыдче къ Аарону
Зробыть справу по закону.
Ааронъ очкы надивъ
И въ Быблію поглядивъ.

Не утѣрпивъ, засміявся.
Куцый дьяволъ догадався,
Що Хрыстосъ уже воскресъ,—
Злякавсь, затрусывсь увесь.

Выбигъ на пекельну браму,—
Ажъ иде Хрыстосъ къ Адаму.
Брама впала передъ нымъ,
Муръ розсыпався, якъ дымъ.

Прыблыжается Хрыстосъ до пекла,—
Показавъ чортяка морду й векла,
Драла въ пекло, хвостомъ кывъ!
А Хрыстосъ ёго спросывъ:

Де старенька баба Ева,
Що глонула въ раю древа!
Куцый кочергу узявъ
И у пекли помишавъ.

Вылизла баба зъ печи;
Обгорилы вельмы плечы,
А за нею и Адамъ—
Ажъ Хрыстосъ злякався самъ.

Взявъ обохъ Хрыстосъ за руку
И сказавъ таку науку:

Ты, Адаме, муку стару забувай,
Дрызай зъ Евою у рай.

И далы воны изъ пекла драла.
Ева на вси жылы брала,
А Адамъ ажъ употивъ,
Попередъ усихъ летивъ.

Вывелы старого Лота,
Ажъ кровава смага зъ рота;
Весь нагайкамы избытъ,
Зъ голоду запавъ жывитъ.

Авраамъ сказавъ Исаку:
Забуваймо стару драку!
Да за рукы узялысь,
Прямо къ раю почовплысь.

Царь безъ племени, безъ роду
Ихавъ верхы мижъ народу;
А за нымъ святый Аѳетъ
Нисъ и шаблю, и мушкетъ.

Ной старенькый натоптався,
Выпывъ зъ праци тай заспався;
А премудрый Соломонъ
Задзвонывъ у райськый дзвонъ.

Якъ прочнувся старый дидъ,
Ажъ зовуть всихъ на обидъ.
Царь Давыдъ пиднисъ по чарци пыва,
И наробывъ велыкого дыва:
Ушкварывъ на гусляхъ такъ,
Що хотивъ скакать усякъ.

Не подывы, святый Владыко!
Може для тебе и дыко,
Що таку виршу сказавъ,
Але-жъ пысанкы не взявъ,
Бо на кращу не розжывся.
А погану якъ прынесть?
Бо й мы такы знаемъ честь.

Критика.

В. К. Гульдманъ. Справочная книжка Подольской губерніи. Каменецъ-Подольскій. Типографія губернскаго правленія. 1888. (Стр. VIII+654. Цѣна 2 руб).

Г. Гульдманъ, завѣдывающій дѣлами Подольскаго губернскаго статистическаго комитета, задался почтенною цѣлью пополнить давно уже ощущаемый пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о подольской губерніи. Въ этомъ отношеніи литература наша дѣйствительно бѣдна до крайности, такъ что до сей поры не имѣется даже подробнаго списка населенныхъ мѣстъ края. Правда, Подольскій статистическій комитетъ опубликовалъ было нѣсколько выпусковъ „Сборника свѣдѣній о Под. губерніи", но приведенный въ нихъ матеріалъ лишенъ правильной системы, самое его происхожденіе остается неяснымъ для читающаго, и все изданіе по цѣнѣ своей недоступно для публики. Оффиціальное положеніе г. Гульдмана безъ сомнѣнія значительно облегчило ему выполненіе задачи, и изданная имъ справочная книжка заслуживаетъ вниманія уже какъ первая попытка въ этомъ направленіи. Составленная по программѣ достаточно обширной и полной для справочной книги, она заключаетъ свѣдѣнія, представляющія интересъ не только для подолянъ.

Въ книгѣ три части: календарныя и справочныя, общія и мѣстныя свѣдѣнія; статистическія и историческія свѣдѣнія; адресъ-календарь. Второму отдѣлу книги, интересующему насъ въ настоящемъ случаѣ, посвящено около 300 страницъ (323—594). Въ статистическомъ очеркѣ (стр. 336—436) г. Гульдманъ въ подробныхъ и съ особеннымъ тщаніемъ составленныхъ таблицахъ сообщаетъ цифровыя данныя о пространствѣ губерніи, числѣ, составѣ, движеніи народонаселенія, о землевладѣніи, урожаяхъ хлѣбовъ, скотоводствѣ, городскихъ и сельскихъ промыслахъ разнаго рода, разработкѣ

фосфоритовъ, фабрично-заводской промышленности, торговлѣ, школахъ, народномъ здравіи и нравственности, исполненіи воинской повинности; наконецъ, крестьянскому землевладѣнію авторомъ посвященъ особый экскурсъ, гдѣ подробнѣе освѣщены общія данныя, сообщенныя раньше. Авторъ не довольствуется сообщеніемъ голыхъ цифръ; онъ подвергаетъ ихъ статистической обработкѣ, дѣлаетъ годными для сравненія и выводовъ, выдерживая такой пріемъ почти по каждому трактуемому вопросу, и легко понять, что эта работа требовала не мало времени и усилій. Должно пожалѣть однако, что статистическимъ этюдамъ своимъ авторъ не предпослалъ нѣкоторыхъ, хотя бы краткихъ указаній о способѣ собиранія матеріала, подлежавшаго обработкѣ. Возможно, что эти указанія позволили бы оріентироваться въ предложенныхъ г. Гульдманомъ таблицахъ и обнаружили бы непригодность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кому не извѣстно, что собираемый губернскими статистическими комитетами черезъ волостныя правленія, духовенство и полицію цифровой матеріалъ по большей части составляетъ хламъ, не стоющій бумаги, которая на него потрачена? Единственнымъ логическимъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ остается надежда развѣ на нѣкоторую послѣдовательность въ ошибкахъ, неточностяхъ и вымыслахъ корреспондентовъ-статистиковъ,—утѣшеніе довольно слабое. Мы опасаемся, напр., что приведенныя въ книжкѣ г. Гульдмана данныя о степени общаго урожая и урожая различныхъ хлѣбовъ въ связи съ движеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ и движеніемъ народонаселенія за послѣднее десятилѣтіе (стр. 342 сл) не имѣютъ никакого научно-статистическаго значенія и для выводовъ не годятся; что данныя о размѣрѣ средняго урожая съ десятины, средняго обсѣва, средняго остатка хлѣбовъ на душу, всѣ безъ исключенія данныя о живомъ инвентарѣ сельскаго хозяйства (стр. 349 сл) произвольны и вымышлены; что данныя о среднемъ заработкѣ подольскихъ кустарей и ремесленниковъ (стр. 355—362) не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Интересно было-бы, напр., знать пріемъ, по которому высчитано, что въ 1886 году въ м. Крутыхъ было сшито сапогъ на сумму 14.400 руб., тулуповъ на 7000 руб., а въ м. Кодымѣ сапогъ на 1800 руб., или что 469 сапожниковъ-кустарей губерніи имѣли въ 1886 году заработка 48.315 руб., а 4031 кустарей, выдѣлывавшихъ сукно и холстъ—280.280 руб. сер. дохода. Недостовѣрными представляются и данныя объ оборотахъ и доходности фабрично-заводской промышленности въ губерніи (стр. 364—376). Сводка и обработка всѣхъ

этихъ и другихъ имъ подобныхъ данныхъ сдѣланы г. Гульдманомъ весьма тщательно и добросовѣстно, но мы опасаемся, что трудъ и время были потрачены здѣсь безъ пользы, и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока губернская статистика наша не организуется по образцамъ, преподаннымъ земскими губерніями.

Приведемъ здѣсь изъ книги г. Гульдмана нѣсколько цифровыхъ данныхъ, не лишенныхъ общаго интереса и, какъ должно думать, болѣе точныхъ,—хотя въ примѣненіи къ подольской статистикѣ выраженіе „точный“ слѣдуетъ принимать лишь cum grano salis. Къ 1 января 1887 г. населеніе губерніи равнялось 2.412.688 душъ обоего пола, въ томъ числѣ дворянъ 1,0%, духовенства—0,5%, городскихъ сословій—17,6%, сельскихъ сословій—73,2%, военныхъ—6,9%, иностранцевъ и пр.—0,8%; по вѣроисповѣданіямъ было: православныхъ—76,6%, іудеевъ—16,2%, католиковъ—9,3%, раскольниковъ и лютеранъ—0,8%. Въ составѣ населенія численно преобладаетъ малорусское племя, къ которому принадлежатъ почти всѣ крестьяне и 9/10 мѣщанъ. Къ числу проживающихъ въ губерніи великороссовъ г. Гульдманъ относитъ значительную часть чиновниковъ и русскихъ землевладѣльцевъ и 14.388 раскольниковъ. Въ пользованіи крестьянъ состоитъ 47,8% всей земли губерніи, частныхъ владѣльцевъ—44,8%, казны, удѣловъ и др.—8,1%. По размѣрамъ дворянской собственности подольская губернія принадлежитъ къ числу губерній съ преобладающимъ крупнымъ землевладѣніемъ. Средній размѣръ дворянскихъ имѣній въ губерніи—749 дес., но уѣздамъ онъ колеблется отъ 319 дес (летич. у) до 2443 дес (ольгоп. у). Въ общемъ числѣ частныхъ владѣльцевъ лица польскаго происхожденія въ 1887 году составляли 31,95% и владѣли 55,97% всей земли, находившейся въ частномъ владѣніи (стр. 336—347). Изъ 247.982 крестьянскихъ дворовъ губерніи 86,6% имѣютъ полевые (тяглые и пѣшіе) и 13,4%—только усадебные надѣлы. Безземельныхъ крестьянъ м. п. въ 1886 г. считалось 28.033, въ томъ числѣ 73,8% бывш. помѣщичьихъ, 11,1% б. государственныхъ и 15,1% евреевъ-земледѣльцевъ и б. южн. поселянъ. При содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка пріобрѣтено 3.607 крестьянами съ 1883 по 1887 г. 13.722 дес. земли на сумму 1.438.338 руб. 22 к., причемъ доплачено крестьянами изъ своихъ средствъ 312.276 р. 22 к.—Изъ общаго числа имѣній въ губерніи разверстанныхъ 610, неразверстанныхъ 1531, въ послѣднихъ крестьянамъ принадлежитъ 779.704 дес. земли или 44,1% всей земли, находящейся во владѣ-

ніи крестьянъ. Въ этихъ имѣніяхъ, кромѣ черезполосности, сервитутами и правомъ общаго пользованія обременено 289.276 дес. земли (стр. 430—436). Данныя г. Гульдмана о крестьянскомъ землевладѣніи страдаютъ большою скудостью, и желательно было бы, чтобы въ будущихъ выпускахъ справочной книжки по этому предмету было собрано болѣе матеріала, а также сообщены были свѣдѣнія о ходѣ операціи по выкупу чиншевыхъ земель, о движеніи цѣнъ на землю по крайней мѣрѣ въ послѣднее десятилѣтіе, о степени мобилизаціи поземельной собственности въ губерніи, о положеніи сельскаго духовенства; впрочемъ, отсутствіе данныхъ этого разряда нельзя относить къ винѣ г. Гульдмава.

Городской статистикѣ губерніи въ книгѣ г. Гульдмана отведено подобающее мѣсто (стр. 573—594), и подробныя таблицы, къ которымъ мы отсылаемъ интересующихся вопросомъ, характеризуютъ внутренній бытъ подольскихъ городовъ за послѣднее 15-лѣтіе довольно наглядно. Отмѣтимъ здѣсь, что съ 1862 по 1870 г. евреи составляли около 43% всего городскаго населенія губерніи, въ 1886 году уже 52% слишкомъ; за то въ мѣстечкахъ въ 1872 г. евреевъ было 49%, въ 1886 году—44%. Трудно сказать впрочемъ, насколько достовѣрны приведенныя данныя.

Нѣкоторое вниманіе посвящаетъ г. Гульдманъ и исторіи какъ губерніи вообще, такъ и отдѣльныхъ подольскихъ городовъ и мѣстечекъ (стр. 323—329. 437—572). Хотя авторъ сообщаетъ лишь краткія историческія справки, но почерпнуты онѣ изъ источниковъ устарѣлыхъ и непригодныхъ въ настоящее время, почему и справки эти оказываются далеко ненадежными. Оставимъ въ сторонѣ Алазоновъ, Невровъ, Готовъ, Даковъ, Сарматовъ, Роксаланъ, Язиговъ, Бужанъ, Дулебовъ, Тиверцевъ, Уличей и злыхъ Обровъ, которымъ г. Гульдманъ удѣляетъ нѣсколько неясныхъ словъ, собственно говоря исчерпывающихъ его исторію древнѣйшаго Подолья; любопытно то, что авторъ забываетъ упомянуть о такомъ фактѣ первостепенной важности во внутренней жизни Подолья, какъ борьба подолянъ съ татарами и постепенное освобожденіе отъ ига послѣднихъ подъ предводительствомъ народныхъ вождей, князей Коріатовичей, или слѣдующая затѣмъ борьба противъ польскаго завоеванія. О князьяхъ этихъ случайно упоминаетъ и Гульдманъ въ обзорѣ городовъ и оказывается, что Коріатовичи были и сыновьями Ольгерда (стр. 512 и 524) и его племянниками (стр. 437), что ихъ посадилъ на Подольѣ разъ Гедеминъ, другой разъ Ольгердъ, из-

гналъ кн. Ѳедора Коріатовича изъ Подолья не то Ольгердъ, не то Витовтъ (стр. 437), что существовалъ какой-то Ѳедоръ Коріатовичъ II (стр. 438), которому въ 1395 г. Витовтъ будто-бы отдалъ въ управленіе Подольскую землю, но тогда же вынужденъ былъ снова изгнать его; что именно Ѳедоръ Коріатовичъ основалъ г. Винницу (стр. 458); что Коріатовичи основали въ Межибожѣ укрѣпленный замокъ (стр. 512), а въ 1366 г. этотъ городъ перешелъ къ Польшѣ и получилъ магдебургское право. Намъ совершенно неизвѣстны источники, на основаніи которыхъ г. Гульдманъ говоритъ, что король польскій Ягайло, отобравши у Спытка изъ Мельштына подольскіе города, въ замѣнъ ихъ отвелъ ему земли въ Силезіи (стр. 438), а въ 1438 году отдалъ Подолію кн. Свидригайлу; что Литинъ (упоминаемый уже въ актѣ 1431 г), получилъ основаніе, какъ полагаютъ изслѣдователи, не ранѣе XVI вѣка (стр. 452): что основателемъ Брацлава обыкновенно признается Константинъ Коріатовичъ (стр. 461), въ 1352 г. этотъ городъ отнятъ Ольгердомъ, а въ 1395 году Витовтомъ у Ѳедора Коріатовича, почему Брацлавъ „какъ бы являетъ собою исторію края“; что лѣтописи совершенно молчатъ объ Ушицѣ послѣ разсказа о взятіи этого города въ 1144 году Всеводомъ Ольговичемъ (стр. 488); что Смотричъ существовалъ уже въ періодѣ удѣловъ и былъ разоренъ Батыемъ въ XIII в (стр. 498); что м. Шаровка (упоминаемое въ актахъ съ 1431 г) становится извѣстною только съ XVI в (стр. 507); что сынъ Ходка изъ Кроаціи выстроилъ въ Ярмолинцахъ укрѣпленный замокъ и въ 1455 г. испросилъ грамоту на магдебургское право (стр. 508); что Мизяковъ (подробно упоминаемый уже въ люстраціи 1552 г) возникъ около 1757 года и назывался первоначально Калумновымъ (стр. 521); что Сокалецъ (ушицк. у) признается однимъ изъ городовъ древняго Галицкаго княжества, разрушенныхъ Батыемъ (стр. 569). Нельзя назвать удачною ученую догадку г. Гульдмана о тождествѣ м. Купина съ болоховскимъ Губинымъ (стр. 496), и вообще должно пожалѣть о небрежности, съ которою сведены авторомъ историко-археологическія данныя о древнѣйшихъ поселеніяхъ края. Особеннаго вреда эти ошибки не сдѣлаютъ, но непріятно встрѣчать ихъ въ трудѣ, предпринятомъ очевидно съ наилучшими намѣреніями. Пожелаемъ, чтобы въ будущихъ изданіяхъ справочной книжки отдѣлъ историческихъ свѣдѣній обработанъ былъ съ большимъ вниманіемъ къ добытымъ уже даннымъ.

Н. Молчановскій.

Корвинъ-Піотровскій. Календарь Черниговской Губерніи на 1888 г. Годъ третій. Черниговъ. 1887 года.

Книжка, заглавіе которой мы выписали, распадается на шесть отдѣловъ: 1) церковный, 2) астрономическо-метеорологическій, 3) историческій, 4) статистическій, 5) справочный и 6) адресъ-календарь. Въ ряду цѣлой массы другихъ подобныхъ изданій, „Календарь", по количеству собранныхъ въ немъ данныхъ, можетъ быть названъ книгой весьма полезной. Житель черниговской губерніи найдетъ въ немъ отвѣты на многіе занимающіе его вопросы обыденной мѣстной жизни. Статистическія таблицы, вошедшія въ составъ VI-го отдѣла, представляютъ значительный интересъ. Онѣ составлены за 1886 годъ и даютъ свѣдѣнія о числѣ жителей губерніи по сословіямъ, по вѣроисповѣданіямъ, о народной нравственности, о количествѣ сборовъ и недоимокъ, о числѣ учащихся, о доходахъ и расходахъ городовъ и посадовъ. Если такія статистическія данныя будутъ сообщаемы и въ послѣдующихъ изданіяхъ Черниговскаго Календаря, то могутъ получиться весьма интересные своды матеріала по нѣкоторымъ вопросамъ внутренней жизни губерніи. Однако Черниговскій Календарь въ теперешнемъ видѣ не совсѣмъ удовлетворяетъ своему назначенію. Во 1-хъ, въ статистическомъ отдѣлѣ мы не нашли данныхъ о санитарномъ состояніи губерніи. Составитель помѣстилъ краткое сообщеніе по эпизоотіямъ, тѣмъ важнѣе было дать свѣдѣнія о количествѣ людскихъ заболѣваній съ указаніемъ рода болѣзней, мѣстностей, времени года, классовъ населенія, подвергавшихся разнаго рода заболѣваніямъ. Во 2-хъ, и это главное, изданіе исключительно разсчитано на публику интеллигентную. Статистическія данныя, какъ онѣ ни интересны, удостоятся должнаго вниманія весьма немногихъ, между тѣмъ какъ мѣстный календарь долженъ имѣть въ виду не эту ограниченную группу лицъ, для которыхъ существуютъ другія изданія, какъ Памятныя Книжки, Губернскія Вѣдомости и т. п., но всю массу населенія. Поэтому слѣдовало бы прибавить отдѣлы свѣдѣній ветеринарныхъ, медицинскихъ, агрономическихъ и т. д. и притомъ непремѣнно въ самой общедоступной формѣ. Все это свѣдѣнія необходимыя для народа и не менѣе, если не болѣе обязательныя для календаря, особенно мѣстнаго, чѣмъ статистическія данныя.

Что касается историческаго отдѣла, то присутствіе его въ мѣстномъ календарѣ вполнѣ цѣлесообразно. Въ такъ наз. обществѣ

есть не мало лицъ, для которыхъ календарь является единственнымъ литературнымъ источникомъ свѣдѣній. Присоедините сюда массу грамотнаго, но бѣднаго люда, у котораго календарь—библіотека. Вотъ этихъ-то людей прежде всего и долженъ имѣть въ виду календарь мѣстный и стараться, хоть сколько-нибудь, удовлетворить ихъ потребности въ чтеніи. Между тѣмъ историческій отдѣлъ Черниговскаго Календаря поражаетъ случайностью въ подборѣ матеріала. Особенно возбуждаютъ недоумѣніе перечисленія князей кіевскихъ, черниговскихъ, мѣстныхъ іерарховъ, воеводъ, стольниковъ и т. д., и т. д. Съ какою цѣлью они помѣщены тутъ? Для массы публики такой голый перечень не даетъ ровно ничего; разсчитывать же на подобныя календарныя свѣдѣнія, какъ на справочный матеріалъ, очень рискованно. Если можно сказать это о календарныхъ данныхъ вообще, то къ сожалѣнію, съ большимъ еще основаніемъ оно приложимо къ Календарю Черниговскому. Таблицы составлены съ какою-то торопливостью, со многими неточностями и ошибками. Чтобы не быть голословными, укажемъ два-три факта. Списывая имена черниговскихъ іерарховъ у преосв. Филарета, изъ его „Историко-Статистическаго Описанія Черниговской Епархіи“, составитель и тутъ не могъ обойтись безъ промаховъ; такъ, среди іерарховъ не упомянутъ Антоній Стаховскій (съ 1713—1721 г), Владиміръ Ушинскій названъ Ужинскимъ, сынъ Игоря Святослава названъ Святополкомъ. Далѣе. Издатель Черниговскаго Календаря очень смѣло называетъ Святополка сыномъ Ярополка, основываясь на лѣтописной легендѣ, мало заслуживающей довѣрія. Видно незнакомство не только съ послѣдующими извѣстіями лѣтописи, уничтожающими значеніе этого сказанія, но и со взглядомъ на лѣтопись и лѣтописца, существующимъ въ настоящее время въ наукѣ. Но вотъ фактъ еще болѣе интересный. Какъ видно изъ лѣтописи, у Владиміра Св. были слѣдущіе двѣнадцать сыновей: Вышеславъ, Изяславъ, Мстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Святополкъ, Ярославъ, Всеволодъ, Святославъ, Станиславъ, Позвиздъ и Судиславъ. Откуда составитель таблицъ Календаря взялъ перваго удѣльнаго черниговскаго князя Вячеслава, мы положительно не знаемъ. О смерти этого мнимаго князя въ 1024 г. нигдѣ нѣтъ свѣдѣній. Напротивъ извѣстно, что при Владимірѣ Св. въ Черниговѣ не было удѣла, не было его тамъ до Лиственской битвы, имѣвшей мѣсто дѣйствительно въ 1024 г. Мстиславъ Владиміровичъ былъ первымъ удѣльнымъ княземъ въ Черниговѣ, но и это обособленіе Чернигова было временное, пока былъ живъ

Мстиславъ. Дѣйствительнымъ-же удѣльнымъ княземъ этой области можно признать лишь Святослава Ярославича съ 1054 года. Въ той-же самой „Хронологіи достопамятнѣйшихъ событій края“, изъ которыхъ одно, какъ мы сейчасъ видѣли, оказалось мнимымъ, говорится, что отъ покоренія великимъ княземъ литовскимъ Гедыминомъ всей Южной Руси до настоящаго времени прошло 568 лѣтъ. Слѣдовательно, составитель считаетъ годомъ этого событія 1320-й. Но дѣло въ томъ, что не только дата, но и самое это событіе подвергается въ настоящее время сильному сомнѣнію. Еще раньше на сомнительность этого факта указывалъ Карамзинъ, а въ настоящее время фиктивность его положительна доказана В. Б. Антоновичемъ въ его „Очеркѣ исторіи В. Княжества Литовскаго“. Думаемъ, что этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы возбудить недовѣріе къ историческимъ таблицамъ Черниговскаго Календаря. Укажемъ еще въ заключеніе, что первой супругой царя Алексѣя Михайловича была Марья Ильинична Милославская, а Евдокія Лопухина была первой женой Императора Петра Великаго. Теперь спрашивается, какую-же пользу могутъ принести читающей публикѣ всѣ подобныя перечисленія? Вмѣсто указанныхъ перечней несравненно полезнѣе было бы составить историко-біографическіе очерки выдающихся чернигово-сѣверскихъ князей, а для временъ позднѣйшихъ историческіе очерки по отдѣльнымъ эпохамъ. Размѣщая эти біографіи и очерки въ хронологическомъ порядкѣ, можно было бы дать мѣстной читающей публикѣ довольно живое и полное изображеніе исторіи черниговской губерніи. Мы уже сказали, что въ подборѣ историческаго матеріала въ III отдѣлѣ Календаря не видно никакой руководящей идеи. Такъ, рядомъ съ указанными таблицами историческихъ лицъ и событій стоятъ: „Столѣтіе Черниговской городской Думы“, „Посѣщеніе Высочайшими Особами Чернигова и черниговской губерніи“, „Черниговскіе купцы въ 1791 году“. Говоря все это, мы не отрицаемъ, что каждая изъ перечисленныхъ статей имѣетъ нѣкоторый интересъ. Статьи, указанныя нами, принадлежатъ г. Тищинскому, который воспользовался при ихъ составленіи небольшимъ количествомъ неизданнаго матеріала. Совершенно особо нужно поставить трудъ г. Ханенка „Историческое описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей черниговской губерніи“. Не смотря на то, что теперь вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ г. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи“, интересъ работы г. Ханенка не исчезаетъ, какъ по приводимымъ имъ, иногда цѣликомъ, доку-

ментамъ, еще неизданнымъ, такъ и по сообщаемымъ историческимъ преданіямъ и историко-топографическимъ указаніямъ. Неизданные документы, помѣщенные въ „Описаніи“ г. Ханенка, извлечены изъ книгъ генеральнаго слѣдствія Стародубовскаго полку и изъ книгъ актовъ Спасскаго Новгородъ-Сѣверскаго монастыря. Какъ видно изъ ссылокъ автора, напечатанное въ настоящемъ изданіи Черниговскаго Календаря есть продолженіе ранѣе начатаго труда. Поэтому мы не можемъ сказать, чѣмъ руководствовался авторъ при выборѣ мѣстностей для своего „Описанія“. По крайней мѣрѣ изъ настоящей части его работы можно заключить лишь одно, что выборъ вполнѣ зависѣлъ отъ тѣхъ матеріаловъ, которые имѣлись у автора подъ руками. Вслѣдствіе этого получается неполнота труда, значительно убавляющая его значеніе. Но еще болѣе вредитъ г. Ханенку его довѣріе къ источникамъ, находившимся въ его распоряженіи, которое, при полномъ отсутствіи критики, приводитъ его иногда къ грубымъ ошибкамъ. Не можемъ не указать, напримѣръ, на слѣдующее мѣсто въ „Описаніи“ г. Ханенка: „Съ 1098 г. Новгородъ-Сѣверскъ извѣстенъ стольнымъ городомъ Сѣверскаго удѣла, заключавшаго въ себѣ сѣверо-восточную часть нынѣшней черниговской губерніи и города: Путивль, Курскъ, Трубчевскъ и Брянскъ. Удѣльными сѣверскими князьями были: Давидъ Глѣбовичъ (1098—1123), Владиміръ Давидовичъ (1124—1139 г), Изяславъ Давидовичъ (1139—1140 г), Святославъ Ольговичъ (1141—1157), Святославъ Всеволодовичъ (1157—1164), Олегъ Святославичъ (1164—1180), Игорь Святославичъ (1180—1198), Изяславъ Игоревичъ 1223 г. Олегъ Всеволодовичъ“ [1]). Здѣсь почти что ни слово, то ошибка. Брянскъ никогда не принадлежалъ къ Новгородъ-Сѣверскому удѣлу. Этотъ городъ вмѣстѣ съ областью Вятичей постоянно тянулъ къ Чернигову. Стоя на границѣ земли Вятичей, Брянскъ, Мценскъ, Вщинскъ и др. служили тѣми пунктами, откуда черниговскіе князья распространяли и поддерживали свою власть надъ цѣлою областью; поэтому въ этихъ городахъ постоянно были черниговскіе намѣстники. Когда въ 1147 г. Святославъ Ольговичъ изъ Новгорода-Сѣверскаго двинулся въ землю Вятичей, то „выбѣгоша посадничи Володимери Изяславли изъ Вятичь, изъ Бряньска, Мьченьска, и изъ Блеве“... Эти города настолько были связаны съ областью Вятичей, что нѣ-

[1]) Черниговск. календарь, стр. 86.

которое время считали ихъ городами Вятицкими [1]), конечно неправильно. Они были городами черниговскими, но дѣйствительно очень близко примыкали къ землѣ племени Вятичей. А эта земля всегда тянула къ Чернигову, и князья черниговскіе называютъ ее своею отчиной, отчиною черниговскою [2]). Далѣе. Давидъ Святославичъ (а не Глѣбовичъ, какъ говоритъ г. Ханенко) никогда не былъ княземъ Новгорода-Сѣверскаго, а послѣ Любецкаго съѣзда, т. е. 1097 г., сидитъ въ Черниговѣ; первымъ удѣльнымъ княземъ Новгорода-Сѣверскаго былъ знаменитый Олегъ Святославичъ, также по Любецкому постановленію 1097 г. За нимъ былъ Всеволодъ Ольговичъ (сынъ Олега) съ 1115 г. по 1128 г., когда онъ прогналъ своего дядю Ярослава изъ Чернигова. Семейство Давидовичей только единственный разъ на весьма короткій срокъ попадаетъ въ Новгородъ-Сѣверскій, когда Всеволодъ Ольговичъ дѣлается черниговскимъ княземъ. Затѣмъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ мы видимъ Святослава Ольговича (1138—1154 и вторично 1155—1158 г), Святослава Всеволодовича (1158—1164 г), Олега Святославича (1164—1180 г), Игоря Святославича (1180—1198); послѣдній, вполнѣ извѣстный намъ по лѣтописи князь, былъ Изяславъ Владиміровичъ, сынъ Владиміра Игоревича. Неизвѣстно, когда умеръ послѣдній, ибо послѣ погрома Игоревичей въ Галичѣ въ 1211 г. онъ больше не упоминается. Что касается Изяслава Владиміровича, то послѣднее упоминаніе о немъ мы находимъ подъ 1255 годомъ, по хронологіи Ипатьевской лѣтописи [3]).

Мы не приводимъ всѣхъ ссылокъ въ подтвержденіе вѣрности всего нами сказаннаго и рекомендуемъ обратиться составителю разбираемаго „Описанія“ или къ лѣтописи, или къ обработаннымъ сочиненіямъ, хотя бы къ Исторіи Россіи Соловьева.

Вообще историческій отдѣлъ Черниговскаго Календаря производитъ грустное впечатлѣніе; между тѣмъ въ Черниговѣ навѣрное могутъ найтись люди, способные дать для мѣстнаго календаря и общеинтересныя, и въ научномъ отношеніи удовлетворительныя статьи.

---

[1]) См. напр. Церковно-историч. изслѣдованіе о древней области Вятичей. Чтенія М. Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г. кн. II.

[2]) Ипатьев. лѣт. стр. 222, изд. 1871 г. См. нашу Исторію сѣверской земли до половины XIV ст, стр. 17 и слѣд.

[3]) Стр. 550, изд. 1871 г.

Ѳ. Лашковъ. Сельская община въ Крымскомъ Ханствѣ. Симферополь. 1887 года.

Вопросъ о сельской общинѣ породилъ огромную литературу, какъ у насъ, такъ и на западѣ; г. Лашковъ своимъ изслѣдованіемъ вноситъ въ нее новый цѣнный вкладъ по вопросу о происхожденіи нашей общины. Трудъ этотъ состоитъ изъ трехъ главъ: 1) данныя объ общинномъ землевладѣніи въ Крымскомъ ханствѣ, 2) изслѣдованіе вопроса по даннымъ объ общинномъ землевладѣніи въ Крымскомъ ханствѣ и 3) заключеніе: о родовомъ устройствѣ тюрковъ и монголо-татаръ и происхожденіе джемаата. Данныя, приводимыя г. Лашковымъ въ I главѣ, имѣютъ по нашему мнѣнію весьма важное значеніе. Въ русской наукѣ, какъ по обилію написаннаго, такъ и по своей запутанности, вопросъ о сельской общинѣ можетъ стать рядомъ развѣ съ вопросомъ о происхожденіи русскаго государства, съ которымъ онъ тѣсно связанъ по существу. Онъ, какъ и всякій сложный вопросъ, совмѣщаетъ въ себѣ множество мелкихъ подробностей, безъ уясненія которыхъ невозможно прійти къ правильному рѣшенію. А между тѣмъ всѣ детали разработывались далеко не систематически, вслѣдствіе чего сторонники той или другой теоріи нерѣдко прибѣгаютъ къ натяжкамъ. Такъ, явился фиктивный родъ [1]), пришлось объяснять разрушеніе родоваго быта у русскихъ славянъ столкновеніемъ съ финнами и латышами [2]). Путаница увеличивается еще отъ того, что данныя для подтвержденія или опроверженія того или иного положенія берутся изъ разныхъ эпохъ, изъ разныхъ мѣстностей, причемъ не принимается въ соображеніе ни характеръ, ни историческія обстоятельства, при которыхъ складывалась мѣстная жизнь; одни совершенно игнорируютъ сравнительный методъ, другіе пользуются имъ черезчуръ широко; къ тому же мы имѣли до сихъ поръ весьма мало данныхъ о нашей древней общинѣ. Изслѣдованіе г. Лашкова пополняетъ по нашему мнѣнію этотъ пробѣлъ. Свѣдѣнія объ общинѣ въ Крымскомъ ханствѣ извлечены изъ кадіэскерскихъ, или такъ называемыхъ вотчинныхъ книгъ на право владѣнія землями въ Крымскомъ ханствѣ и передачи ихъ, 1017—1195 г. отъ эгиры (1608—1781 г. по Р. Х), хранящихся въ симферопольскомъ архивѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Въ этихъ

[1]) См. *Очеркъ внутренн. исторіи Пскова*, Никитскаго. Введеніе.

[2]) См. отвѣтъ Бѣляева Чичерину въ „Русск. Бесѣдѣ". 1856 г.

кадіэскерскихъ книгахъ кадіями, состоявшими, по ихъ собственному выраженію, при разныхъ ханахъ, начиная отъ Джанибекъ-Гирей-хана и кончая послѣднимъ Шагинъ-Гиреемъ, послѣдовательно записывались разные акты: продажныя записи, раздѣльные акты, завѣщанія, судейскія рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ и отчасти уголовнымъ, даже ханскіе ярлыки въ копіяхъ. Когда въ 1797 году была открыта первая слѣдственная коммиссія при Императорѣ Павлѣ, эти книги были потребованы ею для рѣшенія поземельныхъ споровъ въ Крыму и опредѣленія повинностей. Но за смертью Павла Петровича коммиссія прекратила свое существованіе, не начавъ даже дѣйствовать. Вскорѣ эти книги поступили въ новую коммиссію, учрежденную по тому же вопросу и начавшую дѣйствовать въ 1802 г. Но и здѣсь не съумѣли воспользоваться кадіэскерскими книгами и сдали ихъ въ архивъ[1]). Изъ этихъ-то книгъ оказывается, что въ ряду владѣльческихъ единицъ преобладала *коллективная землевладѣльческая единица, деревенская община „джемаатъ“* или *„эхали“*. Извлеченія сдѣланы г. Лашковымъ изъ 24 актовъ. Приведемъ два-три изъ нихъ, наиболѣе выдающихся.

Въ 1669 году представители „джемаата“ деревни Карачора-Мевли заявили претензію на джемаатъ деревни Нургельди въ томъ, что *хлѣбопахатныя и выгонныя земли* (слѣдуютъ границы) были *въ общемъ пользованіи* джемаатовъ обѣихъ указанныхъ деревень, а теперь джемаатъ деревни Нургельди устраняетъ джемаатъ деревни Карачора-Мевли отъ пользованія *пастбищными землями*. На это джемаатъ деревни Нургельди заявилъ, что между обоими джемаатами произошелъ раздѣлъ, послѣ котораго джемаатъ деревни Карачоры обработывалъ *всѣ свои паи*, а джемаатъ Нургельди часть обработалъ, а часть оставилъ подъ свои пастбища. Спрошены были свидѣтели и было постановлено: земли, находящіяся на западной сторонѣ границы, считать *личною собственностью* („махсусъ“) *джемаата Нургельди*“. Такимъ образомъ, община является здѣсь личнымъ собственникомъ; мало того, отсюда же мы узнаемъ, что въ общинномъ владѣніи были не только пастбища и выгоны, но и пахатная земля; что земля была въ общемъ владѣніи какъ у отдѣльныхъ джемаатовъ-общинъ, такъ и между нѣсколькими джемаатами вмѣстѣ. Мы не приводимъ выписокъ относительно общиннаго пользованія лѣсомъ, колодцемъ, и не присоединяемъ къ

[1]) Лашковъ, стр. 3.

вышеприведенному другихъ свидѣтельствъ объ общинной пахати: желающіе могутъ найти все это въ самомъ трудѣ г. Лашкова. Вмѣсто этого мы укажемъ еще данныя, извлеченныя авторомъ изъ другихъ документовъ. „Въ первыхъ числахъ Мухарема 1067 г. (1657 г. по Р. Х) кадіэскеръ Мегметъ Аджи *приговорилъ джемаатъ* (общину) *деревни* Шибанъ, Насыфъ-Таманскаго кадалыка *къ діэту* (пенѣ) *за найденный близъ деревни трупъ убитаго человѣка.* Въ томъ же году тотъ же кадіэскеръ слушалъ жалобу владѣлицы Загиде о томъ, что ея рабъ, козакъ Семенъ, найденъ убитымъ на берегу рѣки Салгира. Джемааты (общины) деревень, расположенныхъ по рѣкѣ Салгиру, согласились уплатить владѣлицѣ діэтъ по 24 акча съ каждаго изъ 180 дворовъ за найденный *на ихъ землѣ* трупъ. Еще одинъ интересный фактъ: въ числѣ мѣръ, которыми размежевывалась земля *на паи*, является *арканъ*.

Общеизвѣстна статья Лашкова „Общирный бытъ древней Россіи“ [1]). Въ этомъ капитальномъ трудѣ посредствомъ цѣлаго ряда остроумныхъ соображеній авторъ приходитъ къ выводу, что наша древняя община въ эпоху Русской Правды (а стало быть и до нея) была земельно-хозяйственной единицей, то есть, была личнымъ собственникомъ земли, распредѣляла землю между своими членами. Въ указанномъ законодательномъ памятникѣ есть нѣсколько мѣстъ, указывающихъ на общину-вервь, какъ на юридическое лицо съ административнымъ значеніемъ. Приведемъ самое важное изъ показаній Русской Правды: „Аще кто убіеть княжа моужа въ разбои, а головника не ищуть, то вервьвную платити въ чей же верви голова лежить...“ [2]). Вервь платитъ за убійство, если голова убитаго лежитъ на землѣ этой верви. „Законъ Правды“, говоритъ г. Лашковъ, „относитъ преступленіе къ извѣстному географическому пространству и уже посредствомъ этого пространства обращается къ людямъ, къ верви. Слѣдовательно, вервь сама должна быть въ извѣстномъ опредѣленномъ пространствѣ, сама должна быть связана съ землею, должна состоять изъ населенія извѣстнаго мѣста“ [3]). Вотъ основаніе, изъ котораго выходитъ г. Лашковъ. Мы думаемъ, что данныя, приведенныя нами изъ изслѣдованія г. Лашкова, вполнѣ оправдываютъ

---

[1]) Напечатана въ Ж. М. Н. Пр. Ч. XLI.

[2]) Христоматія Буданова, в. I, стр. 36, см. также Калачова „Предварительныя юридич. изслѣдованія“, в. I, стр. 185—6

[3]) Ж. М. Н. Пр. ч. XCI, стр. 109.

этотъ способъ доказательства и подтверждаютъ выводы автора. Община крымская восходитъ несомнѣнно своимъ возникновеніемъ къ глубокой древности, ибо, какъ мы сейчасъ увидимъ, историческія условія, въ какихъ очутилась она съ половины XIII столѣтія, не могли способствовать ея образованію, а должны были дѣйствовать совершенно обратно. И вотъ въ этой общинѣ мы находимъ *дикую виру*; единицей мѣры въ этой общинѣ, какъ у насъ въ древности (да и не у насъ только), была вервь—веревка, откуда и община получила названіе верви, служилъ *аркань*, что въ переводѣ означаетъ ту же вервь; и неразрывно съ этими двумя чертами общиннаго быта связано тутъ общее владѣніе землею, пахатью, съ передѣлами полей пахатныхъ и выгонныхъ. Сказаннаго, намъ кажется, вполнѣ достаточно. Но значеніе приведенныхъ данныхъ этимъ не ограничивается. Въ русской наукѣ существуетъ теорія искуственнаго происхожденія современной сельской общины. Главой этой теоріи является Чичеринъ [1]). По недостатку мѣста мы не можемъ дать полнаго разбора этой теоріи. Напомнимъ лишь два основныхъ положенія г. Чичерина. „Наша сельская община вовсе не патріархальная, не родовая, а *государственная; она не образовалась сама собою изъ естественнаго союза людей, а устроена правительствомъ* подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ". „Средневѣковыя общинныя учрежденія не имѣли ничего сходнаго съ нынѣшними: *тогда не было ни общиннаго владѣнія землею,* ни ограниченія права наслѣдства отдѣльныхъ членовъ, *ни передѣла земель*, ни ограниченія права перехода на другія мѣста, ни соединенія земледѣльцевъ въ большія села, ни внутренняго суда и расправы, ни общинной полиціи, ни общинныхъ хозяйственныхъ учрежденій". Тутъ пришлось бы возражать противъ каждаго слова. Скажемъ только, чо приведенныя нами выше данныя совсѣмъ подрываютъ основу втораго положенія, ибо вся суть здѣсь въ томъ, было ли общинное землевладѣніе, были ли передѣлы. Намъ могутъ сказать, что крымская община „сама по себѣ", а наша тоже „особая статья". Мы беремъ не крымскую общину, а нашу древнюю вервь, и лишь данными о первой подкрѣпляемъ выводы, сдѣланные г. Лашковымъ въ его статьѣ „Общинный бытъ въ древней Россіи". Наша вервь, гово-

[1]) См. его статью: „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи" и „Еще о сельской общинѣ" въ „Опытахъ по исторіи русскаго права". М. 1858 г.

римъ мы, имѣла все то, что отрицаетъ г. Чичеринъ. Желая главнымъ образомъ выяснить значеніе новыхъ данныхъ, приводимыхъ въ изслѣдованіи г. Лашкова, мы не указываемъ на массу фактовъ о сельской общинѣ, собранныхъ въ статьяхъ по этому вопросу, помѣщавшихся въ нашихъ журналахъ, въ трудахъ Мэна, Поля Віоле, Нассе и др. А всѣ эти факты, будучи сопоставлены между собою, даютъ полное право видѣть въ нашихъ сѣверныхъ общинахъ бытовую форму глубокой древности. Если мы не находимъ достаточно ясныхъ указаній на всѣ подобные факты въ нашей средней исторіи, то это объясняется только тѣмъ, что въ этомъ періодѣ всѣ обстоятельства содѣйствовали уничтоженію и ослабленію нашей древсельской общины—верви. Когда съ собраніемъ государства правительство пришло къ сознанію необходимости улучшить административный порядокъ и государственное хозяйство, то оно вызвало къ жизни лишь старыя учрежденія и подняло нашу древнюю ослабѣвшую было общину. Въ доказательство правительственнаго происхожденія современной русской сельской общины приводится между прочимъ тотъ фактъ, будто въ Малороссіи до введенія великорусскихъ государственныхъ учрежденій были только частные собственники, что у козаковъ никогда не было общиннаго землевладѣнія, что въ Малороссіи никогда не было и слѣдовъ общиннаго порядка. Но статья покойнаго профессора Иванишева [1]) доказывала, что послѣднее положеніе не вѣрно, а матеріалы, изданные въ послѣднее время И. В. Лучицкимъ, подрываютъ и остальныя положенія Чичерина [2]). Является теперь вопросъ: крымская сельская община, со всѣми тѣми чертами быта, которыя нами указаны, является тоже созданіемъ правительства, уже конечно не московскаго, а ханскаго, магометанскаго? Оказывается совсѣмъ иное. Вотъ что мы находимъ по этому поводу въ изслѣдованіи г. Лашкова. „Въ Крымскомъ ханствѣ, какъ и во всякомъ другомъ мусульманскомъ государствѣ, землевладѣніе должно опредѣляться тѣми правилами, которыя вытекаютъ изъ ученія Корана и имамовъ. Пророкъ сказалъ: тотъ, кто оживляетъ мертвую землю, тотъ и обладаетъ ею, и каждый изъ правовѣрныхъ, распахивая извѣстный кусокъ земли и не переставая его обработывать,

[1]) См. его статью „О древнихъ сельскихъ общинахъ“ въ полномъ собраніи сочиненій; раньше она была помѣщена въ Русск. Бесѣдѣ за 1857 г.

[2]) Матеріалы для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. См. акты №№ 57, 58, 59 и дополненія № 16.

смотрѣлъ на него, какъ на свою личную собственность. Отсюда, уже подъ вліяніемъ этого мусульманскаго ученія, начало личной собственности и появленіе загорожей даже на общинныхъ поляхъ. Такимъ образомъ исламъ внесъ разложеніе общины, а не могъ создать ее. Слѣд. крымская община предшествуетъ своимъ возникновеніемъ печальной эпохѣ водворенія татаръ на Таврическомъ полуостровѣ. Мы думаемъ, что и на Руси община не создана, а есть древняя вервь, пережившая періодъ историческихъ невзгодъ до того времени, когда правительство само начало *возстановлять* общинный бытъ тамъ, гдѣ онъ исчезъ было совсѣмъ.

Мы сказали сейчасъ, что относимъ возникновеніе крымской общины къ періоду до-мусульманскому, или до-татарскому. Это мнѣніе само собой вытекаетъ изъ приведенныхъ фактовъ объ отношеніи мусульманскаго законодательства къ вопросу о землевладѣніи. И въ Индіи, и въ Турціи, гдѣ сохранились черты общиннаго быта, очевидно происхожденіе и развитіе общины относится къ глубокой древности, къ до-мусульманскому періоду. Татары, явившись въ Крымъ, очевидно застали уже тамъ общинный бытъ и усвоили себѣ его формы, какъ готовыя. Эта община туземцевъ, какъ древняя форма жизни, и могла бороться съ новыми мусульманскими понятіями, совершенно чуждыми ей, могла бороться съ ними только какъ старое учрежденіе, пустившее въ странѣ глубокіе корни. Несомнѣненъ тотъ фактъ, что теперешніе татары въ Крыму далеко не всѣ потомки завоевателей, а потомки отатарившихся другихъ національностей: грековъ, хозаръ, славянъ, готовъ. Пребываніе въ Крыму всѣхъ этихъ племенъ неопровержимо. Не забудемъ, напр., того факта, что готы, чистые германцы, въ XVIII ст. говорятъ на татарскомъ языкѣ, на которомъ совершается и богослуженіе. Въ заключеніе не можемъ не высказать желанія скорѣйшаго выхода въ свѣтъ кадіэскерскихъ книгъ онѣ несомнѣнно прольютъ обильный свѣтъ на многіе темные вопросы

Линниченко. Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси (Оттискъ изъ „Трудовъ Кіевской дух. Академіи“, декабрь 1886 г.).

Завитневичъ. О мѣстѣ и времени крещенія Св. Владиміра и о годѣ крещенія Кіевлянъ. Кіевъ. 1888 года.

15-го іюля 1888 года вся Россія приготовляется праздновать 900-лѣтній юбилей нашего религіознаго и національнаго просвѣ-

щенія. Тысячелѣтіе этого событія, имѣющаго огромное значеніе въ исторіи всей Европы, исполнится черезъ сто лѣтъ, но мы торопимся принять участіе въ празднованіи, не желая уступить эту честь однимъ людямъ XX столѣтія. Какъ теперь, такъ и тогда, когда насъ уже не будетъ, центромъ празднованія долженъ быть Кіевъ. Это понятно само собой. Понятно также и то, и вполнѣ естественно, что людямъ кіевскимъ выпадаетъ на долю собрать всѣ данныя о событіи, память котораго будетъ праздноваться, очистить всѣ дошедшія до насъ извѣстія путемъ строгой научно-исторической критики и представить ходъ дѣла въ его по возможности дѣйствительномъ видѣ. Всякое новое соображеніе, новое сообщеніе должно возбуждать глубокій интересъ, конечно, прежде всего у историка, а потомъ черезъ него и у публики. Вотъ почему критика не имѣетъ права упустить изъ виду и двухъ недавно вышедшихъ брошюръ по вопросу о крещеніи, заглавіе которыхъ мы выписали выше.

Трудъ И. А. Линниченка весьма интересенъ, какъ знакомящій съ положеніемъ вопроса о крещеніи Руси въ русской исторической литературѣ. Авторъ не останавливается на работахъ ни преосвящ. Макарія, ни Карамзина, ни Соловьева. Онъ начинаетъ свой обзоръ съ сочиненія профессора Голубинскаго „Исторія Русской Церкви“. Выходъ въ свѣтъ послѣдняго труда составляетъ эпоху въ нашей исторической наукѣ, какъ по массѣ собраннаго матеріала, такъ особенно по глубинѣ анализа источниковъ и установленію новаго взгляда на многіе факты не только церковной, но и вообще русской исторіи. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ мнѣній ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о крещеніи Руси въ послѣднее время. Къ числу ихъ принадлежатъ И. И. Малышевскій, писавшій по порученію Академіи Наукъ разборъ сочиненія г. Голубинскаго, баронъ Розенъ, издавшій капитальный трудъ: „Императоръ Василій Болгоробойца. Извлеченіе изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго“, В. Г. Васильевскій, въ Русско-Византійскихъ отрывкахъ (Ж. М. Н. Пр. 1876 г) и наконецъ Ѳ. И. Успенскій, сдѣлавшій разборъ указаннаго выше изданія барона Розена [1]). И. А. Линниченко не имѣетъ цѣлью рѣшить вопросъ о времени крещенія Руси окончательно. Онъ очень искусно группируетъ мнѣнія всѣхъ этихъ ученыхъ, дѣлаетъ ихъ оцѣнку, сопоставляя ихъ между собою, но не перерѣшаетъ, такъ сказать, вопроса на основаніи источниковъ первой руки, хотя и высказываетъ

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1884 г.

свои личныя соображенія по той или иной детали вопроса; съ нѣкоторыми изъ нихъ нельзя не согласиться. Таково соображеніе автора о мѣстѣ крещенія Владиміра Св., отчасти о причинахъ похода на Корсунь, о причинахъ принятія христіанства. Оспаривать нѣкоторыя мнѣнія автора, съ коими мы не согласны, въ настоящее время у насъ нѣтъ возможности, ибо это повлекло бы за собою общій пересмотръ всего вопроса, что̀ мы надѣемся сдѣлать особо въ непродолжительномъ времени. Здѣсь мы позволяемъ себѣ остановиться лишь на одномъ фактѣ изъ времени княженія Владиміра Св., именно на его болгарскомъ походѣ. Какъ авторъ, надѣемся, самъ согласится, не существуетъ положительныхъ данныхъ о направленіи этого похода. Извѣстія лѣтописей Ипатьевской и Лаврентьевской не даютъ ничего опредѣленнаго. Сообщеніемъ Яхъи также трудно что-нибудь выяснить, ибо оно само подлежитъ еще разбору. Извѣстіе лѣтописи о походѣ въ „ладьяхъ“ ничего не говоритъ ни за, ни противъ. Вѣдь нельзя отрицать достовѣрности извѣстія арабскаго писателя Ибнъ-Хаукаля о походѣ Святослава на волжскихъ болгаръ и о разореніи имъ Великаго города[1]). Этотъ походъ могъ быть предпринятъ не иначе, какъ *на ладьяхъ*, чрезъ Днѣпръ и Волгу. Почему-же Владиміръ Св. не могъ сдѣлать того же? Далѣе. Автору для доказательства своего мнѣнія необходимо сначала опровергнуть мое положеніе о тождествѣ узовъ и торковъ, извѣстіе Массуди о томъ, что узы жили въ X в. еще между Дономъ и Волгой. Автору извѣстно также весьма хорошо, что торки у береговъ Днѣпра являются лишь тогда, когда печенѣги очистили южно-русскія степи, а это случилось лишь въ 30-хъ годахъ XI столѣтія[2]). Какъ кажется, авторъ представляетъ себѣ дѣло нѣсколько въ странномъ видѣ, что ладьи съ войсками ѣхали по рѣкѣ, а торки на коняхъ непріязненно слѣдовали по берегу той же рѣки, чуть не рядомъ съ флотиліей. „Приведе“—вовсе не означаетъ, что Владиміръ Св. вмѣстѣ съ собой привелъ ихъ. Тутъ дѣло происходило точно такъ, какъ въ 1184 году во время похода на волжскихъ болгаръ Всеволода Юрьевича[3]). Въ этотъ разъ половцы пришли съ низовья рѣки Волги, а въ 986 году *то же самое, вполнѣ точно такъ же* сдѣлали торки,

---

[1]) Гаркави, Мусульм. писатели. Стр. 219. См. Григорьева, Россія и Азія.

[2]) См. нашу работу: Печенѣги, Торки и Половцы, глава II и III.

[3]) Лавр. Лѣтоп. стр. 369. изд. 1872 г.

жившіе между Дономъ и Волгою. Разница лишь въ одномъ, что половцы пришли на помощь Всеволоду неожиданно для него самого, а торки пришли по заранѣе сдѣланному соглашенію съ Владиміромъ Св. Первые и вторые пришли по берегу. Если мѣстность позволяла это сдѣлать въ 1184 г. половцамъ, то отчего же она вдругъ не допустила бы этого въ 986 году? Надѣюсь, И. А. Линниченко согласится, что въ рядѣ нашихъ возраженій нѣтъ никакой натяжки, ни искуственности: факты бьютъ въ глаза своей аналогіей. Если мы теперь обратимся къ нѣкоторымъ другимъ свѣдѣніямъ, то они, мало имѣя силы сами по себѣ, оказываются довольно вѣскими въ связи со всѣмъ нами сказаннымъ раньше. Въ Никоновской лѣтописи читаемъ: „иде Володимеръ на Болгары *Низовскіа*“...[1]). У Іакова Мниха: „...и Ятьвягы взя, и *сребряныя Болгары* побѣди и на Козары шедъ побѣди я и дань на нихъ положи“[2]). Такъ сказано въ четырехъ спискахъ „Похвалы“. Если же мы захотимъ доказывать, что Владиміръ Св. ходилъ на болгаръ дунайскихъ, то намъ придется имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ: „*можно предположить*“, что дѣйствительно и происходитъ въ объясненіяхъ факта болгарскаго посольства къ Владиміру Св. Намъ кажется, что обмѣнъ посольствъ между Болгаріей дунайской и Кіевомъ несомнѣнно существовалъ, и что походъ Владиміра Св. въ 986 году не можетъ имѣть въ этомъ вопросѣ особеннаго значенія. Возвращаясь снова къ труду И. А. Линниченка, мы должны прибавить, что онъ чуждъ всякой полемики и запечатлѣнъ тономъ научной объективности; благодаря этому и искусной группировкѣ фактовъ, брошюра эта можетъ быть съ интересомъ и съ пользою прочтена не только спеціалистомъ, но и всякимъ, кто заинтересуется приближающимся великимъ праздникомъ.

Совершенно инымъ характеромъ отличается брошюра, заглавіе которой мы выписали вторымъ. Заключающаяся въ ней статья вполнѣ полемическая. Вся она отъ первой до послѣдней страницы проникнута глубокой вѣрой автора въ непогрѣшимость своего мнѣнія и написана весьма горячо. Мы вполнѣ понимаемъ эту горячность, вызванную ироническимъ отношеніемъ къ послѣднимъ научнымъ трудамъ по вопросу о времени крещенія Руси со стороны автора статьи:

---

[1]) П. С. Р. Л. т. IX, стр. 42.

[2]) Цитируемъ „Похвалу“ по изданію г. Голубинскаго, Исторія Рус. Церкви, т., I, ч. 1, стр. 213.

„Когда и гдѣ совершилось крещеніе Кіевлянъ при Св. Владимірѣ“, помѣщенной въ сентябрской книжкѣ Кіевской Старины за 1887 г. Понимая вполнѣ уважаемаго автора разбираемой брошюры и сочувствуя ему въ его негодованіи, мы не можемъ однако не сказать, что рѣзкій тонъ, переходящій иногда въ насмѣшку, не можетъ выяснить дѣла, а напротивъ скорѣе способенъ еще болѣе затемнить его. Мы думаемъ, что полезнѣе было бы произвести анализъ источниковъ и прійти къ какому-нибудь опредѣленному выводу. Разъ задавшись полемическими цѣлями, авторъ въ самомъ началѣ дѣлаетъ ложный шагъ. „Задача историка“, говоритъ онъ, „не въ томъ, чтобы примирить непримиримое, а въ томъ, чтобы установить твердый критерій, при помощи котораго можно было бы рѣшить, что въ показаніяхъ даннаго писателя можетъ быть принято и что должно быть отвергнуто. *Установить такой критерій въ разсматриваемомъ нами случаѣ весьма не трудно.* Подъ „даннымъ писателемъ“ авторъ разумѣетъ лѣтописца. Что же думаетъ положить онъ въ основу своей критики? Изъ писателей, оставившихъ намъ свѣдѣнія по разсматриваемому вопросу“ говоритъ г. Завитневичъ, „первое мѣсто, конечно, должно быть отведено двумъ русскимъ: Іакову Мниху, написавшему „Похвалу“ князю Владиміру, и „Сказаніе страстей и похвала объ убіеніи Святую мученику Бориса и Глѣба“, преподобному Нестору Печерскому, написавшему „Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба“. „Ясно, говоритъ далѣе авторъ, что изслѣдователь, желающій узнать настоящую историческую правду, показанія этихъ писателей долженъ положить въ основаніе своихъ розысканій и на основаніи ихъ, на сколько это возможно, производить оцѣнку и провѣрку извѣстій другихъ писателей“. Такимъ образомъ, авторъ принимаетъ за аксіому непогрѣшимость извѣстій Іакова Мниха и Нестора. На какомъ же основаніи? „По общему мнѣнію всѣхъ ученыхъ“, говоритъ г. Завитневичъ, „оба эти писателя, какъ лица, ближайшія по своей жизни ко времени Владиміра Св. (оба современники сына его Ярослава), имѣли полную возможность знать истину и не имѣли никакого повода *намѣренно* искажать её“. Все это далеко не убѣдительно. Если авторъ имѣлъ въ виду доказать нелѣпость вышеуказанной статьи, опровергнуть положенія ея автора, то ему нельзя было ограничиться такимъ общимъ выраженіемъ: „по общему мнѣнію всѣхъ ученыхъ“. Въ этомъ голословномъ доказательствѣ слышится преувеличенная самоувѣренность человѣка науки. Вѣдь наука не останавливается, а непрерывно движется, по-

чему у читателя невольно должна явиться мысль: а можетъ быть у автора статьи, помѣщенной въ „Кіевской Старинѣ", есть какіе-нибудь сильные аргументы противъ достовѣрности извѣстій Іакова Мниха и Нестора? Вотъ почему, намъ кажется, г. Завитневичу необходимо было привести эти мнѣнія ученыхъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ссылки. У автора нѣтъ ни того, ни другаго. А вѣдь ему хорошо извѣстно, что даже самая личность Іакова Мниха опредѣлена не категорически, а лишь съ довольно вѣроятнымъ приближеніемъ. Итакъ, ограничиваясь даже только полемическими цѣлями, нельзя признать способъ доказательства автора вполнѣ удачнымъ. Если же мы поставимъ главною цѣлью рѣшеніе вопроса, то подобный методъ оказывается не только не цѣлесообразнымъ, но положительно вреднымъ. Автору разбираемой нами брошюры необходимо было сдѣлать самостоятельный анализъ данныхъ, находимыхъ у Іакова Мниха и у Нестора. Онъ упустилъ изъ виду то простое обстоятельство, что эти писатели могли не искажать фактовъ *намѣренно*, но вполнѣ могли допустить извращеніе событій *ненамѣренно*. Это нужно выяснить, а между тѣмъ авторъ этого не дѣлаетъ, признавая абсолютную достовѣрность показаній русскихъ источниковъ. Приведши данныя изъ Іакова Мниха и Нестора, не подвергая ихъ совершенно критикѣ, принимая ихъ цѣликомъ, авторъ сразу говоритъ: „и такъ, по показанію заслуживающихъ полнаго довѣрія писателей, Св. Владиміръ, крестившись въ 987 году, въ слѣдующемъ 988 году ходилъ къ порогамъ, а въ 989 году взялъ городъ Корсунь. *Твердо установивъ хронологическую дату* упомянутыхъ трехъ фактовъ"..., авторъ обращается къ разбору другихъ источниковъ. Для чего же? Вѣдь вопросъ уже рѣшенъ „*твердо*", а стало быть дальнѣйшее изслѣдованіе ненужно. Къ несчастью, авторъ и держится такого взгляда. Онъ обращается къ другимъ источникамъ не для того, чтобы подвергнуть критикѣ сообщенія Іакова Мниха и Нестора, а лишь *для разъясненія смысла событій*[1]), о которыхъ говорятъ два приведенные писателя. Авторъ не допускаетъ и мысли, чтобы другіе источники могли послужить для провѣрки данныхъ Іакова Мниха и Нестора. Эти источники могутъ играть, по мнѣнію автора, лишь служебную роль. Іаковъ Мнихъ и Несторъ—авторитеты. Если авторъ взглянетъ на дѣло съ точки

[1]) Собственное выраженіе автора.

зрѣнія научной критики, то, надѣемся, согласится съ нами, что „*твердости даты*“ тутъ нѣтъ никакой. Читатель узнаетъ только, что Іаковъ Мнихъ и Несторъ говорятъ такъ, что авторъ вѣритъ имъ безусловно, и, какъ хотите, больше ровно ничего. Благодаря такому взгляду на источники, рѣшеніе вопроса, которое должно было-бы, какъ summa summarum, быть въ самомъ концѣ изслѣдованія, является на его первыхъ страницахъ. При такомъ отношеніи къ источникамъ, вопросъ не рѣшается на основаніи строгаго анализа всей совокупности данныхъ, а предрѣшается на основаніи недоказаннаго авторитета одного источника при самомъ началѣ изслѣдованія. Анализъ невозможенъ, ибо вводится по отношенію къ источникамъ знаменитое: „αὐτὸς ἔφα“. Намъ кажется, и надѣемся, съ нами согласятся и другіе, что такое отношеніе историка къ своимъ источникамъ не можетъ никакимъ образомъ соотвѣтствовать требованіямъ современной научно-исторической критики. Ложный методъ помѣшалъ автору отнестись критически къ остальнымъ источникамъ по данному вопросу. Г. З—ъ въ самомъ началѣ своего труда выставляетъ на видъ, что задача историка не въ примиреніи непримиримаго, а самъ дѣлаетъ то же самое съ тою только разницею, что старается уяснить и примирить между собою показанія не всѣхъ источниковъ путемъ строгаго анализа каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, но примирить всѣ источники съ однимъ. Мы беремъ на себя смѣлость сказать, что послѣ вывода на первыхъ же страницахъ изслѣдованія, далѣе въ трудѣ уважаемаго автора идетъ, можетъ быть незамѣтно для него самого, не анализъ данныхъ, сообщаемыхъ другими писателями, а подтягиваніе ихъ подъ авторитетъ Іакова Мниха и Нестора. Если прочесть извѣстія Яхъи Антіохійскаго безъ предвзятой мысли, то окажется, что изъ него можно извлечь данныя и для подтвержденія разсказа лѣтописи, но подъ вліяніемъ господствующей у автора мысли о непогрѣшимости показаній Іакова Мниха и Нестора, авторъ толкуетъ извѣстія Яхъ и въ одну сторону, стараясь найти въ нихъ подтвержденіе разсказа Іакова Мниха. Происходитъ не анализъ этого источника, а такой процессъ: Яхъю Антіохійскаго можно понимать и такъ и иначе, но разъ Іаковъ Мнихъ говоритъ такъ, то и Яхъю Антіохійскаго должно понимать точно такъ же. Далѣе. Авторъ почти не придаетъ никакого или придаетъ лишь второстепенное значеніе византійскимъ источникамъ. Вслѣдствіе этого онъ приводитъ только цитаты изъ Зонары, Кедрена и Пселла по сочиненію В.Г. Васильевскаго,

но не анализируетъ разсказа этихъ писателей въ цѣломъ видѣ. Впрочемъ даже и эти цитаты, не будь у автора заранѣе готоваго рѣшенія, могутъ сказать, по нашему мнѣнію, нѣсколько иное, чѣмъ то, что желаетъ видѣть авторъ. Точно такое же отношеніе мы видимъ со стороны автора и къ Ибнъ-ель-Атиру, извѣстіе котораго, не имѣя значенія, можетъ быть, въ буквальномъ смыслѣ, не должно быть отвергаемо безусловно. Мы говоримъ о неправильности метода автора, о невозможности найти такимъ путемъ истину. Мы не соглашаемся поэтому и съ сдѣланными имъ выводами. Опроверженіе послѣднихъ требуетъ полнаго пересмотра вопроса, на что въ данный моментъ мы не имѣемъ ни времени, ни мѣста, будучи ограничены размѣрами журнальной рецензіи. Мы держимся кромѣ того такого мнѣнія, что при опроверженіи чужихъ мнѣній весьма легко самому впасть въ ошибки, что гораздо полезнѣе для дѣла забыть на время о всѣхъ существующихъ мнѣніяхъ и, обезопасивъ себя такимъ способомъ отъ волненія и увлеченій, неразлучныхъ съ полемикой, приняться за источники первой руки, сдѣлать имъ снова строгій допросъ.

П. Голубовскій.

Zbiór wiadomości do antropologji krajowej. Tom XI. Krakow. 1887. Сборникъ свѣдѣній, относящихся къ мѣстной антропологіи. Изданіе Антропологической коммиссіи Краковской академіи наукъ. Томъ XI, Краковъ 1887.

Въ 1874 г Краковская академія наукъ учредила на ряду съ другими своими отдѣлами особую секцію антропологіи. Секція эта вскорѣ устроилась, выработала планъ занятій, занялась собраніемъ нужнаго матеріала и привлекла къ участію въ своихъ трудахъ многихъ спеціалистовъ и значительное количество интеллигентныхъ корреспондентовъ, живущихъ въ разныхъ захолустьяхъ. Въ 1877 году антропологическая коммиссія нашла уже возможнымъ приступить къ изданію своихъ трудовъ; изданіе это она продолжаетъ понынѣ съ замѣчательною аккуратностью, выпуская подъ выше прописаннымъ заглавіемъ по одному тому въ концѣ каждаго года. По плану, выработанному коммиссіею, каждый томъ распадается на 3 части, изъ которыхъ первая посвящена первобытной археологіи, вторая антропологіи въ тѣсномъ смыслѣ, третья этнографіи. Помимо серьезнаго

научнаго достоинства, которымъ отличаются вообще труды краковской коммиссіи, изданія антропологической коммиссіи имѣютъ для насъ спеціальный интересъ по своему содержанію: по составу матеріала, которымъ располагаетъ коммиссія, значительная доля трудовъ ея посвящена территоріи, заселенной русскимъ народомъ. Во всѣхъ томахъ болѣе 50 статей, составляющихъ 40 % всего изданія, относится или къ русской части Галиціи, или къ юго-западному краю. Такъ, въ отдѣлѣ археологіи мы встрѣчаемъ обширные отчеты объ археологическихъ экскурсіяхъ гг. Киркора и Земенцкаго (томы 1, 3, 6, 7, 8 и 10), предпринятыхъ съ цѣлію археологическихъ изысканій и изслѣдованій въ галицкой Подоліи, на берегахъ Днѣстра, Сана, въ Карпатахъ и т. д. Затѣмъ отчеты о многочисленныхъ раскопкахъ, произведенныхъ въ Червоной Руси, Подоліи, въ окрестности Острога, въ уѣздахъ: сквирскомъ и васильковскомъ гг. Радзиминскимъ, Коперницкимъ, Пржыбыславскимъ, Руликовскимъ, Поповскимъ и Болондземъ (т. 1, 2, 3, 4, 6 и 8), изслѣдованій о спеціальныхъ археологическихъ вопросахъ, какъ-то: „О каменныхъ прясличахъ въ бассейнѣ Днѣпра“ Руликовскаго (т. 5), „О металлическихъ зеркалахъ въ украинскихъ курганахъ“ г. Неймана (т. 8), и наконецъ, нѣсколько статей г. Коперницкаго, посвященныхъ изслѣдованію могильныхъ череповъ, добытыхъ при раскопкѣ кургановъ въ Галиціи, Подоліи и на Волыни.

Въ отдѣлѣ собственной антропологіи на первомъ мѣстѣ встрѣчаемъ капитальную работу гг. Мейера и Коперницкаго подъ заглавіемъ: „Физическая характеристика народонаселенія Галиціи (т. 1, 2, 3 и 9). Въ трудѣ этомъ собраны и научно разработаны данныя, добытыя изъ точныхъ наблюденій, произведенныхъ болѣе, чѣмъ надъ 8000 лицъ. Данныя эти сгруппированы по народностямъ и даютъ намъ возможность установить точно антропологическія отличительныя черты поляковъ и русиновъ. Въ наблюденіяхъ гг. Мейера и Коперницкаго обращено вниманіе на слѣдующіе предметы: ростъ, развитіе грудной клѣтки, окраску кожи, волосъ и глазъ, форму волосъ, форму черепа и складъ лица.

Кромѣ этого объемистаго труда, мы встрѣчаемъ нѣсколько менѣе обширныхъ статей, посвященныхъ антропологическимъ признакамъ южно-русскаго населенія. Таковы: статья г. Мейера „Сравненіе физіологической характеристики приднѣпровскихъ южноруссовъ по изслѣдованію Чубинскаго съ характеристикою галицкихъ русиновъ“ (т. 3), статья д-ра Талько-Илговскаго: „Наблюденія надъ

физіологическими явленіями въ организмѣ женщинъ въ звенигородскомъ уѣздѣ кіевской губерніи" и т. п.

Гораздо обильнѣе еще матеріалъ этнографическій, собранный въ предѣлахъ юго-западнаго галицко-русскаго края. Здѣсь мы встрѣчаемъ объемистые сборники всевозможнаго этнографическаго матеріала: пѣсни, преданія, обычаи, вѣрованія, сказки, пословицы, загадки и т. д. Полагаемъ, что достаточно будетъ привести перечень заглавій, статей, чтобы дать понятіе о значительномъ запасѣ матеріала, собраннаго въ этой серіи изданій Краковской академіи. Чаще всего встрѣчаются статьи, содержащія описаніе свадебныхъ обрядовъ и сборники свадебныхъ пѣсенъ; таковы статьи госпожъ: Мошинской, Шаблевской, Ракосовской, Малиновской, Рошкевичъ и Томашевской, а также г. Поповскаго (т. 2, 6, 7 и 10); въ сборникахъ этихъ находимъ подробное описаніе свадебныхъ пѣсенъ изъ окрестностей: Бѣлой Церкви, Винницы, Звягля (Новгородволынска), Збаража, Зличева, Стрыя и Ярославля. Затѣмъ находимъ статьи: г. Жулинскаго „Этнографическій очеркъ Тухальцевъ" [1]) (т. 1), г. Быковскаго „Русскія обрядовыя пѣсни въ окрестностяхъ Пинска": (т. 2), г. Руликовскаго „Этнографическія записки изъ Украины" (т. 3),—весьма интересный и обширный сборникъ преданій, сказокъ, историческихъ воспоминаній, народныхъ миѳовъ, вѣрованій, пріемовъ чародѣйства и народной медицины, заговоровъ, ворожбы, обрядовъ, подробностей быта, пословицъ, загадокъ, пѣсенъ (въ томъ числѣ 2 историческаго содержанія). Дальше слѣдуютъ статьи: г. Подберезскаго „Матеріалы для украинской демонологіи" (т. 4), г-жи Мошинской „Купайло и другіе обряды въ окрестности Бѣлой Церкви" (т. 5), г. Поповскаго „Русскія пѣсни въ с. Залеванщинѣ, винницк. уѣзда" (т. 8), г. Неймана „Этнографическіе матеріалы, собранные въ окрестности Плискова въ липовецкомъ уѣздѣ" (т. 8), весьма обширный, разнообразный и богатый этнографическій матеріалъ, и наконецъ г-жи Мошинской „Народныя сказки и загадки на Украинѣ" (т. 9).

Въ послѣднемъ, XI томѣ изданія мы встрѣчаемъ три статьи, содержаніе которыхъ заимствовано изъ южно-русской территоріи. Въ первомъ, археологическомъ, отдѣлѣ помѣщена статья г. Брезы „О раскопкахъ кургановъ въ селѣ Сѣкиринцахъ острожскаго уѣзда. „Это краткій, но весьма обстоятельный дневникъ раскопки двухъ

[1]) Карпатскіе горцы въ окрестностяхъ города Стрыя.

кургановъ, вскрытыхъ г. Брезою. Курганы заключали въ себѣ 4 скелета ясно долихоцефалическаго типа; судя по зеленой окраскѣ одного изъ нихъ, они должны быть отнесены ко времени, когда уже металлы были извѣстны обитателямъ Волыни. Кромѣ 3 сосудовъ глиняныхъ довольно оригинальной архаической формы, другихъ предметовъ при костякахъ не найдено. Въ одномъ изъ кургановъ лежали два скелета, каждый въ отдѣльной камерѣ, сводообразно выложенной плоскими камнями безъ цемента. Къ статьѣ приложена таблица весьма отчетливо исполненныхъ рисунковъ.

Въ томъ же отдѣлѣ находимъ статью г. Земенцкаго „Отчетъ объ археологической экскурсіи". Экскурсія была предпринята авторомъ въ окрестности Галича; осмотрѣвъ эти окрестности г. Земенцкій описываетъ найденные имъ древнія городища и сообщаетъ дневники произведенныхъ имъ раскопокъ въ окрестности селъ: Крылоса, Викторова и Комарова. Изъ городищъ особенное вниманіе обращаетъ на себя большая насыпь у с. Крылоса, которая по мнѣнію г. Земенцкаго есть извѣстная „Галичина могила", упоминаемая въ Ипатской лѣтописи подъ 1206 годомъ. Въ 13 курганахъ, вскрытыхъ авторомъ, найдены имъ почти исключительно каменныя орудія неолитической эпохи и въ двухъ только случаяхъ бронзовые мелкіе предметы. Очевидно могильники относятся къ послѣднему періоду каменной эпохи; и послѣднія насыпи сооружены были уже на рубежѣ бронзоваго вѣка. Всѣ покойники были сожжены. Статья заканчивается описаніемъ весьма интересной случайной находки въ селѣ Рудѣ, въ окрестности г Рогатына: здѣсь на полѣ выпаханъ былъ сосудъ, наполненный золою, на которой лежало семь весьма красивыхъ бронзовыхъ цельтовъ. Къ статьѣ приложена таблица, на которой воспроизведены два цельта, заключавшій ихъ сосудъ и орнаменты, украшавшіе послѣдній.

Въ третьемъ отдѣлѣ книги помѣщенъ одинъ изъ самыхъ полныхъ этнографическихъ сборниковъ, бывшихъ въ распоряженіи краковской академіи. Сборникъ этотъ составленъ г-жею Софіею Рокоссовскою изъ этнографическаго матеріала, собраннаго ею въ окрестности Новгородволынска и изданъ подъ редакціею г. Коперницкаго. Онъ начинается описаніемъ обычаевъ и обрядовъ, сопровождающихъ разные случаи семейной жизни: рожденіе и крещеніе, свадьбу и похороны. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе обрядовъ, сопровождающихъ большіе годичные праздники, циклъ полевыхъ работъ, или приноровленныхъ къ разнымъ временамъ года. Обряды изло-

жены въ порядкѣ календарномъ, описаны весьма подробно и снабжены значительнымъ количествомъ обрядовыхъ пѣсенъ. Отдѣлъ этотъ заканчивается описаніемъ дѣтскихъ игръ.

Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ, озаглавленный „Демонологія"; въ немъ помѣщены народные предразсудки, основанные на вѣрованіи въ таинственную невѣдомую силу, будто имѣющую вліяніе на судьбу людей; мы встрѣчаемъ здѣсь богатое собраніе народныхъ разсказовъ и преданій о вѣдьмахъ, чародѣйствѣ, ворожбѣ, таинственныхъ пріемахъ, соблюдаемыхъ при разныхъ случаяхъ домашняго и полеваго хозяйства, обширную главу о народной медицинѣ, „объясненія разныхъ явленій природы и миѳическія представленія, соединенныя съ разными видами животныхъ мѣстной фауны. Наконецъ сборникъ заключается коллекціею 103 народныхъ загадокъ.

Конечно, многое помѣщенное въ сборникѣ г-жи Рокоссовской не представляетъ интереса новизны; многіе, встрѣтившіеся ей матеріалы, вошли въ составъ другихъ этнографическихъ сборниковъ, но при всемъ этомъ, мы полагаемъ, собраніе ея представляетъ весьма серьезный вкладъ въ этнографію южно-русскаго края, какъ вслѣдствіе новости и оригинальности извѣстной доли ея матеріала, такъ и по весьма тщательной группировкѣ его. Мы полагаемъ, что только при существованіи многихъ подобнаго рода мѣстныхъ областныхъ сборниковъ, возможны будутъ широкія обобщенія и выработка прочныхъ этнографическихъ положеній для всего края.

Вообще изъ краткаго приведеннаго перечня трудовъ антропологическаго отдѣла Краковской академіи, мы думаемъ, ясно ихъ важное значеніе для русской науки. Намъ кажется, что при занятіяхъ археологіею, этнографіею и антропологіею южной полосы Россіи необходимо имѣть въ виду богатый научный матеріалъ, собранный уже понынѣ антропологическою Краковскою коммисіею, и что слѣдуетъ признать, что она сослужила доброе дѣло какъ наукѣ вообще, такъ и въ значительной доли русской наукѣ.

В. А.

Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговск. статист. отдѣл. при губернск. земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ [1]).

Между земскими статистическими изданіями черниговскія отличаются отъ многихъ другихъ тѣмъ, что кромѣ сухихъ таблихъ въ нихъ есть много описаній нынѣшняго положенія вещей,—причемъ описанія эти касаются быта не одного только крестьянскаго, а всѣхъ сословій. Въ концѣ прошлаго года вышелъ послѣдній, XV томъ описаній уѣздовъ черниговской губерніи, которые печатались въ теченіе 1877—1887 годовъ. Цѣль этихъ изданій была собрать нужные матеріалы для оцѣнки земель и другихъ имуществъ, облагаемыхъ земскимъ налогомъ. Для достиженія этой цѣли земскими статистиками были собираемы разныя свѣдѣнія о естественной производительности земель, ихъ эксплоатаціи, способахъ и обычаяхъ обработки, отношеніяхъ между землевладѣльцами и съемщиками ихъ земель, обычаяхъ при съемкѣ земель, объ арендныхъ продажныхъ цѣнахъ и т. д. Всѣ 15 томовъ (по числу уѣздовъ въ губерніи) исполнены по одной программѣ, обусловленной практической земскою цѣлью, такъ что теперь есть полная возможность составить на основаніи ихъ подробное сельско-хозяйственное описаніе губерніи, для какой цѣли губернское земство и дало средства Статистическому Отдѣленію, состоящему при губернской управѣ. Но не смотря на это въ 15 названныхъ томахъ мы встрѣчаемъ и разнообразіе, зависящее съ одной стороны отъ того, что за 10 лѣтъ работъ ими завѣдывали разныя лица (въ послѣднемъ томѣ перечислено ихъ 8), а съ другой, что объемъ свѣдѣній для нѣкоторыхъ уѣздовъ былъ расширяемъ. Такъ, въ козелецкомъ, суражскомъ, мглинскомъ, городницкомъ и кролевецкомъ уѣздахъ земствомъ произведена была подворная или похозяйственная перепись, при помощи которой получена масса цифровыхъ данныхъ, послужившихъ для разныхъ статистическихъ выкладокъ. Наконецъ для двухъ послѣднихъ уѣздовъ статистики произвели совершенно особую работу: воспользовавшись въ архивѣ губернскаго правленія Румянцевскою Генеральною описью Малороссіи, они выписали изъ нея также по дворамъ цифры о благостояніи жителей въ 1765—70 годахъ и сравнили ихъ съ соотвѣтствующими цифрами для настоящаго времени.

---

[1]) Съ литограф. картами] и приложеніемъ подворной переписи 1883 и Румянцевской переписи 1767 г. Состав. П. Червинскій.

Обслѣдованная статистически площадь губерніи, имѣющая около 4,800 тысячъ десятинъ съ населеніемъ до 2 милліоновъ душъ, раздѣлена въ описаніяхъ на волости (числомъ 175), а затѣмъ еще на межевыя дачи; послѣднія со всѣми поселками, находящимися внутри ихъ границъ, послужили единицами, къ которымъ пріурочены всѣ собранныя статистическимъ изслѣдованіемъ данныя. Такъ поступить признано было за найлучшее потому, что во многихъ мѣстностяхъ на небольшой сравнительно площади разсыпаны десятки хуторовъ, отдѣльно другъ отъ друга лежащихъ. Такъ какъ указанныхъ единицъ описанія и изложенія статистическаго матеріала въ губерніи вышло болѣе 1200, то значитъ каждая изъ нихъ въ среднемъ заключаетъ 4000 десятинъ земли,—площадь довольно мелкую для подробнаго описанія уѣздовъ и губерніи. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ произведены были подворныя переписи, единицею изслѣдованія при собираніи свѣдѣній служилъ каждый дворъ, или хозяйство, а при изложеніи эти дворы были группированы по сословіямъ и напечатаны по этимъ сословіямъ для каждаго отдѣльнаго поселенія, причемъ единицъ изложенія получалось иногда болѣе, чѣмъ межевыхъ дачъ.

Работа, какъ видитъ читатель, была кропотливая, черная; практическіе результаты ея для черниговскаго земства выразились тѣмъ, что на основаніи собранныхъ данныхъ въ 1886 году была сдѣлана правильная оцѣнка земель для раскладки земскаго и государственнаго налога, рядомъ съ оцѣнкою фабрикъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ. Это—первая въ Россіи кадастровая работа, произведенная съ такою тщательностью, какая возможна уже и въ настоящее время. Но мы намѣрены говорить не объ этой сторонѣ дѣла. Мы хотимъ задаться вопросомъ, имѣютъ-ли труды земскихъ статистиковъ, этихъ чернорабочихъ науки, значеніе непроходящее, удовлетворяющее не однимъ запросамъ только настоящей минуты. Оставивъ въ сторонѣ цѣнность собраннаго цифроваго матеріала для уясненія соціальныхъ и политико-экономическихъ вопросовъ, мы хотимъ спросить себя, имѣютъ ли 15 томовъ, изданныхъ черниговскимъ земствомъ, значеніе матеріаловъ для исторіи? Несомнѣнно, что въ далекомъ будущемъ эти книги, какъ всякое точное изображеніе дѣйствительности современниками, пригодятся историку народнаго быта и сословныхъ отношеній какъ нельзя лучше. Но умѣлое географическое описаніе даетъ и нынѣшнему историку не мало матеріаловъ: въ немъ съ одной стороны онъ находитъ собственныя имена селеній и урочищъ, которыя своимъ филологическимъ составомъ и формою могутъ кое-что

разсказать; съ другой стороны онъ встрѣчаетъ описаніе многихъ обычаевъ, а обычай—есть сложившійся историческій результатъ отношеній, существовавшихъ раньше. Наконецъ въ двухъ книжкахъ, изданныхъ черниговскимъ земствомъ, сопоставлены цифры прошлаго столѣтія съ настоящими. Цифры также много уясняютъ историку, какъ и слова и обычаи.

Желая сказать нѣсколько словъ по поводу выхода послѣдняго тома черниговскихъ работъ—описаніе Кролевецкаго уѣзда съ сопоставленіемъ нынѣшняго положенія сословій въ немъ и экономическаго состоянія ихъ по Румянцевской описи, гдѣ дѣйствительно есть много новаго для историковъ,—остановимся сначала нѣсколько времени на матеріалѣ не-цифровомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, одни географическія имена, встрѣчаемыя въ черниговской губерніи, не только напоминаютъ историку многое, но и могутъ побудить его въ нихъ самихъ поискать отвѣта на разные спорные вопросы въ исторіи даннаго края. Конечно, мы оставимъ въ сторонѣ тѣ имена, которыя оканчиваяся на *ка, вка, овка, евка,* или обнаруживаютъ позднѣйшее свое происхожденіе, или даютъ только чисто-географическое опредѣленіе (Викторовка, Ивановка, Надинка, Зелудейка, Задереевка). Другія имена съ формою прилагательныхъ, хотя также часто указываютъ только на чье-нибудь имя, географическую, или бытовую особенность, но уже больше могутъ затронуть интересы историка: Высоке, Грузкая, Спасское, Стольное, Ратная, Норино, Супрягино, Онохово, Вормино—или будутъ пройдены имъ безъ всякаго вниманія или заставятъ задуматься и навести справки, какой могъ быть „столъ“ или „рать“ тамъ, гдѣ въ имени географическомъ остались отъ нихъ слѣды. Но всего больше и географа, и филолога, и историка могутъ заинтересовать тѣ имена, которыя встрѣчаются въ черниговской губерніи съ богатѣйшимъ разнообразіемъ окончаній именъ существительныхъ то съ длинными суффиками, то безъ нихъ, то въ формѣ сложнаго слова, то простого голаго корня. Тутъ есть и Рудня, Паперня, Олешня, Човиня, Стечня, и Дягова, Данина, Стратива, Витемля, Деремка, Лоска, Атюша, Потельга, Невкля, Блешня, Рѣчица, Дроздовица, Бобровица, Горица, и Свинуха, Разсуха, Почетуха, Гнилуша, и Задубенье, Заполье, Увелье, Ущерпье, Займище, Шатрище, Будище, Гутище, Церковище, и Товбозинъ, Макошинъ, Кукшинъ, Гучинъ, и Вязовскъ, Дѣдовскъ, и Довжикъ, Бобрикъ, Веприкъ, и Святецъ, и Меленскъ, и Вертечъ, и Понебель, и Топаль, и Нарость, и Сиволожъ, Сибережъ, Бречъ, Смячъ,

Ивотъ, Тростань, Виръ, Щимель, Обтовъ, Людковъ, Кролевецъ, Слоутъ, Буда, Бурчакъ, Радуль, Лиственъ, Звеничевъ и т. п. Разгруппировать ихъ по окончаніямъ, разобрать значеніе корня, который иногда даже не удержался въ нынѣшнемъ языкѣ, сопоставить съ десятками другихъ названій, встрѣчающихся теперь и прежде,—можетъ быть задачею конечно болѣе филолога, чѣмъ историка.

Но такія собственныя имѣня, какъ Козары, Печенѣги, Бѣлыя Вѣжи, Омбышъ, Сулакъ, Бахмачъ, Кагарлыки, Маріентель, Рундевице, и т. п. уже прямо просятся подъ перо историка, который занятъ смѣною народностей къ данной территоріи.

Наконецъ всего интереснѣе кажутся тѣ имена поселеній, которыя имѣютъ форму множественнаго числа. Есть и между ними продиктованныя топографическими особенностями мѣстности (Горки, Пески, Холмы, Борки, Рѣпки, Тополи, Стодолы, Бучки, Кошары, Перелазы, Погребки, Прачи, Хижки, Мысы и т. п), или какими нибудь бытовыми признаками жителей (Дурни, Озеряне, Могилевцы, Мыльники, Стрѣльники, Бондары, Бровары, Колесники, Пѣвцы, Санники, Пушкари, Зѣваки, Огородники, Кузнецы, Кожемяки, Близнецы, Унучки, Ченци, Погорѣльцы и т. п); или просто какія-нибудь имена нарицательныя, употребленныя во множественномъ числѣ (Плевки, Кнуты, Шеломы, Сутиски, Зазиркы, Прогоны и т. п); но большинство такихъ названій носитъ на себѣ явный характеръ фамилій съ разными ихъ окончаніями, встрѣчающимися и донынѣ, или и безъ окончаній, какъ то бываетъ и теперь очень часто въ фамиліяхъ. Имѣли ли прежде значеніе нарицательное имена послѣдняго рода, или они употреблялись просто какъ прозвища,—рѣшить нельзя, не провѣривши, сохранились ли теперь въ деревняхъ и селахъ эти фамиліи и прозвища. Такихъ собственныхъ именъ мы насчитали по изданіямъ земствъ въ черниговской губерніи болѣе двухсотъ[1]). Думаемъ, что исторіку будутъ интересны сопоставленія и сближенія именъ этого рода. Тутъ встрѣчаются напр., и Кулаги и

---

[1]) Приводимъ для интересующихся разныя формы ихъ: *ка и и ы.* Атрохи, Балыши, Британы, Боханы, Клинцы, Припужни, Караси, Муравьи, Лѣсконоги, Черторыги, Балясы, Свинопухи, Свиноѣды, Кулаги, Велюханы, Кашаны, Масаны, Самсоны, Любечаны, Упыри, Чаусы, Рыхлы, Ядуты, Деревины, Позднопалы, Клюсы, Кукари, Довгуны, Губари, Воскуны, Бѣляны, Летяхи, Скугари, Касоря, Кипти, Ожги, Ожеги, Долбежи, Стенери, Костювы, перегуды, Самотуги, Коты, Кези, Шуманы и т. п. *На аи, еи, яи:* Кривошеи, Семендеи, Сыраи, Кусяи, Чиграи, Киваи и т. п.

Кулажинцы, и Хоробочи и Хоробричи, и Павличи, Макаричи и Дубовичи, Боровичи, т е. слова произведенныя отъ собственнаго имени, и отъ названія сортовъ лѣса, и одно изъ другаго; наконецъ попадаются и сложныя фамиліи въ родѣ Кустичи-Бряковы и Кустичи-Волокитичи.

Если такія имена, какъ Красный Рогъ, Хороше Озеро, Кропивне и т. п. достояніе географа, который въ нихъ отыщетъ указаніе на топографическія особенности мѣстности, то масса другихъ именъ, приведенныхъ здѣсь и не приведенныхъ, даютъ задачи историку. Одно мужеское окончаніе многихъ названій, къ которымъ нельзя прибавить въ прямомъ согласованіи словъ село, деревня, слобода, не указываетъ-ли на то, что эти Конятины, Перелюбы, Меленски, Иванъ-городы и т. п. были не селами, а „градами", городками? А явныя формы фамилій въ видѣ названія селеній не могутъ ли послужить отвѣтомъ на вопросъ, о которомъ лѣтъ 20 назадъ такъ много спорили историки, вопросъ о томъ, родовой или общинный бытъ господствовалъ въ средѣ славянъ, перечисленныхъ въ начальной лѣтописи подъ именами съ такими же окончаніями, какія встрѣчаемъ теперь на картѣ черниговской губерніи. Намъ кажется, что еслибы составить карты съ обозначеніемъ распространенія по разнымъ территоріямъ тѣхъ или другихъ грамматическихъ формъ географическихъ названій, то можно было бы на нихъ видѣть распространеніе формы родоваго быта, несомнѣнные слѣды котораго сохранились до сихъ поръ въ названіяхъ фамиліями цѣ-

---

На ки, аки, яки, ики, ыки, и т. п. Шелудьки, Вялькы, Криски, Локотки, Полошки, Седки, Усошки, Шняки, Третьяки, Синяки, Шептаки, Верещаки, Желдаки, Шуляки, Осняки, Максаки, Семяки, Осьмаки, Себеки, Лупеки, Балыки, Барыки, Бибики. Вильчики, Хлопенники, Пальчики, Бобарыки, Хвостики, Бальчики, Лузики, Пищики, Петрики, Остроушки, Маньки, Манюки, Сердюки, Сенюки, Ламуки, Газуки, Переварки, Лушники, Жукотки, Левоньки, Косенки, Полуботки и т. п.

На ачи, ичи, овичи, евичи, аничи, ечичи, и т. п.: Косачи, Горбачи, Сохачи, Валевачи, Хоробичи, Курчичи, Гнѣздиличи, Шiичи, Вельжичи, Нельжичи, Подзоричи, Хильчичи, Княжичи, Купчичи, Жабчичи, Даничи, Неданчичи, Голубчичи, Вербичи, Озаричи, Козаричи, Версличи, Лялечи, Катичи, Лыщичи, Бортичи, Кневичи, Моргуличи, Шиловичи, Хворостовичи, Боровичи, Дубовичи, Куковичи, Красновичи, Чертовичи, Рыловичи, Чуровичи, Найтоновичи, Фоевичи, Холевичи, Смолевичи, Холѣевичи, Елисѣевичи, Доманичи, Азаничи, Козляничи, Ваганичи, Костеничи, Хотеничи, Бабиничи, Коробоничи, Хотуничи, Щербиничи, Кувѣчичи, Далиничи.

На инцы, цы: Ильинцы, Бригинцы, Кулажинцы, Ведильцы Савинцы и т.

лыхъ селеній или ихъ частей. Сѣверъ и Сѣверо-Западъ черниговской губерніи, гдѣ чаще уже встрѣчаются существительныя имена селеній (Ельня, Стокня, Откильня, Веребейня) можетъ быть при такомъ изслѣдованіи оказался бы границею распространенія фамильныхъ именъ въ родѣ Курковичи, Куршановичи, Бровничи и т. п.

Въ черниговскихъ описаніяхъ уѣздовъ приведено много народныхъ выраженій для характеристики предметовъ и отношеній, о которыхъ тамъ говорится. Тутъ тоже для историка найдется довольно интереснаго. Помѣщиковъ, напр., мы называемъ землевладѣльцами и говоримъ, что они владѣютъ землею. Въ народѣ въ Черниговщинѣ, правда, уже не называютъ ихъ „державцами", какъ звали въ прошломъ столѣтіи, но хотя знаютъ и терминъ „землевладѣніе", все-таки говорятъ, что панъ не владѣетъ землею, а „держитъ" ее, и самое земельное имѣніе (въ особенности) крупное называютъ „державою". Теперь послѣдній терминъ употребляется въ нашемъ литературномъ языкѣ главнымъ образомъ, какъ синонимъ государства и при томъ большаго, но черниговцы сохранили его первоначальное значеніе, въ какомъ оно употреблялось во времена можетъ быть еще до удѣльно, вѣчеваго періода.

Слово „богатырь", сколько мы помнимъ, г. Буслаевъ объяснялъ производствомъ его отъ корня „*Бог*" черезъ прилагательную форму „*бог-ат*", но при этомъ вовсе не подозрѣвалъ, что оно существуетъ до сихъ поръ въ Черниговщинѣ, очевидно съ тѣмъ же значеніемъ въ какомъ понимали его и при князьяхъ кіевскихъ, собиравшихъ себѣ дружину изъ заможныхъ, т. е. наиболѣе богатыхъ людей покоренныхъ ими краевъ. „Богатыри" называются еще въ народѣ и „дуками", что указываетъ, отчего это среди владиміровскихъ богатырей былъ и Дюкъ Степановичъ, извѣстный намъ теперь подъ этимъ именемъ, измѣненнымъ въ олонецкой губерніи согласно фонетическимъ особенностямъ тамошняго произношенія. Проф. Буслаевъ лѣтъ 20 назадъ производилъ слово „богатырь" отъ корня *бог* черезъ прилагательную форму *богат*, а впослѣдствіи оставилъ это словопроизводство, замѣтивъ, что слово „богатырь" встрѣчается только въ позднѣйшихъ письменныхъ памятникахъ; въ болѣе же древнихъ лѣтописяхъ оно является въ формѣ, указывающей будто бы на татарское его происхожденіе „богатдуръ", „богадуръ". Не беремся опровергать послѣдняго мнѣнія по незнакомству съ корнесловіемъ и вообще языкомъ татарскимъ; но думаемъ, что если черниговцы сохранили такіе филологическіе архаизмы, какъ „нельга" вмѣсто

„нельзя“, то и слово „богатырь“ по всей вѣроятности они употребляли еще до татарскаго вліянія на бытъ, на ряду съ словами „послухъ“, „закупъ“ и т. п., которыя розыскиваются археологами почему-то гдѣ угодно, но только не въ малорусскомъ словарѣ. Но рядомъ съ этими очень старыми титулами своего мѣстнаго образованія и западно-европейскаго въ памяти народа не удержались угро-финскія термины въ родѣ „смерды“, или татарское „козакъ“, которые занотованы въ лѣтописяхъ. Отчего это? Какія стимулы жизни заставили забыть одно и сохранить другое?

Но отъ татарскихъ временъ много осталось въ названіяхъ и предметовъ и отношеній, которыя очевидно въ ходу издавна въ черниговской губерніи. Черниговцы и до сихъ поръ называютъ плату помѣщикамъ за землю трудомъ, приношеніемъ, или деньгами, татарскимъ словомъ „басаринка“. Вѣроятно эта форма отработковъ возникла тогда, когда панами были не русскіе и не поляки, а еще татары; польское время съ евреями управляющими для подобныхъ же отношеній оставило терминъ „тринкаль“. Мы уже не говоримъ о разныхъ названіяхъ изъ сельско-хозяйственнаго быта, встрѣчаемыхъ въ статистическихъ земскихъ трудахъ, то татарскихъ по корню (ярмо, инбаръ, дуга), то нѣмецкихъ (пидгайстеръ, ухналь, дзунбзубель), которыя могутъ натолкнуть историка на такія или другія соображенія.

Но если онъ не захочетъ перелистывать всѣ 15 томовъ черниговскихъ земскихъ работъ, чтобы найти для себя такой или другой отрывочный матеріалъ, мы его отошлемъ къ двумъ послѣднимъ томамъ (XIV и XV) по городницкому и кролевецкому уѣзду, особенно къ послѣднему, гдѣ онъ найдетъ историческія цифры въ сопоставленіи съ нынѣшними и много выводовъ сдѣланныхъ на основаніи этихъ сопоставленій авторомъ послѣдней книги — членомъ губернской управы П. П. Червинскимъ, завѣдующимъ статистическими работами. По Кролевецкому уѣзду, подъ руководствомъ послѣдняго были сдѣланы выписки изъ подворной описи Малороссіи Румянцева по 33 поселеніямъ о числѣ жителей по возрастамъ и поламъ, о количествѣ земли, имъ принадлежащей, по ея разрядамъ (грунтъ, пашня, сѣнокосъ), о числѣ скота по его сортамъ, о промыслахъ, промышленныхъ заведеніяхъ и платежахъ,—короче сказать всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся въ той описи. Сгруппированы они въ таблицахъ съ одной стороны по сословіямъ, съ другой по размѣрамъ хозяйствъ относительно рабочихъ силъ въ нихъ, количествѣ земли, скота. Такія же подраздѣленія

сдѣланы и съ цифрами нынѣшней подворной переписи въ тѣхъ же селеніяхъ. Если сравнить цифры нынѣшняго столѣтія и прошлаго по сословіямъ, то въ прошломъ мы не найдемъ мѣщанъ и евреевъ, а въ нынѣшнемъ—бывшихъ подсусѣдковъ, которыхъ насчитывается въ изученныхъ поселеніяхъ 291 дворъ. Остальныя сословія могутъ быть сравниваемы. Главную группу занимаютъ козаки, которыхъ было 1873 двора (372 — выборныхъ, 1337 — подпощниковъ ихъ и 164 — безъ обозначенія—просто козаковъ), а теперь 4596; бывшихъ владѣльческихъ посполитыхъ, отбывавшихъ имъ работы, а также посполитыхъ генеральной артиллеріи было 1340 дворовъ, а теперь бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 2573 двора; наконецъ бывш. монастырскихъ посполитыхъ было 221 дворъ, а теперь государственныхъ крестьянъ, ихъ потомковъ 1033, и наконецъ разныхъ привилегированныхъ сословій было 113, а теперь стало 277 дворовъ. Такое количество сравниваемыхъ величинъ даетъ выводамъ, полученнымъ отъ сравненія, достаточную устойчивость, а выводы эти во всякомъ случаѣ поучительны для политико-экономa и для историка.

Оставляя въ сторонѣ выводы изъ сопоставленій мелкихъ фактовъ, мы приведемъ лишь главнѣйшіе, характеризующіе въ общемъ тѣ измѣненія, которыя произошли въ кролевецкомъ уѣздѣ за 115 лѣтъ. Главный общій выводъ, который дѣлаетъ авторъ, тотъ, что теперь живется массѣ населенія лучше, чѣмъ въ старину. Общее число населенія непривилегированныхъ сословій удвоилось (съ 23.360 до 46.132); скота стало больше чѣмъ вдвое (прежде было по $3,_5$ на дворъ, теперь—$3,_9$), но при этомъ рабочаго скота осталось то же относительное число (по $1,_9$ на дворъ); земли эксплоатируемой (пашни и сѣнокоса) теперь съ удвоеніемъ населенія на дворъ приходится мало чѣмъ меньше противъ прошлаго столѣтія ($6,_2$ десятинъ вмѣсто прежнихъ $7,_6$ десятинъ); но если предположить, что нынѣшняя обработка земель при ихъ удобреніи даетъ бо́льшіе урожаи, то средства продовольствія населенія будутъ тѣ же, что и были 115 лѣтъ тому назадъ. Размѣры промысловъ, которыми славилась Малороссія—винокуреніе, пчеловодство—оказываются по цифрамъ Румянцевской переписи очень скромными, уступающими относительнымъ размѣрамъ этихъ производствъ въ настоящее время или чуть-чуть превосходящими ихъ. Такъ напр., прежніе 367 винокурень выкуривали 122000 ведеръ, а нынѣшніе 5 заводовъ 236.000 ведеръ водки крѣпостью въ 25 градусовъ; по отношенію къ числу жителей выходитъ, что тогда выкуривалось на 100 душъ по 509 ведеръ, а теперь по 487, т. е только

немногимъ меньше. Пчеловодство давало на 100 душъ населенія по 12 колодъ пчелъ, а теперь по 28 колодъ, т. е. въ $2^{1}/_{3}$ раза больше.

Вообще, если сопоставлять разные показатели благосостоянія прошлаго вѣка и настоящаго огульными цифрами, то выходитъ, что къ настоящему времени они или нѣсколько увеличились въ относительной своей величинѣ, или остались почти тѣми же. Такъ напр., на 100 душъ населенія тогда приходилось 136 эксплоатируемыхъ десятинъ земли, теперь 123; при 46 водяныхъ мельницахъ и 68 вѣтрякахъ тогда на 100 жителей по переводѣ суммы работы всѣхъ мельницъ на вѣтряки выйдетъ по 2 вѣтряка, а теперь (при 11 водяныхъ и 727 вѣтряныхъ) по 1,7.

Хотя авторъ названной книги, приводя различныя соображенія, и дѣлаетъ общій выводъ, что теперь относительное количество средствъ у населенія нѣсколько больше, чѣмъ было въ прошломъ столѣтіи, но мы изъ цифръ, приводимыхъ имъ же и находящихся въ таблицахъ, скорѣе склонны думать, что оно осталось почти то же, т. е. въ общемъ съ удвоеніемъ населенія количество всѣхъ средствъ для удовлетворенія потребностей также только удвоилось. Если же и есть въ какихъ-нибудь отрасляхъ завоеванія или улучшенія, то они очень скромны и не могутъ идти даже въ сравненіе съ ростомъ показателей благосостоянія, съ какимъ мы знакомимся напр. изъ интересной статьи г. Попова о прогрессѣ у негровъ въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ за первое двадцатипятилѣтіе ихъ свободной жизни. Тамъ напр., рядомъ съ приростомъ негритянскаго населенія въ 60% за двадцатилѣтіе (или по 3% въ годъ) встрѣчаемъ годовое приращеніе скота у негровъ въ штатѣ Георгія въ 7%[1]), не говоря уже о томъ, что въ другихъ областяхъ жизни встрѣчаемъ поразительные успѣхи черныхъ (появленіе 10 университетовъ и др. высшихъ учебныхъ заведеній собственно для негровъ, 150 газетъ, издаваемыхъ черными и т. п). Въ изслѣдованныхъ же селеніяхъ Кролевецкаго уѣзда съ удвоеніемъ населенія за 115 лѣтъ, видимъ также нѣсколько болѣе, чѣмъ удвоеніе (въ 2,1 раза) рабочаго скота и увеличеніе всего скота вообще въ $2^{1}/_{2}$ раза, причемъ волы стали уступать мѣсто лошадямъ, а коровы козамъ, и вообще число мелкаго скота сильно увеличилось, тогда какъ число крупнаго рогатаго скота уменьшилось. Конечно и сравнивать нельзя двухъ названныхъ странъ, такъ какъ количество и пастбищъ и сѣнокосовъ въ Аме-

[1]) Вѣстникъ Европы 1888. Январь, стр. 55 и 73.

рикѣ далеко больше, чѣмъ нужно для прокормленія существующаго тамъ скота, а въ кролевецкомъ уѣздѣ по исчисленію земской статистики выходитъ, что напр. 1 десятина сѣнокоса по средней своей урожайности можетъ прокормить лишь одну голову скота, тогда какъ по существующему числу скота приходится по 2 штуки на 1 десятину сѣнокосу, вслѣдствіе чего населеніе прибѣгаетъ къ другимъ суррогатамъ питанія скота—соломѣ и пр. Оттого мы имѣемъ для старонаселенной территоріи кролевецкаго уѣзда не 7% годоваго прироста скота, а всего 1,3%. Другими цифрами приростъ скота, этого главнаго показателя благосостоянія сельскаго населенія, выраженъ статистикомъ такъ: сто душъ населенія въ прошломъ столѣтіи держало 32 головы рабочаго скота, 16 коровъ и 54 штуки мелкаго скота, а теперь оно держитъ 34 головы рабочаго скота, 19 коровъ и 99 штукъ мелкаго скота. Прогрессъ конечно не великъ.

Но за то несомнѣнный и большой прогрессъ за время, истекшее между двумя переписями, мы замѣчаемъ относительно распредѣленія между сельскимъ населеніемъ главныхъ его богатствъ—скота и земли. Отбросивъ въ сторону хозяйства привилегированныхъ сословій (у которыхъ въ общемъ число скота увеличилось съ 5,2 на 7,3 головъ на 1 дворъ, а количество эксплоатируемой земли съ 29,8 десятинъ на 34,1), авторъ труда по кролевецкому уѣзду задавалъ себѣ вопросъ: лучше ли жилось собственно „мужичьему“ населенію, чѣмъ теперь, или хуже, и приводитъ слѣдующіе цифровые выводы. Въ прошломъ столѣтіи у непривилегированныхъ сословій козаковъ и посполитыхъ крестьянъ всѣхъ наименованій число хозяйствъ безъ всякаго скота, т. е. вполнѣ разоренныхъ, составляло въ кролевецкомъ уѣздѣ 28% и въ городницкомъ (изслѣдованномъ такъ же)—30%, а теперь—8% въ первомъ и 5% въ послѣднемъ уѣздѣ. Хозяйство съ среднимъ размѣромъ скотовладѣнія (2—3 штуки на дворъ) теперь составляютъ почти половину общаго числа хозяйствъ, тогда какъ ихъ въ прошломъ столѣтіи въ кролевецкомъ уѣздѣ было только 26 на 100, а въ городницкомъ 21 на 100. Такія же цифры находимъ и относительно владѣнія землею: тогда число безземельныхъ и многоземельныхъ хозяйствъ среди непривилегированныхъ сословій было относительно гораздо больше, чѣмъ теперь. У владѣльческихъ посполитыхъ и подсусѣдковъ число первыхъ и огородниковъ до 40%, у козаковъ—18%, а въ среднемъ выводѣ для всѣхъ сословій составляло 28%; съ другой стороны число хозяйствъ многоземельныхъ, имѣвшихъ отъ 15 до 100 и болѣе десятинъ,

также доходило до 27 %, составляя у монастырскихъ посполитыхъ 15 %, у владѣльческихъ посполитыхъ 29 %, и у козаковъ—36 %. Теперь же обѣ эти группы (безземельныхъ и многоземельныхъ) каждая не составляетъ и 9 %, такъ что они стали малочисленнѣе въ 3 раза. За то число хозяйствъ, входящихъ въ составъ группъ съ среднимъ размѣромъ землевладѣнія, теперь сильно увеличилось, составляя 82 % вмѣсто прежнихъ 46 %.

Если мы даже исключимъ изъ разсмотрѣнія крестьянъ, въ средѣ которыхъ общинное устройство было введено для государственныхъ бывшею палатою государственныхъ имуществъ, а для бывшихъ крѣпостныхъ, называвшихся въ прошломъ столѣтіи „подданными“ уставными грамотами 60-хъ годовъ, то между козаками мы видимъ почти ту же степень равненія. Вмѣсто 36 % многоземельныхъ прошлаго столѣтія въ ихъ средѣ мы теперь встрѣчаемъ такихъ хозяевъ только 11 %; вмѣстѣ 18 % безземельныхъ только 10 %; за то вмѣсто 46 % хозяйствъ съ средними размѣрами землевладѣнія, уже 79 %, т. е. почти столько же, сколько и у всѣхъ бывшихъ податныхъ сословій вмѣстѣ взятыхъ (82 вмѣсто 45). Въ городницкомъ уѣздѣ эти среднія хозяйства среди козаковъ увеличились въ относительномъ числѣ не такъ рѣзко (ихъ процентное число возросло съ 36 % на 67 %); но и въ другихъ сословіяхъ здѣсь старая неравномѣрность землевладѣнія сгладилась меньше, причемъ относительное число разбогатѣвшихъ уменьшилось значительно меньше, чѣмъ въ кролевецкомъ уѣздѣ (съ 24 % на 13 %), но за то число безземельныхъ и огородниковъ уменьшилось въ болѣе рѣзкой пропорціи—въ 5 разъ (здѣсь ихъ стало только 7, ⁷⁰/₀ вмѣсто бывшихъ 37⁷⁰/₀).

Добытые г. Червинскимъ результаты одинаково любопытны и, быть можетъ, неожиданны какъ для историковъ, такъ и для политико-экономовъ. Въ настоящей замѣткѣ мы не задавались спеціальною цѣлью разбирать критически статистическіе пріемы автора книги о кролевецкомъ уѣздѣ, и потому не указываемъ на нѣкоторые недосмотры его относительно исчисленія прироста населенія естественнаго и дѣйствительнаго. Такіе недосмотры есть и въ нѣкоторой степени они повліяли на процентные показатели, надъ которыми оперируетъ авторъ. Но возражать противъ основныхъ, приведенныхъ имъ цифръ можно только съ другими цыфрами въ рукахъ о селеніяхъ и выселеніяхъ. Выводы г. Червинскаго стоятъ того, чтобы оцѣнивать ихъ и возражать на нихъ на основаніи солидныхъ факти-

ческихъ данныхъ. Если настоящая замѣтка вызоветъ вниманіе спеціалистовъ къ его выводамъ и работѣ для подтвержденія, поправокъ или опроверженія ихъ, то цѣль наша будетъ достигнута.

А. Русовъ.

Краткій историко-статистическій обзоръ екатеринославской гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній. Одесса. Въ тип. Францова и Нитче. 1856. Его превосходительству г. попечителю одесск. уч. окр., поч. попеч. Демидовскаго лицея, д. с. с. и кавалеру Павлу Григорьевичу Демидову съ глубокимъ уваженіемъ посвящаетъ Я. Граховъ. 20 апрѣля 1856. Екатеринославъ.

Таково въ дословномъ текстѣ названіе книжицы, составляющей нынѣ библіографическую рѣдкость и принадлежащей перу бывшаго директора екатеринославской гимназіи, колл. сов. Якова Дмитріевича Грахова, управлявшаго гимназіею съ марта 1846 г. до 1862 года, въ теченіе 16 лѣтъ. Состоитъ она изъ 282 страницъ текста in 16⁰ и нѣсколькихъ листковъ приложеній, содержащихъ въ себѣ списки учениковъ гимназіи, окончившихъ курсъ, начиная съ 1808 по 1855 г., и «распредѣленіе» гимназическихъ предметовъ по классамъ во время составленія самой книжицы. Какъ единственный литературный, притомъ полу-оффиціальный памятникъ жизни высшаго мѣстнаго учебнаго заведенія, книжка эта, по собраннымъ въ ней разнообразнымъ фактическимъ даннымъ, имѣетъ не малый общій интересъ, и потому намъ казалось нелишнимъ познакомить съ нею читателей «Кіевской Старины», тѣмъ болѣе, что на это изданіе сдѣланы ссылки въ нѣкоторыхъ компилятивныхъ работахъ послѣдняго времени. Скажемъ кстати, что не смотря на сухость содержанія, книжица эта, по важности сообщаемыхъ въ ней фактовъ, вполнѣ заслуживаетъ новаго изданія, каковое могло бы быть сдѣлано мѣстнымъ земствомъ.

«Краткій и.-стат. обзоръ» распадается на три отдѣла, далеко неравномѣрныхъ по содержанію: вступленіе (1792—1804 г.), періодъ первый (1805—1835), періодъ второй (1836—1855). Такъ раздѣляетъ авторъ свой трудъ, объемлющій время существованія въ Екатеринославѣ высшаго мѣстнаго учебнаго заведенія собственно въ теченіе 63 лѣтъ, но первымъ годамъ его существованія онъ очевидно не придавалъ особеннаго значенія и разсказалъ о нихъ вкратцѣ, на 38 страницахъ, во «вступленіи». Нынѣшняя екатеринославская класси-

ческая гимназія основана была по волѣ императрицы Екатерины II, въ силу «Устава для училищъ», Высочайше ею утвержденнаго 5 августа 1786 г., по которому учебныя заведенія открывались подъ названіями—въ губернскихъ городахъ—«главныхъ народныхъ училищъ» съ 4-хкласснымъ курсомъ, и въ уѣздныхъ городахъ—«малыхъ народныхъ училищъ» съ 2-хкласснымъ курсомъ. 17 апрѣля 1793 г. послѣдовало открытіе въ Екатеринославѣ «Главнаго народнаго училища», которое 1 августа 1805 г. превратилось въ гимназію и причислено было къ харьковскому учебному округу, такъ какъ въ Харьковѣ существовалъ уже университетъ, открытый въ маѣ того же 1805 г. и составлявшій высшее на всю южную Россію учебное заведеніе. Съ превращеніемъ «Главнаго народнаго училища» въ гимназію, курсъ преподаванія остался по прежнему четырехлѣтній, и измѣненія въ размѣрахъ преподаванія почти не послѣдовало. 8 декабря 1828 г. Высочайше утвержденъ новый уставъ учебныхъ заведеній, расширившій кругъ гимназическаго преподаванія и значительно видоизмѣнившій его, напр., исключеніемъ изъ курса такихъ предметовъ, какъ «Фортификація» и «Артиллерія», до того времени изучавшихся въ гимназіяхъ. Въ силу новаго устава, и екатеринославская гимназія преобразована съ 1836 г. въ семиклассную, а нѣсколько ранѣе, съ 1833 г., отнесена къ вѣдомству одесскаго учебнаго округа. Существованіе гимназіи съ 4-хлѣтнимъ курсомъ разсмотрѣно авторомъ во второмъ отдѣлѣ его сочиненія, озаглавленномъ «періодъ первый», а обозрѣніе ея съ 7-микласснымъ курсомъ составляетъ третій отдѣлъ книжки, названный имъ «періодъ второй», и принадлежащій перу С. И. Веребрюсова, бывшаго учителя русскаго языка той же гимназіи и сослуживца автора. Во всѣхъ отдѣлахъ книжицы изложены: внѣшній ходъ управленія гимназіею; перемѣны въ составѣ преподавателей, директоровъ и попечителей; посѣщенія гимназіи высокопоставленными лицами и ревизорами; пожертвованія частныхъ лицъ и вообще стоимость содержанія гимназіи; наконецъ, цифры воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія погодно, и вообще разныя перемѣны, происходившія въ программѣ преподаванія. Словомъ, внѣшняя, административная сторона жизни гимназіи изложена авторомъ довольно полно; что касается внутренней жизни заведенія, характера педагогической дѣятельности, учебнаго персонала гимназіи и его литературныхъ трудовъ, духа и направленія воспитанниковъ гимназіи и отношеній общества къ ней, то объ этомъ совсѣмъ почти умалчивается вѣроятно въ силу условій тогдашней цензуры и во-

обще господствовавшаго въ то время взгляда на подобнаго рода историческія работы. Это была по времени собственно краткая записка оффиціознаго характера, содержащая въ послѣдовательномъ порядкѣ обозрѣніе ряда административныхъ мѣропріятій по переустройству заведенія и внѣшнихъ результатовъ этихъ мѣропріятій. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Грахова заслуживаетъ полнаго вниманія и долго еще вѣроятно не потеряетъ своего значенія.

Кромѣ «Главнаго народнаго училища», или гимназіи, одновременно приступлено было и къ открытію «малыхъ» училищъ. Такъ, въ январѣ 1794 г. открыто было «Малое народное училище» въ «мѣстечкѣ Кобелякахъ» (нынѣ уѣздн. городъ полтавск. губ), принадлежавшемъ тогда къ екатеринославской дирекціи; въ 1797 г. къ ней же присоединено и симферопольское малое училище, въ которое почему-то превращено бывшее тамъ прежде «Главное нар. училище» (Акмечетское). При открытіи кобелякскаго училища въ него поступило 42 ученика, что, по числу тогдашняго населенія, составляетъ значительную цифру. 5 ноября 1804 г. изданъ былъ въ Россіи новый «уставъ» учебныхъ заведеній, положившій основаніе дальнѣйшему распространенію училищъ. Въ немъ требовалось, чтобы въ каждомъ городѣ, губернскомъ и уѣздномъ, было по крайней мѣрѣ по одному «уѣздному училищу», а въ большихъ городахъ по два и болѣе, смотря по средствамъ. Въ силу этого устава открыты были уѣздныя училища въ слѣдующихъ пяти городахъ екатеринославской губерніи: въ *Павлоградѣ*—15 іюля 1804 г. при 54 ученикахъ; въ *Екатеринославѣ* (губернскомъ)—1 авг. 1805 г.; въ *Новомосковскѣ*—8 ноября 1807 г. при 49 ученикахъ, въ числѣ коихъ было и 5 дѣвочекъ; въ *Александровскѣ*—12 марта 1808 г. съ 37 учениками; и въ *Бахмутѣ*—20 іюля 1808 г. при 64 ученикахъ. Открытіе всѣхъ этихъ училищъ встрѣчено было населеніемъ весьма сочувственно, что доказывается довольно щедрыми пожертвованіями частныхъ лицъ и обществъ. Жертвовали дворяне, купцы и почетные граждане, и въ училища поступали дѣти родителей всѣхъ сословій. Открытіе каждаго училища и годичныя испытанія въ нихъ производились съ торжественной обстановкой, въ которой участвовали и почетнѣйшіе изъ обывателей. При каждомъ уѣздномъ училищѣ открыты были «приготовительные классы», съ цѣлью подготовки дѣтей къ поступленію въ уѣздныя училища, въ которыя слѣдовательно принимались уже знающіе кое-какъ грамоту и счетъ.

Тѣмъ же уставомъ 5 ноября 1804 г. требовалось и учрежденіе приходскихъ училищъ въ казенныхъ селеніяхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ; во-первыхъ училища ввѣрялись завѣдыванію приходскаго священника и одного изъ жителей; во-вторыхъ—помѣщикамъ. Въ училищахъ этихъ положено было проходить грамоту (чтеніе и письмо) и первыя четыре правила ариѳметики, законъ Божій, «краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, о произведеніяхъ природы, о сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья». Такихъ училищъ открыто было въ мѣстечкахъ и селеніяхъ (съ населеніемъ свыше 1000 душъ), съ 1809 по 1823 годъ, 53, но продержались они лишь до 1833 года, въ которомъ по разнымъ причинамъ совершенно были закрыты (стр. 132—133). Открытіе сельскихъ училищъ было встрѣчено также сочувственно, что доказывается прежде всего пожертвованіями, и денежными, и въ видѣ недвижимости. Изъ 53-хъ приходскихъ школъ 36 помѣщались въ собственныхъ домахъ, пожертвованныхъ обществами или купленныхъ на пожертвованныя деньги; и только 17 помѣщены были во временно отведенныхъ общественныхъ зданіяхъ. Учениками поступали почти исключительно дѣти поселянъ, мальчики и дѣвочки (стр. 129). О причинахъ закрытія приходскихъ училищъ этого періода авторъ говоритъ, что они заключались «частью въ недостаткѣ достойныхъ учителей, частью же въ неисправности поступленія съ поселянъ денегъ, опредѣленныхъ для содержанія училищъ». Впрочемъ такая «неисправность» едвали можетъ быть отнесена на счетъ безпечности населенія. Сборами этими въ количествѣ 165 р. съ волости на училище завѣдывали сначала волостныя правленія подъ контролемъ учебнаго начальства, наблюдавшаго за своевременнымъ ихъ поступленіемъ; но въ 1827 г. вмѣшалась въ это дѣло Казенная Палата и стала требовать ежегоднаго составленія обществами особыхъ для этого приговоровъ помимо тѣхъ, которые существовали со времени открытія каждаго училища. Такимъ образомъ завѣдываніе сборами на содержаніе училища предоставлено было исключительно казеннымъ палатамъ; за учебнымъ вѣдомствомъ оставлено было лишь «право напоминаній» о взносѣ денегъ, но напоминанія эти оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, сборы изсякали, и школы одна за другою закрывались. Замѣчательно, что всѣ приходскія школы открыты были въ это время лишь въ селеніяхъ казенныхъ и ни одной не было въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Съ введеніемъ учебнаго устава 1828 г. программа преподаванія въ приходскихъ училищахъ

значительно измѣнена: въ нихъ вошло изученіе краткаго катехизиса, священной исторіи, чтенія и письма на русскомъ языкѣ и четырехъ правилъ ариѳметики; сообщеніе свѣдѣній по сельскому хозяйству, анатоміи и гигіенѣ устранено совсѣмъ. Въ училища принимались дѣти «всѣхъ состояній и обоего пола». Съ 1836 г. начинаютъ вновь открываться сельскія училища, и на этотъ разъ не только въ казенныхъ селеніяхъ, но и въ помѣщичьихъ. Изъ числа помѣщиковъ, открывшихъ такія училища, были гг. Алферовъ (въ 1837 г. въ м. Алферовкѣ) и Скалонъ (въ д. Божедаровкѣ въ 1839 г), оба верхнеднѣпровскаго уѣзда. Съ этого же времени введена во всѣхъ приходскихъ классахъ при училищахъ ланкастерская система преподаванія, почему и въ уѣздныя училища стали принимать дѣтей совершенно неграмотныхъ. Впрочемъ число училищъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ было незначительно, и къ 1855 году ихъ числилось только 2 съ 39 учениками и ученицами (11), тогда какъ въ казенныхъ селеніяхъ ихъ было уже 41 съ 2082 учениками-мальчиками и 155 дѣвочками. Общее число жителей екатеринославской губерніи въ 1854 г. по свѣдѣніямъ дирекціи училищъ простиралось до 405,000 душъ, и потому общее число учащихся всѣхъ учебныхъ заведеній губерніи относилось къ числу населенія, какъ 1 къ 50; число же преподавателей съ 1836 г. до 1855 г. увеличилось вчетверо (изъ 50 стало 202), чѣмъ болѣе всего слѣдуетъ вѣроятно объяснить и численное увеличеніе учебныхъ заведеній. Обращаютъ на себя невольное вниманіе цифры учебныхъ заведеній и учащихся въ тогдашнихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Въ 1836 г. ихъ еще вовсе не было, а въ 1855 г. числилось уже 52 училища съ 4152 учащимися, въ числѣ коихъ было 2195 мальчиковъ и 1957 дѣвочекъ. Общее число учебныхъ заведеній екатеринославской губерніи въ 1836 г. было 20 (считая тутъ гимназію съ пансіономъ, уѣздныя и приходскія училища, а также и еврейскія) съ 855 учащимися; черезъ 20 лѣтъ, въ 1855 г., общее число всѣхъ учебныхъ заведеній было 148 (вмѣстѣ съ нѣмецкими), а учащихся 8014, т. е. почти удесятерилось. Впрочемъ столь значительное увеличеніе этихъ цифръ должно быть отнесено болѣе всего на счетъ 52 нѣмецкихъ школъ, за исключеніемъ которыхъ общая цифра учебныхъ заведеній будетъ только 96, т. е. едва *упятерилась*, а число учащихся равняется лишь 3862, т. е., едва учетверилось. Выходитъ, что дѣти нѣмецкихъ колонистовъ, меннонитовъ, всѣ поступали въ школу, что и давало имъ сразу умственное и нравственное превосходство надъ остальнымъ населеніемъ, поголовно невѣжествен-

нымъ, и пособило затѣмъ выдвинуться въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, образовать рядъ цвѣтущихъ поселеній, такъ поражающихъ нынѣ наблюдателя: школа между прочимъ быстро подвинула впередъ эти сельско-хозяйственные оазисы.

Мы исчерпали вкратцѣ матеріалъ, которымъ довольно богата книжища г. Грахова; разумѣется, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ коснуться многихъ небезъинтересныхъ подробностей, напр. матеріальнаго содержанія учебныхъ заведеній и учащихъ, состоянія библіотекъ и образованія кабинетовъ, пожертвованій, притекавшихъ въ изобиліи, и пр. и пр. Ходъ матеріальнаго развитія учебныхъ заведеній нашей губерніи представленъ въ ней обстоятельно, со многими цифровыми данными и фактическими замѣтками, и потому, скажемъ еще разъ, повтореніе этого изданія было-бы весьма желательно.

Книга г. Грахова вышла въ 1856 г., и была, кажется, первымъ историческимъ очеркомъ учебнаго дѣла въ екатеринославской губерніи. По крайней мѣрѣ, ссылокъ на подобный трудъ, предшествовавшій этому изданію, мы нигдѣ не встрѣчаемъ; и хотя г. Граховъ не разъ упоминаетъ въ своемъ сочиненіи о какомъ-то «лѣтописцѣ» гимназіи, и даже цитируетъ его слова (стр. 28), но онъ разумѣетъ въ этомъ случаѣ, нужно думать, какія нибудь записи, обязательно веденныя при управленіи гимназіи. Со времени изданія труда г. Грахова вплоть до 1880 г., кажется, также не появлялось въ печати изданій, касающихся того же предмета; и только въ 1880 г. появился печатный «*Отчетъ о состояніи Екатеринославской мужской гимназіи за 1879—80 учебный годъ*», составленный по опредѣленію совѣта гимназіи секретаремъ его Г. В. Донцовымъ и изданный въ Екатеринославѣ въ видѣ брошюры въ 60 страницъ. Затѣмъ, въ 1882 г. издана тѣмъ же путемъ «*Историческая записка о Екатеринославской гимназіи съ 1792—1882 г., съ отчетомъ за 1881—1882 учебный годъ*», составленная тѣмъ же г. Донцовымъ по распоряженію попечителя одесскаго учебнаго округа; и, наконецъ, въ 1884 г. вышелъ также «*Отчетъ о состояніи Екатеринославской гимназіи за 1883—84 учебный годъ*», составленный тѣмъ же г. Донцовымъ. Далѣе, сколько намъ извѣстно, печатаніе гимназическихъ отчетовъ прекратилось. «Историческая записка» касается существованія одной лишь гимназіи и вкратцѣ обозрѣваетъ преобразованія, въ ней происходившія, приводя и данныя, о которыхъ говорится въ сочиненіи Грахова, но она далеко не исчерпываетъ многихъ интересныхъ по-

дробностей этого сочиненія, и потому нисколько не упраздняетъ его значенія даже по отношенію къ свѣдѣніямъ, касающимся одной лишь екатеринославской гимназіи. Что касается народныхъ училищъ и вообще учебныхъ заведеній, существующихъ помимо гимназіи, то «Историческая записка» о нихъ совершенно умалчиваетъ.

Помянемъ же словомъ благодарности имя почтеннаго автора «Краткаго историко-стат. обзора екат. гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній» Я. Д. Грахова и пожелаемъ труду его скорѣйшаго вторичнаго появленія на свѣтъ.

Г. З.

И. С. Левицкій (Нечуй). Кайдашева симя. Кіевъ. 1887.

Изъ литературныхъ малорусскихъ новинокъ за истекшій годъ главнѣйшими были соч. Квитки-Основьяненка (пока вышло 2 тома), издаваемыя подъ редакціей А. Потебни на средства харьковскаго земства, и сочиненія Левицкаго (Нечуя). Среди многихъ сочиненій, переизданныхъ Левицкимъ во второй разъ, совершенными новинками для публики являются два его произведенія: „Голодному и оченьки мясо“, міщанська комедія-водевиль въ 2 діяхъ и повѣсть „Кайдашева симя“. Изданіе Квитки еще не кончено, и потому мы обратимся къ новой повѣсти Левицкаго; объ остальныхъ его произведеніяхъ постараемся дать отчетъ позже.

Кромѣ чисто-художественныхъ достоинствъ повѣсть Левицкаго „Кайдашева симя“ имѣетъ и большое историко-литературное значеніе. Дѣло въ томъ, что тогда, какъ и въ западно-европейской, и въ русской литературѣ главное вниманіе писателей обращено на изображеніе жизни и ея треволненій въ формѣ романа или повѣсти, малорусская литература развиваетъ преимущественно лирическую форму творчества. Причина этого кроется вѣроятно и въ самомъ складѣ народнаго характера малоруса. Народная малорусская поэзія—главнымъ образомъ лирическая, и лирическіе образцы ея не уступаютъ лучшимъ образцамъ народной поэзіи другихъ націй; самъ Шевченко почти исключительно лирикъ. И въ то время, когда вся почти малорусская литература опредѣляется лирическими „творами“ (даже драматическія произведенія часто расплываются въ потоки лиризма въ ущербъ правильному развитію дѣйствія),

повѣсть и романъ стоятъ совсѣмъ на заднемъ планѣ,—ихъ мало кто пишетъ, ими мало кто интересуется. Еще у галицкихъ писателей можно встрѣтить одну-другую удачную повѣсть, одинъ-другой довольно искусно построенный романъ, въ нашихъ же въ малорусскихъ изданіяхъ современная повѣсть исчерпывается десяткомъ мало удачныхъ произведеній, такъ что неоконченный романъ Мирнаго „Повія“ можетъ считаться лучшимъ повѣствовательнымъ произведеніемъ за послѣднія 5—6 лѣтъ. Между тѣмъ правильное развитіе малорусской литературы значительно зависитъ отъ установки опредѣленныхъ литературныхъ формъ повѣствовательныхъ произведеній; между лучшими образцами творчества такого типа мы можемъ смѣло поставить послѣднюю повѣсть Левицкаго „Кайдашева симя“.

Авторъ касается любопытнаго вопроса малорусской жизни, именно глубокаго индивидуализма и стремленія къ обособленію, замѣчаемыхъ въ наклонности малорусской семьи къ дифференцированію [1]). Вотъ выросли сыновья, женились, и каждый изъ нихъ начинаетъ жить отдѣльною жизнью, имѣть для своей семьи отдѣльную хату, отдѣльный „городъ“, и пару воловъ, и коня—„буть кругомъ самостійнымъ паномъ“. И жена, взятая изъ чужой семьи, рѣшительно тянетъ на эту же сторону, стремится къ выдѣленію новой зарождающейся ячейки изъ стараго улья. Не живется молодымъ купно съ старыми, когда приходится поступиться своими личными вкусами, привычками и симпатіями ради того, что „спильне жыття“ увеличило бы ихъ благосостояніе. Лучше быть бѣднымъ, чѣмъ подневольнымъ. А нѣтъ силы поставить на своемъ этому подросшему, возмужавшему или новому члену малорусской семьи, сурово, напримѣръ, давитъ его власть тестя, жестоко разъѣдаютъ его сердце попреки свекрови,—и этотъ человѣкъ готовъ бросить все и бѣжать хоть «на Кубаньскы степы». Такъпоступаетъ «съ поетичною душею, зъ ласкавымъ серцемъ» тихая Мелашка, и ея родственники боятся, какъ бы

[1]) Любопытно, что въ томъ же году, когда появилась „Кайдаш. симя“, въ одной изъ своихъ повѣстей („Двѣ пары“ Руск. М. 1887 г. № 8, 9) Эртель касается того же вопроса: въ яркой картинѣ и сильными красками онъ изображаетъ совершенно противоположныя отношенія между новыми ячейками и старымъ ульемъ въ великорусской семьѣ. Тамъ ничѣмъ не соблазнишь крестьянина Ѳедора отдѣлиться отъ семьи, ни женитьбой на любимой дѣвушкѣ, ни 21 десятиной, приносимыми Ѳедору въ даръ помѣщикомъ въ случаѣ его женитьбы. Но Ѳедоръ твердо памятуетъ, что онъ составляетъ необходимое колесо въ сложной семейной машинѣ, безъ котораго она должна остановиться.

она не рѣшилась на все, лишь бы спасти свои личныя опредѣлившіяся уже симпатіи и привычки. Индивидуализмъ малоруссa имѣетъ и хорошія, и дурныя стороны; что въ немъ хорошо, что дурно—это вопросъ особый; мы только указываемъ на то, что Левицкій искусно затрогиваетъ его въ исторіи злосчастной Кайдашевой семьи, благодаря чему повѣсть Левицкаго пріобрѣтаетъ значеніе соціологическаго очерка по вопросу о современномъ положеніи семейныхъ отношеній у малороссовъ, и притомъ очерка, вѣрно рисующаго малорусскую сельскую обстановку и крестьянское житье-бытье.

Не касаясь отдѣльныхъ художественныхъ достоинствъ повѣсти, мы отмѣтимъ прекрасную постройку и развитіе темы, хотя они не вездѣ одинаково удаются автору, затѣмъ на разговоры по поводу «сучого» горба, который при самомъ въѣздѣ въ село мѣшалъ проѣзду и «потрощывъ» крестьянамъ «не одного воза»; но этого горба никто не хотѣлъ раскопать въ одиночку, хотя «той каторжный горбъ сыдивъ каждому въ печинкахъ», и его легко можно было бы снести нѣсколькими ударами заступа.—«Почему же *я* долженъ раскопать», думалъ каждый, «вѣдь горбъ—помѣха *всѣмъ*»... И только послѣ приказа изъ волости равнять дороги былъ раскопанъ «капостный» горбъ, когда всѣ крестьяне обязаны были выйти на работу по разчисткѣ проѣзжей дороги. Обращу также вниманіе на замѣчательную по рельефности и поражающей детальности психологическую картину бѣлой горячки распившагося Кайдаша и его смерти (ст. 151—164). Лучшія мѣста повѣсти Левицкаго безспорно тѣ, гдѣ авторъ изображаетъ женскія «суперечки». Здѣсь онъ является мастеромъ, равнаго которому мы не знаемъ въ малорусской литературѣ. Сцены между Мотрею, Кайдашихою и Мелашкою полны такого живаго юмора, такъ художественно хороши, что въ нихъ чувствуется большой талантъ. Тутъ же выступаютъ и неподражаемыя Параска и Палажка.

Этнографическія черты (ст. 24, 158 и др) введены авторомъ очень искусно, въ противность манерѣ многихъ малорусскихъ беллетристовъ, которые вмѣсто живыхъ художественныхъ изображеній народной жизни даютъ неудачно скомпонованныя quasi—этнографическія картинки. За то авторъ страдаетъ нѣкоторою неопредѣленностью образовъ и неумѣніемъ описывать внѣшнюю сторону интересующаго предмета. Рѣчь становится иногда искусственной (напр. стр. 70: «на его шырокому блидому лоби, на его спущенихъ вижахъ литала, глыбока, важка туга, литавъ соромъ, перемишаный съ жалемъ» и др). Авторъ часто прибѣгаетъ къ заимствованію сравненій и прямо

фразъ изъ малорусской народной поэзіи. Иногда такая рѣчь выливается удачно, но есть не мало мѣстъ вставленныхъ механически, какъ бы пришитыхъ и дѣланныхъ (напр. стр. 114), и рѣчь постоянно пестрится выраженіями въ родѣ «якъ, якъ... наче, наче... нибы, неначе» и др. Наконецъ пѣсенный размѣръ вводится въ разговоры дѣйствующихъ лицъ, гдѣ является совершенно неумѣстнымъ, такъ что простой селянинъ Лаврінъ (типъ наиболѣе слабо очерченый авторомъ) объявляетъ матери о томъ, что нашелъ себѣ невѣсту, въ такихъ словахъ: «Тамъ побачывъ я дивчыну! Брови черны, очы кари, любо подывытысь; лычко, якъ калына, а якъ гляне, засміется, въ мене серце вьяне...» «якъ зъ нею не оженюся, то въ Роси утоплюсь»; и такихъ рѣчей много въ повѣсти. Кромѣ того избытокъ и однообразіе въ описаніяхъ природы вносятъ въ произведеніе нѣсколько приторный сентиментализмъ, для читателя изъ народа совершенно непонятный и ненужный. Народъ и говоритъ, и любитъ, и мыслитъ реальнѣе, чѣмъ эти и подобные герои нашихъ беллетристовъ.

И. Ж.

Адресъ-Календарь кіевской губерніи на 1888 годъ, съ адрессами квартиръ и алфавитнымъ указателемъ фамилій. Изд. кіев. губ. стат. комитета. Кіевъ. Тип. губ. правл. 1888.

Нельзя не пожалѣть, что кіевскій губернскій статистическій комитетъ въ новомъ на 1888 годъ адрессъ-календарѣ, въ которомъ повидимому тщательно собраны свѣдѣнія и адресы объ учрежденіяхъ всѣхъ вѣдомствъ въ г. Кіевѣ, уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ кіевской губерніи, обошелъ молчаніемъ учрежденія Краснаго Креста, благотворительныя общества, дневные и ночлежные пріюты, дома для бѣдныхъ, университетскія клиники и др. вспомогательныя учрежденія при университетѣ, ученыя общества, редакціи существующихъ въ Кіевѣ офиціальныхъ и неофиціальныхъ періодическихъ изданій, частныхъ лѣчебницъ, безплатныхъ консультацій врачей, постоянныя выставки картинъ и многое другое.

Документы, извѣстія и замѣтки.

ПРОЦЕССЫ ПО ДѢЛАМЪ ОБЪ АЗАРТНОЙ ИГРѢ.

Иногда въ документахъ и лѣтописныхъ извѣстіяхъ намъ встрѣчались указанія на существованіе азартной игры въ средѣ козаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Для игры употреблялись кости и карты. Въ большинствѣ случаевъ игра имѣла значеніе развлеченія, не связаннаго съ особенными корыстолюбивыми разсчетами; такова, напримѣръ, была игра, описанная въ лѣтописи Величка подъ 1675 годомъ. Здѣсь, въ разсказѣ о нападеніи янычаръ на Сичъ, лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующую подробность: когда янычары успѣли уже занять Сичъ и наполнили всѣ ея улицы, они были замѣчены «шевчикомъ», который проснулся въ одномъ изъ куреней и выглянулъ въ окно. Увидѣвши враговъ у стѣнъ куреня, шевчикъ «ознаймилъ о томъ молчкомъ пятомъ, чили шестомъ товариству картникамъ, въ томъ-же куренѣ еще не спавшимъ, но въ одномъ куплѣ, закрывшись, тихо въ карты игравшимъ; которіе тое услышавши и карты покинувши», разбудили остальныхъ товарищей. Организована была быстро защита, кончившаяся пораженіемъ и почти совершеннымъ истребленіемъ янычаръ [1]). Очевидно куренные братчики, пользуясь праздничнымъ временемъ (дѣло было на рождественскихъ праздникахъ), забавлялись карточною игрою и вели ее далеко за полночь въ совершенной тишинѣ, чтобы не мѣшать сну нѣсколькихъ сотъ товарищей, спавшихъ въ томъ-же куренѣ.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ игра имѣла далеко не столь безкорыстный характеръ; встрѣчались люди, которые пользовались слабымъ характеромъ или нетрезвымъ состояніемъ обывателей, вовлекали ихъ въ азартную игру и обыгрывали до полнаго разоренія ихъ.

---

[1]) Лѣтопись Самуила Величка, томъ II, стр. 360.

Въ такихъ случаяхъ потерпѣвшіе пытались отстоять хотя часть проиграннаго добра и вслѣдствіе ихъ усилій возникало судебное разбирательство дѣла. Мы видимъ, что въ такихъ случаяхъ судебныя власти, руководясь взглядомъ общества на значеніе азартной игры, становятся на сторону потерпѣвшаго и даютъ дѣлу оборотъ невыгодный для шулеровъ. Вотъ передъ нами два акта подобнаго рода.

Первый документъ заимствованъ изъ «мѣстскихъ» книгъ сотеннаго города Насташки.

Насташка, нынѣ многолюдное село васильковскаго уѣзда, лежащее къ югу отъ Бѣлой Церкви, было основано въ 1577 году бѣлоцерковскимъ подстаростою кн. Димитріемъ Булыгою-Курцевичемъ; оно принадлежало къ Бѣлоцерковскому старосту, а потомъ, когда при Хмельницкомъ староство преобразовалось въ Бѣлоцерковскій козацкій полкъ, Насташка стала сотеннымъ городомъ этого полка. По свидѣтельству описи, составленной воеводами, приводившими козацкіе полки къ присягѣ на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу въ 1654 г., городъ былъ укрѣпленъ палисадомъ и башнями: «Около посаду стоячій острогъ, а по острогу 2 башни проѣзжихъ съ вороты, да башня глухая». Въ городѣ находилась соборная церковь Успенія Пресв. Богородицы и числилось 273 домохозяевъ; изъ нихъ 140 принадлежало къ мѣщанскому сословію, 122 къ козацкому и 11 къ шляхетскому [1]). Присутствіе послѣдняго сословія составляетъ оригинальную особенность Насташки. «Настаская шляхта», какъ ее называютъ гетманскіе универсалы, была чисто мѣстнаго и весьма недавняго происхожденія. Лѣтъ за 10 до возстанія Хмельницкаго король Владиславъ IV призналъ дворянскія права за старостинскими боярами бѣлоцерковскаго замка, жившимъ въ Насташкѣ. Когда вслѣдъ затѣмъ вспыхнуло народное возстаніе, шляхта Настаская, не смотря на данныя ей сословныя права, примкнула къ народному дѣлу и осталась на мѣстѣ. Гетманы отнеслись къ ней съ сочувствіемъ и старались всячески гарантировать ея безопасность. Такъ въ 1654 году Богданъ Хмельницкій универсаломъ отъ 15 января увѣдомилъ бѣлоцерковскаго полковника о томъ, что онъ увольнилъ Настаскую шляхту отъ военнаго постоя. Въ 1667 (Мая 11) ту же льготу возобновилъ универсалъ Петра Дорошенка въ благодарность за то, что «панове шляхта Настаская ни въ чомъ стародавной пріязни своей противъ

[1]) Акты Южной и Западной Россіи, т. X стр. 791.

насъ, войска Запорожскаго, не нарушила»[1]),—выраженіе это не было простою формулою любезности, но признаніемъ дѣйствительной заслуги: за нѣсколько дней до изданія универсала Дорошенко отправилъ было Корсунскій козацкій полкъ противъ Бѣлой Церкви, въ крѣпости которой засѣлъ польскій гарнизонъ; комендантъ крѣпости Стахурскій сдѣлалъ удачную вылазку и разсѣялъ корсунцевъ, которые спаслись отъ окончательнаго разгрома бѣгствомъ въ Насташку, жители которой оказали имъ поддержку и защиту[2]). Пользуясь укрѣпленіями Насташки и расположеніемъ ея жителей, Дорошенко рѣшился сдѣлать ее базисомъ дальнѣйшихъ военныхъ операцій противъ Бѣлой Церкви и помѣстилъ въ городѣ пѣхотный полкъ сердюковъ въ качествѣ постояннаго гарнизона. Сотни этого полка жили въ Насташкѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; они-то и подали поводъ къ возникновенію дѣла объ азартной игрѣ.

Въ январѣ 1672 года въ трактиръ, находившійся въ домѣ Ивана Поповича, вошелъ въ нетрезвомъ состояніи одинъ изъ Настаскихъ шляхтичей, Василій Троцкій[3]); онъ сѣлъ у стола и потребовалъ водки; вслѣдъ за нимъ въ трактиръ пришло нѣсколько человѣкъ сердюковъ; видя, что Троцкій сильно пьянъ, они подсѣли къ нему, начали разговоръ и предложили поиграть въ кости. Троцкій, объяснявшій потомъ, что онъ «не знаетъ и не вѣдаетъ, шчо то есть кости альбо карты», подъ вліяніемъ винныхъ паровъ сталъ играть, горячиться и не обращалъ вниманія на возроставшія постоянно ставки; оказалось, что онъ проигралъ одному изъ сердюковъ Иліяшу, весьма крупную сумму—1,000 злотыхъ. Вѣроятно игра продолжалась бы дальше, и цифра выросла бы до еще болѣе значительныхъ размѣровъ, еслибы не явилась помѣха въ лицѣ жены Троцкаго; вѣроятно предупрежденная хозяевами заведенія или сосѣдями, она явилась въ трактиръ и стала уводить мужа домой; правда, сердюки прибили ее, съ досады, но тѣмъ не менѣе дальнѣйшая игра была разстроена. Троцкій, выспавшись послѣ кутежа, не только не думалъ объ отдачѣ проиграннаго, но совершенно не помнилъ о томъ, что подвизался на полѣ игры. Онъ

---

[1]) Оба гетманскіе универсала сохранились въ копіяхъ изъ „мѣстскихъ" книгъ г. Насташки (Рукоп).

[2]) См. письмо Стахурскаго—Акты Южн. и Западн. Россіи, т. VI, стр. 212.

[3]) Въ выше упомянутой воеводской описи 1654 г. въ числѣ другихъ Настаскихъ шляхтичей названъ „Василей Алексѣевъ сынъ Троицкій"—очевидно то же лицо, которое фигурируетъ въ данномъ процессѣ.—Акты Южн. и Западн. Россіи, т. X, стр. 791.

былъ крайне удивленъ, когда городовой атаманъ потребовалъ его въ мѣстскій судъ и предложилъ дать объясненіе по поводу иска, предъявленнаго противъ него Иліяшомъ, требовавшимъ уплаты проигранной суммы. Онъ сталъ отрицать свое участье въ игрѣ и сослался на свидѣтелей. Къ его счастью, всѣ свидѣтели, какъ вызванные имъ, такъ и указанные его противникомъ единогласно показали въ его пользу. Они утверждали, что онъ былъ пьянъ, и что сердюки насильно заставляли его играть въ кости, но что игра даже не состоялась. Руководясь этими показаніями, атаманъ и судьи освободили его отъ уплаты и, взыскавъ съ него „памятне", т. е. небольшую судебную пошлину, отпустили съ миромъ. Впрочемъ Иліяшъ не сразу отказался отъ надежды на незаконный барышъ, онъ перенесъ было по апелляціи въ полковой судъ; но послѣдній отнесся также не сочувственно къ его претензіи, дѣло оставлено было долго безъ движенія, и только лѣтъ 6 спустя по взаимному соглашенію полковники: Бѣлоцерковскій и Сердюцкій нашли справедливымъ рѣшеніе мѣсткаго Настаскаго суда и вполнѣ его одобрили.

Другой документъ заимствованъ изъ дѣлъ Остерскаго магистратскаго и сотеннаго суда [1]).

Въ городѣ Острѣ въ началѣ протлаго столѣтія проживалъ мѣстный обыватель Иванъ Друцкій, человѣкъ зажиточный, но легкомысленный; Друцкій любилъ посѣщать общество и часто лишнее выпивалъ въ веселой компаніи; эту слабость его замѣтилъ его сосѣдъ Лапѣка и рѣшился ею воспользоваться съ корыстною цѣлью; онъ сталъ исправно посѣщать тѣ компаніи, куда ходилъ веселиться Друцкій, и когда замѣчалъ, что послѣдній достаточно выпилъ, предлагалъ ему карточную игру. Друцкій, не смотря на постоянные проигрыши, не могъ удержаться отъ искушенія и въ нѣсколько пріемовъ проигралъ все свое состояніе: сначала игра шла на готовыя деньги, потомъ на вещи: котлы, хлѣбъ, одежда жены и дѣтей, наконецъ домъ въ Острѣ—все это было проиграно жадному сосѣду. Друцкій задумался надъ своимъ положеніемъ только тогда, когда очутился нищимъ; удрученный горемъ и стыдомъ онъ сдѣлалъ рѣшительный

---

[1]) Документъ этотъ находится при Румянцевскомъ описаніи Малороссіи (Остерская сотня, село Ескова гребля); онъ былъ найденъ при разсмотрѣніи этого матеріала проф. П. В. Лучицкимъ, который намъ обязательно сообщилъ его копію.

шагъ: отправился въ Межигорскій монастырь, упалъ къ ногамъ архимандрита Иродіона Жураховскаго, просилъ постричь его въ монахи и принять какъ вкладъ въ монастырь проигранный имъ домъ, если монастырю удастся вырвать эту добычу изъ рукъ хищнаго шулера. Архимандритъ внялъ его просьбѣ и обратился съ ходатайствомъ о заступничествѣ къ Кіевскому полковнику Антонію Танскому; послѣдній поручилъ Остерскому смѣшанному сотенному и магистратскому суду [1]) разсмотрѣть дѣло о карточной игрѣ Лапѣки. Судъ, собравъ свѣдѣнія по данному дѣлу, постановилъ слѣдующее рѣшеніе: готовыя деньги 105 злотыхъ и хлѣбъ $6^1/_2$ осмочокъ жита признать собственностью Лапѣки, приказать возвратить ему одежду, забранную въ коморѣ Друцкаго, принадлежавшую женѣ и дѣтямъ послѣдняго; отнять у Лапѣки выигранный въ карты домъ и передать въ собственность Межигорскому монастырю; обязать Лапѣку никогда не предъявлять претензій на домъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 50 талеровъ въ пользу сотеннаго и магистратскаго судовъ.

Оба указанные документа, изобилующіе бытовыми подробностями, мы приводимъ въ подлинномъ ихъ текстѣ, сохраняя правописаніе подлинниковъ. **В. А.**

1.

Року Божого 1672, мисяца Януарыя 31 дня.

Предомною Лескомъ Савченкомъ, атаманомъ Настаскимъ на тотъ часъ будучимъ и при бытности людей зацныхъ, товариства нашего, козаковъ войска Запорозкаго, при пану Андрушкови Рудыцы, Василимъ Билецкомъ, Іосифомъ Демскимъ, Василю Троненку и при бытностности паномъ Конономъ, сотникомъ пихотнымъ наказнымъ и товарыства не мало при немъ будучыхъ и вири годныхъ, такъ козаковъ, яко и посполитыхъ людей. Ставши предъ судъ нашъ Илляшъ козакъ пѣхотной сотни, на стаціи у насъ зостаючихъ, въ Настасцы, ускоржале намъ на пана Васылыя Троцкаго въ томъ способи: „пжемъ выгралъ у Троцкаго въ кости тысяча золотыхъ и не хочетъ мені заплатыть и моего, щомъ у него выгралъ, отдаты“. Предто, чуючы мы жалобу менованную Илляша, казалысмо пана Троцкого предъ себе призваты, абы ведлугъ пропозыціи Илляшевой отводъ слушный Троцкій изъ себе тоей справы далъ. Который, ставши предъ урадомъ на-

[1]) Изъ этого обстоятельства можно заключить, что Друцкій и Лапѣка принадлежали: одинъ къ козацкому, другой къ мѣщанскому сословію.

шымъ, такъ мовытъ: „Панове! ижъ я о тотъ не знаю и не видаю, що то есть косты альбо карты, толко то напрасною на мене идутъ и непотребныѣ ричы на мене волокуть; здаюся на люды зацныи, которыи тамъ при мни були и видилы все, що зо мною дѣялось". Теды казалысмо и свидковъ тыхъ ставыты, на которыхъ стороны обыдви здавалыся, а меновите: на Ивана Поповыча, господара того дому, гдеся тое діало; другій Сымонъ, треты Леско Самчинскій, которыѣ, ставши предъ судомъ нашымъ, прызналы подъ сумленѣмъ, яко зацные люде, вири годные и ни въ чомъ не подейзронымѣ, всѣ тры, якъ ѣдынъ, слово вслово мовылы, будучи сумленіемъ обовязаныи: „Панове! Мы для себе душу ховаѣмъ, але по правди признаѣмъ, же то не есть правда, жебы милъ Васко Троцкій з ными въ костыры играты; альбо що становыты, але и пары з устъ своихъ до нихъ не выпустылъ; тылько Троцкій, пришедшы, горылки соби даты казалъ и козаки седячи тамже, въ той господи, горилку пыли, а бачылы, що Троцкій пяный, сталы его гвалтомъ тягты, не гралы, тылько пылы горылку; теды, выдячи Троцкого жона, же его прымушаютъ играты, взявшы мужа своего до господы хотила одвесты; теда оны и жону Троцкого за то былы тыранско и стермосовалы, якъ сами хотилы". Що тыжъ чуючи поводъ свидоцтво тыхъ людей, же на Троцкого ничого не призналы, а много межъ собою контровертуючися, здалыся на другихъ свидковъ, а меновите: на господыню тую и на дивку тойже господыни, до которыхъ мы съ уряду выслалы людей добрыхъ и вири годныхъ: першого Грицка Хиченка, другого Андрушка Илляшенка, абы въ свидоцтво тыхъ особъ, на когося обидви стороны здавалы почувши одъ нихъ, намъ, уряду ознаймылы; теды и тые свидки: господыня дому того, гдеся тое діяло, а мыновите: Олена жена Поповичова и Пазка Поповна тоѣжъ прызналы, шо и першые свидки, що Троцкій и замыслу не мивъ въ косты играты изъ ными и въ бесиду засидаты, тылько гвалтомъ его до того хотилы прымусыты. Предто, чуючи мы, урядъ, свидоцтво оныхъ людей зацныхъ, же Троцкій до того не есть виннымъ, как залысмо памятнымъ заложыты. Который, заложивши памятнымъ, просилъ насъ, абы тая справа была записанная. Шо есть и записано и до кныгъ нашыхъ мыскыхъ Настаскихъ прынято. Діялося въ Настасци року и дня вышъ описанного.

Леско Савченко, атаманъ городовый Настаскій съ товариствомъ.

Устне прошоный отъ пана Троцкого Васылыя, а за позволеныѣмъ старшинъ своихъ подписуюся Іоанъ Грегоровычъ, писарь Настаскій.

Року 1678, февраля 1 дня.

Мы, нижей подписаны, выдячи правдивую свою атестацію, а невинного Василя Троцкаго одъ Илляша, козака полку пѣхотного, чынымъ вольнымъ. Пры потверженю сей аттестаціи руки нашы при печатяхъ подписуемъ. Въ Ставыщахъ.

Стецко Бутенко, полковникъ войска городового Билоцерковскій. Иванъ Каневецъ, полковникъ войска пихотнаго Билоцерковскій.

2.

Року тисяча сѣмъ сотъ пятогонадцят, марта осногонадцят дня. По злецѣню Его Милости, Пана Антонія Танского, полковника войскъ его царского пресвѣтлого величества запорожскихъ Киевского, высоце въ Богу превелебнѣйшій Его милостъ Господинъ отецъ Радіонъ Жураховскій, архимандритъ свято Преображенскій Киевскій, вслебнимъ в Богу его милостю господиномъ отцемъ Макаріемъ, намѣстникомъ тоея ж де святия обители, въ лѣтералномъ извѣстительномъ прошенномъ писаніи презентуючи тое, что Іванъ Друцкій, бившій жител нашъ Остріцкій и козакъ, уже при старости лѣтъ своихъ слученне мѣл себѣ таковое: въ единомъ дому будучи на подпитку, гдѣ живалъ, Лапѣка тамже был, и подсѣвши под оного Друцкого зъневолилъ его словами своими ухищреннимы в карти играти; в которого выгралъ зол. сто и пят зол.; другимъ разомъ, такожъ ухищреннемъ своимъ, повѣл оного, також пяного, до игры и выгралъ Лапѣка повторне у Друцкого казановъ два винничних и казановъ малих два и двур стоячій, у старомъ мѣстѣ острѣ отъ помѣжника Лаврана Евжика лежачій, з коморою рубленою (в которой и жита пол осмы осмачки): потомъ Иванъ Друцкій, прибувши въ монастырь свято межигорскій, палъ на ногахъ отца архимандрита, совѣст свою открывши, просил о габѣтъ святій, и тотъ дворъ на обител святую legовал, что и одержалъ, просил о декретъ того двора зъ притиснѣниемъ печати і подписомъ рукъ видаты.

Мы, старшина остріцкая, Сергій Солонина, сотникъ остріцкій, Юрій Харсѣка, атаманъ городовій тамошній, Павел Боровик, войтъ остріцкій, зъ майстратовими, Тимофѣй Губка, Иванъ Опушній, товариство сотнѣ остріцкой роспросъ чинилисмо, и совершенно усмотрѣвши нилушную сию (якъ то ухищренно Друцкого пяного) игру, тотъ дворъ, им же, Друцкимъ, на обытел святую межигорскую legованный при оном же, совсѣмъ якъ належитъ, ограниченіемъ и мѣст-

цемъ и будинкомъ, казанами двома винничнимы и другими двома маленкими казанками, заховуемъ. А ему, Лапѣцѣ, присудилисмо вишреченние виигранние зол. сто и пять зол. и жита пол семи осмачки в контентъ ему взяти и позволяемъ, фанти теж билодловские, им же Лапѣкою в коморѣ дѣтей Друцкого забранние, велѣлисмо им же привернути. А его, Лапѣку, самого, жону, дѣтей, кревнихъ, близкихъ и далекихъ оттого двора весма отлучивши, обваровапне чинимъ, если бы теперъ Лапѣка і на потомъ з своимъ близкимъ и далекимъ потомствомъ в томъ спокойномъ владѣти того двора и обители свято межигорской важился якое те межене чинити, таковій неомилне вини на урядъ полковництва Киевского тал. сто, а на урядъ нашъ войсковой і мѣскій острицкій тал. пятдесятъ заплатит, з нагорожениемъ идучихъ шкодъ оправданной сторонѣ. На що, во лутшое достовѣрство и защищение, сее наше декретовалное писание велѣлисмо в книги наши козацкие и мѣские приняти, а екстрактъ из оних, слово вслово виписавши, потребуючой сторонѣ, обители святой межигорской Киевской, при подписѣ рукъ нашихъ и притисненіемъ печати ствердивши, велѣлисмо видати.

Сергій Солонина, сотникъ остерскій, Юрій Харсѣка, атаманъ городовій тамошній, Павелъ Боровик, вуйтъ острицкій з майстратомъ.

Корикговалъ с книгами Данпло Gадзѣнскій, писарь острицкій.

(Приложены 3 печати).

ИЛЛЮСТРАЦІИ ШЕВЧЕНКА.

При мысли о недолгой, тяжкой жизни украинскаго поэта, въ умѣ встаетъ удивительный лермонтовскій образъ затворника-юноши, бѣжавшаго изъ стѣнъ монастыря на желанную волю. Свободной, полной жизнью молодой Мцыри поэтъ жилъ только три дня. Но что прежніе годы въ сравненіи съ тѣми незабвенными днями! Есть періодъ въ жизни малорусскаго поэта,—годы полнаго расцвѣта творчества и жизненныхъ силъ,—безъ которыхъ остальная судьба его была бы только мрачнымъ прозябаніемъ. Такихъ лѣтъ всего девять, отъ выкупа на волю до ссылки (1838—47).

Въ нашихъ рукахъ свидѣтельство самого поэта о той благодатной порѣ. Въ повѣсти „Художникъ“ мы видимъ его, впервые переживающаго счастье независимой жизни. Восторжествовавшее надъ произволомъ достоинство человѣка, первое упоеніе свободой, мечты

объ искусствѣ—все отозвалось въ этихъ писанныхъ въ ссылкѣ воскреснувшихъ, свѣтлыхъ воспоминаніяхъ.

Эти повѣствовательныя замѣтки не даютъ намъ всего духовнаго міра поэта въ ту эпоху. Рисуя его житейскія отношенія, онѣ касаются только одной стороны его внутренней жизни, стороны, развитіе которой онъ связалъ съ своей судьбой. Предъ нами петербургскій академистъ—живописецъ, ученикъ Брюлова. Болѣе индивидуальная и великая сила души его, уже въ тѣ начальные годы вырывавшаяся могучими звуками, а потомъ нашедшая голосъ избранника—умышленно затушована, скрыта. О силѣ его слова и объ истинномъ подъемѣ его духа свидѣтельствуютъ украинскія его произведенія. Въ „Художникѣ“ надо искать только общаго настроенія и внѣшнихъ фактовъ его жизни. Но для узнанія Шевченка-живописца повѣсть даетъ много цѣнныхъ указаній.

Оторванный отъ близкаго ему общества, лишенный вѣрной и справедливой оцѣнки, онъ не весь еще отдается во власть тѣхъ звуковъ, которые диктуетъ ему тоскующая душа. Онъ еще думаетъ о долѣ *художника* и добросовѣстно проходитъ ту выучку, безъ которой нельзя достигнуть ничего въ живописномъ искусствѣ. Самъ „Карлъ Великій“, поддерживаетъ и ободряетъ его. Онъ старательно рисуетъ „программы“, ведущія къ академическимъ степенямъ. Для заработка онъ пишетъ картинки на продажу и преимущественно портреты.

Въ будущей полной біографіи поэта необходимо будетъ сказать, что дали въ результатѣ его занятія живописью, и опредѣлить его, какъ живописца. Сколько нибудь основательнаго мнѣнія на этотъ счетъ до сихъ поръ не существуетъ. Происходитъ это, во-первыхъ, отъ чрезвычайной разбросанности въ настоящее время рисунковъ Шевченка и отъ того еще, что въ работахъ своихъ онъ былъ очень неровенъ. Увлекаемый и увлеченный окончательно другимъ, болѣе истиннымъ и сильнымъ призваніемъ, онъ не нашелъ своего настоящаго рода въ живописи и потому разбрасывался.

Наиболѣе сродной ему областью повидимому надо считать портретъ и типъ. Значительнаго совершенства достигъ онъ также въ благородномъ искусствѣ офорта.

Отъ него остались работы ученической поры, композиціи, портреты, писанные по заказу, дорожные альбомы и этюды съ натуры и серіи рисунковъ, присылавшихся друзьямъ изъ ссылки для продажи. Единственный выпускъ „Живописной Украины“ является значительной, отвѣтственной работой первой эпохи. Болѣе извѣстны

труды послѣднихъ лѣтъ, когда онъ исключительно занялся офортомъ. Лучшія его черты, какъ живописца, выразились въ вещахъ, писанныхъ съ любовью и отъ души. Таковы нѣкоторые портреты, напр., портретъ Кулиша въ молодости, недавно пріобрѣтенный въ собственную коллекцію В. В. Тарновскимъ, портретъ Ольриджа и друг. Интересъ представляютъ также его наброски малороссійскихъ мѣстностей и типовъ.

Изученіе всего этого возможно было бы впрочемъ только въ томъ случаѣ, еслибы устроилась когда-нибудь совмѣстная выставка картинъ Шевченка. Но пока не приведена еще въ извѣстность самая наличность ихъ, о живописи Шевченка говорятъ всегда гадательно. Пусть бы появлялись хотя простыя сообщенія о рисункахъ его и холстахъ. Нашлась бы возможность составить хоть перечень всего этого и опредѣлить мѣсто нахожденія. Есть, напримѣръ, двѣ книги съ иллюстраціями Шевченка. Навѣрное немногіе знаютъ о нихъ, хотя обѣ онѣ сороковыхъ годовъ и изрѣдка попадаются еще въ продажѣ.

Литературный сборникъ *Наши, списанные съ натуры русскими*, составленъ изъ статей Башуцкаго, Львова, Основьяненка и Даля. Для своего времени (1841 г) онъ изданъ необыкновенно изящно. Это одинъ изъ первыхъ опытовъ изданія произведеній бытоваго характера съ оригинальными иллюстраціями. На ряду съ именами даровитаго Тима и Клодта въ числѣ иллюстраторовъ стоитъ имя Шевченка, давшаго большой рисунокъ къ очерку земляка своего Квитки, „Знахарь“.

Харьковскій разсказчикъ, съ обычнымъ своимъ добродушнымъ юморомъ, набрасываетъ обликъ смѣтливаго человѣка изъ крестьянства, построившаго свое вліяніе и благополучіе на суевѣрномъ невѣжествѣ и патріархальной довѣрчивости селянъ. Значительнымъ и солиднымъ, почти увѣровавшимъ въ свое могущество и знаніе, видимъ его и на рисункѣ Шевченка. Онъ идетъ по улицѣ, сосредоточенно опустивъ голову, распахнувъ свиту и опираясь на палку. Дивчына въ окно хаты съ любопытствомъ заглядываетъ на знахаря, изъ за угла смотрятъ еще почитатели его, селяне.

Типъ очевидно зачерченъ съ натуры. За это говоритъ производимое имъ впечатлѣніе реальности. Костюмъ, чоботы, шапка—все на манеръ тѣхъ, какіе носятъ въ кіевской губерніи. Оригинальный рисунокъ этого типа находится опять таки въ интересной коллекціи г. Тарновскаго.

Въ видѣ случайнаго поденщика попалъ конечно карандашъ Шевченка въ книгу Полевого: „Исторія князя Италійскаго, графа Суворова—Рымникскаго“ (Спб. 1843. Второе изданіе 1857). Здѣсь много маленькихъ, очень плохихъ его рисунковъ. Вся книга иллюстрирована имъ совмѣстно съ художниками Коцебу и Дерикеромъ. На рисункахъ его стоятъ или инціалы Т. Ш., или полная подпись. Небрежность работы изобличаетъ, какъ мало внутренней связи между иллюстраторомъ и героемъ книги. Опыты выносливости русскаго простолюдина, производившіеся рымникскимъ героемъ, не могли зажечь вдохновенія у поэта крестьянства. Одна маленькая виньетка, къ разсказу о путешествіи Екатерины II въ Крымъ по Днѣпру, набросана Шевченкомъ. Съ царской галеры, остановившейся подъ Каневомъ, видны зданія и церковка южнорусскаго типа. Это уголокъ того днѣпровскаго берега, близъ котораго въ настоящее время высится могила иллюстратора-поэта.

В. Г—ко.

МАЛОРУССКІЯ ПРИЧИТАНІЯ НАДЪ УМЕРШИМИ

Плачъ надъ умершимъ, соединенный съ особыми причитаніями, вылившимися въ формѣ народнаго стиха, имѣетъ у русскаго крестьянства обрядовое значеніе. При этомъ въ Великороссіи въ особенности въ сѣверныхъ губерніяхъ, этотъ плачъ пріобрѣлъ настолько обязательную силу, что къ покойнику приглашается особая плачея, которая идетъ за нимъ и вопитъ свои причитанія. По своему характеру плачи представляютъ чисто лирическія изліянія, съ очень трогательными обращеніями къ покойнику, который представляется какъ бы живымъ, присутствующимъ между окружающими его родными, съ прекрасными картинами, исполненными какой-то мрачной поэзіи.

Вотъ обычное причитаніе сокрушенныхъ горемъ родныхъ въ Великороссіи:

„Родимый ты, мой батюшка!
На что ты меня, горькую, оставилъ,
Горькою оставилъ, сиротою несчастною?
На кого ты покинулъ сиротъ несчастныхъ?“

(Шейн. Русск. народн. п, 566, 9. Срвн. тамъ же 564, 567 и др).

Въ Малороссіи существуетъ подобный же обычай плача надъ покойникомъ, который называется „*голосинняхъ*“. Въ *голосинняхъ* ма-

лорусскихъ выражается жалоба жены, что мужъ покинулъ ее безпомощною, а дѣтокъ оставилъ беззащитными:

„Чоловіче муий, хозяину мылый!
Чоловіче муий, господару мылый!
Кому-жъ ты свое хозяйство вручывъ?
Кому-жъ ты своихъ диточокъ покинувъ?
Хтожъ ихъ до ума ловодытеме?
Нащожъ-ты мене сыротою покинувъ?"
(Труды этногр.-статистич. экспед. IV, 704).

Положеніе жены представляется настолько тягостнымъ, что она готова пойти за мужемъ въ землю:

„Ой прыймы жъ мене до себе
У сырую землю!" (Ibid.).

Этотъ стихъ даетъ понять тѣ психологическія побужденія, по которымъ жена желала бы быть погребенною вмѣстѣ съ мужемъ не только въ силу языческаго славянскаго воззрѣнія на загробную жизнь, какъ на продолженіе настоящей, гдѣ потребуется жена и слуги. Это послѣднее воззрѣніе ясно проглядываетъ у Ибнъ-Фадлана, въ описаніи погребенія Русса.

(Сказаніе мусульманскихъ писателей о славянахъ и русск. Гаркави, 99—100).

Несчастное положеніе дѣтей-сиротъ плачъ представляетъ въ очень реальной картинѣ:

„Мои соколята!
Диточки-жъ мои мылыи,
Сыроточки безчастныи!
Доведеться вамъ горюваты,
Свое хозяйство потеряты.
Наскучыть вамъ, чужы волы пасучы,
Да чужымъ людямъ годячы.
Да чужый батько не пожалуе,
Буде васъ быты,
Буде васъ обижаты,
Будете-жъ вы воши годуваты,
Будете вы ночей не досыпаты!" (Ibid).

По символикѣ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, кукушка (зозуля) служитъ образомъ плачущаго, страдающаго человѣка, вотъ почему въ *голосинняхъ* такъ часты обращенія къ *зозулѣ* и сравненія съ нею, напр.

„Чоловичє муий, зозуле моя!
Я за тебе затулюся,
Та никого не боюся!“ (Ibid).
—„На порози стояла,
Зузуленька кувала,
А я-жъ про свого братика
Въ неи пытала:
—Чы не йде вінъ у гостоньки?“ (Ibid. 703).

Сравненія съ солнцемъ, съ мѣсяцемъ употребляются и въ голосинняхъ, напр.

„Братику, мое сонечко!
Братику, мій мисяцю ясный!
Чомъ ты мене не обогриваешъ?
Чомъ ты до мене не розмовляешъ?“ (Ibid).

Въ погребальныхъ обычаяхъ малорусскихъ, соблюдаемыхъ и теперь, замѣчается та особенность, что дѣвушку погребаютъ въ брачномъ одѣяніи невѣсты, а парня въ одеждѣ жениха, причемъ пекутъ *коровай* и раздаютъ его подругамъ, а также дарятъ платки, какъ это дѣлается на свадьбахъ [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (купянскій уѣздъ, харьковск. губ) къ умершей дѣвушкѣ избирается женихъ изъ присутствующихъ парней, а парню избирается невѣста [2]). Вотъ почему въ *голосинняхъ* надъ дѣвушкою и парнемъ всегда съ горестью вспоминается, что не дождались они свадьбы. Мать плачетъ такъ надъ дочерью-невѣстою:

„Мое дытятко, мое милее!
Я-жъ думала, що дождуся, весилля твого,
Ажъ-по я ховаю тебе!“ (Ibid. 702).

—

—„Яке-жъ наше весилля,
Братику, не веселее!
Де-жъ твоя пара!?“ (Ibid. 703).

Слѣдующее мѣсто представляетъ замѣчательный антитезъ, гдѣ сказано, что жениха ожидаетъ не „червона калына“, а „черна могыла“:

---

[1]) Объ этомъ читанъ былъ мною рефератъ на VII арх. съѣздѣ, въ Ярославлѣ, въ 1887 г.

[2]) Рефератъ П. Иванова,—читанъ тамъ же

„Мы будемъ братика
Пидъ руки выпровожаты!
У якую дороженьку?
Чы до чыстаго поля?
Чы до сынёго моря?
Чы до червонои калыны?[1])
Чы до чорнои могылы?“ (Ibid.).

Приведу плачи, которые записаны въ с. Молодецкомъ, кіевск. губ. уманскаго уѣзда. Они представляютъ какъ бы утвержденныя обычаемъ формулы, въ которыхъ изливаются скорбь и страданія надъ умершимъ.

1.

Плачъ надъ парнемъ.

Сыночку мій,
Пастуше мій,
Дытыно моя!
Хто-жъ мени буде
Худобы доглядаты?
Звидки я тебе
Буду выглядаты?
Якъ буде зозуленька куваты,
То я буду пытаты:
„Чы не бачыла моего сыночка?“
Людськи диты будуть виддаватысь,
А мое серденько на шматочки буде краятысь.
Просты-жъ мени, моя дытыночко,
Що я тебе не доглянула!

2.

Плачъ надъ дѣвушкой.

Дочко моя, господыне моя,
Швачко моя, порадныце моя, прядко моя!
Якои ты соби хаточки забажала?
Смутнои та не веселои!

[1]) *Червона калына* — образъ цѣломудреннаго дѣвичества, невѣсты-дѣвушки. *Ред.*

Чы тоби-жъ тутъ не було де буты?
Де я твою роботоньку знайду,
Все буду тебе спомынаты.
Якъ буде зозулепька куваты,
То я буду ій пытаты:
„Чы не бачыла донечки?“
Людськи диты будуть виддаватысь,
А мое серденько на шматки буде краятысь.
Якъ прыйдуть святки,
То людськи диты будуть гуляты та вбератысь,
А я буду слизмы облыватысь.

3.

Плачъ надъ хозяиномъ.

Хозяину мій, господарю мій,
Прыятелю мій, роскошъ моя!
Нащо ты покынувъ мене зъ диточкамы!
Хто-жъ мени буде пріяты такъ, якъ ты?
Хто-жъ буде диточокъ доглядаты якъ ты?
За тобою я не знала горя:
У мене все було готове: и посіяне, и погоране,
А теперъ куды не повернусь,
Все тебе згадаю.
Чомъ ты мене не роспорадывъ, не порадывъ,
Що буду я робыты?
Звидки я тебе буду выглядаты:
Чы зъ горы, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?

За хозяйкой плачутъ мужья тихо и не прпчитаютъ, а дѣти плачутъ такъ:

Мамко моя,
На що вы насъ покинулы такихъ сыритъ!
Теперь всякъ насъ наругается и набьется.
Нащо вы покинулы насъ!
Хто-жъ насъ до путя доведе?

Приведенные плачи характеризуются тѣми же мотивами, что и разобранные мною; въ нихъ выражается скорбь, что покойникъ

покинулъ семью, а о женихѣ и невѣстѣ, съ которыми погибло столько несбывшихся надеждъ, мать вправѣ сказать: „*чужы диты будуть виддаватысь, а мое на шматочки краятысь*“.

Хр. Ящуржинскій.

ПИСЬМО А. М. МИЛОРАДОВИЧА КЪ Н. М. СТОРОЖЕНКУ.

Въ нашихъ фамильныхъ бумагахъ нашлось въ современной ему копіи письмо одного изъ героевъ отечественной войны, генерала Михаила Андреевича Милорадовича, къ мужу родной сестры его, Маріи Андреевны, Николаю Михайловичу Стороженку. Помимо двойныхъ родственныхъ отношеній Милорадовичъ связанъ былъ съ Стороженкомъ нѣжною дружбою къ упомянутой выше единственной сестрѣ своей, оставшейся вдовою въ 1815 г.

Сообщаемое нами письмо написано съ поля ежедневныхъ битвъ приблизительно въ октябрѣ 1812 г., вскорѣ послѣ того, какъ занята была знаменитая Тарутинская позиція, служившая для князя Кутузова предѣломъ предположеннаго отступленія. Въ „Дѣяніяхъ графа Михаила Андреевича Милорадовича“ (С.-П. 1816) стр. 33—37 напечатанъ разговоръ между нашимъ героемъ и неаполитанскимъ королемъ Мюратомъ, во многихъ пунктахъ разнящійся отъ прилагаемаго ниже.

Въ языкѣ „письма“ обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторые слѣды родной рѣчи героя; что касается орѳографіи подлинника, то нельзя рѣшить, насколько она выдержана въ копіи.

Милостивый Государь, Николай Михайловичъ!

Послѣ послѣдняго письма моего къ вамъ бивъ чрезъ мѣрно занятъ въ авангардѣ сражаясь всякой день, неимѣлъ я возможности писать къ вамъ. Между всѣми дѣлами имѣлъ я три сраженія, съ большимъ успѣхомъ, и несмотря на наши отступленія въ одномъ дѣлѣ сѣмъ полковъ лучшихъ каваллерійскихъ били истребленіи, всякой день берутся плѣніе даже въ день по 700 человѣкъ, все сіе обстоятельно вы узнаете изъ журналовъ военныхъ, которые будутъ опубликовани; армія наша съ 20 числа заняла позицію за рѣкою Нарою, авангардъ мой имѣвъ повелѣніе удержать непріятеля въ 6 верстахъ въ переды сей позиціи, имѣлъ прекрасное и горячое дѣло въ виду всей арміи, и Богъ мнѣ помогъ не токмо удержать непріятеля

но опрокинуть всѣ его атаки на всѣхъ пунктахъ; не смотря что онъ мой флангъ въ двухъ мѣстахъ обошелъ и я принужденъ былъ нѣсколько разъ перемѣнять лѣніи подъ сильнымъ картечнымъ его огнемъ, и даби остановить стремленіе его рѣшился даже атаковать 1-й его флангъ, что съ большимъ успѣхомъ исполнено било тутъ у меня било въ дѣлѣ не болѣе 20 тысячъ противу болѣе 40 тысячъ непріятелей по словамъ плѣнныхъ; сраженіе началось въ 10 часовъ поутру и окончилось въ 7 часовъ, когда уже очень тѣмно било: на другой день объѣжая я свои аванбости нашелъ множество раненныхъ французовъ картечами и штиками; которихъ еще не успѣлъ непріятель унести и позволилъ французамъ собрать оные; сей день употребленъ былъ для погребенія мертвихъ тѣлъ. Наполеонъ прибилъ къ концу уже сраженія, всю ночь разъизжалъ по своимъ войскамъ и слишни били восклицанія, Vive l'Empereur! на другой день сего сраженія Наполеонъ прислалъ генерала Ларистона чрезъ вичайно вѣжливымъ нѣсмомъ къ князю Кутузову, и просилъ перемѣрія въ чемъ ему вѣжливымъ же образомъ словесно отъ казано; на другой день сего же посланія объежалъ я свои аваннпости, встрѣтился съ королемъ неаполитанскимъ, которой объижалъ свои, и на самомъ близкомъ растаяніи король прислалъ своего парламентела съ трубачемъ ко мнѣ приглашая меня съ нимъ видѣться, онъ остановилъ свою свиту, а я свою, и мы въстритились между нашими аваннпостами, послѣ разныхъ вѣжливыхъ на мой щотъ вираженій просилъ король уступить ему нѣкоторіе мѣста на аваннпостахъ, которіе козаки мои заняли, чрезъ мѣрно его безъ покоили, в семъ я ему отъ казалъ, но послѣ нѣкоторихъ разговоровъ обѣщалъ ему повелѣть стрелять по немъ ежели онъ движеніемъ дѣлать небудеть, тутъ начался у насъ довольно смѣшной разговоръ, король сказалъ мнѣ: пора здѣлать миръ, я болѣе другихъ желаю какъ король неаполитанскій, я ему отъ вѣчалъ: столько сколько ви желаете миру, ми желаемъ войны, вы окончили свою компанію, а мы ее только что начинаемъ, завѣвъ васъ такъ далеко въ росію въ чемъ мы успѣли, ибо положеніе ваше самое дурное, изъ вѣстніе военные таланты Наполеона не могутъ устоять противу голода существующаго въ его армін и совершеной растройки въ его кавалеріи, поверхность[1]) наша очевидна и кавалерія во всѣхъ дѣлахъ била тронута моею, король промолчалъ сказалъ мнѣ: ета война, начинаетъ бить самая жестокая, и мужики ведуть себя

[1]) Превосходство, перевѣсъ. *Ред.*

безъ человѣчно съ бѣдными французкими солдатами, которіе ищуть себѣ фуража по деревнямъ недѣлая имъ никакого зла, примовля къ тому что онъ по человѣколюбію желаеть миру уважая храбрость росейскихъ войскъ, и французкая и руская нація недолжна би никогда между собою драца,—на сіе отвѣчалъ я что росейская армія заслуживаеть уваженія, своею храбростію, я увѣренъ что росейская нація заслуживаеть таковое же уваженіе своимъ патріотизмомъ которой заставляетъ нашихъ мужиковъ истреблять усѣхъ тѣхъ которіе имѣють дерзость входить въ ихъ жилища, король повторяя все о склоненіи ихъ къ миру сказалъ мнѣ, что онъ самъ служитъ единствено съ дружбы къ Наполеону что онъ награжденіевъ никакихъ имѣть неможеть, ибо онъ самъ уже королемъ, на сія я отъ вѣчалъ что пріятній взглядъ прекрасной женщини наградить его за его храбрость и тутъ начался у насъ разговоръ о пріятной жизни въ Неаполѣ, куда меня король приглашалъ посля миру, въ сей самой день и въ ночь послалъ я нарочитія сильнія партіи для собранія фуражировъ въ плѣнъ, и чтобы тревожить французкую армію во всю ночь, послѣдствіе сего на другой день прислалъ король въ мои аванпосты генерала даманъ просить позволенія фуражировать въ деревняхъ на его флангахъ находящихся, я чрезъ одного генерала же отъ казалъ ему въ томъ, велѣвъ ему сказать „зачѣмъ король хочетъ лишить меня удовольствія брать людей лучшей его кавалеріи какъ курей нетеряя ни одного человѣка". Король чрезъ мѣрно разъ сердился и въ тотъ день дѣлалъ разніе приготовленія къ атаки а я къ оборонѣ, и на томъ же кончилось, нѣсколько дней аванпости всѣ спокойны, ночью же тревожу я силними казачьими партіями, французкая армія по всѣмъ обстоятельствамъ чрезъ мѣрно въ дурномъ положеніи,—Наполеонъ обѣщалъ мыръ въ Москвѣ, надѣясь найтить въ Москвѣ всѣхъ жителей достаточное продовольствіе и обѣщая волность народу въ расположеніи къ себѣ крестьянъ, и симъ утѣшалъ свою армію, которая единодушно желаетъ миру, но нашедь что всѣ жители изъ Москви выехали кромѣ малою частію бѣднѣйшихъ изъ конхъ по занятіи французами Москви нашлись отъ важние которіе сожыли всѣ оставшіеся провіантскіе магазини, крайне тѣмъ огорчился и вся непріятельская армія начала роптать; потерявъ всю надежду въ миру, чрезъ вичайный голодъ продолжается вов-французкой арміи даже до того что природние французи начали къ намъ бѣжать, давно уже они йидять лошадиное мясо, множество лутшихъ изъ солдатъ китаются по деревнямъ испрашивая хлѣба, но мужики которие всѣ

вооружени истребляють ихъ безъ пощады, одинъ Голова въкрасной пахре собравъ до трехъ тысячъ конныхъ мужиковъ защищалъ свою слободу съ такимъ успѣхомъ что я доставилъ ему георгіевской крестъ 5 класса вчерашняго числа прибили ко мнѣ мужики исъ Каменки боровского уезда объ явили мнѣ что они въ церквѣ торжественно присягнули защищать свои селенія до послѣдняго человѣка положивъ закономъ ежели кто изъ нихъ будетъ замѣченъ трусомъ то того истреблять не медлино, я имъ раздалъ ружья взятия въ непріятеля за конми со всѣхъ сторонъ ко мнѣ приходять мужики; сіи почтенные руские патріоты столь ожесточени противу врага что, недоволствующя истребленіемъ тѣхъ фрунцузовъ которие приходятъ въ ихъ деревни покупають у козаковъ дорогою ценою плѣнихъ истребляють оныхъ, изъ сего ясно видно что положеніе французкой арміи въ самомъ дурномъ положеніи, армія адмирала Чичагова имѣетъ назначеніе итить въ борисово, угрожая въ тилъ армію французкую и всю ихъ коммуникацію, аглечане, въ мадритѣ и французи уходять изъ ишпаніи, аглечане около неаполя а можеть бить и висадка уже здѣлана, все сіе предъ вѣщаеть славу и благоденствіе! наша армія наилутшемъ порядки ни нуждаясь ни въ чемъ, по всѣмъ соображеніямъ согласно обстоятельствамъ соединена 1-я армія со 2-ю подъ начальствомъ самаго князя Кутузова, положеніе мое самое лестное, я командую войсками въ авангардѣ находящимися а въ арміи всѣми гренадерами гвардіи и кирасировъ, однимъ словомъ изъключая двухъ корпусовъ всею арміею, ибо на случай генеральнаго сраженія назначени ко мнѣ и всѣ резерви, все сіе заставляеть меня нещадя себя заслуживать довѣренность важности поста на меня возложеннаго, обширнее сіе письмо изъ вѣщаеть васъ о всѣхъ вообще обстоятельствахъ, вы скоро получите изъ вѣщеніе вообще о всѣхъ дѣйствіяхъ въ публичнихъ вѣдомостяхъ, для чего и составляются теперь воинные журнали; ежелиже есть вамъ время то почтите меня своимъ изъ вѣщеніемъ о васъ, примите удостовѣреніе душевной привязанности и вѣчной дружбы,

вѣрной другъ и братъ Милорадовичъ.

ПРИВЯЗЫВАНІЕ УБІЙЦЫ КЪ ТРУПУ УБИТАГО.

(Изъ старой судебно-уголовной практики).

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія изъ духовной Его Преосвященства Черниговской консисторіи. Прошлаго генваря 9 въ присланномъ къ Его Преосвященству письмѣ господинъ генералъ фельдмаршалъ, сенаторъ, трехъ малороссійскихъ губерній генералъ губернаторъ и кавалеръ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій изъявилъ, что странное и человѣчество уражающее въ церквѣ села Мосонецъ произъшествіе, гдѣ канцеляристъ Хоменковъ *приковывалъ къ мертвому тѣлу убитаго* козачаго сына Іосифа Бѣденка невѣсту, козачью дочь дѣвку Христину Водяникову, и что священникъ тоя церкви Гловинскій не только къ тому допустилъ, но и приказывалъ бывшимъ при погребеніи людямъ вязать ее канатомъ и самую положить подъ гробъ, есть поводомъ его сіятельства къ его преосвященству, такъ какъ и къ инымъ малороссійскихъ епархій въладыкамъ, прозбы, чтобы его преосвященство святость церкви принадлежащую поученіями отъ подобныхъ дерзкихъ поступковъ охранилъ.—И какъ таковъ поступокъ какой то епархіи отъ священника Гловинскаго послѣдовалъ нетокмо въ противномъ святыхъ отецъ правилъ, но и высокомонаршихъ указовъ, въ конхъ точно положено виновному законное за преступъленіе въ подлежащимъ судѣ сужденіе и истязаніе;—для того, по указу Ея Императорскаго Величества, его преосвященство опредѣлилъ: во всѣ Черниговскія епархіи подсудственныя—мѣста послать изъ консисторіи указы, копми накрепко подтвердить, съ подписками, всему священству съ церковнымъ причтомъ, чтобъ таковыхъ и тому подобныхъ противо-законыхъ поступокъ нетокмо сами не производили, но и своихъ прихожанъ, яко духовныхъ дѣтей, отеческимъ увѣщаніемъ не допущали.

1783 годъ Февраля 11 дня.

Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь въ документѣ, т. е. привязываніе убійцы къ трупу убитаго есть древній судебно-уголовный обычай. Пойманнаго на мѣстѣ преступленія, или даже подозрѣваемаго привязывали къ ногѣ трупа и оставляли въ такомъ положеніи до суда, до офиціальнаго осмотра. Это имѣло значеніе или поличнаго (непререкаемой улики), или—пытки, которою вынуждалось собственное сознаніе. Нужно замѣтить, что такая форма пытки была одною

изъ самыхъ дѣйствительныхъ; рѣдкій убійца могъ выдержать долго очень близкое сосѣдство съ жертвою.

Впослѣдствіи привязываніе къ трупу потеряло всякій правовой смыслъ и получило значеніе варварскаго добавка къ тому наказанію, какое окончательно потомъ предстояло убійцѣ. Для примѣра существованія этого обычая въ древности, укажемъ на судебное дѣло 1538 г. объ убійствѣ въ Медынскомъ уѣздѣ дворяниномъ Ѳедоромъ Неѣловымъ и его женою сосѣда дворянина Степана Пронякина при вооруженномъ наѣздѣ на домъ этого послѣдняго. Главный убійца ускакалъ, а жена его Марья и слуга Ѳедька были схвачены и связаны; на шею имъ обоимъ привязали поличное—баранью шубу, забранную ими при наѣздѣ, и, приведши въ домъ жертвы, привязали ихъ къ ногѣ убитаго Пронякина. Когда затѣмъ явился доводчикъ (слѣдователь), то нашелъ ихъ еще въ томъ же положеніи—привязанными, и даже потомъ судьѣ (тіуну) истцы заявляли въ виду сильнѣйшей улики: „а вотъ, господине, Степанъ, саблями сѣченъ, мертвъ лежитъ предъ тобою, а Марья и человѣкъ ея связаны и къ ногѣ привязаны, и съ нашею шубою—съ поличнымъ".

Письмо Румянцева доказываетъ, что подобный обычай былъ распространенъ и въ Малороссіи, что онъ держался здѣсь до конца XVIII в. (вопреки закону). Гуманныя идеи Екатерининскаго вѣка, какъ видно, не оставались въ видѣ однихъ либеральныхъ фразъ наказа знаменитой Императрицы [1]).

М. Владимірскій-Будановъ.

ПИСЬМО С. А. НЕПЛЮЕВА КЪ НОВОБРАЧНОЙ ДОЧЕРИ.

Принимая во вниманіе генеалогическія и хронологическія данныя, авторомъ означеннаго письма слѣдуетъ считать Семена Александровича Неплюева, сына генералъ-майора Александра Ивановича Неплюева (Россійская родосл. книга, изд. кн. П. Долгоруковымъ, ч. IV, 162—163) и зятя извѣстнаго Г. Н. Теплова. Вотъ что писалъ между прочимъ послѣдній о немъ кн. М. М. Щербатову: „Сей податель письма есть зять мой, за которымъ большая моя дочь Анна

[1]) Уважаемый авторъ замѣтки обѣщаетъ доставить редакціи цѣлый рядъ подобныхъ документовъ.

Григорьевна, т. полковникъ Семенъ Александровичъ Неплюевъ. Онъ характеру благороднаго и честной души, способности имѣетъ къ службѣ не площадныя. Скучилъ быть членомъ въ Малороссійской коллегіи, сидя съ дураками малороссіянцами и ябедниками, чрезъ шесть лѣтъ. Я, зная нужду въ людяхъ для намѣстничествъ и зная его способность *и многое чтеніе*, которое природный его разумъ весьма украшаетъ, *и перомъ дѣйствовать* (такъ какъ имѣющаго уже великую практику въ дѣлахъ) много подкрѣпляетъ, посовѣтовалъ ему искать мѣста въ намѣстничествѣ Орловскомъ, гдѣ онъ испомѣщенъ, и въ томъ адресоваться по порядку къ вашему сіятельству. Молодому человѣку, не изъ корысти, но изъ чести служащему, первое побужденіе есть самая честь. Примите его въ свою протекцію и, сколько сила ваша дѣйствовать можетъ, помогите сему честному человѣку представленіемъ вашимъ, когда дѣло дойдетъ до Орловской губерніи". Окт. 17, 1777 года (Русск. архивъ 1869, стр. 218). Какъ извѣстно, самъ Тепловъ имѣлъ превосходное и большое имѣніе, с. Молодовое, орловской губ., карачевскаго уѣзда, гдѣ находился огромный каменный домъ съ обширными службами, садомъ, большимъ архивомъ и библіотекою (Русск. Старина 1870, II, 195).

Просьба тестя, какъ видно, вскорѣ возъимѣла свое дѣйствіе, такъ какъ уже съ 1778—1780 г. С. А. Неплюевъ состоялъ предсѣдателемъ уголовной палаты въ Орловскомъ намѣстничествѣ; затѣмъ, съ 1781—1782—поручикомъ правителя (т. е. вице-губернаторомъ), а съ 1782—1792 г. правителемъ того же намѣстничества (т. е. губернаторомъ) (см. Губернскій служебникъ 1777—1796 г., составл. княз. Н. Туркестановымъ, Спб. 1869. стр. 27). По случаю своей тяжбы съ Нарышкинымъ, кн. Дашкова рисуетъ печальную картину „слабаго" управленія Неплюева губерніею, конечно, по своему обыкновенію, въ преувеличенныхъ размѣрахъ (Архивъ кн. Воронцова, т. V, 234—236).

Въ 1786 г. Козодавлевъ обращалъ вниманіе Державина на извлеченіе изъ письма С. А. Неплюева, напечатанное въ „Зеркалѣ Свѣта", издав. Туманскимъ: „о нѣкоторыхъ добродѣтельныхъ поступкахъ дворянъ русскихъ", прибавляя: „сіе письмо здѣсь многимъ, весьма понравилась" (сочин. Державина, изд. Акад. наукъ, т. V, 489); а въ январѣ 1787 г., во время проѣзда императрицы Екатерины II, чрезъ Новгородъ-Сѣверскъ, Храповицкій отмѣтилъ „Тамъ же, поутру, говорено о Неплюевѣ (орловсвомъ губернаторѣ), на балѣ бывшемъ: онъ все belhomme и чудна склонность его жены, разумѣя Гр. Бр." (Дневникъ, изд. Н. П. Барсуковымъ, стр. 23).

Въ сентябрѣ 1793 г., одновременно съ Державинымъ, Неплюевъ былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ, въ межевомъ департаментѣ (Сборн. русск. истор. общ., т. XLII, стр. 242). Державинъ называетъ его „велемудрымъ“ (Сочин. т. VI, 143); а по поводу одного дѣла онъ написалъ экспромтъ („резолюція“), въ которомъ три послѣдніе стиха:

Могу-ль я быть уменъ
И въ межевыхъ дѣлахъ силенъ?
Пускай ихъ рѣшатъ
Романъ или Семенъ.

Относятся между прочимъ къ С. А. Неплюеву (подъ Романомъ же разумѣется сенаторъ инженеръ генералъ-поручикъ Р. Н. Томиловъ). Соч. Держ. т. III, 354.

При Павлѣ Петровичѣ Неплюевъ былъ назначенъ, въ числѣ другихъ сенаторовъ, для обревизованія нѣкоторыхъ приволжскихъ губерній (П. Собр. зак. т. XXV, №№ 19211 и 19212, стр. 861 и 905; о результатѣ ревизіи см. т. XXVI, № 19462; о его участіи въ дѣлахъ, соч. Державина, т. VI, стр. 43). Въ началѣ царствованія Александра I, С. А. Неплюевъ уволенъ былъ отъ службы въ чинѣ дѣйств. тайнаго совѣтника (Долгоруковъ, стр. 163; П. собр. зак. т. XXVII, № 20704; т. XXIX, № 29088, стр. 6-я; Державинъ-VI, 143). Бумаги С. А. Неплюева хранятся въ семейномъ архивѣ С. Г. Боборыкина (Русск. Старина 1875, т. XII, 628).

В. Иконниковъ.

Любезная моя дочь Елизавета Семеновна!

Вчера ты вступила въ бракъ съ александромъ Дмитріевичемъ боборыкинымъ, человѣкомъ тобою избраннымъ! жребій твой свѣршенъ. Кажется и по взаимной склонности и по сходству нравовъ, ты должна быть счастлива. Вступая въ число женъ, ты переходишъ изъ одного состоянія въ другое, новое положеніе, новые обстоятельства, новое обращеніе, при сихъ перемѣнахъ, нужно тебѣ, мой другъ! остеречся, сохранить свой нравъ, склонности сердца и кротость свою; качества на весь вѣкъ тебя дѣлающіе счастливою.

Сколь много различія имѣетъ состояніе дѣвичье отъ состоянія замужняго, то всѣмъ извѣстно. Полъ вашъ въ семъ случаѣ

переходить, изъ одной зависимости въ другую, которые между собою столь разны. Одна основана на почтеніи, и повиновaніи, другая на равѣнствѣ и любви. Въ чемъ состоитъ сіе равенство и любовь! сіе различіе [1]) понимаютъ; и не которые отъ худого понятія, что равенство не требуеть повиновaнія, здѣлались злополучными.

Ты которой сердце мнѣ столь извѣстно, которое столь чисто, и невинно, обработанное попеченіемъ не усыпно, бдящей о тебѣ матери, то и нужно,—чтобъ просвещеніе и воспитаніе, каковое мы могли тебѣ дать, обратить себѣ въ пользу, и здѣлать, себя счастливой! Ибо благополучіе брака зависитъ отъ нравовъ и обращенія супруговъ.

Во первыхъ нужно, чтобъ ты любила мужа, какъ сама себя, чтобъ сердце твое и душа были Ему всегда открыты. Каприсъ, упрямство и надмѣнность, чтобъ не имѣли въ нихъ мѣста! а паче ревности Зло разрушающее на и благополучнѣйшія браки, всѣ что имѣете и будетѣ имѣть никогда несчитать, что тебѣ одной принадлежитъ, а! общѣе. Ни когда не говорить мое, а говори наше вотъ что можетъ тебя здѣлать счасливою! пожелаетли онъ чего, старайся предварить Его желаніи, и чемъ болѣ жертвовать будешъ мужу тѣмъ болѣ его къ себѣ привяжешъ. Нужно тебѣ будетъ удержать, что отъ мужа, ни когда нетребуй сего своенравно, или надмѣнно, но сласкою и прозбой сіе обяжетъ Его скорѣе и охотнѣе выполнить твою волю. Исполнилъ онъ ее, прими сіе удоволственно! и давай чувство. вать, что съ признаніемъ сіе пріемлѣшъ. Пріятно приноситъ жертвы буде ихъ считаютъ.

Родители Его суть родители твое. Являй къ нимъ любовь и повиновеніе дѣтское.

Сказавъ тебѣ кратко мысль мою желаю чтобъ сердце твое сохранило на вѣкъ свою чистоту, чтобъ душа столь же была благонравна и непорочна. Тѣмъ паче въ томъ себя ласкаю, что чувства, благовоспитаніе, и разумъ мужа твоего взаимно

---

[1]) Вм. различно. *Ред.*

васъ въ счастіи вашемъ утвердятъ! ибо неоспоримо то, какъ я сказалъ выше, что счастіе, и несчастіе въ семъ случаѣ зависитъ отъ нравовъ. Вы имѣете ихъ оба. Я почитаю васъ благополучными.

По обстоятельствамъ ты счасливѣе многихъ, ты у насъ одна. Не отъ деляемъ мы тебя отъ себя, и причинъ на то не имѣемъ; ибо всѣ имѣніе наше будетъ твое, теперь даемъ мы тебѣ приданаго на дватцать одну тысячу девять сотъ шездесятъ девять рублей семдесятъ пятъ копѣекъ. Сверхъ сего пре провождаю при семь писмѣ вамъ въ подарокъ тысячу рублей денегъ; а потомъ для собственныхъ персонъ вашихъ издержекъ, вы будете получать отъ меня по двѣ тысячи рублей, въ годъ, а имѣнно: в октябре, генваре, апреле и юлѣ по пяти сотъ рублѣй и содержаніе все въ домѣ; доколѣ будете съ нами; когда же вамъ случится по службѣ мужа или по другимъ обстоятельствамъ жить съ нами розно, то не оставлю снабдить домъ вашъ нужнымъ по состоянію нашему и споспѣшествовать по мѣрѣ достатку нашего въ вашемъ прожиткѣ;

въ заключеніе сего обнимаю васъ душевно и отъ сердца растворенаго къ вамъ родительскою любовью. Желаю всѣхъ благъ на непреложное врѣмя.—На подлинномъ подписано тако:

Любящій Васъ Отецъ Семіонъ Неплюевъ.

Сентября 27-го дня
1791 года.

САТИРА НА ДВОРЯНСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Н. В. С—ко, нашъ постоянный сотрудникъ, доставилъ намъ найденную имъ въ домашнемъ архивѣ князя Н. В. Репнина сатиру въ формѣ прошенія объ отставкѣ нѣкоего Плящинскаго, выбраннаго депутатомъ въ малороссійское дворянское собраніе 1790 года. Въ сатирѣ довольно искусно и ядовито изображены черты только что созданнаго Екатериною II малороссійскаго дворянства, въ составъ котораго по волѣ государыни вошли а) всѣ чины генеральной старшины и б) изъ полковой старшины: полковники, обозные, есаулы, хорунжіе, полковые и городскіе судьи и сотники. Въ средѣ новаго малороссійскаго дворянства съ 1782 года были учреждены дворянскія

коммиссіи, обязанныя сдѣлать малороссійскому дворянству разборъ и составить дворянскую родословную книгу по правиламъ, вошедшимъ въ 1785 году въ дворянскую грамоту. Съ учрежденіемъ этихъ коммиссій, по словамъ г. Яблочкова [1]), начались злоупотребленія. Въ коммиссію поступали не дворяне, а люди простаго происхожденія, добившіеся чина различными прописками; они дѣлали разборъ дворянамъ. Многіе простые козаки и крестьяне покупали черезъ евреевъ свидѣтельства у поляковъ, по которымъ они причислялись къ небывалымъ польскимъ фамиліямъ. Ремесленники стали называться дворянами, продолжая свое ремесло. Такимъ образомъ въ Малороссіи получилось сто тысячъ дворянъ, отъ которыхъ не осталось и сотой доли по изгнаніи поляковъ при Хмельницкомъ. Современникъ говоритъ, что «уже 21 годъ идетъ разборъ дворянамъ и онъ еще не оконченъ».

Очевидно, составитель сатиры имѣлъ въ виду нарисовать типичнаго представителя дворянскаго сословія, который, не бросая своего спеціальнаго шинковвго дѣла, умѣлъ въ то же время безъ службы добиться чина, дающаго ему право на дворянство, а съ нимъ вмѣстѣ и на дворянскую выборную службу; къ выполненію ея у *Плящинскихъ* не было ни досуга, ни знаній, ни охоты. Фамилія просителя (отъ сл. *пляшка*, бутылка) сама по себѣ обличаетъ подлинный характеръ и значеніе «документа»: авторъ его имѣлъ въ виду не единичную дѣйствительную личность, но типъ дворянъ, въ ужасъ приходившихъ при мысли, что депутатской службой они будутъ отвлечены отъ прибыльнаго шинковаго дѣла, что вмѣсто «представляющихся имъ всегда бутылокъ, кружекъ, стакановъ и чарокъ» они должны будутъ «видѣть на столѣ чернильницы, песочницы и бумаги, а вмѣсто ярмарковаго и торговаго народнаго шума слушать чтеніе дѣлъ секретаремъ» и т. п.

Въ малороссійское дворянское собраніе, переясловскаго депутата Плящинскаго, Прошеніе

Онаго повѣта переясловскаго дворянствомъ выбранъ я противъ воли и чаянія моего въ оное малороссійское дворянское собраніе депутатомъ, однакъ я всей должности быть не желаю, о чемъ представляю мои невозможности слѣдующіе,

---

[1]) Яблочковъ М., *Исторія дворянскаго сословія въ Россіи*, стр. 531—32.

1-е. По освобожденіи моемъ исподанства покойнаго полковника переясловскаго Сулимы, вступивши въ службу получилъ я чинъ въ абшитъ значкового товарища въ которомъ продолжая мое служеніе шинковымъ промысломъ чрезъ нѣсколько лѣтъ произведенъ я такъ же въ абшитъ войсковымъ товарищемъ, въ семъ чинѣ я однакоже продолжая тотъ шинковый промыселъ умножилъ свой трудъ, въ продажи соли и рибы, въ награжденіе чего получилъ чинъ въ отставку асаула полковаго, зъ симъ поваженіемъ и вяще трудился въ одномъ шинковомъ промыслѣ, въ которомъ служеніе мое ревностное преисполненное до толикой дошло мѣри что въ воздаяніе онаго одинакаго служенія въотставку произведенъ секундъ маіоромъ, а сіе самое довольно увѣряетъ что я ни къ военской ни къ статской службѣ не имѣю способности, когда я ни въ одномъ чинѣ дѣйствительно оной не отправлялъ.

2-е. Продолжая толико долгое время шинковой промыселъ, въ которомъ я посвятилъ всю свою жизнь не могу безъ сожалѣнія представить себѣ какъ теперь оной возможно оставить, и сидѣть въ дворянскомъ собраніи, гдѣ вомѣсто представляющихся мнѣ всегда бутилокъ кружекъ стакановъ и чарокъ долженъ я видѣть на столѣ чернилницы, пѣсошницы и бумаги, а вомѣсто ярмонкового и торговаго народнаго шума, чтеніе секретаремъ дѣлъ, вомѣстожъ того что тамъ спрашиваютъ почему кварта горѣлки а тутъ только одинъ секретарь будетъ спрашивать какую наложить резолюцію;

3-е. Будучи я въ дворянскомъ собраніи долженъ оставить свой домъ и въ ономъ свою не старихъ лѣтъ второго брака жену, и хотя я на случай моей отлучки попросилъ присматривать пріятеля моего порутчика Павла Осауленка, но какъ онъ холостой и нестарой человѣкъ, то я и опасаюсь дабы онъ частимъ посѣщеніемъ не здѣлалъ въ домѣ моемъ какова противозаконнаго поступка, поелику онъ уже и до сего спортилъ мое ложе положивши великой зарядъ въ мою фузію,

4-е. Находясь здѣсь въ собраніи чрезъ шесь мѣсяцовъ надобно мнѣ необходимо на содержаніе себя и людей издержать на каждой мѣсяцъ по одному а всего шесть рублей, какая из-

держка и наполненная мною шинковымъ промысломъ многихъ тысячахъ межетъ быть немалимъ ущербомъ страшнимъ для меня разореніемъ.

5-е. При всемъ томъ долженъ я поставить въ невозможность и сіе, что хотя в нинѣшнемъ моемъ уже маіорскомъ чинѣ по всеприлежнѣйшему моему для удобнѣйшей доправки шинковыхъ долговъ старанію, выбранъ былъ я въ нижній земскій судъ засѣдателемъ; но за многіе мои непорядки и противозаконные поступки, по указу правительствующаго сената отъ сей должности отрѣшенъ, почему мнѣ въ дворянскомъ собраніи быть вовся невозможно: покорнѣйше прошу рады изображенныхъ причинъ меня отъ должности депутатской уволнить, или невозможно ли предложить черниговской городской думѣ, дабы оная позволила мнѣ здѣсь въ Черниговѣ производить шинковой промыселъ, для котораго я сискавши и свою жену и забавляяся онымъ охотнѣе, свою должность депутата исправлять могъ.

Подлинное подписалъ, повѣта переяславского депутатъ плящинскій.

Подано 17 августа
1790 года.

О ДОЗВОЛЕНІИ СЫНОВЬЯМЪ СВЯЩЕННИКОВЪ ВСТУПАТЬ ВЪ КОЗАЧЬЕ СОСЛОВІЕ СО ЗВАНІЕМЪ ЗНАЧКОВАГО ТОВАРИЩА.

Существенная разница между великорусскимъ и малорусскимъ бѣлымъ духовенствомъ та, что малорусское духовенство никогда не представляло замкнутой касты; оно постоянно пополнялось лицами изъ другихъ сословій, желавшими добровольно посвятить себя на служеніе церкви и въ то же время сохранявшими свои сословныя права, такъ что дѣти священно-служителей, въ случаѣ нежеланія слѣдовать примѣру родителей, пользовались общественнымъ положеніемъ предковъ. Слѣдующій эпизодъ можетъ служить иллюстраціей такого положенія.

Въ началѣ 1738 года обыватель села Комаровки, находившагося въ районѣ первой полковой нѣжинской сотни, нѣкій Матвѣй Конѣц-

кій, подалъ прошеніе нѣжинскому полковнику Хитрову слѣдующаго содержанія: дѣдъ просителя принадлежалъ къ козачьему сословію, но на старости лѣтъ былъ посвященъ въ санъ священника при церкви св. Архангела Михаила въ с. Комаровкѣ; сынъ его, отецъ просителя, не послѣдовалъ примѣру отца, но сохранялъ за собою всѣ права козачьяго сословія, что и признавали за нимъ ближайшіе его начальники городничіе; не смотря на это, вновь присланный въ с. Комаровку городничій Ларіонъ причисляетъ его къ посполитымъ и заставляетъ отбывать всѣ, наложенныя на посполитыхъ повинности. Въ виду этого Матвѣй Конѣцкій проситъ признать его и отца козаками и выражаетъ готовность идти въ походъ, куда прикажутъ. Нѣжинскій полковникъ удовлетворилъ просьбу Конѣцкаго и двукратно посылалъ приказъ комаровскому городничему не тревожить Конѣцкаго, а также возвратить заграбленные имъ у послѣдняго «пожитки». Но комаровскій городничій и не думалъ исполнять полковничьихъ ордеровъ, ссылаясь на то, что дѣло Конѣцкаго не подвѣдомственно полковнику, а подлежитъ разрѣшенію генеральной войсковой канцеляріи. Хитрово обратился за разъясненіемъ въ эту канцелярію, и 18 августа 1738 года положена здѣсь слѣдующая резолюція:

„Понеже по справкамъ 1734 году мѣсяцѣ іюлѣ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества именнымъ указомъ за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки состоявшимся всемилостивѣйше повелѣно: поповскихъ дѣтей, кои пожелаютъ Ея Императорскому Величеству отправлять службу опредѣлять для отправленія той службы въ значковые товарищи; того ради согласно приказали: о предложеніи помянутому комаровскому городничему Ларіону, чтобъ онъ, городничій, не въ подлежащіе ему дѣла не интересовался, а исправлялъ бы тое, что ему по должности званія его надлежитъ, и вышнамѣненнаго Конѣцкаго, такъ въ подданство не притягалъ, яко и заграбленные у него, Конѣцкаго, самымъ имъ городничимъ лошадь и пару воловъ безъ жаднаго удержанія и отлагательства ему Конѣцкому возвратилъ, да и впредь бы онъ городничій такихъ затѣекъ самъ собою не чинилъ, а вѣдался, ежели въ чемъ имѣетъ обиду, гдѣ надлежитъ судомъ: писать кіевскому преосвященству; а къ помянутому полковнику нѣжинскому Хрущову особливо указомъ Ея Императорскаго Величества изъ войсковой генеральной канцеляріи предложить, дабы онъ о вѣписаніи вышеупомяненнаго жителя комаровскаго Конѣцкаго въ козацкое о бытіи ему въ томъ званіи учинилъ по ея Ея Императорскаго Величества указамъ, дабы его Конѣцкаго

вновь въ козака опредѣленнаго ко обиженію не допускано и заграбленное городничимъ комаровскимъ взискавъ ему, Конѣцкому, отдалъ и велѣлъ ему войсковую отправлять службу".

Сообщ. Н. С—ко.

СПОРЫ ЛУЦКИХЪ ЕВРЕЕВЪ СЪ МѢЩАНАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII В.

Еврейская община въ Луцкѣ принадлежитъ къ древнейшимъ не только на Волыни, но и вообще въ предѣлахъ бывшаго вел. княжества литовскаго: существованіе ея устанавливается уже актами первой половины XV вѣка. Люстрація 1552 года насчитываетъ въ Луцкѣ не менѣе 53 домохозяевъ, въ 1656 году замѣститель луцкаго старосты Здиславъ Замойскій признаетъ за луцкими евреями право нести лишь треть городскихъ налоговъ на томъ основаніи, что еврейскіе домохозяева составляютъ не болѣе трети домохозяевъ - христіанъ. Къ сожалѣнію ранняя исторія этого еврейскаго населенія, которое, какъ видно, все возрастало, очень мало извѣстна, а по королевскимъ грамотамъ и люстраторскимъ актамъ она можетъ быть возстановлена лишь въ самыхъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Достовѣрно однако, что уже въ концѣ XV в. луцкіе евреи имѣли отдѣльное кладбище, а въ XVI и синагогу, и такимъ образомъ Луцкъ служилъ центральнымъ пунктомъ для единовѣрцевъ цѣлаго обширнаго округа, мѣстомъ еврейскаго „сбора", игравшаго могущественную роль во внутренней жизни литовскихъ евреевъ XVII и XVIII ст.: здѣсь рѣшались всѣ важнѣйшія мірскія и духовныя дѣла евреевъ, творился свой еврейскій судъ, производилась раскладка общинныхъ сборовъ, принимались общія рѣшенія для защиты старыхъ и добыванія новыхъ правъ какъ отъ королей, такъ отъ и мѣстнаго уряда. Хотя должность „еврейскаго судьи" въ Луцкѣ принадлежала, какъ видно изъ люстраціи 1552 г., ключникамъ, получавшимъ „пересуды и вины", а къ концу XVI в. перешла къ старостамъ, но обращеніе луцкихъ евреевъ къ старостинскому суду было было дѣломъ рѣдкимъ и необычнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ отношеніяхъ своихъ къ городовому уряду луцкіе евреи пользовались значительною самостоятельностью, благодаря королевскимъ привилегіямъ и экокомическому своему превосходству надъ массою прочаго городскаго населенія. Привилегіи королей луцкимъ евреямъ были многочисленны и предоставляемыя ими права

достаточно обширны. Если исключить эпитетъ „невѣрный", грамоты королевскія ни въ чемъ не ставятъ луцкихъ евреевъ ниже другихъ мѣщанъ и въ дарованіяхъ различныхъ льготъ упоминаютъ ихъ рядомъ какъ два равноправные, хотя и разновѣрные класса городскаго населенія. Такъ, въ 1527 году луцкіе мѣщане и евреи, безразлично, освобождены отъ выплаты серебщизны, ордынщины, соленичого, восковаго, капщизны, мыта, городовщины, отъ обязанности давать подводы гонцамъ пановъ „радъ"; наравнѣ съ мѣщанами евреи обязаны давать конныхъ проводниковъ и подводы гонцамъ королевскимъ. Народъ торговый по преимуществу, луцкіе евреи естественно дорожили особливо свободою отъ выплаты торговыхъ сборовъ разнаго рода (мыто и уло) и со вступленіемъ на престолъ новаго короля каждый разъ получали подтвержденіе своихъ льготъ въ этомъ отношеніи, не говоря уже о генеральныхъ привилегіяхъ королей всѣмъ польскимъ евреямъ (какъ напр. привил. 1453 г), которыя тщательно сохранялись въ копіяхъ, надлежаще посвидѣтельствованныхъ, за печатями и съ безчисленными подтвердительными грамотами. Всѣ эти грамоты, служившія для евреевъ твердою опорою при отстаиваніи своихъ правъ и вольностей, постороннимъ лицамъ предъявлялись лишь въ случаяхъ особенной важности, и даже къ королевскимъ люстраторамъ обнаруживали нѣкоторое недовѣріе въ этомъ дѣлѣ луцкіе евреи. Такъ, напр., въ спорѣ съ кн. Матвѣемъ Четвертинскимъ о самовольномъ захватѣ кладбища, домовъ и лавокъ евреи предъявили люстраторамъ грамоту короля Александра, доказывавшую ихъ право въ этомъ отношеніи (Jabłonowski, Źródła dziejowe, t. VI, p. 710); когда же люстраторы 1664 года потребовали у евреевъ предъявленія всѣхъ своихъ правъ и привилегій, то показаны были большею частью подтвердительныя грамоты польскихъ королей отъ Сигизмунда Августа и до Яна Казимира включительно, подлинныя же привиллегіи, выданныя въ болѣе раннее время, не предъявлялись: въ данномъ случаѣ въ этомъ не было нужды, такъ какъ не возникало спора; показано было лишь необходимое ad hoc.

Предъявленныя луцкими евреями королевскимъ люстраторамъ въ январѣ 1664 года грамоты и другіе документы были внесены въ люстраторскіе акты частью цѣликомъ, частью въ краткомъ извлеченіи; при этомъ случаѣ евреи заявили свои жалобы и нареканія на притѣсненія со стороны луцкихъ мѣщанъ, люстраторы разрѣшили споръ на основаніи предъявленныхъ имъ документовъ, записали свое рѣшеніе въ тѣ же люстраторскіе акты и копію всей записи выдали евреямъ

13 января 1664 года [1]). Рѣшеніе люстраторовъ и относящіяся сюда записи представляютъ нѣкоторый интересъ для внутренней исторіи Луцкой городской общины XVII в., и мы считаемъ небезполезнымъ изложить здѣсь ихъ содержаніе.

Хотя, какъ указано выше, по королевскимъ привилегіямъ, евреи луцкіе пользовались въ дѣлѣ отбыванія общегородскихъ повинностей правами равными съ прочими мѣщанами, но на дѣлѣ вопросъ этотъ возбуждалъ немалые споры и недоразумѣнія между христіанами и іудеями уже во второй половинѣ XVI в. При посредствѣ назначенныхъ люблинскимъ сеймомъ 1569 г. люстраторовъ королевскихъ имѣній заключено было между луцкими евреями и мѣщанами нѣчто въ родѣ мировой сдѣлки, которою опредѣлялись права евреевъ во внутреннемъ управленіи города. По этой сдѣлкѣ, утвержденной королемъ Стефаномъ на вольномъ сеймѣ въ Варшавѣ 3 января 1580 г., выговорено евреямъ свободное пользованіе тремя лавками (kletki), которыя оспаривалъ у нихъ войтовскій урядъ; мѣщане обязались выплатить евреямъ 100 коп грошей, которые были даны евреями для исходатайствованія городу различныхъ вольностей; далѣе, мѣщане обязались не требовать съ евреевъ въ дѣлѣ подводной повинности болѣе того, что слѣдуетъ по привилегіямъ; предоставить имъ пользованіе всѣми безъ исключенія городскими вольностями въ дѣлѣ поселенія здѣсь и несенія всѣхъ городскихъ повинностей; безъ вѣдома и согласія евреевъ, мѣщане не должны производить никакихъ налоговыхъ раскладокъ, ни опредѣлять новыхъ налоговъ на городскія нужды, ни производить раскладокъ государственныхъ годовыхъ и чрезвычайныхъ податей и вообще не постановлять никакихъ рѣшеній по этому поводу; евреи должны быть допущены къ арендованію всѣхъ городскихъ доходныхъ статей и приглашаемы къ обсужденію и провѣркѣ финансовой отчетности наравнѣ съ прочими мѣщанами.

Мировая запись эта, какъ ни широки были выговоренныя ею для евреевъ права, не могла однако же устранить всѣхъ споровъ между евреями и городскимъ урядомъ, такъ какъ размѣръ повинностей, которыя должны были нести евреи, не могъ оставаться неизмѣннымъ съ перемѣнами въ численности еврейскаго населенія Луцка. Въ 1653 году евреи „збору рабанскаго луцкаго“ заявили новыя жалобы противъ мѣщанъ луцкому подстаростѣ и сохаческому подсудку Зайщевскому и люстратору королевскихъ волынскихъ имѣній Юрію

[1]) Случайно уцѣлѣвшая копія эта принадлежитъ В. Б. Антоновичу въ Кіевѣ.

Подлевскому: если въ городъ явится жолнѣръ, мѣщане выбѣгаютъ ему навстрѣчу и направляютъ на квартиру въ еврейскій домъ; подговариваютъ писарей вести цѣлыя хоругви жолнѣрскія на еврейскій конецъ и располагать ихъ здѣсь ночью по еврейскимъ домамъ. Подлевскій и Зайщевскій подъ угрозою строгихъ взысканій воспретили мѣщанамъ впредь такъ поступать и подробнѣйшій разборъ кривдъ еврейскихъ и удовлетвореніе обиженныхъ противозаконными постоями поручили луцкому каштеляну Іерониму Шалайскому. Далѣе, евреи, въ виду разоренія причиненнаго имъ непріятельскими нашествіями, просили разрѣшенія вольнаго торга всякою обувью. Подлевскій и Зайщевскій, принимая во вниманіе убожество евреевъ, а также и то, что вслѣдствіе шевскихъ монополій бѣдная шляхта и посполитые не въ состояніи пріобрѣсть обувь, цѣны на которую возросли до чрезвычайности, разрѣшили просьбу въ утвердительномъ смыслѣ, впредь до успокоенія края отъ непріятелей и до дальнѣйшаго распоряженія Краковскаго воеводы, воспретивъ при этомъ шевскому цеху чинить въ этомъ евреямъ какія-либо препятствія. Резолюція эта была утверждена Здиславомъ Замойскимъ въ качествѣ замѣстителя сына своего Дмитрія Корибута Вишневецкаго, старосты луцкаго, 20 іюня 1656 года.

28 іюня 1656 г. старшіе „збору рабанского и караимскаго“ Давидъ Израплевичъ и Гиршъ Школьникъ заявили новую жалобу противъ бурмистровъ, райцевъ и цейхмистровъ луцкихъ Николая и Василія Калтуниковъ, Яна Злотника, Ивана Свинки, Ивана Когута Ярынки, Павла Медвѣдка и Процька Рѣзника, какъ представителей всего мѣщанства, на то, что въ нарушеніе всѣхъ королевскихъ требованій, общественнаго права и въ противность декрету коммиссаровъ Подлевскаго и Зайщевскаго, они требуютъ съ евреевъ уплаты половины городскихъ податей и налоговъ. Здиславъ Замойскій, разсмотрѣвъ еврейскія права, привилегіи и грамоты, освободилъ ихъ отъ выплаты половины всѣхъ податей, но обязалъ выплачивать третью часть ихъ, такъ какъ изъ всѣхъ домохозяевъ евреи составляютъ приблизительно именно эту часть.

Оба декрета Здислава Замойскаго, одобренные кн. Дмитріемъ Корибутомъ Вишневецкимъ, подтверждены кор. Яномъ Казимиромъ 13 сентября 1656 года въ Люблинѣ, и въ этомъ видѣ занесены въ люстраторскіе акты 1664 г. Установивши документально свои права передъ королевскими люстраторами, евреи горько жаловались, что мѣщане луцкіе продолжали нарушать какъ свои собственные уговоры и обязательства, такъ и привилегіи, дарованныя королями, и декреты ко-

ролевскихъ урядниковъ. По словамъ жалобщиковъ, мѣщане по прежнему продолжали посылать въ еврейскіе дома жолнѣровъ и гонцовъ, чѣмъ причиняютъ имъ шкоды великія, въ противность всѣмъ правамъ и вольностямъ. Люстраторы, согласно точному смыслу указанныхъ выше декретовъ, утвержденныхъ королемъ Яномъ Казимиромъ, обязали мѣщанъ луцкихъ справлять постоянную повинность въ двухъ частяхъ, лишь въ одной трети возлагать ее на евреевъ.

Далѣе, евреи жаловались, что мѣщане не допускаютъ ихъ къ обсужденію отчетовъ о городскихъ доходахъ и расходахъ. Имѣя въ виду, что право евреевъ участвовать въ финансовыхъ дѣлахъ города принадлежитъ имъ согласно мировой записи, утвержденной кор. Стефаномъ 1580 г., люстраторы признаютъ за евреями это право вновь и настрого воспрещаютъ мѣщанамъ чинить евреямъ обиду въ этомъ дѣлѣ, а также при раскладкѣ расходовъ по содержанію жолнѣровъ и королевскихъ пословъ.

Три лавки около рынка продолжали составлять предметъ спора между евреями и мѣщанствомъ,—и въ этомъ случаѣ люстраторы рѣшили дѣло въ пользу первыхъ, хотя мѣщане и возражали, что права евреевъ на эти лавки имъ были доселѣ неизвѣстны, такъ какъ евреи уклонялись показать имъ относящійся сюда документъ.

Послѣдній пунктъ жалобы состоялъ въ томъ, что городъ не желаетъ уплатить еврейскому обществу денегъ, истраченныхъ въ 1631 г. на козацкій конный отрядъ (60 чел), на содержаніе котораго городъ ничего не хотѣлъ внести въ то время. Въ виду свидѣтельства козака Соколовскаго о размѣрѣ понесенныхъ евреями издержекъ, люстраторы присудили мѣщанъ къ уплатѣ половинной суммы, 39 злотыхъ, 25 грошей въ теченіе двухъ недѣль, подъ угрозою взысканія штрафа въ томъ же размѣрѣ въ случаѣ неустойки.

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, отношенія еврейскаго луцкаго общества къ городу мало измѣнились въ теченіе перваго столѣтія послѣ Люблинской уніи; разница состояла въ томъ, что въ первое время возможны были еще миролюбивыя сдѣлки, которыми опредѣлялись взаимныя права и обязанности; сколько можно судить по нашимъ актамъ, такія сдѣлки уже были невозможны въ 1664 г., и нормировка взаимныхъ отношеній находилась уже въ рукахъ старостинскаго уряда почти исключительно. Общія привилегіи, дарованныя въ разное время польскими королями, теперь какъ будто имѣютъ мало силы сами по себѣ: ихъ необходимо возобновлять въ памяти, заносить въ урядовыя книги, добиваться подтвержденія каждаго спе-

ціальнаго права подлежащею мѣстною властью, и лишь при этомъ условіи осуществленіе спорнаго права было возможно, а между тѣмъ споръ затрогивалъ самый жизненный интересъ еврейскаго населенія Луцка: право участія и голоса въ хозяйственномъ распорядкѣ городской общины. **Н. М**

КЪ ИСТОРІИ УЧРЕЖДЕНІЯ СЕМИНАРІИ ВЪ ПЕРЕЯСЛАВЛѢ.

Помѣщаемые ниже два документа взяты мною изъ рукописнаго сборника указовъ и проч., принадлежащаго церкви св. Троицы въ м. Ирклѣевѣ (золотоношскаго у. полтавской г). Оба они относятся къ исторіи возникновенія и экономической организаціи переяславской духовной семинаріи и заключаютъ въ себѣ не лишенныя интереса и значенія данныя для исторіи школьнаго дѣла въ Малороссіи XVIII в., данныя, не нуждающіяся въ особыхъ комментаріяхъ. Первый изъ этихъ документовъ есть посланіе епископа переяславскаго Арсенія Берла къ монастырямъ и священникамъ переяславской епархіи съ извѣщеніемъ объ основаніи имъ славяно-латинскаго училища въ Переяславлѣ для обученія грамотѣ и разнымъ (со временемъ) высшимъ наукамъ, и съ требованіемъ, обращеннымъ къ этимъ же монастырямъ и протопопамъ городовъ и мѣстечекъ переяславской епархіи, о немедленномъ доставленіи въ Переяславль разнаго рода припасовъ на содержаніе учениковъ. Епископъ взялъ на себя содержаніе (натурою) учителей; прокормъ учениковъ (тоже натурою) онъ возлагаетъ на епархію и главнымъ образомъ на монастыри и на городскихъ священниковъ, освобождая отъ взносовъ сельскихъ. Второй документъ представляетъ собою дополненіе къ первому. Это роспись количества съѣстныхъ припасовъ, т. е. пшена, крупъ, сала, масла, которое монастыри и священники обязаны въ соотвѣтственной доходамъ каждаго пропорціи доставить въ Переяславль къ 26 ноября 1738 г. Я долженъ сдѣлать лишь одно небольшое замѣчаніе. Училище было основано въ силу указа и, какъ то видно изъ посланія епископа Берла, съ цѣлью приготовленія будущихъ священниковъ. Въ него, по установленію свыше, должны были поступать лишь дѣти священниковъ и священнослужителей. Но дѣло въ томъ, что это послѣднее требованіе не было выполнено. Училище стало наполняться лицами не только духовнаго званія. Такъ было въ первый годъ основанія училища, и въ послѣ-

дующіе стали поступать въ него дѣти и козачьей старшины, и козаковъ, посполитыхъ и др. сословій, и въ половинѣ XVIII в. училище сдѣлалось центромъ образованія для всей области. Объ этомъ можно судить по той «вѣдомости объ ученикахъ всѣхъ школъ коллегіи переяславской», которая приложена къ описи города Переяславля 1767 года (Румянцевская опись, переясл. полкъ, г. Переяславль т. I, ч. 3). Изъ нея видно, что въ коллегіи въ 1766 году было 67 сыновей священниковъ, 8 сыновей дьячковъ, 7 сыновей шляхтичей изъ Польской области, 20 сыновей козачьей старшины (сотниковъ 7, бунчуковыхъ, войсковыхъ товарищей, войсковыхъ хорунжихъ 6, войсковыхъ канцеляристовъ 2, подкоморыхъ 2, подсудковъ 2, и сынъ судьи полковаго Дмитрія Дарагана; 9 сыновей козаковъ и 11 сыновей посполитыхъ. Всѣхъ классовъ въ училищѣ было уже въ 1767 году 6, а именно: риторика, піитика, синтаксима, грамматика, инфима и аналогія. Слѣдуетъ добавить, что количество лицъ не изъ класса священниковъ было больше въ низшихъ школахъ и лишь въ классѣ «риторики» преобладали сыновья священниковъ (изъ 49 учениковъ этого класса 32 были духовнаго званія).

Предлагаемые документы могутъ получить еще большій интересъ въ виду того, что въ текущемъ году исполнится 150 лѣтъ со времени основанія семинаріи.

И. Л—ій.

I.

1738.

Арсеній Берло, Божіею Милостію Православній Епископъ Переясловскій и Борисполскій.

Всечестнимъ Ігуменамъ монастирей: Михайловского Переясловского, Герману, Золотоноского Красногорского, Силвестру, и протопопи Переясловскому, Андрею, Борисполскому Іоану, Золотоноскому Василію, Баришевскому Іоану, намѣстникамъ: Переясловскому, Баришевскому, Басанскому, Березанскому, Капустянскому, Гельмязовскому, Пѣщанскому, Гоголевскому, Ірклѣевскому и градскимъ Переясловскимъ священикомъ, Божіею и нашею Архіерейскою желающе Благословенія пастир-

ского предлагается. Многими високомонаршими Ея Імператорского величества Самодержици всероссійския и Святѣйшаго правительствующаго Сінода присланними указами, всемилостивѣйше повелено, во всѣхъ епархияхъ, при домѣхъ Архиерейскихъ и въ пристойнихъ мѣстахъ учреждени били училища для содержанія в нихъ учениковъ священного чина и церковного причта дѣтей, а обучать ихъ на росийскомъ и латинскомъ язики грамоти, а потомъ граматики, риторики и другихъ вишшихъ наукъ, которіи для такого обученія учредит искуснихъ учителей, чтоб от сего времени неученіе люди в церковніе опредѣляеми не били; и на содержаніе тѣхъ школ и на пропітаніе школьніков из Архиерейскихъ и монастирских и церковнихъ доходов и земель суму опредѣлит. Якіе Ея Імператорского Величества високоповелителніе укази пастирски достодолжно исполняя, зъ Божіею помощію при катедрѣ нашей Переясловской устроили училища. И уже в них собравшіеся ученики славено-латинского обученія обучаются, которимъ искуснихъ учителей учредили и содержимъ в катедрѣ нашей, особливоеже имъ з дому нашего Архиерейского опредѣлили ми препитаніе, а для ученіковъ и всей Епархіи от церковнихъ пожитков и священическихъ доходов, по учиненному расположенію, толко едина пашня, да мука пшеничная, житная и гречаная отчасти собрана, и то еще не совсѣмъ; пшона же, круповъ, сира, масла и прочих к препитанію потребностей не имѣется и в ономъ расположенію не опредѣлено, без чего обитіся всячески невозможно. Того для, по сему внов учиненному расположенію всечестности ваше опредѣленное вистачити для препитанія обучающихся ученіков долженствуете, як указ високомонаршій повелѣвает непремѣно, сего по всечестностях ваших пастирско жадаемъ и Архиерейско приказуемъ. Данъ з катедри нашей Свято Вознесенской Переясловской за подписаніем руки нашея и при печати катедралной. 1738 года ноября 6 д.

Звишъ менованій Арсеній Епископъ Переясловскій и Борисполскій рукою власною.

(М. П.).

II.

Расположеніе по силѣ високомонаршого указа учиненное для препітанія учеников, в славенно Латинских училищах обучающихся, по которому опредѣленное должни поставит в семинаріумъ непремѣнно на число 26 слѣдуючого ноября сего 1738 года.

ПОСТАВКА.

	Пшона четверики.	Кручъ четверики.	Сиру.	Масла.	Сала.
Отъ самаго Архипастирского лица учителямъ консоляція деклярована и трапезою доволствуютъ.					
А для учениковъ:					
з Катедралного монастиря	3	—	бочка	фаска	пуд.
з Михайловского Переяславского монастира	2	—	бочка	фаска	пуд.
Золотоноского Красногорского монастира	2	—	бочка	фаска	пуд.
от Протопопи Переясловского . .	2	—	—	—	—
от Протопопи Борисполского . . .	—	2	—	—	—
от Протопопи Золотоноского . . .	2	—	—	—	—
от Протопопи Баришовского . . .	2	—	—	—	—
					фунтов.
Намѣсник Переясловский	—	—	—	—	20
Намѣсник Баришовский	—	—	—	—	20
Намѣсник Басанский	—	—	—	—	20
Намѣсник Березанский	—	—	—	—	20
Намѣсник Пѣщанский	—	—	—	—	20
Намѣсник Ірклѣевский	—	—	—	—	20
Намѣсникъ Капустянский	—	—	—	—	20
Намѣсникъ Гельмязовский	—	—	—	—	20
Намѣсник Гоголевский	—	—	—	—	20
Презвитери гродскіе Переясловскіе:					
Николаевскій Евстафій	1	—	—	—	—
Троецкій Григорій	1	—	—	—	—

ПОСТАВКА.

	Пшона четверики.	Круп четверики.	Бочка.	Фаска.	Фунт.
Петро-Павловскій Петръ	1	—	—	—	—
Борисоглѣбскій Сава.	1	—	—	—	—

Итого усего пшона и крупъ 19

Сала 7 пудъ и 20 фунтовъ

Которое вишпісанное и в расположеніи семъ изображенное всякъ от себе должен поставит а з подчинених отнюд би ничего соби не дерзал, под опасаніемъ не послабного наказанія. Сіе же расположеніе к надлежащом мѣстамъ отсилат приказуется.

(Сборникъ указовъ Троицкой Прклѣвской церкви, f. 236—237).

Для справокъ.

— Въ журналахъ нашихъ неразъ появлялся вопросъ, чей переводъ издалъ *А. С. Пушкинъ* въ 1836 году, подъ заглавіемъ: „*Вастола, повѣсть въ стихахъ, соч. Виланда*“. Отвѣта на него до сихъ поръ мы не находимъ ни въ одномъ изданіи сочиненій Пушкина; а отвѣтъ былъ данъ давно уже, печатно, въ одномъ изъ некрологовъ, мимоходомъ,—и ускользнулъ отъ вниманія историковъ литературы и издателей Пушкина. Переводчикомъ названной поэмы былъ *Ефимъ Петровичъ Люценко*, служившій между прочимъ съ 1811 по 1813 годъ секретаремъ въ Царкосельскомъ Лицеѣ. Пушкинъ, никому не отказывавшій во всякой своей помощи, тѣмъ охотнѣе помогъ старому служакѣ Лицея, при которомъ онъ еще и учился. Изъ немногихъ свѣдѣній о Люценкѣ, разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ [1]), видимъ, что онъ, еще будучи студентомъ московскаго университета, участвовалъ въ журналахъ, вмѣстѣ съ товарищами – Мерзляковымъ, Тимковскимъ, княземъ П. Козловскимъ, Григ. Глинкою, и потомъ, во всю жизнь, былъ неутомимымъ и образованнымъ переводчикомъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Между прочимъ, онъ переводилъ и „Науку любить“ (съ франц). и Потерянный рай Мильтона (съ франц., Смирдинъ № 6742), и Странствованія Телемака, Фенелона, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и фи-

[1]) Словарь свѣтск. писателей, митр. Евгенія II, 40; Исторія Московскаго университета, Шевырева, 303; Историч. очеркъ Царскосельскаго Лицея, Селезнева, 1861, стр. 83; Справочный Словарь о русск. писателяхъ, Геннади, II, 268; Пушкинъ, П. Грота, 1887, стр. 217.

лологъ, и агрономъ, и поэтъ. Стало быть, Пушкинъ съ полнымъ правомъ могъ сказать о немъ: „*литераторъ заслуженный*“ [1]).

За вѣрность всѣхъ этихъ свѣдѣній мы ручаемся; но... къ великому сожалѣнію нашему мы никакъ теперь не вспомнимъ, гдѣ и когда былъ напечатанъ некрологъ Люценка, изъ котораго мы заимствовали указаніе на него, какъ переводчика Виландовой поэмы. И потому, чтобы подтвердить справедливость этого извѣстія, чтобы устранить всякую тѣнь сомнѣнія, мы обращаемся къ роднымъ Ефима Петровича Люценка съ покорнѣйшею просьбою—сообщить печатно, чрезъ „Кіевскую Старину“, дѣйствительно ли ему принадлежитъ переводъ названной поэмы Виланда. У нихъ, безъ сомнѣнія, сохранились и преданія объ этомъ, и экземпляръ перевода, и какія нибудь записки переводчика. Просимъ сообщить и годъ его кончины, а равно и увѣдомить, не его ли сынъ былъ директоромъ Керченскаго музея древностей (+28 янв. 1884 г). Вопросы эти, помимо историко-литературнаго интереса, занимаютъ насъ еще и потому, что Люценко—*нашъ землякъ*, черниговецъ.

Землякъ изъ-подъ Глухова.

—— 23 декабря 1887 г. издателю-редактору выходящаго въ Харьковѣ духовнаго журнала „Благовѣстъ“ Г. И. Кулжинскому разрѣшено перенести съ 1 янв. 1888 г. изданіе изъ Харькова въ С.-Петербургъ.

—— Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ издавать съ 1 янв. 1888 г. „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости“ по измѣненной программѣ: 1) Мѣстный административный отдѣлъ: распоряженія епарх. начальства; 2) Духовное просвѣщеніе по епархіи: свѣдѣнія по училищному вѣдомству херсонской епархіи; 3) Благотворительныя учрежденія епархіи; 4) Разнаго рода объявленія; 5) Прибавленія, въ которыхъ между прочимъ будутъ печатаемы историко-статистич. матеріалы по херсонской епархіи.

—— 23 декабря 1887 г. военно-морскому слѣдователю въ г. Севастополѣ Н. Л. Пшерадскому разрѣшено издавать съ дозволенія предварительной цензуры, подъ его редакторствомъ, политическо-литературную газету „Крымскій Вѣстникъ“.

—— Въ текущемъ году Академіей Наукъ будутъ разсматриваться сочиненія, представленныя для соисканія премій таврическаго дворянства, на тему о русскомъ дворянствѣ въ исторіи развитія Россійскаго государства. Первая премія 1000 р., вторая 500 р., но могутъ быть за одно сочиненіе присуждены обѣ преміи. Къ соисканію этихъ премій будутъ принимаемы въ Академіи, до 21 апрѣля 1888 г., оригинальныя на русскомъ языкѣ сочиненія, какъ рукописныя, такъ и печатныя.

---

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. Литературнаго Фонда, 1887, т. V, стр. 291.

Запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ.

(*Къ рисунку съ фотографіи, приложенному въ началѣ книги*).

Военно-христіанская община, извѣстная въ исторіи подъ именемъ запорожскаго козачества, или Запорожья, ставила главною цѣлью своего существованія борьбу съ невѣрными, съ врагами имени христіанскаго. Непремѣннымъ условіемъ для поступленія въ члены общины было исповѣданіе христіанской вѣры. Своею покровительницей община почитала Божію Матерь, имени Коей посвящена была и церковь въ запорожской Сѣчи. Во время чтенія евангелія всѣ присутствующіе въ церкви запорожцы заявляли свою готовность защищать ученіе Христа, что выражалось обнаженіемъ сабель до половины. Беззавѣтная храбрость на войнѣ, иногда безпробудный разгулъ во время мира, не мѣшали запорожцу быть добрымъ христіаниномъ, и между ними можно было встрѣтить не мало людей, строго сохранявшихъ обѣтъ цѣломудрія всегда и вездѣ, прилежно читавшихъ священное писаніе, любившихъ церковное пѣніе и усердно посѣщавшихъ богослуженіе. Иногда, проведши всѣ лучшіе годы жизни въ борьбѣ съ невѣрными, запорожецъ шелъ доживать свой вѣкъ въ тиши монастыря, гдѣ являлся такимъ же строгимъ хранителемъ своихъ обѣтовъ, какимъ былъ раньше въ боевой жизни. Запорожцы дѣлали не разъ богатые вклады въ церкви и монастыри.

Уцѣлѣвшимъ памятникомъ христіанскаго благочестія запорожцевъ является церковь въ городѣ Новомосковскѣ, екатеринославской губерніи.

Во времена Запорожья Новомосковскъ не былъ еще городомъ. Это поселеніе носило официальное названіе „Новоселица“, а народъ называлъ его Самарью. Когда Запорожье было уничтожено, то мѣстечко Новоселица обратилось въ слободу Новоселовку; потомъ опять называлось Новоселицей, будучи воен-

нымъ поселеніемъ. Въ 1794 году сюда былъ переведенъ уѣздный городъ Новомосковскъ.

Мѣстность по рѣкѣ Самарѣ издавна славилась обиліемъ естественныхъ произведеній. Теперь мы можемъ составить себѣ лишь приблизительное понятіе о богатствахъ побережья этой рѣки во времена давнія. Долгое время спустя послѣ того, какъ по южно-русскимъ степямъ прошли безконечные ряды кочевниковъ, оставлявшіе за собою разореніе и пустыню, мѣстность эта описана была французскимъ инженеромъ Бопланомъ, посѣщавшимъ южную Русь въ XVII в. Онъ говоритъ, что „рѣка Самара съ ея окрестностями весьма замѣчательна не только по изобилію рыбы, но также по богатству въ воскѣ, медѣ, въ звѣряхъ для охоты и въ строевомъ лѣсѣ..... Козаки называютъ ее святой рѣкой, можетъ быть по причинѣ ея богатствъ [1])". Это вполнѣ подтверждаетъ и русскій посолъ Василій Тяпкинъ, ѣздившій въ Крымъ въ 1681 году. Онъ, какъ и Бопланъ, утверждаетъ, что по рѣкѣ Самарѣ „дубровы великія, и лѣса, и звѣрь въ лѣсахъ, и рыбы въ водахъ и кормовъ конскихъ всюду множество, и пашни можно завести великія [2])". Эти богатства должны были привлекать осѣдлое населеніе. Дѣйствительно, съ давнихъ временъ мы находимъ на берегахъ рѣки Самары запорожскіе зимовники. Съ теченіемъ времени мѣстность эта заселялась все больше. Запорожцы селились здѣсь съ семьями, занимались не только рыбной ловлей, охотой, пчеловодствомъ, но и земледѣліемъ. Въ послѣднія времена запорожской Сѣчи, область рѣки Самары, образовала особую паланку Запорожскую, а въ мѣстечкѣ Новоселицѣ находилось паланочное управленіе. Въ этой-то Новоселицѣ и задумали запорожцы соорудить церковь. Заложеніе ея совершилось въ 1773 году, а Сѣчь пала въ 1775 г., такъ что окончанія церкви своей запорожцы уже не дождались.

---

[1]) *Déscription d'Ukraïne*, par Beauplan. Rouen. 1660, p. 17.

[2]) Записки Одесск. Общ. Исторіи и древностей. 1848 г. т. I, стр. 573—574. Тоже самое говоритъ стряпчій Коломынасъ, посланный для осмотра береговъ Самары. (Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи, 1861 г. в. I).

Задумавъ построить церковь, запорожцы купили нѣсколько домовъ, сломали ихъ, разобрали старую церковь и собрались на совѣтъ къ „титарю“, запорожцу Якову Андреевичу Легкому. Присутствовала на этомъ совѣщаніи и старшина паланочная, и мѣстное духовенство, былъ тутъ и начальникъ самарскаго монастыря, іеромонахъ Іессей. Собраніе состоялось въ саду, гдѣ каждый помѣстился, какъ было ему поудобнѣе. Покончивъ разсужденія о матеріалахъ, о деньгахъ, приступили къ вопросу о томъ, кто возьмется строить церковь. Оказалось, что одинъ предусмотрительный прихожанинъ, бывшій тутъ-же на совѣщаніи, привезъ заранѣе и строителя изъ Водолаги, Якима Погребняка, который тотчасъ и выступилъ въ собраніи.

— Ты можешь построить намъ церковь? спрашивали батьки-старшины.

— Мóжу, дайте тилько сылы да плоти, а поставыть поставымо.

— Якои тамъ тоби ще сылы и плоти?

— Плотниковъ-работниковъ, да дерева, да кирпича, вѣстимо.

— Ну, гдѣ тебѣ такому непоказному выстроить Божій храмъ! подсмѣивались запорожцы.

— Ей, батьки, выстрою, а коли хочете, я вотъ намалюю, какую вамъ церковь поставлю.

— Ну, намалюй.

Строитель тутъ же на дорожкѣ начертилъ фасадъ церкви съ пятью куполами.

— Да, церковь намалевана славная,—сказали старшины,—но какъ-то ты ее построишь?

— Строить намъ не первина; я еще и не такую съумѣю построить: я сдѣлаю церковь съ девятью банями (куполами).

— Ну, козаче,—отозвался на это одинъ изъ батькивъ съ полнымъ недовѣріемъ:—и я, какъ малымъ былъ, то также брехавъ, только за то меня не разъ кормили березовою кашею.

— Могу,—сказалъ Погребнякъ,—я вамъ ее и намалюю, коли хотите.

— Намалюй!

И онъ намалевалъ.

При видѣ церкви съ девятью куполами, запорожцы пришли въ восхищеніе. Сильно смущало ихъ одно лишь обстоятельство: съ каждой изъ четырехъ сторонъ будетъ по три купола, а всего выходитъ девять? По ихъ разсчету выходило непремѣнно двѣнадцать. Однако это не помѣшало имъ поручить постройку церкви Погребняку за 2000 р., изъ которыхъ онъ тотчасъ же заявилъ желаніе пожертвовать на церковь 24 рубля.

Послѣ торжественнаго заложенія церкви, съ участіемъ славянскаго архіепископа Евгенія Булгарича, въ присутствіи кошеваго и нѣкоторыхъ куренныхъ атамановъ, при огромномъ стеченіи народа, послѣ этого торжественнаго акта, строитель исчезъ и гдѣ-то скрывался дня три-четыре. Ктиторъ, Павелъ Ѳедоровичъ Коржевскій, начиналъ уже безпокоиться, какъ вдругъ въ послѣобѣденное время неожиданно является Погребнякъ.

— Ну, вотъ она вамъ, вся тутъ,—сказалъ онъ, даже не поздоровавшись съ хозяиномъ.—Ну, вотъ, берите ее, глядите, со всѣхъ четырехъ боковъ по три башты, а всѣхъ таки девять, девять а не двѣнадцать.

Съ этими словами онъ подалъ ктитору модель церкви, сдѣланную изъ оситняка.

— Вижу, вижу, Господь тебѣ помогай!—сказалъ Коржевскій.— Все оно такъ, какъ ты говорилъ. Гдѣ-же ты это былъ, божій человѣкъ?

Вотъ что разсказалъ Погребнякъ:

— Бѣжалъ я въ наши самарскіе камыши и залегъ въ нихъ, а думка моя точно спорила сама съ собою: то выстрою, то не выстрою, безпрестанно вертѣлось у меня въ головѣ. Подумаю, доведу вотъ, кажется, до самыхъ верховъ, смотришь какой-либо сучокъ, либо задоринка и останавливаетъ; пройдешь то и другое, дойдешь почти до крестовъ—кроква въ крокву (стропила) не приходится: одно гнетъ, другое прётъ, того гляди, все полетитъ стремглавъ къ низу. Я совсѣмъ ослабѣлъ и душою и тѣломъ, измучился одною только думкою, точно, Богъ знаетъ, какую великую тяжесть ворочалъ на плечахъ. Лежалъ я въ очеретахъ,

въ палести нашего николаевскаго монастыря; и вотъ обратившись лицомъ къ монастырю, гдѣ находился престолъ святителя Николая, помолился я святому Николаю и такъ усердно, какъ будто всѣ мои сокрушенія разомъ вылились въ одно прошеніе и молитву. Послѣ молитвы я заснулъ и спалъ, помню, долго: заснулъ чуть не въ пору обѣда, а проснулся, солнце было только на два дуба надъ землею. И вѣрно угодникъ Божій услышалъ грѣшную мою молитву: во снѣ видѣлъ я святаго Николая Чудотворца сѣдымъ старикомъ, и святый Николай указывалъ мнѣ, какъ строить этотъ храмъ божій, да такъ ясно, какъ будто теперь вижу его предъ очами. Я всталъ бодрый и свѣжій и началъ, какъ во снѣ указано мнѣ было, плести эту церковь изъ оситняку, и вотъ, какъ видите, сдѣлалъ.

— Ну, будь тебѣ сила святая въ помощь!—сказалъ ктиторъ.—Начинаешь ты, Господь съ тобой, какъ-то необычайно, дай тебѣ Богъ такъ и кончить.

Какъ видно, это былъ не заурядный строитель, а истинный художникъ, въ душѣ вынашивающій свое созданіе и цѣною душевныхъ мукъ добывающій для него соотвѣтствующій образъ.

И онъ кончилъ церковь, но лишь въ 1779 году, когда Запорожье не существовало болѣе. Этотъ замѣчательный памятникъ архитектуры XVIII столѣтія, носящій на себѣ яркую печать національнаго творчества, былъ освященъ въ 1781 году протоіереемъ собора, Григоріемъ Порохнею.

Церковь уцѣлѣла по настоящее время. Она состоитъ изъ девяти золотоглавыхъ башенъ, каждая о четырехъ ярусахъ; башни, поставленныя по три въ линію, образуютъ изъ себя три ряда и въ такомъ видѣ соединены вмѣстѣ; среднія башни выше боковыхъ, и изъ среднихъ центральная главная еще выше. Самыя башни сложены изъ сосновыхъ и частью дубовыхъ брусьевъ, имѣющихъ въ отрубѣ отъ шести до десяти вершковъ и почти нигдѣ не скрѣпленныхъ гвоздями: башни служатъ опорою одна другой въ силу равновѣсія, угаданнаго строителемъ съ замѣчательною вѣрностью. Никакихъ поддерживающихъ колоннъ, никакихъ подставъ и подпоръ внутри нѣтъ, извнѣ—

тоже. Высота церкви за тридцать, а окружность около пятидесяти восьми саженъ; фундаментъ—кирпичный. Вначалѣ маковки церкви были выкрашены зеленой краской, а вызолочены въ тридцатыхъ годахъ при починкѣ. Иконостасъ былъ сначала съ фестонами, завитками, со всѣми хитростями столярнаго искусства. Образа хорошаго письма; нѣкоторые были писаны на золотомъ фонѣ въ византійскомъ вкусѣ. Колокольня стоитъ отдѣльно.

Не можемъ въ заключеніе пройти молчаніемъ имена первыхъ жертвователей на этотъ храмъ. Еще на сооруженіе церкви сдѣлали богатое пожертвованіе Антонъ Головатый и Чепига; икону Собора свв. Апостоловъ пожертвовалъ козакъ Иванъ Батуринскій Терещенко въ 1774 г.; Евангеліе въ зеленомъ бархатѣ съ серебромъ—козакъ Лаврентій Плиха въ 1775 году; серебряную чашу съ пестрою позолотой—козакъ Ѳеодоръ Колотнечя въ 1766 году. Существуетъ преданіе, что одинъ изъ колоколовъ пожертвовалъ Потемкинъ, Грицько Нечоса, уничтоживший запорожскую общину.

П. Г.

P. S. Въ настоящее время Новомосковскій Свято-Троицкій соборъ возобновляется съ разрѣшенія Правит. Сунода, послѣдовавшаго 27 мая 1887 г. Согласно предписанію екатеринославской духовной консисторіи настоятель собора образовалъ комитетъ съ цѣлью перестроить церковь по плану, составленному архитекторомъ Харманскимъ и разсмотрѣнному екатеринославскимъ строительнымъ отдѣленіемъ, „съ израсходованіемъ на перестройку 11545 р. 18 к., собранныхъ для этого отъ доброхотныхъ дателей, и 20000 р. изъ свободныхъ церковныхъ суммъ, образовавшихся изъ кружечныхъ, кошельковыхъ и свѣчныхъ доходовъ“. Работы по перестройкѣ стѣнъ, половъ, крышъ отданы подрядчику - плотнику, а обновленіе иконъ поручено Н. М. Перфильеву, реставратору древнихъ иконъ, прибывшему изъ Петербурга.

---

[1]) Подъ именемъ Грицька Нечосы Потемкинъ былъ принятъ въ запорожскую общину.

Разборка стѣнъ храма началась 2 октября прошлаго года и окончена къ концу того же мѣсяца. И въ обновленномъ видѣ соборъ будетъ деревяннымъ и девятиглавымъ, какимъ онъ былъ въ первоначальной постройкѣ. „Старое дубовое дерево, изъ котораго построенъ былъ соборъ", замѣчаетъ авторъ статьи въ „Екатер. Губернск. Вѣдом (№ 13), откуда мы и заимствуемъ добавочныя свѣдѣнія, „по разборкѣ его оказалось почти совершенно истлѣвшимъ, особенно въ нижнихъ частяхъ собора; и предполагавшаяся первоначально лишь перекладка и пересыпка стѣнъ собора, съ замѣною нѣсколькихъ прогнившихъ колодъ новыми, превратилась въ постройку заново, изъ почти всего новаго лѣса. Все это, понятно, должно усложнить и удорожить возобновленіе Новомосковскаго собора совершенно непредвидѣнно". Ради экономіи дубовыя колоды замѣнены будутъ сосновыми; изъ дуба будетъ выведена только основа собора, для чего потребуется не меньше 600 колодъ. Неразобраннымъ пока остался каменный фундаментъ, подведенный подъ деревянныя стѣны собора въ сравнительно недавнее время. Разобранъ онъ будетъ весною, и на мѣсто его заложится новый фундаментъ въ прежнихъ предѣлахъ изъ кирпича - желѣзняка.

При разборкѣ иконостаса, къ счастью, никакихъ поврежденій не было. При обновленіи иконъ реставраторъ не дозволяетъ себѣ никакихъ уклоненій отъ стараго письма, никакихъ подмалевокъ и подкрашиваній первоначальнаго рисунка. „Г. Перфильевъ смываетъ всю копоть и запыленіе съ иконъ при помощи извѣстныхъ ему одному средствъ и пріемовъ, и иконы выходятъ изъ его рукъ съ чрезвычайно живыми изображеніями,— точно онѣ вчера нарисованы". Въ числѣ иконъ наиболѣе замѣчательными по древности и по художественности иконописи называютъ двѣ: „Святителя Николая" и „Христа Спасителя". Рама первой иконы отдѣлана въ стилѣ XV в., поле ея позолоченное, также въ древнемъ вкусѣ, но не гладкое, а волнистое. Рамы иконъ имѣютъ выпуклыя рѣзныя украшенія.

По словамъ корреспондента „Екат. Губ. Вѣдом." (№ 15), иконостасъ подновляется только по части живописи; позолота

же рамъ на иконахъ и окраска пола иконостаснаго не будутъ произведены по недостатку средствъ у прихожанъ собора. Нельзя не присоединиться къ пожеланію корреспондента, чтобы земство новомосковскаго уѣзда приняло участіе въ реставраціи драгоцѣннаго памятника малорусской старины. Бережное отношеніе къ памятникамъ родной исторіи и роднаго искусства вообще, тѣмъ паче такимъ, какъ вѣковой храмъ запорожскаго козачества, должно быть присуще каждому, кто мало-мальски дорожитъ уроками исторіи и сознаетъ всю невозвратимость утратъ въ подобной области.

Ред.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 годъ.

(Журн. Мин. Народн. Просв.— Православ. Обозрѣніе.— Вѣстн. Европы.— Русск. Старина. — Сѣверн. Вѣстникъ. — Русская Мысль. — Наблюдатель. — Историч Вѣстникъ. — Biblioteka Warszawska. — Недѣля. — Кіевлянинъ. — К. Слово. — Kraj. — Głos. — Дѣло).

Журн. Мин. Нар. Просв. № 1. *Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Е. Е. Замысловскаго* (стр. 1—23; окончаніе слѣдуетъ). Выяснены сношенія Россіи съ Польшей въ теченіе трехъ лѣтъ (1676—1678), причемъ немало данныхъ приводится о личностяхъ и событіяхъ, связанныхъ съ исторіей Украины, т. к. въ значительной мѣрѣ сношенія эти касались ея. Главнымъ матеріаломъ для статьи служатъ дѣла по сношеніямъ съ Польшей въ Московск. Арх. Иностр. Дѣлъ.

„Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ Н. И. Карѣева (стр. 24—53; продолженіе слѣдуетъ). Въ обширной статьѣ, составляющей часть спеціальнаго университетскаго (С.-Петербургскаго) курса, авторъ задается цѣлью познакомить читателей съ современнымъ состояніемъ вопроса о паденіи Польши въ исторической литературѣ, а равно представить обозрѣніе всей литературы, посвященной этой эпохѣ. Авторъ располагаетъ матеріалъ свой слѣдующимъ образомъ: первыя двѣ главы должны представить обозрѣніе польскихъ публицистическихъ и историческихъ произведеній, относящихся къ вопросу; слѣдующія двѣ главы—публицистика и исторіографія западно-европейская, и еще двѣ—русская; только послѣ этого будутъ разсмотрѣны новѣйшіе польскіе историческіе труды, что составитъ 7-ю главу, наконецъ въ 8-ую главу войдутъ общіе выводы. Пока 1-я глава „Мнѣнія польскихъ публицистовъ въ XVIII вѣка о причинахъ упадка Рѣчи-Посполитой“.

Очерки изъ исторіи русской драмы. П. Морозова (стр. 114—169; начало въ 1887 г. № 12; продолженіе слѣдуетъ). Опытъ систематическаго изложенія исторіи русской драмы, для чего автору нужно было вначалѣ остановиться на ходѣ развитія драмы въ Западной Европѣ и въ

Польшѣ. Естественно, что въ статьѣ очень видное мѣсто занимаютъ драмы, принадлежащія Малороссіи и Бѣлоруссіи.

№ 2. *Евгеній митрополитъ Кіевскій. Е. Ф Шмурло* (стр. 267—325). Продолженіе обширной статьи, начатой еще въ прошломъ году. Въ настоящей 7-й главѣ идетъ рѣчь о сочиненіи Евгенія „Описаніе Воронежской губерніи". Отмѣчаемъ статью потому, что она связывается съ именемъ Евгенія Болховитинова, имѣющаго такое близкое отношеніе къ Кіеву.

Очерки изъ исторіи русской драмы. П. О. Морозова (стр. 377—403). Начало этой, 4-й главы посвящено обзору кіевскихъ школьныхъ драмъ, а именно: „Объ Алексѣѣ, Божіемъ человѣкѣ", „Дѣйствіе на Страсти Христовы списанное", „Мудрость Предвѣчная".

Записки о поставленіи русскихъ епископовъ при митрополитѣ Ѳеогностѣ въ Ватиканскомъ греческомъ сборникѣ. В. Г. Васильевскаго стр. 445—463). Сообщается о нѣсколькихъ замѣткахъ, найденныхъ въ греческомъ рукописномъ сборникѣ XV вѣка, съ извѣстіями объ избраніи и поставленіи епископовъ на разныя русскія епископскія каѳедры. Всѣ эти извѣстія относятся ко 2-й четверти XIV вѣка и между прочимъ касаются каѳедры Южной Руси.

Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича (стр. 464—485). Данныя, о которыхъ было сказано по поводу начала этой статьи въ № 1, касаются здѣсь событій 1679 года и даютъ опять немало свѣдѣній о сношеніяхъ Польши съ Малороссіей, а также объ отношеніяхъ козаковъ къ московскому и польскому правительствамъ.

Рецензія на книгу В. Шимановскаго „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ". А. Соболевскаго (стр. 524—527). Указаны многіе промахи, допущенные авторомъ въ изданіи Сборника Святослава 1076 г., главнымъ образомъ тотъ, что издатель не выдѣлилъ несомнѣнно принадлежащаго перу писца 1076 года и не указалъ, гдѣ въ позднѣйшихъ поправкахъ видны слѣды старыхъ начертаній, а напротивъ во многихъ случаяхъ смѣшалъ старое съ новымъ.

Правосл. Обозрѣніе № 1. *Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. П. Ѳ. Каптерева* (стр. 40—78; продолженіе слѣдуетъ). Разсматривается между прочимъ и вопросъ о томъ вліяніи, благодаря которому Никонъ энергично приступилъ къ исправленію церковныхъ обрядовъ и книгъ, причемъ нѣсколько страницъ удѣлено выясненію того, въ какой мѣрѣ такое вліяніе могло быть со стороны кіевскихъ ученыхъ и особенно Епифанія Славинецкаго.

Вѣстн. Европы № 1. *„Семенъ сирота и его жена". Деревенская быль Ѳ. Тищенка* (стр. 209—254). Небольшой разсказъ, съ сюжетомъ изъ

жизни крестьянъ харьковской губ. Дѣйствующія лица, пріуроченныя къ Харьковщинѣ, мало проявляютъ особенности не только мѣстнаго типа, но и вообще малорусскаго.

№ 2. *Новые романы Сенкевича. А. Пыпина* (стр. 665—686). Идетъ рѣчь объ извѣстныхъ романахъ „Огнемъ и мечемъ“ и „Потопъ“; причемъ авторъ, дѣлая оцѣнку произведеній С—а, останавливается на вопросѣ о малорусско-польскихъ отношеніяхъ и, ссылаясь на многія мѣста извѣстной читателямъ „Кіевской Старины“ статьи г. Антоновича по поводу романа „Огнемъ и мечемъ“ (1885 г. № 5), соглашается съ тѣмъ, что романистъ не возвышается надъ уровнемъ ходячихъ представленій о старой Польшѣ, блистающей яко бы шляхетскими добродѣтелями и не можетъ отрѣшиться отъ шляхетскихъ воззрѣній на козацкую Украину, преисполненную будто бы варварства, дикости безъ всякихъ признаковъ культуры.

Осипъ Федьковичъ. А. Конисскаго (стр. 888—892). Краткій біографическій очеркъ галицкаго писателя О. Федьковича, скончавшагося 29 дек. 1887 г.

Русская Старина № 1. *Колчинъ* — продолженіе статьи „Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX в.в.“, историческій очеркъ, глава XIV. Между помѣщенными авторомъ свѣдѣніями о ссыльныхъ находимъ слѣдующія извѣстія: 1829 г. сосланъ, „полтавской губ. козачій сынъ Иванъ Потапенко. Имѣя 10 лѣтъ отъ роду, онъ убилъ 8-мѣсячную дѣвочку, посланъ въ Соловецкій монастырь на 15-лѣтнее заточеніе съ употребленіемъ во всѣ тяжелыя работы. Въ 1835 г. сданъ въ солдаты“. 1834 г. усланъ въ Соловецкій монастырь начальствомъ военный поселянинъ Ѳедоръ Хоменко за распространеніе нелѣпыхъ толковъ и ложныхъ пророчествъ, основанныхъ на сновидѣніяхъ, и за объявленіе этихъ пророчествъ начальству. Освобожденъ изъ острога въ 1846 г. Въ 1851 г. сосланъ придворный пѣвчій Александръ Орловскій, кончившій курсъ въ черниговской духовной семинаріи, обладавшій хорошимъ теноромъ, но отличавшійся безпорядочнымъ поведеніемъ; посаженъ въ острогъ за безбожіе; онъ въ пьяномъ видѣ, „желая похвастаться ученостью и вольнодумствомъ, произнесъ нѣсколько дерзкихъ словъ на религію“. По прибытіи въ острогъ онъ написалъ на имя архимандрита подробное покаяніе, послѣ чего уволенъ изъ острога и зачисленъ въ послушники. Послѣ двухъ лѣтъ послушанія совсѣмъ освобожденъ изъ монастыря. Въ 1850 г. присланъ бывшій студентъ Георгій Андрузскій по Высочайшему повелѣнію за вредный образъ мыслей и злонамѣренныя сочиненія. Вотъ что Андрузскій разсказываетъ о себѣ въ своемъ покаяніи соловецкому архимандриту: „Родился я въ 1827 г., до 1839 г. воспитывался дома, родомъ изъ полтавской губерніи. Съ 1839 по 1847 годъ воспитывался въ 1-мъ благородномъ пансіонѣ 1-й кіевской гимназіи, откуда поступилъ въ университетъ св. Владиміра. Въ 1847 г.

взятъ въ Петербургъ и по повелѣнію Государя отправленъ въ казанскій университетъ для окончанія курса наукъ; причемъ мнѣ Всемилостивѣйше пожаловано на первоначальное обзаведеніе 200 руб. Причиной перемѣщенія были мои бумаги и стихи мятежнаго содержанія, имѣющіе цѣлью возстановленіе малорусской народности. Въ 1848 г. по окончаніи курса наукъ, переведенъ изъ Казани на службу въ Петрозаводскъ, вслѣдствіе поврежденія глазъ и неспокойнаго поведенія". Въ Петрозаводскѣ онъ служилъ, скорѣе числился въ олонецкомъ Губ. Правленіи при газетномъ столѣ писцомъ по 1 мая 1850 г.; 19 марта 1880 г. по распоряженію гражданскаго губернатора, обысканъ, арестованъ на дому и черезъ мѣсяцъ, по Высочайшему повелѣнію, отправленъ въ Соловецкій монастырь, о чемъ я узналъ частнымъ образомъ по прибытіи въ Архангельскъ, гдѣ мѣсяцъ находился въ тюрьмѣ до вскрытія водъ. Причина этой ссылки: сочиненія предосудительнаго и отчасти нерелигіознаго содержанія. Во всѣхъ сихъ случаяхъ поступлено со мною справедливо и весьма снисходительно. Впрочемъ я никогда не возставалъ противъ монархіи, ни противъ личныхъ основъ царской власти, а только, полагая, что во всероссійской державѣ должно быть и всероссійское господство, вооружался на исключительное господство великороссіянъ въ защиту давно отжившей малорусской народности. Отъ церкви я никогда не отлучался. Если же въ моихъ сочиненіяхъ и попадаются выходки противъ власти монархической и церковной, то вслѣдствіе молодечества и раздраженнаго воображенія". Далѣе слѣдуютъ выраженія раскаянія, при чемъ Андрузскій заявляетъ, что ему „нѣтъ дѣла ни до Малороссіи, ни до Европы, ни до всего свѣта—я желаю быть христіаниномъ". Это раскаяніе было отправлено въ Синодъ въ 1850 г., при чемъ приложенъ отзывъ архимандрита, что Андрузскій ведетъ себя смирно, въ церковь ходитъ; освобожденъ онъ былъ лишь послѣ нападенія англичанъ, въ 1855 году.

Сѣверный Вѣстникъ. № 1. *Три теченія. Романъ А. Шабельской* стр. 1—51. № 2, стр. 85—117). Мѣсто дѣйствія—подольская губ.; дѣйствующія лица—по преимуществу культурный слой водворившагося тамъ русскаго землевладѣнія среди мѣстной природы и народонаселенія.

Въ Областномъ отдѣлѣ журнала (№ 1, стр. 56—68). Отзывы о появившихся въ мѣстныхъ газетахъ статьяхъ объ арендѣ за отработки. О сыпучихъ пескахъ. О пчеловодствѣ въ рославльскомъ уѣздѣ. О плотническомъ и землекопномъ промыслахъ въ смоленской губерніи. О промыслахъ въ воронежской губерніи. О дорогобужскихъ городскихъ промыслахъ. О народномъ праздникѣ св. Андрія на Волыни. О м. Гороховѣ. Въ томъ же отдѣлѣ (№ 2, стр. 57—79) статья Неручева *Бессарабское земство*, его недоимки и мѣры борьбы съ ними. Въ отдѣлѣ изъ провинціальной печати (стр. 82—87). Отзывы на статью „Од. Новост." Аренда крестьянскими обществами казенно-оброчныхъ земель. О цы-

ганахъ въ Бессарабіи и ихъ нуждахъ—ст. „Од. Листка“. О кустарныхъ промыслахъ въ рославльскомъ уѣздѣ—ст. „Смол. Вѣст.“. Остатки вертепн. драмы въ смоленской губерніи—Тимофѣева, таже газ.

Въ отдѣлѣ *Новыя книги* помѣщены рецензіи (№ 1, стр. 76—79) на трудъ Е. Святловскаго „Матеріалы по вопросу о санитарномъ положеніи русскаго крестьянства. „Медико-топографическое описаніе волчинскаго уѣзда, харьковской губерніи“ (стр. 79—80) Ѳ. Лашковъ „Сельская община въ Крымскомъ ханствѣ“.

Русская Мысль. № 1. Въ библіографическомъ отдѣлѣ рецензіи на книги: 1) И. Потапенко, *Въ деревнѣ. Очерки и разсказы.* Од. 1887. Сюжеты 13 разсказовъ въ этой книгѣ взяты изъ жизни южно-русскихъ крестьянъ. Авторъ знакомъ съ предметомъ, но плохой разскащикъ (стр. 51). 2) *Труды VI археолог. съѣзда въ Одессѣ.* Т. I. Од. 1886. Т. III. 1887. Къ югу Россіи относятся рефераты: В. Б. Антоновича, *О пещерахъ на берегу Днѣстра*, Е. Н. Мельникъ, *Слѣды мегалитическихъ сооруженій въ южной Россіи*, А. Ѳ. Лихачева, *Скиѳскіе элементы въ чудскихъ древностяхъ*, Д. Я. Самоквасова, *Могильныя древности александровск. у. екатериносл. губ.*, гр. А. А. Бобринскаго, *О курганахъ близъ м. Смѣлы* (стр. 19). 3) *Курганы и случайныя археолог. находки близъ м. Смѣлы.* Дневникъ *пятилѣтнихъ раскопокъ* гр. А. А. Бобринскаго. С.П.Б. 1887. Изданіе роскошное, украшено множествомъ рисунковъ и снабжено картой кіевской губ. и археолог. картой окрестностей Смѣлы (стр. 19—20).

Библіографическій отдѣлъ (стр. 80—83). Въ отдѣлѣ Статистики краткія рецензіи на книги: Ф. Щербины, *Крестьянское хозяйство по острогожскому уѣзду* и П. Червинскаго, *Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій*, (стр. 80—83).

Наблюдатель №№ 1 и 2. В. В., Формы подворнаго землевладѣнія въ Россіи (57—71, 181—205).

Противники общиннаго владѣнія обыкновенно указываютъ на черезполосность, порождаемую имъ, какъ на самый крупный и вредный его недостатокъ, и въ виду того настаиваютъ на выгодности и полезности подворной собственности. Такъ ли это? Устраняетъ ли подворное владѣніе черезполосность со всѣми ея послѣдствіями? Дѣлаетъ ли оно владѣльца участка полнымъ господиномъ его дѣятельности? В. В. даетъ въ своихъ статьяхъ отвѣтъ на эти вопросы въ примѣненіи къ Россіи, опираясь въ своей аргументаціи главнымъ образомъ на явленіяхъ, представляемыхъ подворнымъ владѣніемъ въ Малороссіи и Новороссіи. Основываясь на записи какъ румянц. описи (золотоношскаго и суражскаго у), такъ и современной земской статистики, онъ показываетъ, что черезполосность у козаковъ и крестьянъ обѣихъ областей была преобладающею

и въ XVIII в., и теперь, и притомъ такою же, если даже не большею, чѣмъ при общинномъ владѣніи. По одному, напр., золотоношскому уѣзду при 20 селахъ съ 1215 козачьими дворами 30 тыс. десятинъ пахати были разбиты на 16500 отдѣльныхъ кусковъ, т. е. на одинъ дворъ приходилось 24 дес. въ 13—14 кускахъ. Въ XIX в. черезполосность достигла еще большихъ размѣровъ и притомъ такихъ, что вызвала межеваніе, которое однако не въ силахъ было устранить ее. Черезполосность и послѣ межеванія продолжала развиваться. Очевидно, что въ случаяхъ обѣихъ формъ землевладѣнія мы имѣемъ дѣло съ однимъ типомъ; обѣ въ отношеніи расположенія угодій сложились по одному образцу. Формы, представляемыя нѣмецкими колоніями Новороссіи и крестьянскими обществами на земляхъ, купленныхъ при помощи крестьянскаго банка, рисуютъ туже картину, доказывающую, что не только мѣстные жители, но и иноземцы (притомъ получившіе въ пользованіе отрубные участки земли, около 60 дес. каждый), поселяясь въ Россіи, усвоиваютъ форму землевладѣнія, построенную по общинному типу, т. е. дробятъ земли, создаютъ черезполосность, удаляютъ участки отъ жилья, вводятъ обязательный сѣвооборотъ и т. д. Ясно, что должны существовать какія-то общія причины, создающія одинаковыя послѣдствія при двухъ различныхъ формахъ владѣнія, причины, не заключающіяся лишь въ одной формѣ общиннаго владѣнія. Эти причины, не общинное владѣніе, ибо существуетъ черезполосность и у четвертныхъ владѣльцевъ, а они — результатъ помѣстнаго, а не общиннаго владѣнія и у нѣмецкихъ колонистовъ юга, ибо они явились въ Россію при условіяхъ, обезпечивавшихъ ихъ отъ вліянія общиннаго русскаго владѣнія. Не заключаются они и въ правительственномъ вліяніи. Коренную причину В. В. видитъ въ томъ, что преобладающею формою поселенія являлся не дворъ, а цѣлое село, группа дворовъ, что было необходимо и въ виду маловодья степной полосы, заставлявшаго скучиваться по рѣчкамъ, колодезнымъ мѣстамъ и т. д., заставляющаго и теперь двѣ деревни сливаться въ одну (напр. въ 70 годахъ д. Мордвиновку съ Чикановкой, Зеленовку съ д. Правый Салаванъ и т. д), и въ виду историческихъ условій: защита отъ воинственныхъ племенъ, требовавшая разселенія большими группами. Во-вторыхъ, громадную роль играли аграрныя и культурныя условія, препятствовавшія жизни хуторомъ, требующей такихъ силъ (по оборонѣ, расчисткѣ отъ снѣга пути, пастбища для скота и т. д), какими не обладалъ и не обладаетъ русскій крестьянинъ, привыкшій къ экстенсивному хозяйству. Одна, напр., необходимость пастбища, при состояніи земельнаго владѣнія, дѣлаетъ возможнымъ и безусловнымъ отведеніе особаго участка земли для общей пастьбы, а слѣдов. и черезполосность пахати. Наконецъ, сюда же прибавляются и природа страны, со всею силою стихіи давящею человѣка, вооруженнаго примитивными орудіями, и условія земледѣлія, требующія просторнаго

размѣщенія жителей, тогда какъ надѣлы малы. Понятно отсюда, что хуторное разселеніе при такихъ обстоятельствахъ можетъ привести лишь къ одичанію, разрушая зачатки культуры въ видѣ зараждающихся школъ и т. д.

Такимъ образомъ скученіе въ большія группы есть необходимое слѣдствіе историческихъ, естественныхъ и иныхъ причинъ, свойственныхъ и югу, и сѣверу Россіи, а оно необходимо приводитъ къ черезполосности. А между тѣмъ эта черезполосность значительно уступаетъ черезполосности общинной, потому что 1) она дробнѣе и совершается быстрѣе, ибо собственникъ подворный свободенъ распоряжаться своимъ участкомъ, 2) неправильнѣе, такъ какъ нѣтъ, какъ въ общинѣ органа, слѣдящаго за соблюденіемъ установленнаго плана расположенія угодій. При черезполосности подворной необходимо періодическое межеваніе, которое дорого стоитъ, долго тянется, вызываетъ неудовольствія, создаетъ правонарушенія, тогда какъ въ общинѣ этотъ трудный процессъ требуетъ всего нѣсколькихъ дней для своего выполненія.

Biblioteka Warszawska № 2. Некрологъ Іосифа Федьковича—краткая біографія и перечень сочиненій покойнаго.

Историческій Вѣстникъ. № 1. *Л. Н. Павлищева. Изъ семейной хроники.* Авторъ—сынъ Ольги Сергѣевны Пушкиной, сестры А. С. Пушкина. Въ статьѣ есть нѣкоторыя данныя о Н. В. Гоголѣ, бывавшемъ въ семьѣ автора (стр. 33—63).

А. А. Титова. Павелъ Конюшкевичъ, митрополитъ тобольскій и сибирскій (стр. 180—186). Краткая біографія замѣчательнаго святителя, малорусса по происхожденію. Собственно перепечатка свѣдѣній о жизни Конюшкевича, изъ труда Толстого, напечатаннаго въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1869 годъ, книжка 2-я. Митрополитъ Конюшкевичъ уроженецъ Самбора, воспитаніе получилъ въ кіевской духовной академіи. Въ Москвѣ былъ на должности проповѣдника при Славяно-Греко-Латинской Академіи. Въ 1758 г. рукоположенъ въ санъ митрополита тобольскаго и сибирскаго. Противъ отобранія церковныхъ имуществъ при Екатеринѣ II, въ 1764 г. онъ написалъ протестъ, за что и былъ подвергнутъ суду Синода и посланъ на жительство въ нашу кіевскую Лавру. Умеръ въ 1770 году.

Д. И. Эварницкаго. Переправа чрезъ Днѣпровскіе пороги (стр. 187—200).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщена между прочими рецензія на Холмскій народный календарь за 1888 годъ.

Сочувственная замѣтка о „Кіевской Старинѣ“ по случаю временной пріостановки изданія. (Стр. 263).

№ 2. *М. И. Сухомлинова. И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ* (стр. 324—348). Нѣкоторыя данныя о Н. И. Костомаровѣ.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи интересныя для насъ рецензіи на книги: Омельяна Огоновскаго „Исторія литературы рускои". Ч. I. Львовъ. Гр. Алексѣя Бобринскаго „Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы", Д. И. Багалѣя: „Матерьялы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства". Харьковъ, 1887 г. Шоляковича: „Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ западной Россіи". Выпускъ II. Вильна. 1887 г., П. Кедрова: „Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и его дѣятельность по возсоединенію уніатовъ". Спб. 1887 г.

Въ отдѣлѣ: заграничныя историческія новости—указанія на вышедшіе заграницей труды, касающіеся исторіи юго-западнаго края: Кинглека: „Вторженіе въ Крымъ; его причины и описаніе его осады до смерти лорда Роглана" (The invasion of the Crimea: its origin and an account of its progress down to the death of lord Raglan. By A. W. Kinglake). Въ нѣмецкомъ Сборникѣ: „Литовская и леттская печать (Litavische und lettische Drucke des XVI und XVII Jahrhundertes) сочин. Ширвида 1629 г.: „Punkty Kazan" съ лингвистическими комментаріями и біографіей автора, члена іезуитскаго ордена. Это темы для проповѣдей.

Недѣля. № 3. *Городскіе безобразники и ихъ обличитель.* (Стр. 95—101). Матеріалъ для исторіи городского хозяйства въ г. Звенигородкѣ кіевской губерніи.

№ 6. *Бибиковскія мѣры. Лѣскова* (Стр. 196—198). Фактъ лѣченія Бибиковымъ студента, жившаго у С. П. Алферьева (подлежитъ сомнѣнію).

№ 7. *Научныя работы на земскія средства* (Стр. 222—226). Свѣдѣнія о дѣятельности херсонскаго губернскаго земства въ этомъ направленіи.

№ 2 кн. *Въ образцовомъ имѣніи.* А. Ивина. (Стр. 1—36). Изображеніе хуторнаго хозяйства въ одномъ изъ угловъ Малороссіи въ неумѣлыхъ рукахъ бывшаго чиновника, мнящаго себя образцовымъ хозяиномъ.

Кіевлянинъ №№ 8, 10, 12, 15, 17, 18, 22, 25, 26 и 27. *Польское возстаніе 1863—1864 г.г.* Сводъ данныхъ относительно послѣдняго польскаго мятежа, собранныхъ въ двухъ книгахъ: «М. Н. Катковъ. 1863 годъ. Собраніе статей по польскому вопросу. Москва. 1887 г.» и «Н. И Павлищевъ. Седьмицы польскаго мятежа 1861—1864 г.г. Т. IV—V. СПБ. 1887».

№№ 10, 11 и 15. *Сто лѣтъ назадъ и нынѣ.* Подробное изложеніе монографіи г. Червинскаго о кролевецкомъ уѣздѣ, помѣщенной въ XV томѣ статистическихъ матеріаловъ черниговскаго земства.

№ 19. *Кладъ вырытый на погостѣ Кіево-Михайловскаго монастыря 19 ноября 1887 года.* Статья заключаетъ, по словамъ автора, сводъ мнѣній объ этомъ кладѣ людей науки, успѣвшихъ съ нимъ ознакомиться. Составъ клада описанъ въ № 254 той же газеты за 1887 годъ.

Годичное собраніе кіевскаго церковно-археологическаго общества (отчетъ о дѣятельности общества за 1887 годъ). Въ засѣданіяхъ общества предложены были слѣдующіе рефераты по мѣстной исторіи: «О рукописномъ южно-русскомъ сборникѣ конца XVII вѣка, со вплетенною въ него печатною брошюрою Кутеинской печати 1636 года», Н. И. Петрова «О рукописныхъ лекціяхъ по догматическому богословію, читанныхъ въ кіевской духовной академіи архимандритомъ Димитріемъ (Муретовымъ), впослѣдствіи архіепископомъ херсонскимъ»; М. Ф. Ястребова «О документахъ, относящихся къ исторіи православнаго Кременецкаго богоявленскаго братства XVII и XVIII в.в.»; Н. И. Петрова «О древнѣйшихъ руководствахъ по философіи въ Кіевской академіи», его же; «О памятникахъ православія на Волыни, относимыхъ ко времени св. равноапостольнаго князя Владиміра». Въ церковно-археологическомъ музеѣ находятся изъ поступленій 1887 г. слѣдующіе интересные памятники мѣстной старины: гальванопластическій снимокъ съ древняго бронзоваго энколпіона, найденнаго въ развалинахъ Мстислава храма во Владимірѣ-Волынскомъ; снимокъ съ древней (до сихъ поръ не вполнѣ разобранной) надписи на плитѣ въ Васильевской церкви того же города; нѣсколько предметовъ изъ бывшей Сѣчевой Покровской церкви, нынѣ въ с. Покровскомъ, Екатеринославской губ., напрестольное евангеліе 1785 г. въ мѣдномъ посеребренномъ окладѣ, оловяная чаша безъ подножія, мѣдный позолоченный дискосъ 1786 г., три деревянныя лопатки, для наклейки на нихъ поминальныхъ записей и молитвъ, нотное «О тебѣ радуется» на доскѣ и ветхая полотняная икона Спасителя, принадлежавшая какъ видно изъ надписи на ней, въ 1769 году куренному атаману Василію Шилу, два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ изъ остерскаго уѣзда; 6 свитковъ отписокъ чугуевскихъ воеводъ XVII в. (переданы во временное пользованіе церковно-археологическаго общества); рукописное Евангеліе, найденное въ м. Сатановичъ, подольской губ., съ подписью 1552 г.; альбомъ фотографическихъ снимковъ съ церковныхъ древностей Волынской епархіи.

№ 22. *Въ виду предстоящаго въ 1893 г. празднованія столѣтія со времени присоединенія Подоліи къ Россіи,* духовное вѣдомство подольской епархіи предполагаетъ съ нынѣшняго года приступить къ тщательному изслѣдованію историческихъ матеріаловъ о жизни за прошлое столѣтіе, для выясненія значенія этого знаменательнаго въ русской народной и церковной и гражданской исторіи событія.

№ 26. *Отчетъ о засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца, состоявшемся 31 Января.* Изложеніе доклада В. Б. Антоновича: «Характеристика древлянскихъ могильниковъ по послѣднимъ раскопкамъ», дающаго много новыхъ и весьма цѣнныхъ свѣдѣній о территоріи древнихъ древлянъ, о ихъ культурѣ, бытовой и общественной жизни, добытыя путемъ научныхъ выводовъ на основаніи раскопокъ могильниковъ на территоріи древлянъ

№№ 27 и 28. *И. М—ко. О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія Кіевлянъ*, библіографическая замѣтка по поводу статьи того же заглавія, В. З. Завитневича въ № 1 за 1888 годъ «Трудовъ Кіевской дух. Академіи». М—ко, придерживаясь лѣтописной хронологіи, оспариваетъ выводы г. Завитневича, утверждая, что мѣстомъ крещенія кн. Владиміра былъ Корсунь.

№№ 32 и 35. *В. Завитневичъ. Къ вопросу о мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія Кіевлянъ*,—отвѣтъ И. М—ко.

И. Линниченко. Къ празднованію 900-лѣтія христіанства на Руси.

33. *Памятная книжка Волынской губерніи на 1888 годъ.* Изданіе Волынскаго губернскаго сатистическаго комитета. Составлена подъ редакціей секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1887 г., in. 8,—библіографическая замѣтка.

№ 34. Народная легенда о Маріи Кочубей (заимствовано изъ «Черниговск. губ. вѣдомостей").

Новыя данныя по исторіи Кіевской академіи. Между десятками тысячъ томовъ, входящихъ въ составъ библіотеки кіевской академіи, найдено не мало старопечатныхъ книгъ и рукописей, хранящихся здѣсь съ того времени, когда кіевская академія была еще „Кіево-Могилянской коллегіей"; отыскано до десятка книгъ съ собственноручною подписью митрополита Петра Могилы. Между книгами библіотеки академіи найдены и книги первопечатныя въ Европѣ: даты въ нихъ указываютъ XV столѣтіе. Въ книтохранилищахъ при кіевскихъ монастыряхъ заключается весьма много старинныхъ книгъ и рукописей съ помѣткою: „E bidliotheca Academiae Kijoviensis", т. е. „изъ библіотеки Кіевской академіи"; на другихъ манускриптахъ и книгахъ надпись иная: „E bibliotheca contubernii studiosorum Academiae Kijoviensis", т. е. „изъ библіотеки общежитія студентовъ Кіевской академіи. Изъ кіевскихъ монастырей, богатыхъ книгами принадлежащими академіи, слѣдуетъ указать на Никольскій, и Михайловскій; къ изслѣдованію ихъ въ указанномъ отношеніи намѣренъ въ близкомъ будущемъ приступить проф. Петровъ. Въ библіотекѣ кіевской семинаріи, между другими интересными матеріалами для исторіи Кіева, находится не мало рукописей и книгъ, составляющихъ ссбственность Академіи. Матеріалы эти представляютъ цѣнныя описанія домашняго быта студентовъ, внутренняго строя школы и почти изъ года въ

годъ подробныя данныя относительно состава какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Отысканные проф. Петровымъ подробные списки студентовъ академіи прежнихъ вѣковъ, кромѣ указаній на происхожденіе и возрастъ каждаго изъ студентовъ, или „спудеевъ", какъ они назывались въ XVII вѣкѣ, заключаютъ также и данныя о полученномъ каждымъ изъ нихъ образованіи въ другихъ школахъ.

Но не только кіевскіе монастыри приняли на храненіе книги и манускрипты академіи; ихъ находятъ во множествѣ и въ другихъ монастыряхъ, ближнихъ и далекихъ отъ Кіева. Такъ напр., въ библіотекѣ черниговской духовной семинаріи находится немало книгъ „e bibliotheca Academiae Kijoviensis" и изъ библіотеки „contuberniia и ея „studiosorum". По словамъ посѣтившаго прошлымъ лѣтомъ Кіевъ высокопреосвященнаго Веніамина, архіепископа иркутскаго, въ г. Иркутскѣ хранится не мало старинныхъ книгъ и манускриптовъ, принадлежавшихъ студентамъ Кіевской академіи

№ 38. Адресъ-календарь и справочная книга кіевской губерніи на 1888 годъ составл. подъ редакціей В. Г. Мозговаго, Кіевъ 1888 г., т-8— библіографическая замѣтка.

№ 43. И. М—ко. Въ отвѣтъ г. Завитневичу по вопросу о мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра.

Кіевское Слово. № 290. Историческое и статистическое описаніе М. Корца, новоградволынскаго уѣзда (Корреспонденція).

№ 294. *И. Ф. Б. Археологическій музей при кіевской дух. академіи.* Бѣглый перечень предметовъ входящихъ въ составъ музея.

№ 308. *Описаніе старой Малороссіи. Матерьялы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія,—Ал. Лазаревскаго. Т. 1. Полкъ Стародубскій. Вып. 1* (Библіографическая замѣтка).

№ 311. *М. Немировъ, подольской губ.* (Корреспонденція). Краткая исторія мѣстечка.

№ 319. *Г. Ровно, волынской губ.* Извѣстіе о благотворительномъ обычаѣ, издавна существующемъ въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ. Состоитъ онъ въ томъ, что лицу, нуждающемуся въ чемъ либо, односельчанами оказывается помощь добровольными приношеніями разныхъ хозяйственныхъ продуктовъ. Народное выраженіе «ходыты за навалнымъ» или «ходыты по навалне» означаетъ: собирать добровольныя приношенія; за «навалнымъ» обращаются исключительно къ хозяйкамъ дома; мущины здѣсь не принимаютъ никакого участія. За «навалнымъ» принято обращаться только осенью, по уборкѣ хлѣбовъ и всей огородины. Лицо, желающее собрать «навалне», обращается съ просьбою къ хозяйкамъ дома, говоря: «прыйдить молодыци, зъ навалнымъ до мене». Тогда каждая хозяйка запасается разными продуктами своего хозяйства (мукой, фасолью, шерстью, нит-

ками и т. п., кто чѣмъ богатъ) и направляется въ домъ къ лицу, которое просило о «навалномъ». Принявъ принесенное, хозяйка дома угощаетъ явившихся съ навалнымъ „горилкою", закускою, а иногда и „обидъ справляе молодыцямъ". Часто бываетъ, что на домъ не приглашаютъ, а ходятъ съ „пляшкою горилки по хатахъ" и угощаютъ тамъ-же хозяекъ дома, прося въ то же время о „навалномъ". Если чувствуется недостатокъ въ одномъ какомъ-нибудь продуктѣ, то при хожденіи за „навалнымъ" по селу такъ и заявляется хозяйкамъ: „дайте мени, молодыци, навалного" — шерсти, наприм., или конопель и т. под. Въ послѣднее время чаще другихъ „навалне" собирается сельскими матушками, и притомъ ежегодно, а не рѣдко бываютъ случаи, что и евреи за навалнымъ ѣздятъ по селамъ, и не только мѣстные, но изъ сосѣднихъ деревень, — и добродушныя бабы за чарку горилки охотно надѣляютъ ихъ всякимъ добромъ.

Н. Ф. Б. Уничтоженіе памятниковъ старины. Авторъ сгруппировалъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ варварское отношеніе населенія юго-западнаго края къ памятникамъ мѣстной старины, результатомъ котораго является безпощадное ихъ истребленіе.

Kraj. № 1. *Б. Маркаръ* — Корреспонденція изъ Житомира. Извѣстіе о раскопкахъ кургановъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, произведенныхъ г. Готфридомъ Оссовскимъ. Найдено много золотыхъ предметовъ: ожерелья, перстни и т. д. Г. Оссовскій пожертвовалъ находки въ музей краковской академіи наукъ.

Нота, Краткій весьма сочувственный некрологъ Федьковича.

Glos (Голосъ) № 1. *В—ть*, „Леонардъ Совинскій" (некрологъ). Краткая характеристика литературной дѣятельности умершаго писателя и краткая его біографія: род. въ 1831 г. въ с. Березовкѣ литинскаго у. подольской губерн. Въ біографіи авторъ указываетъ на происхожденіе Совинскаго (мать его была украинская крестьянка) и на тѣ отличительныя черты въ настроеніи и складѣ мыслей покойнаго, которыя, по мнѣнію автора некролога, С. унаслѣдовалъ отъ матери.

№№ 2, 4, 5. *Иванъ Франко*, „Очерки изъ исторіи русской литературы въ Галиціи". Очеркъ состоянія разныхъ слоевъ русско-галицкаго общества во время перехода Галиціи въ австрійское владѣніе. Упадокъ экономическій мѣщанъ и потеря нравственнаго авторитета братствъ послѣ перехода ихъ въ унію. Полное ополяченіе мѣстной шляхты русскаго происхожденія. Состояніе духовенства: высшее духовенство, болѣе просвѣщенное, старается примкнуть къ привилегированному классу и заискиваетъ милости у дворянъ; сельское духовенство лишено всякаго просвѣщенія, угнетенное дворянами, крайне бѣдное и не пользующееся покровительствомъ закона. Крестьяне задавлены панщиною, но проявляютъ протестъ бѣгствомъ въ опрышки. Ни въ одной группѣ не было сознанія національнаго, а слѣдовательно и попытокъ къ литературному возрожденію. Затѣмъ краткій перечень попытокъ Маріи Терезіи и Іосифа II, направ-

ленныхъ къ усиленію просвѣщенія въ средѣ уніатскаго духовенства. Учрежденіе русскихъ каѳедръ на богословскомъ факультетѣ львовскаго университета (1787—806). Профессора излагаютъ лекціи на церковно-славянскомъ языкѣ. До 1772 года авторъ указываетъ только двѣ попытки на полѣ мѣстной русской литературы: 1) Переводъ псалтыри на лемковское нарѣчіе, составленный приходскимъ священникомъ с. Каменной Иваномъ Прислопскимъ въ 1736 г. понынѣ сохранившійся въ рукописи, 2) Сборникъ апокрифическихъ народныхъ легендъ, составленный священникомъ изъ села Тухли, Поповичемъ въ 1751, хранящійся въ рукописномъ собраніи института Оссолинскихъ. Состояніе Галицко-русской народности послѣ перехода Галиціи подъ власть Австріи. Пассивное отношеніе къ русской народности первыхъ уніатскихъ митрополитовъ и епископовъ. Попытки къ поднятію народныхъ школъ перемышльскаго епископа Левицкаго—изданіе русскаго катехизиса и азбуки. Усилія клирошанина Ивана Могильницкаго; попытка основать первое литературное русское общество (1816). Пассивность русскаго духовенства въ дѣлѣ народной школы и литературы въ періодъ времени 1816—1830 г. Попытки поляковъ и губернатора Ганера къ изгнанію русскаго языка изъ народныхъ школъ и замѣны его польскимъ отражены Могильницкимъ и епископомъ Левицкимъ. Упадокъ благосостоянія крестьянъ при Францѣ I, совершенное отсутствіе изданій русскихъ книгъ.

№ 2. *Ѳ. Рыльскій* „Этюды народной этики“. Весьма живая картина отношенія крестьянъ (сквирскаго уѣзда) къ суду присяжныхъ и къ разсматриваемымъ въ немъ преступленіямъ.

№ 3. *Некрологъ скончавшагося галицко-русскаго поэта Іосифа Городынскаго* (Федьковича)—краткая біографія и весьма сочувственный отзывъ о литературной дѣятельности покойнаго.

№№ 4,5,6. *В. Л.* „Численность польской народности“—Извлеченіе изъ вновь вышедшей книги Чинскаго. Статистическій обзоръ народонаселенія Галиціи съ указаніемъ процентныхъ отношеній населеній польскаго и русскаго, какъ въ Галиціи вообще, какъ и въ отдѣльныхъ ея повѣтахъ. Статистическій обзоръ царства польскаго—процентныя отношенія народонаселеній польскаго и русскаго въ разныхъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой г.

Распредѣленіе и процентн. отношенія поляковъ въ юго—и сѣверо-западномъ краѣ.

Дѣло. №№ 239. Описаніе кончины и похоронъ умершаго въ Черновцахъ поэта Іосифа Городынскаго (Федьковича), приводится его завѣщаніе: Федьковичъ въ немъ сдѣлалъ распоряженіе относительно своего погребенія: онъ завѣщалъ похоронить его тѣло въ народномъ гуцульскомъ костюмѣ, при звукѣ гуцульскихъ „тромбитъ“ съ соблюденіемъ всѣхъ похоронныхъ обрядовъ гуцульскихъ. Право

на изданіе своихъ сочиненій завѣщалъ обществу „Руская Бесѣда“ въ Черновцахъ, въ томъ числѣ и изданіе большой трагедіи въ 5 дѣйствіяхъ „Богданъ Хмѣльницкій“, которую поэтъ окончилъ только за 2 недѣли до смерти.

№№ 7, 9, 10. *К. Устьяновичъ*, „Де що о нашей живописи церковной“.

№№ 14, 15. *Уманьскій*, „Роль шляхты въ исторіи польской“.

№ 16. *П. В.* Воспоминанія о Маркіанѣ Шашкевичѣ, по поводу 50 лѣтней годовщины выхода „Днѣстровой Русалки“, альманаха, положившаго начало возрожденію галицко-русской литературы, помѣщены личныя воспоминанія объ иниціаторѣ альманаха поэтѣ Маркіанѣ Шашкевичѣ. Весьма интересныя подробности о бытѣ семейномъ и о положеніи галицко-русскаго духовенства, о воспитаніи и нравахъ русскихъ семинаристовъ во Львовѣ за время 1825—1835 г.г.

Рѣчь профессора Ом. Огоновскаго на общемъ собраніи литературнаго общества „Просвѣта“. По поводу 20-лѣтней годовщины открытія этого общества предсѣдатель его, проф. О. Огоновскій, сообщилъ исторію возникновенія названнаго общества.

II. Книги вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся Юга Россіи.

Абаза В. А. Славяне и Угры. Историч. очеркъ. С. П. Б., 8 д. 39 стр.

Акты, издаваемые Виленскою археографическою коммиссіею. Т. XIV. Инвентари имѣній XVI стол. Вильна 1888 г., 4 д., XXIV+702+1 стр.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящею при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть II, томъ II. Кіевъ 1888 г., 8 д. I+XLIX+633+I+XXXVI стр.

Akta grodzkie i ziemskie подъ редакціею Лиске. Т. XII (содержитъ древнѣйшіе акты Галицкіе (1435—1475) главнымъ образомъ матеріалъ для быта и устройства крестьянъ). Львовъ 1887.

Balinski M. i Lipinski F. Starożytna polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym. Wyd. 2, poprawione i uzupełnione przez F. K. Martynowskiego. Tom. III, część II, zeszyt 23. Варшава. 1887 г., 8 д., съ 865 по 876 стр.+XIII+съ 1 по 128 стр.

Bołsunowski K. Solidy Bolesława z napisem słowiańskim. Studium numismatyczne. Кіевъ 1887 г., 8 д., 43 стр.+1 стр. рис.

Будде Э. О. Къ вопросу о надстрочныхъ знакахъ въ древне славянскихъ и русскихъ рукописяхъ. Оттискъ изъ Филолог. зап. Воронежъ. 1887 г., 8 д., 29 стр.

Берлоцъ Иванъ. „Среди бусурманъ“, составлено по народному преданію для народнаго чтенія. Львовъ 1887.

Wierbicki J. S. Hanka. Powieść podolska. Варшава. 1888 г., 8 д., 190 стр.

Виленскій календарь на 1888-й годъ. Вильна 1887 г., 8 д., 303 стр.

Вопросы и запросы, не получившіе окончательной разработки на первыхъ семи археологическихъ съѣздахъ. Москва 1888 г., 4 д., 24 стр.

Гагаринъ Г. Г. Собраніе византійскихъ и древне-русскихъ орнаментовъ. С. П. Б. 1887 г., 4 д., 6 стр. текста+50 табл.

Gimiginowicz L. A. Staufe. Kleinrussische Volkslieder. Leipzig? 1888.

Головацкій Я. Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина, напечатанныхъ въ Вѣстн. Европы за 1885 и 1886 г., 8 д., 87 стр.

Древности Россійскаго государства. Кіевскій Софійскій соборъ. Вып. IV. С. П. Б. 1887 г., 2 д., 11 стр.+54 рис.

Diebolt—Ein Beitrag zur Antropologie der Kleinrussen. Dorpat. 1887 (изслѣдованіе о черепахъ Черниговской губерніи).

Жизнь св. благовѣрнаго князя Владиміра. Изд. 2-ое. Москва, 16 д., 24 стр.

Забѣлинъ А. Военно-статистическое обозрѣніе Волынской губ. Часть 1-я. Кіевъ 1887 г., 8 д., XXXIV+365+2 карты и прилож.

Засѣданіе (*233-е*) Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 9-го сент. 1887 г. Одесса. 1887 г., 8 д., 11 стр.

Засѣданіе (*234-е*) Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 28-го окт. 1887 г. Одесса 1887 г., 8 д., 6 стр.

Karpiński J. Krótki rys ustroju dawnej polski i poglądy na przesztosć. Tom II. Варшава 1887 г. 8 д., VI+509+3 нен. стр.

Ковалевскій А. О. Борьба съ филоксерой. Сообщеніе бессарабскому собранію сельскихъ хозяевъ въ экстренн. засѣданіи 3 окт. 1887 г., 8 д., 22 стр.

Корвинъ-Піотровскій К. В. Календарь Черниговск. губ. на 1888 годъ. Черниговъ. 1887 г., 8 д., 336 стр.

Котляревскій И. П. Виргиліева Энеида на украинску мову перелыцевана. Изд. 10-е С. И. Гомолинскаго. Кіевъ. 1888 г., 12 д., 320 стр.+1 портр.

Краткій отчетъ о состояніи Виленской 2-ой гимназіи за $188^{6}/_{7}$ учебн. годъ. Вильна 1887 г., 8 д., 35 стр.

Коммиссія физіографическая краковской академіи наукъ издала 1 выпускъ геологической карты Галиціи: общій планъ, 4 листа часть Галицкаго Подолія. Объяснительный текстъ Альта и Бѣняша. Краковъ. 1887.

Квитка Григорій Федоровичъ. Сочиненія. Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцькомъ Основяненкомъ. Т. 1—2 подъ редакціею А. А. Потебни. Харьковъ. 1887.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Полкъ стародубскій. Вып. 1-й. Кіевъ. 1888 г., 8 д.

Лисичій А. Приключенія Ивасика маленькаго хохла. Поэма въ стихахъ. Для дѣтскаго чтенія. Одесса. 1888 г., 8 д., 43 стр.

Лопатинскій Н. Поученія для сельскаго возсоединеннаго отъ уніи народа. Кіевъ. 1887 г., 8 д., 832 стр.

Левицкій Иванъ. Галицко-русская библіографія XIX столѣтія, съ обозрѣніемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ 1801—1886. Выпускъ. I. Львовъ 1887.

Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ. Томъ XV и послѣдній. Кролевецкій уѣздъ. Съ 4 литограф. картами и приложеніемъ „подворной переписи 1883 г.“ и „Румянцевской переписи 1767 г.“ Составилъ П. П. Червинскій. Черниговъ. 1887 г., 4 д., 114+88+291+11 стр.

Огоновскій Омелянъ. Галышка Острожская, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ Львовъ 1887.

Памятная книжка и адресъ-календарь Полтавской губ. на 1888 годъ. Состав. подъ редакціей Д. А. Трощинскаго. Полтава. 1887 г., 8 д., 205+45+47+82 стр.+3 стр. рис.+2 плана+24 ненум. стр.

Памятная книжка Виленской губ. на 1888 годъ. Вильна. 1887 г., 8 д., XII+IV+36 ненум.+14+341+136 стр.

Петрушевичъ. Лингвистично-историчніи разсужденія. Львовъ. 1887.

Podschiwalow A. M. Monnaies der rois de Bosphore Cimmerien. Dynasties des Spartocides et des Achemenides (Supator). Moscou 1887 г., 4 д., 24 стр.+2 стр. рис.

Преображенскій В. Св. равноапостольный кн. Владиміръ и крещеніе русскаго народа. С. П. Б., 8 д., 40 стр.

Программа для составленія археологическаго словаря. Москва 1887 г., 8 д., 13 стр.

Протоколы и труды общества Елисаветградскихъ врачей 1886 и 1887 гг. Елисаветградъ 1887 г., 8 д., 101 стр.

Протоколы засѣданій Одесскаго юридическаго общества за 1886—87 гг. (съ 19 февр. 1886 г. по 21-е январ. 1887 г.) Одесса 1887 г., 8 д., 1+48 стр.

Потебня А. А. Объясненія малороссійскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. II. Колядки и щедровки. Варшава 1887.

Родевичъ М. Женское графа Дмитрія Ник. Блудова училище въ гор. Острогѣ. Сборникъ дѣйствующихъ о немъ постановленій, распоряженій, программъ, правилъ и пр. Съ 1866 г. по 1886 г. Въ 2-хъ частяхъ. С. П. Б. 1887 г., 8 д., IV+176 стр.

Rabinowicz Joseph. Neue Documente der Südrussishen Christenthumsbewegung, Selbstbiographie und Predigtenschriften des Jnstitutum judaicum in Leipzig. 1887.

Святый Димитрій Ростовскій и его избранныя творенія, переведенныя на русскій языкъ. С. П. Б., 8 д., 276 стр.

Сливицкій А. Полное житіе преп. отца нашего Ѳеодосія, игумена печерскаго. Москва. 1887 г., 8 д., 80 стр.

Смирновъ Ф. Виленскій Свято-Духовъ монастырь. Историч. описаніе съ 3 рисун. Вильна. 1888 г., 8 д., 373 стр.

Статистическій временникъ кавказскаго края. Т. I, вып. III. Черноморскій округъ. Тифлисъ. 1887 г., 4 д., 65+1 стр.

Стороженко Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во 2-ой половинѣ 17 вѣка. Изслѣдованіе по архивному матеріалу. Кіевъ. 1888 г., 8 д., 140+1+1 стр.

Странствованія Василія Григоровича Барскаго по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 годъ. Вып. XLIII и XLIV. С.П.Б., 8 д.

„Słownik geograficzny", выходящій подъ редакціею Хлебовскаго и Волевскаго—томъ VIII Reger—Roża. Варшава 1887. Много монографій относящихся къ исторической географіи южной Руси.

Стодольскій. Этнографія Славянщины. Львовъ. 1887.

Таблица русскихъ монетъ до принятія Петромъ I Императорскаго титула. Вып. I. Кіевъ. 18 8 г., 4 д., 2 стр.+10 лист. рисунк.

Труды XII съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи, бывшаго въ г. Харьковѣ со 2-го по 17 Ноября 1887 г. 1-я часть (докладъ) Харьковъ 1887 г. 8 д, 8 ненумер.+XLIV+416+1 стр. 2-я часть (стенографич. отчеты засѣданій). Харьковъ 1887 г., 8 д., 289 стр.

Труды общества испытателей природы при Император. Харьков. Унив.— 1885 г. Т. XIX. Съ 12 табл. рисунковъ. Харьковъ 1886 г., 8 д., IV+348+XXIV+1 стр.—1886 г. Т. XX. Съ 2 отдѣльн. приложеніями: 1) Г. С. Горницкаго. Списокъ русскихъ и немногихъ инородческихъ растеній. Дополненіе къ ботанич. словарю Анненкова. 2) Его-же. Замѣтка объ употребленіи въ народномъ быту нѣкоторыхъ дико-растущихъ и разводимыхъ растеній украинской флоры. Харковъ 1887 г., 8 д., IV+150+LIV стр. (въ отдѣльн. приложеніяхъ 22+VI+220 стр.).

Труды одесской филоксерной коммиссіи. Протоколъ засѣданія 19 Сент. 1887 г. съ приложеніями. Одесса 1887 г., 8 д., 94 стр.+2 черт.

Труды врачей одесской городской больницы. Вып. VI. Одесса. 1887 г. 8 д., IV+170+1 стр.+2 табл.

Труды одесскаго юридическаго общества. Т. II. (Приложеніе къ протоколамъ общества за 1886—87 г.). Одесса 1887 г., 8 д, 198+62+II стр.

Труды одесской энтомологической коммиссіи. Энтомологическія изслѣдованія и экскурсіи произведенныявъ Бессарабской, Екатеринославской, Полтавской, Таврической и Херсонской губ. въ 1887 году. Отчетъ областного энтомолога П. А. Сапаринскаго. I. Одесскій уѣздъ. Одесса. 1887 г., 8 д., 15 стр. II Бессарабская губ., 8 д. 10 стр.

Tomaszewska Michalina. Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Winnicach powiatu Drogobyckiego. Krakow. 1887.

Тулубовскій А. Я. Святыя лавры русской земли. Кіевъ. 82 стр.

Уляницкій В. А. Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI в. Москва. 1887 г., 8 д. VII+244 стр.

У—цъ А. Историческіе разсказы о Крымѣ. Севастополь. 1887 г., 8 д. V+221 стр.

Харьковскій календарь на 1888 годъ. Годъ XVI-й. Въ двухъ книгахъ Харьковъ 1888 г., 8 д, XIII+3+445+144+53+32 ненум. стр.

Харьковское общество сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности. О прививкѣ сибирской язвы (докладъ харьковскому обществу сельскаго хозяйства). Харьковъ. 1887 г., 8 д., 18 стр.

Chlebowski B. i Walewski W. Słownik geograficzny królewstwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Według planu T. Sulimierskiego. Zeszyt 97. Tom IX. Варшава 1888 г., 4 д., 1—80 стр.

Хойновскій І. Каталогъ выставки картинъ и старинныхъ художественпредметовъ, оружія и археологическихъ древностей музея въ Кіевѣ. Кіевъ. 1888 г. 16 д., 30 стр.

Czyński Edward. Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności rozsiedlenia ludności polskiej. Krakow. 1887.

Юргевичъ В. Краткій указатель музея Император. Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей. Одесса 1887 г., 8 д., 96 стр.

Яцемирскій К. К Алфавитный указатель распоряженій правительства и циркуляровъ губернскаго начальства по Херсонской губ. Съ 1877 г. по 1878 г. Одесса. 1887 г. 4 д., 62 стр.

Яницкій О. Защита Теребовли. Для народнаго чтенія. Львовъ. 1887 г

СПРАВОЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЖУРНАЛѢ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

за 1882—1887 гг.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ.

I. Археологія вещественная (кромѣ Кіева).

	Годъ.	Книги №	стр.
Археологич. изслѣдованія въ басс. р. Сулы.—В. А.	86	8	763
— — въ г. Владимірѣ-Вол. и его окрестн.—Е. Дверницкаго	87	1	36
— находки въ гомел. у. могил. г.—А. Лопачевскаго	85	3	573
— находка.—П. Ч.	87	10	381
— — въ Черниговѣ.—А. Ханенка	83	5	174
— поиски на лѣв. стор. Днѣпра.—В. А.	86	7	560
— раскопки. Д. П. Эварницкаго	85	8	707
— — З.	—	—	727
— съѣздъ шестой въ Одессѣ	84	10	337
— экскурсія въ г. Владиміръ-Вол.—Ѳ. Лободы	86	8	766
Архистратиги небесные въ образѣ запорожцевъ.—А. Р—ва.	87	11	587
Валы земляные близъ с. Кудинки (летич. у. под. г).—Свящ. Петра Кудлаевича	82	6	535
Валы Зміевы въ предѣлахъ кіевск. земли.—В. Антоновича	84	3	253
Владиміро-волынск. Мстиславовск. соборъ XII в. и его обновленіе.—Е. Д.	86	4	837
Гдѣ подлинникъ Любеч. чудотв. иконы Божіей Матери.—Н. Л—ва.	83	6	385
Гетманская усыпальница.—Ал. Кеевзенка.	87	2	353
Гетманскіе клейноды (1758 г).—А. Л—го.	82	5	343
Замѣтка о „городищѣ" ок. с. Ховзовки (черн. г)—Д. Опацкаго.	87	2	366

	Годъ.	Книги №	стр.
Замѣтка о „крѣпости" при с. Останковичахъ (подъ. губ.).—С.	87	6—7	572
Кафельные памятники XVIII в (посмертн. замѣтка) М. П. Александровича	83	1	211
Колоколъ „Кизикермень".—В. Е. Бучневича	86	12	747
Колокола осиротѣлые.—К.	82	1	218
Крестъ надгробн. запорожск.—В. Би—ка	86	3	603
„Крестъ писанный".—О. К.	87	11	585
Могила гетмановичей въ г. Лебединѣ.—П. Ефименка.	84	4	693
Надпись древняя рѣдкая	82	7	190
Новыя извѣстія о старыхъ фигурныхъ изразцахъ.—А. С.	83	3	687
Памятника два полтав. побѣды въ Бѣлгородщинѣ.—И. Я. Святославскаго	86	6	378
Памяти. древн. въ окрести. Корсуня	87	10	398
Памятники памятныхъ лицъ.—Ст. фонъ-Носа	82	6	552
Пещера въ Лебединск. лѣсу и остатки старинн. живописи въ Лебединск. монастырѣ.—Мих. Васильева	85	10	364
Пещера запорожская надъ Днѣпромъ.—Д. И. Эварницкаго.	85	5	167
Покровская церковь въ Переяславѣ.—А. Т.	83	7	588
Поправка къ надписи на иконѣ въ с. Жукахъ.—Сообщ. В. Е. Бучневичъ	84	9	175
Правител. печати въ Малороссіи.—А. Барсукова	87	9	90
Русская святыня на западѣ Европы	85	2	377
С. Кальникъ и его памятн. старины.—В. Антоновича.	87	8	761
Софія—премудрость Божія въ иконографіи сѣв. и вост. Россіи.—П. Л—ва	84	12	555
Кладъ			
Запись о кладѣ XVIII ст.—В. А.	85	8	735
Изъ народныхъ разсказовъ о кладѣ.—О. Р. К—го	84	11	545

II. Біографическіе матеріалы.

Анатолій, архіеп. могил. и мстисл., воспоминаніе о немъ.—П. Пирожкова.	83	7	572
— (Архіерейскія печали)—К. Березы	82	5	226
Письма гр. Аракчеева къ Г. П. Лисаневичу	84	12	675

	Годъ.	Книги №	стр.
Аскоченскій В. Н., современный отзывъ кіевлянъ о немъ.—П. Д—ва.	83	6	396
Бибикова Д. Г., къ характеристикѣ	82	7	61
Письмо О. М. Бодянскаго къ А. В. Шишацкому-Иллячу.—Сообщ. В. К—шъ.	87	4	782
В. Л. Боровиковскій.—В. Горленка	84	4	701
Еще о Боровиковскомъ.—В. Горленка.	84	7	538
Къ біогр. В. Л. Боровиковскаго.—П. И. Божерянова.	84	6	327
— — П. Боровиковскаго.	84	9	155
Къ біогр. Ив. Ник. Вагилевича.—И. Г.	83	7	453
Письмо конневого Осипа Гладкаго къ А. А. Скальковскому	83	4	902
Художникъ К. И. Головачевскій (біогр. оч.).—П. Божерянова	85	2	308
Воспоминанія г-жи Смирновой о Гоголѣ.—В. Г—ка.	86	2	381
Н. В. Гоголь въ гадячск. ратушѣ.—А. Лугового	86	1	206
Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому (1833—34 гг.).—Сообщ. С. Пономаревъ	83	3	623
Головатый Ив., бывш. судья запорожск., свѣдѣніе о немъ.—Сообщ. А. С. Лашкевичъ	87	6—7	586
Димитрій Муретовъ, архіеп. херсонск. (некрологъ).—Ѳ. Л—ва	83	12	704
К. Д. Думитрашко (некрол.).—Ѳ. Лободы	86	5	188
Е. Желеховскій (некр.)	85	3	594
Къ біограф. В. Н. Забѣлы.—М. Комарова	86	9	171
Изъ воспом. о Н. Д. Иваницкѣ.—Ѳ. Лободы	87	12	788
А.—Г. К. Киркоръ (некрол.).—П. Ягича.	87	6—7	539
Адамъ Кисель, воев. кіевск.—П. Новицкаго	85	9	51
— — —	—	10	204
— — —	—	11	378
— — —	—	12	612
Доноли. къ біогр. Адама Киселя.—Е. Д—ато	86	4	826
А. О. Кистяковскій (некр.)—П. В. Лучицкаго	85	2	406
Очеркъ науч. дѣятел. А. О. Кистяковскаго.—Бѣлогриця-Котляревскаго	85	6	288
Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ.—В. Горленка	86	1	111
Памяти Н. И. Костомарова: I. Кратк. очеркъ его			

	Годъ.	Книги N	стр.
жизни и дѣятельности. II. Библіогр. указатель соч. его О. Д. Николайчика. III. Костомаровъ, какъ историкъ. В. Б. Антоновича. IV. Костомаровъ, какъ этнографъ. В. П. Науменка. . .	85	5	1
Нѣсколько встрѣчъ съ П. И. Костомаровымъ.—А. Кулишъ.	85	6	233
Воспоминанія о послѣдн. годахъ жизни П. И. Костомарова.—В. І. Беренштама	85	6	249
Случаи изъ жизни Н. И. Костомарова.—N. . . .	85	6	352
Брошенный изъ-за угла камень.—П. Кулиша. . .	85	9	181
Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ Полтавѣ.—Сообщ. В. Е. Вучневичъ	84	10	332
Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго.—В. Горленка . .	83	5	146
І. П. Крашевскій (некр.).—W.	87	4	799
Крюковскій, кобзарь (некр.)—В. Горленка. . . .	85	8	740
П. А. Кулишъ и его послѣдняя литерат. дѣятельность.—Н. Костомарова.	83	2	221
Памяти одного кіевск. педагога (В. О. Левицкаго.—Н. М. Камашина.	85	6	357
Мазепа-князь и его гербы.—кн. А. В. Дабижа . .	85	12	715
Мазепа, къ родословію его.	86	12	737
Молдавск. свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ Мазепы.- В. А.	85	7	501
Максимовичъ М. А., три письма къ нему Г. Ѳ. Кистки.	83	6	346
Могила Петръ, кіевск. митрополитъ (біогр. оч.).—Ф. А. Терновскаго	82	4	1
Могилянка Ганна, кн. Вишневецкая	87	11	1
Альбомъ М. А. Максимовича.—С. Пономарева. . .	82	1	152
Изъ писемъ къ М. А. Максимовичу.—Сообщ. С. Пономаревъ.	83	4	829
Е. М. Марковичъ въ роли сельскаго педагога.- Е. А—ва	84	12	751
Н. А. Мизко (некрологъ).—Н. Ефименка	82	12	593
І. Г. Михневичъ (некр.)	85	12	757
О. М. Новицкій (некрологъ)	84	7	547

	Годъ.	Книги №	стр.
Новицкій П. О., охочекомон. полков.—П. Стороженка.	85	7	431
Острожскаго К., замѣтка о времени смерти.—Д. Гродецкаго.	85	7	511
Анна-Алонза, княжна Острожская.—О. Левицкаго	86	11	829
О днѣ смерти кн. Вас.-Конст. Конст. Острожскаго.—В. Балабушевича.	82	10	175
Письмо кн. Конст. Острожскаго, воев. кіевск. къ сыну Янушу, канц. краковскому.	83	11	477
Мѣсторожденіе Семена Палія.—Ст. фонъ-Носа	82	3	609
Сераніонъ, митр. кіевск.—Ф. А. Терновскаго.	83	9—10	88
Симашко Іосифъ, митроп. литовск.—прот. А. Маякевича.	84	6	332
По пов. 30-лѣтія службы. дѣят. А. А. Потебни.—П. С.	87	6—7	567
Интимная переписка Өеоф. Прокоповича съ Яковомъ Марковичемъ.—Сообщ. П. Петровъ	82	6	498
Отецъ Аполлоній Сендульскій (некрологъ).—Алек. Тарновскаго.	82	10	166
Житіе Сковороды, описан. другомъ его Ковалѣнскимъ.—Съ предс. Н. Сумцова.	86	9	103
Софроній Добранцевичъ, архим. Новой Сербіи.—Архим. Аѳенія.	84	10	270
А. П. Ставровскій (некрологъ)	82	12	620
Два эпизода изъ слѣдов. дѣятел. А. П. Стороженка.—П. Стороженка.	84	12	723
На могилѣ А. П. Стороженка.—С—ка.	85	8	729
Справка о Г. П. Теплоѣ.—В. Г.	87	2	372
Къ біогр. Г. П. Теплова.—А. Барсукова	87	1	169
Ф. А. Терновскій (некрологъ).—Ред.	84	6	338
Четыре письма Д. П. Троцинскаго къ кн. Я. П. Любашову-Ростовскому.	86	12	709
Тунтало Савва, документал. свѣдѣнія о немъ и его родѣ—А. Лазаревскаго	82	8	382
Ухачъ-Охоровичъ К. Ф. (некрол.).—М. Комарова	86	5	186
Фальковскій Прокоп. коадъюторъ кіевск.—Г. Булашева.	83	1	89
— — — —	—	5	66

	Годъ.	Книги №	стр.
Тоже — — — —	—	8	664
— — — объ имуще-			
ществѣ его.—А. Титова.	84	12	740
— — — описи биб-			
ліотеки его.—А. Титова.	83	8	767
Филарета, архіеп. черниг. памяти.—П. Коргопольцева.	86	4	881
Мих. Чайковскій и козакофильство	86	4	763
И. И. Чубинскій (некрологъ).—А. О. Кистяковскаго.	84	2	343
Альбомы и рисунки Шевченка въ собраніи В. В.			
Тарновскаго.—В. Горленка	86	2	402
Къ біографіи Т. Г. Шевченка	85	2	333
Взглядъ народа на Шевченка.—А. Смоктія.	82	8	371
Воспоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ его случайнаго уче-			
ника.—В. Суханова-Подколзина.	85	2	229
Воспоминаніе о Шевченкѣ.—А. Смоктія.	83	9—10	320
Еще щепотка на могилу Шевченка.—О. Каминскаго.	85	3	519
Исключеніе Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку.—			
Сообщ. Ив. П.	82	3	608
Мимолети. знакомство съ Шевченкомъ и воспом. о			
немъ.—О. Лободы.	87	11	563
Т. Г. Шевченко (дополненія и поправки къ его біо-			
графіи).—Пр. П. Л—ва.	82	9	569
Т. Г. Шевченко, по воспоминаніямъ разн. лицъ			
(1831—61 г.).—Н. Бѣлозерскаго.	82	10	66
Восемь писемъ Т. Г. Шевченка къ разн. лицамъ.—			
Сообщ. С. Пономаревъ.	83	2	401
Эпизодъ изъ авторско-изд. дѣятел. Т. Г. Шевченка.	84	12	743
— о памятникѣ Шевченку и о его могилѣ въ			
полт. земск. собраніи 1882 г.—В. Г—ка.	83	1	218
Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому (1853—			
57 гг.).—Сообщ. М. Т—овъ	83	1	161
— — — — —		3	611
— — — — —		4	853
Изъ писемъ Максимовича къ Шевченку.—С. Поно-			
марева	84	4	634
Шевченка Т. Г., автобіографія, писанная для „На-			
роднаго Чтенія“.	85	11	431

	Годъ.	Книги №	стр.
Шевченко Т. Г. воспоминаніе.—Н. М. Кибальчичъ.	87	3	585
— — тревога надъ могилой его.—Н. Билыка.	86	4	708
— — эпизодъ изъ жизни.—С—ка.	85	12	718
Яворскій Стефанъ—хвалитель и обличитель Мазепы.—Сообщ. В. Науменко	85	9	172
Федорова Ивана къ 300-лѣтн. юбилею.—В. Я.	83	12	698
Потребн. въ біограф. словарѣ южно-русск. дѣятелей и о программѣ его.—Н. Е.	86	4	805

III. Гео-Топографія (кромѣ Кіева).

Гайдамацкій кутъ.—М. Левченка.	82	5	845
Гетманскій городъ (Гадячъ).—В. Е. Бучневича	85	3	578
Цѣлеб. воды въ Константиноградѣ	86	10	402
Городня—мѣсто жидотребанія XVIII в.	83	1	208
„Давыдова Боженка" (изъ лѣтоп. топогр. кіев. Полѣсья).—М. Андріевскаго.	85	6	183
На днѣстровскомъ побережьи.—К. Мельникъ	87	8	638
Замѣтки по историч. географіи южно-русск. степей.—Ил. Бурачкова.	86	4	659
По поводу ихъ.—П. Голубовскаго.	86	5	168
Запорожцы гдѣ именно жили во время подчиненія своего крымскому хану (1709—34 г).—М. Левченка	82	6	548
Въ запорожск. захолустьѣ.—В. Ястребова	85	12	721
Запорожск. сѣчей число и порядокъ.—Д. И. Эварницкаго	84	4	599
Запорожья топограф. очеркъ.—Д. Эварницкаго	84	5	33
— — —	—	6	177
— — —	—	7	392
Икорость—древній Коростень или Скоростень.	82	6	546
Лѣтописный Юрьевъ на Роси (топогр. розыск. съ картой).—М. Андріевскаго	83	9—10	1
Малорусск. географ. номенклатура.—Н. Ѳ. Сумцова	86	7	456
Переяславское поле (разыск. въ обл. лѣтоп топогр. съ картой).—М. Андріевскаго.	82	9	486
Путевые очерки Подолія.—К. М.	84	5	1
— — —	—	7	859
— — —	—	9	53

	Годъ.	Книга. №	стр.
Тоже — — — —	—	10	254
— — — —	85	3	165
— — — —	—	12	651
Тракты, или дороги старинные въ южн. Россіи . .	82	6	543
Еще о старинныхъ трактахъ или дорогахъ въ южн. Россіи.—П. Литвиновой.	83	3	682
Умань и Софіевка.—А. Смоктія	82	12	429
Херсонесъ Таврическій.—В. Истребова	83	5	30
Хортица, о—въ на Днѣпрѣ.—І. П. Эварницкаго . .	86	1	11

IV. Кіевъ и его учрежденія.

а) Археологія.

Возстановленіе древней паперти кіево-софійскаго собора	82	8	387
Давно забытая древнѣйшая кіевская святыня . . .	84	11	534
Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ.—П. І—ва	87	12	779
Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ	83	6	387
— — — —	—	7	592
— — — —	—	8	770
Къ исторіи кіев. Золот. Воротъ.—І. Сапожникова .	86	5	163
Открытіе древн. мозаикъ въ главномъ куполѣ кіево-софійскаго собора.—П. І—ва	84	9	162
Раскопки у трехсвят. церкви въ г. Кіевѣ.—В. Б. Антоновича	85	5	163
Старин. проповѣднич. амвоны кіевск. церквей . . .	87	5	206
Фрески кіево-кирилл. церкви XII в.—Адр. Прахова.	83	5	97

б) Топографія.

Гдѣ находился кіев. домъ Саввы Туталаг.—І. П. .	87	2	383
Когда и гдѣ совершилось крещ. Кіевл.—П. І. . .	87	9	175
Къ древн. топогр. Кіева.—А. Маркевича	87	12	782

в) Къ исторіи города, церквей и монастырей.

Историч. замѣтки о Кіевѣ.—П. І—ва. . . .	84	10	227
Кіево-выдубицкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политич. роль.—О. І	82	11	368
Кіевск. лѣтопис. замѣтки XVIII и XIX в. . . .	84	4	688

	Годъ.	Книга №	стр.
Кіевск. смуты средины XVIII ст.—А. Андріевскаго.	86	12	664
Кіевск. печерникъ XVIII ст.—Свящ. А. Лашкевичъ.	84	7	541
Кіевъ въ 1799 г.—В. Горленка	85	3	581
Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XV ст.—В. Б. Антоновича	82	1	1
Населеніе Кіева въ прошломъ стол.—Н. Л.	84	2	352
Посѣщеніе Кіева в. кн. Павломъ Петр. и в. кн. Маріей Ѳеод. (Совр. опис).	83	7	539
Пребываніе имп. Александра I въ Кіевѣ въ 1816 г. — Сообщ. Левъ Манѣвичъ	85	2	399
Рукописи Румянцевскаго Музея по исторіи Кіева.— С. П.	82	4	158
Сербы въ Кіевѣ (1753—1754 гг).	85	2	381
— — — —	—	7	505
Тысячелѣтіе Кіева	82	3	1
Два документа о хозяйствѣ кіевск. монастырей въ полов. XVIII ст.	83	8	719
Кіево-печ. Лавра въ ея прошедш. и нын. состояніи.— Н. Лебединцева	86	5	26
— — — —	—	6	293
— — — —	—	7	384
— — — —	—	8	613
— — — —	—	10	252
— — — —	—	11	500
Лапидація кіево-братскихъ монаховъ к. XVII в. .	84	10	353
Нѣск. словъ къ исторіи кіево-межигор. м—ря.— А. Андріевскаго	85	9	178
Многолѣтіе, возглаш. въ Кіевѣ въ нач. XVIII в.— Сообщ. Н. Л—въ	84	7	545
Почему десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ десятинной Николая?— Н. Л—ва	83	8	755
Соборъ вмѣсто собора (къ исторіи кіевск. соборовъ).	82	2	113
Судьба одного кіевск. сооруженія (Влад. соборъ)—А. К.	84	6	314
Традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей.—М. П.	82	9—10	325
Универсалъ кіевск. полк. Вас. Дворецкаго (1660 г. о грунтахъ церкви Николая Добраго)	85	4	743

	Годъ.	Книги №	стр.
г) Общественная жизнь и нравы.			
Замѣтки стараго кіевлянина.—Сем. Сулимы . . .	82	12	614
Печерскіе антики (Отрывки изъ юнош. воспом.).—Н. Лѣскова	83	2	235
— — —	—	3	493
— — —	—	4	691
Хроника кіевск. обществ. жизни по дневнику митр. Серафима (1804—24 гг)	84	7	423
д) Просвѣщеніе.			
Академія и ея студенты (объясн. рис).	82	2	437
Актов. рѣчь 1841 г. (въ акад).—Сообщ. прот. Е. Попруженко	85	4	773
„Gaudeamus igitur“ кіевской академіи	82	2	431
Древн. и нов. сказанія о началѣ кіев. академіи.—С. Голубева	85	1	85
Картинки старины. (Кіевск. спектакль нач. XVIII ст).—В. Г.	87	4	681
Къ вопросу о началѣ кіевск. академіи.—Н. Оглоблина.	86	3	482
Матеріалы для исторіи кіевской дух. академіи. Письма Иннокентія 1820—25 г., съ предисл. А. М.	82	3	499
Матеріалы для исторіи кіев. дух. академіи. Письма Як. Евдок. Михайлова (впослѣдствіи Іустина, еп. влад.) къ А. П. Ѳѣлюгову	82	7	106
Настоящ. имя первой фундаторки кіево-братскихъ школъ.—Ив. Новицкаго	85	8	732
Письма Евгенія, митр. кіев., къ архим. Мелетію, ректору кіев. акад.—Сообщ. свящ. І. Левандовскій.	83	6	310
— — —	84	2	297
Письмо Феофана Прокоповича къ кіев. арх. Рафаилу Заборовскому (объ улучш. акад.)	84	3	465
По вопросу о началѣ кіев. академіи. (Отв. С. Т. Голубеву).—Н. Л.	85	2	268
Подарокъ кіев. церк.-археологич. музею.—Н. П. . .	82	5	327
Церковно-археологическое общество при академіи въ 1881 г.—Н. П.	82	4	153
Къ исторіи газетно-журнальнаго дѣла въ Кіевѣ.—В. Науменка	84	11	529

	Годъ.	Книги №	стр.
О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ.—Ст. Т. Голубева	82	6	382
Приглашеніе къ открытію унив. св. Владиміра и правила поступл. въ оный.—Гр. Милорадовича.	84	7	529
Рѣчь на случай открытія въ Кіевѣ унив. св. Владиміра.—Сообщ. В. Науменко	85	7	483
Годич. собр. общ. пр Нестора и отчетъ о его дѣятельности за 1884—5 г.	85	11	562
Историческое общество Нестора-Лѣтописца въ 1881 году.—Н. Н. Дашкевича	82	3	581
Изъ школьн. воспоминаній о Кіевѣ.—Н. Я. Барскаго	84	3	498

c) Самоуправленіе.

Изъ сферы кіев. город. хозяйства 2-й пол. XVIII в.—С. Н--го	87	6—7	578
Кіевская перетурбація 1786 г.	83	4	805
Кіевское представительство прежняго времени	82	5	177
Паны Ходыки, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст.—В. Б. Антоновича	82	2	253
Послѣдняя самозащита г. Кіева.—Н. Камянина	82	7	186
Предложеніе гетм Мазепы кіевск. войту и магистрату 1703 г.—Сообщ. М. А. Андріевскій	84	9	132
Скорбь кіевлянъ о потерѣ магдебургскаго права 1835 г. (соврем. стихотв)—Сообщ. Вертиорховъ	82	5	352
Уставъ кіевск. цирюльнич. цеха 1767 г.	83	11	472

V. Колонизація южной Руси.

Греки въ Елисаветградѣ 1754—77 г.г.—В. Лѣтребова	84	4	673
Изъ жизни малорос. колонистовъ на сѣв. Кавказѣ.—П. С—р—а	—	7	467
Колонизація кубанской обл.—Ф. Щербины	83	12	529
Къ исторіи колонизаціи Новороссіи	85	3	531
Къ вопросу о колонизац. значеніи монастырей въ слоб. Украинѣ.—Евг. Максимова.	87	9	95

	Годъ	Книги №	стр.
Раскольничьи слободы въ Черниговщинѣ въ 1-й половинѣ XVIII в.	86	10	398
Русск. диссиденты въ Новороссіи. А. А. Скальковскаго.	87	4	771
Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи.—Г. Лебединца	85	2	403
Три „черкасскія" слободы XVIII в.—Сообщ. Д. И. Багалѣй	87	6—7	559

VI. Культура и этнографія.

а) Статьи и замѣтки.

Бандуристъ Иванъ Крюковскій.—В. Горленка	82	12	481
Бытов. малорусск. обстановка въ документахъ XVII—XVIII в.	87	10	336
Безсоновское туранство малороссіянъ.—Сем. Тындытникова	86	2	394
Воронежскіе хохлы.—Бориса П—скаго	85	4	613
Вымирающіе типы укр. деревни.—Прот. Луки Киселевича	84	3	515
Гайдамацкій бандуристъ.—В. Ястребова	86	10	378
Два слова о цыганахъ въ бывш. Гетманщинѣ	86	10	401
Досвѣтки и посидѣлки.—Н. О. Сумцова	—	3	421
Еще по поводу народ. пѣсни: о взятіи Торческа, или же Азова.—Ив. Новицкаго	82	9	413
Замѣтка къ ст. „О шелуд. Бунякѣ".—Н. Авенаріуса	87	11	584
Замѣчат. праздникъ въ г. Холмѣ.—О. П.	86	—	561
Какъ началось знакомство великороссовъ съ пѣснями малорусск.—А. М.	—	8	761
Кобзари и лирники.—В. Горленка	84	1	21
— — —	—	12	639
Кобзарь Остапъ Вересай.—К. Ф. У. О.	82	8	259
Коденская книга и три бандуриста.—К. Ф. У. О.	82	4	161
Колдовство въ юго-зап. Руси въ XVIII ст.—Арс. Селецкаго	86	6	193
Коломыйки.—Н. О. Сумцова	—	4	635
Къ вопросу о вліяніи греч. и римск. свадебн. ритуала на малорусск. свадьбу.—Н. О. Сумцова	—	1	16

	Годъ.	Книга №	стр.
Къ вопросу о „Парубоцтвѣ", какъ обществ. группѣ.— П. Чернышева	87	11	491
Къ исторіи южно-русскихъ свадебн. обычаевъ.—П. Сумцова	83	11	510
Малорусск. народ. игры окрестностей Переяслава.— Горленка	87	6—7	451
Малорусск. „паленица".—В. К—ша	—	9	196
Малорусск. похорон. причеть и миѳич. ея значеніе.— С. Брайловскаго	85	—	73
Малорос. пѣсни объ освобожденіи крестьянъ.—П. Кузьмичевскаго	87	3	412
	—	4	626
Малорусск. пѣсни у великор. крестьянъ.—Н. А. Добротворскаго	86	11	585
Малорусск. пьяницкія пѣсни.—Н. О. Сумцова	—	6	267
— фамильныя прозванія.—Его-же	85	2	212
Матеріалы и замѣтки объ украинск. народ. словесности.—М. Т—ва	82	11	229
— — —	83	12	546
Мѣстныя названія въ украин. народ. словесности.— Н. О. Сумцова	86	10	265
Научн. изученіе колядокъ и щедривокъ.—Его-же	—	2	237
Необыкновенная ярмарка.—О. Левицкаго	83	9—10	301
О Карпатской Руси.—Этюдъ Андр. Дешка	87	11	537
О новооткр. славян. богѣ Раѣ.—Д. Кравченка	86	9	163
Опытъ истолков. обычая „понедилкуванья". Н. Чернышева	87	4	763
Опытъ объясненія малорусск. пѣсни о Журилѣ.— Н. О. Сумцова	85	7	417
Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI в.?—Н. Костомарова	82	8	362
Очерки изъ быта Украины конца XVII ст. (Сожж. вѣдьмы).—Н. Оглоблина	87	5	92
Очерки націон. типовъ въ украинской нар. словесности.—П. Ковалько	83	3	667
„Парубоцтво" въ малор. сел. обществѣ.—Вал. Боржковскаго	87	8	765

	Годъ.	Книги №	стр.
„Покрытка".—Ст. фонъ-Носа	82	2	427
Поляки и русины (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній).—І. Малѣевича.	—	—	301
По поводу „Турецк. анекд. въ укр. нар. словесн."—О. І.	86	10	388
Потомки запорожцевъ на островѣ Лети.—М. Левченка	82	5	344
Происхожденіе малорусск. думы о Самуилѣ Кошкѣ.—В. П. Науменка	83	6	212
Религіозно-миѳич. значеніе малорусск. свадьбы.—Н. Ѳ. Сумцова	85	3	417
Смѣна народностей въ южн. Россіи.—Ир. Житецкаго	83	5	1
— — —	—	7	399
— — —	84	8	561
— — —	—	9	1
— — —	—	11	371
Старин. орудія наказанія и исправленія. П. Новицкаго.	85	11	551
107 лѣтъ южно-русск. этнографіи.—В. Г—ка.	84	3	505
Судъ надъ вѣдьмами.—Н. Ефименка	83	11	374
Турецкіе анекдоты въ украинск. нар. словесности.—Н. Кузьмичевскаго	86	2	209
— — —	—	3	445
Турь въ народн. словесности.—Н. Ѳ. Сумцова	87	1	65
Упыри (изъ исторіи нар. вѣрован.).—Н. Ефименка	83	6	371
Шолудивый Бунякъ въ укр. народн. сказаніяхъ.—Н. Кузьмичевскаго	87	8	676
— — —	—	10	293

б) Народныя преданія и разсказы.

Великій грѣшникъ (сказка).—Мих. Васильева	84	9	172
Визитъ Кармелюка.—А. В.	83	2	466
Военном. старожила о Кармелюкѣ.—Юр. Олтаржевскаго	86	6	371
„Гнідко", варіантъ Кармелюка.—Ал. Ом—ского	83	6	393
Еще кое-что о Кармелюкѣ.—С. Венгржиновскаго	86	7	553
Загадочное преданіе (о Гонтѣ).—Е. Маковскаго	84	3	170
Задунайскія народн. преданія: І. Про Палія та Масепу. ІІ. Про Ант. Головатого, Онопрія Шпака и царицу Катерину.—Х. Щ.	82	9	579

	Годъ.	Книги №	стр.
Изъ народ. воспом. объ О. М. Гладкомъ и возвратившихся съ нимъ запорожцахъ.—В. Василенка	85	6	342
Изъ нар. преданій о Гетманщинѣ, Запорожьѣ и Черноморьѣ.—Сообщ. Порф. Мартыновичъ	—	11	535
Изъ нар. преданій о запорожцахъ — Л. Н. Новицкаго	85	10	350
— разсказовъ въ Новороссіи	85	10	353
— — о вѣстяхъ и пятницѣ . . .	—	9	186
— — о слоб.-укр. помѣщикахъ.—А. Катрухина	85	1	198
Изъ народныхъ устъ. 1. Отцовское завѣщаніе. 2. Непонятая любовь.—А. Грабины	83	12	701
Изъ народн. характеристики пьяныхъ.—А. Р—ва . .	86	1	198
Изъ разсказовъ о запорожцахъ и гайдамакахъ.—Гр. Журина	—	8	758
Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ.—Е. Маковскаго . . .	84	4	698
Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ.—И. Литвиновой	85	6	354
Кармелюкъ.—А. Смоктія	82	10	183
Къ исторіи пословицъ.—Н. С.	87	8	779
Нар. преданіе о взятіи Бендеръ.—Сообщ. Л. П. . .	—	11	584
Народ. преданіе о Саввѣ Чаломъ.—В. Я.	—	9	194
Нѣкоторыя мелочи изъ нар. преданій.—Н. Орлова .	84	6	355
Откуда взялись запорожцы (нар. преданіе).—Н. Ефименка	82	12	583
Поправка къ разсказу о Бондаренкѣ.—Свящ. Гр. Шиманскаго	—	11	393
Преданія о лебед. монаст. и с. Лебединѣ—М. Васильева	87	4	784
Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ.—Сообщ. П. Л—въ	84	8	715
Ребъ Лейбъ-Суресъ (изъ еврейск. легендъ).—А.л. Тарновскаго	83	7	473
Сказаніе о Бондаренкѣ по народн. преданіямъ . .	82	3	530
Украинскій Геліосъ (нар. преданіе о солнцѣ).—Гр. Десятына	—	10	177

в) Вѣрованія, обычаи и приметы.

Всенародное купанье вѣдьмъ.—К. Цыбульскаго . .	85	11	566

	Книги Годъ.	№	стр.
Городничій и св. Пятница. Н. Бакая	85	12	744
Два сообщенія по части нар. вѣрованій	84	4	695
1. Криница—богъ плодородія у сѣверянъ.—Н. Литвиновой.			
2. Полъ неодуш. предметовъ.—М. Г—ва.			
Еще разсказецъ о вовкулакахъ и чаровникахъ.—С. Н. Исаевича	83	12	700
Жертва купальск. огня.—Сообщ. П. Е.	87	9	190
Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями.—К. Кошовика	84	1	169
Заговоры на просо и пшеницу.—Сообщ. Н. П.	—	12	747
Запрещеніе купальскихъ огней.—П. Е.	85	11	556
Знахарство, шептанье и заговоры.—П. Иванова	—	12	730
Изъ народ. вѣрованій.—Сооб. Юр. Олтаржевскій	87	5	195
Изъ народн. повѣрій о чортѣ.—Ал. Ом—скаго	83	11	514
Изъ области народныхъ повѣрій.—В. О.	—	8	774
Илія Човнило, бѣсамъ въ службу записавшійся (изъ области народныхъ суевѣрій)	82	2	429
Кое-что о вовкулакахъ.—Н. Н—ва	86	6	356
Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души чорту.—А. О. Кистяковскаго	82	7	180
Къ статьѣ „Судъ надъ вѣдьмами".—П. Е.	83	12	697
Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ.—Сооб. Ф. Щербина	—	7	586
Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды.—О.	85	5	172
Околдованіе начальства.—П. Е.	86	5	175
Письмо къ 3 дьяволамъ.—Сооб. А. Андреевскій	84	6	340
Подозрѣніе, взведенное на проѣзжающихъ, въ отравленіи воды во время холеры 1848 г.—П. Ефименка	83	7	578
Попытка околдовать волостной судъ.—П. Еф.	84	3	508
Послѣдствіе клятвопреступленія.—П. Еф.	—	—	510
Празднованіе понедѣльн. въ Малороссіи. В. Василенка.	87	1	180
Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсѣять ложные слухи.—Сооб. П. Е—ко	84	6	353
Черти въ продажѣ.—Прибыльскаго	85	—	350

	Годъ.	Книги №	стр.
г) Народныя пѣсни.			
Варіантъ пѣсни о Нечаѣ.—Сооб. А. Залѣсскій	87	8	787
— — о правдѣ.—Сооб. В. Горленко	83	—	769
— — о Томиленкахъ.—Сооб. В. К—шъ	87	6—7	585
Гайдамацкая пѣсня.—В. Ястребова	85	12	766
Двѣ галицкія пѣсни.—Я. Г.	—	7	517
Двѣ народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ.—М. В.	86	—	570
Двѣ сахарно-завод. пѣсни.—Сооб. М. Васильевъ	—	10	407
Двѣ старыя украин. пѣсни.—Бориса Познанскаго	85	—	220
Еще объ украинской злополучницѣ.—Ц. Г. Неймана	83	5	187
Еще пѣсня о попадьѣ.—Г. С. Лебединца	84	6	356
Загадочная пѣсня.—Сооб. А. Маркевичъ	—	7	554
Запорожская пѣсня	83	11	523
— — зап. Ив. Пономаревъ	87	6—7	587
— — записанная нѣмцемъ отъ нѣмца.—Сооб. Ал. Лазаревскій	83	9—10	322
Запорожское расхищеніе (2 пѣсни).—Сооб. П. Манджура	82	2	135
Затерявшаяся пѣсня о событіяхъ 1696 г.—П. Е.	86	5	173
Изъ народ. устъ (пѣсня и 2 разсказа).—Сооб. Д. Т.	84	—	172
Коліивщина въ пѣсняхъ	82	9	582
Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ. Сооб. П. Манжура	—	3	611
Народная пѣсня о Шевченкѣ.—Сооб. М. Васильевъ.	85	9	187
Новый варіантъ думы „Алексій Поповичъ".—Н. О. Сумцова	85	1	182
Новыя свадебныя малорусскія пѣсни.—О. Николаичика	83	2	366
Панщина въ пѣсняхъ и молитвѣ.—Сооб. П. Манджура.	82	5	357
Подлясская злополучница.—N.	83	4	905
Пѣсенный отголосокъ давно минувшей уніи.—Сооб. М. Крашановскій	84	1	184
Пѣсня запорожцевъ о выселеніи въ Турцію	82	6	554
Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай.—Сооб. Н. И. Зуйченко	85	—	363
Пѣсня на кн. Домин. Заславскаго.—Сооб. П. С.	—	9	185
— о Кармелюкѣ	87	11	588
— о панщинѣ.—Notus'a	83	—	520
— о серо́ѣ.—Сооб. В. Ястребовъ	84	12	757

	Годъ.	Книга №	стр.
Пѣсня о про Филиппа Орлика	82	11	395
— черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила.— Сооб. Г. Б—скій	—	6	555
Рекрутская пѣсня.—Сооб. Пономаревъ	87	12	803
Саврадимка.—Сообщ. Алекс. Грабина	84	11	552
Талавиря.—Ив. Манжуры	83	4	907
Три малорусск. пѣсни изъ періода крымск. компаніи Сооб. Н. И. Барсовъ	85	—	795
Украинск. варіантъ пѣсни про „ягничку".—Ив. Новицкаго	—	8	743
Украинская гетера.—Ив. Манджуры	83	1	217
— злополучница.—А. Смоктія	—	—	215
Южно-русская пѣсня о событіи XI в.—А. Стоянова	82	7	81
а) Вирши, колядки, щедривки, псальмы.			
Вирша на Рожд. Хр.—Сообщ. Н. Н. Ивановъ	82	11	398
— — — — С. И. Пономаревъ	—	12	624
— о сожженіи мліевск. ктитора Дан. Кушнира.— О. Лободы	86	1	202
Колядка и вирша	83	12	713
Коляды и щедривки	87	1	182
Пасхальная вирша	82	4	168
Дополненіе къ пасхальной виршѣ	—	9	567
Псальма XVIII ст.—Сооб. И. Е.	87	8	777
Старинный кантъ.—Сооб. С. Н. И.	86	—	770
Три псальмы.—В. Г—ка	83	2	467

VII. Исторія.

А) Матеріалы.

а) Исторія края.

Два акта для исторіи „руины" правобережн. Украины.—Сооб. А. Лазаревскій	87	2	368
Два письма Б. Хмельницкаго къ П. Сапѣгѣ.—Сооб. Н. В. С—ко	85	1	196
Допросъ Гр. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы	83	3	595

	Годъ.	Книги №	стр.
Еще извѣстіе о москов. походѣ Сагайдачнаго.—Сооб. А. Л—скій	86	1	200
Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива.—Сооб. В. М—чъ	83	2	453
— — —	—	3	735
Лѣтописныя замѣтки (1651—1749 г.).—А. Л.	83	3	680
Письмо Августа II, кор. польск., къ Сем. Палію. С-ка.—	85	10	360
Письмо еп. Якова Суши къ гетм. Выговскому съ цѣлью склонить его въ унію.—Сооб. В. Т. М—чъ	83	5	111
Повѣсть объ осадѣ г. Михайлова гетм. Сагайдачнымъ въ 1618 г.	85	12	684
Слѣды переписки Петра I съ Сав. Рагузинскимъ.—А. Лашкевича	87	6—7	487
Сосѣдственно-пріятельское письмо Богдана Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу	84	11	541

б) Администрація и судъ.

Властная гетманша.—А. Лазаревскаго.	82	1	213
Гадяцкая полк. канцелярія 40-хъ гг. XVIII ст.—Сооб. Л. П.	87	8	780
Двѣ записки сенат. фонъ-Брадке, по обревизов. херс. губ. въ 1850—51 гг.	85	9	128
Докладъ гр. П. А. Румянцева имп. Екатеринѣ II 1781 г.—Сообщ. А. О. Кистяковскій	84	12	693
Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетм. чести.—Ал. Андр.	84	12	730
Изъ письма въ редакцію	86	2	409
Инструкц. гетм. Дан. Апостола малороссійск. судамъ.—Сооб. А. А. Оедотовъ-Чеховскій	87	1	139
Мѣры противъ вечерницъ и кулач. боевъ въ Малороссіи.—Сооб. А. Маркевичъ.	84	9	177
Наслѣдств. полковничество.—Сооб. А. Твердохлѣбовъ.	87	5	152
„Намъятковый прочуханъ“ или примѣненіе писан. закона въ сферѣ обыч. права.—В. Василенка.	85	5	170
Рѣчь „о поправленіи состоянія“ Малороссіи	82	10	119
Состояніе полиціи въ малорос. городахъ XVIII в.—Сообщ. Д. Багалѣй	82	8	379

	Годъ.	Книги №	стр.
Указъ имп. Екатерины II объ учрежденіи Малор. Коллегіи	83	8	738
Универс. гетм. Скоропадскаго о переводѣ „книгъ правныхъ“ на малор. яз.—Сооб. А. Лазаревскій.	87	4	788
Экстренные расходы изъ суммъ Малороссійской Коллегіи	82	5	312
в) Общественная и экономическая жизнь.			
Актъ побратимства въ церк. метрикѣ.—І. П.	87	10	383
Бракоразв. казусъ конца XVI ст.—Сооб. А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій	87	1	177
Воспрещеніе гетманомъ Скоропадскимъ сборовъ на „ралецъ.“	85	10	361
Историч. справка о глушковск. сукон. фабрикѣ.—Н. Добротворскаго	86	12	741
Къ ист. малорусск. ремесл. издѣлій.—П. Сумцова	86	12	746
Очаковск. зима по совр. описанію.—Сооб. В. Ястребовъ	84	8	731
Примѣчанія Алекс. Пишчевича на новорос. край.—Съ пред. и прим. В. Ястребова.	84	1	111
Проэктъ казен. сельск. хозяйства въ присоед. отъ Польши къ Россіи областяхъ	85	4	746
Рядная запись 1-й пол. XVIII в.	84	3	471
Три документа къ исторіи экономическихъ отношеній въ Малороссіи XVIII в.—П. С—ка	84	1	143
Южно-русск. городъ въ нач. текущ. стол. (Изъ зап. А. С. Пишчевича)	86	1	173
г) Просвѣщеніе.			
Воспоминаніе изъ недал. прошлаго. (О школѣ и грам. въ кіевск. г.).—Бориса Н—скаго.	85	2	235
Два документа къ ист. черниг. типографіи.—Сооб. А. Лазаревскій	86	11	571
Матеріалы для исторіи народнаго образованія	82	5	276
— — — — —		6	451
Ордеръ А. Румянцева объ устройст. нѣвч. школы въ Глуховѣ	86	11	579

	Книги		
	Годъ.	№	стр.
б) Церковь и духовенство.			
Автобіографія южно-русск. священника 1-й половины XVIII ст., съ пред.	85	2	318
Актъ избр. Варл. Ясинскаго, архимандритомъ кіево-печ. м—ря.—Сооб. А. Востоковъ.	87	6—7	573
Выдержки изъ сборн. украин. дѣвич. монастыря	83	8	760
Грамота Петра I черн. архіеп. Іоанну Максимовичу.—Сооб. гр. Милорадовичъ	84	8	747
Грамота патр. Адріана кіевск. митр. Варлааму Ясинскому	85	9	139
Давнишн. справка о крестн. ходѣ въ г. Березномъ.—В. К-на	87	3	581
Два документа по дѣлу передачи Почаевской Лавры изъ вѣдомства уніатовъ въ вѣдомство православное	82	9	486
Двѣ записки св. Димитрія Ростовск. о пріемѣ и сдачѣ черн. елецкаго м—ря	82	10	170
Документы братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ	82	7	149
Жалоба роменск. духовенства на протопопа Мартына Самойлова.—А. Востокова	87	5	189
Записка преосв. Анатолія, архіеп. могил. (о сел. дух. зап. край).—Сооб. К. Береза	87	2	313
Изъ устнаго отшельника К—ской пустыни.—Іер. О—ла	87	12	717
Изъ зап. книжки южно-русск. священника 1725 г.—Сооб. В. А.	86	9	191
Изъ посмерт. бумагъ Анатолія Мартиновскаго, архіеп. могил.—Сооб. К. Береза	84	6	210
Какъ готовилось екатериносл. дух—во къ встрѣчѣ Екатерины II.—Сооб. Я. П. Новицкій.	87	4	795
Контрактъ на постройку церкви конца XVII в.	84	3	522
Памятникъ прежнихъ отношеній насомыхъ къ архипастырю.—В. А.	84	12	745
в) Дворянство (шляхетство).			
Пв. Петр. Забѣла, знатный войск. товарищъ (1665—1703 г.) (Отр. изъ сем. арх.).—Ал. Лазаревскаго.	83	7	506

	Годъ.	Книги №	стр.
Изъ писемъ помѣщиковъ кіевск. губ. къ кіевск. гражд. губернатору Панкратьеву.—Сооб. А. А—скій.	84	1	177
Предостереженіе Д. Г. Бибикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ кіев. губ. Сообщ. В. В. Борисовъ.	82	9	575
Прошеніе малорос. шляхетства и старшинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, о возстановленіи разн. старин. правъ Малороссіи, подан. Екатеринѣ II въ 1764 г.—Сооб. А. Ѳ. Кистяковскій.	83	6	317
Пять документовъ рода Савичей	87	9	153
Рескриптъ имп. Павла объ опредѣл. малор. дворянства въ воен. службу	86	11	579
Рѣчь авт. „Ябеды" В. В. Капниста въ полтав. двор. собр.	86	12	717
Рѣчь Д. Г. Бибикова къ дворянству юго-зап. края	82	6	530
Рѣчь малорос. ген.-губерн. кн. Репнина къ двор. черниг. и полтав. губ.—Сооб. А. С. Лашкеличъ	87	1	172
Указъ Петра I о ссылкѣ Забѣлы и Загоровскаго.—П. Е.	87	8	777
Универсалъ черн. полк. Лизогуба 1690 г. (въ разрѣш. земел. прет. шляхты)	85	3	539

ж) Козачество.

Бугск. козаки и украин. уланы (сам. А. С. Пушчевича.	86	2	387
Бугское козачество и военныя поселенія.—Лѣтоп. набр. о. Вл. Лобачевскаго	87	12	598
Голосъ запорожск. депутата на всероссійск. собраніи депутатовъ 1768 г.—Сообщ. П. А. Китицынъ	83	3	683
Два документа о состояніи малорос. козачества въ полов. XVIII ст.	82	10	126
Дополнител. свѣдѣніе о бывшихъ на ладож. каналѣ козакахъ.—Сооб. Д. Багалѣй	84	10	357
Запорож. реляція о побѣдахъ надъ турец. флотомъ въ днѣпр. гирлахъ	84	9	129
Жизнь запорожскихъ козаковъ, по разск. совр. очевидца.—Д. Хварницкаго.	83	11	497
Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Таманп и какія были по сему случаю рѣчи и			

	Годъ.	Книга №	стр.
пѣсни (совр. рук—сь).—Сообщ. Д. К. Морокъ	83	1	203
Козаки въ партикулярной надобности	82	4	171
Карловскій договоръ козаковъ съ поляками 1625 г.—Свящ. В. Никифорова.	85	4	767
Къ свѣдѣніямъ о козац. гетманѣ Ив. Куцковичѣ.—Сообщ. А. С—ко	83	6	379
Къ характеристикѣ шляхет.-козачаго быта XVIII в. (2 партик. письма).—Ѳ. Н.	85	4	779
Матеріалы для исторіи В. Запорожья.	82	8	322
Наслѣдники запорожск. земель.—Сообщ. Д. Багалѣя.	85	4	783
Объясненіе полк. Черныка о работахъ на ладож. каналѣ	84	5	117
Отвѣтъ малороссійскихъ козаковъ украинскимъ слободжанамъ.	84	11	550
Отрывоч. замѣтки о запорож. старинѣ.—А—ва	84	9	165
Секрети. переписка коша запорожск. (1734—63 г.).—А. Скальковскаго	86	2	327
Ходатайство Потемкина за запорож. старшину.	87	9	191

з) Крестьянство.

Изъ воспоминаній потерпѣвшаго во время крестьян. волненій 1855 г.—Прот. Вас. Сикорскаго	82	4	85
Изъ воспоминаній священника о военномъ поселеніи.—Пр. Павловича	84	9	168
Письмо кн. И. В. Репнина къ имп. Николаю (о сложеніи недоимокъ съ помѣщич. крест. полтав. и черн. губ.).—Сообщ. Ст. фонъ-Носъ.	82	12	557
Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго (къ ист. крест. волненій въ кіев. губ. 1855 г.)—Сообщ. П. Л—ва	82	1	174
— — — —	—	2	386
Универсалъ гетм. Разумовскаго объ ограниченіи права перехода крестьянъ.—Сооб. А. Лазаревскій.	85	7	477
Что слышалось и что видѣлось.—Б. Познанскаго.	86	5	108

и) Гайдамачина.

Манифестъ императрицы Екатерины II, 9 іюля 1768 г.	82	5	308

	Годъ.	Книга №	стр.
Матеріалы для исторіи Коливщины или рѣзни 1768 г.—Н. Костомарова	82	8	297
Нѣск. докум. къ исторіи Гайдамачины.—А. Скальковскаго	85	10	277
Описаніе бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украину въ 1768 г.	82	3	520
Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украинѣ 1768 г.	82	9	523
— — — —	—	10	89
— — — —	83	9—10	254
Разсказъ современника о приключ. его во время „Коливщины".—Съ пред. Ѳ. Рыльскаго.	87	1	51
Три документа къ исторіи бунта въ Малороссіи въ 1768 г. Съ пред. И. В. Лучицкаго.	84	6	306
і) Полыки.			
Воззваніе конфедератовъ воевод. Сендомирскаго къ рус. народу (ок. 1733 г.)	85	6	263
Волынская революція 1-й четверти XIX ст.	83	1	121
— — — —	—	2	319
— — — —	—	4	774
Воспоминанія о польск. возст. въ Украинѣ въ 1863 г.— Б. Познанскаго.	85	11	436
— — —	—	12	571
Даретвен. записк Стан. Потоцкаго Вероникѣ Крепсъ.— Ц. Г. Неймана.	85	7	512
Къ исторіи погранич. сношеній съ крымск. ханствомъ.—Съ пред. А. Андр.	85	2	339
Письмо изъ Варшавы отъ 6 апр. 1790 г.	83	5	178
Проэктъ упорядоченія дѣлъ римско-католич. церкви въ литов. провинціяхъ	85	5	127
к) Дневники, записки, мемуары, хроники.			
Дневникъ Николая Ханенка (въ приложеніи).	84	3	—
— — — —	—	4	—
— — — —	—	5	—
— — — —	—	6	—
— — — —	—	8	—

	Годъ.	Книги №	стр.
Тоже — — —	—	9	—
— — — —	—	10	—
— — — —	—	11	—
— — — —	85	3	—
— — — —	—	4	—
— — — —	—	7	—
— — — —	—	9	—
— — — —	—	10	—
— — — —	—	11	—
— — — —	—	12	—
— — — —	86	1	—
— — — —	—	4	—
— — — —	—	5	—
— — — —	—	7	—
— — — —	—	8	—
— — — —	—	9	—
— — — —	—	10	—
— — — —	—	11	—
— — — —	—	12	—
Дневникъ новгородск. подсудка Өед. Евлашевскаго (1564—1604 г.).—Съ пред. В. Антоновича . .	85	1	124
Дневникъ Освѣдима (въ извлеч. и переводѣ), съ предисл. В. А.	82	1	126
— — — —	—	2	366
— — — —	—	5	257
— — — —	—	6	433
— — — —	—	9	503
— — — —	—	11	328
— — — —	—	12	538
Родъ Лашкевичей и дневникъ одного изъ нихъ.—Ѳ. Николайчика	87	12	696
Отрывокъ изъ записокъ Анонима 1768 г.	82	11	349
Записки кіевск. мѣщанина Божка Балыки о московской осадѣ 1612 г. (изъ лѣтописн. сборн. Ильи Кощаковскаго).—В. А.	82	7	97
Записки ново-оскольск. дворянина И. О. Острожскаго-Лохвицкаго (1771—1846). Съ пред. Ѳ. Н. . .	86	2	350

	Годъ.	Книги. №	стр.
Тоже . — — —	—	3	561
— — —	—	4	729
— — —	—	5	130
— — —	—	10	230
— — —	—	11	472
— — —	—	12	627
Записки И. М. Сбитнева	87	2	285
— — —	—	3	439
— — —	—	4	650
— — —	—	5	52
Архив. справка по пов. „Зап. Сбитнева“.—Н. Сумцова.	87	3	571
Записки П. Д. Селецкаго. 1821—46 гг.	84	2	247
— — —	—	3	443
— — —	—	4	609
— — —	—	5	77
— — —	—	6	239
— — —	—	7	485
— — —	—	8	609
— — —	—	9	82
Изъ записокъ сенатора А. Я. Стороженка . . .	84	11	447
Записка генер. судьи Акима Сем. Сулимы	84	1	135
Записки бар. Тотта о татар. набѣгѣ 1769 г. на Ново-Сербію (съ пред. и послѣсл. С. Е.)	83	9—10	135
Историч. записки о войскѣ черномор.—А. М. Туренка.	87	3	494
— — —	—	4	721
— — —	—	5	125
— — —	—	6—7	335
Записки Карла Хоецкаго (1768—76 г.). В. А. . .	83	1	145
— — —	—	3	630
— — —	—	11	433
— — —	—	12	593
Записки В. И. Ярославскаго	87	9	109
— — —	—	10	289
— — —	—	11	505
Мемуары К. А. Рощаховскаго врем. освоб. крест.— Съ пред. А. Р.	87	6—7	396

	Годъ.	Книги №	стр.
Прилуцкій полковой асаулъ Михайло Мовчанъ и его записная книга.—В. Б. Антоновича	85	1	57
Путевыя замѣтки отъ Смоленска до Кіева конца XVIII ст.—Сооб. С. Писаревъ	87	3	537
Семейн. хроника и воспоминанія кн. Б. Ив. Куракина (род. 1676, † 1727). Съ пред. Ф. А. Терновскаго.	84	9	104
— — —	—	11	478
— — —	—	12	621
Поправка и объясненіе (къ зап. кн. Куракина)	84	10	369

Б) Статьи и замѣтки.

а) Исторіографія.

Архивные матеріалы для исторіи Запорожья.—Д. И. Эварницкаго.	86	7	520
Архивъ Малороссійской Коллегіи при Харьк. унив.—П. Ефименка	82	1	193
Воеводскія „вѣстовыя отписки" XVII в., какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи.—Н. Оглоблина	85	7	365
Галагановскій фамильный архивъ.—Съ предисл. А. Лазаревскаго	83	11	450
Генеральная опись Малороссіи.—Д. Багалѣя.	83	11	402
Губернскія вѣдомости, какъ пособ. при изуч. русск. исторіи и этнографіи.—Н. Сумцова	85	2	391
Историч. матеріалы архива Полтав. Каз. Палаты.—Л. Падалки	85	10	333
Лѣтопись Яна Юзефовича, какъ источн. для ист. южн. Руси.—В. Антоновича	87	11	546
Любопытн. книжица к. XVIII ст.—Ц. Г. Неймана	84	7	525
Любоп. рукописи одной частн. библіотеки.—Сооб. Д. А. Синицкій	85	10	338
Любопытн. сборн. документовъ въ Гадячѣ.—Николая Бакая	84	12	735
Малоизв. и неизв. источники минувш. жизни въ Полтавщинѣ.—Н. С.	84	4	684
Неузнанная рукопись.—Графа Милорадовича.	84	2	351

	Годъ.	Книги №	стр.
Справка объ авторѣ „Топогр. опис. харьк. намѣстн."—Н. Черняева	86	3	601
Сулимінскій фамильный архивъ.—Ал. Лазаревскаго.	82	11	292
Упѣлѣв. остатки архива К. Г. Разумовскаго.—Н. Бакая	86	12	743
б) Древняя исторія южной Руси.			
Былъ-ли Геродотъ въ южн. Руси.—Ѳ. Г. Мищенка.	86	6	351
Еврейскій документъ о посольствахъ Владиміра Св. для испытанія вѣръ.—Іоны Верхина	84	12	585
Къ ст. г. Верхина „о посол. Влад. Св. для испыт. вѣръ".—П. Голубовскаго	85	3	569
Къ вопросу о царскихъ скинахъ.—Ѳ. Г. Мищенка	84	5	55
Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси.—Ник. Костомарова	83	4	899
Удѣльный періодъ и его изученіе.—Дм. Багалѣя.	83	2	301
в) Польскій и Московскій періоды:			
Гетманск. представительство при русскомъ дворѣ	83	9—10	317
Гетманство Брюховецкаго.—С. Е.	85	8	545
Изъ временъ нашествія шведовъ на Россію.—А. Катрухина	84	6	543
Какъ готовили Кременчугъ къ встрѣчѣ Имп. Екатерины II.—Ѳ. Ни—ка.	83	2	460
Козелецкая рада 1663 г.—А. Востокова.	87	2	269
Къ исторіи 1-го Крымск. похода.—А. Востокова	86	2	267
Неизвѣстн. доселѣ гетманъ и его приказъ.—В. Б. Антоновича	83	5	140
Нѣсколько данныхъ о судьбѣ Желѣзняка послѣ его ареста въ Умани.—В. А.	82	12	564
Очеркъ исторіи юго-западной Руси.—Качалы	85	1	20
— — — — —	—	2	282
— — — — —	—	3	437
— — — — —	—	4	678
— — — — —	—	5	21
— — — — —	—	6	205
Первыя козац. движенія въ Рѣчи-Посполит. (1591—96 г.г.).—Ѳ. Николайчика	84	3	423

	Годъ.	Книги №	стр.
Тоже — — — . .	—	4	525
Первыя сношенія Б. Хмельницкаго съ Москвою.—А. Востокова	87	8	714
Петръ I въ Русской Равѣ въ 1698 г.	82	1	214
Самозванный флиг.-адъют. солдатъ Семеновъ(1826 г.)—К. К—ка.	82	12	519
Свадьба Тимоша Хмельницкаго.—С. Венгрженовскаго	87	3	469
— — — —		5	26
Двѣ поправки къ ст. „Свад. Тим. Хмел".—П. Л—ва.	87	6—7	583
Сѣльные малороссіяне въ архангел. губ. (1708—1802 г.г.).—П. Ефименка	82	9	391
Уманскій сотникъ Иванъ Гонта (1768 г.).—В. Б. Антоновича	82	11	250

г) Администрація и судъ.

Изъ исторіи развитія канцел. переписки въ Малороссіи.—С—ка.	85	5	173
Изъ практики старыхъ судовъ	82	8	288
Конные суды въ лѣвоб. Украинѣ.—Александры Е. .	85	10	189
Къ исторіи екатер. коммиссіи для составл. проэкта нов. уложенія.—Д. Багалѣя	85	9	1
Малорос. чины и должности и окладъ ихъ содержанія .	83	6	381
Образчикъ малорусской „покормежной"	84	1	171
Поимка Гаркуши въ Ромнѣ	86	10	404
Судебн. „инквизиціи" въ бывш. Гетманщинѣ.—Сообщ. А. Л—скій	86	1	195

д) Общественное и экономическое устройство.

Братства и союзы нищихъ.—П. Ефименка	83	9—10	312
Голодъ въ Полтавщинѣ въ 1833—34 г.г.	86	11	580
Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьк. губ. А. Л. Шиманова	82	11	191
— — —	—	12	401
— — —	83	1	67
— — —	—	3	555
— — —	—	6	249
Займанщина въ лѣвобер. Украинѣ XVII и XVIII ст.—Д. Багалѣя	83	12	560

	Годъ.	Книги №	стр
Еще о Гаркушѣ.—А. Т.	86	11	569
Знач. сельск. громады въ судебн. процессѣ конца XVII в. —Ник. Бакай.	86	11	567
Изъ ист. одного присеймск. села.—Н. Добротворскаго.	87	3	565
Какъ земляные потерялн свою „дольницу".—П. Литвиновон	86	6	381
Картинки народ. жизни. (Изъ эпохи перех. отъ козач. къ крестьянству).—А. Смоктій	83	9—10	199
Къ исторіи семейн. раздѣловъ у крестьянъ.—П. Е.	86	3	593
Къ исторіи слоб.-укр. чумачества.—Н. Сумцова	84	3	493
Къ исторіи южно-рус. братствъ.	86	9	183
Къ исторіи нѣмцъ въ Малороссіи.—П. О. С—ва.	83	12	696
Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ.—К. Василенка	85	9	159
Романовское старостиво и судьба его жителей	85	8	607
Семенъ Гаркуша (1772—84 гг.).—К. Кошовика	83	3	528
Страничка изъ исторіи слоб. Украины.—Евг. Маковскова	86	3	467
Судьба табач. фабрики въ Ахтыркѣ.—А. Твердохлѣбова	86	9	178
Украинская деревня 2-й четверти нынѣшняго стол. (по воспом. дѣтства).—Х.	82	9	457
— — —	—	10	39
Уцѣлѣвшая старина.—М. Гаврилова	83	8	757
Чума въ сѣв. части херсон. губ. 1813 г.—Н. Н.	85	5	153
Шпитали въ Малороссіи.—П. Ефименка.	83	4	709
Шпиталь въ м. Боромлѣ.—Н. Сумцова	83	9—10	309

е) Просвѣщеніе.

Борьба съ католичествомъ и умств. пробужденіе южн. Руси къ концу XVI в.—А. Архангельскаго.	86	5	44
— — —	—	6	237
Высшіе женск. курсы въ бывш. Гетманщинѣ.—Елис. Руссетъ	84	1	173
Движеніе нар. образованія въ ю.-зап. краѣ.—К. Ц.	84	8	725
Двѣ ревизіи (Немировск. гимназія въ концѣ 40-хъ гг.).—М. К. Чалаго	83	2	444

	Годъ.	Книга №	стр.
Домашнее воспитаніе нач. нашего стол.—В. Ястребова.	84	2	333
Кобелякск. повѣтовое училище 1808—33 гг.—А. Фисенка	87	10	387
Къ исторіи черниг. типографіи. Сооб. А. М. Лазаревскій	86	7	574
Неосуществившійся университетъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ (два письма о немъ)	82	3	592
Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 году.—Н. П.	82	3	616
Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ.—Е. Крыжановскаго.	82	2	262
— — —	—	3	441
Школа для обученія нѣмчихъ.—П. Ефименка	83	5	169

ж) Сектанты.

Баптизмъ или штунда въ Кіев. губ.—П. Л—ва	85	3	490
Европ. баптизмъ—родонач. малорус. штунды	85	12	638
Изъ письма въ редакцію о нѣмецко-хохлацкой штундѣ.—Вор. П—скаго	84	11	543
Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ.—Ив. Матченка.	85	6	338
Матеріалы для исторіи возникн. и распростр. штунды на югѣ Россіи	84	10	305
— — —	—	11	499
„Пророкъ"—многовѣръ и судъ надъ нимъ въ Кіевѣ (1825—33 гг.). О. Левицкаго	85	5	79
Социніанство въ Польшѣ и юго-зап. Рус.—Ор. П. Левицкаго	82	4	25
— — —	—	5	193
— — —	—	6	401

з) Церковь и духовенство.

Васильковская таможня и городничіе — монахи.—А. А—скаго.	83	1	193
Второбрачіе южно-рус. священниковъ конца XVIII в. и его историч. прецеденты.—С. Ц.	83	2	429

	Годъ.	Книги №	стр.
Выборные священники.—К. Березы	82	4	166
Гдѣ жили первые кіев. митрополиты: въ Переяславѣ или въ Кіевѣ?—П. Л.	85	1	177
Два типа и двѣ сцены изъ минувшей жизни южно-рус. монастырей.—Б. Целларіуса	83	3	672
Забытыя иноческія обители (мон—ри Холмскій и Замостьскій).—Н. Петрова.	82	7	1
— — —	—	8	199
Замѣтка на замѣтку о Почаевской Лаврѣ.—Е. Крыжановскаго	82	11	373
Записавшіяся во власть помѣщика священникъ.—Н. Саббатовскаго	83	5	184
Изліяніе малорос. монахи конца XVIII ст.—Ф. А. Терновскаго.	82	5	329
Къ исторіи малор. церк.-обществ. нравовъ XVIII ст.—Н. С.	84	2	332
Къ исторіи скопьск. м—ря.—А. Твердохлѣбова	86	10	392
Мимо-найденный дневникъ св. Димитрія Ростовскаго.—С. І. К—ча.	82	9	571
Объ имени святителя почив. въ нѣжинск. благовѣщ. м—рѣ.—І.	87	5	185
Основныя черты внутр. строя зап.-рус. церкви въ XVI и. XVII вк.—О. Н. Левицкаго.	84	8	627
По иріятинскому уѣзду.—Z.	87	4	790
По поводу 50-лѣтн. юбилея Почаев. Лавры.—А. Тарановскаго	83	12	681
Попытка основанія православной архіер. каѳедры въ г. Немировѣ въ XVIII ст.—Архим. Арсеній	86	4	883
Почаевская Успенская лавра въ 1855 г.—Кн. Н. С. Голицына.	82	6	365
Правосл. монастырь и его уніатская лѣтопись.—В. А.	82	2	418
Присяга духовенства.—П. Ефименка	84	5	151
Протопопъ Комаръ и его вторич. бракъ	82	12	607
Церковь и Византійство.—Ор. Миллера	84	11	419
Южно-русскіе архіереи XVI—XVII в.—О. Левицкаго.	82	1	49
Южно-русск. священники, отыскив. права дворянства.—Апол. Залѣскаго	85	5	175

	Годъ.	Книга №	стр.
и) Дворянство (шляхетство).			
Панъ Инъ Монастырскій (рацiонал хоз.-помѣщ. 20-хъ гг. нынѣшн. ст.).—К—ка	83	1	185
Послѣднія домогательства малорос. шляхетства	84	1	174
Роспись рода Горленковъ.—Кн. А. В. Дабижа	86	6 (въ прилож.)	
Южно-рус. дворянинъ XVIII в.—Ник. Бакай	85	4	716
Горленки.—Кн. А. Дабижа	87	2	237
— —	—	10	199
Два письма Н. А. Маркевича о своемъ родонач. Маркѣ Аврамовичѣ.—Сооб. Петръ Дорошенко	85	12	689
Изъ фамильныхъ преданій.—С—ка	85	4	782
Князья Ружинскіе.—Н. П. Новицкаго	82	4	58
Къ ист. рода Свѣчекъ.—Н. Стороженка	87	11	580
Къ родосл. Полуботковъ.—Д. Онацкаго	87	2	365
Люди старой Малороссіи.—А. Лазаревскаго			
1. Лизогубы	82	1	101
2. Милорадовичи	82	3	479
3. Миклашевскіе	82	8	243
4. Свѣчки	—	—	253
5. Марковичи	84	1	50
6. Голубы	85	5	1
7. Крыжановскіе	85	5	7
8. Томары	—	—	14
9. Кулябки	86	1	1
10. Ломиковскіе	—	—	10
11. Афендики	—	7	443
12. Левенцы	—	—	445
13. Ѳеницкіе	—	—	452
14. Бороздны	87	6—7	379
15. Раковичи	—	8	627
16. Оболонскіе	—	8	631
17. Мануйловичи	—	8	635
Малоизв. историч. родъ (Дублянскіе).—П. Китицына.	84	6	342
Родъ Вишневскихъ.—А. С. Лашкевича	87	5	73
Стар. южно-рус. двор. родъ Слупицъ и ихъ помѣстье Куна.—Подолянина	86	7	563
Стороженки (фамил. лѣтоп.).—Н. В. С—ка.	84	2	205

	Годъ.	Книги №	стр.
і) Казачество.			
Дунайцы.—А. Скальковскаго	85	1	117
Еще о бугскихъ козакахъ.—А. Скальковскаго	82	12	598
Задунайская сѣчь (по мѣсти. военом. и разск.).—О. Кондратовича	86	1	27
— — —	—	2	269
— — —	—	4	709
Запорожск. выборы и порядки полов. XVIII в.—Ал. Андр—ского	83	5	127
Изъ временъ упадка Запорожья.. К. Ц.	87	8	783
Исторія самоуправленія у кубанск. козаковъ.—Ф. Щербины.	84	2	223
Какъ получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье	83	8	751
Какъ судили и рядили въ сѣчи запорожской.—А. Скальковскаго	86	3	604
Къ исторіи бугскихъ козаковъ.—А. Скальковскаго.	83	5	186
Къ исторіи Запорожья.—А. Скальковскаго	82	7	178
Къ исторіи Запорожья.—А. Скальковскаго. „Порубежныя любезности“	82	10	159
„Внутреннія распорядки“	—	12	527
Къ характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества	82	11	382
Поселенія запорожцевъ въ Банатѣ.—В. А.	82	6	549
Послѣдній писарь войска запорожскаго Глоба.—П. Ефименка	82	8	368
Потемкинъ и черноморцы.—О. Л.	87	9	185
Предсмертная поземельн. борьба Запорожья.—А. Шимановa.	83	12	609
Происхожденіе запорожскаго козачества.—П—ки.	84	8	580
— — —	—	9	27
Свѣдѣніе о бугскихъ козакахъ.—А. Рудковскаго.	82	11	389
Филинъ Орликъ и запорожцы.—А. Скальковскаго	82	4	106
Эпиз. изъ предсм. борьбы Запорожья за свои владѣнія.—А. Твердохлѣбова	86	12	749
к) Крестьянство.			
Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи.—Ф. Щербины.	83	6	233

	Годъ	Книги. №	стр.
Изъ эпохи крестьян. реформы на югѣ Россіи.—П. Е.	86	1	91
Крестьян. движенія въ гайворон. у. курск. губ. въ 1861—2 г.—Н. Добротворскаго	87	4	667
з) Иноплеменники.			
Два случая изъ борьбы крестьянъ съ евреями за аренду казен. земель.—С—а	84	10	346
Еврейскій плѣнъ въ Запорожьи 1770—72 гг.—А. Скальковскаго	84	1	159
Жидотрепаніе въ нач. XVIII в.—Н. И. Костомарова.	83	1	1
— — —	—	3	477
Изгонъ іудеевъ нач. XVII в.—Ст. фонъ-Носа	83	1	214
Изъ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи.—Н. Каманина	82	7	42
Капит. брацл. Вас. Загоровскій въ полонѣ у татаръ.—Сооб. А. А. Оедотовъ-Чеховскій.	87	2	360
Междуплеменныя соприкосновенія.—Н. Колюмбацца	87	12	795
Польско-русск. отношенія XVII в. въ совр. польск. призмѣ.—В. Антоновича	85	5	44
Шагинъ-Гирей, послѣд. крымск. ханъ.—О. Лашкова.	86	9	37

VIII. Литература.

А) Памятники литературные.

	Годъ	Книги. №	стр.
Вольныя литер. упражненія въ южно-русск. судахъ XVII ст.—Сооб. И. Шеболдаевъ	85	11	558
Вонль Мазены.—Сооб. С. Н. Н.	84	12	658
Двѣ малорусск. оды изъ наполеон. временъ.—О. Лев—аго	86	1	187
Двѣ южно-русск. интермедіи нач. XVII в.—Сооб. М. Т—онъ	83	12	652
Дополненіе „Разговора Великороссіи съ Малороссіей".	82	7	137
Забавная родословная (съ рис.)	82	1	223
Малорусск. историч. шарада	85	3	592
Разгадка ея.—Читателя (И. В. Лучицкаго)	—	6	329
Малорусск. политич. сатира XIX в	87	6—7	511
Малорусск. политич. сатира на Польшу по поводу ея раздѣла	85	4	791

	Годъ.	Книги №	стр.
Малорусск. пѣсни по латыни.—Ив. Новицкаго. . .	85	7	516
Новелла Боккачьо въ южно-русск. стихотв. пересказѣ XVII—XVIII ст.	85	6	275
Обманутый солдатъ (стихотв.).—Сооб. А. Я. Креминскій.	82	6	556
Образчикъ малорусск. эпитафіи XVIII в.—Ал. Маркевича.	83	6	393
Образчикъ старин. малорусск. эпитафіи.—Сооб. А. Лазаревскій	85	5	180
Образцы обличительной литературы въ Малороссіи.—П. Ефименка.	82	3	538
Отголоски русско-польск. борьбы XVII в. О. Л—го.	87	3	575
Отчетъ гласнаго 1865 г.	86	2	414
Панегирикъ Кочубеямъ.—Съ пред. В. Каллаша . .	87	6—7	495
Пекельный Марко (нар. лег. въ стих. перел.).—Сооб. П. Зуйченко.	85	8	682
Процессъ стариннаго церковнаго суда, выраженный въ малорусск. междометіяхъ.—Льва Мацѣевича	82	1	222
Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей (литер. памятн. 2-й пол. XVIII в.) съ пред. Н. П. Петрова.	82	2	313
Современ. стихи на измѣну Мазепы	83	7	596
Сонъ пресв. Богородицы по списку генер. войск. судьи Саввы	87	10	357
Стихотворный памятникъ нашествія шведовъ на Украину.—К. А. Ставровскаго.	83	3	688
Судъ Божій надъ душой грѣшника (южно-рус. драма конца XVIII в.) съ пред. Ц. Г. Неймана. . .	84	6	286
Суплика, або замыслъ на попа.	85	3	543
Шуточные стихи нач. XVIII в.—Сооб. В. Науменко.	85	9	175
Южно-русск. спис. Александріи к. XVIII ст.—В. Каллаша.	87	10	377

Б) Беллетристика.

Вѣдьма (полѣсск. разск.).—Элизы Оржешко (съ пол.).			86	2	279
—	—	—	—	4	684
—	—	—	—	5	79

	Годъ.	Книги №	стр.
Тоже — — —	86	7	190
— — —	—	8	693
— — —	—	9	81
„Довбушевъ кладъ (сущул. легенда).—Ос. Федьковича.	86	8	739
Иванъ Подкова. Ист. разск. (съ польск.)	85	10	243
Кармелюкъ (пер. съ польск.)	86	3	495
На Шпаковомъ шляху.—Разск. д—ра Антонія І. (съ польск.)	87	4	693
Новод. разсказъ Г. О. Квитки	87	1	91
Неизданныя произведенія Т. Г. Шевченка:			
I. Сябки (поэма)	86	6	307
II. Варнакъ	—	7	110
III. Наймичка (повѣсть)	—	8	577
—	—	9	1
IV. Близнецы	—	10	199
—	—	11	409
—	—	12	589
V. Художникъ	87	1	1
—	—	2	193
—	—	3	385
VI. Капитанша	—	4	589
—	—	5	1
VII. Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали	—	6—7	269
—	—	8	589
—	—	9	56
Бесталанный. Поэма	87	11	557
Музыканты. Пов.	—	12	627
Княгиня (разск.)	84	3	391
Отрывокъ изъ драмы „Никифоръ Гандзя"	87	10	277
Сава Чалено.—І—ра Антонія І. (съ польск.)	87	11	171
Старосвѣтскіе батюшки и матушки (Повѣсть изъ быта укр. дух. 20-хъ гг. нынѣшн. ст.).—Н. Левицкаго	84	1	83
— — —	—	5	88
— — —	—	6	267
— — —	—	8	655

	Годъ.	Книги: №	стр.
Тоже — — —	84	12	586
— — —	85	1	133
— — —	—	8	631
— — —	—	9	85
— — —	—	11	466
Страшный Іосифъ (пер. съ польск.)	83	9—10	39
Судьба красавицы.—Д—ра Антонія І.	87	1	99
Украинскій Соломонъ, его кейфъ и судъ (По фам. воспом.).—Ст. фонъ-Носа.	83	7	492
Украинскія женщины. Истор. разсказы д—ра Антонія І. (пер. съ польск.)	83	6	268
Два стихотв. П. П. Гулака-Артемовскаго.—Сооб. П. П. Сокальскій.	87	12	799
Изъ ненад. стихотвореній д—ра Руданскаго.	83	2	471
Любечь.—Стих. Плотникова.	87	9	197
Ненад. стихотв Е. П. Гребенки.—Сооб. М. Комаровъ.	86	9	176

В) Исторія литературы

Г. Ѳ. Квитка—Основьяненко. Ист.-лит. очеркъ.—П. Маркова.	83	6	193
Царь пятьдесятницы и наши первоучители.—Рѣчь Ор. Миллера.	85	9	31
Иннокентій Гизель.—Н. Ѳ. Сумцова	84	10	183
Іоанникій Галятовскій.—Н. Ѳ. Сумцова.	84	1	1
— — —	—	2	183
— — —	—	3	271
— — —	—	4	565
Іоаннъ Вышенскій.—Н. Ѳ. Сумцова.	85	4	649
Кириллъ и Меѳодій—просвѣтители славянскіе.	85	4	1
Къ вопр. о южно-рус. апокрифахъ.—О. А.	87	12	775
Къ исторіи галицко-рус. письменности.—И. Г.	83	8	645
Малоизв. пояснен. къ Кобзарю Шевченка.—А. Г.	87	3	583
Малорусск. пѣсенникъ XVIII в.—Ц. Неймана.	84	5	153
Мицкевичъ въ малорусск. передѣлкахъ и переводахъ.—П. Новинскаго.	85	12	747
На память 1000-лѣтія годовщины славянск. просвѣтителей.—Ѳ. Успенскаго.	85	5	107

	Годъ,	Книга №	стр.
Находка въ обл. старин. южно-русск. письменности.—О. Ловицкаго.	86	3	598
Нѣжинск. журналъ Н. В. Гоголя.—С. Пономарева.	84	5	143
Отвѣтъ на вопр. о малорусск. одахъ изъ временъ Наполеон. войнъ.	86	4	809
Очерки исторіи южно-русск. апокрифич. сказаній и пѣсенъ.	87	6—7	245
— — —	—	9	1
— — —	—	11	401
Очеркъ литерат. дѣятельности А. Я. Стороженка.—П. С—ка.	86	5	1
— — —	—	8	639
— — —	—	10	299
— — —	—	11	445
Слобод.-украинск. дворянство въ произведеніяхъ Г. Ө. Квитки.—Н. Ф. Сумцова.	84	6	201
Старинныя возрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ.—Н. И. Житецкаго.	82	11	277
Характеристика южно-русской литературы XVII в.—Н. Ф. Сумцова.	85	1	1

IX. Театръ и музыка.

Вертепъ въ Духовщинѣ.—Алекс. Тарнавскаго	83	3	659
Вертепъ въ купянск. у. хар. г.—Ал. Селиванова	84	3	512
Куплетныя формы народ. южно-рус. пѣсни.—Ц. Г. Цеймана	83	8	659
Къ исторіи театра въ юго-зап. краѣ	85	7	458
„Мазепа" г. Чайковскаго.—В. Г.	86	12	759
Малорусскій вертепъ.—Гр. Н. Галагана, съ пред. П. И. Житецкаго	82	10	1
Нотная часть вертепной драмы (въ приложеніи)	82	10	
О музыкѣ думъ и пѣсенъ Остапа Вересая.—А. К—ского	82	8	283
Отживающая или начальная форма „вертепной драмы"?—О. Пч.	83	4	903
Старинный южно-русск. театръ и въ частности вертепъ.—И. Петрова.	82	12	438

	Годъ.	Книга №	стр.
Старѣйшія русск. драматич. сцены.—П. Кузьмичевскаго	85	11	371
„Царь Максимиліанъ" въ Ковлѣ.—И. Б.	87	12	798

X. Смѣсь.

Администр. распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра.—И. Ефименка	83	7	583
Бенефисъ для малороссійскаго дворянства	82	4	473
Бывало и теперь (въ пох. 1812 г.).—С. П.	86	4	812
Волынская бывальщина.—П. О.	84	1	165
— П. А. Шафарука	85	2	385
— П. О—ва	86	4	818
— — —	—	6	368
— — —	87	10	384
Волынская полоненница XVI в.—Сообщ. А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій	87	5	200
Вулканъ въ Тавридѣ въ к. XVIII ст.—Сообщ. С. П. П.	85	3	580
Вызывающее сообщеніе.—Т. Зиньковскаго	83	8	773
Гетманское приглашеніе на свадьбу	82	12	613
Гетманъ Разумовскій въ нуждѣ.—А. Т.	86	9	182
Греческ. музы въ малорусск. изображеніи (съ рис.)	84	4	709
Два слова о папѣ каневскомъ.—П. Новицкаго	85	11	554
Добавленія и поправки постоян. читателя Кіевской Стар.—Н. Бѣлозерскаго	84	5	146
Добрый починъ.—В. Г.	87	10	379
Древній способъ публикаціи.—Ив. Новицкаго	82	3	597
Дѣдушкинъ вексель (изъ дѣтск. воспом.).—Крест. Ив. Савченка	84	5	158
Еще отписка о рожденіи урода.—В. Н. Ястребова	86	8	756
Еще свѣдѣніе о дикомъ попѣ.—А. Л.	87	11	577
Изъ воспом. о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—Ф. П—на	85	1	200
Изъ временъ польск. возстанія.—П. Ревы	85	4	790
Изъ записной книжки.—Н. В.	86	2	398
— — —	—	3	621
— — —	—	4	814

	Книги Годъ.	№	стр.
Изъ записной книжки.—Н. В.	86	5	178
— М. Комарова	87	3	579
Изъ письма въ редакцію.—Сообщ. М. Васильевъ	85	1	205
Изъ прожитыхъ на Волыни дней.—Н. Костомарова.	84	2	325
Исповѣдь Маргаса.—Сообщ. свящ. І. Борковскій.	86	3	625
Историч. средство противъ конокрадства.—Сообщ. А. Маркевичъ.	84	7	546
Исчезнувшія и исчезающія южной Россіи животныя.—М. Левченка	82	8	373
Какъ разсудилъ н. староста каневскій.—Б. П.	85	10	367
Картина В. Е. Маковскаго „мать и дочь".—Н. С.	87	1	165
Картины малорусск. содержанія на 4-й передв. выставкѣ акад. худож.—С.	87	6—7	555
Кн. Яблоновскій въ неловкомъ положеніи.—П. Л.	83	5	181
Компаненскія иголки	82	2	425
Курта (пастушья собака).—Ст. фонъ-Носа	82	8	385
Курьезный бракъ.—Notus'a	82	5	349
Малороссія на передвижн. худож. выставкахъ.—Н. С.	85	8	597
На пути въ Іерусалимъ.—W.	87	5	204
Невольное переселеніе и тоска по родинѣ, какъ подозрительное чувство.—Ст. фонъ-Носа	82	7	189
Необычная застава.—О. Л.	82	7	192
Непривившійся на полтавской почвѣ ревень.—О. Ни—ка	83	8	764
Нѣмецк. тринкгельдъ на южно-русск. почвѣ.—С. Бѣлинскаго	85	1	191
Нѣск. словъ польск. рецензенту малорусск. книжекъ.—Б. Познанскаго	86	12	737
Нѣчто о дикомъ попѣ.—Сообщ. Л. Мацѣевичъ	86	4	821
О дикихъ лошадяхъ въ херс. губ.—А. Рудковскаго	82	11	391
Одинъ изъ протестовавшихъ.—П. Ефименка	82	3	602
Отчего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ?—А. Л.	83	4	893
Панская блажь.—К. Ц.	84	8	742
Панская „пыха".—О. Л.	87	9	195
Пасѣка Б. Хмельницкаго.—О. П. Левицкаго	82	7	174
Переобмундированіе воронежск. чиновниковъ конца XVIII ст.—Сообщ. П. Е—ко	86	7	575

	Годъ,	Книги №	стр.
Письмо въ редакцію.—А. Ганцука	83	11	517
Письмо изъ Вѣны о кафельномъ производствѣ въ Галиціи.—І. Окуневскаго	83	2	473
Письмо къ другу отъ офицера изъ Кіева.—В. Ястребова	85	11	543
Польск. привѣтствіе Наполеону I.—Сообщ. С. П. П.	85	7	514
По поводу картины С. П. Васильковскаго.—Д. П. Яворницкаго	86	1	184
Поѣздка въ Бѣлую Церковь.—Н. Костомарова	82	5	241
Преслѣдованіе лантей колонизаторами Новороссіи	86	8	754
Путевыя замѣтки П. Д. Иванишева.—О. Л.	82	10	78
Разновидности маршѣванья и ганчуковой горѣлки	83	9—10	227
— — —	—	12	637
Распродажа въ винницкомъ замкѣ.—В. Горленка	84	10	361
Ребяческ. забава въ серьезн. минуту.—В. О.	84	5	168
Роковое чтеніе псалтири (изъ быта кіевск. „студентъ“).—Кс. Цыбульскаго	84	2	336
Рѣчь М. А. Максимовича надъ гробомъ ген.-фельдм. кн. Сакена	87	10	331
Сабля Мазепы.—А. Л.	83	1	213
Сп. мурю въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали.	82	10	180
Семейн. драма въ уманск. воен. поселеніи.—В. Лелета	86	5	181
Скоромная водка.—Notus'a.	82	1	220
Служебн. отписка по поводу рожд. урода.—Сообщ. П. Дорошенко	86	7	562
Старинныя поздравленія и выборы.—О. Ни—ка	83	2	465
Судьба наслѣдства полк. Некры.—Сообщ. А. Лазаревскій	83	11	519
Традиціон. промыселъ харьк. конарей.—А. Т.	86	6	364
Ура безъ двухъ буквъ.—Ив. П. Савченка	84	12	749
Французъ-путешественникъ на Украинѣ.—В. Г—ка.	85	12	749
Харьковскій Вертеръ.—А. Барымова	83	5	49
Хмельницкій въ представленіи Кромвеля	82	1	212

	Годъ.	Книги №	стр.
XI. Библіографія.			
Библіограф. замѣтка.—Сообщ. И. Н. Божеряновъ	86	2	419
— извѣщеніе.—Г.	85	2	415
— указатель матеріал. для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка.—М. Комарова.	86	3	570
— — — —	—	4	778
25-лѣтіе Херс. Епарх. Вѣдомостей.—В. Истребова	85	10	342
Дополненіе къ библіогр. указателю матеріал. для изуч. жизни и произвед. Т. Г. Шевченка.—М. Комарова.	87	5	180
Дополненія къ „Покажчику нової украінської литературы" М. Комарова.—М. Гаврилова.	83	9	748
Журн.-газет. статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—О. Н.	85	1	206
Журн.-газетн. статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—О. Н.	85	3	597
По пов. 25-лѣтія „Филолог. Записокъ".—Н. С.	87	3	586
„Труды этногр.-статистич. экспедиціи" Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобн.—В. Г.	84	2	349
Указатель книгъ и статей по исторіи южной Россіи за 1881 г.	82	1	199
Черниг. губ. вѣд. на нынѣш. годъ и новые въ нихъ истор.-этнограф. матеріалы.—L.	86	8	746
Юбил. изд. въ нам. 300-лѣтія львов. ставропиг. братства.—Я. Г.	87	5	198
XII. Рисунки, карты, планы, портреты и статьи о нихъ.			
а) Рисунки, карты и планы.			
Видъ Дунавца.	83	4	—
Видъ великой церкви кіево-печерской лавры и пещеръ 1623 г.	86	6	—
Два вида и планъ великой церкви въ кіево-печерской лаврѣ.	86	7	—
Забавная родословная	82	1	—

	Годъ.	Книги №	стр.
Карта Задунайской Сѣчи	83	1	—
Кіевская академія и ея студенты	82	2	—
Ожерелье Домны Роксанды Хмельницкой	87	5	—
Малороссійской печати	87	9	—
Планъ Задунайской Сѣчи	83	4	—
Рисунокъ вертепнаго ящика	82	10	—

б) Портреты.

Адама Киселя	85	8	—
Анны Ярославны	84	7	—
Бортнянскаго	85	7	—
Жены Гонты	83	9—10	—
Ивана Гонты	82	11	—
Ипатія Потѣя	84	9	—
И. С. Мазепы	87	1	—
Кирилла Терлецкаго	84	10	—
Княгини Софіи Острожской	83	12	—
Кн. Константина Острожскаго	83	11	—
Петра Могилы	82	4	—
Полковн. Ил. Ѳед. Новицкаго	86	9	—
Раины Могилянки княгини Вишневецкой	87	11	—
Саввы Туптала	82	7	—
С. Я. Ширая	87	10	—
Хмельницкаго	82	1	—

в) Статьи.

Еще объ одномъ портретѣ кисти Боровиковскаго.— В. Чеважевскаго	84	11	544
Еще о портретѣ Мазепы.—Анд. Цымбалистова	87	2	370
Загадочные портреты.—Д. Сапожникова	84	8	732
Загадоч. портр. Шевченка.—А. Бабича	87	6—7	577
Къ портрету Адама Киселя	85	8	745
— — Анны Ярославны	84	7	555
— — Д. С. Бортнянскаго.—И. Божерянова	85	7	521
— — Ипатія Потѣя	84	9	180
— — И. Ѳ. Новицкаго	86	9	194
— — Кирилла Терлецкаго	84	10	366
— — княгини Софіи Острожской	83	12	714

	Книга Годъ.	№	стр.
Къ портрету князя Конст. Острожскаго	83	11	523
— — Мазепы	87	1	188
— — Петра Могилы	82	4	175
— Сав. Григ. Тунгало	82	7	194
С. Я. Ширая	87	10	398
— Хмельницкаго	82	1	226
Ненаучн. пріемы въ научн. дѣлѣ.—К. Цыбульскаго	87	2	377
О портретахъ Мазепы	83	7	594
По поводу портрета жены Гонты	83	9—10	326
Портретъ Гонты.—Н. Добротворскаго	85	8	736
Старинные малороссійск. портреты.—А. Лазаревскаго	82	7	337
— — — —	—	10	173
—А. С—ка	82	9	577
—В. Горленка	82	12	602

XIII. Рецензіи.

Акты Воронежскіе. Матеріалы для исторіи воронежской и сосѣднихъ губерній. Изд. Воронежск. статистич. Комитета. Т. I. Воронежъ. 1887.—Т. Шнейдера	87	11	559
Акты, издав. виленскою археографич. коммиссіею. Т. XII.—Акты главнаго литовск. трибунала. В. 1883. XX+651—67.—В. М.	83	7	563
Акты, издаваемые виленскою археографич. коммиссіею. Т. XIII.—Акты главнаго литовск. трибунала. В. 1886. И. Каманина	86	11	558
Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи и изданные археографич. коммиссіею. Т. XII. Спб. 1882.—В. А.	82	9	555
Александровъ Вл. Складка. Альманахъ Року Божого 1887. Харьк. 3.	87	5	172
Александровичъ М. Н. Остерскій уѣздъ. Историч. описаніе. Ч. I. До окончанія смутъ въ Восточной Украинѣ. Кіевъ. 1881. 8° 109 стр.	82	1	204
А. А. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевск. Губернск. Правленія. Издалъ редакторъ неоффиц. части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". К. 1882.	82	1	203

	Годъ.	Книги №	стр.
А. А. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевск. Губернск. Правленія, выпускъ 2-й. Издалъ редакторъ неоффиц. части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". К. 1882 г. А.	82	7	171
А. А. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевск. Губернск. Правленія. вып. 3 Изд. редакторъ неоффиц. части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". К 1882.—Ив. Новицкаго	82	11	354
Андріевскій А. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевск. Губерн. Правленія (Сост. ред. неоф. ч. „Кіев. Губ. Вѣд."). К. 1882.—В. А. . . .	83	3	651
Андріевскій А. Историческіе матеріалы изъ архива Кіев. Губерн. Правленія. Вып. 5. К. 1883.—В. А.	83	11	493
Андріевскій Ал. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевск. Губерн. Правленія. Вып. 6. К. 1884. 225 стр.—П. Н.	84	7	523
Андріевскій Ал. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевск Губернск. Правленія. Вып 7. К. 1884.—К. Цыбульскаго	84	12	719
Андріевскій Ал. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевск. Губ. Правленія. Вып. 8. К. 1885.—П. Каманина.	85	5	137
Андріевскій Ал. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевск. Губ. Правленія. Вып. 9. К. 1885.—К. Л.	85	10	329
Андріевскій Ал. Историческіе матеріалы изъ архива Кіевск. Губ. Правленія. Вып. 10. К. 1886.—К. Цыбульскаго.	86	4	789
А. А. Андріевскій. Матеріалы для исторіи южнорусскаго края XVIII стол. (1715—1794), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ Кіевск. Губ. Архива и изданные Имп. од. общ. исторіи и древностей. Од. 1886.—П. Каманина.	86	9	155
Андріевскій А. Историческая записка, составленная ко дню 50-лѣтняго юбилея Златопольской прогимназіи, въ августѣ мѣсяцѣ 1887 г. К. 1887.—В. П.	87	11	557
Андріевскій М. А. Козацкая дума о трехъ Азов-			

	Годъ.	Книги №	стр.
скихъ братьяхъ въ пересказѣ съ объясненіями, разборомъ и картою. Од. 1884 (8°, 82 стр.).—П. Неймань.	84	5	130
I. Antoni D—r. Z przeszłości Polesia Kiewskiego. Warsz. 1882.—В. А.	82	10	149
I. Antoni. D—r. Opowiadania historiczne—seryа 3. T. 1—2. Warsz. 1882. В. А.	82	12	569
I. D—r Antoni. Niewiasty kresowe. Warsz. 1883.—В. А.	83	4	873
Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. Т. I. К. 1885.—П. Каманина.	85	6	318
Антоновичъ В. Б. 1) О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ Подольской губ. Одесса 1886.—2) Слѣды металитическихъ построекъ въ Украинѣ. Львовъ. 1886.—П. Голубовскаго.	87	10	369
Антоновичъ В. Б. и Бецъ В. А. Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Вып. I. По коллекціи В. В. Тарновскаго. К.	83	4	678
Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М. 1882.—Дм. Багалѣя.	82	7	160
Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. I. Т. VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648). К. 1883.—П. Каманина.	84	12	708
Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіев. Под. и Вол. Генералъ-Губернаторѣ. Ч. VII. Т. I. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. К. 1886.—П. Каманина.	87	8	752
Багалѣй Дмитрій. Исторія сѣверской земли до половины XIV стол. Кіевъ 1882.—П. Голубовскаго.	82	6	519
Багалѣй Д. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московск. государства въ XVI—XVIII стол. Изд. Историко-филологич. общества при Имп. Харьк. Универ. Харьковъ. 1886.—В. А.	86	3	522

	Годъ.	Книга №	стр.
Barącz K. Sadok. Wiadomość o malarzach bazyliańskich. 1882. № 3, 4. Przegląd bibliograficzno-archeologiczny.—Нк. Н.	82	5	323
Барбашевъ А. Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы (1410). Спб. 1885.—Н. Каманина.	85	9	118
Барвінський Волод. Споминки про життє и дѣяльность.—Львовъ. 1884.—В. Г—ка.	84	4	189
Барвінський Ол. Исторія Русп. Ч. IV. Львовъ 1882. Коштомъ и заходомъ товариства „Просвѣта". Цѣна 16 кронперовъ.—В. А.	83	3	649
Барвінський Ол. Исторія Русп. Ч. V. Львовъ. 1884. 16° 96 стр.—В. А.	84	8	708
Барсуковъ А. Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. Спб. 1885.—К. Цябульскаго.	85	10	326
Барсуковъ А. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—84. Н. Каманина.	85	10	318
Батюшковъ П. Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забужья. Изд. II. Спб. 1887.—К. Цябульскаго.	87	11	549
Бахталовскій Георгій. Посадъ Вилковъ. Историко-статистич. и бытовой очеркъ. Кишиневъ. 1881. Гр. Д—ка.	82	8	358
Бестужевъ-Рюминъ К. Русская Исторія. Т. 2. вып I. Спб. 1886.—Н. Каманина.	86	1	167
Беретти А. О строющемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. Кіевъ 1884.—А. К.	84	6	323
Бершадскій С. А. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи. (1388—1569) Спб. 1883.—В. А.	83	12	665
Бибериштейнъ гр. Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Кам.-Под. 1881.—Н. П.	82	5	321
Бобринскій Гр. Ал. Курганы и случайныя археологическія находки близъ Смѣлы. Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ. Спб. 1887.—В. Истребова.	87	10	361

	Книги Годъ,	№	стр.
Bonnel Ernest. Beiträge zur Alterthumskunde Busslands von den ältesten Zeiten bis um das Iahr 400 nach Chr. hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und lateinislhen Schriftsteller. Erster Band. St.-Peterburg. 1882.—В. А. . .	82	7	167
Boniecki. Ad. Poczet rodów w wielkiem Księstwie Litewskiem w XV и XVI wieku Warsz. 1887.—О. Левицкаго	87	6—7	525
Бразоль Григорій. Объ учрежденіи волостныхъ и сельскихъ судовъ. Замѣна ихъ мировыми судебными учрежденіями. Харьк. 1886.—И. Каманина . .	86	6	342
Будиловичъ А. Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изд. импер. варшавскимъ университетомъ къ 6 апр. 1885 г. подъ ред. орд. проф. Будиловича. Варш. 1885.—И. Каманина	85	7	491
Буковинскій альманахъ. Черновцы. 1885.—Л—тъ. .	86	7	735
Буцинскій П. П. О Богданѣ Хмѣльницкомъ. Хар. 1882. 8° 240	83	1	183
Буцинскій. О Богданѣ Хмѣльницкомъ. Хар. 1882.—В. Антоновича	83	2	417
Будиловичъ Александръ. Русская православная стастарица въ Замостьѣ. Изд. холмскаго св. Богородицкаго братства Варш. 1886.—П. Голубовскаго	86	9	151
Бучневичъ В. Е. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полт. 1882.—Ив. Матченка	83	5	161
Васильчиковъ. А. А. Семейство Разумовскихъ. Т. IV. Спб. 1887.—W.	87	4	760
Виленскій календарь на 1885 г. Вильна. 1884.—И. Каманина	85	4	760
Виленскій календарь на 1886 г. Вильна. 1885.—И. Малышевскаго.	86	2	375
Виленскій календарь на 1887 г. Четвертый годъ изданія. Вил. 1886.—И. Малышевскаго . . .	87	2	349
Виноградовъ В. К. Ѳеодосія. Историч. очеркъ. Ѳеод. 1884.—И. Каманина	85	5	145
Владимірскій-Будановъ. М. Ф. Исторія университета			

	Годъ.	Книги №	стр.
св. Владиміра. Т. I. Университетъ св. Владиміра въ царствованіе императора Николая I. Кіевъ. 1884.—К. Цыбульскаго	84	11	512
Владиміровъ. М. М. Первое столѣтіе города Екатеринослава, 1787 г. 9 мая—1887 г. Матеріалы для историч. очерка. Екатеринославъ 1887 г.—В. О.	87	12	761
А. В—новъ и В. Антоновъ. Памятная книжка кіевской епархіи. (Кіевскій епархіальный календарь). Кіевъ. 1882.—Н. П.	82	8	340
Де-Волланъ. Угро-русскія народныя пѣсни. (Зап. Имп. геогр. общества. По отдѣлу этнографіи. Т. XIII. вып. I). Спб. 1885.—В. Горленка	86	1	168
Wolff J. Ród Gedymina. Dodatki i poprawki do dzieł hr. K. Stadnickiego: „Synowie Gedymina", „Olgierd i Kiestut", i „Bracia Władysława Jagiełły". Krak. 1886.—Н. Каманина	—	11	553
Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. Вор. губ. стат. комитета. Вор. 1886 г. Т. I—II.—Н. С.	87	3	550
Головацкій Яковъ. Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ. Вып. 1884. (XXXII+271 стр.). О. Николаичика	84	4	649
Hauzer Leop. Monografia miasta Przemyśla Przem. 1883.—В. А.	83	3	647
Голубевъ С. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. I. Кіевъ. 1883. 1225 стр.—И. Л.	—	8	741
Голубевъ С. Исторія Кіевской духовной академіи. Вып. I. Періодъ до-могилянскій. Кіевъ. 1886.—И. Каманина	87	5	176
Голубовскій Петръ. Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Кіевъ 1881.—Д. Багалѣя	82	2	405
Голубовскій П. Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884.—В. А.	84	7	505

	Годъ.	Книги №	стр.
Городъ Холмъ и его древняя святыня, чудотворная икона Божьей Матери. Изд. Холмско-богородиц. правосл. братства. Варшава. 1882.—Холмскій братчикъ	83	3	653
Горчакова кн. Е. Кіевъ, съ прилож. плана г. Кіева. Москва. 1885.—W.	86	5	150
Гротъ К. Я. Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка. Спб. 1881. 436 стр.—Г. И.	82	2	408
Гумилевскій Филаретъ. Арх. Черниг. Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи. Черниговъ. 7 ч. 1873.—Гр. Милорадовича	83	3	657
Paul Hunvalfy. Die Ungern oder Madyaren. Wien und Teschen. 1881.—П. Голубовскаго.	82	8	335
Гуровъ В. и Бродскій Е. Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей слободской Украины. Харьк. 1884. XVII+IV+705.—Д. Багалѣя	84	8	702
Гуровъ и Бродскій. Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи Харьков. губ. Отвѣтъ на записку Харьковск. Казенной Палаты по тому-же вопросу и извлеченіе изъ такъ наз. старозаимочныхъ процессовъ, производившихся въ судеб. учрежденіяхъ Харьковск. округа. Хар. 1883. 1+89.—Дм. Багалѣя.	84	2	305
Дашкевичъ Н. Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства. Кіевъ. 1885.—П. Каманина.	86	1	164
Демидовъ Санъ-Донато. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883.	84	1	155
Denkschriften der Kaiserlichen akademie der Wissenschaften in Wien. 1884. XXXIV—XXXV. 130 с. Н. Сумцова	85	4	755
Dielitz Rudolf. Gross und Klein-russisch. Aus Ilchester vorlesungen über vergleichende Lexicographie gehalten an der Universität Oxford von Dr. Carl			

	Годъ.	Книги №	стр.
Abel. Im Auftrage des Verfassers aus dem englichen übers. von.—П. Дашкевича. . . .	85	11	524
Дмитріевскій А. Греческіе Нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи. „Прав. Обозр." 1885, и отдѣльные оттиски. Н. В.	85	6	314
Дренякинъ. Бѣлгородъ съ уѣздомъ. Историко-статистическій очеркъ. Харьк. 1882.—В. А.	83	4	173
Добротворскій Н. А. Кустарные промыслы Курской губ. Курскъ. 1886.—П. С.	87	1	177
Добрянскій Ф. Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ. Вильно. 1882.—Н. П.	82	3	564
Dunin-Karvicki Szkice obyczajowie i historyczne Warsz. 1882	82	4	148
Дѣдицкій Б. Литературный сборникъ, издаваемый галицко-русскою матицею. Вып. I. Львовъ. 1886.—W.	86	12	728
Егоровъ А. Екатеринославское блуканіе (1777—1791). Екатеринос. 1887.—Г. З.	87	4	753
Ефименко П. С. Харьковскій календарь на 1884 г. Изданіе харьковскаго губернск. стат. комитета. Хар. 1883. VIII+455+161+41.—Б. Г. . . .	84	2	317
Ефименко П. Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изд. Харьк. губ. статист. комитета. Харьковъ. X+674+128+41 стр.—Дм. Багалѣя	85	3	552
Ефименко П. Харьковскій календарь на 1886 г. Годъ XIV. Съ видомъ г. Харькова въ началѣ XIX ст. Изд. губ. стат. комит.—О. Н. . . .	86	2	377
Ефименко П. С. Харьковскій календарь на 1887 г. и Харьковскій сборникъ (литературно-научное приложеніе къ календарю). Изд. Харьк. губ. статист. комитета.—Д. Чеп—аго	87	3	558
Живописная Россія. Т. III. Спб. 1883. (Литва и Бѣлоруссія, соч. Киркора)	84	8	681
Жуковскій В. П. Юмористическіе разсказы и сцены			

	Годъ.	Книги №	стр.
ить малорусского народнаго быта. Кіевъ. 1884.—Г—ка	84	1	154
Заклинскій Корнило. Сношенія императора Рудольфа съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ Угро-Турецкой 1592—94 г. Львовъ. 1882.—В. А.	83	1	181
Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XIII. Съ VI литограф. листами. Од. 1883. 294 стр.—И. Л.	87	6	320
Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XIV съ 6 литографированными листами. Од. 1886.—И. Каманина	86	11	555
Zachariewicz I. i Szaraniewicz I. Wycieczka do Zalukwi, Halicza i na Krylos. Lw. 1882.—В. А.	83	4	876
Sichler Leon, Histoire de la litterature russe depuis les origines jusqu'à nos jours. Par. 1886. IX+340—В. Каллаша	87	6—7	530
Zmygrodzki (von) Michael. Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes. München. 1886. Н. Н. Чернышева	87	9	159
Ивановъ Д. Л. Вліяніе русской колонизаціи на природу Ставропольскаго края. (Изв. Имп. русск. геогр. общ.). 1886. Т. III, ст. 225—255).—И. С.	86	12	735
Извѣстія Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1880—84 года съ приложеніями. Спб. 1885.—И. Каманина	—	5	156
Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ 1885.—Н. Голубовскаго	85	11	532
Ильинскій В. Опись актовой книги Кіевскаго центральнаго архива (оффиціальное изданіе архива). К. 1882.—В. А.	82	12	572
1) Ильяшевичъ Л. Шебелинскій бунтъ. 2) П. П. Сокальскій. Къ исторіи русской музыки П. П. Сокальскаго (Харьк. губ. вѣдомости. 1887. № 62—63 и 100).—С.	87	6—7	532
Иловайскій Д. Розысканія о началѣ Руси. Изд. 2 испр. и дополн. съ приложеніемъ вопроса о Гуннахъ. Москва. 1882.—Н. П.	82	9	557

	Годъ.	Книга. №	стр.
Иловайскій Д. Дополнительная полемика по вопросу варяго-русскому и гунно-болгарскому. М. 1886.—Н. Голубовскаго	86	6	315
Илляшевичъ Л. В. Краткій очеркъ исторіи Харьковск. дворянства. Харьк. 1885.—И. Каманина.	85	11	520
Іосифа митр. литовскаго. Записки, изданныя Императорскою Академіею Наукъ по завѣщанію автора. Т. I. II и III. in—4°. Спб. 1883.—А. К.	84	7	511
Карпан Ив. Три пьесы. Херс. 1886.—Г. . . .	87	2	342
Квитка Основьяненко. Малороссійскія повѣсти. Харьк. 1887.—С.	87	10	366
Kolberg Oscar. Pokucie. Obraz etnograficzny. Krak. I 1882. II. 1883.—Ц. Неймана.	84	3	482
Kolberg Oscar. Pokucie. Obraz etnograficzny. T. II. Kraków.—Ц. Неймана	84	5	126
Комаровъ М. Покажчикъ новоi Украiнськоi литератури (1798—1883). Кiевъ, 1883. (4—74 стр.).—В. Науменка	83	4	867
Константиновичъ Н. Обозрѣніе румянцевской описи Малороссіи вып. IV (дополненіе). Оттискъ изъ №№ 38—41 „Черниг. Губ. Вѣдом." 1884. Черн. 1885. 58 стр.—Дм. Багалѣя	85	5	149
Костомаровъ Николай. Богданъ Хмельницкій. Историч. монографія. Изд. 4, исправл. и дополн. Спб. 1884. Т. 1—3.—В. А.	84	6	315
Костомаровъ Н. Эллина Таврида. Историч. драма въ 5 дѣйств. Спб. 1884.—В. Г—ка	84	9	137
Корвинъ-Піотровскій. К. В. Календарь Черниговской губ. на 1887 г. Годъ 2. 1016 стр.—Ѳ. Николайчика	87	4	756
Корольковъ Константинъ. Столѣтній юбилей Екатеринослава. 9 мая 1787—1887 г. Екатеринославъ 1887.—В—о.	87	12	711
Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 г. Изд. Л. Майковъ. Спб. 1884.—Н. Ѳ. Сумцова	85	8	554
Kraczewski. Cet czy licho? (powieść historyczna z końca XVII w.). Warz. 1864. T. I. II.—S.	84	3	487

	Годъ.	Книга №	стр.
Кулишъ П. А. Хуторна поэзія и Краинка. Львовъ. 1882. — П. П.	82	6	569
Кулишъ П. А. „Байда князь Вишневецкій". драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Спб. 1885.—А. Стоповича	85	9	131
Кулябка С. П. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (по книгѣ Чалого и по Кобзарю). Кіевъ. 1884.— В. Г—ка.	83	12	675
Къ новоселью городской публичной библіотеки въ Одессѣ. (1829—1883). Од. 1883	84	3	491
Лазаревскій А. Историческіе очерки селъ конотопскаго уѣзда. Юговосточная часть уѣзда. Черниговъ. 1886 г.—О. Левицкаго	87	10	308
Лебедевъ А. С. Историческія розысканія въ южнорусскихъ архивахъ. Вып. I. Москва. 1886 г.— В. С.	87	6—7	528
Лебедевъ А. С. Историческія розысканія въ южнорусскихъ архивахъ.—М. 1885 г. —Н. Каманина.	86	12	732
Л. П. Г. Описаніе кіево-софійскаго каѳедральнаго собора. К. 1882 г.—Н. П.	82	5	319
Л. П. Кіево-Михаиловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ 1885 г.— Н. Каманина.	85	4	765
Л. П. Городъ Чернобыль (Кіевск. губ.) описанный отставнымъ военнымъ. Кіевъ 1884 г.—В. Г—ка.	84	1	149
Лонгиновъ Ар. Памятникъ древняго православія въ Люблинѣ—православный храмъ и существовавшее при немъ братство. Варшава 1883 годъ.	86	9—10	299
Лонгиновъ А. В. Червенскіе города. Историческій очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червонной Руси. Варш. 1885 г.—П. Голубовскаго.	86	5	146
Лучицкій И. Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII вѣкѣ (Отеч. записк. 1882 г. ноябрь.—Д. Багалѣя.	82	2	409
Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобереж-			

	Годъ.	Книги №	стр.
пой Украйнѣ XVIII в. (полт. губ.). Кіевъ 1884 годъ.—Д. Багалѣя.	84	9	141
Любовичъ П. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи (по неизданнымъ источникамъ). Варшава 1883 г. 347+XXIX стр.	84	3	477
Л. М. Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ, въ кишиневской духовной семинаріи съ портретомъ его. Кишиневъ. 1882 г.—Л. Т. .	82	12	576
Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. Исторія русской церкви. Т. X. Спб. 1881—М.	82	3	576
Макарій, митрополитъ московскій. Исторія русской церкви. XI. Спб. 1882. Патріаршество въ Россіи книга II—М.	82	4	149
Макарій—высокопреосвященнѣйшій митрополитъ московскій и коломенскій. Москва, 1882 г.—Л. Т.	82	11	576
Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. Исторія русской церкви Т. XII. Спб. 1883 (съ портретомъ покойнаго автора)—Т—скаго. . .	83	5	155
Малорусскія изданія 1882 года: 1) Бабуся зъ того світу, оповідання про померши души. 2) Дві казки: I. Півпівніка, гышпаньска дітска казочка, по нашому росказавъ Панько Казюка; II, Цыганъ—урывокъ изъ казки П. А. Кулиша. 3) Байки Леонида Глібова. 4) Байки по Крылову М. Старицького. 5) Сорочыньскій ярмарокъ переклавъ М. Старицькій. 6) Риздвяна нічь, музыкальна комедія въ 4 діяхъ, текстъ и вірші М. Старицького, муз. Лысенка. 7) Простакъ, або хытрощи жінкы перехитрени москалемъ кум. В. О. Гоголя. 8) Орыся, идиллія П. А. Кулиша. 9) Не можно бабі Парасці вдержатись на селі.—И. Левицького 10) Благословить бабі Палажці скоропостижно вмерти.—Его-же. 11) Дві московкы.—Его-же. 12) Катерина. Т. Шевченка 13) Де що про свитъ Божій.—В. Г—ка	83	6	353
Малорусскія изданія 1882 года: 1) Збірныкъ			

	Книги Годъ.	№	стр.
творивъ М. Л. Кропывницького 2) Оповидання про комахъ О. Степовыка. 3) Про дифтеритъ, або обкладкы М. Хвыдоровського 4) За злыми людьми и хата не згорыть. А. Грабины и 5) За крашанку—писанка Даныла Слінченка-Мордовца	83	11	184
Малорусскія литературныя новинки: Наталка Хуторнычка, стихотв. Жарка. Кострицького „Нова громада“. Бораковскаго—„Влюбленный жидъ“, драматич. произвед., „Нива“, „Чортяча Спокуса“. „Утоплена“.—W.	85	12	699
Маркевичъ А. О лѣтописяхъ. Изъ лекціи по русской исторіографіи. Вып. I. Од. 1883.—Н. Голубовскаго	83	8	745
Марковъ (бывш. директоръ черниговск. гимн.) О достопамятностяхъ Чернигова. Черн. 1882 г.—Н. Голубовскаго	83	8	742
Матвѣевъ А. А. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи. Од. 1884.—Н. Каманина.	85	10	324
Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи. Церкви и приходы XVIII ст. Вып. I. Екатеринославъ 1886. 8° 575 стр.	82	3	560
Матеріалы для исторіи подольской губерніи. Выпускъ I.—Изд. Редакціи Подольск. губ. Вѣдомостей. 1885 г.—А. М—чъ	85	8	692
Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губер. Т. II. Елисаветградскій уѣздъ (статистико-экономическое описаніе уѣзда) составлено статистич. отдѣленіемъ при херс. губ. земск. управѣ съ 2-мя картами и 10-ю приложеніями. Херсонъ. 1886.—В. Я.	87	2	339
Межигорская старина. К. 1885, К. Цыбульскаго . .	85	7	497
Межовъ В. И. Русская историческая библіографія за 1865—1876 г. включительно. Т. I и II. Спб. 1882.—Н. П.	82	9	559

	Годъ.	Книги №	стр.
Милорадовичъ графъ. О родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. К. 1871 г. 8° 157 стр. Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. К. 1881. 8° 131 стр.—В. А.	84	10	331
Андрей Степановичъ Милорадовичъ, покоритель Мачина въ 1771 году, губернаторъ черниговскаго намѣстничества († 1791) съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. 2-е. Черниговъ. 1887 г. Лазаревскаго	87	5	171
Михалевичъ И. Каменецъ-подольская гимназія. Историческая записка о 50-лѣтіемъ ея существованіи (1833-1883). К.-Под. 1883. 180+105+131 съ планами.—В. В.	84	6	323
Michow H. Dr. Die ältesten Karten von Russland ein Beitrag zur historischen Geographie. Hamb. 1884—91 (sic).	85	2	367
Мирный П. Новія пом. Частина перша (Рада укр. альманахъ. Кіевъ 1883 г.).—В. Г—ка.	83	6	566
Мирный Панасъ. Збираниця зъ рядного поля. Приповистки, оповідання и драматични твори. К. 1886.—Бориса Познанскаго.	86	7	542
Мордовцевъ Д. Сатанидачныя, историческая повѣсть. Спб. 1882.- В. А.	82	10	135
Мордовцевъ Д. А. Оповіданія. Спб. 1885.—Г.	85	8	698
Moszyńska Józefa Kupajło, tudzież zabawy dovocznе i inne z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej—Cerkwi zebrała i opisała Józefa Moszyńska w Krakowie 1881 in 8°. стр. 78. Ив. Новицкаго.	82	6	527
Мукаловъ Н. Географія кіевской губерніи (учебное пособіе по родиновѣденію). Кіевъ. 1883 г.	83	5	164
Мѣсть В. Т. Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Ренѣ въ связи съ другими современными событіями на Руси. Варш. 1883 г. Фратеркулиса.	83	9—10	293
Мѣстечко Курисово-Покровское (Валой тожe). Статистическое описаніе поселенія, составленное			

	Годъ.	Книги №	стр.
статистическимъ отдѣленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. Од. 1883.—В. А. .	83	11	495
Neyman C. Dumy ukraińskie. Rzecz o eposie kosackim rusinów. 1885.—А. С—ка	86	5	153
Новицкій И. И. Указатель къ изданіямъ кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. т. II. имена географическія. Кіевъ. 1883 г.—О. Л. .	87	7	509
Новицкій Орестъ. Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе, изд. 2, передѣланное и дополненное. Кіевъ, 1882 г.—Н. П.	82	1	140
Оглоблинъ Н. Н. Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа. М. 1884.—А. М—чъ	85	8	696
Огоновскій Омельянъ. Коротка исторія литературы русск.—Н. С.	87	2	345
Одинцовъ И. Уніатское богослуженіе въ XVII и XVIII вѣкахъ по рукописямъ виленской публичной библіотеки. Вильно. 1886.—К. Цыбульскаго	86	12	723
Островерховъ Н. Л. Каменецъ-Подольскъ. стр. 37.—Ив. Н.	82	11	362
Отчетъ Замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства во время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье.—Посторонняго.	83	7	567
Отчетъ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древности съ 14 ноября 1884 г. по 19 ноября 1885. Од. 1886.—И. Каманина	86	6	347
Отчетъ Холмскаго православнаго Свято-Богородицкаго братства за 1884—85 (шестой) годъ.—К. Цыбульскаго	86	7	547
Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высоч. соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Вып. 7. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецк. губ). Спб. 1885 г. (съ приложеніемъ художественнаго альбома) изд. минист. внутр. дѣлъ.—И. Беркута	85	6	307

	Годъ.	Книги №	стр.
Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Батюшковымъ. Вып. VIII. Холмская Русь. (Люблинск. и Сѣдлецк. губерніи варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885.—О. Любовы	86	4	796
Партыцкій Ом. Темна мѣстця въ „Словѣ о полку Игоревѣ", ч. I, у Львовѣ. 1883.—П. Голубовскаго	84	8	710
Perwolf. Polaci a Rusini.—Е. П. К—ой	82	11	143
Петровъ Н. И. Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Кіевъ. 1884.—Г.	84	4	661
Петровъ, командиръ 1 бат. 32 арт. бригады. Бердичевъ.—Ив. П.	82	11	362
Петрушевичъ А. Иванъ Ѳедоровъ русскій первопечатникъ. Историко-библіографическое разсужденіе. Львовъ. 1883 г.	83	12	671
Петрушевичъ А. С. Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. Часть I. Львовъ 1887 г.—К. Шпендеря	87	12	773
Pilat T. d-r. Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych. Wyd. przez biuro statystyczne. Rocznik 6. Zeszyt drugi. Lw. 1881.—Н. Житецкаго.	82	12	574
Писцовая книга пинскаго и клецкаго княжества, составленная Станиславомъ Хвольчевскимъ въ 1552—1555 г. Изд. вил. археограф. коммиссіи. Вильна 1884.—П. Каманина	85	3	564
Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Винцевича 1731—1785. Изд. имп. общ. исторіи и древностей россійск. при московскомъ университетѣ подъ ред. дѣйств. члена Ивана Попова. Москва 1884 г. IV+561.—В. П.	84	10	321
Piaszyńskiego A. majora. Księga pamiętnicza 1769—1793 przepisał dr. Antoni I. Kr. 1881. 8° стр. 53.—Пв. П.	85	5	325
Попко Иванъ. Терскіе казаки съ стародавнихъ вре-			

	Годъ.	Книга №	стр.
менъ. Историческій очеркъ. Вып. I. Гребенское войско. Спб. 1880.—В. А.	82	2	401
Поповъ Илья. Жизнь А. С. Пушкина имъ самимъ описанная 1764—1805. Въ трехъ частяхъ съ предисловіемъ и примѣчаніями. М. 1885 г.—В. Истребова	86	8	727
Потебня А. А. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Варш. 1883 (отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника") 8° по стр 268+VIII.—Ц. Неймана	84	4	657
Потто В. А. Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ Спб. 1887, т. I вып. 1—4, изд. 2.—О.	87	6—7	526
Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Москва. 1887 г.—О.	87	12	766
Пчела Почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ Лавры Почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ со славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціей профессора кіевск. духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ. 1884 г.—С. Голубева .	85	1	157
Przegląd archeologiczny, organ C. K. Konserwatoryum pomników oraz towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie. Zesz 1—3 Lwow 1882. 1883.—Н. Д. .	85	1	167
Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—Г.	85	1	174
Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммиссіею. Т. VII. Памятники полемической литературы въ Западной Руси кн. 2. Спб. 1882.—Ив. Новицкаго.	83	11	481
Русская историческая библіотека издаваемая архео-			

	Годъ.	Книги №	стр.
графическою коммиссіею Т. 8. Спб. 1884.—О. Л.	84	10	328
Самоквасовъ Д. Я. Исторія Русскаго права. Вып. II Происхожденіе Славянъ. Происхожденіе русскихъ Славянъ. Варш. 1884. Стр. X.+145.—О. Мищенка.	84	11	507
Сапуновъ А. Витебская Старина. Вит. 1883. XXII+668 съ портретомъ.—В. М.	83	9—10	287
Сапуновъ А. Витебская Старина. Т. IV съ приложеніями и рисунками въ текстѣ. Вит. 1885 г.—П. Каманина	86	4	780
Сборники Малорусской орнаментики. (Украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-Русская орнаментика Волкова. Южно-Русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; Сборники украинскаго орнамента А. Лисенко, Махно, Квитко и др.).	82	11	565
Сборникъ свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерн. Т. I. Зѣньковскій уѣздъ. Ч. 1—2. Полтава 1882—83 г.—В. Г—ка . .	83	12	677
Сборникъ императорскаго русскаго историч. общества т. 40. Спб. 1884 г.—П. Голубовскаго . .	84	9	148
Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изд. вил. археограф. коммиссіи. Вып. I. (1332—1548). Вильна 1884.—П. Каманина	85	2	357
Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества т. 43. Спб. 1885.—П. Каманина . .	85	8	701
Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества т. 47. Спб. 1887.—П. Каманина . .	85	9	145
Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по екатеринославской губерніи т. II. Бахмутскій уѣздъ. Екат. 1886 г.—П. С.	87	1	155
Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества т. 54. Спб 1886 г.—В. П.	87	8	744
Сениговъ І. О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. Спб. 1884.—П. Голубовскаго . . .	85	3	558

	Годъ.	Книги №	стр.
Скальковскій А. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго на основаніи подлинныхъ документовъ запорожскаго сѣчеваго архива, удостоенная почетнаго отзыва имперъ академіи наукъ. Изд. 3. Ч. I. Од. 1885.—Н. Каманина.	86	4	704
Скальковскій А. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожцевъ. Изд. 3. Ч. II. Од. 1885.—Н. Каманина.	86	8	732
Скальковскій А. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. Изд. 3. Ч. III. Од. 1886.—Н. Каманина	86	10	372
С—ловъ П. свящ. Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь во имя св. Кирилла и Меѳодія въ г. Ченстоховѣ. Вильно. 1881.—П. П.	82	3	572
Соколовъ И. Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Истор. изслѣдов. съ 8 рисунками. Вильно. 1883 г.—К. Ц.	84	2	321
Списокъ церквей и духовенства холмско-варшавской епархіи. Варш. 1886.—К. Цыбульскаго	86	10	374
Срезневскій И. И. Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. Хар. 1883.—В. А.	83	5	167
Старицкій М. Не судилось. драма.—Н. Костомарова	83	9—10	296
Стенъ. Херсонскій литературный сборникъ. 1886—В.Я.	87	1	162
Строевъ. Библіографическій словарь и церковные къ нему матеріалы, приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціей Акад. А. Ѳ. Бычкова. Спб. 1882—И. И.	82	7	164
Сумцовъ Н. Ѳ. Къ исторіи южно-русской литературы XVII столѣтія. Вып. I. Лазарь Барановичъ. Хар. 1884. 183 стр.—Ѳ. Н.	84	11	526
Сумцовъ Н. Ѳ. Хлѣбъ въ обрядахъ и вѣрованіяхъ. Хар. 1885. Н. Каманина	85	5	140
Сѣверный Вѣстникъ 1886 г. № 3 стр. 51—57. Басня Богдана Хмѣльницкаго. Ст. Г. Щ.—А. С—ка.	86	9	158

	Годъ.	Книга N.	стр.
Сѣлецкій А. К. Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія въ 2 ч. Почаевъ 1885 г.—П. Каманина	86	1	161
Барановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4 карт, юго-западнаго края. К. 1882, in 8° 1. стр. 324+2 таблицы+3 большихъ и 1 малая карты.—Вв. П. . . .	82	10	155
Толстой Ив. Ив. гр. Древнѣшія русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ (съ 19 таблицами рисунковъ) Спб. 1882.—П. П.	82	4	133
Троцинскій Д. А. Полтавскій адресъ-календарь на 1887.—П. Бакая	87	5	545
Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884) Т. I. Одесса 1886 г.—В. Ястребова . . .	87	4	747
Труды Комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи. Вып. III (приложеніе къ Подольск. Епарх. вѣдомостямъ) 1886. Кам. Под. 1887.—П. Каманина	87	8	757
Указатель къ изданіямъ Императорскаго русскаго географическаго общества и его отдѣловъ съ 1846 по 1875. Спб. 1886. W.	86	7	537
Фелицынъ Е. Д. Памятная книжка Кубанской области. Составилъ дѣйств. членъ куб. обл. стат. Комитета. Екатеринодаръ 1881 изд. стат. Комитета .	82	1	206
Фелицынъ Е. Д. Кубанскій Сборникъ, труды кубанскаго областнаго статистическаго Комитета Т. I. съ картою Кубанской области. Екатеринодаръ 1883 г.	84	4	652
Флоринскій Т. Д. Славянскій ежегодникъ. Изд. Кіевск. Славянскаго общества. Вып. 6. К. 1884 (382 стр.)—Т. Ф.	84	5	125
Франко Ив. Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатской Руси въ XIII в. Львъ. 1884.—Г.	85	2	369
Французскій этюдъ о Мазепѣ.—В. Горленка. . . .	84	12	703
Халанскій. Великорусскія былины кіевскаго цикла. Вар. 1885 г. (отдѣльные оттиски изъ Русскаго Фило-			

	Годъ.	Книга №	стр.
логическаго Вѣстника) —П. Голубовскаго . .	86	6	559
Холмскій народный Календарь на 1885 г. К. 1884. Изд. Холмскаго Свято-Богородскаго братства.— П. Каманина.	85	4	789
Холмскій народный календарь на 1886-й годъ. Изданіе холмскаго Свято-Богородицкаго братства. К. 1885 г.—П. Каманина	85	12	710
Холмскій народный календарь на 1888 г годъ IV. Изданіе Холмскаго правосл. св. богородскаго братства. К 1887 г.—Холмскаго старожила. .	87	12	768
М. К. Чалый. Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи) съ портретомъ. К. 1882.—П. П.	82	8	349
Чистовичъ И. Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Ч. I. Спб. 1882 г. стр. 1—220.—П. М. .	82	9	55
Чижевскій Николай. Присяжный повѣр. Харьк. Судеб. Пал. Старозаимочныя земли. Рѣшенія Харьков. Окружнаго Суда по исками крестьянскихъ обществъ къ Харьковской Казенной Палатѣ о старозаимочныхъ земляхъ, съ приложеніемъ жалованныхъ слободскимъ полкомъ грамотъ и другихъ документовъ Хар. 1883 III.+123.—Дм. Багалѣя	84	2	305
Чистовичъ И. Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Ч. 2. Спб. 1884 г. Н. Малышевскаго. .	84	11	518
Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1884 г. кн. 2. О Николайчика . . .	85	2	362
Chantre E. Recherches palaeathnologiques dans la Russie meridionale et specialement au Caucase et en Crimée. Lion.—1881.—В. А.	82	11	360
Izydor Sharanievicz. O iatopisiech i kronikach ruskich XV i XVI wieku, a zwlaczsa «wielkoho knioztwo Litowskoho i zomoitskoho» osobne odbicie Z rospraw wydziału filozoficznego akademij umiejetnosci. t. XV. Krakow. 1882. В. А.	83	1	177
Шараневичъ Ив. докторъ. Галичина Княгиня Острож-			

	Годъ.	Книга №	стр.
ская, оповѣдане историчне, у Львовѣ. 1880 А.	82	1	209
Schweiger-Lerchenfeld A. v. Zwischen Donau und Kaukasen A. Hartlebens Verlag. Wien - Pest - Leipzig 1886. — В. Я.	87	3	555
Шевченко Т. Гайдамаки. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ Спб. 1886 г.— В. Г—ка.	86	2	371
Шенрокъ В. Ученическіе годы Гоголя М. 1887. В. Г.	87	3	361
Шейнъ В. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Т. I. Ч. I. Бытовая и семейная жизнь бѣлоруса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 1887 г.—В. Каллаша.	87	8	750
Шляпкинъ. Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII ст. Журналъ минист. нар. просв. 1885 г. октябрь стр. 210—252. О. П.	85	12	702
Шмидтъ. штабсъ-капитанъ Рыльскаго полка Шпола стр. 10.—П. П.	82	11	362
Шухардтъ. Крачунъ-Корочунъ (Archiw für slawische Philologie) 1886. Т. XI; 3. 527—П. С.	87	1	161
Szujski. Die polen und Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen. 1882. В. А.	82	6	523
Щелковъ К. И. Историческая хронологія Харьковской губерніи. Хар. 1882. VI+365.—Дм. Багалѣя.	82	2	416
Щелковъ К. И. Харьковъ, историко-статистическій опытъ. Харьк. 1881 г.	82	5	316
Щербицкій О. В. Виленскій Свято-Троицкій монастырь. Вил. 1886 г.—Каманина.	86	3	588
Щоголевъ Я. Вересню, лірна поэзія. Хар. 1883.— В. Г—ка.	84	1	151
Юницкій И. Фундуши и стипендіи виленскаго учебнаго округа. Справочное пособіе ч. 1. Вып. 1. Вил. 1884 г.	84	9	152
Ячукъ И. Малорусская свадьба въ корницкомъ приходѣ, константиновскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи, составлена по собраннымъ лично матеріаламъ. М. 1886.—В. Г.	86	10	369

	Книги Годъ	№	стр.
Ѳедотовъ-Чеховскій А. А. Акты греческаго Нѣжинскаго Братства. Кіевъ. 1884 г.—В. А.	84	12	716
Ѳоменко Клим. Свящ. Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями. К. 1885.			
Ѳоменко Клим. свящ. Пещерные храмы въ Крыму. К. 1884 И. Каманина	85	7	493

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторовъ къ статьямъ и матеріаламъ, помѣщеннымъ въ „Кіевской Старинѣ" за 1882—1887 годы.

А—въ 1884 г. IX—165.

Адріанъ патріархъ. 1885 г. IX—139.

А.—ской. 1883 г. I—193.

Анатолій архіерей. 1887 г. VI 210.

Андріевскій А. 1883 г. V—127. VIII—751. 1884 г. I. 177. VI—340, XII—730, 1885. II—381, VII—505, 1886 г. XII—664.

Андріевскій М. 1882 г. IX—436. 1883 г. IX и X—1. 1884 г. IX—132. 1885 г. II—267. II—339, VI—183.

Антоновичъ В. Б. 1882 г. I—1, I—126, I—203, I—209, II—233, II—366. II—401, II—418. V—257, VI—433, VI—523, VII—171, VII—187, IX—503. IX—555, X—135, X—149, XI—250, XI—328, XI—349. XI—360, XII—564. XII—569, XII—572, XII—627. 1883 г. I—145, I—177, I—179, I—181. II, 417. III—630, III—647. III—649, III—651, IV—873. IV—876. V—140. V—167. XI—433. XI—493, XI—495, XII—593, XII—665. 1884 г. III—355. VI—315, VII—505. VIII—708. X—331, XII—716. XII—745. 1885 г. I—57, V—1, V—44, V—163. VIII—735. 1886 г. I—124, III—522, VII—586. VIII—705, IX—183. IX—191. 1887 г. VIII—761. XI—529.

А. Р. К. С. 1887 г. VI и VII—396.
Арсеній архимандритъ. 1884 г. X—276.
Архангельскій А. 1886 г. V—44, VI—237.
Бабичъ А. 1887 г. VI и VII—577.
Багалѣй Д. 1882 г. II—409. II—416, VII—160, VIII—379, 1883 г. II—301, XII—506, 1884 г. II—503, II—505, V—117, VIII—702, IX—141, X—357, 1885 г. III—552, IV—783, V—149, IX—11. 1887 г. VI и VII—517.
Бакай И. 1885 г. IV—717; XII—744. 1886 г. XI—567. XII—743. 1887 г. III—545.
Балабушевичъ. 1882 г. X—176.
Барсовъ Н. 1885 г. IV—795.
Барсуковъ А. 1883 г. III—595. 1887 г. I—169. II—372, IX—90.
Барымовъ А. 1883 г. V—49.
Бя—скій Г. 1882 г. VI—554, 555.
Береза К. 1882 г. IV—166, V—226.
Беренштамъ В. 1885 г. VI—219.
Беркутъ И. 1885 г. VI—307.
Бер—скій Н. А. 1884 г. III—498.
Берхинъ І. 1884 г. XII—568.
Бибиковъ Д. Г. 1882 г. VI—530.
Библіографическія статьи безъ подписи. 1882 г. I—199, II—397.
В—ныкъ В. 1886 г. III—603.
Божеряновъ И. 1884 г. VI—327. VII—524. 1885 г. II—308. 1886 г. II—419.
Боржковскій В. 1887 г. VIII—765.
Борисовъ В. В. 1882 г. IX—575.
Воронковскій И. 1884 г. IX—155.
Ворковскій Іоаннъ. 1886 г. IX—625.
Брадке-фонъ Е. О. 1885 г. IX—128.
Брайловскій С. 1885 г. IX—73.
Булашевъ Г. 1883 г. VIII—664.
Бурачковъ П. 1886 г. V—168.
Бучневичъ. 1884 г. IX—175, X—352. 1885 г. III—578. 1886 г. XII—747.
Вилинскій С. 1885 г. I—191.
Вилогрицъ-Котляревскій Л. 1885 г. VI—238.

Бѣлозерскій Н. 1882 г. VI—709, X—66. 1884 г. V—146.

А. В. 1883 г. II—466.

W. 1883, XI—484. 1885 г. XII—609. 1886 г. V—150; VII—537, XII—728. 1887 г. IV—760, V—204.

Н. В. 1886 г. III—621.

Н. В. 1885 г. VI—314.

Васильевъ В. 1885 г. VI—170, VI—344, IX—159. 1887 г. I—181.

Васильевъ М. 1884 г. IX—172. 1885 г. IX—186—187, X—364. 1886 г. VII—570. X, 401—404. 1887 г., IV—784.

Венгриновскій С. 1886 г. VII—553. 1887 г. III—469.

В—о. 1887 г. XII—761.

Востоковъ А. 1887 г. VI и VII—573, VIII—714.

А. Т. 1887 г. III—583 (№ 1—3).

В. Г. 1884 г. II—317.

Я. Г. 1883 г. VII—455, VIII—645. 1885 г. VII—517. 1887 г. V—198.

Гаврилонъ М. 1883 VIII—757, IX—748. 1884. IV—698.

Галаганъ Г. Н. 1882, X—1.

Гатцукъ А. 1883 г. XI—516.

Голицынъ С. 1882 г. VI—365, IX—486, XI—373, XII—681.

Голубевъ С. 1882 г. VI—382. 1885, I—85, I—158, II—268.

Голубовскій П. 1882 г. VI—519, VIII—335. 1883 г. VIII—742, VIII—715. 1884 г. VIII—710, IX—148. 1885 г. III—558, III—569, XI—532. 1886 г. V—146, VI—339, VI—345, IX—151. 1887 г. X—369.

Горленко В. 1882 г. XII—471, XII—602, 1883 г. I—218, II—467, V—146, VI—353, VI—366, VIII—769, XII—667, XII—675. 1884 г. I—21, I—149. I—151, II—349, III—505, IV—489, IV—701, IX—137, X—361, XII—632, XII—703. 1885 г. I—174, II—369. III—581, VIII—698, 740, XII—749. 1886 г. I—111, I—168, II—371, II—381, II—402, X—369, XII—759. 1887 г. II—342. III—561, IV—681, VI и VII—451.

Грабина А. 1883 г. XII—701 и 702. 1884 г. XI—552.

Гребенка Е. П. 1886 IX—176.

Гулакъ-Артемовскій П. П. 1887 г. XII—799.

Я. Г. 1883 г. VII—453, VIII—465.

Лабзина кн. 1885 г. XII—715, 1887 г. II—437, X—199.

Данкевичъ П. 1885 г. XI—524.
Дверницкій Е. 1886 г. IV—827, IV—837, 1887 г. I—36.
Д—въ П. 1883 г. VI—396.
Десятинъ Гр. 1882 г. X—177.
Н. Д. 1885 г. I—167.
Д—нъ Гр. 1882 г. VIII—358.
Добротворскій П. 1885 г. IV—667, VIII—736. 1886 г. XI—585, XII—741, 1887 г. III—565.
Дорошенко П. 1885 г. XII—690, 1886 г. VII—562.
Д—ръ В. 1884. XII—751.
Евлашевскій. 1886 г. I—124.
Екатерина II Императр. 1882 г. V—308. 1883 VIII—738.
С. Е. 1883 г. IX—X. 1885 г. VII—545 и 351.
Ефименко Александра. 1885 г. X—189.
Ефименко П. С. 1882 г. I—193. III—538, III—602, V—812. VIII—368; IX—391, XII—583, XII—594. 1883 г. IV—709, V—169. VI—371, VII—579. VII—584, IX и X—312. XI—374. 1884 г. III—508, III—510, IV—693. V—151. 1886 г. III—593, IV—805, V—175. VII—575. 1887 г. VIII—774, VIII—777.
Житецкій Проф. 1882 г. XII—574. 1883 г. V—1, VII—399. 1884 г. VIII—561, IX—1, XI—371.
Житецкій П. 1882 г. X—1, XI—277.
Журинъ Гр. 1886 г. VIII—758.
З. 1887 г. V—172.
Z. 1887 г. IV—790.
Т. S. 1887 г. IV—753.
Залѣсскій А. 1885 г. V—175. 1887 г. VIII—787.
Зуйченко П. 1885 г. VI—363, VIII—682.
И. 1887 г. IV—799.
В. И. 1882 г. II—408. 1883 г. IX—X—287. 1884 г. VI—323. 1887 г. VIII—744.
Иванишевъ Н. Д. (изъ его бумагъ). 1885 г. VI—253.
Ивановъ Н. Н. 1882 г. XI—398. 1885 г. XII—730.
И—въ Л. 1886 г. VI—356.
Извѣстія и замѣтки безъ подписи 1882 г. II—413, II—431, II—429, IV—171, IV—173, X—170, X—180, XI—382, XII—607, XII—

626. 1883 г. V—178, XII—713. 1884 г. I—171, I—174, IV—688, IV—547, X—337. X—353, XI—534, XI—550, XII—743. 1885 г. II—333. III—594, VI—306, X—353, XII—757. 1886 г. VIII—754, X—398, XII—757. 1887 г. I—182, V—206, X—371.

М. П. 1883 г. X—325.

П. И. 1885 г. V—153.

О. П. 1887 г. X—384, XI—585.

Исаевичъ С. П. 1883 г. XII—700. 1885 г. III—180, VII—514. 1886 г. VIII—770. 1887 г. VI—VII—451.

Историческіе статьи и матеріалы безъ подписи. 1882 г. III—520, V—177, VII—61, VIII—288. 1883 г. VII—539; IX и X—237, XI—470, XII—637. 1885 г. I—19, II—282, III—437, III—543, IV—678. IV—743, V—21, VI—205, XII—684. 1887 г. X—336, X—357.

І. Антоній Д—ръ (пер. съ его польск. соч.). 1883 г. VI—268, IX—X—39. 1885 г. VIII—607, X—273. 1886 г. III—495. 1887 г. XI—471.

К. 1882 г. I—218.

К. К. 1884 г. VI—323, VI—344, VII—511.

К—ая Е. П. 1882 г. X—143.

Каллашъ В. 1887 г. III—581, VI—782, VI и VII—495, VI и VII—530, VI и VII—585, VIII—750, IX—196, X—377.

Каманинъ П. 1882 г. VII—42. VII—186. 1884 г. XII—708. 1885 г. II—375, III—564, IV—760, IV—765, V—137, V—140, V—145, VI—318, VI—357, VII—491, VII—493, VIII—701. IX—145. IX—148. X—318, X—324, XI—520, XII—710. 1886 г. I—161, I—164, I—167, III—588, IV—786, IV—794, V—156, VI—342. VI—347, VIII—732, IX—155, X—372, XI—522, XI—553. XI—555. XI—558, XII—732. 1887 г. V—176. VII—752, XII—757.

Каминскій О. 1885 г. III—519.

Каминскъ В. 1886 г. XII—717.

Каргопольцевъ Н. 1886 г. IV—831.

Катрухинъ А. 1884 г. VII—543, 1885 г. I—198.

Качала С. 1885 г. I—19.

Квитка-Основяненко Г. О. 1883 г. VI—346, 1887 г. I—91.

Квятковскій 1887 г. XI—584.
Кибальничъ Т. 1882 г. XII—613, 1884 г. III—471.
Киселевичъ Л. 1884 г. III—515.
Кистяковскій А. Ѳ. 1882 г. VII—180, 1884 г. II—343, XII—693.
Китицынъ 1883 г. III—683, 1884 г. VI—342.
К—ій Ор. 1884 г. XI—545.
К—ко 1883 г. I—185.
Ковальскій Антоній 1882 г. I—174.
Комаровъ М. 1884 г. V—138, 1886 г. III—570, IV—778, IX—171 1887 г. III—579, V—180.
Кондратовичъ О. 1883 г. I—27, II—269, IV—728.
Костомаровъ Н. И. 1882 г. V—241, VIII—297, 1883 г. I—1, II—221, IV—899, IX—X—899.
Кошовикъ К. 1883 г. III—528, 1884 г. I—169.
Кощаковскій 1882 г. VII—97.
Кравченко 1886 г. VIII—163.
Крапивковскій М. 1884 г. I—181.
Кремпскій А. Я. 1882 г. VI—566.
Крыжановскій Е. 1882 г. II—262, III—141, V—276, VI—451.
Ксенженко А. 1887 г. II—353.
Кудлаевичъ П. 1882 г. VI—565.
Кузьмичевскій П. 1884 г. I—371, 1886 г. II—209, III—445, X—388 1887 г. III—412, IV—626, VIII—766, X—238.
Кулишъ А. 1885 г. VI—255.
Кулишъ П. А. 1885 г. IX—184.
Кулюмбашъ 1887 г. XII—795.
К. Ф. У. О. 1882 г. VIII—259, XII—564.
К—чъ С. І. 1882 г. IX—571.
L. 1886 г. VIII—746, 1887 г. V—185.
А. Л. 1883 г. III—680, IV—893, 1887 г. XI—577.
Лазаревскій А. М. 1882 г. I—101, I—212, I—218, I—223, III—479, V—337, V—348, VII—137, VII—574, VIII—243, VIII—253, X—119, X—113, X—126, XI—292, XI—571, 1883 г. I—211, I—213, VI—381, VII—506, IX—X—317, IX—X—322, XI—452, XI—519. 1884 г. I—50, IX—X—129, 1885 г. V—1, V—3, V—180, VII—477, X—361, 1886 г. I—1, I—200, VII—443, 1887 г. II—368, IV—789, V—171, VI и VII—379, X—395.

Лашкевичъ А. 1884 г. VII—541, 1887 г. I—172, V—75, VI и VII—487, VI и VII—586.

Л—въ П. 1882 г. IX—560. 1883 г. VI—385, VIII—755. 1884 г. II—353, VII—545, VIII—715, IX—162, X—227, X—305, XI—499, XII—555, 1885 г. I—177, III—490, 1886 г. V—26, VI—293, VII—385, VIII—613, X—252, XI—500, 1887 г. II—383, IX—175, XII—779.

Л—въ Ѳ. 1883 г. XII—704.

Лебединцевъ Г. 1884 г. VI—356, 1885 г. II—403.

Левандовскій І. 1883 г. VI—310, 1884 г. II—297.

Левицкій Д. (перев. съ нол.) 1885 г. VII—458.

Левицкій Н. С. 1884 г. I—83, V—88, VI—267, VIII—655, XII—586. 1885 г. I—133, VIII—631, IX—85, XI—466.

Левицкій О. 1882 г. IV—25, VI—193, VI—401, VII—192, XI—368. 1883 г. IX и X—301, XI—329. 1884 г. VIII—627, X—328, 1885 г. V—79. 1886 г. I—187, III—598, 1887 г. III—575, VI и VII—523, VII—509, IX—185, IX—195, X—368, XI—1, XII—775.

Левченко М. 1882 г. V—345, VI—546, VI—548, VIII—373.

Лелеть В. 1886 г. V—181.

Лещинскій 1883 г. VI—391, VII—592, VIII—770.

Н. Л. 1883 г. V—181. 1884 г. VI—320.

Лизогубъ В. Н. 1886 г. II—414.

К. Л. 1885 г. X—329.

Литвинова. 1883 г. III—682, 1884 г. IV—695, 1885 г. VI—354.

Лобанъ Ив. 1882 г. III—530.

Лобода Ѳ. 1886 г. I—202, IV—796, V—188, VIII—776, 1887 г. XI—563, XII—788.

Лоначевскій А. 1885 г. III—573.

П. Л. 1883 г. VIII—741.

Л—тъ 1886 г. VIII—735.

Луговой А. 1886 г. I—206.

Лучицкій И. 1884 г. VI—306, 1885 г. II—406, VI—329.

Л—ъ Іер. Ѳ. 1887 г. XII—717.

Лѣсковъ Н. 1883 г. II—235, III—493, IV—691.

М. 1882 г. III—576, IV—149.

А. М. 1886 г. VIII—761.
Маковскій Е. 1884 г. V—170.
Максимовичъ М. А. 1884 г. IV—844. 1887 г. IX—351.
Максимовичъ М. Антоновичъ В. 1882 г. IX—523, X—88, 1883 г. IX и X—254.
Максимовъ Е. 1886 г. III—467, 1887 IX—93.
Малишевскій П. 1884 г. XI—515, 1886 г. II—375, 1887 г. II—349.
Манжура И 1882 г. II—485, III—611, V—357, 1883 г. I—217, IV—907.
Марковичъ А. 1883 г. VI—393, 1884 г. VII—554, IX—177, 1887 г. XII—782.
Маркіановъ свящ. 1885 г. III—531.
Марковъ П. 1883 г. VI—194.
Мартыновъ П. 1885 г. XI—535.
Матченко П. 1883 г. V—161, 1885 г. VI—338.
Мацкевичъ А. 1884 г. VI—332.
Мацѣевичъ Л. 1882 г. I—222, II—301, 1885 г. II—399. 1886 г. IV—821.
Б. М. 1883 г. VII—563, IX и X—287.
Мельникъ К. 1884 г V—1, VII—359, IX—53, X—254. 1885 г. III—465, XII—651, 1887 г. VIII—188.
П. М 1882 г. IX—552.
Миллеръ О. 1884 г. XI—419, 1885 г. IX—31.
Милорадовичъ Г. графъ 1883 г. III—657, 1884 г. III—351, VII—529, VIII—747.
Мищенко О. 1884 г. V—55, XI—507, 1886 г. VI—349.
Л. М. 1882 г. III—499.
Морозъ Д. 1883 г. I—203.
Мукаловъ. 1882 г V—353.
М—чъ А. 1885 г. VIII—692, VIII—696.
М—чъ В. Т. 1883 г. II—453, V—111.
N. 1882 г. IX—457, X—39. 1883 IV—905. 1884 г. X—537. 1885 г. II—229, II—333; III—594, VI—219, VI—352, XII—757.
Науменко В. 1883 г. IV—867, VI—212. 1884 г. XI—529, 1885 г. V—1, VI—273, VII—483, IX—172, IX—175.
Р. Н. 1887 г. VIII—744
Нейманъ Н. 1883 г. V—153, VIII—599, 1884 г. IV—482, V—130, V—196, V—153, VI—289, VII—523, VII—525. 1885 г. VII—512.
Н. Н. 1884 г. XII—887.

Никифоровъ В. 1885 г. IV—767.
Николаичикъ Ѳ. 1883 г. II—366, II—460, II—464, VIII—760, VIII—764. 1884 г. III—423, IV—525. IV—649. XI—526. 1885 г. I—206, II—362, IV—776, V—1. XII—702. 1886 г. II—350. II—377, III—561, IV—729. V—130, X—330, XI—472, XII—627. 1887 г. IV—756, XII—696.
II—ін С. 1887 г. VI—VII—578
Новицкій И. 1882 г. III—597, III—608, V—316, V—323, V—325, VI—527. X—155, XI—354. XI—362. 1883 г. XI—481. 1886 г. VII—516, VIII—732, VIII—743, IX—51, X—204. XI—408, XI—551, XII—612, XII—747.
Новицкій Я. П. 1885 г. X—350.
Носъ-фонъ С. Д. 1882 г. II—427. III—609. VIII—385, XII—557. 1883 г. I—214. VII—492.
Notus. 1882 г. I—220. V—349. 1883 г. XI—520
О. 1885 г. V—172. 1887 г. VI—VII—526, XII—766.
В. О. 1883 г. VIII—774. 1884 г. V—168.
Оболенскій Н. 1884 г. III—482, 1885 г. VII—365. 1886 г. XI—536. 1887 г. V—192.
Одинъ изъ народа. 1882 г. III—1.
П. О. 1884 г. I—165. 1886 г. IV—818.
Огаревскій Ю. 1886 г. VI—371. 1887 г. V—195.
Ом—скій А. 1883 г. VI—593, XI—514.
Онацкій Д. 1887 г. II—365, II—366.
Опытовъ, надв. совѣтникъ (псевдон.) къ графинѣ Старожиловой (псевдонимъ) 1883 г. I—121, II—319, IV—774
Орженко Е. 1886 г. II—276, IV—684, V—79, VII—490. VIII—643, IX—81.
Осифовъ. 1882 г. I—116, II—366, V—257, VI—493, IX—503, XI—328, XII—538.
О—скій І. 1883 г. II—473.
Острожскій Константинъ, князь. 1883, XII—477.
Острожскій Іоханнъ. 1886 г. II—350, II—561, IV—729. V—130, X—330, X—472. XII—627.
Павелъ I, императоръ 1886 г. XI—579.
Павловичъ П. 1884 г. IX—168.
Падалка Л. 1885 г. X—333. 1887 г. VIII—780, X—383.
В. П. 1887 г. XI—557.
Петровъ Н. 1882 г. II—313, VII—1, XII—438.

Пирожковъ Н. 1883 г. VII—573.
Писаревъ С. 1887 г. III—537.
Пичетичъ А. 1886 г. II—387.
П—ки. 1884 г. IX—27.
Плотниковъ И. 1887 г. IX—197.
П. П. 1882 г. III—564, III—572, IV—133, IV—140, V—319, V—321, VI—509, VIII—340, VIII—343, IX—557, IX—559.
П—нъ Ф. 1885 г. I—200.
О. П. 1886 г. XI—561.
Подолинскій 1886 г. VII—563.
Познанскій Борисъ 1884 г. XI—543. 1885 г. II—241, IV—615, X—220, X—367, XI—496, XI—554, XII—571. 1886 г. V—108, XI—579
Полуботокъ Павелъ Гетм. 1882 г. II—425.
Пономаревъ С. 1882 г. I—152. 1883 г. II—401, III—623, IV—829. 1884 г. V—143. 1886 г. IV—809. 1887 г. VI—VII—587.
Попруженко Е. 1885 IV—773.
Посторонній. 1883 г. VII—567.
Праховъ А. 1883 V—97.
Прибыльскій 1885 г. VI—350,
Прокоповичъ Өеоф. Арх. 1882 г. VI—498. 1884 г. III—465.
Пч. О. 1883 г. IV—903.
Р—нъ А. 1886 г. I—198. 1887 г. XI—587.
Рева И. 1885 г. IV—790.
Ревякинъ и Семеровичъ 1883 г. VIII—719.
Редакція 1882 г. I—227, IV—175, VII—194, XI—523, XII—714. 1883 г. VI—317, VII—594 1884 г. VI—358. IX—180. 1885 г. III—591, IV—792, IV—791. VIII—745. 1886 г. IX—194. 1887 г. IX—191.
Рецензіи безъ подписи авторовъ. 1882 г. I—206, IV—148, V—316. 1883 г. I—183. IV—678. 1884 г. III—477, 491, IV—652, VIII—681. 1887 г. V—172.
Рудинскій 1883 г. II—471.
Рудковскій А. 1882 г. XI—389. XI—391.
Румянцевъ А. 1886 г. XI—579.
Руссетъ Е. 1884 г. I—173.
Рыльскій О. 1887 г. I—51.
С. 1887 г. VI и VII—555, 572, 582, X—366.
S. 1884 г. IV—487.

Сабатовскій 1883 г. V—184.
Савченко П. П. 1884 г. XII—749.
Сапожниковъ Д. 1884 г. VIII—732. 1886 г. V—163.
Сбитневъ. 1887 г. II—285, III—439, 571, IV—571.
Святославскій П. 1886 г. VI—378.
Селецкій А. 1886 г. VI—193.
Селецкій П. Д. 1884 г. II—277, III—443, IV—669, V—77, VI—259, VII—485, VIII—609, IX—82.
Селивановъ А. 1884 г. III—512.
Сикорскій. 1882 г. IV—85.
Синицкій Д. А. 1885 г. X—338.
Скальковскій А. А. 1882 г. IV—106, VII—178, IX—583, X—159, XII—527, XII—598. 1884 г. I—159. 1885 г. I—117, X—277. 1886 г. II—327, III—604. 1887 г. IV—771.
С—ко. 1885 г. V—173, X—360.
С—ко А. 1882 г. IX—577. 1883 г. VI—379. 1886 г. V—153; IX—158.
Смоктій А. 1882 г. VII—371, X—183, XII—420. 1883 г. IX и X 199 и 320.
Н. С. 1887 г. I—165.
N. S. 1885 г. II—367.
С—ръ И. 1884 г. VII—467.
Ставровскій А. 1882 г. VII—322, 1883 г. III—688.
Степовичъ А. 1885 г. IX—151.
Стороженко Н. В. 1884 г. I—143, II—205, XII—723. 1885 г. I—196, VII—431, VIII—729. 1886 г. V—1, V—178, VIII—639, X—299, XI—415. 1887 г. I—155, I—161, II—345, XI—580.
Стояновъ А. 1882 г. VII—81, VIII—362, IX—413.
Сулима Акимъ. 1884 г. I—135.
Сулима Семенъ 1882 г. XII—614.
Сумцовъ Н. Ѳ. 1883 г. IX и X—309, XI—510, XII—696, 1884. I—1, II—183, II—332, III—371, III—493, IV—565, IV—684, X—183. 1885 г. I—1, I—182, II—216, II—391, III—417, IV—649, VII—417, IX—185. 1886 г. I—1, II—237, III—421, IV—635, VI—267, VII—456, IX—103, X—265. 1887 г. I—65, VI и VII—528, VI и VII 567, VIII—779.
Сухановъ-Подколзинъ Б. 1885 г. II—229.
А. Т. 1883 г. VII—588. 1886 VI—384, IX—182, XI—569.
Тарнавскій Ал. 1882 г. X—166.

Твердохлѣбовъ А. 1886 г. IX—178, X—392, XII—749.
Д. Т. 1884 г. V—174—175.
Терновскій. 1883 г. III—659, VII—473. 1884 г. VII—423.
Терновскій Ф. А. 1882 г. IV—1, IV—175, V—329. 1884 г. IX—100, XI—478, XII—621.
Титовъ А. 1883 г. VIII—767. 1884 г. XII—740.
Л. Т. 1882 г. XI—576.
Т—овъ М. 1882 г. XI—229. 1883 г. I—101, XII—546, XII—547.
Трощинскій Д. П. 1886 г. XII—709.
С. Т. 1883 г. II—429.
Т—скій. 1883 г. V—155.
Туренко. 1887 г. III—494, IV—721, V—125, VI и VII—335.
Туркевичъ. 1887 г. XI—588.
Тышдытниковъ С. 1886 г. II—394.
Успенскій 1885 г. V—107.
Федковичъ О. 1886 г. VIII—739.
Фисенко А. 1887 г. X—387.
Фратеркулусъ. 1883 г. IX и X—293.
Т. Ф 1884 г. V—123.
Ханенко (въ приложеніяхъ). 1885—86 гг.
Ханенко А. 1883 г. I—208, V—174.
Хмельницкій Богданъ гетм. 1884 г. XI—541.
Хоецкій. 1883 г. I—145, III—630, XI—433. XII—593.
Холмскій братчикъ 1883 г. III—653.
Холмскій старожилъ. 1887 г. XII—768.
Целларіусъ В. 1883 г. III—672.
Цимбалистовъ А. 1887 г. II—370.
Ч. Ц. 1882 г. IX—579.
Цыбульскій К. 1884 г. II—321, II—336. II—336. VIII—725. VIII—725, VIII—742, XI—512, XII—719. 1885 г. IV—789. VII—497, XI—566, XI—586. 1886 г. VII—547, X—874. XII—729. 1887 г. II—377, II—377. VIII—783, VIII—783. XI—549.
Чалый М. 1883 г. II—444.
Чеканевскій В. 1884 г. XI—544.
Чен—ій Д. 1887 г. III—558.
Чернышевъ Н. 1887 г. IV—763, IX—159, XI—491.
Черпяевъ Н. 1886 г. III—601.
Чернякъ П. 1884 г. V—117.
Н. Ч. 1887 г. X—381.

Шафарукъ 1885 г. II—377. II—385.
Шевченко Т. Г. 1883 г. I—161. II—401, III—611. IV—853. 1884 г. III—391. 1886 г. VI—310. VII—410, VIII—577, X—199, XI—409, XII—589. 1887 г. I—1, II—193, III—385, IV—589, V—1. VI и VII—269. VIII—589, IX—55, X—277. XI—456; XII—627.
Шимановъ А. 1882 г. XI—101. XII—401. 1883 г. I—67. III—555. VI—249. XII—609.
Шнейдеръ Т. 1887 г. XI—559, XII—773.
Шугуровъ В. В. 1882 г. III—592.
Щепановскій 1885 г. IV—746. V—127.
Щербина Ф. 1883 г. VI—233, VII—586, XII—529. 1884 г. II—223
Эварницкій Д. 1883 г. XI—497. 1884 г. IV—589. V—33, VI—177. VII—392. 1885 г. V—167. VIII—707. 1886 г. I—41. I—184. VII—520.
Яичукъ П. 1887 г. VI и VII—539.
Ярославскій. 1887 г. IX—109, X—289, XI—506.
Истребовъ 1883 г. V—30, V—172, XII—693. 1884 г. II—333. IV—673. VIII—731, X—321, XII—673, XII—757. 1885 г. X—342. XI—543. XII—721, XII—756. 1886 г. VIII—727, VIII—756, X—379. 1887 г. I—162. II—339. IV—747, XII—591.
Федотовъ-Чеховскій А. 1887 г. I—139; I—177, II—360, V—200.

СОДЕРЖАНІЕ УКАЗАТЕЛЯ.

I. Археологія вещественная I
II. Біографическіе матеріалы II
III. Гео-топографія VII
IV. Кіевъ и его учрежденія VIII
V. Колонизація южной Руси XI
VI. Культура и этнографія XII
VII. Исторія XVIII
VIII. Литература XXXV
IX. Театръ и музыка XXXIX
X. Смѣсь XL
XI. Библіографія XLIII
XII. Рисунки, карты, планы, портреты и статьи о нихъ XLIII
XIII. Рецензіи XLV
Алфавитный указатель авторовъ LXVIII

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, Февраль и Мартъ, 1888 г.

	стр.
I. Кіевъ въ 1766 г. **И. Лучицкаго**	1— 74
Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины. **В. Антоновича**	75— 93
Ганна Монтовтъ. Изъ жизни волынск. дворянства XVI в. **О. Левицкаго**.	94—161
Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. Слав. рѣчь въ произв. малорусск. писат. XVII в. I. **П. Житецкаго**	162—179
На рубежѣ. I—III. Перев. съ польск. **К. М.**	180—243
Протестъ Слободск. Украины противъ реформы 1765 г. **Ив. Теличенка**	244—270
Къ литературѣ рождеств. и пасхальныхъ виршъ. **В. Науменка**	271—282
II. Критика. **В. К. Гульдманъ**. Справочная книжка подольской губ. **Н. Молчановскаго**. Корвинъ-Піотровскій. Черниговскій календарь на 1888 годъ. **П. Голубовскаго**. Ѳ. Лашковъ, Сельская Община въ Крымск. ханствѣ. **Его же**. Линниченко, Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси. **Завитневичъ**, О мѣстѣ и времени крещенія Св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ. **Его же**. Zbiór wiadomości do antropologji krajowej. Krakow. T. XI. **В. А.** Матеріалы для оцѣнки земельн. угодій, собранные черн. статист. отдѣленіемъ при губ. земской управѣ. Г. XV. **А. Русова.** Краткій историко-статистич. обзоръ екатер. гимназ. и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній. **Г. З** И. С. Левицкій, Кайдашева симя. **И. Ж.** Адресъ-календарь кіевской губ. на 1888 г.	1— 48

стр.

III. Документы, извѣстія и замѣтки: Процессы по дѣламъ объ азартной игрѣ. **В. А.** Иллюстраціи Шевченка. **В. Г--ко.** Малорусск. причитанія надъ умершими **Хр. Ящуржинскаго.** Письмо А. М. Милорадовича къ Н. М. Стороженку.—Привязываніе убійцы къ трупу убитаго. **М. Владимірскаго-Буданова.** Письмо С. А. Неплюева къ дочери. **В. Иконникова.** Сатира на дворянскихъ депутатовъ. — О дозволеніи сыновьямъ священниковъ вступать въ козачье сословіе. **Н. С—ко.** Споры луцкихъ евреевъ съ мѣщанами во второй полов. XVII в. Н. М.; Къ исторіи переяславск. семинаріи. **И. Л—ій** . . . . . 1— 39

IV. Для справокъ . . . . . 39— 40

V. Запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ. **П. Г.** . . . . 41— 48

VI. Библіографич. листокъ . . . . . 1— 18

VII. Указатель статей, помѣщенныхъ въ К. Старинѣ за 1882--87 гг. . . . . I—LXXX

Приложенія: 1) Запорожск. храмъ. Рисун. съ фот. 2) Наказы малорусск. депутатамъ. 1767 г.

НАКАЗЫ

МАЛОРОССІЙСКИМЪ ДЕПУТАТАМЪ

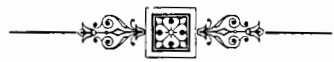
1767 года

и

АКТЫ О ВЫБОРАХЪ ДЕПУТАТОВЪ

ВЪ КОММИССІЮ

СОЧИНЕНІЯ УЛОЖЕНІЯ.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

14 декабря 1766 года императрица Екатерина II обратилась ко всему населенію тогдашней Россіи съ манифестомъ, возвѣщавшимъ о созывѣ „коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія“ и заключавшимъ въ себѣ приглашеніе, адресованное по всѣмъ сословіямъ, избрать депутатовъ для участія въ работахъ той коммиссіи. Манифестъ отправленъ былъ и въ Малороссію, и выполненіе его было возложено на малороссійскую коллегію. Уже въ февралѣ 1767 года и малороссійской коллегіей, и графомъ Румянцевымъ были разосланы по всему краю предписанія о выборѣ повѣренныхъ для избранія депутатовъ, предписанія, заключавшія въ себѣ подробныя инструкціи о порядкѣ выборовъ, составленіи наказовъ для депутатовъ и т. п. Опредѣлены были и мѣста для собраній повѣренныхъ. Вся Малороссія была разбита на 15 участковъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ избрать депутатовъ въ коммиссію. Выборы должны были происходить отдѣльно отъ каждаго сословія: отдѣльно отъ шляхетства, отдѣльно отъ горожанъ и отдѣльно отъ козаковъ. Въ „росписаніи, гдѣ для выбору назначаются мѣста и сроки“, помѣчены были слѣдующіе пункты: 1) *Новгородъ*, для собранія городскихъ жителей на 4 марта; 2) *Стародубъ*, для собранія жителей стародубскаго повѣта: горожанъ на 9 марта, шляхетства на 10 марта, козаковъ на 27 марта; 3) *Черниговъ*, для повѣтовъ Черниговскаго и Менскаго: горожанъ на 16 марта, шляхетства на 18 марта, козаковъ на 27 марта; 4) *Нѣжинъ*, для повѣтовъ Нѣжинскаго и

Батуринскаго: горожанъ на 23 м., шляхетства на 24 м., козаковъ на 27 м.; 5) *Глуховъ*, для глуховского повѣта: горожанъ на 2 апрѣля и шляхетства на 4 апрѣля; 6) *Гадячъ*, для горожанъ на 4 марта и козаковъ на 27 марта; 7) *Сорочинцы*, для горожанъ на 8 марта и козаковъ на 27 марта; 8) *Полтава*, для горожанъ на 13 марта и для шляхетства повѣтовъ полтавскаго, миргородскаго и гадячскаго на 15 марта; 9) *Козелецъ*, для горожанъ Козельца на 3 марта и Остра на 10 марта, шляхетства повѣтовъ козелецкаго и остерскаго на 4 марта и козаковъ тѣхъ-же повѣтовъ на 27 марта; 11) *Переяславъ*, для жителей повѣтовъ переяславскаго и золотоношскаго: горожанъ на 15 марта, шляхетства на 17 марта и козаковъ на 27 марта; 12) *Лубны*, для повѣтовъ лубенскаго и роменскаго: горожанъ на 10 марта, шляхетства на 13 марта и козаковъ на 27 марта; 13) *Прилуки*, для повѣтовъ прилуцкаго и иваницкаго: горожанъ на 9 марта, шляхетства на 11 м. и козаковъ на 27 марта; 14) *Погаръ*, для горожанъ на 5 марта и шляхетства на 7 марта; Запорожская Сѣчь составила особый 15-й участокъ, хотя относительно ея не было указано время собранія повѣренныхъ для выбора депутатовъ.

Въ каждомъ такомъ собраніи и каждымъ сословіемъ отдѣльно должны были быть составлены инструкціи депутатамъ, посылаемымъ въ коммиссію, такъ называемые „наказы", тетради или cahiers, въ которыхъ предписывалось каждому сословію изложить и свои нужды, и проектъ мѣръ для исправленія недостатковъ существующаго режима. Отъ одной Малороссіи, вслѣдствіе этого, должно было поступить въ коммиссію 34 наказа.

Изъ этихъ „наказовъ", еще ни разу и нигдѣ не напечатанныхъ и представляющихъ громадный историческій интересъ, въ рукахъ редакціи находятся лишь немногіе, вошедшіе въ составъ извѣстнаго рукописнаго сборника „актовъ, относящихся къ исторіи составленія уложенія при Екатеринѣ II", сборника, принадлежавшаго г. Судіенко.

Въ сборникѣ этомъ оказалось лишь 16 наказовъ: шесть отъ шляхетства, шесть отъ городовъ и четыре отъ козаковъ, сверхъ того наказъ отъ малороссійской коллегіи, данный посланному отъ нея

депутату, Натальину, мнѣніе графа Румянцева [1]), цѣлый рядъ бумагъ, относящихся къ исторіи подготовленія выборовъ и организаціи и порядковъ выборныхъ коллегій и, наконецъ, особое мнѣніе или „прошеніе малороссійскихъ депутатовъ", поданное ими по поводу рѣчи, произнесенной маршаломъ Бибиковымъ въ засѣданіи коммиссіи 9 сентября 1768 г. и заключавшей въ себѣ предписаніе депутатамъ „не упражняться ни въ чемъ другомъ, кромѣ того, для чего именно коммиссія учреждена". Послѣдній документъ вмѣстѣ съ другимъ: „выписка изъ привилегій, правъ и договорныхъ статей, на какомъ основаніи состоитъ малороссійское шляхетство и чемъ оное доказывается", есть черновка, съ массою помарокъ. Лишь пять изъ документовъ сборника представляютъ собою оригиналы, всѣ остальные—копіи, снятыя съ оригиналовъ уже въ недавнее время, въ текущемъ столѣтіи.

Въ виду того значенія и важности, какія имѣютъ перечисленные документы сборника для исторіи Малороссіи XVIII в. и съ цѣлью пополнить давно уже чувствовавшійся крупный пробѣлъ въ этомъ отношеніи въ нашихъ знаніяхъ о прошломъ, редакція и рѣшилась приступить къ печатанію ихъ, хотя и въ неполномъ видѣ, съ настоящаго тома „Кіевской Старины", предоставляя себѣ право посвятить вопросу о „наказахъ" спеціальную статью въ одной изъ ближайшихъ книжекъ текущаго года.

Въ своемъ изданіи документовъ сборника редакція сгруппировала ихъ слѣдующимъ образомъ: на первомъ планѣ поставлены собственно „наказы". Распредѣлены они по сословнымъ группамъ. Прежде всего наказы и прошенія *шляхетства*, а именно: 1) глуховскаго, 2) черниговскаго, 3) прилуцкаго, 4) переяславскаго, 5) лубенскаго, 6) полтавскаго, гадяцкаго и миргородскаго. Затѣмъ, вовторую группу вошли „наказы" *городовъ*: 1) Глухова, 2) Чернигова, 3) Погара, 4) Стародуба, 5) Полтавы и 6) Лубенъ. Въ

---

[1]) Наказъ коллегіи мнѣніе Румянцева—единственные изъ документовъ, появившіеся въ печать, первый въ 43 томѣ „Сборника русскаго историческаго общества", стр. 218 и сл., второе въ приложеніи къ книжкѣ г. Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г., Кіевъ, 1864 г. Наказъ запорожскимъ депутатамъ напечатанъ скальковскимъ во второмъ томѣ его „Исторіи запорожской Сѣчи.

третью группу помѣщены „наказы и прошенія“ *козаковъ*: 1) черниговскихъ, 2) стародубскихъ, 3) прилуцкихъ и 4) миргородскихъ. Затѣмъ, особую группу составили: прошеніе *малороссійскихъ депутатовъ* и выписка изъ привилегій и проч. Въ заключеніе редакція намѣрена помѣстить въ особую группу рядъ документовъ относительно порядка и организаціи выборовъ и тѣхъ событій и казусовъ, которые имѣли мѣсто во время выборовъ.

I.

НАКАЗЫ и ПРОШЕНІЯ

МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА.

I.

1767.

Наказъ глуховского шляхетства.

Наказъ во исполненіе всевысочайшего и всемилостивѣйшего Ея Императорскаго Величества манифеста въ 766 году декабря 14 дня состоявшегось отъ шляхетства повѣту глуховского выбранному депутатомъ въ коммысію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, высокородному господину асаулу войсковому генералному, Ивану Мыхайловычу Скоропадскому.

Будучи мы въ собраніи по сылѣ того-же Ея Императорскаго Величества высочайшего манифеста и обрядовъ, общымъ совѣтомъ положыли на мѣри о первѣйшыхъ общества нашего нуждахъ и недостаткахъ въ семъ наказѣ изобразыть. А вы, такъ какъ по безпрыстрастной нашей присягы выбранній, вѣрній Ея Императорскаго Величества рабъ, усердній и ревнительній о общемъ благѣ сынъ отечества, во исполненіе Ея Императорскаго Величества воли, должны будете сей наказъ и особливо врученное къ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшое наше прошеніе представить гдѣ надлежить. Нужды жъ нашы и недостатки состоять въ ныже слѣдующыхъ пунктахъ сложеніемъ краткымъ, съ тою на васъ надеждою, что вы при случае надобности и востребованія не упустите всѣмы потребнымы къ сему обстоятелствы пространнѣйше обяснить.

1.

Со времены благопрысоединенія Малой Россіи къ Высочайшей Ея Императорскаго Величества всероссійской державѣ, всѣ благо-

получно царствовавшіе святоуспшіе государи, предкы Ея Императорскаго Величества Самодержцы Всероссійскіе, какъ изначала Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Мыхайловычъ, такъ и послѣдующіе монархы высочайшыми своимы грамотамы утвердыли и императорскымъ словомъ обѣщали, Малую Россію при всѣхъ изъ стары пожалованныхъ и утвержденныхъ правахъ, прывылегіяхъ, волностяхъ и обыкновеніяхъ свято, цѣло и ненарушно содержать и сохранять. Потому и мы нижеподпысавшіесь, состоя въ числѣ протчыхъ въ другыхъ повѣтахъ жителствующыхъ нашыхъ сотоварыщей, прыносымъ всеподданнѣйшее и всераболѣпнѣйшее наше прошеніе, дабы отечество наше, пры нынѣшнихъ премудрыхъ Ея Императорскаго Величества законоустановленіяхъ, пожалованны были подтвердытелнымъ на то отъ Ея Императорскаго Величества высокоматернымъ прывылегіемъ, отдая все то о внесеніи въ новосочыняемое уложенье, и въ чемъ есть нужное въ добавленіи и исключеніи, Ея Императорскаго Величества матернему мудрому попеченію и высочайшей воли и мылости.

2.

Во многыхъ случаяхъ предкы наши, протывъ непріятеля и въ другыхъ службахъ употребленны были, такъ и мы съ наслѣдныкы нашымы вечно служыть всероссійскому Ея Императорскаго величества престолу прысягою обовязаннымы находымся, и нынѣ вѣрно на собственномъ своемъ иждывеніи служымъ. Для того раболѣпно просыть Ея Императорскаго Величества Августѣйшей Императрыцы, государыни матери нашей, чтобы намъ всеподданнѣйшымъ рабомъ, шляхетству и чыновныкамъ служащымъ и отъ службы уволненнымъ, повелѣнно было учыныть именній спысокъ, въ согласіе прежнихъ договоровъ гетманскыхъ, Демяна Игнатіева Самойловыча, къ достыженію прославленія и въ чынахъ равенства, прысоединить всемылостивѣйше повелѣлы къ россійскому дворянству и записать въ Герольдію на вѣкы дворянамы, и дозволить намъ на такомъ основаніи, какъ Россійскому дворянству, гдѣ пожелаемъ

службу имѣть и ползоватся своимы жалованнымы и купленнымы добрамы, и таково дворянства Россійскаго удостоеніе высочайшею Императорскою прывылегіею намъ и наслѣдникамъ нашымъ взаконыть и утвердыть.

3.

Отъ 1569 году, за короля Полскаго второго Жыкъгмунта, когда Малороссійской, край кіевское княженіе, подъ Полскою Короною находылся, то въ данной прывылегіи съ подданныхъ по два гроша полскыхъ взымать установлено съ тѣхъ, кто имѣетъ наволоку пашенной земли. а съ тѣхъ, кто не имѣетъ землѣ, то зъ дыму по едному грошу, и то для того, чтобъ вѣдали, яко они тогда были Короны Полской подданніе. Имяннымъ же блаженнія памяти Великой Государыни Императрыцы Анны Іоановны, Самодержицы Всероссійской, въ 1734 году августа 8 дня по 2-му пункту состоявшимся указомъ повелѣнно провянтъ и фуражъ на консыстентовъ производыть въ натурѣ, по расположеніямъ Полковыхъ Канцелярій, по пропорціи имуществъ, безъ перевозкы того провъянта и фуража по наставленію того указа. Но затѣмъ указомъ такова фуража перевозка зъ тягостію происходыла досель. Чего во облегченіе и уволненіе отъ долныхъ перевозокъ и тягостей въ поставкы натурою въ другіе мѣста фуража, порядочнымъ своимъ правытелствомъ, его сіятелство графъ и кавалеръ Петръ Александровычъ господинъ Румянцовъ установылъ рублевымъ окладомъ отъ всякой хаты въ годъ по рублю и по двѣ копѣйкы собырать. И хотя сей благоизобрѣтенной способъ есть полезній, но что подсусѣдкы не всѣ имѣютъ пахатную землю, а инніе болшою частію таковы, которіе нетокмо имѣнія, но и одѣянія мало что имѣютъ, и, по часто нынѣ случающымся нехлѣбородствамъ, пытаются собственно отъ насъ владѣлческымъ хлѣбомъ, то, въ разсужденіи сыхъ обстоятелствъ, сей окладъ чтобъ учрежденъ былъ зъ тяглыхъ толко людей, тѣхъ, кои пахатніе имѣютъ земли; а которіе не имѣютъ, съ такыхъ положенъ бы былъ окладъ толко по пятидесяти копѣекъ, и на ныхъ бы болѣе, какъ

зъ двыжымого, такъ и не двыжымого имѣнія нѣкаковыхъ зборовъ не збиранно, просыть Ея Императорскаго Величества помилованія.

4.

На всѣ шляхетскіе волности владѣній жылыхъ домовъ, пахатныхъ, сѣнокосныхъ и лѣсныхъ земель, хуторовъ, рѣкъ, озеръ, мелыцъ, рыболовлей и винокурень, по грамотамъ или унѣверсаламъ, либо по куплямъ, тако жъ по займѣ и какъ бы кто чемъ ни владѣлъ, кромѣ такыхъ завладѣній, о которыхъ дѣла свое окончаніе прынять должны по судамъ, чтобъ вѣчно оставленны въ такомъ состояніи, какъ владѣемъ, ползуемся, и владѣть Высочайшымы двума: 7162 году блаженнія памяти Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Мыхайловыча грамотамы и правомъ статутовымъ роздѣла 3 го въ артыкулѣ 2-мъ позволенно. И изо всѣхъ таковыхъ нашыхъ земель и промысловъ, отъ котловъ, отъ продажы горѣлкы обтомъ и порознь въ шынковыхъ домахъ, по торгамъ и ярьмонкамъ, и за все то, что въ Малой Россіи родытся, никакыхъ бы дачъ налагаемо не было; о томъ всемъ просыть Высочайшего Ея Императорскаго, Величества подтвержденія.

5.

Въ Бозѣ почывающій премудрій монархъ Петръ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскый, постоевъ у чиновныкыхъ, старшынскыхъ и шляхетскыхъ всѣхъ домахъ, чрезъ высочайшіе свои указы 1722 и 725 годовъ, ставыть воспятылъ. Для того и нынѣ просыть всеподданнѣйше Ея матерьняго Императорскаго мылосердія и во всемъ томъ шляхетству высокомонаршой прывылегіи, чрезъ которую совершенно возчувствуемъ нашу выгоду и покой.

6.

Всему свѣту извѣстно, сколь великое Ея Императорскаго Величества и неусыпное попеченіе о просвѣщеніи Россійскаго юношества чрезъ обученіе въ свободныхъ наукахъ. А и въ здѣшнемъ народѣ особливѣйшая къ наукамъ склонность и охота выдытся, но, за отдаленностію отъ здѣшняго краю университетовъ и другымы препят-

ствующымы неудобствы, не имѣютъ къ тому способу, а инніе отсылая дѣтей своихъ въ иностранніе земли, прыходятъ въ оскудѣніе. Для того Ея Императорскаго Величества всенынайше просыть, дабы всемылостивѣйше повелѣнно было учредыть въ Малой Россіи рады свободныхъ нужнѣйшыхъ наукъ унѣверсытетъ, и тотъ унѣверсытетъ Императорскымы своимы сохраныть прывылегіямы, дабы и здѣшное юношество, чрезъ просвѣщеніе въ наукахъ, могло удобнѣйше поспѣшествовать службою своею въ ползу Государственную.

7.

Въ прошломъ 1749 году, указомъ Ея Императорскаго Величества блаженнія памяти Великой Государыни Елисаветъ Петровны, велѣнно на наличное число состоящихъ въ Малой Россіи ассыгнованныхъ полковъ, производыть за натуру провянта и фуража денгамы, какіе денгы съ подданныхъ и подсусѣдковъ нашыхъ и собираемы были, и тѣ находячіесь въ Малой Россіи ассыгнованніе полкы продоволствованны безъ всякыхъ ихъ нуждъ. Однако, по недороду въ тѣхъ годахъ и саранчею до послѣдка съиденію хлѣба, остались разніе недоимкы, которіе отъ 1735 до сего годовъ взыскываются. Таковымъ-же недоимкамъ подверженніе люде многіе позмырали, посходыли и въ крайнюю прышли скудость. А всемылостивѣйшая государыня Екатерына Алексѣевна, Самодержыца Всероссійская, прывозшествіи на врученной ей отъ Бога Всероссійскій Императорскій престолъ, 762 году сентября 22 дня, указомъ по 4-му пункту начетъ казенній и другіе такіе же упущенія, ежели оніе неумышленніе, до пяти сотъ рублей прощать соизволила; а кто свышше съ казны утратылъ, то со всего взыскать въ казну треть повелѣнно. Да и въ состоявшомся по конфѣрмаціи Ея Императорскаго Величества, съ Правителствующаго Сената въ Малороссійской Коллегіи полученномъ 765 году октября 28 дня указѣ, между иннымъ предложенно, за прошліе до 764 году на всѣхъ казенныхъ мѣстахъ недосылокъ, счысляемыхъ между имы, яко казна казнѣ должныхъ суммъ, для избѣжанія излышнихъ перепысокъ, и въ разсужденіи того, что уже всѣ по тотъ 764 годъ воинскіе расходы исполненны, не чыслыть.

Для того всеподданнѣйше просыть Ея Императорскаго Величества матерьнего помылованія, чтобы всѣ запущенніе недоимкы вѣчно прощенны и невзыскиваемы были.

8.

Зъ прывозымой въ Малую Россію съ Крыму и изъ другыхъ мѣстъ соли собырается пошлинной и потарыфной платежъ, а за тѣмъ и соль возвысылась болшою противъ прежней ценою, зачемъ обыватели, по своему убожеству, претерпѣваютъ въ оной скудость. Для того просыть отъ Ея Императорскаго Величества, чтобъ за прывозымую въ Малую Россію соль пошлинныхъ и потарыфныхъ зборовъ не собиранно, Высочайшаго матерняго помылованія.

Въ протчемъ свѣраетъ вамъ шляхетство въ порученныхъ сыхъ дѣлахъ просыть помощы и совѣта отъ Его Сіятелства Графа Петра Александровича господина Румянцова, яко объявленнаго о ползѣ всего здѣшнего народа предстателемъ.

На подлинномъ наказѣ подписались: предводитель шляхетства повѣту Глуховского подкоморій Василей Кочубей, коллежской ассесоръ Осыпъ Туманскій, подкоморій повѣту Роменскаго Васыль Кулябка, земскій судья повету Глуховского Сергей Дергунъ, бунчуковій товарышъ Федоръ Макковскій, бунчуковій товарышъ Иванъ Туранскій, бунчуковій товарышъ Іосыфъ Діаковскій, бунчуковій товарышъ Стефанъ Кулябка, бунчуковій товарышъ Демянъ Оболонскій, бунчуковій товарышъ Мыхайло Трусевычъ, бунчуковій товарышъ Алексѣй Сылевичъ, генералной войсковой артылеріи асаулъ Грыгорій Кологрывій, генералной войсковой артылеріи хоружій Петръ Юркевычъ, старшій войсковій канцелярыстъ Антонъ Жайворонковъ, сотныкъ Янполскій Грыгорій Жовтобруховъ, старшій войсковій канцелярыстъ Александръ Давидовычъ, войсковій товарышъ Грыгорій Трусевычъ, возній сотнѣ Короповской Федоръ Стражевскій, войсковій товарышъ Евфымъ Филоновычъ, въ должности секретаря Дмытрей Карпѣка, войсковій товарышъ Грыгорій Прыблуда, войсковій товарышъ Васыль Уманець, войсковій товарышъ Даныло Бутовычъ, войсковій товарышъ Прохоръ Забѣла, комориѣкъ повѣту Глуховского

Илья Зайковскій, возній сотнѣ Кролевецкой Иванъ Зубажа, войсковій канцелярыстъ Андроныкъ Гейваровскій, значковій товарышъ Фылыпъ Уманець, значковій товарышъ Адріянъ Потапенко, возній подкоморскій повѣту Глуховского Иванъ Павловскій, значковій товарышъ Лукянъ Фылоновычъ, по его прошенію неграмотнаго также и за себе значковій товарышъ Семенъ Вышыскій подписался, значковій товарышъ Иванъ Федоровскій, значковій товарышъ Степанъ Бордаковскій, значковій товарышъ Омельянъ Госскій, хоружій сотенЯній нполскій Яковъ Лазаревичъ, войсковой товарышъ Дмытрій Лучнѣцкій, войсковій товарышъ Матвѣй Бордаковскій, войсковій товарышъ Иванъ Васыленко, по его прошенію неграмотнаго значковій товарышъ Семенъ Вышынскій подписался, войсковій канцелярыстъ Яковъ Брагынецъ, войсковій товарышъ Федоръ Тарасовъ, бунчуковій товарышъ Петръ Забѣла, значковій товарышъ Петръ Максымовычъ, войсковій канцеляристъ Дымитрей Маковскій, пысаръ сотенній кролевецкій Иванъ Сердюковъ, асаулъ полковій Иванъ Александровычъ, генералной войсковой артылеріи пысаръ Андрей Яновскій, войсковій товарышъ Федоръ Коханѣя, войсковій товарышъ Федоръ Жуковскій, значковій товарышъ Даныло Шлякевичъ.

1767 году
Маія 21 дня.

II.

1767.

Наказъ черниговскаго шляхетства.

Наказъ выбранному по силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста декабря 14-го дня 1766 года, отъ шляхетства, въ полку черниговскомъ вотчины и помѣстья имѣющаго, депутату въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, высокородному и высокопочтенному господину, генеральному асаулу, Ивану Михайловичу Скоропадскому.

Повинуяся высочайшему соизволенію Ея Императорскаго Еличества всемилостивѣйшей нашеи государыни, объ избраніи отъ всѣхъ частей Богомъ ввѣренной ея имперіи депутатовъ въ коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія, шляхетство, въ полку черниговкомъ имѣніемъ обязанное, избрало васъ своимъ въ ту коммиссію депутатомъ, и не сомнѣвается, по извѣстнымъ ему вашимъ достоинствамъ, что вы во всякомъ дѣлѣ, которое вамъ предложено будетъ, станете стараться, по всей возможности, споспѣшествовать государственной и отечества вашего пользѣ, и тѣмъ Высочайшее Ея Императорскаго Еличества удовольство пріобрящете.

Ея Еличество, имѣя неусыпное о благѣ государства, ею управляемаго, попеченіе, всемилостивѣйше позволяетъ каждому уѣзду представить ей всеподданнѣйшія просьбы объ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ. Здѣшнее шляхетство, пріемля съ достодолжною, рабскою благодарностію и послушаніемъ матернее своей Самодержицы къ подданнымъ снисхожденіе, и находя, что правительство и обряды земли здѣшней, изъ разныхъ смѣшанныхъ видовъ составленные, съ великимъ противу правъ нынѣшняго дѣлъ состоянія несходствомъ, худо соотвѣтствуютъ благоучрежденію, отъ котораго все счастіе народа зависитъ, возлагаетъ твердое упованіе, что сія великая монархиня, промышляя о благоденствіи всѣхъ вообще и каждаго особливо, неоставитъ призрѣть и на благо-присоединенный къ имперіи ея малороссійскій народъ и, основывая въ немъ добрый порядокъ, исполнить данное сему народу императорское свое слово возводить его на такую степень счастія, въ которой онъ вящую Ея Императорскаго еличества Вмилость могъ бы чувствовать. Не трудно Ея Величеству достигнуть конца сего обѣщанія. Опредѣленный ею въ Малую Россію генералъ-губернаторъ и объявленный о пользѣ жителей здѣшнихъ предстателемъ, по достаточномъ его обстоятельствъ сего края испытаніи, паче всѣхъ другихъ въ совершеніи сего великаго дѣла споспѣшествовать можетъ. Въ разсужденіи сего, шляхетство черниговского полку, некасаяся тѣхъ недостатковъ и неудобствъ, отъ направленія которыхъ зависитъ всеобщее всѣхъ

состояній народа благоденствіе, принимаетъ дерзновеніе утруждать освященную свою Государыню въ томъ, что оному нужно, и вручивъ вамъ подписанную къ Ея Императорскому Величеству челобитную, даетъ повѣренность представить нижеслѣдующіе недостатки, нужды и отягощенія:

1-е. Въ началѣ изображаемъ мы недостатки, усмотрѣнные въ правахъ нашихъ, и какову нужду имѣемъ въ поправленіи оныхъ. Разность временъ, въ которыя статутъ Великаго Княжества Литовскаго сочиненъ, предкамъ нашимъ привилегіями утвержденъ, и сихъ, въ которыхъ мы живемъ, дѣлаетъ его намъ несходнымъ. Ибо 1-е, узаконенія, въ раздѣлѣ 1-мъ, объ особѣ государевой гласящія, противны самодержавной власти, нами управляющей. Раздѣлъ второй (привилегіею Сигизмунда Августа, блаженной памяти Короля Польскаго, княжеству Кіевскому въ 1569 году на сеймѣ пожалованною, отрѣшенный) пишетъ о такой военной земской службѣ, которую ни государственная польза, ниже удобства для жителей возобновить позволяютъ. Раздѣлъ четвертый, заключающій въ себѣ законы о судахъ земскихъ и городскихъ и объ образѣ разбора тяжебъ, равно же отечеству нашему служить неможетъ, понеже по привилегіямъ тѣ суды предоставлены одному шляхетству, которое сперва, обязанное службою въ войскѣ Запорожскомъ, подвергнуло себя съ имѣніемъ начальствамъ козачьимъ; но послѣ того, недавно, возстановляя земскіе суды, примѣшало къ нимъ и козаковъ. 2-е. Неменьше же нѣкоторыя права суть противны и естественному праву, нѣкоторомъ всякій гражданскій законъ основанъ быть долженствуетъ, а особливо, что касается до артикула 16-го, раздѣла одинадцатаго, гдѣ кровь простаго человѣка, шляхтичемъ пролитую, отсѣченіемъ токмо руки и весьма малымъ платежемъ отметить повелѣно. Сей законъ можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные, а особливо достоинства шляхетскаго непріобрѣвшіе, стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства. 3-е Видъ правленія въ землѣ, который трудно сообразить. съ предписаннымъ въ правахъ, и различное состояній народныхъ раздѣленіе. 4-е. Къ истребленію своевольства, неистовства, неправо-

судія и другихъ злодѣяній недостаточныя денежныя наказанія, въ правѣ нашемъ изображенныя, сходно съ давними годами, когда поляки и наши обыватели были еще и нынѣшнихъ бѣднѣе въ деньгахъ, великій вредъ обществу наносятъ. 5-е. Многія изъ сихъ правъ пополнены, другія жъ и вовсе отмѣнены установленіями, на сеймахъ послѣ изданія правъ учиненными, исполненіе коихъ равно съ правами, отъ Сигизмунда Августа вышепомянутою привиллегіею, здѣшнему народу предписано. 6-е. Указы, въ дополненіе и отмѣну статута такъ же послѣдовавшіе иногда предпочитать земскому праву, иногда же, въ чемъ съ правомъ несогласуютъ, неисполнять, отъ верховнѣйшихъ властей повелѣнія выходили. 7-е. Темнота трудная къ понятію прямому, а особливо людямъ, въ наукѣ правъ неискуснымъ, подающая поводъ къ пристрастнымъ толкованіямъ и мнѣніяхъ, что въ статутѣ нашемъ можно сыскать законъ на законъ. 8-е. Употребленіе правъ, по причинѣ неимѣнія на природномъ, на польскомъ языкѣ, отъ ученія которому изъ нѣкоторыхъ временъ отставать стали. 9-е. Недостатокъ во многихъ положеніяхъ, нужныхъ обществу, бываетъ причиною, что пріемлютъ и другія христіанскихъ областей и городовъ права, нетокмо намъ, но и всему почти краю нашему малослужащія. А сверхъ сего, отъ разнообразія и несходства между собою законовъ и обрядовъ, рождается вражда и зависть, произрастающія взаимныя насильства и озлобленія, которыя всякій благонамѣренный отечества сынъ истреблять, а на ихъ мѣсто искренность и единодушіе во всѣхъ вперять и утверждать обязанъ. То, какъ мы не сомнѣваемся, что новое уложеніе, сочиненіе проэкта которого, съ помощію Божіею, начнется по прыбытіи депутатовъ, прозорливостію и премудростію матери отечества нашего очищено будетъ отъ всего того, что съ просвѣщенностію времени иесогласуется и прежнимъ правамъ Россійскимъ въ томъ, что для тогдашняго вѣку нужно было подобное найтися могло бы, и потому будетъ еще достаточнѣе и намъ полезнѣе нежели право, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ на сеймахъ предкамъ нашимъ пожалованное и отъ всѣхъ Самодержцевъ Всероссійскихъ утвержденное,—повѣряемъ вамъ доставить Ея Императорскому Величеству все-

подданнѣйшую нашу просьбу, чтобъ мы яко равные къ равнымъ, свободные къ свободнымъ, яко бывшій издревле истинный, главнѣйшій членъ россійскаго народа, къ первому его тѣлу, въ сообщество единаго закона, присовокуплены были, оставляя намъ на вѣки всѣ отличныя выгоды и вольности, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ мы до сего не нарушимо пользовалися, изобразивъ оныя, для вѣчнаго храненія и исполненія, въ новосочиняемыхъ законахъ на мѣстахъ приличныхъ, и къ укрѣпленію между нами и прочимъ россійскимъ народомъ совершенной взаимной, дружбы и единодушія пожаловано бы было намъ въ честяхъ и преимуществахъ съ нимъ равенство.

2-е. Къ отвращенію сомнительствъ о породѣ изъ шляхетства, по причинѣ неимѣнія, для неспокойствъ и безпорядковъ, чрезъ долгое время въ Малой Россіи властвовавшихъ, разрядовъ или инныхъ списковъ, равнымъ образомъ и къ пресѣченію впредь простороднымъ похищать безъ заслугъ преимущества и выгоды, съ онымъ достоинствомъ сопряженныя, да будетъ угодно Ея Императорскому Величеству всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и статскихъ малороссійскихъ вѣрно предкамъ Ея Величества или самимъ Ея Величеству служили и служатъ, указать написать, по засвидѣтельствованію отъ Генерала-Губернатора, въ списокъ шляхетства, (сіе сходно будетъ съ договорами, постановленными съ гетманами: Игнатовичемъ, Самойловичемъ и Мазепою) и обще съ состоявшимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, такожъ съ получившими сіе достоинство отъ Королей Польскихъ и отъ Царей Всероссійскихъ, утвердить навѣки имъ свободу въ покупкѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, въ выходѣ въ иностранныя земли для службы, наукъ и житья тамо, въ принятіи и оставленіи военной и статской службы и во всѣхъ тѣхъ выгодахъ и преимуществахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство пользуется.

3-е. До нынѣшняго времени о воспитаніи юношества весьма малое или, лучше сказать, почти никакого у насъ неупотреблено попеченія, ибо, неимѣя порядочныхъ училищъ и воспитательныхъ

домовъ, жители здѣшніе тѣ токмо, коимъ непрепятствовалъ достатокъ, отправляли дѣтей своихъ въ Санктпетербургъ и Москву и въ чужіе краи; напротиву того, тѣ, которыхъ счастіе неодарило достаткомъ, отдаленностію и другими неудобствами лишенные способовъ къ хорошему воспитанію дѣтей, оставляли ихъ, безъ надлежащаго присмотра, въ домахъ возрастать безполезно и часто въ тягость обществу; женской полъ оставленъ былъ также безъ надлежащаго призрѣнія и ученія. Къ поправленію сего общественнаго недостатка, для просвѣщенія нравовъ народныхъ, искорененія невѣжества и въ разсужденіи того, что безъ добраго воспитанія нельзя быть искуснымъ и храбрымъ военачальникомъ, мудрымъ государственнымъ служителемъ, справедливымъ судьею гражданамъ общества, да соизволитъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше учредить въ Малой Россіи дворянской корпусъ, въ которомъ бы малороссійскимъ дворянамъ, какъ нужное для утвержденія ихъ въ добронравіи воспитаніе, такъ и ученіе всему тому, что благородному человѣку въ военной и статской службахъ и въ сообществѣ гражданскомъ полезно быть можетъ, дано было. Особо же для ученія высшимъ наукамъ и распространенія воспитаній, которыми ученые люди государственной и собственной каждаго пользѣ, въ домостроительствѣ и въ прочемъ, жизни человѣческой нужномъ, служить могутъ, основать въ приличномъ мѣстѣ университетъ или академію; а какъ и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи, то и для нихъ, гдѣ покажется за благо, завесть особливой домъ воспитанія, къ которому присовокупить ученіе всего имъ надобнаго и полезнаго, въ чемъ полагаемся на премудрое Ея Величества благоучрежденіе.

4-е. Шляхетство здѣшнее, имѣя охоту къ отправленію государственной службы и къ наученію дѣлу военному, хотя и вступаютъ въ полки регулярные, но часто отдаленное отъ домовъ пребываніе бываетъ имъ въ продолженіи службы помѣшательствомъ. Наше же отечество неимѣетъ другого воинства, кромѣ козаковъ, начальства надъ которыми, опредѣляемыя, по причинѣ безпорядочнаго, не по старшинству и заслугамъ, но общимъ выборомъ и усмотрѣ-

ніемъ властей, произвожденія, коснѣютъ въ однихъ чинахъ; а видя, что незаслуженные похищаютъ предъ ними первыя мѣста, приходятъ въ оплошность. Для сего просимъ всеподданнѣйше, дабы для пользы государственной, въ умноженіи россійскаго побѣдоноснаго войска и въ оборонѣ границъ, козаки здѣшніе въ лучшемъ и порядочнѣйшемъ видѣ и службѣ государевой устроены были. Сіе самое и для нихъ будетъ сходственнѣе, ибо тягостная ихъ служба, часто противу должности военнаго человѣка отправляемая, превратится въ порядочную, званію ихъ приличную и государству прочнѣйшую; а шляхетство, начиная въ таковыхъ полкахъ служить отъ нижнихъ чиновъ и восходя по степенямъ, учинятъ себя достойными охранителями имперіи и полезными гражданами общества.

5 е. Чтобъ случающіеся между шляхетствомъ въ земскихъ дѣлахъ споры скорѣе, а иногда и на словахъ, разбираемы быть могли, то всеподданнѣйше просимъ позволить намъ для первой инстанціи по тяжбамъ въ земляхъ шляхетскихъ имѣть суды земскіе, въ которые судей выбирать бы намъ изъ между себя. Симъ же судамъ состоять подъ апелляціею тѣхъ правленій, которыя Ея Императорское Величество самодержавною властію своею, для лучшаго народнаго блага, устроить соизволитъ.

6-е. Приложеннымъ при манифестѣ декабря 14 дня 1766 года. обрядомъ указано: выбрать дворянскаго продводителя, дая оному на два года полную довѣренность нетокмо пры нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, еслибы послѣдовали отъ верховной власти каковыя особыя повелѣнія, принадлежащія до общаго дворянъ разсужденія и положенія. Но какъ въ томъ высочайшемъ повелѣніи неизображено, по прошествіи двухъ лѣтъ, выбирать ли новаго предводителя такихъ ради дѣлъ, то всеподданнѣйше просимъ, дабы возобновленіе, по перемѣнамъ, такова выбора намъ дозволено было; и ежели о бытіи всегда предводителя учинено будетъ соизволеніе, то чтобъ, въ случаѣ надобности дворянина для отвѣта предъ государственнымъ правленіемъ (кромѣ земскихъ дѣлъ), о высылкѣ онаго требовано было отъ предсѣдателя; равнымъ образомъ и все

званію сему приличное исправленіе къ должному исполненію предписано бы было.

7-е. Шляхетство здѣшнее осмѣливается при семъ случаѣ представить Ея Императорскому Величеству всенижайшую о слѣдующемъ просьбу: чтобъ кромѣ тѣхъ, которые изъ высочайшей Ея Величества милости по 2-му пункту прошеній нашихъ, въ семъ наказѣ изображенныхъ, внесены будутъ въ списокъ нашего шляхетства, никому стороннему непозволено было покупать у насъ деревень, мельницъ, земли и всякаго угодія до тѣхъ поръ, пока желающій купить отъ предводителя и всего шляхетства общимъ опредѣленіемъ, по докладу Генералу-Губернатору, въ сообщество наше принятъ не будетъ; а таковы принятія, на общихъ собраніяхъ нашихъ, мы всѣ достойнымъ дворянамъ, а особливо природнымъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ, раздавать обязаны.

8-е. Малороссійскіе Гетманы, начавъ отъ Демьяна Игнатовича, по даннымъ имъ въ договорахъ позволеніямъ, награждали за государеву въ войскѣ службу деревнями, землями, мельницами и всякими угодьями, на каковы награжденія отъ стороны государевой обнадежено давать подтвердительныя грамоты. Бѣдность получившихъ таковыя благодѣянія, а отчасти внутреннія неспокойства, чрезъ долгое время къ блаженству предковъ нашихъ препятствовавшія, были причиною, что рѣдко кто искалъ особаго Монаршаго подтвержденія. Равнымъ образомъ многіе изъ помѣщиковъ и старшинъ, въ давнія времена занявъ пустыя въ особенности бывшія земли, поселили на оныхъ къ лучшему государства прибытку деревни, выростили рощи, основали земледѣліе, ввели скотоводство и разные промыслы и запрудили плотины, на которыхъ къ пользѣ жителей построили мельницы и изъ того государственную отправляли и отправляютъ службу; таковыя владѣнія утверждены были здѣшнему народу, какъ нѣкоторыми статьями подъ именемъ займищъ, такъ правами и привилегіями. Въ послѣднія времена были они подвержены разнымъ неспокойствамъ, описью многихъ въ казенное вѣдомство и насильственными отборами въ партикулярныя руки Въ отвращеніе толикихъ смятеній просимъ у Ея Императорскаго Величества

всемилостивѣйшаго утвержденія всѣхъ сихъ наданныхъ, занятыхъ и выслуженныхъ маетностей, хуторовъ, пахатныхъ земель, лѣсовъ всякаго дерева, сѣнокосовъ, мельницъ и другихъ угодій, въ вѣчномъ и наслѣдственномъ обоего пола владѣніи, за кѣмъ что нынѣ находится, исключая партикулярныя претензіи, о разсмотрѣніи и рѣшеніи которыхъ никакая привилегія силы общаго закона отнимать не долженствуетъ.

9-е. Въ прежнія времена между шляхетствомъ, козаками и другими обывателями отправлялась покупка недвижимыхъ имѣній въ разсужденіи того, что правомъ Великаго Княжества Литовскаго оставлено свободное добра своего употребленіе: въ продажу въ подарокъ, въ приданное, въ замѣну и въ закладъ. Особливо же 1734 года именнымъ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны указомъ повелѣно: „ежели въ свободныхъ или владѣльческихъ маетностяхъ козакъ грунтъ свой продастъ и на ономъ самъ жить пожелаетъ, оный долженъ отдавать и чинить по пропорціи имѣнія своего всякія посполитскія повинности, а ежели мужики, продавъ грунты свои, съ нихъ сойдутъ, а другіе на ихъ мѣстахъ жить станутъ и тѣми грунтами владѣть будутъ, тѣ такожъ де отдаютъ, по пропорціи имѣнія ихъ, повинности, какъ и другіе владѣльческіе подданые“. А хотя 1739 года, по причинѣ тогдашняго военнаго случая, для отвращенія умаленія службы козачей запрещено, до окончанія войны и будущаго соизволенія, продажею и другими сдѣлками имѣнія козачьихъ добръ присвоивать, однако, когда война окончилась, то по причинѣ послѣдовавшей вскорѣ Государини Императрицы Анны Іоановны кончины и наставшихъ въ Россіи перемѣнъ, никакого точнѣйшаго о томъ узаконенія не послѣдовало, сверхъ того, при избраніи послѣдняго Гетмана, утверждены прежнія права и вольности, и велѣно поступать по указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ безъ нарушенія свободъ и правъ народа; то потому шляхетство покупали у козаковъ грунты, мельницы и всякія угодья, и на нѣкоторыя изъ такихъ владѣній между гетманствами даваны были подтвердительныя грамоты; надлежитъ нынѣ просить всеподданнѣйше, чтобъ Ея Императорское Величество

благоволили, изъ особливой матерней своей къ намъ щедроты, такія покупленныя добра, равно съ имѣніемъ шляхетскимъ, утвердить намъ во вѣчное и потомственное обоего пола владѣніе.

10-е. По таковомъ всемилостивѣйшемъ укрѣпленіи генерально въ Малой Россіи недвижимыхъ имѣній, да будетъ угодно Ея Императорскомъ Величеству указать нарочнымъ межевщикамъ и землемѣрамъ ограничить всѣ земли и угодья и для прекращенія споровъ и слѣдующихъ неспокойствъ сочинить межевыя на пергаментѣ книги; по окончаніи же того каждому помѣщику утвердить помѣстья его вѣчно и наслѣдственно, въ родъ обоего пола, Высочайшими Ея Императорскаго Величества грамотами, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, порознь изображая въ оныхъ всѣ границы, мѣру земли и всякія угодья.

11-е. Просимъ всеподданнѣйше, чтобъ свободныя въ собственномъ каждаго имѣніи винокуренныя дѣланія всякихъ напитковъ, шинкованіе и продажа оптомъ всего того, обращеніе всякаго рода внутреннихъ продуктовъ, для лучшей каждому прибыли, внутренніе же промыслы намъ безъ пошлины и безпрепятственны были навѣки, такожъ дабы шляхетство имѣло свободу въ привозѣ Крымской соли, въ отгонѣ скота, въ вывозѣ пеньки и другихъ всѣхъ, въ ихъ земляхъ родящихся, товаровъ въ чужіе краи, платя въ пограничныхъ таможняхъ пошлину; а чтобъ никто въ сихъ вольностяхъ не имѣлъ чинить помѣшательствъ, утверждено бъ намъ было, при сочиненіи новыхъ законовъ, особою привилеіею.

12-е. Въ часто упоминаемой, отъ Сигизмунда Августа народу здѣшнему пожалованной, привилегіи между прочимъ узаконено: „для признанія верховной королевской власти и въ изъявленіи подданства давать повинность изъ земли, гдѣ раздѣлена, отъ волоки, а гдѣ невымѣрена отъ дыму, т. е. избы“. Но нѣтъ никакого извѣстія, во всѣхъ ли мѣстахъ тогда или послѣ того въ Малой Россіи земли вымѣрены были? Во время же положенія на довольство, изъ сей стороны, нѣкоторой части войскъ Россійскихъ, консистентскія дачи росписываемы были по дворамъ и по статьямъ имущества, неописывая онаго порознь,

съ великимъ для однихъ облегченіемъ и несноснымъ для другихъ отягощеніемъ, которая поставка, отдаленная и неблаговременная провіанта и фуража въ натурѣ, или взысканіе за оные деньгами, противу положенной цѣны въ трое и больше умножили; нынѣ наложенный же вмѣсто того по рублю съ избы окладъ, также для подсусѣдковъ и другихъ жителей, земли неимѣющихъ, неуравнителенъ въ разсужденіи пахотныхъ людей; располагать же по пропорціи имущества невсегда возможно потому, что инаго и все имѣніе въ таковыхъ нищихъ людяхъ состоитъ. Въ разсужденіи сего повѣряется всеподданнѣйше просить, дабы Ея Императорское Величество соизволили указать должную отъ поселянъ подать, по окончаніи межеванія и ревизіи, расположить безъ отягощенія народа, который лишенъ будучи способовъ къ обращенію въ прибытокъ продуктовъ своихъ, провождаетъ жизнь въ скудости по землямъ, которыми они дѣйствительно пользуются, и промыслами, законами имъ дозволенными, и такова бы ревизія въ указаное время возобновляема была; шляхетскія же земли и угодья, къ дворцамъ владѣемыхъ ими маетностей издавна принадлежащія, и куплями, либо иными таковыми сдѣлками пріобрѣтенныя, по подлинному доказательству свидѣтелями и крѣпостьми, въ сходство привилегій и прежнихъ правъ до сего намъ укрѣпленныхъ, отъ всякихъ повинностей были бы свободны.

13-е. Оною-же привилегіею увольнены всѣ обыватели края здѣшняго, шляхетскіе подданные, отъ строенія крѣпостей и всякихъ государственныхъ работъ, которою свободою пользовались они и по возвращеніи Малой Россіи къ соединенію съ Россіею; въ послѣднія времена наряжали ихъ въ великомъ числѣ для строенія линій и крѣпостей, въ бывшую турецкую войну въ погонщики, для полоненія льду и для многихъ тяжелыхъ работъ; а особливо, по именному указу 1756 года, посланы были въ армію набранные изъ посполитыхъ восемь тысячъ человѣкъ, которые, хотя по всемилостивѣйшему Императорскаго Величества соизволенію на прежнія жилища отпущены, возвратились съ великимъ въ числѣ ихъ уменьшеніемъ. При нынѣшнимъ случаѣ пріемлемъ дерзновеніе просить всеподданнѣйше, чтобъ подданные наши кромѣ узаконяемой государ-

ственной подати, свободны были отъ всякихъ работъ, нарядовъ и наборовъ.

14-е. Подданные наши, въ наслѣдныхъ, наданныхъ и купленныхъ вотчинахъ нашихъ живущіе, ежечастно терпятъ великія обиды отъ переходящихъ и стоящихъ Россійскихъ войскъ, не взирая на то, что отъ всѣхъ насильствъ жители края здѣшняго милосердными государей Всероссійскихъ, а особливо многими, отъ безсмертной памяти Государя Императора Петра Великаго указами, изданными и постановленными съ народомъ договорами, предохранены; и хотя таковыя благія распоряженія отъ верховныхъ правительствъ и начальниковъ, при всякомъ случаѣ, къ должному исполненію подтверждаются, а особливо отъ главнокомандующаго нынѣ Украинскою дивизіею, господина Генерала Аншефа, малороссійскаго Генералъ-Губернатора, Его Сіятельства Графа Петра Александровича Румянцева, къ охраненію правленія его ввѣренной страны и къ усмиренію своевольствъ предприняты и предпринимаются всякія мудрыя мѣроположенія, но дабы они когда либо неучинились слабою народу защитою, и потому постоями обывательскихъ домовъ, безъ показанія отъ земскихъ начальствъ или владѣльцевъ, а шляхетскихъ домовъ (привилегіями и прежними, особливо же указами Государя Императора Петра Великаго отъ постоевъ увольненыхъ), отнюдь не занимали, лагерами, безъ отводу такого-жъ, не становились, излишнимъ употребленіемъ дровъ и обращеніемъ огорожи и другихъ строеній для топленія ненаносили убытковъ, безденежно у обывателей хлѣбомъ и ничѣмъ недовольствовались, въ подводы и ни въ какія работы безъ добровольнаго найма и заплаты людей и скота ихъ не брали, къ вящему и песносчѣйшему озлобленію, боями и безчестіями никому обидъ не наносили, а паче дабы военные начальники въ городахъ и землями подданныхъ нашихъ къ себѣ не брали и пристрастными розысками, или наказаніями ихъ неозлоблями, да будетъ угодно Ея Императорскому Величеству вновь высочайше подтвердить; но какъ въ случаѣ искательства по таковымъ обидамъ, за отлучками судей и обывателей, а особливо во время перехода войскъ, жалобщикамъ вслѣдъ за командами таскаться разорительно, то все-

подданнѣйшее просимъ, чтобъ къ отвращенію всякихъ насильствъ, для скорѣйшаго сысканія виновнаго, учреждена была внутри Малой Россіи, гдѣ удобно, подъ вышнимъ судомъ и дирекціею Генерала-Губернатора, особливая Коммиссія, въ которую бы равное число членовъ изъ малороссійскихъ уроженцевъ опредѣлено было, и оные отправляли бы дѣла свои на такомъ основаніи, какъ учрежденная манифестомъ марта 13-го дня 1740 года поступала, чтобъ всѣ обыватели высшихъ и нижнихъ чиновъ отвѣтствовали и судились въ ней, а особливо дабы начальники подчиненныхъ своихъ, на коихъ произойдутъ жалобы, по требованію Коммиссіи къ суду, подъ страхомъ взысканія, высылали. А понеже изъ сего, по мнѣнію нашему, защищеніе маетностей и селеній нашихъ отъ обидъ еще недостаточно, потому что жители здѣшніе изъ оплошности могутъ иногда дать и самимъ обидителямъ одобрительныя свидѣтельства, то въ дополненіе просить надлежитъ, чтобъ при маршахъ полковъ были всегда изъ здѣшнихъ уроженцевъ, въ чинахъ находящихся, или дворянъ, особливые комисары для охраненія поселянъ и заплаты за всѣ, для войска взымаемыя, по добровольной цѣнѣ вещи, которые снабжены были бы полнымъ наставленіемъ, въ дачѣ коего полагаемся на благоразумное изобрѣтеніе нашего Генералъ-Губернатора.

15 е. Высочайшимъ именнымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, 1763 года даннымъ, полкамъ, на довольствѣ обывателей малороссійскихъ до сего бывшимъ, и нѣкоторымъ, особливо отъ коммиссаріата дольствуемыхъ, пѣхотнымъ и конным, назначены по городамъ въ Малой Россіи непремѣнныя квартиры. Таковое премудрое учрежденіе тѣмъ полезнѣе отечеству нашему было-бъ, что въ городахъ состоящія войска могутъ безъ отягощенія жителей содержать себя, покупая добровольно у торговыхъ людей всякія къ пропитанію нужныя вещи, и, по большому пространству городскихъ домовъ, могутъ вмѣщаться въ квартирахъ безъ препятствія въ домашнихъ работахъ хозяевамъ; напротивъ того, расположенныя по деревнямъ въ обыва-

тельскихъ домахъ нетолько хозяевамъ въ работахъ домовыхъ чинятъ помѣшательство, но, къ вящему поселянъ разоренію, не имѣя гдѣ купить съѣстныхъ и другихъ припасовъ, остаются на довольствѣ хлѣбомъ и прочимъ у обывателей. Для сего просимъ всеподданнѣйше, чтобъ Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволили, расположить полки по однимъ городамъ, къ лучшей самихъ же мѣщанъ пользѣ, чрезъ умноженіе прибытковъ ихъ покупкою всякихъ вещей въ торгахъ.

16-е. Шляхетство нерѣдко терпитъ великую обиду и разореніе отъ того, что занимая деньги, принуждено бываетъ закладывать имѣнія свои на упадъ, т. е. безъ выкупа по прошествіи срока; а прежде послѣдовавшаго въ 1764 году указа къ умноженію вреда служили великіе проценты, которыми заимодавцы отягощали должниковъ; давать же съ шестью процентами не всякому приватному человѣку сходно, потому что обращеніемъ капитала своего въ торгъ или промыслы могутъ они дѣлать прибыточнѣйшее себѣ употребленіе; сверхъ того, крайняя въ деньгахъ скудость лишаетъ сограждан нашихъ способовъ распространять, къ пользѣ государства, комерцію и промыслы. Для того всеподданнѣйше просимъ, чтобы изъ особливой Ея Императорскаго Величества Высочайшей милости, Банкъ государственный, въ Малой Россіи, для пользы общей учрежденъ былъ, на такомъ основаніи, какъ оный въ Россіи для дворянъ заведенъ; шляхетство восчувствовало бы еще болѣе метернюю Ея Величества безприкладную шедроту, ежели бы проценты банка сего всемилостивѣйше пожалованы были въ помощь на содержаніе воспиталищъ и училищъ, яко благое и полезное всей имперіи дѣло, такъ какъ Ея Величество высочайше опредѣлили для содержанія Воспитательныхъ домовъ въ Россіи, и симъ узнало, каковое принимаетъ оно участіе во всѣхъ благодѣяніяхъ подданымъ Ея, дворянамъ россійскимъ.

Впрочемъ здѣшнее шляхетство повѣряетъ вамъ представить Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее его благодареніе за матернее о благѣ нашемъ Ея попеченіе, которое не токмо ввѣренные отъ Бога руководству Ея народы, но и самые отдаленные края съ удивленіемъ прославляютъ.

III.

1767.

Наказъ Прилуцкаго шляхетства.

Выбранному отъ шляхетства полку Прилуцкого Депутату Господину Асаулу Генеральному Ивану Михаиловичу Скоропадскому.

О Всевисочайшомъ Ея Императорскаго Величества повелѣніи, изображенномъ въ изданномъ изшедшаго 1766 году декабря 14 манифестѣ, и во всей Всероссійской Имперіи, въ томъ числѣ и въ Малой Россіи, обнародованномъ, о выборѣ по приложеннымъ при томъ манифестѣ обрядамъ всякого званія вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества Депутатовъ въ коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія, въ первостоличномъ Ея Императорскаго Величества городѣ Москвѣ высокоучрежденную, вы довольно извѣстны.

Во исполненіе оного Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, всего полку Прилуцкого отъ шляхетства вы таковымъ Депутатомъ выбраны, предваряя тотъ выборъ учиненною нами по обряду выбора дворянского Депутата присягою, а по выборѣ и сочиненное по образцу Депутатскому полномочіе вамъ подписали.

А какъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Монархиня наша, изъ одиного своего высокоматерного и безпримѣрного ко всѣмъ вѣрноподаннымъ своимъ милосердія Всемилостивѣйше соизволила указать, съ таковыми Депутатами всенижайшіе челобитныя, также усмотрѣнные общіе недостатки и нужды представить въ высокоупомянутой

коммиссіи, а по образцу положено Депутату дать о томъ за подписаніемъ всего собранія наказъ,—

то мы всѣнижеподписавшіеся полку Прилуцкого шляхетство, учиня Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше наше челобитье, и за толь всещедрое Ея Императорскаго Величества благоутробіе и о вѣрноподанныхъ своихъ попеченіе изобразивъ, наше робское благодареніе, для подачи онаго, гдѣ надлежитъ, при семъ наказъ вамъ прилагаемъ.

Какіе же нужды и недостатки наши нами усмотрѣны, оные ниже сего по пунктамъ слѣдуетъ.

1.

При державѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Гетманъ Малороссійскій Богданъ Хмельницкій съ войскомъ и народомъ Малороссійскимъ, со всѣми городами, землями, селами и деревнями, Державѣ Всероссійской въ подданство вѣчно приступилъ. Чему Его Царское Величество Всемилостивѣйше соизволяя, на всѣ его, Гетмана, съ войскомъ прошенія всему народу Малороссійскому, духовнаго и мирскаго званія чинамъ и козакамъ, чрезъ статьи данные, нетолько пользоваться своими издревле пріобрѣтенными по привилегіямъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ правами и вольностями, но и бывшими во владѣніи ихъ имѣній обыкновеніями Всемилостивѣйше жъ пожаловалъ, утвердилъ.

По блаженной же Его Царского Величества кончинѣ, Высочайшіе Его Величества наслѣдники, Государи, Цари и Великіе Князи и Самодержцы Всероссійскіе, наипаче же Его Императорское Величество, блаженныя и высокославныя памяти Великій Государь Петръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, также Его Императорское Величество, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Петръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и Ея Императорское Величество, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыня Императрица Анна Іоановна, а на послѣдокъ и

Ея Императорское Величество, блаженной и вѣчной славы достойныя памяти Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская Елисаветъ Петровна, многими Высочайшими грамотами и публикованными въ народъ Малороссійскій печатными указами тѣ права, привилегіи, вольности и обыкновенія Высочайше подтвердить соблаговолили.

О подтвержденіи коихъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей нашей Монархини, всеподданнѣйше просить.

2.

А какъ оные права, а имянно въ книгѣ Статутѣ содержимые, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, въ 1433 году отъ Владислава Ягелла, въ 1507 году отъ Сигизмунда Первого, въ 1569 году отъ Сигизмунда Августа, здѣшнему краю привилегіями наданные и отъ высокославныхъ Ея Императорскаго Величества предковъ въ разныхъ годахъ, яко то: въ 7162 году, а отъ Рождества Христова въ 1654 году марта 27 дня отъ Его Царского Величества, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Гетману Богдану Хмельницкому двумя грамотами, да въ томъ же году и по 13 статьѣ емужъ, Богдану Хмельницкому, и въ 7168 году октября 17 дня Гетману Юрію Хмельницкому, а 7180 году отъ Егожъ Царского Величества, во время избранія Гетмана Самойловича, старшинамъ и всему войску, такожъ въ 1687 году іюля 29 и въ 1708 ноября 1 отъ Его Императорского Величества, блаженныя и высокославныя памяти Государя Петра Великого, Самодержца Всероссійского, а особливо въ 1709 году февраля 13 отъ Егожъ Императорскаго Величества печатными публикованными указами, въ 1711 году генваря 5 дня и въ 1717 году ноября 8 дня отъ Егожъ Императорского Величества Гетману Скоропадскому, а въ 1728 году отъ Его Императорскаго Величества, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Петра Второго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, Гетману Апостолу, такожъ въ 1730 году мая 15 дня отъ Ея Императорскаго Величества, блаженныя и

вѣчно достойныя памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержцы Всероссійской, емужъ Апостолу, а въ 1749 году декабря 15 дня и въ 1750 году отъ Ея Императорскаго Величества, святоусопшія Государини Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійской, Высочайшими грамотами Малороссійскому народу, къ достиженію всякого правосудія, Всемилостивѣйше подтверждены, по коимъ издревле, даже до нынѣ, всѣ шляхетского званія, духовные и мирскіе чины и козаки во всѣхъ своихъ тяжбахъ въ судахъ Малороссійскихъ отъ опредѣленныхъ въ оные суда своихъ Малороссійскихъ Старшинъ судими были и росправою пользовалися и нынѣ пользуются, И для того Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить, дабы по означеннымъ правамъ книги статута намъ и на будущіе времена во учрежденныхъ по имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему указу судахъ, на то по тѣмъ же правамъ выбираемыхъ судей судится Всемилостивѣйше подтверждено было.

3.

Всѣ имѣнія недвижимые нынѣ нами владѣемые, предковскіе, жалованные и наданные, купленные, займы набытые, по предъобъявленнымъ же привилегіямъ и жалованнымъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества отъ предковъ грамотамъ и статьямъ, въ согласіе правъ нашихъ, по Статуту въ роздѣлѣ третомъ въ артикулахъ: 2, 41 и 43 изображенныхъ, всеподданѣйше Ея Императорскаго Величества просить во владѣніи нашемъ пожаловать, утвердить; и чтобъ впредь, въ согласіе Статутового права и обыкновеній нашихъ, продажа и купля шляхетству съ козаками взаимно свободна была на всегда, просить Высочайшего подтвержденія, якожъ мы единственно отъ своихъ имѣній и службу Ея Императорскому Величеству отправляемъ.

4.

Въ имянной Высочайшей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государини Императрыци Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, въ 1734 году августа отъ 8 состоявшейся грамотѣ къ умер-

шему Генералъ-Лейтенанту Князю Шаховскому, бывшему въ управленіи Гетманского уряду, по 5-му пункту Всемилостивѣйше повѣлено: ревизію въ Малой Россіи дворового числа козаковъ и посполитыхъ и подсусѣдковъ въ томъ же году учинить вновь, чтобъ обиватели во всякихъ общенародныхъ повинностяхъ были уравнены, и одни передъ другими не имѣли въ томъ тягости; а впредь по вся годы, или чрезъ нѣсколько годовъ таковуюжъ ревизію чинить.

Для того Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить о бытіи и впредъ въ Малой Россіи ревизіямъ такимъ порядкомъ, какъ въ вашеобъявленной Высочайшей грамотѣ показано, а нынѣ производимую по душамъ мужска и женска полу и всѣхъ нашихъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній генеральную перепись чтобъ Всемилостивѣйше повелѣно было отставить.

5.

Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить: о облегченіи Малороссійскихъ обивателей отъ собираемого нынѣ съ нихъ, не различая по имуществу, со всякой хаты, во мѣсто прежде бывшой дачи консистентской, рублевого окладу, отъ коего обыватели, а паче бѣднѣйшіе и подсусѣдки, никакихъ грунтовъ за собою неимѣющіе, чувствуютъ немалую тяжесть, и кои по скудости своей не могутъ оного отплатить, сами ихъ владѣльцы за нихъ принуждены отплачивать не упустительно; содержаніе же въ Малой Россіи указныхъ консистентовъ на безденежномъ довольствіи имѣть, производя отъ обывателей на тѣхъ консистентовъ на самое наличное число людей и лошадей, какъ по именному Ея Императорскаго Величества, блаженной памяти Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской Елисаветы Петровны о содержаніи консистентовъ въ 1749 году состоявшомся указу предписано.

6.

О расположеніи указныхъ консистентовъ на непремѣнные квартиры, дабы одни обыватели отъ утѣсненія ихъ чрезъ всегдашное тѣхъ консистентовъ въ однимъ мѣстахъ по квартирамъ стояніе мо-

гли имѣть облегченіе, Всемилостивѣйшее отъ Ея Императорскаго Величества благоразсмотрѣнія просить.

7.

Имянною блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Петра Первого, Императора и Самодержца Всероссійского, Высочайшую грамотою 1721 года января 21 дня повелѣно въ Малой Россіи у заслуженныхъ особъ у Полковниковъ, у сотниковъ и протчей Старшины, у Поповъ и у церковниковъ, на дворахъ ихъ, гдѣ сами живутъ консистентскихъ квартеръ неимѣть.

О подтвержденіи по тому и нынѣ всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества просить.

8.

О Высочайшомъ Ея Императорскаго Величества повелѣніи содержать насъ, состоящимъ въ разныхъ Малороссійскихъ штатскихъ и военныхъ чинахъ, въ чести дворянской, всеподданнѣше просить Высочайшей на то отъ Ея Императорскаго Величества привилегіи, какъ и по статьямъ, въ 7177 году отъ Его Царского Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Гетману Малороссійскому, по 6-му, а въ 7195 отъ ихъ Царского Величества, Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и благовѣрной Государыни, Царевны и Великой Княгини Софіи Алексѣевны, по 4-му, даннымъ, заслуженныхъ въ Малой Россіи чиновъ дворянскою честію удостоено, и впредь кои заслужатъ—всѣмилостивѣйше обнадежено.

9.

Прежде сего Малороссійскій народъ свободнымъ вывозомъ изъ Турецкой земли и изъ Польши въ Малую Россію если, яко нужнѣйшей къ препитанію человѣческому вещи, пользовался въ весьма малымъ за оную индуктовымъ платежемъ отъ воза, а по установленіи таможенъ по Польскимъ и Турецкимъ границамъ, положано съ пуда соли брать пошлины по 10 копѣекъ, отъ чего соль такъ

высшую цѣну получила, что самая пошлина противъ бывшей прежней цѣны вывозимой соли мало что недоходитъ. Сіе вывозимой соли таковою пошлиною обложеніе толь нужно обывателямъ здѣшнего краю, что всѣ вообще немалую тяжесть чувствуютъ. Для того, Ея Императорскаго Величества высокоматерняго помилованія о уменьшеніи таковой изъ вывозимой Малороссіянами соли пошлины всеподданнѣйше просить.

10.

Чтобъ свободное винокуреніе, дѣланіе всякихъ напитковъ и продажа всего того въ городахъ и мѣстечкахъ по торгамъ и ярмонкамъ, обращеніе всякого рода продуктовъ внутреннихъ во внутреніе же промыслы, для лучшей каждому шляхетству своей прибыли и необходимою къ подлежащей почину всякого службѣ себя содержанія, безпошлинны беспрепятственны были, всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества на то Высочайшей просить грамоты.

Сіи наши всенижайшія прошенія имѣете, за прибытіемъ въ столицу Ея Императорскаго Величества, въ городъ Москву, гдѣ надлежитъ по силѣ манифеста, всеподданнѣйше представить. Мы же несомнѣнно надѣемся, что вы по нашей чистосердечной къ вамъ довѣренности, по которой находя мы достаточные къ сему достоинству въ васъ качества, не оставите въ семъ, яко общемъ дѣлѣ, вашего попеченія и усердія, соображая себе при всемъ томъ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества высокоматерномъ волѣ, благоразсмотрѣнію и благоволенію, которые суть начало и основаніе къ достиженію нашего всеобщого благополученія и пользы.

Всевышній же Господь да сохранитъ Ея Императорскаго Величества дражайшое здравіе и долготу лѣтъ во всякомъ благоденствіи, да пособитъ дѣло сіе великое совершить на славу всесвятого имени Его, на прославленія премудрыя Самодержицы нашей во всѣхъ родѣхъ и концахъ земли на пользу всего отечества отъ всѣхъ сердецъ нашихъ, рабски и всеподданнѣйше желаемъ.

Предводитель Шляхетства Подсудокъ Земскій Повѣту Иваницкого Петръ Максимовичъ.

Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ. Подкоморій повѣту Иваницкого Григорій Горленко. Бунчуковій Товаришъ Петръ Горленко. Судія Земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко. Судія Земскій повѣту Иваницкого Федоръ Свѣрскій. Бунчуковій Товаришъ Лаврентій Раковичъ Бунчуковій Товаришъ Андрей Мазаракій. Бунчуковій Товаришъ Захаръ Раковичъ. Бунчуковій Товаришъ Петръ Лащинскій. Обозный Полковый Прилуцкій Яковъ Огроновичъ. Судія Полковый абшитованный Иванъ Романовичъ. Подсудокъ Земскій Повѣту Прилуцкого Василь Огроновичъ. Судія Гродскій Иванъ Александровичъ. Полковый Асаулъ Никифоръ Бѣлецкій Носенко. Писарь Земскій повѣту Прилуцкого Семенъ Каневскій. Полковый Асаулъ Яковъ Кисель. Полковый Хоружій Федоръ Марковскій. Полковый Хоружій Никита Умѣнъ. Сотникъ Сребранскій Іосифъ Масло. Сотникъ Варвинскій Иванъ Тарновскій. Сотникъ Варвинскій Іосифъ Жила. Сотникъ Монастырискій Петръ Романовичъ. Сотникъ Красноколядинскій Иванъ Мѣницкій. Сотникъ Жоравскій Петръ Тарновскій.

Войсковые Товарищи:

Василь Шнурчевскій. Яковъ Трифоновскій. Иванъ Мазаракій Степанъ Прокоповичъ. Александръ Стороженко. Фаддѣй Троцина. Григорій Стороженко. Антонъ Юскевичъ. Никита Шлякъ. Михайло Рожовскій. Шляхтичъ, абшитованный придворный пѣвчій Тимофей Троцкій. Повѣту Прилуцкого коморникъ Иванъ Кисель.

Возные:

Повѣтовый Прилуцкій Иванъ Гуленко. Повѣтовый Иваницкій Василь Радишевичъ. Сребринскій Петро Харченко. Прилуцкій Григорій Кисель. Гродскій Яковъ Джевага. Гродскій Андрей Федоровскій. Гродскій Степанъ Самарскій. Иваницкій Михайло Плакса. Корибутовскій Антонъ Федоровичъ. Красноколядинскій Григорій Зубъ. Подкоморскій Прилуцкій Касенковъ.

Войсковые Канцеляристы:

Матвѣй Севастьяновичъ. Евфимъ Маценко. Романъ Соколовскій. Иванъ Трифоновскій.

Значковые Товарищи:

Козьма Салогубъ, Андрей Куриленко, Григорій Подовскій, Максимъ Салогубъ, Михайло Марковичъ, Романъ Бѣлецкій, Михайло Грудницкій, Василь Федоренко, Иванъ Бѣлецкій, Федоръ Григорьевъ, Иванъ Троцкій, Осипъ и Андрей Кондратенки, Корнѣй Коніовскій, Семенъ Британовскій, Корнѣй Шуенко, Михайло Соломаха, Корнѣй Соломаха, Во мѣсто Николая Соломахи, Степана Салогуба, Власа Войтенка, Гаврила Яковлева, Саввы Голѣвца, Василія Тимошевского, Якова Поломы, Семена и Остапа Бутенковъ, Кирила Нечая, Леонтія Калембета, Кондрата Коваля, Павла Голенковскаго, Павла Запары, Ивана Донця, Захарія Тарасенка, неграмотныхъ, по ихъ прошенію, и за себе Антонъ Соломаха руку приложилъ.

Атаманъ Городовый Прилуцкій Тимофей Стаховскій. Асаулъ Полковой Прилуцкой Артилеріи Иванъ Пархомовъ.

Сотенная Старшина:

Атаманъ Краснаколядинскій Григорій Бѣлецкій. Атаманъ обштитованный Сребранскій Трофимъ Данчичъ. Атаманъ Сребранскій Трофимъ Масло. Писарь Сотенный Иваницкій Федоръ Ярмаковъ.

Асаулы:

Краснаколядинскій Иванъ Бѣлецкій. Корибутовскій Григорій Федоренко. Кондратъ Чеснокъ. Хоружій Корыбутовскій Дмытро Бобровскій. Хоружій Сотенный Иваницкій Федоръ Василіевъ. Гродского Прилуцкого Суда Писарь Степанъ Карпычъ. Старшый Полковый Прилуцкій Канцеляристъ Петро Пятигорскій. Полковый Канцеляристъ Степанъ Дубскій.

Прошеніе прилуцкаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая!

Всемилостивѣйшій Вашего Императорскаго Величества Высочайше именный указъ чрезъ изданный печатный манифестъ, найторжественнѣйше во всѣхъ главнѣйшія подъ солнцемъ Вашего Императорскаго Величества Всероссійской Имперіи предѣлахъ обнародован-

ный, о сочиненіи проэкта нового уложенія; о выборѣ и присылкѣ въ первопрестольный Вашего Императорскаго Величества городъ Москву отъ каждаго мѣста Депутатовъ съ наставленіями и полномочіями въ прозьбахъ о нуждахъ и недостаткахъ каждаго званія вѣрноподданныхъ и о протчемъ, какъ въ томъ манифестѣ съ приложеніями обрядовъ изображено,— и мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, Малороссійского Прилуцкаго полку шляхетство, рабски и всеблаговоѣйнѣше слышать удостоились.

Отъ великаго свѣта Вашего Императорскаго Величества свѣтлѣе солнечнаго сіянія произшедшая столь безпикраднаго, столь неслыханнаго Высокомонаршаго милосердія и щедротъ заря какъ только, при самомъ прочтеніи высокоупо"янутого манифеста, коснулась сердецъ насъ вѣрноподданныхъ Вашего Императорскаго Величества рабовъ, такъ въ тоежъ самое мгновеніе всякъ чинъ и возрастъ, въ несказанное обрадованіе найчувствительнѣйшимъ образомъ пришедъ, съ восхищеніемъ духа удивились, какое Высочайшее найполезнѣйшее предпріятіе, какой при ономъ несравненный трудъ, какое найблагоутробнѣйшое попеченіе и высокоматернее снисхожденіе, даже до того, что отъ всякаго вѣрнаго своего раба нужды и недостатки чрезъ всеподданнѣйшіе Депутатовъ доклады видѣть и слышать всемилостивѣйше дозволили. А все сіе на порфироносные Вашего Императорскаго Величества высокомонаршіи рамена, со упованіемъ на единооблегчающее бремена Помазаниковъ своихъ во управленіи государственномъ Всевышняго пособствованіе воспріять соизволили.

Припадая предъ Всеавгустѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества престоломъ, какъ предъ священнымъ олтаремъ, разженные любовью благоговѣніемъ и повиновеніемъ, рабскіе сердца наша жремъ въ жертву всеподданнѣйшаго благодаренія нашего за толь неисповѣдимое Вашего Императорскаго Величества къ своимъ рабамъ благопризрѣніе.

Высочайшіе Вашего Императорскаго Величества добродѣтели, которые самая десница Вышняго во всегосвященнѣйшеи Вашего Императорскаго Величества персонѣ насадила и укоренила, и которые непре-

станное имѣютъ упражненіе о благосостояніи любезнаго отечества, да не истяжутъ отъ насъ равнаго благодаренія: ибо величество оныхъ превосходитъ силы наши; а о равномъ воздаяніи горящее усердіе наше изъ сердечныя глубины ко Всевышнему, поколь жизни нашей, всякъ чинъ и возрастъ просить не престанетъ.

Промыслъ всесильнаго Господа, ублагословивый Всероссійскую Имперію врученіемъ Вашему Императорскому Величеству скипетра оныя, и очевидно преумудряя Вашего Императорскаго Величества къ достиженію всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя уже день отъ дня на лучшую степень благополучій возводятъ сію великую державу, да поспѣшитъ Вашему Императорскому Величеству и въ совершеніи сего предпріятаго высокаго дѣла, да сохранитъ Вашего Императорскаго Величества дражайшое здравіе подъ кровомъ крылъ своихъ до самаго позднѣйшаго вѣка и укрѣпитъ оные къ понесенію любимыхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ трудовъ на пользу отечества; славу и великолѣпіе Всероссійскяго Вашего Императорскаго Величества престола да протекутъ отъ конца до конца вселенныя; высочайшіе-же Вашего Императорскаго Величества добродѣтели родъ и родъ да восхвалятъ и повѣдятъ сыновомъ своимъ во вѣки.

Повинуясь рабски Вашего Императорскаго Величества Высочайшему повелѣнію, выбрали мы отъ здѣшняго Прилуцкаго полку шляхетства депутата, генеральнаго Асаула Ивана Михайлова сына Скоропадскаго, и давъ ему надлежащее по образцу полномочіе препоручили какъ сіе наше всеподданнѣйшее челобитье, такъ и усмотрѣнныхъ нами нуждахъ и недостаткахъ нашихъ наказъ въ извѣреніе къ представленію всего того Вашего Императорскаго Величества въ первопрестольномъ городѣ Москвѣ въ правительствующемъ Сенатѣ.

Д еаемъ Вашего Императорскаго Величества найраболѣпнѣйшимъ образомъ просить, дабы какъ оный нашъ Депутатъ, Генеральный Асаулъ Скоропадскій, Всемилостивѣйше допущенъ былъ гдѣ надлежитъ къ выслушанію нашихъ всеподданнѣйшихъ прошеній такъ и всѣ мы, вѣрнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы

не отторгнуты были отъ Высочайшей Вашего Императорскаго Величества Высокомонаршей милости Всемилоетивѣйшимъ подтвержденіемъ къ содержанію насъ при всѣхъ тѣхъ вольностяхъ, правамъ и обыкновеніямъ, изъ которыми народъ Малороссійскій изъ Гетманомъ своимъ Богданомъ Хмѣльницкимъ высокославной Россійской Имперіи всещастливѣйше присоединенъ, а который потомъ Высочайшими Вашего Императорскаго Величества предками, Всероссійскими Монархами, а на послѣдокъ и въ Бозѣ почивающею безсмертныя славы Великою Государинею Императрицею Елисаветъ Петровною, Самодержицею Всероссійскою всемилостивѣйше подтверждены. Всѣ же наши рабскіе прозьбы привергаемъ Вашего Императорскаго Величества на единое монаршое благоразсмотрѣніе и соизволеніе, вѣдая совершенно, что Великаго Императорскаго Величества премудрыя предусмотрѣнія и попеченія на одномъ томъ основаны, чтобъ вѣрныи Вашего Императорскаго Величества подданные время отъ времени въ вящое благополучіе процвѣтали, и изъ того Ваше Императорское Величество, яко мати о чадѣхъ, при благословеніи Всевышняго веселится соизволили.

Заключаемъ сіе наше рабское челобитье воспоминовеніемъ того нашего клятвеннаго предъ Богомъ Вашему Императорскому Величеству учиненного обѣщанія, что въ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніяхъ за дражайшее Вашего Императорскаго Величества здравіе въ рабской нашей службѣ ни жизни ниже самыя послѣднѣйшія крове капли щадить не имѣемъ.

Вашего Императорскаго Всепресвѣтлѣишаго Величества всенижайшіе и всеподданнѣйшіе рабы:

Предводитель Шляхетства, Подсудокъ Земскій повѣту Иваницкого Петръ Максимовичъ, Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ, Бунчуковый товаришъ Петръ Горленко, Судія Земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко, Судья Земскій повѣту Иваницкого Федоръ Свѣрскій, Бунчуковый Товаришъ Захарій Раковичъ, Бунчуковый Товаришъ Андрей Мазаракій, Бунчуковый Товаришъ Лаврентій Раковичъ, Бунчуковый Товаришъ Петръ Лащинскій, Обозный Полковый Прилуцкій Яковъ Огроновичъ. Судія Полковый

абшитованный Иванъ Романовичъ, Подсудокъ Земскій повѣту Прилуцкого Василь Огроновичъ, Судья Гродскій Иванъ Александровичъ, Полковый Асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко, Писарь Земскій повѣту Прилуцкого Семенъ Каневскій, Полковый Асаулъ Яковъ Кисель, Полковый Хоружій Федоръ Марковскій, Полковый Хоружій Никита Умѣнъ, Сотникъ Сребранскій Іосифъ Масло, Сотникъ Варвинскій Иванъ Тарновскій, Сотникъ Варвинскій Іосифъ Жила, Сотникъ Монастырискій Петръ Романовичъ, Сотникъ Красноколядинскій Иванъ Миницкій, Сотникъ Журавскій Петръ Тарновскій.

Войсковые Товарищи: Василь Шнурченскій, Иванъ Мазараки, Александръ Стороженко, Фадей Троцина, Никита Шлякъ, Яковъ Трифоновскій, Степанъ Прокоповичъ, Григорій Стороженко, Антонъ Юскевичъ, Михайло Рожновскій, Шляхтичъ абшитованный придворный пѣвчій Тимофей Троцкій, Повѣту Прилуцкого Коморникъ Иванъ Кисель.

Возные: Повѣтовый Прилуцкій Иванъ Гуленковъ, Повѣтовый Иваницкій Василь Радишевичъ, Сребранскій Петро Харченко, Прилуцкій Григорій Кисель, Яковъ Джевала, Возный Гродскій, Андрей Федоровскій, Гродскій Стефанъ Самарскій, Иваницкій Михаило Плакса, Коребутовскій Антонъ Федоровичъ, Красноколядинскій Григорій Зубъ, Подкоморскій Прилуцкій Никита Касенковъ.

Войсковые Канцеляристы: Матѣй Севастьяновичъ, Романъ Соколовскій, Ефимъ Мащенко, Иванъ Трифоновскій.

Значковые Товарищи: Козьма Салогубъ, Максимъ Салогубъ, Романъ Бѣлецкій, Михайло Груднѣцкій, Корнѣй Коніовскій, Иванъ Троцкій, Семенъ Британовскій, Михаило Соломаха, Андрей Куриленко, Михайло Маркевичъ, Иванъ Бѣлецкій, Василь Федоренко, Федоръ Григорьевъ, Осипъ и Андрей Кондратенки, Корнѣй Шуенко, Корнѣй Соломаха.

Вмѣсто Николая Соломахи, Стефана Салогуба, Власа Войтенка, Гаврила Яковлева, Савы Голѣвця, Василя Тимошевскаго, Якова Поломы, Семена и Остапа Бутенковъ, Кирила Нечая, Павла

Запары, Ивана Донця, Захарія Тарасенко, неграмотныхъ, по ихъ прошенію и за себе Антонъ Соломаха руку приложилъ.

Атаманъ Городовый Прилуцкій Тимофей Стаховскій, Асаулъ Полковый Прилуцкой Артилеріи Иванъ Пархомовъ.

Сотенные Старшины: Атаманы: Григорій Бѣлецкій, Трофимъ Масло, абшитованный Сребранскій Трофимъ Данчичъ, Писаръ Федоръ Ярмаковъ, Асаулы: Иванъ Бѣлецкій, Григорій Федоренко, Кондратъ Часнокъ, Гродского Прилуцкого Суда Писаръ Степанъ Карпичь, Старшій Полковый Канцеляристъ Петро Пятигорскій.

Хоружіе: Иваницкій Федоръ Василіевъ, Корибутовскій Дмитро Бобровскій, Полковый Прилуцкій Канцеляристъ Степанъ Дубскій.

IV.

1767.

Наказъ переяславскаго шляхетства.

Наказъ выбранному по силѣ Ея Императорскаго Величества манифеста, декабря 14 дня 1766 году состоявшаго, полку Переясловского отъ всего шляхетства, имѣющаго въ томъ полку вотчины и помѣстья, Депутату въ Коммиссію къ сочиненію проэкта новаго уложенія Господину Полковнику Второго Компанейского полку Захарію Забѣлѣ.

Приступая со всеподданнѣйшимъ нашимъ послушаніемъ ко исполненію Высочаишаго отъ Ея Императерскаго Величества, Всемилостивѣйшей Государыни нашей, повелѣнія, избрали мы по общему согласію. Васъ Депутатомъ ко проэкту нового уложенія, имѣя несумнѣнную надежду, что вы, какъ усердный сынъ отечества, потщитесь съ найвящшою ревностію употребить трудъ свой во всемъ томъ, что къ лучшей пользѣ и благоденствію нашему служить можетъ, и каковы нужды и отягощенія по общему нашему разсужденію нами дознаны, объ оныхъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества матернего благоутробія дозволенію къ поднесенію подъ

Высочайшее разсмотрѣніе, изъясняя по нижеслѣдующему, полагаемся на васъ, съ тѣмъ, что бы по всему тому въ достиженію высокоматерняго Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія и опредѣленія учинитесь ревностнымъ попечителемъ и ходатаемъ; для чего и всеподданнѣйшее наше прошеніе къ поднесенію Ея Императорскому Величеству, нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, и присемъ всемъ поручаемъ.

1.

Когда Малая Россія съ подъ области Польской благо присоединилась къ Россійской Имперіи, въ тѣ поры Высочайшими Императорскими грамотами и статьями, съ Гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ поставленными, на вѣчные времена утверждено: чтобъ права и вольности Малороссійскіе при насъ пребили безъ всякого нарушенія, и то самое подтверждено после того всѣхъ святоуспшей памяти славныхъ Россійскихъ Монарховъ высочайшими грамотами, а именно въ N... И нынѣ Ея Императорское Величество Богомъ помазанная Императрица наша, всемилостивѣйшая Государыня въ 763 году и послѣ, при учрежденіи Коллегіи Малороссійской въ 765 году, утвердить собственноручнымъ подписаніемъ Всемилостивѣйше изволила, чтобъ суда и расправы Молороссійскіе отправляемы были на точномъ основаніи правъ Малороссійскихъ. То просить и нынѣ Высочайшаго на тѣжъ наши права и вольности шляхетскіе, при нынѣшнемъ сочиненіи проэкта новаго уложенія, матернего призрѣнія. Но что касается до несходства и недостатковъ по первому и и второму раздѣламъ, въ книгѣ Статутѣ состоящихъ, какъ то: въ первомъ касаючогося до Высочайшей Импер. персоны, такъ и во второмъ въ недостаточномъ мѣроположеніи о службѣ нашей, которая потомужъ не имѣемъ хорошого и примѣрного нынѣшному просвѣщенному шляхетству учрежденія: то сіе, равно же и все то, что Ея Величество Высочайше изобрѣтетъ въ правахъ нашихъ за неприличное и неполезное намъ предковъ ко исправленію, на Высочайшую волю Ея Императорскаго Величества, нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, съ тою несумнѣнною надеждою, какою увѣрены

мы чрезъ публикованной манифестъ, что Ея Величества матерное есть намѣреніе возвесть насъ на такую степень щастія, въ которой бы мы Высочайшую Ея Императорскаго Величества матернюю милость вящше почувствовать могли.

2.

Малороссійское шляхетство по причинѣ неимѣнія Разрядовъ, за упущеніемъ того отъ властителей здѣшнихъ, состоитъ въ предѣлахъ своего шляхетства, не имѣя твердаго мѣроположенія, отчего вѣрность и заслуги знатные военные, кровію и другими ревностными трудами покоренные, лишаются своего степени въ чести и славѣ, почему уже здѣшнее шляхетство возъимѣло причину быть подвергаемымъ немалою частію въ явное пренебреженіе. То по сему ко укрѣпленію шляхетской чести на ея пристойномъ степени и во отвращеніе сумнительствъ вредительныхъ, каковымъ до сего подвергаемо было, а особливо, чтобъ соединены быть могли съ Россійскимъ дворянствомъ, яко равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ, то всеподданнѣйше просить Ея Императорское Величество, нашу Всемилостивѣйшую Государыню, чтобъ всѣхъ тѣхъ, кои сами или предки ихъ, равно же и изъ иностранныхъ земель вышедшіе и помѣстившіесь здѣсь, въ чинахъ военныхъ и статскихъ Малороссійскихъ вѣрно предкамъ Ея Императорскаго Величества служили и нынѣ Ея Императорскому Величеству служатъ, написано было въ списокъ шляхетской, пріемля въ сообщество съ Россійскимъ Дворянствомъ и оставляя намъ навѣки тѣ всѣ отмѣнные вольности и выгоды, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ предки наши а мы ненарушно пользовалися и пользуемся, включивъ оные и въ новосочиняемыхъ законахъ въ приличномъ мѣстѣ для вѣчного храненія; ко утвержденію между нами съ Россійскимъ Дворянствомъ совершенного единодушія и дружбы, постановленобъ намъ въ честяхъ и преимуществахъ равенство и вольность въ куплѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, такожъ въ выходѣ въ иностранные земли для службы, наукъ и життя тамо, въ принятіи и оставленіи военной и статской службы

и во всѣхъ тѣхъ преимуществахъ и выгодахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство пользуется.

3.

Права и вольности Малороссійскіе, какъ о томъ и въ правѣ Малороссійскомъ книгѣ Статутъ, раздѣлѣ третомъ артикулѣ 2-мъ и на другихъ того раздѣла мѣстахъ напечатано, заключаютъ въ своей силѣ: утверждая каждому шляхтичу въ вѣчное и потомственное наслѣдное владѣніе, а такіе угодія, какъ-то: дикіе степи распаханные и зъ давнихъ лѣтъ засыпанные плотины, населенные на ихъ слободы и хуторы зъ сѣнокосомъ для содержанія скота, которые по давнимъ займамъ, дачамъ гетманскимъ и отъ другихъ правительствъ и по предкахъ ихъ достались имъ во владѣніе спокойное, слѣдовательно какъ прежде сего, такъ и въ недавнихъ уже годахъ, любезнѣйшая тетка Ея Императорскаго Величества, свято усопшой памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская, утверждая таковы владѣнія за крѣпкіе и праведные, указать соизволила выдать изъ Сената многимъ шляхетству Малороссійскому Высочайшіе грамоты, кои и даны къ вѣчному и спокойному тѣми угодіями владѣнію. И съ такихъ добръ каждый пользующійся отправляетъ воинскую и штатскую службу вѣрно и усердно, неполучая никакого жалованья; и сія служба, какъ въ старые года, такъ и въ бывшую Турецкую войну, принята была со удовольствомъ отъ Ея Императорскаго Величества свято усопшой памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, какъ явствуетъ съ именныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, состоявшихся въ 1739 и 1740-мъ годахъ. То Ея Императорское Величество просить всенижайшей, чтобъ таковые, какъ вышезначитъ, владѣнія (яко оные до сего подвергаемы были разнымъ насильнымъ отборамъ, такъ въ описи въ вѣдомство казенное, яко и въ другіе сильные руки подъ разными протекстами) отнынѣ къ вѣчному и на потомные времена содержаніи укрѣплены быил во своей силѣ безъ изъятія, исключая партикулярные претензіи, каковы имѣютъ принять свое рѣшеніе безъ всякого препятствія по законамъ.

4.

Ничто въ жизни для честного шляхетства не можетъ быть столь полезно, а для интересовъ государственныхъ потребно, какъ знаніе наукъ, составляющое въ человѣкѣ цѣлость его собственного благоденствія и пользы Государственной. Сему основанію послѣдуя, Малороссійское шляхетство отдаютъ своихъ дѣтей въ разные отдаленные науки, какъ то въ университетъ Московскій, у Санктпетербургъ, а другіе посылаютъ въ чужіе далекіе государства, и достигая наукъ, минаются по своимъ недостаткамъ чрезъ великіе убытки имущества и приходятъ къ бѣдности. Мы съ многихъ опытовъ несумнѣнно надѣемся, что сія наша ревность къ наукамъ отвѣчаетъ во угодность Высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ и любви къ совершенству разума. На сію степень о возведеніи вѣрноподданныхъ своихъ Ея Императорское Величество, яко премудрая матерь, имѣя неусыпное попеченіе, Всемилостивѣйше соизволила въ разныхъ мѣстахъ своего государства завесть училища и учредить университеты на коштѣ государственномъ для пользы юношества въ просвѣщеніи ихъ разума и достиженія разныхъ наукъ; а Малая Россія сего счастія въ полученіи еще не имѣетъ. Того для всеподданнѣйшаго просить: да благоволитъ Ея Императорское Величество по примѣру другихъ мѣстъ, въ коихъ учреждены университеты, пожаловать насъ Высочайшею милостію въ учрежденіи въ Малой Россіи на коштѣ казенномъ изъ Малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ университета въ городѣ Переясловлѣ, яко сей городъ не послѣдній между Малороссійскими первѣйшими городами, въ которыхъ и отдѣльное состояло Россійское княженіе и совершилось въ немъ первопачальное Гетмана Богдана Хмельницкого съ Малою Россіею подданство подъ самодержавіе Россійское, которое тогда и посвящено первѣйшою присягою на вѣрность Всероссійскимъ Монархамъ въ семъ же городѣ Переясловлѣ,—или въ томъ мѣстѣ, гдѣ заблагоусмотрѣно будетъ шефомъ нашимъ, Его Сіятельствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ. Сіе Высочайше благопризрѣніе имѣетъ служить къ безсмертной славѣ и всеподданнѣйшей

благодарности нашей и потомствъ нашихъ Ея Императорскому Величеству, отечествужъ Россійскому къ приращенію истинной пользы и чести. Не меньше того полезно быть имѣтъ здѣшнему шляхетству, ежели Ея Императорское Величество соблаговолитъ учредить въ Малой Россіи корпусъ Шляхетскій, особо и домъ воспитательный для благородныхъ дѣвицъ на коштѣ вышеписанномъ казенномъ, въ чемъ полагаемся на прежнее благоутробіе Ея Императорскаго Величества.

5.

Обыватели полку здѣшнего и подданные шляхетскіе, по именному Ея Императорскаго Величества святоусопшей памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, въ 734 году состоявшомусь указу, производили провіантъ и фуражъ на консистентовъ въ натурѣ по расположеніямъ Полковой Канцеляріи на каждого по пропорціи его имущества. А нынѣ отъ Коллегіи Малороссійской, въ разсужденіи облегченія и увольненія отъ дальнихъ повозокъ фуража обывателей, обложены рублевымъ окладомъ и взымается отъ каждой избы безъ разбору съ бѣдныхъ и имущественнѣйшихъ, съ подсусѣдковъ и наемныхъ людей, не исключая и тѣхъ, кои сойшли въ безъизвѣстные мѣста, почему выходитъ платить и больше рубля остальнымъ. И тако сія подать состоитъ съ крайнимъ отягощеніемъ здѣшнимъ обывателямъ, которые противу нѣкоторыхъ полковъ здѣшнихъ сравнится въ имуществѣ вовся не могутъ, потому что здѣшній полкъ имѣетъ свое поселеніе по большей части на такихъ земляхъ, которые суть высокіе твердѣйшіе другихъ, и орутся плугомъ сопряженнымъ въ восьми воловъ, и такъ на одинъ плугъ собирается хозяевъ по четыре и по шести, а иногда и по осьми, а въ другихъ полкахъ исключая тотъ только хозяинъ плуга,—что по тамошнему нарѣчію называется сохою—не имѣетъ, у кого нѣтъ лошади, что весьма и сыскаться рѣдко можетъ, и такъ тамошній каждый хозяинъ въ своемъ хлѣбопашествѣ имѣетъ тотъ самый успѣхъ, что здѣсь восемъ человѣкъ, сопрягаясь на одинъ плугъ каждый по волу да ониже имѣютъ и другіе продукты. По-

чему самая справедливость доказуетъ, сколь весьма много несравняется здѣшнее хлѣбопашество противъ тамошняго, и здѣшніе обыватели суть весьма бѣдные предъ тамошними; скотъ хотя плодится, но часто отъемлется бываемымъ въ краткихъ временахъ надежемъ: хлѣбъ, когда родится, идетъ весьма дешевою въ продажѣ цѣною, и такъ что хозяинъ, продавши весь сколько принишетъ въ годъ, неможетъ себе съ своею семьею пріодѣть, ибо здѣсь портовъ никакихъ нѣтъ, и далекость мѣстъ неподаетъ способу къ повозкѣ оного въ тѣ мѣста, гдѣ превосходною цѣною продается; словомъ сказать крайняя состоитъ нужда и трудность въ пріобрѣтеніи денегъ. Того для всеподданнѣйше просить Ея Императорское Величество, что тотъ рублевой окладъ, на здѣшнихъ обывателяхъ состоящій; Всемилостивѣйше повелѣно было убавить въ такую пропорцію, какъ о томъ Высочайшими предками Ея Императорскаго Величества установлено подать консинстенскую, а особливо изъ того окладу исключить, какъ и прежде было, тѣхъ людей, кои суть наемные; и неимѣя у себе никакого хлѣбопашества и промыслу, живутъ въ хатахъ владѣльческихъ на собственномъ владѣльческомъ пропитаніи и одѣяніи, ибо имъ того окладу заплатить вовсе несъчего.

6.

Свято-славныя памяти Государыня Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская, имѣя къ здѣшнему народу матернее благопризрѣніе, въ пресѣченіе приключаемыхъ отъ регулярныхъ войскъ обидъ и разореній Всемилостивѣйше соизволила учредить въ Глуховѣ Военную Коммиссію, опредѣля въ оную равное число какъ Великороссійскимъ такъ Малороссійскихъ персонъ съ такою властію, чтобъ на кого послѣдуютъ въ обидахъ жалобы, то бы всѣхъ оныхъ, гдѣ бы они въ командахъ не были, присылаемо было въ тотъ судъ, гдѣ поступать велѣно, наблюдать строгость правосудія, по законамъ безъ всякаго лицепріятія. Почему Малороссійскіе обыватели избавлены были отъ приключенія имъ несносныхъ обидъ и разореній. Но послѣ того, какъ не стало той Коммиссіи, то тѣ обиды паки умножатся начались, и многіе не только обыватели, но и стар-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ **Кіевской Старинѣ** печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по **исторіи Южной** Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи Южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.